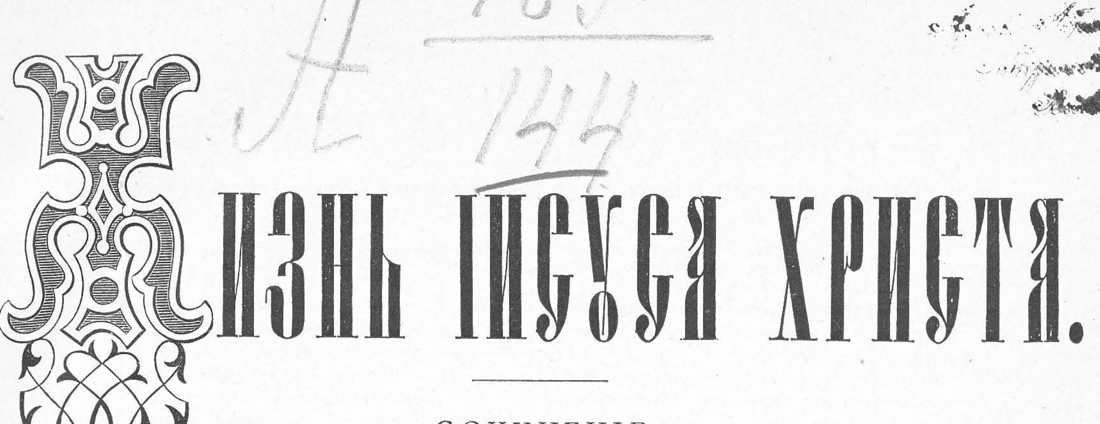
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ И. Л. ТУЗОВА.

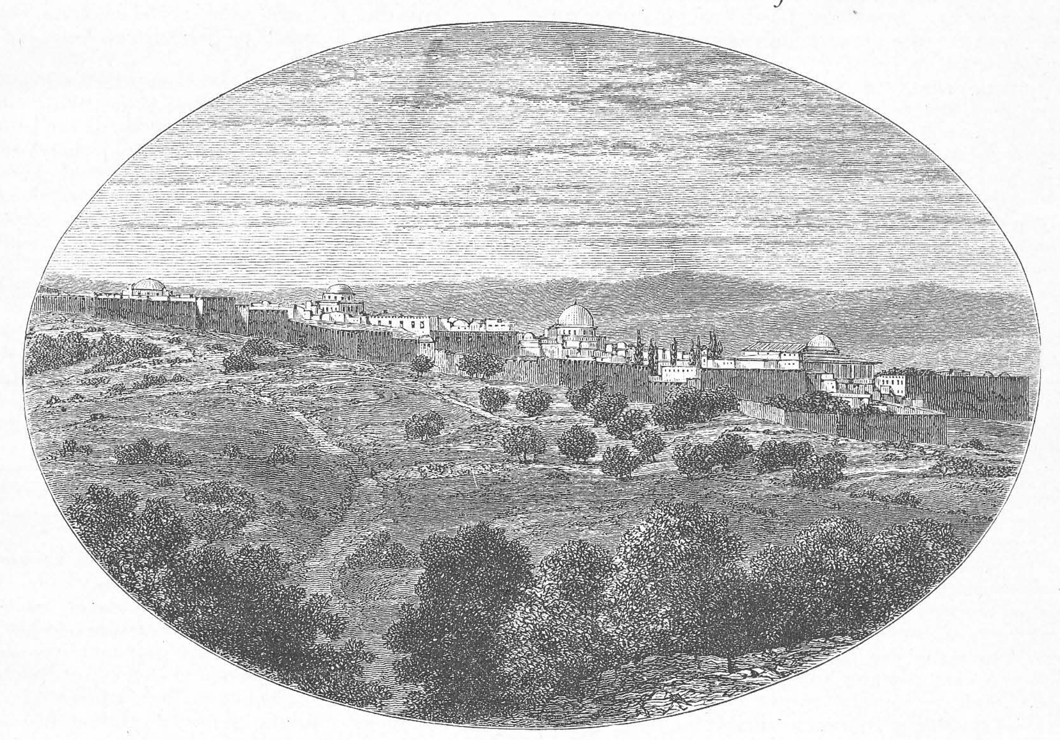


Жизнь Iисуса Христа.

СОЧИНЕНIЕ

Ф. В. ФАРРАРА,

Manet immota fides.



НОВЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ 30-ГО АНГЛIЙСКАГО ИЗДАНIЯ.

А. П. ЛОПУХИНА.

ПЯТОЕ ИЗДАНIЕ (ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ 2-Е).

СЪ ПРИЛОЖЕНIЕМЪ КАРТЫ Палестины И БОЛѢЕ 300 ПОЛИТИПАЖЕЙ.

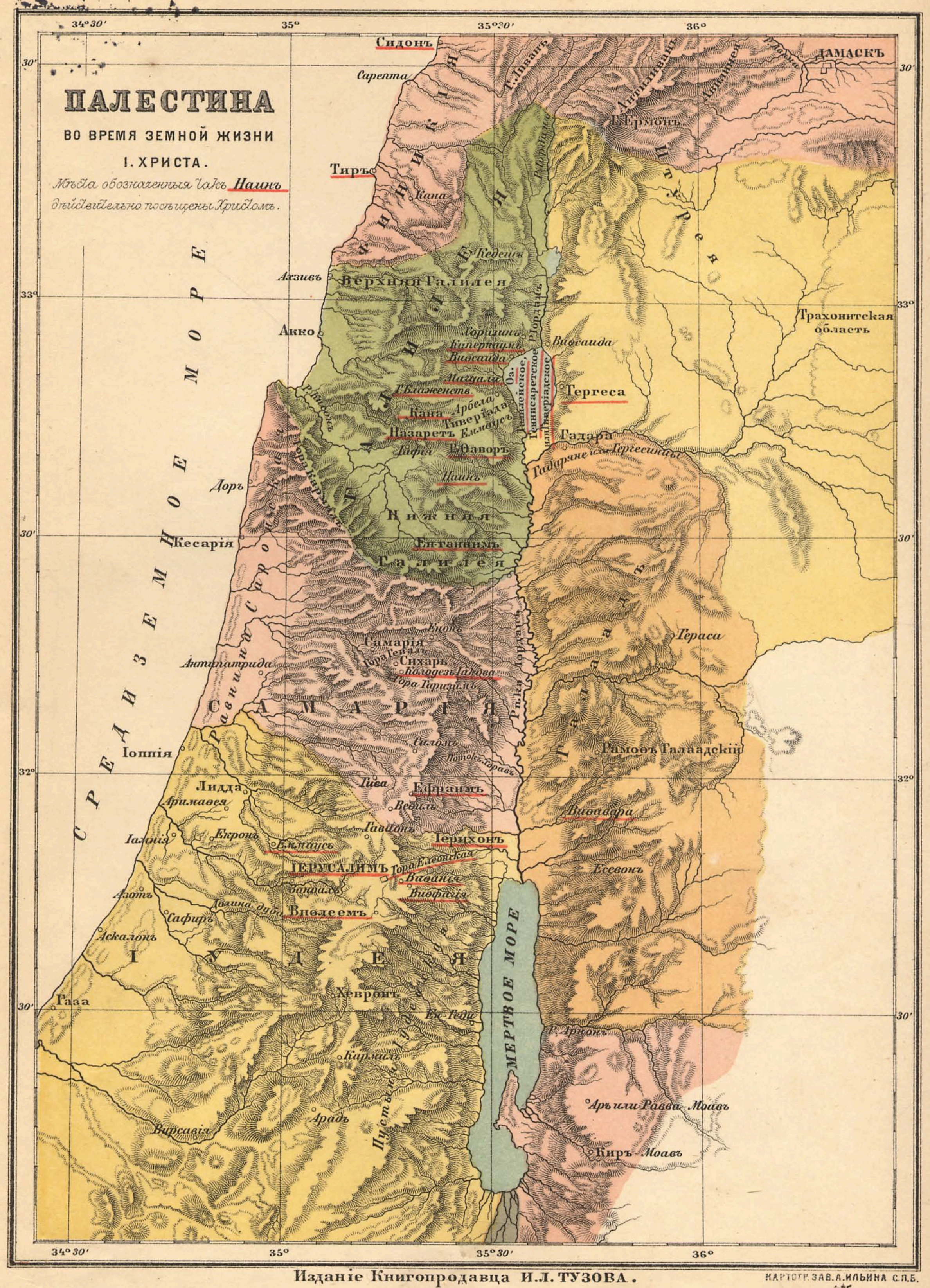
ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНIЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Л. ТУЗОВА.

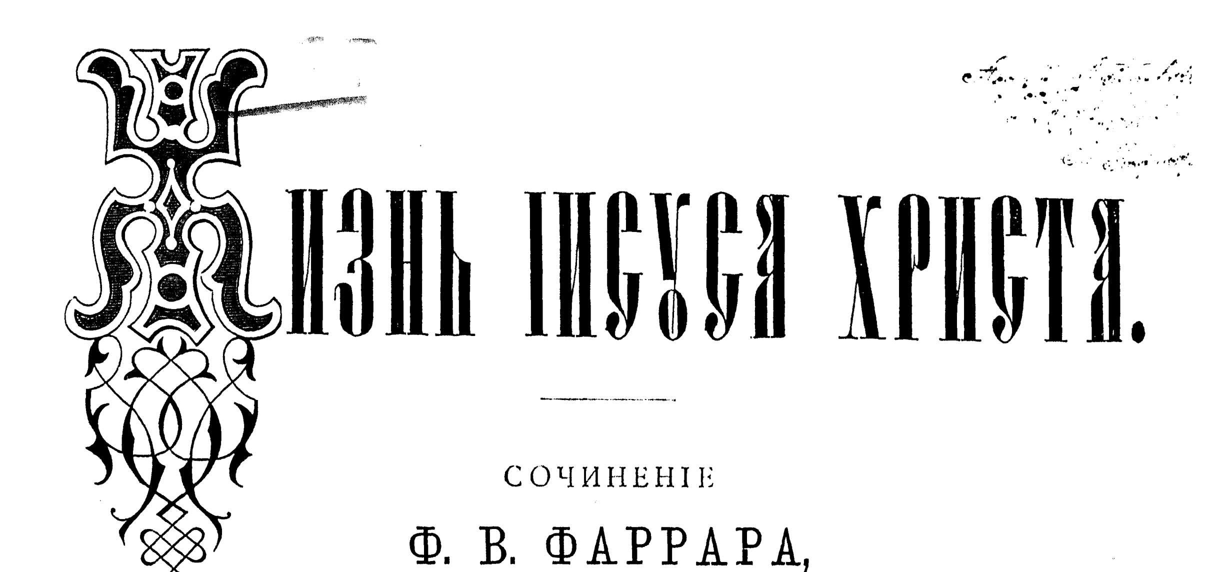
1890.



Изданіе Книгопродавца И. Л. ТУЗОВА.
КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

ЖИЗНЬ

ГОСПОДА НАШЕГО IИСУСА ХРИСТА.



ЖИЗНЬ ИИСУСА ХРИСТА.

СОЧИНЕНІЕ

Ф. В. ФАРРАРА,

ДОКТОРА БОГОСЛОВІЯ, ЧЛЕНА КОРОЛЕВСКАГО ОБЩЕСТВА, БЫВШАГО ЧЛЕНА КОЛЛЕГИИ СВ. ТРОИЦЫ ВЪ КЕМБРИДЖѢ, АРХИДІАКОНА И КАНОНИКА ВЕСТМИНСТЕРСКАГО И ОРДИНАРНАГО КАПЕЛЛАНА КОРОЛЕВЫ АНГЛІЙСКОЙ.

НОВЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ 30-ГО АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ

А. П. ЛОПУХИНА.

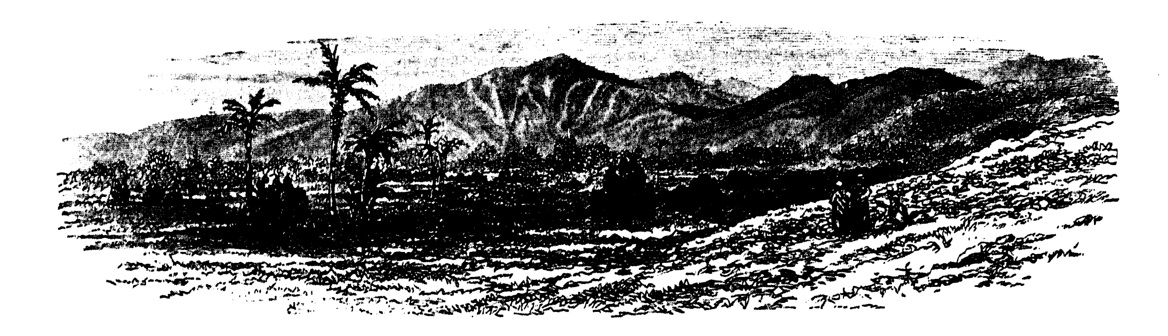
ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ (ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ 2-Е).

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ ПАЛЕСТИНЫ И БОЛѢЕ 300 ПОЛИТИПАЖЕЙ.

Manet immota fides.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ I.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Л. ТУЗОВА.
1890.

1718

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, сентября 5 дня 1889 года.

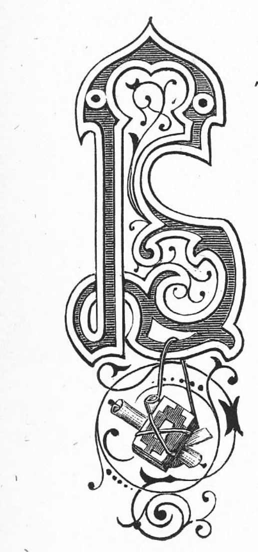
Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

1718

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ НОВОМУ (ВТОРОМУ) ИЛЛЮСТРИРОВАННОМУ ИЗДАНІЮ.

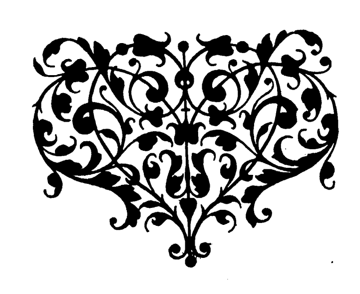
ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ изданіи знаменитый трудъ Ф. В. Фаррара впервые является у насъ въ томъ роскошномъ видѣ, въ какомъ онъ уже давно находится въ обращеніи какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ. Его увлекательныя страницы снабжены множествомъ великолѣпныхъ иллюстрацій, которыя еще живѣе и нагляднѣе рисуютъ для читателя какъ тѣ мѣстности и картины природы, среди которыхъ жилъ, училъ, пострадалъ, умеръ и воскресъ Спаситель человѣчества, такъ и археологическіе памятники, сохранившіеся до насъ отъ древняго міра. Гравюры, представляющія собою снимки съ древнихъ изображеній, монетъ и другихъ предметовъ, снабжены особыми объясненіями. Снимки мѣстностей Палестины сдѣланы спеціально командированнымъ для этой цѣли фотографомъ-художникомъ. Русское изданіе въ точности воспроизводитъ иллюстрированное изданіе англійскаго подлинника — не только по рисункамъ, но и по формату, бумагѣ и даже переплету, стампъ для котораго нарочно заказанъ былъ въ Лейпцигѣ. Однимъ словомъ, издатель принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать настоящее изданіе роскошнымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Оно нисколько не уступаетъ англійскому и, по своему внѣшнему изяществу, не имѣетъ еще ничего подобнаго въ нашей духовной



литературѣ. Текстъ вновь тщательно пересмотрѣнъ, исправленъ *) и снабженъ картой Палестины. Въ такомъ же видѣ впервые является русскій переводъ втораго сочиненія Фаррара: «Жизнь и труды св. ап. Павла», а за нимъ имѣетъ послѣдовать и третій трудъ автора: «Первые дни Христіанства», которыми и исчерпывается историко-экзегетическое изложеніе св. книгъ Новаго Завѣта.

А. Л.

С.-Петербургъ.
1 окт. 1886 г.



*) При исправленіи текста переводчикъ имѣлъ удовольствіе воспользоваться весьма цѣнными указаніями заслуж. профессора СПБ. духовной академіи А. И. Предтеченскаго, которому онъ выражаетъ здѣсь свою искреннѣйшую признательность.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ НОВАГО ПЕРЕВОДА.

ЕСТЬ книги, которыя говорятъ сами за себя несравненно больше, чѣмъ сколько можетъ сказать о нихъ самый благорасположенный критикъ. Такихъ книгъ не много, но тѣмъ онѣ цѣннѣе. Къ такимъ книгамъ безспорно принадлежатъ сочиненія англійскаго богослова-экзегета, архидіакона Ф. В. Фаррара. Лишь только появилось въ свѣтѣ его первое крупное сочиненіе «Жизнь І. Христа», какъ оно успѣло уже облетѣть весь христіанскій міръ и заговорило на многихъ европейскихъ языкахъ. Теперь со времени появленія его въ свѣтъ прошло десять лѣтъ, и этотъ десятилѣтній періодъ ознаменовался выходомъ его *тридцатаго* изданія, явившагося въ концѣ прошлаго года. Но и эта, сама по себѣ весьма внушительная цифра не опредѣляетъ еще всего успѣха книги. Счетъ ведется только такъ называемымъ «библіотечнымъ» изданіямъ, которыя при своей дороговизнѣ предназначаются главнымъ образомъ для библіотекъ; а кромѣ того безъ счета дѣлаются народныя дешевыя изданія, а также изящно миніатюрныя и иллюстрированныя, которыя, помимо библіотекъ, расходятся въ огромномъ количествѣ среди читающей публики всѣхъ классовъ и состояній. Затѣмъ сюда не входятъ еще тѣ изданія, которыя самостоятельно дѣлаются въ Америкѣ и Австраліи среди говорящихъ по англійски народовъ,

пользующихся плодами англійской литературы. Общую цифру распространенности этой книги въ настоящее время можно опредѣлять не менѣе какъ полумилліономъ экземпляровъ. Можно смѣло сказать, что въ настоящее время это самая распространенная учено-богословская книга въ мірѣ, и въ виду ея глубоко-христіанскаго характера — въ соотвѣтствующей степени можно опредѣлять и ея плодотворность для христіанскаго сознанія и жизни. Успѣхъ перваго сочиненія Фаррара ободрилъ автора и на дальнѣйшіе труды въ этомъ же направленіи. Лѣтъ пять тому назадъ вышло въ свѣтъ его сочиненіе: «Жизнь и труды ап. Павла», а въ послѣднее время еще новое сочиненіе, уже изъ области исторіи христіанской церкви, именно «Первые дни Христіанства». Оба эти сочиненія пользуются одинаковымъ успѣхомъ въ читающей публикѣ, и за короткое время распространились уже въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ въ Англіи и другихъ странахъ Европы, въ Америкѣ и Австраліи, повсюду разнося христіанское благовѣстіе въ его новой научно-художественной обработкѣ.

Въ чемъ тайна такого несравненнаго успѣха этихъ сочиненій?

Тайна эта глубока и въ то же время ясна какъ день. Она заключается въ реакціи вѣчно-живаго христіанскаго духа противъ мертвящихъ оковъ, которыми усиливался задавить его раціонализмъ. Когда глашатаи критическаго раціонализма впервые выступили съ своимъ обновленнымъ язычествомъ, то утомленный прозою жизни западно-европейскій христіанскій міръ почуялъ въ раціонализмѣ какбы новое, живое вѣяніе и съ лихорадочною жаждою ринулся къ новому источнику. Спросъ оказался большимъ; ему соотвѣтствовало и предложеніе. Западная литература наводнилась «критическими» трудами. Но область критицизма оказалась не безпредѣльною, и скоро критика сказала свое послѣднее слово въ трудахъ Штрауса и Ренана. Это были верховные и послѣдніе пророки критическаго раціонализма. Отъ нихъ начинается поворотъ. Высшей степени напряженія раціонализмъ достигъ собственно въ Штраусѣ, когда онъ всю евангельскую исторію объявилъ чистымъ миѳомъ. Далѣе уже некуда было идти. Ренанъ поворотилъ уже назадъ и сталъ признавать за евангельской исторіей реальность, только подкрашенную миѳомъ. Это была уже прямая измѣна чистому раціонализму. Это было началомъ реакціи. И реакція навѣрно заявила бы себя быстрѣе и сильнѣе, еслибы раціонализмъ не нашелъ для себя опоры въ ренановскомъ компромиссѣ съ христіанствомъ и особенно въ блестящемъ романтическомъ стилѣ французскаго писателя.

Христіанско-богословская литература, между тѣмъ, бездѣйствовала. Она какбы врасплохъ захвачена была наводненіемъ критицизма. Мало-по-малу она однако же оправилась и начала противодѣйствовать раціонализму. Но это противодѣйствіе было отрывочнымъ и частнымъ, направлялось только противъ отдѣльныхъ частныхъ пунктовъ критики. Преимущество въ начавшейся борьбѣ можно сказать было на сторонѣ раціонализма, который имѣлъ въ свою пользу обаяніе новизны и представилъ цѣльные крупные труды. Для противовѣса имъ также нужны были цѣльные и крупные труды. Потребность въ нихъ стала все болѣе и болѣе ощущаться, и они явились, когда время для нихъ вполнѣ созрѣло. Честь поставки такихъ трудовъ принадлежитъ англійской богословской литературѣ. Она стала поставлять ихъ одинъ за другимъ, и перлами между ними являются сочиненія Фаррара. За превосходное достоинство этихъ трудовъ ручалась уже народность, произведшая ихъ автора. Между тѣмъ какъ въ главномъ сочиненіи Штрауса было слишкомъ много нѣмецкой туманности и тяжеловѣсности, и въ главномъ произведеніи Ренана слишкомъ много французскаго легкомыслія, въ англійскихъ трудахъ не было такихъ крайностей и они отличались своимъ яснымъ, здоровымъ смысломъ. И вотъ, когда это здравомысліе совпало въ Фаррарѣ съ сильнымъ литературнымъ талантомъ, то и явилось сочиненіе, которое своей здравой критикой затмило туманно-критическое твореніе Штрауса, а превосходнымъ стилемъ и великолѣпнымъ историческимъ анализомъ и обрисовкой историческихъ условій и обстоятельствъ оставило позади себя даже французскаго автора пресловутой «Жизни Іисуса», вылощенный стиль которой развѣ уступаетъ только блеску его безконечнаго легкомыслія. Отъ трудовъ Фаррара новою жизнью повѣяло для христіанскаго духа, и онъ съ отрадой остановился на нихъ, вырвавшись изъ холодныхъ и удушающихъ оковъ критическаго раціонализма, который къ тому же годъ отъ года все болѣе и замѣтнѣе мельчаетъ. Собственнымъ отрицаніемъ подкопавъ подъ собою почву, раціонализмъ теперь уже ищетъ сомнительной опоры то въ грубомъ матеріализмѣ, то въ обновленной нирванѣ, т.-е. въ философіи безсознательнаго. Реакція побораетъ его, и въ этомъ заключается тайна успѣха сочиненій Фаррара, а ближайшая причина конечно въ превосходныхъ достоинствахъ ихъ.

Означенныя сочиненія Фаррара составляютъ цѣльную серію, обнимающую собою всю область историческаго происхожденія и первоначальнаго развитія христіанства. Въ нихъ авторъ задался цѣлью вопло-

тить въ повѣствовательной формѣ высшее слово богословско-научнаго знанія въ этой области, прилагая его прежде всего къ личности Христа, затѣмъ къ величайшему изъ апостоловъ и наконецъ къ цѣлому сонму апостоловъ и христіанской церкви. Исполненіе задачи одинаково хорошо во всѣхъ этихъ трудахъ. Богатство научнаго знанія, мастерство въ обрисовкѣ историческихъ условій и обстоятельствъ, свѣжесть красокъ и художество въ живописи—ихъ отличительныя качества. Въ этомъ отношеніи труды Фаррара блистательно завершаютъ цѣлое научное движеніе въ области библейско-историческаго знанія, которымъ особенно ознаменовалось наше время. Новѣйшія изслѣдованія и открытія въ области археологіи дали такую массу свѣжаго библейско-историческаго знанія, что сама библейско-историческая наука должна была заново преобразиться, и въ настоящее время кругозоръ ея настолько раздвинулся, что она не можетъ удовлетворяться тѣми данными, которыя только и считались относящимися къ ней прежде. Открытія и изслѣдованія въ Палестинѣ, Египтѣ, Ассиріи и другихъ странахъ, бывшихъ мѣстомъ совершенія библейско-историческихъ фактовъ и событій, внесли въ эту науку новый свѣтъ и новыя задачи, которыя предстоятъ теперь всякому изслѣдователю въ ней. Задачи эти состоятъ въ томъ, чтобы извѣстныя библейско-историческія событія освѣтить при помощи того вновь добытаго научнаго матеріала, который такъ или иначе имѣетъ пояснительное значеніе по отношенію къ этимъ событіямъ. Въ западно-европейской литературѣ въ этомъ отношеніи давно уже идетъ дружная работа и тамъ можно указать цѣлый рядъ произведеній, которыя представляютъ собою осуществленіе этихъ новыхъ задачъ библейско-исторической науки, и въ нихъ не только обстоятельно разрабатываются археологія и географія, какъ внѣшнія условія библейскихъ событій, но и дѣлается живое примѣненіе добытыхъ ими данныхъ къ библейскимъ событіямъ или научно-художественное воспроизведеніе библейско-историческихъ образовъ. Такая научно-художественная обработка библейскихъ событій чрезвычайно важна въ смыслѣ сильнѣйшаго напечатлѣнія ихъ и связанныхъ съ ними нравственныхъ уроковъ въ душѣ читателя. Одно впечатлѣніе мы выносимъ изъ чтенія отрывочной и краткой лѣтописи, и совсѣмъ другое изъ художественной обработки лѣтописнаго сюжета въ талантливомъ историческомъ произведеніи. Тамъ мы имѣемъ сухой мертвый фактъ, изолированный отъ почвы; здѣсь мы видимъ всѣ условія, произведшія этотъ фактъ. То же самое примѣнимо и къ библейскимъ фактамъ. Благодаря обычной краткости, библейскіе факты

часто представляются несвязанными и трудно согласимыми, и это единственно оттого, что всѣ второстепенныя условія и обстоятельства опущены. Эту пустоту и должна наполнить наука въ связи съ художествомъ. Это прежде всего относится къ внѣшнимъ фактамъ. Тутъ пособіемъ могутъ служить данныя археологіи, географіи, этнографіи и т. п. внѣшнихъ наукъ. Но то же самое относится и къ внутреннимъ фактамъ; и здѣсь уже пособіемъ можетъ служить психологія. Это будетъ высшимъ библейско-историческимъ знаніемъ, и сочиненіе, въ которомъ осуществлена эта задача, несомнѣнно получаетъ новый и глубочайшій интересъ, хотя бы предметомъ его были общеизвѣстные факты. Такимъ методомъ именно написаны сочиненія Фаррара, и въ этомъ несомнѣнно заключается ихъ глубочайшій интересъ. Каждый библейско-историческій фактъ у него освѣщается массою соприкосновенныхъ данныхъ, и вслѣдствіе этого онъ получаетъ новую свѣжесть и жизненность. И это не только въ отношеніи внѣшнихъ фактовъ, но и тончайшихъ движеній душевной жизни, которая анализируется съ замѣчательнымъ мастерствомъ и художественностью. Это особенно нужно сказать тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ такими фактами, которые составляютъ чудо въ духовной жизни, какимъ напр. является извѣстный библейскій фактъ — мгновенное превращеніе ап. Павла изъ свирѣпаго гонителя христіанства въ неутомимаго и ревностнаго его проповѣдника. Какъ такой сильный характеръ мгновенно сломился и отъ одной крайности перешелъ такъ сказать въ другую — для объясненія этого мы имѣемъ только чудо. Но вѣдь чудо никогда не бываетъ противоестественнымъ. Оно только сверхъестественно и всегда совершается не безъ участія естественныхъ готовыхъ силъ. Гдѣ же эти силы въ данномъ фактѣ? Онѣ намъ не даны въ разсказѣ о немъ, кромѣ нѣкоторыхъ случайныхъ штриховъ. А между тѣмъ онѣ должны были существовать. Отыскать эти силы, указать и опредѣлить то или другое ихъ сочетаніе, ту или другую работу ихъ, указать причину, вызвавшую это сочетаніе и эту работу—это составляетъ задачу библейской психологіи. Фаррарь часто исполняетъ эту задачу съ неподражаемымъ мастерствомъ. Во взятомъ нами примѣрѣ онъ слѣдитъ за всѣми возможными движеніями души Савла, его вопросами и сомнѣніями—до самаго чуда. Его психологическій анализъ подводитъ васъ къ самому чуду, и вы боитесь даже, чтобы онъ не разложилъ самое чудо на естественные психологическіе элементы, и однако же чудо остается во всей своей таинственной недоступности и реальности. Естественное и сверхъестественное здѣсь

сходятся такъ близко, что будто теряется грань между ними, и однако же эта грань остается непроходимой бездной. Законы психической жизни здѣсь сохраняютъ свою полную самобытность, но и чудо сохраняетъ свой таинственный характеръ. Психологическій анализъ открываетъ только законъ взаимодѣйствія между двумя элементами.

Что касается собственно «Жизни І. Христа», то она, какъ первый трудъ автора, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ достоинства этого метода. Вся жизнь Спасителя на землѣ до самыхъ ея мельчайшихъ подробностей тщательно обработана при помощи всего необъятнаго научнаго матеріала, какой только возможно было добыть при теперешнемъ состояніи науки, и вслѣдствіе этого она получаетъ характеръ полной законченности и обстоятельности. Послѣдовательные фазисы ея развертываются предъ нами подобно ряду высокохудожественныхъ картинъ, которыя въ нашемъ сознаніи сливаются въ одно художественное цѣлое, въ одну величавую картину божественной жизни, вслѣдствіе чего она получаетъ для насъ еще болѣе нравственной назидательности въ смыслѣ высочайшаго, но реально осязательнаго для насъ образца. Такъ какъ многія событія описываются авторомъ подъ живымъ нагляднымъ впечатлѣніемъ тѣхъ мѣстностей и картинъ природы, гдѣ они совершились, то самое описаніе ихъ часто дышетъ тою сердечною непосредственностью, которая съ такою неотразимою силою дѣйствуетъ на душу читателя. Если къ этому прибавить вообще глубокую задушевность и искренность, которыми запечатлѣна каждая страница книги, и ту любовь, которою согрѣта каждая строка ея, то эти качества составятъ дополнительное объясненіе того, почему эта книга, явившаяся въ періодъ господства холоднаго скептицизма, которымъ страдаетъ нашъ вѣкъ, имѣла такой необычайный, почти безпримѣрный въ лѣтописяхъ богословской науки успѣхъ.

Предлагаемый теперь новый переводъ этой книги сдѣланъ съ послѣдняго 30-го англійскаго изданія. Сочиненіе это уже знакомо русской читающей публикѣ въ переводѣ Ѳ. Матвѣева, появившемся вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія подлинника, именно въ 1876 г., и давно уже вышедшемъ изъ продажи. Теперь несомнѣнно чувствуется потребность въ новомъ изданіи его, тѣмъ болѣе, что первый переводъ, при всѣхъ его неоспоримыхъ достоинствахъ, не вездѣ точно воспроизводитъ подлинникъ и, лишенный всѣхъ ученыхъ приложеній и примѣчаній, не даетъ полнаго представленія о научномъ собственно богатствѣ книги. Поэтому, когда издатель этой книги обратился къ намъ съ просьбою принять на себя трудъ новаго полнаго перевода этого сочи-

ненія Фаррара, то, несмотря на всю трудность задачи, мы приняли ее на себя и поставили своею цѣлью насколько возможно точнѣе передать въ русскомъ переводѣ весь подлинный текстъ книги, со всѣми приложеніями и примѣчаніями, которыя сами по себѣ представляютъ глубокій интересъ по богатству заключающагося въ нихъ библейско-историческаго научнаго матеріала. Конечно, не намъ судить о томъ, насколько мы успѣли въ исполненіи этой задачи, и вообще о достоинствахъ предлагаемаго перевода; но не можемъ не заявить, что въ новомъ русскомъ изданіи знаменитое сочиненіе Фаррара является въ такой полнотѣ, какая только возможна въ русскомъ изданіи, и въ этомъ отношеніи оно вполнѣ можетъ замѣнить подлинникъ для тѣхъ, кому онъ не доступенъ.

Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что на этотъ переводъ мы получили письменное разрѣшеніе отъ самого автора, который выражаетъ полное удовольствіе, что его трудъ пользуется значительнымъ успѣхомъ и у насъ въ Россіи. Этотъ фактъ самъ по себѣ служитъ показателемъ той широты православнаго міросозерцанія, которою оно такъ выгодно отличается отъ узкой нетерпимости рим. католицизма, не допускающаго распространенія этой книги въ рим. католическихъ странахъ. Этимъ объясняется между прочимъ то явленіе, что она не переведена на французскій языкъ, такъ какъ рим. католицизмъ не терпитъ даже «Жизни І. Христа», когда въ нее не вплетены догматическія заблужденія этой системы, хотя бы они и не опровергались въ ней прямо. Между тѣмъ съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія сочиненіе Фаррара отличается такою объективностью, что только узкій духъ нетерпимости можетъ усматривать въ ней проблески мысли, отзывающіеся вѣроисповѣдной тенденціозностью. На самомъ дѣлѣ даже въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ казалось бы дѣйствительно есть поводъ къ вѣроисповѣдному разногласію, мысль автора всегда поднимается на такую высоту ученаго безпристрастія, на которой разногласія сливаются въ одинъ широкій обще-христіанскій взглядъ. Конечно, не нужно упускать изъ вида, что книга эта принадлежитъ англичанину и поэтому вся проникнута особымъ англійскимъ міросозерцаніемъ, пользуется англійскими образами слова и мысли, которыя не всегда находятъ себѣ соотвѣтствіе въ образахъ нашей рѣчи и нашей мысли,—но это уже неизбѣжное явленіе во всякой переводной книгѣ, и такая жизнь Христа, отъ которой бы вполнѣ вѣяло роднымъ духомъ, можетъ выдти только изъ-подъ пера отечественнаго автора. Пока же у насъ нѣтъ ея, сочиненіе Фаррара есть лучшая исторія жизни Христа среди иностранныхъ ея обработокъ и чтеніе ея способно до-

ставить всякому читателю не только глубокое назиданіе, но и высокое наслажденіе.

Цѣль и внутренній характеръ книги прекрасно выясняются въ предисловіи автора, которое вводитъ читателя въ самый планъ, начертанный имъ при исполненіи своего труда. Такъ какъ оно само по себѣ имѣетъ глубокій интересъ, то мы и предлагаемъ его здѣсь, въ надеждѣ, что оно еще ближе поставитъ читателя къ тому міросозерцанію, въ области котораго живетъ самъ авторъ этого блестящаго труда.

А. Лопухинъ.

С.-Петербургъ.
12 апрѣля 1885 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Исполняя столь трудную и важную задачу, какъ написаніе жизни І. Христа, я считаю своимъ долгомъ изложить причины, побудившія меня взяться за нее, а также и тѣ начала, которыми я руководился при ея исполненіи.

1) Издателямъ настоящаго труда *), которые всегда заботились о возможно болѣе широкомъ распространеніи благъ серьезнаго знанія, давно уже въ этихъ видахъ особенно хотѣлось предложить своимъ читателямъ такой очеркъ жизни І. Христа на землѣ, который далъ бы имъ возможность яснѣе представить себѣ эту жизнь, равно какъ глубже и полнѣе вникнуть въ подробности и послѣдовательность евангельскаго повѣствованія. Съ этою цѣлью они сначала обратились къ одному извѣстному богослову, который принялъ предложеніе, но возведеніе котораго въ епископство помѣшало ему выполнить этотъ трудъ.

При такихъ обстоятельствахъ издатели обратились ко мнѣ, и я не могъ сначала не устрашиться труда, для котораго, какъ мнѣ думалось, недостаточно будетъ досуга цѣлой жизни и требуются силы, далеко превосходящія мои собственныя. Но представленные мнѣ доводы нашли подкрѣпленіе въ томъ глубокомъ интересѣ, съ которымъ я сразу же взглянулъ на этотъ трудъ. Я согласился употребить свои усилія, зная, что я по крайней мѣрѣ могъ обѣщать сдѣлать все возможное для своихъ силъ, и руководясь убѣжденіемъ, что тотъ, кто дѣлаетъ все по мѣрѣ

---

*) Издательская фирма въ Лондонѣ Cassel and Company, Limited.

силъ и ищетъ для своихъ трудовъ благословенія свыше, не можетъ потерпѣть полной и окончательной неудачи.

И вотъ теперь я имѣю основаніе быть благодарнымъ, что взялся за этотъ трудъ и, несмотря на всѣ препятствія, не отсталъ отъ него. Если страницы этой книги хоть въ *какой-нибудь* степени осуществляютъ цѣль, съ которою должна быть писана такая жизнь, то онѣ должны наполнять душу читателей возвышенными и торжественными мыслями; онѣ должны «дневному свѣту прибавить солнца, и еще счастливѣе дѣлать счастливыхъ»; онѣ должны ободрить труженика; онѣ должны утѣшить печальнаго и слабому указать истинный источникъ нравственной силы. Но достигнетъ ли эта книга столь возвышенныхъ цѣлей, или будетъ принята съ грубой холодностью и пренебреженіемъ, — во всякомъ случаѣ ничто не можетъ лишить меня лично того глубокаго и неизсякаемаго счастья, которое самъ я испытывалъ почти въ теченіе всего времени, проведеннаго за нею. Хотя, благодаря моимъ серьезнымъ и всепоглощающимъ служебнымъ обязанностямъ, часто проходили цѣлые мѣсяцы, въ которые я не находилъ случая написать ни строки, но даже и среди непрестаннаго труда за другими дѣлами ничто не могло окончательно воспрепятствовать мнѣ часто обращаться мыслью къ занимавшему меня предмету, и я находилъ въ немъ постоянный источникъ мира и счастья, которыхъ никакіе другіе интересы не могли бы ни дать мнѣ, ни отнять у меня.

2) Сдѣлавъ нѣкоторыя приготовленія къ труду, я воспользовался въ 1870 году первою возможностью посѣтить Палестину и особенно тѣ части ея, которыя навсегда будутъ связаны съ дѣломъ Христа на землѣ. Среди картинъ природы и жизни, въ которыхъ обиталъ Онъ; среди

священныхъ полей,
По нивамъ которыхъ ходили тѣ ноги святыя,
Что тысячу восемьсотъ лѣтъ передъ тѣмъ
Къ ужасному древу насъ ради пригвождены были;

среди тѣхъ незапамятно-древнихъ обычаевъ, на каждомъ шагу напоминавшихъ ту жизнь, которою жилъ Онъ—въ Іерусалимѣ, на горѣ Елеонской, въ Виѳлеемѣ, у колодца Іакова, въ долинѣ Назарета, по берегамъ свѣтлаго озера Галилейскаго и у береговъ Тира и Сидона—многое въ первый разъ представилось мнѣ съ такою осязательностью и живостью, которыя неизвѣстны были прежде. Я возвратился, еще болѣе укрѣпившись въ желаніи разсказать полную евангельскую исторію такимъ обра-

зомъ и съ такими поясненіями, которыя бы, — при помощи всего, что̀ было доступно мнѣ изъ накоплявшагося вѣками знанія, — могли дать возможность даже простымъ и неученымъ людямъ ясно понять и живо представить себѣ ту человѣческую обстановку, въ которой прошла земная жизнь. Сына Божія.

3) Но высказывая это съ цѣлью предохранить свою книгу отъ сужденія съ ложной точки зрѣнія и въ отношеніи къ цѣлямъ, достиженіе которыхъ не имѣлось ею въ виду, я въ то же время не считаю себя въ правѣ отрицать и того, что надѣялся представить въ книгѣ много и такого, что̀ должно бы имѣть цѣну и для образованныхъ читателей. Хотя страницы настоящей книги не претендуютъ на полноту изслѣдованія и спеціальную ученость, но въ нихъ содержится много такого, что̀ было предметомъ размышленія и изысканія со стороны людей глубочайшей учености. Среди служившихъ мнѣ пособіемъ сочиненій были изслѣдованія ученыхъ богослововъ, которые имѣли возможность посвящать этому предмету, и часто даже какой-нибудь малой части его, лучшіе годы своей трудолюбивой и непрерываемой другими заботами жизни. При жатвѣ на такой нивѣ, какъ мнѣ думается, какъ бы ни былъ слабъ жнецъ, онъ по крайней мѣрѣ не можетъ не собрать кое-чего такого, что̀ можетъ имѣть цѣну не только для обыкновеннаго читателя, но и для богослова-спеціалиста. И такъ какъ я думалъ и серьезно надѣялся, что книга эта можетъ найти доступъ и къ моимъ собратьямъ по служенію, то въ примѣчаніяхъ допустилъ и такія цитаты и ссылки, которыя могутъ быть сравнительно излишни для обыкновеннаго читателя. Но имѣя въ виду эту двоякую цѣль, я старался избѣгнуть раздвоенности и никогда не терялъ изъ виду того, что главною цѣлью моего труда служитъ то, чтобы народнымъ массамъ, находящимся еще въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ я, дать возможность лучше читать ту книгу, на ряду съ которой даже лучшія и глубочайшія сочиненія кажутся бѣдными и слабыми отрывками несовершенныхъ толкованій.

4) Еще важнѣе быть можетъ заявить, что эта «Жизнь І. Христа» есть завѣдомо и безусловно трудъ вѣрующаго. Тѣ, кто ожидаютъ найти въ ней новыя теоріи касательно божественной личности Іисуса или блестящія комбинаціи миѳическаго тумана, пронизываемаго вечерней зарей воображенія гаснущей вѣры, — напрасно будутъ искать въ ней этого. Она написана безъ всякаго *прямаго* и *спеціальнаго* отношенія къ нападеніямъ скептическаго критицизма. Она даже лишь косвенно имѣетъ

дѣло съ серьезными сомнѣніями тѣхъ, кто почти противъ своей воли чувствуютъ себя вынужденными впадать въ состояніе честнаго безвѣрія. Правда, я осмѣливаюсь питать надежду, что такіе читатели, безъ всякой враждебной предубѣжденности, пройдя за мной по всей книгѣ, могутъ по мѣстамъ встрѣтиться съ дѣйствительно важными и вѣскими соображеніями, которыя разрѣшатъ воображаемыя трудности и дадутъ отвѣтъ на дѣйствительныя возраженія. Хотя эта книга и не апологетическая и даже, еслибы предназначалась быть вкладомъ въ апологетическую литературу, была бы написана совершенно иначе, я не думаю однако же, чтобы она оказалась совсѣмъ безполезной для честнаго скептика, который будетъ читать ее съ откровеннымъ и непренебрежительнымъ духомъ. Сотни критиковъ напр. отвергали подлинность и авторитетъ евангелій на основаніи нѣсколькихъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ противорѣчій, которыя можно найти въ нихъ. Я конечно вполнѣ знакомъ съ возраженіями, которыя можно найти во всякаго рода книгахъ — отъ «жизней Іисуса» Штрауса и Ренана до «Іисуса исторіи» Хэнсона и «Жизни Іисуса» Томаса Скотта. Но, никогда сознательно не уклоняясь отъ явнаго и сильнаго затрудненія, я постоянно старался показать просто самымъ ходомъ повѣствованія, что многія изъ этихъ возраженій никоимъ образомъ не непреоборимы и еще больше изъ нихъ недобросовѣстно придирчивы или даже совсѣмъ измышлены.

5) Я не входилъ въ прямое и полное изысканіе и въ отношеніи вопросовъ, которые шире и глубже, чѣмъ мелочныя тонкости критицизма; но это не потому, чтобы я пренебрегалъ случаемъ взвѣсить всю аргументацію относительно ихъ или не хотѣлъ изложить основанія, почему заодно съ тысячами способнѣйшихъ и мудрѣйшихъ меня людей я могу сказать касательно основной истины христіанской вѣры—manet immota fides. Всякій, кто пишетъ какъ вѣрующій для вѣрующихъ, какъ христіанинъ для христіанъ, по истеченіи почти девятнадцати столѣтій христіанства конечно въ правѣ обосновать фактъ жизни Іисуса на свидѣтельствѣ ев. Іоанна, не нуждаясь въ составленіи особой книги о подлинности четвертаго евангелія, въ правѣ разсказать какое-либо изъ евангелическихъ чудесъ, не считая необходимымъ отвѣчать на всѣ возраженія, выставляемыя противъ возможности сверхъестественнаго. Послѣ долгихъ трудовъ, сильной аргументаціи и совершенной исторической честности, съ которыми этотъ предметъ трактовался со стороны цѣлыхъ рядовъ апологетовъ, очевидно нѣтъ надобности, да и возможности вновь, при каждомъ возможномъ случаѣ, излагать самыя первыя осно-

ванія нашей вѣры. Что касается ев. Іоанна поэтому, то я ограничился самой простой и краткой сводкой тѣхъ данныхъ, которыхъ, мнѣ кажется, совершенно достаточно для доказательства того, что онъ авторъ извѣстнаго подъ его именемъ евангелія *), а болѣе частныя указанія, способствующія къ подтвержденію этого убѣжденія, разсѣяны по всей книгѣ. Правда, съ моей стороны было бы лицемѣріемъ сказать съ Эвальдомъ, что «всякій аргументъ — отовсюду, куда бы мы ни взглянули, всякій слѣдъ и историческое указаніе—всѣ вмѣстѣ дѣлаютъ серьезное сомнѣніе по этому вопросу невозможнымъ»; но я утверждаю, что послѣ безпристрастнаго и тщательнаго изслѣдованія, которому я подвергалъ обставленный затрудненіями вопросъ, данныя въ пользу авторства Іоанна кажутся мнѣ несравненно болѣе вѣскими и убѣдительными.

Не оставилъ я также вполнѣ нетронутымъ и вопроса о дѣйствительности чудесъ и общей достовѣрности евангельскаго повѣствованія, хотя подробно входить въ разсмотрѣніе этихъ предметовъ мнѣ было еще менѣе надобности, такъ какъ я по мѣрѣ своихъ силъ уже въ другомъ мѣстѣ изложилъ основанія моихъ убѣжденій въ этомъ отношеніи. То же замѣчаніе приложимо къ еще болѣе возвышенной истинѣ божественности І. Христа. Этотъ вопросъ — хотя конечно не въ области перетонченныхъ изысканій касательно περιχώρησις или communicatio idiomatum, ипостаснаго единства, отвлеченной непогрѣшительности и тому подобныхъ схоластическихъ формулъ, а въ его простой и согласной съ духомъ и смысломъ писанія широтѣ — былъ предметомъ моихъ лекцій въ Кембриджскомъ университетѣ въ 1870 году. Въ этихъ лекціяхъ я старался изложить то, что̀ всегда мнѣ казалось наиболѣе убѣдительнымъ внѣшнимъ доказательствомъ нашей вѣры, именно «свидѣтельство исторіи о Христѣ». Тѣ, кто отвергли вѣру церкви въ этомъ отношеніи, подходятъ къ этому предмету съ совершенно противоположной по отношенію къ намъ стороны. Читая первыя главы ев. Луки и Матѳея, они открыто удивляются, какъ иные вѣрятъ тому, что̀ имъ кажется очевидной миѳологіей; или слыша разсказъ объ одномъ изъ чудесъ Христа, напр. о хожденіи по озеру Галилейскому или обращеніи воды въ вино, они едва скрываютъ свое подозрѣніе касательно искренности тѣхъ, кто принимаютъ эти разсказы за истинные. Несомнѣнно, мы раздѣляли бы ихъ убѣжденія въ этомъ отношеніи, еслибы подходили къ предмету съ тѣмъ же настроеніемъ и тѣми же путями. Показать,

*) См. т. I, примѣч. 237.

что мы не такъ подходимъ къ нему,—есть, по крайней мѣрѣ косвенно, одна изъ цѣлей этой книги.

Скептикъ (и я позволю себѣ сразу же заявить, что надѣюсь не употребить ни единаго слова гнѣва или издѣвательства по отношенію къ скептицизму, который во многихъ случаяхъ, какъ мнѣ извѣстно, совершенно искренній и благородный до самоотверженія) подходитъ къ изслѣдованію вопроса совершенно съ иной точки зрѣнія, чѣмъ вѣрующій. Онъ смотритъ на величественный порядокъ и видимо ненарушимое однообразіе законовъ природы такъ, что вселенная становится для него лишь результатомъ, механически вытекающимъ изъ самобытныхъ и неотразимыхъ тенденцій. Для насъ такое понятіе совершенно немыслимо. Законъ въ нашемъ міровоззрѣніи необходимо вызываетъ мысль о Законодателѣ, и «природа», подъ которой мы разумѣемъ только ненаучный и воображаемый синонимъ для выраженія цѣлой суммы наблюдаемыхъ явленій, заключаетъ въ нашемъ умопредставленіи божественную силу, для которой она служитъ лишь видимымъ обнаруженіемъ. Мы вѣруемъ, что Богъ и Творецъ «природы» явилъ себя намъ, если и не посредствомъ первобытнаго вдохновенія, то во всякомъ случаѣ чрезъ непосредственное откровеніе нашему сердцу и совѣсти. Поэтому событія, на которыя я указалъ, представляются намъ не разрозненно и одиночно — во всей ихъ поразительной и ничѣмъ не подтверждаемой трудности. Для насъ они только случайныя черты въ вѣрѣ, которая лежитъ въ самой основѣ нашего бытія; они только отрывки того великаго цѣлаго, которое обнимаетъ собою все, что́ есть божественнаго, таинственнаго и сверхъестественнаго въ двухъ великихъ словахъ—христіанство и христіанскій міръ. Отсюда, хотя мы и не выставляемъ съ особенною настойчивостью чудесъ Христа въ доказательство нашей религіи, но съ другой стороны мы и не можемъ считать ихъ камнями преткновенія на пути исторической вѣры. Изучая священныя книги всѣхъ великихъ религій міра, мы видимъ то вліяніе, какое оказывается этими религіями на духъ ихъ приверженцевъ, и, несмотря на всѣ истины, которыя заключаются даже въ худшихъ изъ нихъ, мы видимъ полную ихъ неспособность произвесть тѣ неоцѣнимыя блага, которыми мы пользуемся съ самаго дѣтства, которыя мы цѣнимъ какъ свою жизнь, и которыя своимъ происхожденіемъ обязаны единственно распространенію и утвержденію содержимой нами религіи. Мы читаемъ системы и трактаты древней философіи, и, несмотря на всѣ великіе и возвышенные элементы, находящіеся въ нихъ, мы видимъ ихъ полную

неспособность утѣшить, поддержать, освободить или возродить міръ. Но вотъ мы видимъ, какъ свѣтъ христіанства, подобно тихой зарѣ, загорается среди всеобщей и невыносимой тьмы. Сначала эта новая религія дружитъ лишь съ тѣмъ, что есть самаго слабаго въ мірѣ, и сама раздѣляетъ эту слабость; и однако же безъ богатства, безъ учености, безъ генія, безъ оружія, безъ всего такого, что можетъ поражать и привлекать,—религія отверженцевъ и ссыльныхъ, бѣглыхъ и тюремниковъ, считающая среди своихъ первыхъ обращенцевъ не многихъ мудрыхъ, знатныхъ и сильныхъ, а такихъ членовъ, какъ висѣльникъ филиппскій и бѣглый рабъ колосскій, не имѣющая иного благословенія, кромѣ нисходящаго свыше, и не озаряемая никакимъ свѣтомъ, кромѣ сіяющаго съ неба — она обращаетъ въ бѣгство царей съ войсками; она вдыхаетъ новую жизнь, новую надежду и новую невѣдомую святость въ преступный растлѣнный міръ. Вотъ что мы видимъ, и видимъ также, какъ дѣло это растетъ и увеличивается, становится болѣе и болѣе неотразимымъ, и распространяется съ «величіемъ тихаго моря, что нѣжитъ заливаемый имъ берегъ». А видя это, мы припоминаемъ глубокое правило мудраго и великодушнаго раввина, выраженное болѣе 1800 лѣтъ тому назадъ: «Если это предпріятіе и это дѣло отъ человѣковъ, то оно разрушится; а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вамъ не оказаться и богопротивниками».

Когда же мы такимъ образомъ придемъ къ убѣжденію, что единственная религія въ мірѣ, установившая идеалъ совершенной святости и сдѣлавшая возможнымъ для всѣхъ достиженіе этого идеала, получила въ особенной мѣрѣ благословеніе Божіе, то будемъ изслѣдовать ея истины съ глубочайшимъ благоговѣніемъ. Изложеніе этихъ истинъ, изложеніе того ученія, которое сдѣлало ихъ извѣстными міру—мы находимъ въ евангельскомъ повѣствованіи. И это повѣствованіе открываетъ намъ еще болѣе того. Оно не только указываетъ намъ достаточныя причины для существованія и торжества содержимой нами вѣры, но и выясняетъ намъ истины, которыя вліяютъ на наше сердце и умъ не менѣе сильно, чѣмъ «звѣздное небо вверху и нравственный законъ внутри». Наученные смотрѣть на себя, какъ на чадъ Бога и братьевъ въ Его великой семьѣ человѣчества, мы находимъ въ евангеліяхъ откровеніе Бога въ Его Сынѣ, которое даетъ намъ возможность знать Его ближе, уповать на Него полнѣе и служить Ему преданнѣе, чѣмъ все, что мы можемъ найти во всѣхъ другихъ книгахъ Божіихъ — въ пи-

саніи ли, въ исторіи, въ опытѣ ли жизни, или тѣхъ невидимыхъ завѣтахъ, которые Богъ начерталъ на всякомъ человѣческомъ сердцѣ. А находя, что это откровеніе записано честными людьми въ повѣствованіяхъ, которыя при всей своей отрывочности видимо выдерживаютъ испытаніе исторіи и носятъ на себѣ печать прозрачной простоты и совершенной правдивости, будучи приготовлены къ принятію этого благовѣстія о любви Божіей въ искупленіи человѣка фактами міровой жизни совнѣ и опытами сердца внутри,—мы такимъ образомъ перестанемъ находить непреодолимое затрудненіе въ повѣствованіи, что Тотъ, котораго мы признаемъ Сыномъ Божіимъ,—Тотъ, который одинъ только показалъ на землѣ величайшее чудо безгрѣшной жизни, ходилъ по озеру Галилейскому или претворялъ воду въ вино.

Съ принятіемъ же истинности чудесъ они становятся для насъ нравственными уроками глубочайшей важности. При разсмотрѣніи чудесъ І. Христа мы стоимъ совершенно въ иномъ положеніи, чѣмъ Его первые ученики. Для нихъ очевидность чудесъ давала неотразимую силу ученію Спасителя; они были какбы печатью Бога на провозглашеніе новаго царства. Для насъ же, въ теченіе девятнадцати столѣтій бывшихъ чадами этого царства, въ такомъ доказательствѣ нѣтъ нужды. Для апостоловъ они были вѣрительнымъ свидѣтельствомъ миссіи Христа; для насъ они только новыя откровенія Его воли. Для насъ они скорѣе дѣла, чѣмъ знаменія, откровенія, чѣмъ предзнаменованія. Ихъ историческое значеніе заключается для насъ въ фактѣ, что безъ нихъ было бы невозможно объяснить происхожденіе и распространеніе христіанства. Мы обращаемся къ нимъ не за доказательствомъ истины христіанства, а за разъясненіемъ причины его распространенія. Но хотя христіанство для насъ покоится на основѣ божественнаго утвержденія, гораздо болѣе убѣдительнаго, чѣмъ обнаруженіе сверхъестественной силы; хотя для насъ провидѣніе, руководившее въ теченіе этихъ двухъ тысячелѣтій судьбами христіанскаго міра, есть гораздо болѣе поразительное по своей силѣ чудо, чѣмъ воскрешеніе мертваго или прозрѣніе слѣпаго,—однако же вѣра въ эти чудеса даетъ намъ возможность разрѣшать проблемы, которыя иначе были бы неразрѣшимы, а равно и принимать нравственныя понятія, которыя иначе не находили бы подтвержденія. Для того, кто отвергаетъ ихъ, кто думаетъ, что возвышеннѣйшая нравственность и святѣйшее благочестіе, какое когда-либо видѣло человѣчество, созданы религіей, основанной на лжи или заблужденіи,—исторія

міра, какъ мнѣ кажется, должна остаться неразрѣшимой загадкой или возмутительнымъ обманомъ *).

б) Обращаясь къ другой сторонѣ этого предмета, я долженъ сказать, что не считаю возможнымъ какое-либо окончательное соглашеніе евангелій между собою. Болѣе или менѣе сильное возраженіе можетъ быть выставлено противъ *всякаго* соглашенія. Въ этомъ отношеніи никогда въ точности не сходятся даже двое изслѣдователей между собой, и этого достаточно для доказательства того, что хронологическія указанія въ евангеліяхъ слишкомъ неполны, чтобы можно было достигнуть полной достовѣрности въ нихъ. Я конечно и прямо и косвенно касался этихъ вопросовъ по мѣрѣ изложенія событій жизни Христа, и когда повѣствованіе требуетъ яснаго и твердаго основанія для принятія одного взгляда предпочтительно предъ другимъ по какому-нибудь крайне спорному пункту (каковъ напр. праздникъ, упоминаемый въ Іоан. V, 1), я изслѣдую вопросъ съ такою полнотою, какая только совмѣстима съ краткостью, и старался представить читателю главные факты и доводы, на которыхъ основывается рѣшеніе. Но конечно было бы излишне и безполезно обременять страницы этой книги безконечной полемикой о спорныхъ пунктахъ, которые, помимо ихъ сухости и безплодности, въ то же время не допускаютъ окончательнаго рѣшенія. Рѣшая поэтому въ пользу извѣстнаго порядка въ послѣдовательности событій, мы можемъ сказать только, что такая послѣдовательность представляется намъ *вѣроятною*, но никоимъ образомъ мы не считаемъ ея вполнѣ *несомнѣнною*. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ я тщательно изслѣдовалъ данныя для себя, часто выражая въ немногихъ строкахъ

---

*) «Какая остроумная и глубокая философія въ этихъ предположеніяхъ!» — пишетъ Де-Ляменне своимъ саркастическимъ стилемъ. «Какъ наиболѣе изумительныя событія становятся совсѣмъ простыми, лишь только соблаговолятъ снизойти къ ихъ объясненію! Вы не понимаете, какъ христіанство могло распространиться естественнымъ путемъ: вамъ тотчасъ объяснятъ это. Апостолы сказали: «мы возвѣщаемъ вамъ евангеліе во имя Превѣчнаго, и вы должны вѣрить намъ, потому что мы одарены силой чудодѣйства. Мы возвращаемъ здоровье больнымъ, разслабленнымъ способность употребленія своихъ членовъ, зрѣніе слѣпымъ, слухъ глухимъ, жизнь мертвымъ». На эту проповѣдь со всѣхъ сторонъ сталъ стекаться народъ, чтобы быть свидѣтелемъ съ такою увѣренностью обѣщаемыхъ чудесъ. И вотъ— больные не были исцѣлены, разслабленные не ходили, слѣпые не прозрѣвали, глухіе не слышали, мертвые не воскресали. Тогда, въ восторгѣ благоговѣнія, народъ палъ къ ногамъ апостоловъ и кричалъ: «это поистинѣ посланники Бога, служители Его всемогущества!»—и тотчасъ же разбивая своихъ идоловъ, онъ оставилъ культъ удовольствій и принялъ культъ креста; онъ отказался отъ своихъ привычекъ, своихъ предразсудковъ, своихъ страстей; онъ преобразилъ свои нравы и отдался покаянію; богатые продавали свои сокровища, чтобы деньги раздавать нищимъ, и всѣ предпочитали ужаснѣйшія мученія и безславную смерть угрызеніямъ совѣсти за оставленіе религіи, которая была такъ основательно доказана имъ» (Ess. sur l'Indifférence, IV, 458).

или даже въ случайномъ намекѣ результаты долгаго изысканія. Въ порядкѣ событій я до нѣкоторой степени схожусь съ Штиромъ и Лянге, и въ этомъ отношеніи, равно какъ и въ первомъ проникновеніи въ характеръ различныхъ картинъ (указываемыхъ въ своемъ мѣстѣ) тщательному труду Лянге я быть можетъ обязанъ больше, чѣмъ всѣмъ другимъ изслѣдователямъ, писавшимъ о томъ же предметѣ. Когда авторъ пишетъ на основаніи результатовъ независимой мысли и цѣлой массы впечатлѣній, воспринятыхъ во время изученія предмета, то не всегда есть возможность опредѣлить, кому онъ особенно обязанъ; но при всей своей сознательной обязанности другимъ, я въ своей книгѣ особенно часто ссылаюсь на Эвальда, Неандера, Шенкеля, Штрауса, Газе, Сеппа, Штира, Эбрарда, Визелера, Гоффманна, Кейма, Каспари, Ульмана, Делича, Де-Прессансе, Валлона, Дюпанлу, Капечелятро, Элликота, Юнга, Андрюса, Вордсворта, Альфорда и многихъ другихъ, равно какъ на болѣе древнихъ писателей въ родѣ Бонавентуры и Іер. Тэйлора. Я долженъ также признать, что важное пособіе нашелъ для себя въ сочиненіяхъ декана Станлэя, канониковъ Ляйтфута и Весткотта, проф. Плюмптра, Гинсбурга, Грува и авторовъ статей въ энциклопедіяхъ Эрша и Грубе, Герцога, Целлера, Винера и Смита. Случайныя черты конечно взяты были изъ разныхъ археологическихъ трактатовъ, а также изъ трудовъ по географіи и путешествію—отъ древнихъ путеводителей и Реланда вплоть до Томсона съ его Land and Book и «Святой Земли» Диксона.

7) Нѣтъ надобности прибавлять, что эта книга почти цѣликомъ основывается на самостоятельномъ совмѣстномъ изученіи четырехъ евангелій. При ссылкахъ на нихъ я постоянно и намѣренно отступалъ отъ англійскаго перевода, такъ какъ главною цѣлью у меня было изложить и объяснить событія, какъ они описываются первоначальными свидѣтелями. Мельчайшія подробности этихъ событій, а поэтому и точность нашего воспроизведенія ихъ въ немалой степени зависятъ отъ опредѣленія истиннаго чтенія и тонкости наблюденія надъ истиннымъ употребленіемъ словъ, частицъ и глагольныхъ формъ. Не нужно думать, что я предлагаю свой переводъ, который нерѣдко составляетъ просто перифразъ, потому, что онъ предпочтительнѣе принятаго перевода, а только потому, что сообразно съ поставленною мною цѣлью я старался съ возможно большею точностью выразить силу и значеніе истиннаго текста греческаго подлинника. Изъ книги будетъ видно также, что я старался въ поясненіе собрать все, что есть цѣннаго или

правдиваго у І. Флавія, въ апокрифическихъ евангеліяхъ и сообщаемыхъ преданіемъ подробностяхъ, заимствуемыхъ изъ твореній отцовъ и учителей церкви.

8) Нѣкоторые читатели быть можетъ удивятся частымъ ссылкамъ на іудейскую литературу. Не пускаясь въ «море талмуда» (какъ называютъ его сами раввины), для чего потребовалась бы цѣлая жизнь, современный читатель найдетъ не только обширный матеріалъ, но вѣроятно и весь матеріалъ, какой только талмудъ можетъ представить въ поясненіе евангельской исторіи, въ сочиненіяхъ не только христіанскихъ ученыхъ, но также и ученыхъ и добросовѣстныхъ раввиновъ. Не только въ извѣстныхъ трактатахъ Ляйтфута, Шёттгена, Суренгузія, Вагенсейля, Буксторфа, Ото, Реланда, Будея, Гфрёрера, Герцфельда, Макколя, Этериджа, но также и въ сочиненіяхъ евреевъ по происхожденію или религіи, въ родѣ Гейгера, Іоста, Греца, Деренбурга, Мунка, Франкля, Дейча, Рафалля, Шваба, Когена — всякій можетъ найти массу выдержекъ изъ подлинныхъ талмуд. сочиненій, собранныхъ какъ противниками, такъ и преданными, съ любовью относящимися къ нимъ учеными изслѣдователями. Затѣмъ всякій можетъ читать всю мишну (если только у него хватитъ времени и терпѣнія на то) въ латинскомъ переводѣ Суренгузія, и касательно большинства важнѣйшихъ трактатовъ, даже гемары, можетъ составить теперь свое собственное мнѣніе на основаніи такихъ переводовъ ея, какъ французскій переводъ трактата Berachoth, сдѣланный М. Швабомъ. Я самъ обращался ко всѣмъ указаннымъ здѣсь авторамъ и извлекъ изъ нихъ много свѣденій, которыя кажутся мнѣ чрезвычайно полезными. Ихъ изысканія пролили много свѣта на нѣкоторыя части евангелій и привели меня къ нѣкоторымъ заключеніямъ, которыя, насколько мнѣ извѣстно, совершенно новы. Правда, во второмъ приложеніи къ книгѣ я показалъ, что у талмудистовъ нельзя узнать ничего даже хоть сколько-нибудь важнаго касательно самого Спасителя. Но дѣйствительное значеніе раввинскихъ сочиненій въ отношеніи поясненія евангелій косвенное, а не прямое, археологическое, а не апологетическое. Свѣтъ, проливаемый ими на правдивость евангелистовъ, тѣмъ болѣе цѣненъ, что исходитъ изъ источника столь неожиданнаго и враждебнаго *).

---

*) Пользуюсь случаемъ сказать, что читатель этой книги не найдетъ въ ней одной строгой или однообразной транскрипціи еврейскихъ словъ. Это зависитъ отъ того, что въ большинствѣ случаевъ мои ссылки на талмудъ берутся изъ многочисленныхъ источниковъ, упомянутыхъ выше, и ссылаясь въ такихъ мѣстахъ на автора, который отвѣтственъ за ихъ точность, я вообще принималъ его способъ

9) Если гдѣ-нибудь въ этой книгѣ я погрѣшилъ противъ божественнаго закона любви и снисходительности, считаю долгомъ здѣсь же просить прощенія. Но я могу по крайней мѣрѣ сказать, что если гдѣ и встрѣтится на моихъ страницахъ хоть слѣдъ суровости, она никогда не направляется противъ лицъ, а только противъ принциповъ, или только противъ тѣхъ лицъ и классовъ людей въ давнопрошедшія времена, которыхъ мы считаемъ представителями принциповъ. Возможно, что эта книга попадетъ въ руки и нѣкоторыхъ читателей изъ евреевъ, и къ нимъ-то особенно я желалъ бы обратиться съ этимъ замѣчаніемъ. Я имѣю основаніе думать, что іудейскій народъ давно уже научился съ любовью и почтеніемъ смотрѣть на Того, котораго отвергли отцы ихъ; мало того, многіе изъ нихъ, убѣжденные неотразимой логикой исторіи, открыто признали, что Онъ былъ истинно ихъ обѣтованный Мессія, хотя они и отвергаютъ вѣру въ Его божество. Въ сочиненіяхъ многихъ евреевъ я вижу явное убѣжденіе, что Іисусъ, къ которому они уже совсѣмъ перестали прилагать эпитеты ненависти, встрѣчаемые въ талмудѣ, былъ во всякомъ случаѣ величайшій религіозный учитель, высочайшій и благороднѣйшій пророкъ, какой только выходилъ изъ ихъ народа. Они поэтому менѣе всего стали бы защищать величайшее преступленіе въ исторіи—распятіе Сына Божія. И такъ какъ ни одинъ христіанинъ и не думаетъ о посѣщеніи ихъ ужасами за грѣхи предковъ, то и еврей не долженъ обвинять христіанъ настоящаго времени, будто они смотрятъ съ какимъ-либо другимъ чувствомъ, а не съ отвращеніемъ на тѣ продолжительныя, жестокія и позорныя преслѣдованія, которымъ невѣжество и жестокость прошлыхъ вѣковъ подвергали ихъ великій и славный народъ. Мы можемъ смиренно вѣровать, что быстро близится день, когда Тотъ, котораго распяли іудеи и божественныя откровенія котораго такъ часто и такъ постыдно опозоривались христіанами, разрушитъ средостѣніе между ними и оба племени сдѣлаетъ едиными въ

транскрипціи. Имена, встрѣчающіяся въ св. писаніи, я въ большинствѣ оставлялъ въ ихъ принятой формѣ, и многіе ходячіе термины, въ родѣ мишны, гемары, талмуда и пр., я оставлялъ въ той формѣ, въ которой они обыкновенно употребляются. Кромѣ этихъ недостатковъ могутъ быть конечно и другіе, «quos aut incuria fudit aut humana parum cavit natura». Касательно этихъ погрѣшностей, гдѣ только онѣ встрѣтятся, равно и всѣхъ другихъ я долженъ просить снисходительности безпристрастнаго читателя, который оцѣнитъ трудности работы, исполненной при далеко не благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Перев. Въ русскомъ переводѣ конечно вполнѣ сохраняется транскрипція подлинника, которая часто остается неприкосновенною и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ переводится на русскій алфавитъ. Что касается послѣдняго замѣчанія, то оно въ не меньшей степени приложимо и къ переводчику, которому, благодаря особымъ обстоятельствамъ, приходилось справляться съ неимовѣрными трудностями, стоявшими на пути къ успѣшному исполненію нелегкой задачи.

религіи, въ сердцѣ и жизни; семитъ и аріецъ, іудей и язычникъ — всѣ соединятся для того, чтобы нести благословеніе и благовѣстіе міру.

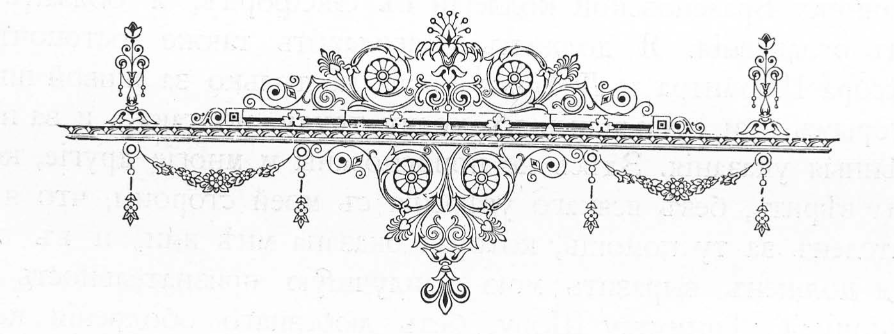
10) Остается еще одно дѣло, пріятнѣйшее дѣло — благодарить тѣхъ лицъ, живой помощи и сочувствію которыхъ я такъ много обязанъ и съ пріятными воспоминаніями объ обязательности которыхъ такъ тѣсно связано завершеніе моего труда. Прежде и больше всего я долженъ выразить искреннѣйшую благодарность моимъ друзьямъ К. І. Монро, бывшему члену коллегіи св. Троицы въ Кембриджѣ, и Р. Гарнетту, члену Британскаго музея. Они отдали мнѣ столько своего времени и вниманія, что я весьма много обязанъ ихъ самоотверженному великодушію, и пользовался ихъ снисходительностью въ большей степени, чѣмъ сколько могу отплатить имъ. Моему бывшему ученику, Г. І. Бойду, воспитаннику Бразеновской коллегіи въ Оксфордѣ, я обязанъ составленіемъ оглавленія. Я долженъ благодарить также достопочтеннаго профессора Плюмптра и Джоржа Грува не только за живой интересъ, съ которымъ они относились къ моему труду, но также и за нѣкоторыя цѣнныя указанія. Здѣсь не поименованы и многіе другіе, которые должны вѣрить, безъ всякаго увѣренія съ моей стороны, что я не непризнателенъ за ту помощь, которая оказана мнѣ ими, и въ особенности я долженъ выразить мою наилучшую признательность достопочтенному Т. Тинмутсу Шору, безъ любезнаго ободренія котораго не предпринятъ былъ бы самый трудъ этотъ, а также и всѣмъ тѣмъ, которые съ такимъ тщаніемъ и терпѣніемъ трудились надъ нимъ во время печатанія.

И вотъ я выпускаю мою книгу въ свѣтъ, не зная, что будетъ съ нею, но искренно молясь, да споспѣшествуетъ она дѣлу истины и праведности, и Тотъ, во имя котораго написана она, по великой Своей милости да —

«Проститъ меня, гдѣ въ истинѣ я погрѣшилъ,
И въ мудрости своей меня да умудритъ».

Ф. В. Фарраръ.

Молброская коллегія.
Великій Понедѣльникъ.
1874 г.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ I.

ГЛАВА I.

Рождество Христово.

ГЛАВА II.

Принесеніе въ храмъ.

ГЛАВА III.

Поклоненіе волхвовъ.

ГЛАВА IV.

Бѣгство въ Египетъ и избіеніе младенцевъ.

ГЛАВА XV.

Самарянка.

ГЛАВА XVI.

Отверженіе Христа назарянами.

ГЛАВА XVII.

Начало служенія въ Галилеѣ.

ГЛАВА XVIII.

Избраніе двѣнадцати апостоловъ и нагорная проповѣдь.

ГЛАВА XIX.

Дальнѣйшія чудеса.

ГЛАВА XX.

Іисусъ въ Наинѣ.

ГЛАВА XXI.

Грѣшница и фарисей.

ГЛАВА XXII.

Жизнь Іисуса въ Галилеѣ.

ГЛАВА XXIII.

Великій день въ жизни І. Христа.

ГЛАВА XXIV.

День пиршества у ев. Матѳея.

ГЛАВА XXV.

День пиршества у ев. Матѳея (*продолженіе*).

ГЛАВА XXVI.

Посѣщеніе Іерусалима.

ГЛАВА XXVII.

Чудо при овчей купальнѣ Виѳезда.

ГЛАВА XXVIII.

Убіеніе Іоанна Крестителя.

ГЛАВА XXIX.

Насыщеніе пяти тысячъ народа и хожденіе по морю.

ГЛАВА XXX.

Бесѣда въ Капернаумѣ.

ГЛАВА XXXI.

Начало противодѣйствія.

ГЛАВА XXXII.

Усиленіе противодѣйствія.

ГЛАВА XXXIII.

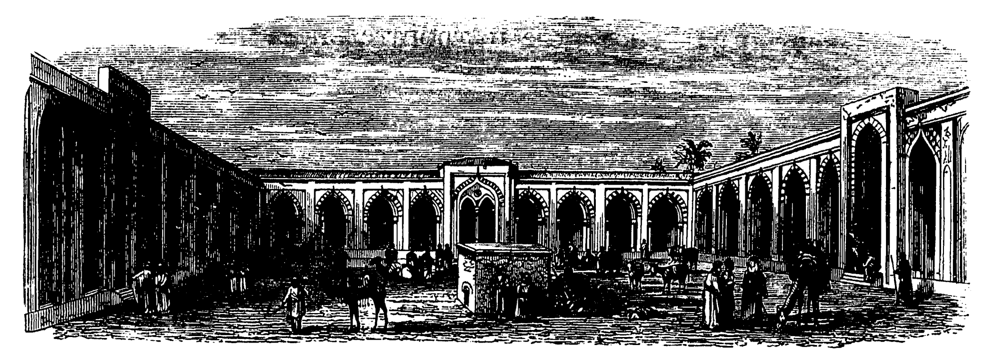
День открытаго разрыва.

ГЛАВА XXXIV.

Среди язычниковъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ I-МУ ТОМУ.

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ КЪ I-МУ ТОМУ.



Восточная гостинница или ханъ.

ЖИЗНЬ ІИСУСА ХРИСТА.

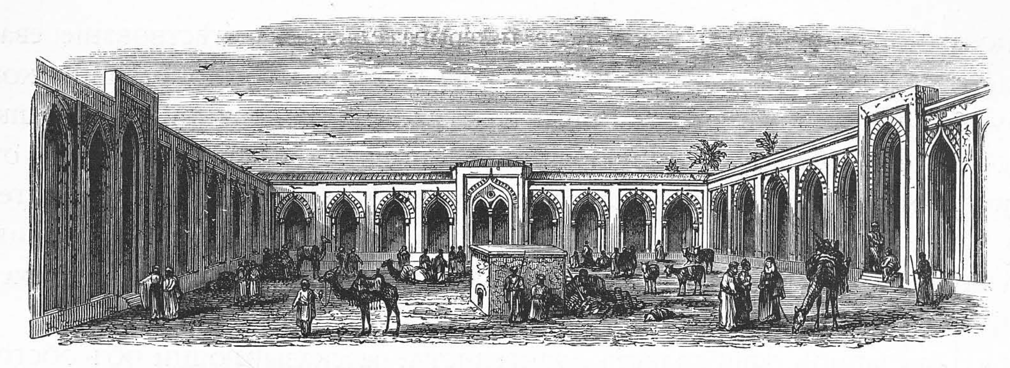
ГЛАВА I.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Онъ вочеловѣчился, дабы мы обожились.
Св. Аѳанасій Великій.

ВЕРСТАХЪ въ двухъ отъ Виѳлеема находится небольшая равнина, на которой въ масличной рощѣ стоитъ бѣдная и какбы заброшенная часовня, во имя Ангела «Благовѣстника пастухамъ» [1]). Она основана на томъ самомъ, по преданію, мѣстѣ, гдѣ, по сладостному для христіанскаго слуха благовѣстію св. Луки — «были на полѣ пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего, и вдругъ предсталъ имъ Ангелъ Господень и слава Господня [2]) осіяла ихъ», и они услышали радостную вѣсть, что въ тотъ день родился въ городѣ Давидовомъ Спаситель, который есть Христосъ Господь.

Обстановка, въ которой родился Спаситель, была въ высшей степени убога, и все въ ней говорило о бѣдности и тяжелой трудовой жизни. Кажется, въ ту ночь должны бы разверзнуться небеса, оглашаемыя великимъ славословіемъ свѣтозарныхъ пѣвцовъ; и звѣзды, и пасущіяся стада, и смѣсь свѣта и звуковъ въ ночной тишинѣ, и восторгъ вѣрующихъ сердецъ — все это даетъ краски для дивной, не-



Восточная гостинница или ханъ.

ЖИЗНЬ ІИСУСА ХРИСТА.

ГЛАВА I.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Онъ вочеловѣчился, дабы мы обожились.

Св. Аѳанасій Великій.

ЕРСТАХЪ въ двухъ отъ Виѳлеема находится небольшая равнина, на которой въ масличной рощѣ стоитъ бѣдная и какбы заброшенная часовня, во имя Ангела «Благовѣстника пастухамъ» [1]). Она основана на томъ самомъ по преданію, мѣстѣ, гдѣ, по сладостному для христіанскаго слуха благовѣстію св. Луки — «были на полѣ пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего и вдругъ предсталъ имъ Ангелъ Господень и слава Господня [2]) осіяла ихъ», и они услышали радостную вѣсть что въ тотъ день родился въ городѣ Давидовомъ Спаситель, который есть Христосъ Господь.

Обстановка, въ которой родился Спаситель, была въ

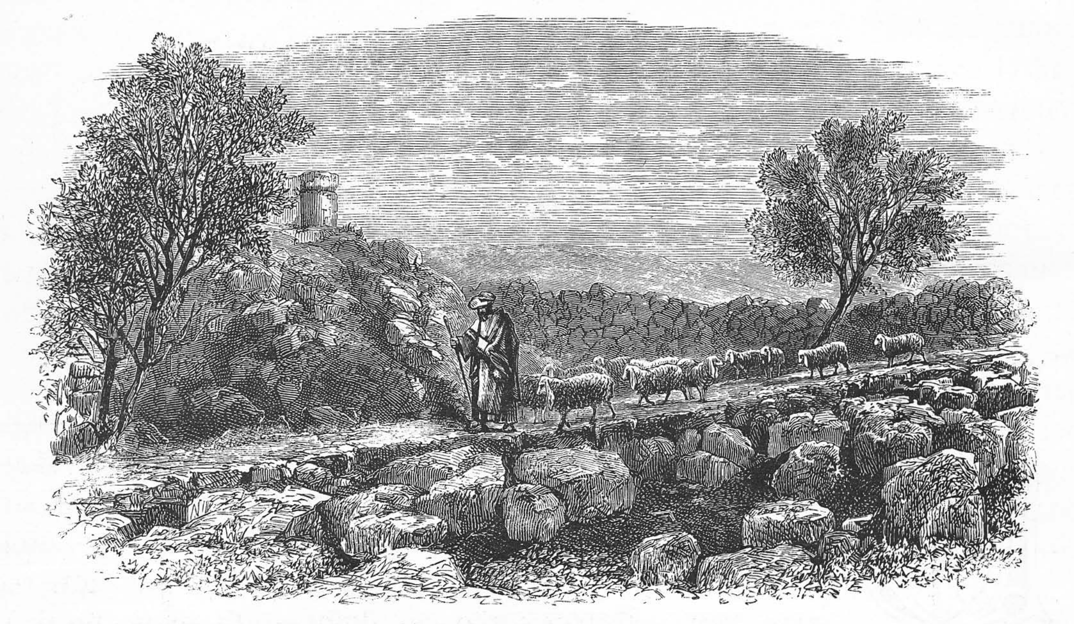
бесночудной картины. Но краткое и трогательное повѣствованіе евангелиста не говоритъ намъ, чтобы пѣніе ангеловъ было слышно кому нибудь еще, кромѣ неспавшихъ пастуховъ ничтожной деревушки, которые въ холодную сырую зимнюю ночь стерегли свои стада отъ волковъ и разбойниковъ — на томъ самомъ полѣ, гдѣ Руѳь, праматерь ихъ Спасителя, съ болью въ сердцѣ собирала колосья на чужой нивѣ, и Давидъ, меньшій и юнѣйшій изъ братьевъ многочисленнаго семейства, пасъ овецъ отца своего (Пс. LXXVII, 71).

«И внезапно», прибавляетъ евангелистъ, разсказывающій объ обстоятельствахъ вѣчнопамятной ночи, когда при равнодушіи міра, не созна-

Часовня Ангела Благовѣстника.

вавшаго близости пришествія своего Избавителя, родился Христосъ, «явилось съ Ангеломъ многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе» [3]).

Можно бы ожидать, что христіанское благочестіе обозначитъ это мѣсто великолѣпнымъ памятникомъ и украситъ дикую пастушескую пещеру мраморомъ и мозаикой, сдѣлавъ изъ нея величавый храмъ. Но на самомъ дѣлѣ часовня Ангела Благовѣстника есть простой необдѣланный склепъ, и когда странникъ сходитъ внизъ по разваливающимся ступенямъ, ведущимъ изъ масличной рощи въ его сумрачную внутрен-



Часовня Ангела Благовѣстника.

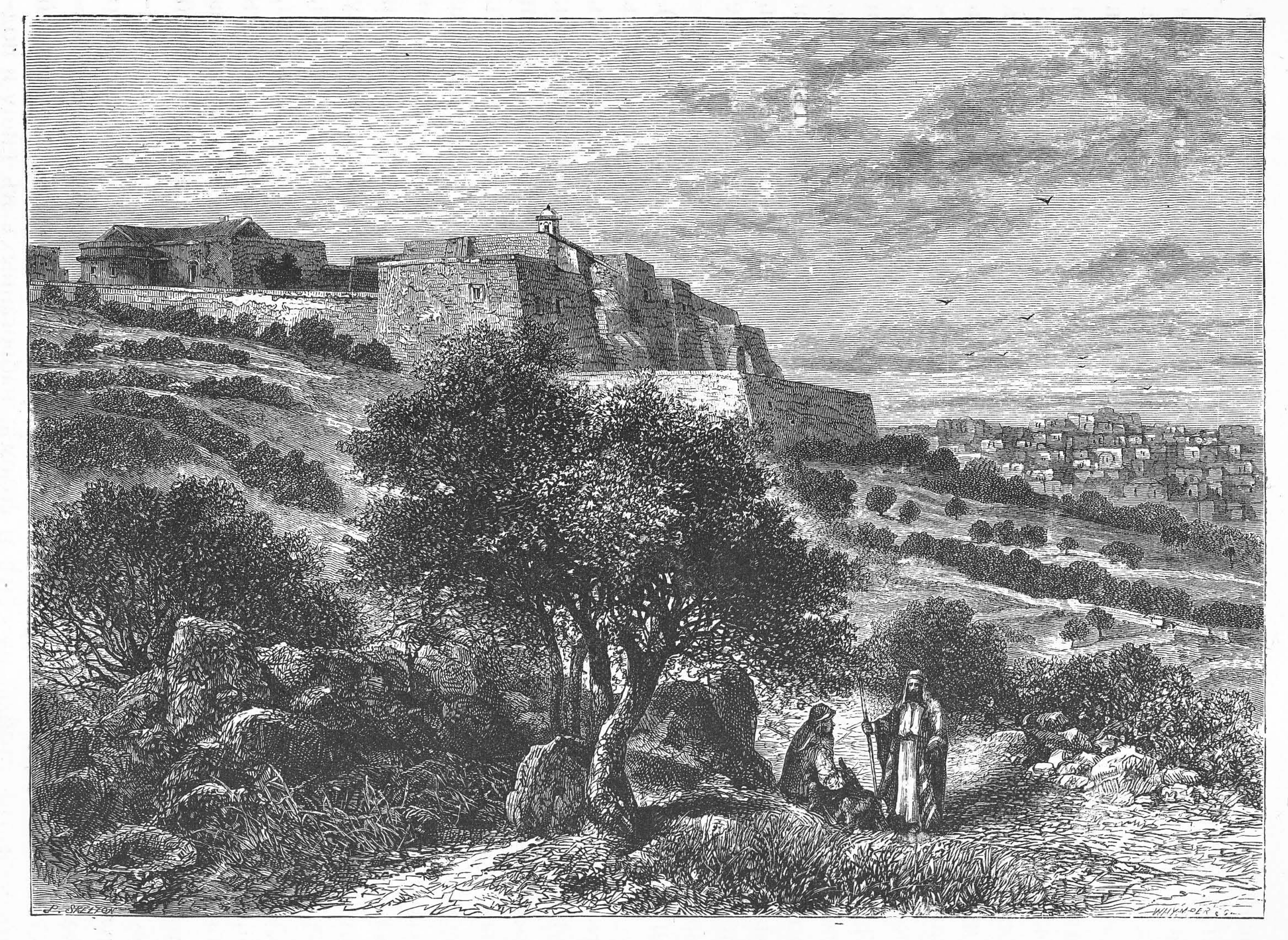
ность, то ему трудно даже вѣрить, что онъ находится въ священномъ мѣстѣ. И однако же въ этомъ кажущемся пренебреженіи сказалось также святое чувство правды. Бѣдность часовни такъ гармонируетъ съ убогимъ трудомъ пастуховъ, въ воспоминаніе чудеснаго видѣнія которыхъ она и существуетъ.

«Пойдемъ въ Виѳлеемъ [4]), и посмотримъ, что тамъ случилось, о чемъ возвѣстилъ намъ Господь», сказали другъ другу пастухи, когда пѣніе ангеловъ уже замерло въ тишинѣ звѣздной ночи. Имъ нужно было подняться на уступистый холмъ и пройти по залитымъ луннымъ свѣтомъ садамъ виѳлеемскимъ, прежде чѣмъ дойти до вершины сѣраго хребта, на которомъ стоитъ самый городокъ Виѳлеемъ. На самой вершинѣ стояла гостинница или такъ называемый ханъ. Ханъ или каравансерай сирійской деревни въ то время по всей вѣроятности былъ одинаковъ, по внѣшности и расположенію, съ тѣми, какіе существуютъ и теперь въ Палестинѣ. Это — низкое, большею частью одноэтажное зданіе, построенное изъ дикаго нетесаннаго камня. Оно обыкновенно состоитъ изъ четырехугольной загороди, въ которой скотъ можно на привязи оставлять на ночь, и сводообразнаго помѣщенія для путешественниковъ. *Ливанъ* или выстланный полъ этого помѣщенія ступени на три поднимается надъ уровнемъ двора. Большой ханъ, въ родѣ того напримѣръ, развалины котораго можно видѣть въ ханѣ Миньехъ, на берегу озера Галилейскаго, вѣроятно имѣлъ въ себѣ нѣсколько такихъ помѣщеній, которыя въ дѣйствительности представляютъ собою небольшія низкія комнаты безъ лицевой стѣны. Понятно, что онѣ вслѣдствіе этого совершенно открыты, все, что въ нихъ дѣлается, видно всѣмъ, находящимся въ ханѣ. Въ нихъ нѣтъ самой необходимой и обыкновенной мебели. Путешественникъ долженъ самъ имѣть свою подстилку, на которой онъ, сидя скрещенными ногами, можетъ закусить, а потомъ и лечь на ней же на ночь [5]). Обыкновенно онъ самъ же долженъ имѣть съ собою съѣстные припасы, смотрѣть за своимъ скотомъ и самъ доставать себѣ воду изъ ближайшаго колодца. Въ нихъ не ждутъ и не требуютъ услугъ, и платятъ только ничтожный пустякъ за кровъ, безопасность и полъ, на которомъ можно переночевать. Но если путнику случится прибыть поздно и *ливаны* уже окажутся всѣ заняты, то ему не остается ничего другаго, какъ искать себѣ пристанища на самомъ дворѣ и тамъ устраивать для себя и своего семейства помѣщеніе съ такою невзыскательностью и опрятностью, какая только окажется возможною въ помѣщеніи, занятомъ лошадьми, мулами и

верблюдами. Кормовые объѣдки, духота, непріятный запахъ отъ скученныхъ животныхъ, досадное вторженіе бродячихъ собакъ, неизбѣжное сообщество съ грязными приживалами каравансерая — все это неразлучно съ такимъ положеніемъ, дѣйствительную прелесть котораго можетъ понять только путешественникъ по востоку, кому случалось лично попадать въ подобныя обстоятельства.

Въ Палестинѣ нерѣдко случается, что весь ханъ, или по крайней мѣрѣ та часть его, въ которой помѣщаются животныя, представляетъ собою одну изъ тѣхъ безчисленныхъ пещеръ, которыми изобилуютъ известняковыя скалы центральныхъ холмовъ. То же самое повидимому было и въ маленькомъ городѣ Виѳлеемѣ-Ефраѳа, въ землѣ Іудиной. Іустинъ Философъ, апологетъ, который по своему мѣсторожденію въ Сихемѣ хорошо былъ знакомъ съ Палестиной и жилъ спустя менѣе столѣтія послѣ Христа [6]), полагаетъ мѣсто Рождества Христова въ пещерѣ. Преданіе объ этомъ искони и постоянно сохранялось какъ въ восточной, такъ и западной церкви, и оно принадлежитъ къ числу такихъ преданій, за которыми, несмотря на то, что они не занесены въ въ евангельскую исторію, можно признать историческую достовѣрность [7]). Надъ этою пещерою теперь находится церковь и монастырь Рождества, а рядомъ съ ней въ другой пещерѣ одинъ изъ ученѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ учителей церкви, именно бл. Іеронимъ, знаменитый авторъ латинскаго перевода Библіи, провелъ послѣднія тридцать лѣтъ своей жизни въ ученыхъ трудахъ, постѣ и молитвѣ [8]).

Сюда-то изъ сѣверныхъ предѣловъ страны, именно изъ Назарета, расположеннаго въ горахъ Завулоновыхъ, пробирался по зимнимъ дорогамъ Іосифъ, назаретскій плотникъ, съ своею нареченною женою Маріей, ходившей въ цослѣдних дняхъ беременности [9]). При всей своей бѣдности они однако же оба происходили изъ дома и рода царя Давида и теперь имъ нужно было пройти около ста сорока верстъ, чтобы прибыть въ городокъ, который былъ родиною ихъ великаго предка, когда онъ еще, будучи убогимъ мальчикомъ-пастухомъ, пасъ свое стадо по пустыннымъ холмамъ. Цѣлью этого утомительнаго путешествія ихъ, которое не могло быть пріятнымъ при установившихся привычкахъ восточной жизни, было занесеніе своихъ именъ, въ качествѣ членовъ дома Давидова, въ перепись, производившуюся по повелѣнію императора Августа. При тогдашнемъ политическомъ состояніи Римской имперіи, часть которой составляла Іудея, достаточно было простаго намека со стороны могущественнаго императора, чтобы по-



Виѳлеемъ съ видомъ монастырскихъ зданій.

велѣніе его безпрекословно исполнено было въ самыхъ отдаленныхъ углахъ цивилизованнаго міра. Какъ ни велики историческія затрудненія, представляемыя этою переписью, есть однако же достаточныя основанія думать, что первоначальный приказъ о ней изданъ былъ Сенціемъ Сатурниномъ [10]), что *начата* она была Публіемъ Сульпиціемъ Квириномъ [11]), когда онъ въ первый разъ былъ легатомъ Сиріи, и окончена уже во время втораго срока его службы. Благодаря іудейскимъ предразсудкамъ, всякое попраніе которыхъ вело къ страшнымъ смятеніямъ и возстанію, перепись производилась не обычнымъ римскимъ способомъ — по мѣсту жительства, а по іудейскому обычаю — въ городѣ, къ которому первоначально принадлежало семейство того или другаго лица. Іудеи все еще держались своихъ родословій и сохраняли память о давноисчезнувшихъ раздѣленіяхъ по колѣнамъ; поэтому, хотя путь былъ тяжелъ и непріятенъ, Іосифъ всетаки могъ утѣшаться мыслью о своемъ славномъ родовомъ происхожденіи, которое теперь должны были признать сами власти, а также тѣми надеждами на скорое пришествіе Мессіи, которымъ всѣ чудесныя обстоятельства, совершившіяся на его глазахъ, придавали непреодолимую увѣренность и силу [12]).

Путешествіе на востокѣ совершается медленно и прокладно, а въ то время быть можетъ еще медленнѣе, если, какъ можно полагать съ вѣроятностью, страна находилась тогда въ политическомъ смятеніи. Беероѳъ, находящійся въ двадцати пяти верстахъ отъ Виѳлеема [13]), или даже Іерусалимъ, лежащій отъ него только въ десяти верстахъ, быть можетъ, былъ послѣднимъ мѣстомъ стоянки Іосифа и Маріи, прежде чѣмъ они прибыли къ мѣсту своего назначенія. Но тяжкая усталь или даже начинавшееся предчувствіе родовъ по необходимости замедляли путешествіе дѣвственной матери. Другіе, направлявшіеся къ Виѳлеему съ тою же цѣлію, могли легко обогнать ихъ на дорогѣ, и когда они, съ трудомъ поднявшись на крутой склонъ холма у источника Давидова, прибыли въ ханъ [вѣроятно тотъ самый, который искони извѣстенъ былъ подъ названіемъ дома Кимгама [14]), и если такъ, то стоящій на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за тысячу лѣтъ предъ тѣмъ стоялъ родовой домъ Вооза и Давида], всѣ ливаны были уже заняты. Перепись привлекла въ маленькій городъ такъ много пришлаго народа, что «не было имъ мѣста въ гостинницѣ». Усталые отъ дневнаго перехода, они помѣстились въ прилегающей къ хану известняковой пещерѣ, служившей въ качествѣ стойла, на сѣнѣ и соломѣ, набросанныхъ въ пищу и подстилку для скота; и тамъ—вдали отъ дома, среди массъ странняго люда,

въ знобящую зимнюю ночь, въ обстановкѣ, настолько лишенной всякаго земнаго блеска или даже удобства, что невозможно и представить себѣ болѣе бѣдныхъ родинъ,—родился Христосъ [15]).

Всего въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, на площадкѣ крутаго и отдѣльно высящагося холма, извѣстнаго теперь подъ именемъ Джебель Фуреидисъ или «Малой райской горы», возвышался укрѣпленный дворецъ великаго Ирода. У подошвы его тѣснились великолѣпные дома

Улица въ Назаретѣ.

его наперсниковъ и царедворцевъ. Бѣдные путники, проходя мимо его, могли слышать раздававшіяся въ немъ пѣсни наемныхъ или даровыхъ пѣвцовъ на происходившихъ тамъ празднествахъ, или выклики грубой наемной стражи, оружіемъ которой поддерживалось повиновеніе царю-деспоту. Но истинный Царь Іудейскій—праведный Господь вселенной—обрѣлся не во дворцѣ или замкѣ. Въ царскихъ палатахъ находятся тѣ, кто носитъ мягкое и дорогое одѣяніе. Скотское стойло въ убогомъ каравансераѣ было болѣе пригоднымъ мѣстомъ рожденія для Того, ко-

Улица въ Назаретѣ.

торый пришелъ возвѣстить, что душа величайшаго монарха предъ очами Божіими не дороже и не больше души его послѣдняго раба,—для Того, который не имѣлъ гдѣ главы приклонить, и который долженъ былъ управлять міромъ съ высоты позорнаго креста [16]).

Идя по указанію фонаря, который обыкновенно виситъ на веревкѣ при входѣ въ ханъ, пастухи прибыли въ гостинницу виѳлеемскую и «нашли Марію, и Іосифа, и Младенца, лежащаго въ ясляхъ». Воображеніе поэтовъ и живописцевъ истощалось въ изображеніи торжественнаго величія этой сцены. Они воспѣвали свѣтозарныхъ ангеловъ, парившихъ тамъ, и звѣзды, которыя замедляли свое движеніе, чтобы излить свой сладостночарующій свѣтъ на улыбающагося Младенца. Они

Монастырь Рождества въ Виѳлеемѣ.

изображали лучезарное сіяніе отъ Его колыбели-яслей, которое такъ озаряло все помѣщеніе, что всѣ присутствовавшіе должны были затѣнять свои глаза отъ этого чудеснаго блеска [17]). Но все это далеко отъ дѣйствительности. То славное величіе, которое видѣли простые пастухи, было видимо только очами вѣры, а все, что въ дѣйствительности представилось ихъ глазамъ, это просто — галилейскій ремесленникъ, уже болѣе чѣмъ зрѣлыхъ лѣтъ, и молодая мать, о которой они не могли имѣть и понятія, что она была обрученною ему дѣвой и дѣвственной женою, съ Младенцемъ на рукахъ, Котораго она, за неимѣніемъ кого помочь ей, пеленала сама. Свѣтъ, сіявшій во тьмѣ, былъ не вещественнымъ, а духовнымъ сіяніемъ; тотъ небесный разсвѣтъ, который тогда

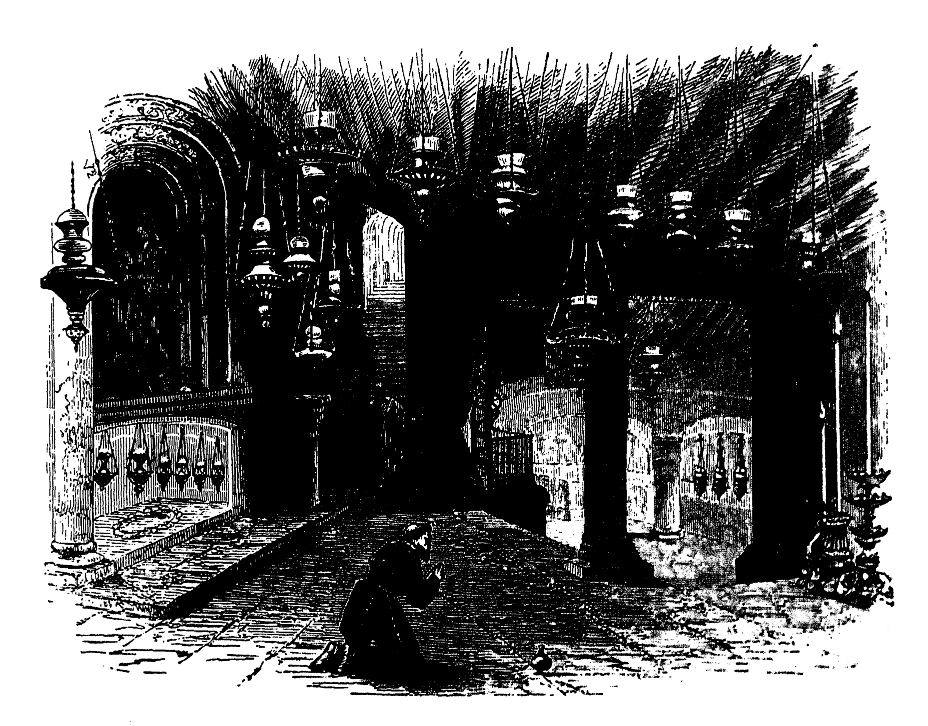
Монастырь Рождества въ Виѳлеемѣ.

посѣтилъ человѣчество, озарилъ только немногія вѣрующія и простыя сердца [18]).

И евангелія, всегда вѣрныя истинѣ и отличающіяся въ каждомъ словѣ тою простотой, которая составляетъ печать честнаго повѣствованія, просто указываютъ этотъ фактъ. Въ нихъ нѣтъ и слѣда того избытка необычайности, таинственности и чудесности, которыми такъ переполнены іудейскія сказанія о грядущемъ Мессіи, а также и апокрифическія повѣствованія касательно Младенца Христа. Ихъ поразительный контрастъ въ этомъ отношеніи съ подложными евангеліями первыхъ вѣковъ и со всѣми легендами, созданными на ихъ основѣ, составляетъ самый рѣшительный критерій ихъ полнѣйшей исторической правдивости. Еслибы наши евангелія были неподлинны, то и они неизбѣжно носили бы на себѣ тотъ же отпечатокъ, какимъ безъ исключенія отмѣчены всѣ вымышленныя сказанія о жизни Спасителя. Для небогопросвѣщеннаго разума казалось невѣроятнымъ, чтобы такое великое и дивное событіе въ исторіи міра совершилось безъ потрясеній и переворотовъ. Въ евангеліи Іакова [19]) есть замѣчательная въ этомъ отношеніи глава, въ которой описывается, какъ въ страшный моментъ рожденія Христа мгновенно остановилась ось небесъ, и смолкли птицы, и на землѣ возлежали рабочіе, опустивъ руки въ сосудъ, «и тѣ, которые черпали, не могли почерпнуть, и тѣ, что почерпнули, не могли поднять, и тѣ, что подносили ко рту, не могли взять, и лица всѣхъ обратились кверху; и я видѣлъ, продолжаетъ повѣствователь, какъ овцы испуганно остановились, и пастухъ поднялъ свой посохъ, чтобы гнать ихъ, и не могъ опустить его; и я взглянулъ на потокъ рѣки, и козы наклонились къ нему, чтобы пить, и не пили, и все, что двигалось впередъ, было задержано въ своемъ движеніи». Но ни о какомъ оцѣпенѣніи устрашенной природы [20]), ни о какихъ солнечныхъ и таинственныхъ сіяніяхъ, видѣнныхъ будто бы во многихъ частяхъ міра, о поклоненіи вола и осла возлежащему въ ясляхъ Младенцу [21]), о голосѣ, которымъ онъ немедленно послѣ рожденія возвѣстилъ своей матери, что Онъ Сынъ Божій [22]), и о многихъ другихъ чудесахъ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ самыхъ раннихъ преданіяхъ, ничего не говорится въ новозавѣтномъ писаніи. Измышленія человѣка всецѣло отличны отъ дѣяній Бога. Въ Его планахъ нѣтъ ни поспѣшности, ни остановки, ни утомленія, ни перерыва; все совершается Имъ въ величавомъ безмолвіи и дѣла Его видимы при свѣтѣ, который тихо сіяетъ во тьмѣ, показывая, какъ все созрѣваетъ въ медленномъ развитіи исторіи. «Подвинулись божественные совѣты въ своей

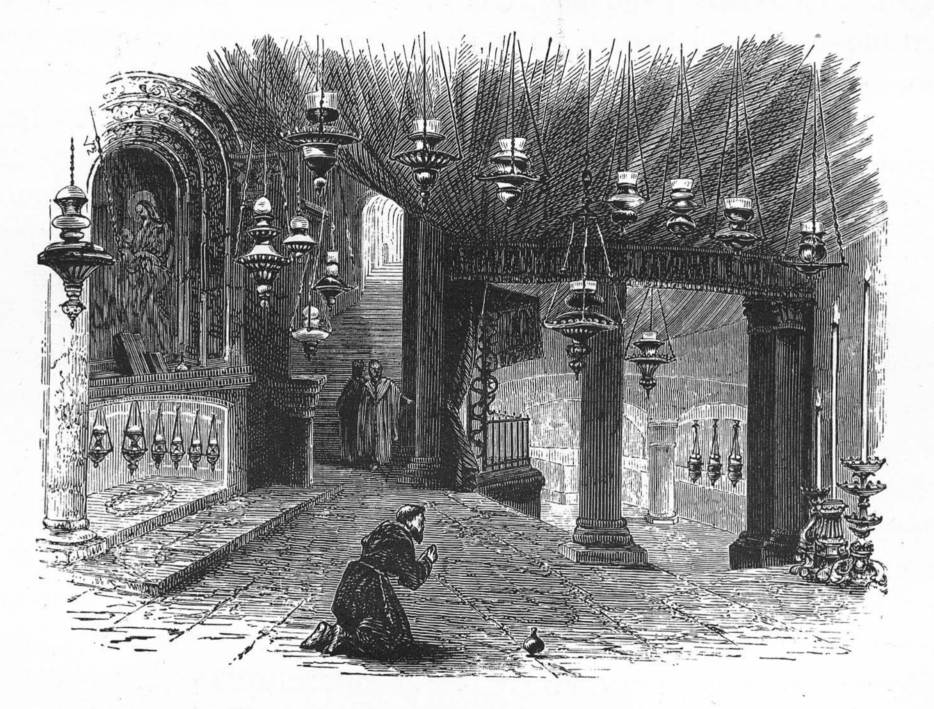
неизмѣримой глубинѣ,—разверзались источники неизсякаемаго богатства, наступало спасеніе для народовъ; но на поверхности человѣческой жизни не видно было ничего, кромѣ тихой ряби водъ; ходъ человѣческихъ дѣлъ совершался обычнымъ порядкомъ и каждый былъ занятъ своими собственными планами».

Сколько времени дѣва Марія съ своимъ св. Младенцемъ оставалась въ этой пещерѣ или скотномъ стойлѣ, нельзя опредѣлить; но вѣроятно недолго [23]). Наплывъ народа въ ханѣ не былъ постояннымъ, и обычное состраданіе могло побудить другихъ дать матери и ея ребенку какое-



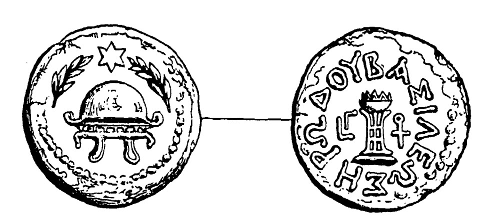
Внутренность храма Рождества Христова.

нибудь болѣе удобное помѣщеніе. Волхвы, какъ видно изъ евангелія св. Матѳея, посѣтили Марію въ «домѣ» (II, 11). Но евангелія не останавливаются на этихъ второстепенныхъ подробностяхъ. Полнѣе всѣхъ разсказываетъ ев. Лука, и особенная нѣжность его повѣствованія, его почти идиллическая грація, благородно застѣнчивый, сладосто-чарующій тонъ ясно указываютъ на то, что онъ слышалъ его, хотя бы только въ отрывочныхъ замѣчаніяхъ, изъ устъ самой Маріи. Да и трудно представить, чтобы это повѣствованіе могло выйти отъ кого-нибудь другаго, потому что матери—естественные лѣтописцы ранняго возраста



Внутренность храма Рождества Христова.

своихъ дѣтей; но тутъ еще въ самомъ стилѣ замѣтенъ отпечатокъ женской памяти и женскихъ взглядовъ, что такъ важно для подтвержденія столь интереснаго предположенія [24]). Всякій, кто руководился бы своимъ воображеніемъ, останавливался бы на подробномъ описаніи самыхъ мелкихъ обстоятельствъ и случаевъ; для Маріи же они не имѣли никакого значенія. Другіе могли предаваться изумленію, но для нея все окружающее терялось въ одномъ всеподавляющемъ откровеніи, въ одномъ всепоглощающемъ чувствѣ благоговѣнія. О подобныхъ вещахъ она не могла легко говорить, «она сохраняла все это, слагая въ сердцѣ своемъ» (Лук. II, 19). Самая глубина и святость этой скромности составляютъ естественное и вѣроятное объясненіе того, что нѣкоторыя изъ подробностей дѣтства Спасителя вполнѣ записаны только ев. Лукою.



Монета Ирода Великаго *)

---

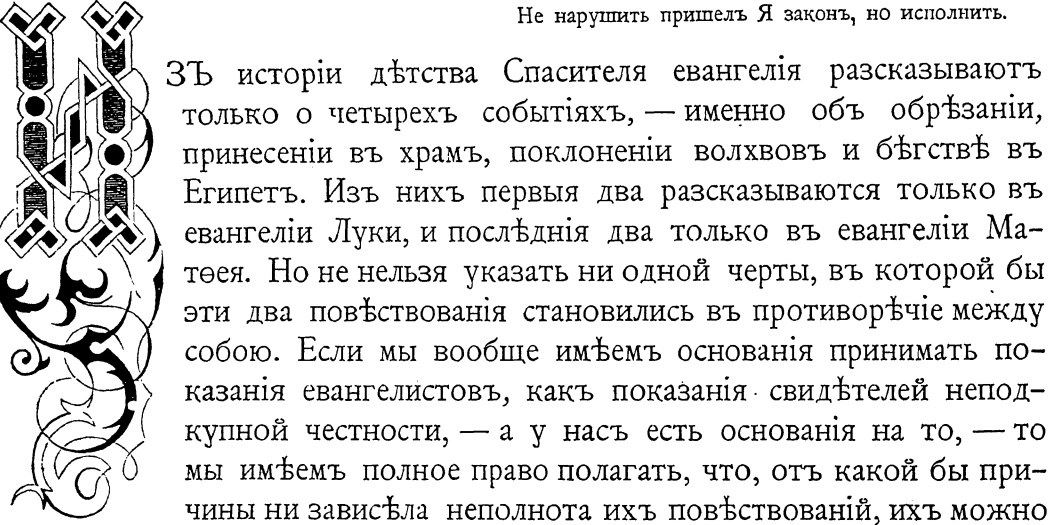
*) Иродъ I, прозванный Великимъ. Эта бронзовая монета Ирода представляетъ, на лицевой сторонѣ, шлемъ съ надщечными частями, съ пальмовыми вѣтвями по обѣимъ сторонамъ и съ звѣздою наверху — вѣроятно въ знакъ покоренія Иродомъ Іерусалима, такъ какъ эти послѣдніе знаки часто употреблялись въ качествѣ символовъ побѣды; *время* покоренія — торжественный день покаянія — быть можетъ символизируется горящей кадильницей, поставленной на треножникѣ, и словами ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΗΡΩΔΟΥ (Царя Ирода) — на оборотной сторонѣ. Для объясненія находящагося по правую сторону знака ♀ предлагались различныя толкованія: это быть можетъ tau или crux ansata, употреблявшійся на египетскихъ и ассирійскихъ памятникахъ въ качествѣ символа жизни; но здѣсь онъ скорѣе служитъ знакомъ цѣнности монеты, ТР (ἰχαλχον) — т.-е. монеты тройной цѣнности χαλχοῦς или самой малой мѣдной монеты. Другая фигура LΓ слѣва треножника вѣроятно означаетъ *годъ третій*, причемъ L есть александрійскій знакъ для означенія года, а стоящій съ нимъ рядомъ Γ есть грубое изображеніе Г (гамма, третьей буквы греческаго алфавита), и такимъ образомъ все будетъ обозначать 38 годъ до Р. Хр., т.-е. третій годъ съ того времени, когда Иродъ получилъ отъ римлянъ титулъ царя Іудейскаго.

Звѣзда на Востокѣ.

ГЛАВА II.

ПРИНЕСЕНІЕ ВЪ ХРАМЪ.

Не нарушить пришелъ Я законъ, но исполнить.



ИЗЪ исторіи дѣтства Спасителя евангелія разсказываютъ только о четырехъ событіяхъ, — именно объ обрѣзаніи, принесеніи въ храмъ, поклоненіи волхвовъ и бѣгствѣ въ Египетъ. Изъ нихъ первыя два разсказываются только въ евангеліи Луки, и послѣднія два только въ евангеліи Матѳея. Но не нельзя указать ни одной черты, въ которой бы эти два повѣствованія становились въ противорѣчіе между собою. Если мы вообще имѣемъ основанія принимать показанія евангелистовъ, какъ показанія свидѣтелей неподкупной честности, — а у насъ есть основанія на то, — то мы имѣемъ полное право полагать, что, отъ какой бы причины ни зависѣла неполнота ихъ повѣствованій, ихъ можно прямо считать дополняющими одно другое. Измышлять существованіе непримиримыхъ разногласій такъ же нечестно, какъ и усиливаться создавать невозможныя соглашенія. Дѣло въ томъ, что подробная и связная запись событій изъ жизни, начиная съ ранняго дѣтства, была вещью совсѣмъ неизвѣстною іудеямъ и даже чуждою ихъ духу и характеру. Анекдоты и событія изъ жизни дѣтства, примѣты будущаго величія въ

Звѣзда на Востокѣ.

ГЛАВА II.

ПРИНЕСЕНІЕ ВЪ ХРАМЪ.

Не нарушить пришелъ Я законъ, но исполнить

ЗЪ исторіи дѣтства Спасителя евангелія разсказываю только о четырехъ событіяхъ, — именно объ обрѣзан принесеніи въ храмъ, поклоненіи волхвовъ и бѣгствѣ Египетъ. Изъ нихъ первыя два разсказываются только евангеліи Луки, и послѣднія два только въ евангеліи М тѳея. Но не нельзя указать ни одной черты, въ которой эти два повѣствованія становились въ противорѣчіе меж собою. Если мы вообще имѣемъ основанія принимать п казанія евангелистовъ, какъ показанія свидѣтелей непо купной честности, — а у насъ есть основанія на то, — мы имѣемъ полное право полагать, что, отъ какой бы пр чины ни зависѣла неполнота ихъ повѣствованій, ихъ мож

младенческіе годы — очень рѣдкое явленіе въ древней литературѣ. Только уже со времени христіанства дѣтство стали окружать ореоломъ внимательнаго повѣствованія.

Точный порядокъ событій, происшедшихъ до возвращенія святаго семейства въ Назаретъ, можетъ быть только предметомъ неувѣренныхъ гаданій. Обрѣзаніе совершено было въ восьмой день по рожденіи (Лук. I, 59; II, 21); очищеніе черезъ тридцать три дня послѣ обрѣзанія [25]) (Лев. XII, 4); поклоненіе волхвовъ было, «когда Іисусъ родился въ Виѳлеемѣ» (Матѳ. II, 1), и бѣгство въ Египетъ немедленно по уходѣ ихъ. Предположеніе, что возвращеніе изъ Египта было раньше принесенія въ храмъ, хотя и не невозможное, кажется крайне невѣроятнымъ. Не говоря уже о томъ, что такая отсрочка была бы нарушеніемъ (хотя и по нуждѣ) Моисеева закона [26]), она заставляетъ предполагать, что очищеніе было отсрочено надолго, а это стоитъ въ видимомъ противорѣчіи съ дважды повтореннымъ выраженіемъ ев. Луки (II, 22, 39), или что сорока дней было достаточно для прибытія волховъ съ «востока», для бѣгства въ Египетъ и возвращенія изъ него. Предположеніе это затѣмъ заключаетъ въ себѣ крайнюю несообразность, будто св. семейство возвратилось въ Іерусалимъ, находящійся только въ десяти верстахъ отъ Виѳлеема — и это спустя лишь нѣсколько дней послѣ такого ужаснаго событія, какъ избіеніе младенцевъ. Хотя ни одно предположеніе не можетъ быть свободно отъ возраженій, которыя естественно возникаютъ вслѣдствіе недостаточнаго знанія обстоятельствъ, однако же почти навѣрное можно сказать, что бѣгство въ Египетъ и обстоятельства, поведшія къ нему, совершились только уже послѣ принесенія въ храмъ. Поэтому въ теченіе сорока дней святое семейство пребывало въ мирѣ и неизвѣстности въ томъ городѣ, который связанъ былъ съ столькими замѣчательными событіями и освященъ столькими, какъ семейными, такъ и народными, преданіями.

Объ обрѣзаніи не упоминается въ апокрифическихъ евангеліяхъ, кромѣ арабскаго «евангелія дѣтства» [27]), гдѣ о немъ разсказывается съ отталкивающею подробностью. Это не такое было событіе, чтобы интересовать тѣхъ, цѣлію которыхъ было вплетать въ священную исторію свои собственные догматическіе вымыслы. Но для христіанина оно имѣетъ свое особое важное значеніе. Оно показываетъ, что Христосъ пришелъ не нарушить законъ, но исполнить его. Ему надлежало исполнить всякую правду (Матѳ. III, 15). Такъ рано Онъ перенесъ страданіе ради насъ, научая насъ духовному обрѣзанію, обрѣзанію сердца, обрѣзанію

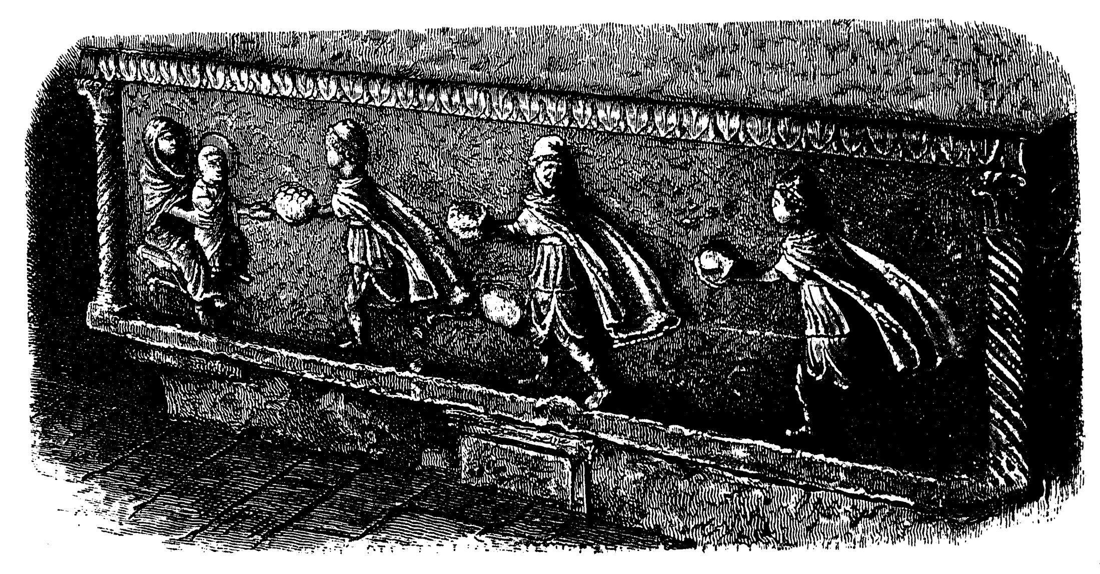
всѣхъ нашихъ плотскихъ чувствъ [28]). Какъ востокъ при закатѣ солнца отражаетъ въ себѣ свѣтъ вечерней зари на западѣ, такъ Виѳлеемъ былъ преддверіемъ Голгоѳы, и даже колыбель Младенца уже носила въ себѣ зачатокъ крестныхъ страстей [29]) Спасителя. Въ этотъ же самый день Христосъ открыто принялъ имя [30]) Іисусъ, нареченное Ему ангеломъ Гавріиломъ прежде зачатія Его во чревѣ. Іисусъ есть греческая форма еврейскаго имени Іешуа, что означаетъ «его спасеніе есть Іегова», отъ Ошеа или Осія—«спасеніе» [31]). Въ то время имя это было самымъ ходячимъ у іудеевъ. Оно было дорого имъ, какъ имя ихъ великаго вождя, побѣдоносно введшаго ихъ во владѣніе землей обѣтованной, и имя великаго первосвященника, который предводительствовалъ плѣнниками, возвращавшимися изъ Вавилона [32]); но отселѣ, не для іудеевъ только, но и для всего человѣчества, оно должно было получить безконечно болѣе священное значеніе, какъ имя Сына Божія въ Его жизни на землѣ. Еврейское имя «Мессія» и греческое «Христосъ» обозначали Его служеніе въ качествѣ помазаннаго пророка, первосвященника и царя; но «Іисусъ» было личнымъ именемъ, которое Онъ носилъ, какъ безгрѣшный человѣкъ среди грѣховныхъ людей [33]).

Въ сороковой день послѣ родовъ, дѣва Марія, которая до этого времени не могла выходить изъ дома, принесла Младенца въ храмъ іерусалимскій, чтобы очиститься и принести Его Господу [34]). «Такимъ образомъ, говоритъ древній писатель, Господь храма приносится въ храмъ Господа». Въ подобныхъ случаяхъ по закону слѣдовало приносить годовалаго ягненка въ жертву всесожженія и молодаго голубя или горлицу въ жертву за грѣхъ (Лук. II, 22; Лев. XII, 1—8; Числ. XVIII, 16); но по обычной снисходительности, отличающей Моисеево законодательство, тѣ, которые по своей бѣдности не могли сдѣлать такого цѣннаго жертвоприношенія, могли приносить вмѣсто этого двухъ горлицъ или двухъ птенцовъ голубиныхъ (Лев. XII, 6—8). Съ такою-то скромною жертвою Марія и явилась въ храмъ къ священнику. Въ то же самое время Іисусъ, какъ первородный сынъ, былъ принесенъ Господу и согласно закону былъ выкупленъ отъ необходимости служенія при храмѣ обычною уплатою пяти сиклей священныхъ (Числ. XVIII, 15, 16), что составляетъ около пяти рублей. Объ очищеніи и принесеніи никакихъ подробностей болѣе не сообщается, но это посѣщеніе храма сдѣлалось достопамятнымъ вслѣдствіе признанія въ Младенцѣ Спасителя пр. Симеономъ и Анной.

О Симеонѣ просто говорится, что это былъ мужъ праведный и

благочестивый, обладавшій даромъ пророчества, и такъ какъ ему было божественное предсказаніе, что онъ не увидитъ смерти, пока не увидитъ Мессіи [35]), то онъ пришелъ по вдохновенію въ храмъ и тамъ, признавъ святаго Младенца, взялъ Его на руки и произнесъ свое вдохновенное слово: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко», которое въ теченіе восемнадцати столѣтій съ такою любовію повторяется христіанскимъ міромъ. Предсказаніе, что Младенецъ будетъ «свѣтомъ къ просвѣщенію *язычниковъ*», а также и необычность всей этой встрѣчи навѣрно привели въ немалое изумленіе Его родителей, отъ которыхъ престарѣлый пророкъ не скрылъ и ихъ собственной будущей скорби, давая особенно дѣвѣ-Матери знать какъ о страшномъ противодѣйствіи, которое суждено было встрѣтить ея божественному Сыну, такъ и о народныхъ бѣдствіяхъ, которыя должны были настать въ будущемъ [36]).

Легенды преисполнены разсказовъ объ этой встрѣчѣ Сvмеона. По арабскому евангелію дѣтства, Сvмеонъ узналъ Іисуса потому, что Онъ, какъ лучезарный столпъ, сіялъ на рукахъ своей матери [37]). По преданію, записанному Никифоромъ, Сvмеонъ при чтеніи св. писанія впалъ въ сомнѣніе при стихѣ: «се Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына» (Ис. VII, 14), и получилъ откровеніе, что онъ не умретъ, пока не увидитъ его исполненія. Всѣ попытки отождествить его съ другими извѣстными Сvмеонами были напрасны [38]). Еслибы онъ былъ первосвященникомъ или предсѣдателемъ синедріона, то ев. Лука не говорилъ бы о немъ такъ неопредѣленно, что «былъ въ Іерусалимѣ человѣкъ (ἄνθρωπος), именемъ Сvмеонъ». Сообщеніе въ «евангеліи рождества Маріи», что ему было 113 лѣтъ отъ роду, совершенно произвольно, равно какъ и то предположеніе, что молчаніе о немъ талмуда зависѣло отъ его христіанскихъ наклонностей. Онъ не могъ быть и раббаномъ Сvмеономъ, сыномъ Гиллеля и отцомъ Гамаліила, который не былъ бы такъ старъ въ это время. Еще менѣе могъ быть онъ гораздо ранѣе жившимъ Сvмеономъ праведнымъ, который по преданію предсказалъ разрушеніе Іерусалима и былъ послѣднимъ изъ оставшихся въ живыхъ членовъ великаго синедріона [39]). Замѣчательно, что о немъ не говорится ничего болѣе, между тѣмъ какъ объ Аннѣ пророчицѣ сообщается нѣсколько частныхъ подробностей, и между прочимъ то, что она была изъ колѣна Асирова — важное доказательство того, что колѣнныя родословія еще живо сохранялись въ памяти народа [40]).



Волхвы, приносящіе дары *).

ГЛАВА III.

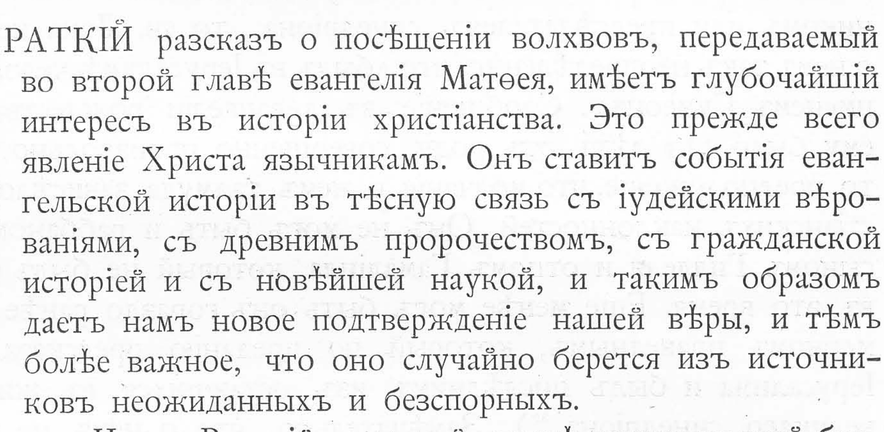
ПОКЛОНЕНІЕ ВОЛХВОВЪ.

Оглянись, Іерусалимъ, на востокъ, и посмотри на радость, грядущую къ тебѣ отъ Бога. *Варухъ* IV, 36.

КРАТКІЙ разсказъ о посѣщеніи волхвовъ, передаваемый во второй главѣ евангелія Матѳея, имѣетъ глубочайшій интересъ въ исторіи христіанства. Это прежде всего явленіе Христа язычникамъ. Онъ ставитъ событія евангельской исторіи въ тѣсную связь съ іудейскими вѣрованіями, съ древнимъ пророчествомъ, съ гражданской исторіей и съ новѣйшей наукой, и такимъ образомъ даетъ намъ новое подтвержденіе нашей вѣры, и тѣмъ болѣе важное, что оно случайно берется изъ источниковъ неожиданныхъ и безспорныхъ.

Иродъ Великій, который, послѣ жизни полной блестящаго безпутства и преступныхъ успѣховъ, впалъ уже въ завистливую злобу преклонныхъ лѣтъ, жилъ въ своемъ новомъ дворцѣ на Сіонѣ; но вотъ, уже полупомѣшанный отъ своего прошлаго, онъ вдругъ повергнутъ былъ въ новый припадокъ

*) Снимокъ съ барельефнаго изображенія на саркофагѣ въ соборѣ г. Равенны, около 600 г. по Р. Хр.



Волхвы, приносящіе дары *).

ГЛАВА III.

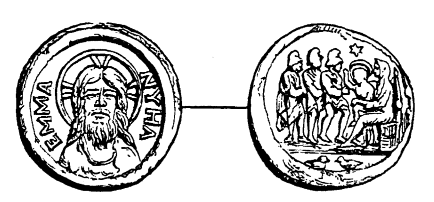
ПОКЛОНЕНІЕ ВОЛХВОВЪ.

Оглянись, Іерусалимъ, на востокъ, и посмотри на радость, грядущую къ тебѣ отъ Бога. *Варухъ* IV, 36.

КРАТКІЙ разсказъ о посѣщеніи волхвовъ, передаваемый во второй главѣ евангелія Матѳея, имѣетъ глубочайшій интересъ въ исторіи христіанства. Это прежде всего явленіе Христа язычникамъ. Онъ ставитъ событія евангельской исторіи въ тѣсную связь съ іудейскими вѣрованіями, съ древнимъ пророчествомъ, съ гражданской исторіей и съ новѣйшей наукой, и такимъ образомъ даетъ намъ новое подтвержденіе нашей вѣры, и тѣмъ болѣе важное, что оно случайно берется изъ источниковъ неожиданныхъ и безспорныхъ.

Иродъ Великій, который, послѣ жизни полной блестящаго безпутства и преступныхъ успѣховъ, впалъ уже въ завистливую злобу преклонныхъ лѣтъ, жилъ въ

тревоги и подозрѣнія прибытіемъ какихъ-то восточныхъ волхвовъ, принесшихъ странное извѣстіе, что они видѣли на востокѣ [41]) звѣзду новорожденнаго царя іудеевъ и пришли поклониться ему. Иродъ, простой идумейскій похититель престола, болѣе чѣмъ подозрѣваемый вѣроотступникъ, ненавистный презиравшему его народу тиранъ, святотатственный расхититель гробницы Давида [42]),—Иродъ, потомокъ презираемаго Измаила и ненавистнаго Исава, услышалъ это извѣстіе съ трудно-скрываемымъ страхомъ и негодованіемъ. Будучи внукомъ, по общему тогда мнѣнію, простаго прислужника при храмѣ въ Аскалонѣ, въ молодости захваченнаго эдомитскими разбойниками, онъ хорошо сознавалъ, какъ ничтожны были его права на историческій престолъ, который онъ занималъ только благодаря счастливой случайности. Но хитрость въ немъ не уступала жестокости, и замѣтивъ, что весь Іерусалимъ раздѣлялъ его тревогу, онъ созвалъ въ свой дворецъ главныхъ священниковъ и богослововъ іудейскихъ, быть можетъ останки того



Древняя медаль въ память волхвовъ *).

синедріона, который онъ давно низвелъ на степень презрѣннаго ничтожества, чтобы спросить у нихъ, гдѣ должно было родиться Мессіи [43]). Онъ получилъ готовый и рѣшительный отвѣтъ, что Виѳлеему предсказана эта честь пророкомъ Михеемъ [44]). Скрывая свое звѣрское намѣреніе, онъ послалъ мудрецовъ въ Виѳлеемъ, прося ихъ дать ему знать, когда они найдутъ Младенца, чтобы и онъ могъ пойти и поклониться Ему.

*) Эта медаль (такъ какъ она не носитъ ни изображенія, ни надписи какого-нибудь *земнаго* царя) на лицевой сторонѣ имѣетъ поясное изображеніе Спасителя съ серьезными и величавыми чертами, какъ любилъ живописать Леонардо-да-Винчи; къ окружающему голову ободку подходятъ три оконечности греческаго креста—въ истинномъ стилѣ ранняго византійскаго искусства IX или X вѣка, къ каковому періоду она вѣроятно и относится. На надписи значится «Еммануилъ», частью греческими, частью латинскими буквами — EMMA-NYHA. Группа на оборотной сторонѣ (гораздо ниже по рисунку, но не менѣе интересная по предмету) представляетъ трехъ волхвовъ, которые во фригійскихъ шапкахъ и короткомъ одѣяніи съ усердною поспѣшностью приносятъ дары св. Младенцу. Младенецъ съ ободкомъ славы вокругъ головы сидитъ на лонѣ своей матери и наклоняется впередъ для принятія приношеній. Вверху видна руководящая звѣзда, а внизу два голубя тонко символизируютъ очищеніе. Медаль эта считается необычайною рѣдкостью и нѣкогда принадлежала къ коллекціи графа Пемброка (Pembr. Cat. стр. 1492).

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ, остановимся на вопросѣ: кто такіе были эти восточные пришельцы и что извѣстно касательно ихъ загадочной цѣли?

Слово волхвы или *маги*, какъ они называются по-гречески въ евангеліи Матѳея, имѣетъ широкій и неопредѣленный смыслъ. Имъ первоначально обозначалась одна секта мидійскихъ и персидскихъ ученыхъ; впослѣдствіи оно прилагалось (какъ напр. въ Дѣян. XIII, 6) къ мнимымъ астрологамъ или восточнымъ предсказателямъ будущаго. Подобные люди хорошо извѣстны были въ древности подъ именемъ халдеевъ и ихъ посѣщенія не были неизвѣстны даже западнымъ народамъ. Діогенъ Лаэрцій передаетъ разсказъ Аристотеля о сирійскомъ *магѣ*, предсказавшимъ Сократу, что онъ умретъ насильственною смертью [45]); а Сенека сообщаетъ, что маги, случайно бывшіе въ Аѳинахъ, посѣтили гробницу Платона и принесли ему куреніе, какъ божественному существу [46]). Что касается ихъ положенія, родины, числа или именъ, то въ этомъ отношеніи имѣется только масса спутанныхъ и противорѣчивыхъ преданій. Преданіе, которое дѣлаетъ ихъ царями, вѣроятно основано на пророчествѣ Исаіи (LX, 3): «И пріидутъ цари къ свѣту твоему, и цари къ восходящему надъ тобою сіянію». Сказаніе, что это были арабы, могло возникнуть изъ того, что ладанъ и смирна были арабскими произведеніями, и изъ мѣста въ псалмѣ LXXI, 10: «Цари Ѳарсиса и острововъ поднесутъ ему дань; цари Аравіи и Савы принесутъ дары» [47]).

Касательно ихъ числа существуетъ двоякое преданіе. Бл. Августинъ и св. Златоустъ говорятъ, что ихъ было двѣнадцать, но по обыкновенному представленію, возникшему вѣроятно отъ тройственности даровъ, ихъ было трое [48]). Достопочтенный Беда сообщаетъ даже ихъ имена, называетъ ихъ родину и описываетъ ихъ внѣшность. Мельхіоръ былъ старецъ съ сѣдыми волосами и съ длинною бородою; Каспаръ—румяный и безбородый юноша; Валтасаръ—смуглый и зрѣлыхъ лѣтъ [49]). Преданіе дальше сообщаетъ, что Мельхіоръ былъ потомокъ Сима, Каспаръ—Хама и Валтасаръ—Іафета. Такимъ образомъ, они являются представителями трехъ возрастовъ человѣческой жизни и трехъ расъ земнаго шара. Какъ ни малоцѣнннны подобныя измышленія для прямыхъ историческихъ цѣлей, но они сдѣлались интересными вслѣдствіе того вліянія, которое они оказывали на самыя блестящія произведенія христіанскаго искусства [50]). Черепы этихъ трехъ волхвовъ-царей, съ коронами изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, доселѣ показываются между другими священными останками въ Кельнскомъ соборѣ [51]).

Но для нашей ближайшей цѣли важнѣе опредѣлить причины ихъ знаменитаго путешествія.

По свидѣтельству Тацита, Светонія и Іосифа Флавія [52]) на всемъ востокѣ въ это время господствовало убѣжденіе, основанное на древнихъ пророчествахъ, что скоро возстанетъ въ Іудеѣ могущественный царь и подчинитъ себѣ весь міръ. Нѣкоторые предполагали, что римскіе историки просто повторяли въ этомъ отношеніи І. Флавія, который одинъ только и могъ быть источникомъ для нихъ; но даже если и принять это шаткое предположеніе, остаются однако же другія ясныя доказательства, какъ въ іудейской, такъ и въ языческой литературѣ, что грѣховный и истомленный міръ смутно ожидалъ себѣ Избавителя. «Роса благословенія не падаетъ на насъ и плоды наши не имѣютъ вкуса», восклицалъ Сvмеонъ, сынъ Гамаліила, и это восклицаніе выражало общій тонъ литературы того вѣка, который, по выраженію Нибура, «былъ обезсиленъ отъ опьянѣнія порокомъ». Великолѣпное предсказаніе въ четвертой эклогѣ Виргилія явно доказываетъ необычайную напряженность этого ожиданія и издавна причисляется къ «несознательнымъ пророчествамъ языческаго міра».

Нѣтъ ничего поэтому необычайнаго въ томъ, что эти восточные волхвы направились къ Іерусалиму, особенно когда случились обстоятельства, которыя могли пробуждать на востокѣ болѣе живое убѣжденіе, что общераспространенное ожиданіе близится къ исполненію. Если они были послѣдователи Зороастра, то они видѣли въ Младенцѣ-царѣ будущаго побѣдителя Аримана, предопредѣленнаго Владыку всего міра. Разсказъ объ ихъ путешествіи иногда съ пренебрежительною увѣренностью низводили на степень простаго поэтическаго вымысла; но хотя его дѣйствительная историческая достовѣрность основывается единственно на свидѣтельствѣ евангелиста, есть однако же много данныхъ, которыя показываютъ, что въ своихъ главныхъ чертахъ онъ не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго или даже невѣроятнаго.

Ев. Матѳей говоритъ, что причиною ихъ ожидательнаго настроенія была видѣнная ими на востокѣ звѣзда Мессіи, а желаніе найти Его побудило ихъ къ путешествію.

Что какое нибудь странное звѣздное явленіе они могли истолковать какъ знаменіе явленія царя — это совершенно согласно съ убѣжденіями того времени. Такое мнѣніе могло возникнуть вслѣдствіе пророчества Валаама [53]), языческаго прорицателя, которое, благодаря силѣ своего поэтическаго ритма и блеску воображенія, легко могло распро-

страниться въ восточныхъ странахъ. Почти столѣтіе спустя, ложный мессія, въ царствованіе Адріана, получилъ отъ знаменитаго раввина Акибы прозваніе Бар-Кохба или «Сына звѣзды» и повелѣлъ съ звѣздой чеканить выпускавшуюся при немъ монету. Шесть столѣтій спустя Магометъ, какъ извѣстно, указывалъ на комету, какъ на свидѣтельство своего божественнаго посланничества. Даже у грековъ и римлянъ [54]) было убѣжденіе, что рожденіе и смерть великихъ людей обозначаются появленіемъ и исчезновеніемъ небесныхъ тѣлъ, и то же самое повѣрье сохранялось до сравнительно новѣйшаго времени. Мимолетная звѣзда, которая появилась во время Тихо Браге и была замѣчена имъ 11 ноября 1572 года, указывала, по господствовавшему тогда вѣрованію, на короткое, но блестящее поприще нѣкоего сѣвернаго воина, и впослѣдствіи она считалась пророческимъ предзнаменованіемъ жизни и подвиговъ Густава Адольфа. И въ данномъ случаѣ, хотя на основаніи св. писанія и нельзя въ точности и съ рѣшительностью опредѣлить года, когда родился Христосъ, *несомнѣнно* однако же, что въ промежуткѣ немногихъ лѣтъ того самаго періода, къ которому по какому бы то ни было счисленію нужно отнести время Его рожденія, на небѣ было столь замѣчательное явленіе, что оно никакъ не могло ускользнутъ отъ наблюденія астрономовъ. Мнѣніе о непосредственной приложимости этого явленія къ евангельскому повѣствованію теперь впрочемъ оставлено, но какъ бы ни объясняли этого явленія, безспорно важно и интересно то, что оно послужило однимъ изъ основаній, которыя впервые повели къ открытію, что Рождество Христа было тремя или четырьмя годами раньше нашего общепринятаго лѣтосчисленія [55]). Мы подробнѣе разсмотримъ это явленіе и связанныя съ нимъ обстоятельства. Они составляютъ любопытный эпизодъ въ исторіи экзегетики, и не менѣе замѣчательны и въ другихъ отношеніяхъ; но мы должны предупредить читателя, что доказательства, на основаніи которыхъ этотъ астрономическій фактъ ставится въ непосредственную связь съ повѣствованіемъ ев. Матѳея, чисто предположительнаго свойства, и если можно принимать ихъ, то только съ значительною осторожностью.

17 декабря 1603 года произошло сочетаніе двухъ великихъ планетъ Юпитера и Сатурна, въ зодіаковомъ знакѣ Рыбъ, въ водномъ треугольникѣ [56]). Въ слѣдующую весну онѣ соединились въ огненномъ треугольникѣ у Марса, и въ сентябрѣ 1604 года у подножія Змієносца, между Марсомъ и Сатурномъ, появилась новая звѣзда первой величины, которая, сіяя въ теченіе цѣлаго года, начала постепенно меркнуть въ

мартѣ 1606 года и наконецъ исчезла [57]). Первый замѣтилъ ее Бруновскій, ученикъ Кеплера, и по описанію его она сверкала разноцвѣтными огнями подобно бриллліанту, ни въ какомъ случаѣ не была туманнымъ пятномъ и не походила на комету [58]). Эти замѣчательныя явленія обратили на себя вниманіе великаго Кеплера, который, будучи знакомъ съ астрологіей, понималъ, какое громадное значеніе такое сочетаніе могло бы имѣть въ глазахъ маговъ, и захотѣлъ изслѣдовать, не происходило ли такого же сочетанія около времени Рождества Христова. Сочетаніе Юпитера и Сатурна происходитъ въ томъ же треугольникѣ каждыя двадцать лѣтъ, но въ каждыя 200 лѣтъ они переходятъ въ другой треугольникъ и въ томъ же треугольникѣ опять соединяются, только пройдя весь зодіакъ, по истеченіи 794 лѣтъ, четырехъ мѣсяцевъ и двѣнадцати дней. Вычисляя назадъ, Кеплеръ открылъ, что то же самое сочетаніе Юпитера и Сатурна въ созвѣздіи Рыбъ происходило не менѣе трехъ разъ въ 747 году отъ основанія Рима и что Марсъ присоединился къ нимъ весной 748 года. Самый фактъ, что такое сочетаніе было въ этотъ періодъ, удостовѣренъ многими независимыми изслѣдователями [59]) и не допускаетъ отрицанія. Какъ ни смотрѣть на этотъ фактъ, онъ во всякомъ случаѣ замѣчателенъ. Такое сочетаніе конечно сразу было бы истолковано халдейскими астрологами въ смыслѣ указанія на приближеніе какого-нибудь великаго событія, а такъ какъ оно произошло въ созвѣздіи Рыбъ, которое, по предположенію астрологовъ, находилось въ ближайшемъ соотношеніи съ судьбами Іудеи [60]), то оно естественно и обратило ихъ мысли въ этомъ направленіи. Самая форма ихъ толкованія могла выработаться частью подъ вліяніемъ астрологическихъ воззрѣній іудеевъ, которыя ясно указываютъ на это именно сочетаніе, какъ на знаменіе пришествія Мессіи, частью же подъ вліяніемъ общаго ожиданія Избавителя, которое было широко распространено въ то время.

Появленіе и исчезновеніе новыхъ звѣздъ — феноменъ во всякомъ случаѣ не такой рѣдкій, чтобы могъ вызывать какое-нибудь сомнѣніе [61]). Свидѣтельство ев. Матѳея о явленіи такой звѣзды въ предѣлахъ двухъ или, самое большее, трехъ лѣтъ того самаго времени, въ какое, какъ намъ извѣстно, дѣйствительно было это замѣчательное сочетаніе планетъ, и появленіе такой же звѣзды во время такого же сочетанія 1600 лѣтъ спустя, можно считать только любопытнымъ совпаденіемъ. Въ отношеніи главнаго факта въ повѣствованіи ев. Матѳея мы могли бы имѣть сильное и необычайное подтвержденіе, еслибы только можно

было положиться на увѣреніе, что въ астрономическихъ таблицахъ китайцевъ сохранилось замѣчаніе о появленіи новой звѣзды на небѣ въ это именно время [62]). Но конечно было бы напрасно основываться на показаніи, которое не можетъ подлежать провѣркѣ и недостаточно опредѣленно.

Во всякомъ случаѣ мы должны признать, что астрономическія изслѣдованія, которыя доказываютъ дѣйствительность этого планетнаго сочетанія, цѣнны только какъ показатели *возможности* того, что маги могли быть подготовлены имъ къ ожиданію какого-нибудь великаго событія И это-то именно ожиданіе могло заставить ихъ предпринять путешествіе въ Палестину — тѣмъ болѣе, что оно могло подкрѣпиться появленіемъ какой-нибудь мимолетной звѣзды или метеора, — явленіе во всякомъ случаѣ небезпримѣрное въ лѣтописяхъ астрономіи, но въ данномъ случаѣ [63]) повидимому основывающееся только на авторитетѣ евангелиста.

Никто конечно не заключитъ отсюда, что этимъ дается нѣкоторая санкція комбинаціямъ астрологіи. Совершенно независимо отъ астрологіи, многіе просвѣщенные и честные изслѣдователи, и даже великій Нибуръ, человѣкъ, который былъ менѣе всего способенъ поддаваться легкой довѣрчивости или суевѣрію, допускаютъ, что великіе перевороты и необычайныя явленія въ природѣ обыкновенно — какъ бы мы ни объясняли этого факта — удивительнымъ образомъ совпадаютъ по времени съ великими событіями въ исторіи человѣчества [64]). Поэтому со стороны маговъ не было бы чудовищнымъ и безумнымъ смотрѣть на планетное сочетаніе, какъ на нѣчто знаменательное и вѣщее. Пусть даже астрологія сама по себѣ будетъ нелѣпостью; всетаки нѣтъ ничего нелѣпаго въ томъ предположеніи, что маги приведены были ею къ истинѣ, хотя бы и путемъ заблужденія, если только они были искренни и правдивы. Исторія науки представляетъ много примѣровъ не только важныхъ открытій, сдѣланныхъ благодаря видимой случайности, но и достиженія необычайныхъ результатовъ при изслѣдованіи невиннаго и честнаго заблужденія. Саулъ, который, ища ословъ, нашелъ царскій престолъ, представляетъ лишь типическій примѣръ многихъ другихъ подобныхъ искателей въ различные вѣка [65]).

По прибытіи въ Виѳлеемъ, волхвы оказали Младенцу въ Его грубой и убогой колыбели [66]) почести, какихъ они не оказывали эдомитскому узурпатору въ его роскошныхъ палатахъ. «И открывъ сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладанъ и смирну». Христіанское

вообраҗеніе придало каждому дару свое особое значеніе: золото было принесено какъ царю, ладанъ какъ Богу и смирна какъ человѣку, или еще — золото отъ племени Симова, смирна отъ Хамова и ладанъ отъ Іафетова. Но всѣ подобныя объясненія конечно не имѣютъ особеннаго значенія и о нихъ достаточно только вскользь упомянуть, вслѣдствіе ихъ историческаго интереса и отношенія къ произведеніямъ христіанской поэзіи и искусства [67]).

Сикль Бар-Кохбы *).

*) Симонъ Бар-Кохба или Бар-Кохеба (Сынъ звѣзды). Звѣзда надъ четырехколоннымъ храмомъ на лицевой сторонѣ этого сикля, который де-Сольси съ большою вѣроятностью приписываетъ Бар-Кохбѣ, показываетъ, съ какою настойчивостью іудеи, вплоть до втораго и послѣдняго ихъ возстанія противъ римлянъ, держались политическаго, земнаго исполненія такихъ пророчествъ, какъ Числ. xxiv, 17—24. Вокругъ фасада храма вычеканено имя «Симонъ» (или скорѣе Сvмеонъ), для подавленія возстанія котораго понадобилось даже отозвать Юлія Севера изъ Британіи, въ 134 г. по Р. Х. На оборотной сторонѣ слова «Освобожденіе Іерусалима» окружаютъ лимонъ и пальмовую вѣтвь — символы великаго праздника Кущъ и сообразно съ этимъ избранные Симономъ Маккавеемъ въ качествѣ національнаго девиза на сикляхъ, которые чеканилъ онъ. Обѣ надписи сдѣланы самарянскими буквами. Экземпляръ, съ котораго сдѣланъ этотъ снимокъ, находится въ Британскомъ музеѣ.

Равнина и пальмы Іерихонскія.

ГЛАВА IV.

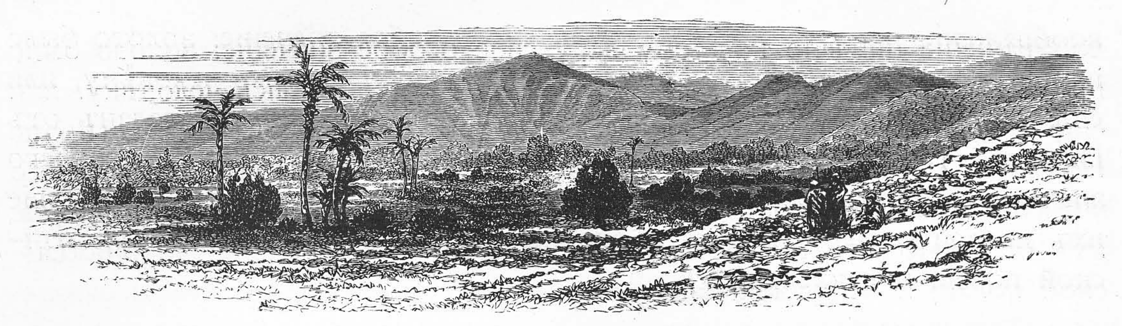
БѢГСТВО ВЪ ЕГИПЕТЪ И ИЗБІЕНІЕ МЛАДЕНЦЕВЪ.

Изъ Египта воззвалъ Я Сына Моего. *Осія* xi, 1.

ПРИНЕСЯ свои дары, восточные мудрецы конечно возвратились бы къ Ироду, но вслѣдствіе бывшаго имъ во снѣ предостереженія они возвратились на родину другимъ путемъ. Ни въ св. писаніи, ни въ достовѣрныхъ свидѣтельствахъ исторіи, ни даже въ раннемъ апокрифическомъ преданіи мы не находимъ никакихъ дальнѣйшихъ слѣдовъ ихъ существованія; но ихъ посѣщеніе повело къ весьма важнымъ событіямъ.

Сонъ, которымъ они были предостережены объ опасности, вѣроятно совпалъ съ ихъ собственными сомнѣніями касательно намѣреній жестокаго и коварнаго тирана, выразившаго лицемѣрное желаніе тоже оказать почести новорожденному Царю; и если они, какъ можно предполагать, сообщили и Іосифу свои недоумѣнія въ этомъ отношеніи, то и онъ могъ быть приготовленъ къ сновидѣнію, заставившему его бѣжать въ Египетъ для спасенія Младенца отъ злобы Ирода.

Египетъ издавна былъ естественнымъ мѣстомъ убѣжища для всѣхъ гонимыхъ изъ Палестины — бѣдствіями ли, преслѣдованіями или недовольствомъ. Ринокалура, рѣка Египетская, которую Мильтонъ съ свойственнымъ ему изяществомъ и научною точностью называетъ «потокомъ, что отдѣляетъ Египетъ отъ Сирійской пустыни» [68]), могла быть

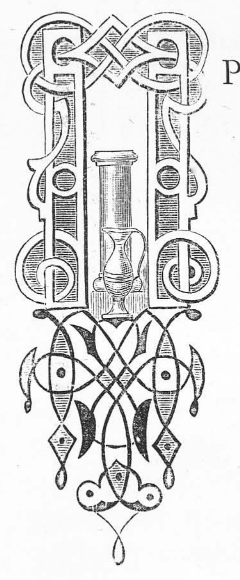


Равнина и пальмы Іерихонскія.

ГЛАВА IV.

БѢГСТВО ВЪ ЕГИПЕТЪ И ИЗБІЕНІЕ МЛАДЕНЦЕВЪ.

Изъ Египта воззвалъ Я Сына Моего. *Осія* XI, 1.

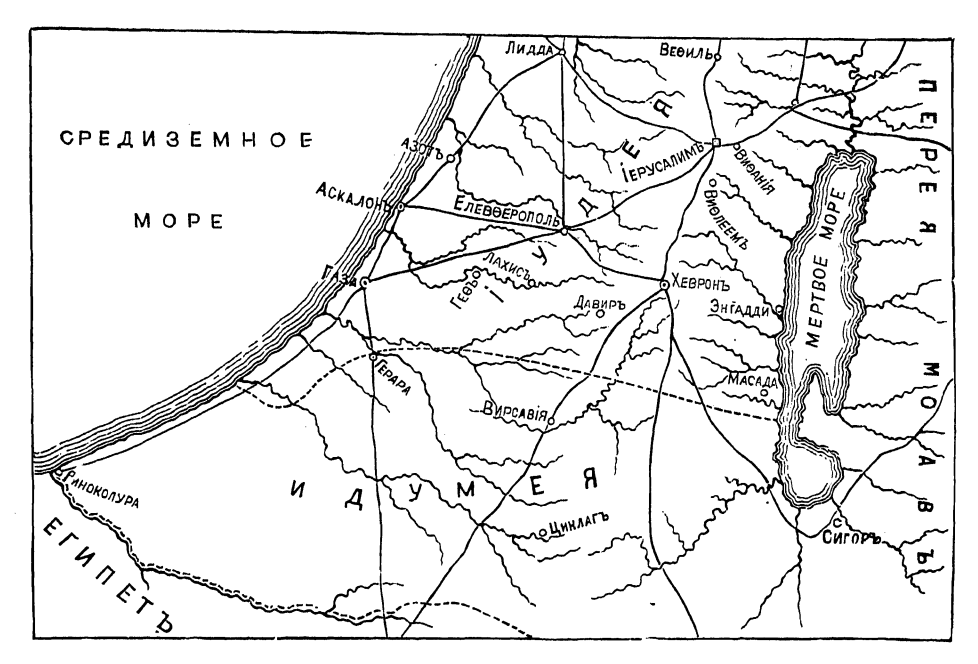


РИНЕСЯ свои дары, восточные мудрецы конечно возвратились бы къ Ироду, но вслѣдствіе бывшаго имъ во снѣ предостереженія они возвратились на родину другимъ путемъ. Ни въ св. писаніи, ни въ достовѣрныхъ свидѣтельствахъ исторіи, ни даже въ раннемъ апокрифическомъ преданіи мы не находимъ никакихъ дальнѣйшихъ слѣдовъ ихъ существованія; но ихъ посѣщеніе повело къ весьма важнымъ событіямъ.

Сонъ, которымъ они были предостережены объ опасности, вѣроятно совпалъ съ ихъ собственными сомнѣніями касательно намѣреній жестокаго и коварнаго тирана, выразившаго лицемѣрное желаніе тоже оказать почести новорожденному Царю; и если они, какъ можно

достигнута бѣглецами въ три дня, и, ступивъ на другой берегъ ея, они уже были внѣ всякой власти Ирода.

О самомъ бѣгствѣ и его продожительности св. писаніе не даетъ никакихъ дальнѣйшихъ подробностей, сообщая только, что святое семейство бѣжало изъ Виѳлеема ночью и возвратилось уже тогда, когда Іосифъ получилъ во снѣ увѣреніе, что Младенца можно было безопасно возвратить въ землю Его рожденія. Зато апокрифическія сказанія, которыя обезсмертилъ геній итальянскаго искусства, представляютъ множество подробностей о томъ, какъ во время пути драконы прихо-



Южная Палестина.

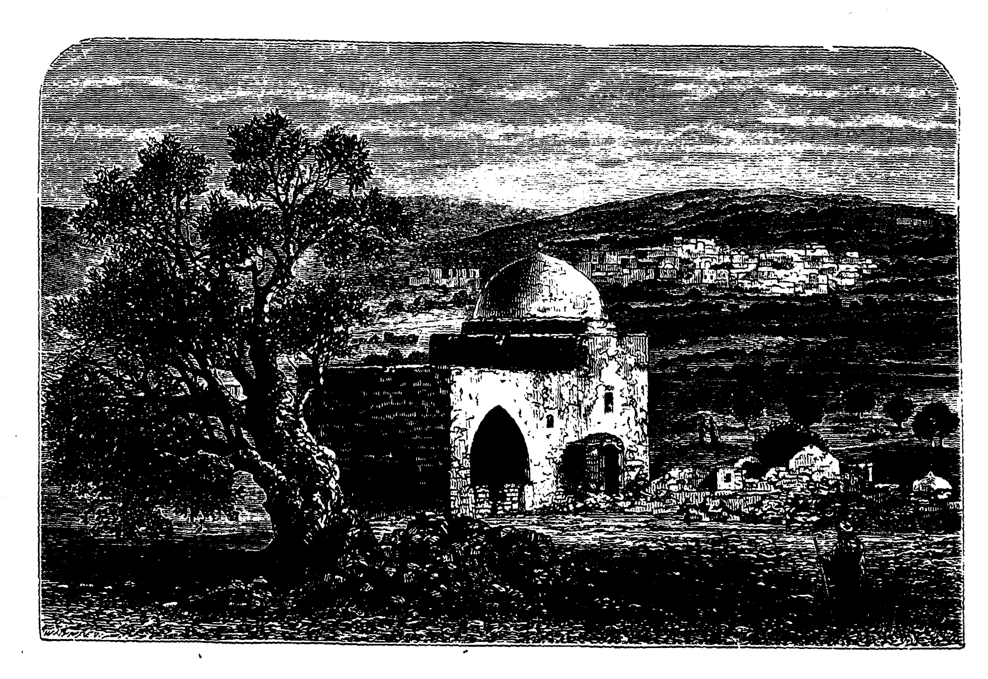
дили и кланялись Младенцу, львы и леопарды боготворили Его, гдѣ только ступала Его нога—расцвѣтали розы іерихонскія, пальмы по Его мановенію склонялись для доставленія своихъ финиковъ, разбойники были устрашены Его величіемъ и самое путешествіе чудесно сократилось [69]). Они разсказываютъ также, какъ при вступленіи Его въ Египетъ всѣ идолы страны мгновенно пали съ своихъ пьедесталовъ и разбитые лежали ницъ, какъ по Его слову совершилось много чудесныхъ исцѣленій отъ проказы и бѣснованія. Все это богатство и разнообразіе ненужныхъ и безцѣльныхъ чудесъ, возникшее частью изъ простаго пристрастія къ сверхъестественному, а частью изъ произвольнаго толко-

ванія ветхозавѣтныхъ пророчествъ—стоитъ въ рѣзкой противоположности съ правдивою простотою евангельскаго повѣствованія. Ев. Матѳей не сообщаетъ намъ ничего о томъ, гдѣ жило св. семейство въ Египтѣ и какъ долго оно находилось тамъ; но древнія сказанія говорятъ, что оно находилось внѣ Палестины въ теченіе двухъ лѣтъ [70]) и жило въ Матареѣ [71]), въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Каира, гдѣ долго показывали источникъ, гнилую воду которой Іисусъ сдѣлалъ свѣжей и здоровой, и старый сикаморъ, подъ вѣтвями котораго они отдыхали. Евангелистъ указываетъ только на причины ихъ бѣгства и возвращенія, и находитъ въ послѣднемъ новое и глубочайшее значеніе для словъ пророка Осіи: «Изъ Египта воззвалъ Я Сына Моего» [72]).

Бѣгство въ Египетъ повело къ знаменательному событію. При видѣ того, что восточные мудрецы не возвратились, тревога и злоба Ирода приняли еще болѣе мрачный и зловѣщій характеръ. У него не было средствъ узнать царственнаго Младенца отъ сѣмени Давидова, и менѣе всего конечно онъ сталъ бы искать Его въ скотномъ стойлѣ при деревенскомъ ханѣ. Но онъ зналъ, что Младенецъ, на котораго онъ вслѣдствіе посѣщенія маговъ сталъ смотрѣть какъ на будущаго себѣ или своему дому соперника, былъ еще груднымъ ребенкомъ, и такъ какъ на востокѣ матери обыкновенно кормятъ грудью своихъ дѣтей въ теченіе двухъ лѣтъ [73]), то онъ издалъ кровожадное повелѣніе — избить всѣхъ младенцевъ въ Виѳлеемѣ и его окрестностяхъ «отъ двухъ лѣтъ и ниже». О способѣ, какимъ приводилось въ исполненіе это повелѣніе, намъ ничего неизвѣстно. Дѣтей могли убивать тайно, постепенно и различными способами умерщвленія, или же, по общепринятому предположенію, избіеніе могло быть произведено въ одинъ какой-нибудь опредѣленный часъ [74]). Повелѣнія такихъ тирановъ, какъ Иродъ, обыкновенно бываютъ покрыты непроницаемымъ мракомъ; они приводятъ всѣхъ въ ужасъ и оцѣпенѣніе, при которомъ едва ли безопасно говорить даже шепотомъ. Но нельзя было заставить только смолкнуть отчаяннаго, дикаго вопля матерей, у которыхъ съ такою жестокостью отнимали грудныхъ дѣтей, и слышавшіе этотъ вопль легко могли вообразить себѣ, что Рахиль, великая праматерь ихъ, гробница которой стоитъ при дорогѣ верстахъ въ двухъ отъ Виѳлеема, опять, по вдохновенному выраженію пророка, присоединила свой голосъ къ рыданію и воплю тѣхъ, что такъ безутѣшно плакали о своихъ избиваемыхъ малюткахъ [75]).

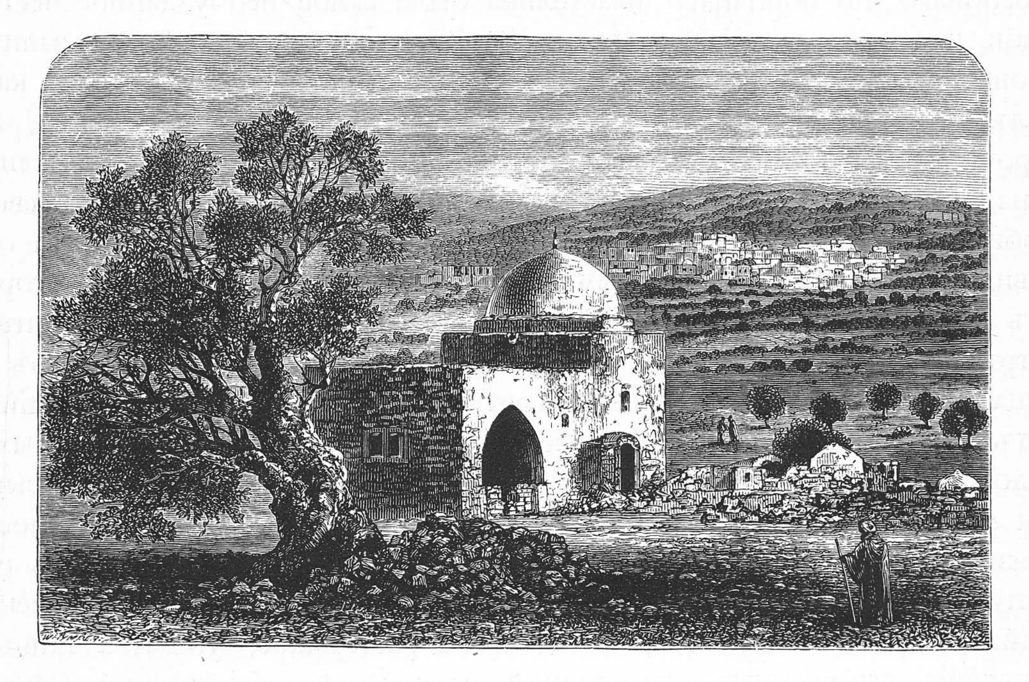
Намъ можетъ показаться непостижимымъ преступленіе столь кровожадное и дикое; но вѣдь наши воззрѣнія смягчены восемнадцати-

вѣковымъ вліяніемъ христіанства, а между тѣмъ такія дѣла вовсе небезпримѣрны въ исторіи языческихъ деспотовъ древняго міра. Дѣтоубійство еще болѣе мрачнаго свойства, чѣмъ Иродово, было обычнымъ преступленіемъ во времена Римской имперіи, и Иродово избіеніе младенцевъ, равно какъ и поведшія къ нему побужденія, находятъ себѣ соотвѣтствующіе факты въ исторіи этого самаго времени. Светоній въ своемъ жизнеописаніи Августа заимствуетъ изъ жизнеописанія императора, составленнаго его отпущенникомъ Юліемъ Маратомъ, разсказъ о томъ, будто незадолго до его рожденія въ Римѣ ходило предсказаніе,



Гробница Рахили.

что скоро надъ римскимъ народомъ родится царь. Чтобы предотвратить эту опасность для республики, сенатъ издалъ повелѣніе, по которому всѣ дѣти мужескаго пола, рожденныя въ томъ году, должны быть заброшены или выданы; но тѣ сенаторы, жены которыхъ были беременны, приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы помѣшать утвержденію этого повелѣнія, такъ какъ каждый изъ нихъ надѣялся, что пророчество относится къ его именно ребенку [76]). Затѣмъ, Евсевій [77]) заимствуетъ у Егезиппа, еврея по происхожденію, разсказъ, что Домиціанъ, встревоженный возрастающимъ могуществомъ имени Христа, издалъ повелѣніе истребить всѣхъ потомковъ дома Давидова. Два правнука



Гробница Рахили.

св. Іуды, «брата Господня», были въ живыхъ и извѣстны были подъ именемъ *Десносиновъ* [78]). Они выданы были императору нѣкіимъ Іокатомъ и другими назорейскими еретиками, и приведены лично къ императору; но когда Домиціанъ увидѣлъ, что это простые поселяне и руки ихъ мозолисты отъ тяжелаго труда, онъ съ смѣшаннымъ чувствомъ жалости и презрѣнія отпустилъ ихъ невредимыми.

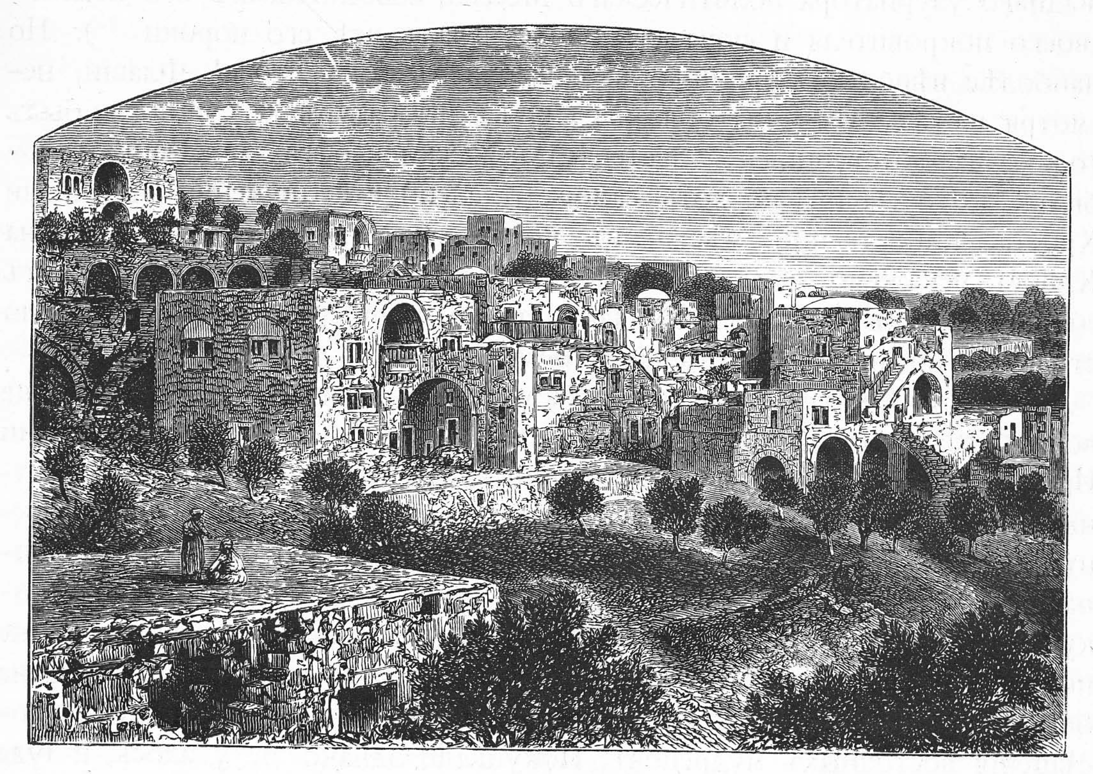
Касательно разсказываемаго въ Евангеліи избіенія младенцевъ возникали сомнѣнія, но оно находится въ полнѣйшемъ согласіи со всѣмъ, что мы знаемъ о характерѣ Ирода. Господствующими страстями этого способнаго, но порочнаго властелина были самое необузданное честолюбіе и самая мучительная зависть [79]). Весь его жизненный путь залитъ кровью убійствъ. Онъ избивалъ священниковъ и знать; массами казнилъ членовъ синедріона; заставилъ предъ собственными глазами, въ нарочно устроенномъ увеселеніи, утопить первосвященника, своего шурина, молодаго и благороднаго Аристовула; приказалъ задушить свою любимую жену, прекрасную асмонейскую княжну Маріамну, хотя она повидимому была единственнымъ человѣческимъ существомъ, которое онъ страстно любилъ [80]). Сыновья его Александръ, Аристовулъ и Антипатръ, дядя Іосифъ, дядя жены его Антигонъ, тесть Александръ и теща Александра, родственникъ Кортобанъ, друзья Досиѳей и Гадій— вотъ лишь немногіе изъ тѣхъ, кто пали жертвою его кровожадныхъ, подозрительныхъ и преступныхъ опасеній. Братъ его Ферора и сынъ его Архелай едва избѣгли казни по его повелѣнію. Ни цвѣтущая юность князя Аристовула, ни сѣдины царя Гиркана не защитили ихъ отъ его льстиваго и предательскаго неистовства. Убійства чрезъ повѣшеніе, убійства чрезъ сожженіе, убійства чрезъ растерзаніе, убійства тайныя, признанія, вымученныя невыносимой пыткой, дѣла безстыдной и скотской похоти — вотъ чѣмъ переполнены лѣтописи этого царствованія, которое было такъ жестоко, что, по сильному выраженію іудейскихъ пословъ къ императору Августу, «остававшіеся въ живыхъ при немъ были несчастнѣе даже замученныхъ» [81]). И подобно Генриху VIII или Ивану Грозному, всѣ мрачные и звѣрскіе инстинкты его характера повидимому пріобрѣтали все болѣе силы по мѣрѣ того, какъ жизнь его близилась къ концу. Преслѣдуемый призракомъ своей задушенной жены и умерщвленнаго сына, возбуждаемый сталкивающимися припадками кровожадности и угрызеній совѣсти, Иродъ, это безжалостное чудовище, какъ называетъ его І. Флавій, былъ охваченъ въ послѣдніе дни своей жизни мрачною и неукротимою яростью, которая обрушивалась

на всякаго, съ кѣмъ только приходилъ онъ въ соприкосновеніе [82]). Не трудно представить послѣ этого, что такой человѣкъ — дикій варваръ, едва прикрытый лоскомъ испорченной и поверхностной цивилизаціи — могъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ именно такъ, какъ описываетъ ев. Матѳей, а самая достовѣрность событія получаетъ независимое подтвержденіе и изъ другихъ источниковъ. «Августъ, будучи извѣщенъ», говоритъ Макробій, «что *между мальчиками ниже двухлѣтняго возраста, избитыми по повелѣнію Ирода въ Сиріи*, былъ также убитъ собственный

Видъ домовъ въ Виѳлеемѣ.

сынъ Ирода, сказалъ на это: лучше быть Иродовой свиньей (ὗν), чѣмъ его сыномъ (υἱόν)» [83]). Правда, Макробій болѣе поздній писатель и сдѣлалъ ошибку, полагая, что сынъ Ирода Антипатръ, умерщвленный около того же самаго времени, когда происходило избіеніе младенцевъ, дѣйствительно погибъ среди этого избіенія; однако же ясно, что та форма, въ которой онъ передаетъ каламбуръ Августа, указываетъ на смутное воспоминаніе объ этомъ именно кровавомъ событіи.

Почему же, спрашивается, І. Флавій совершенно умалчиваетъ о та-

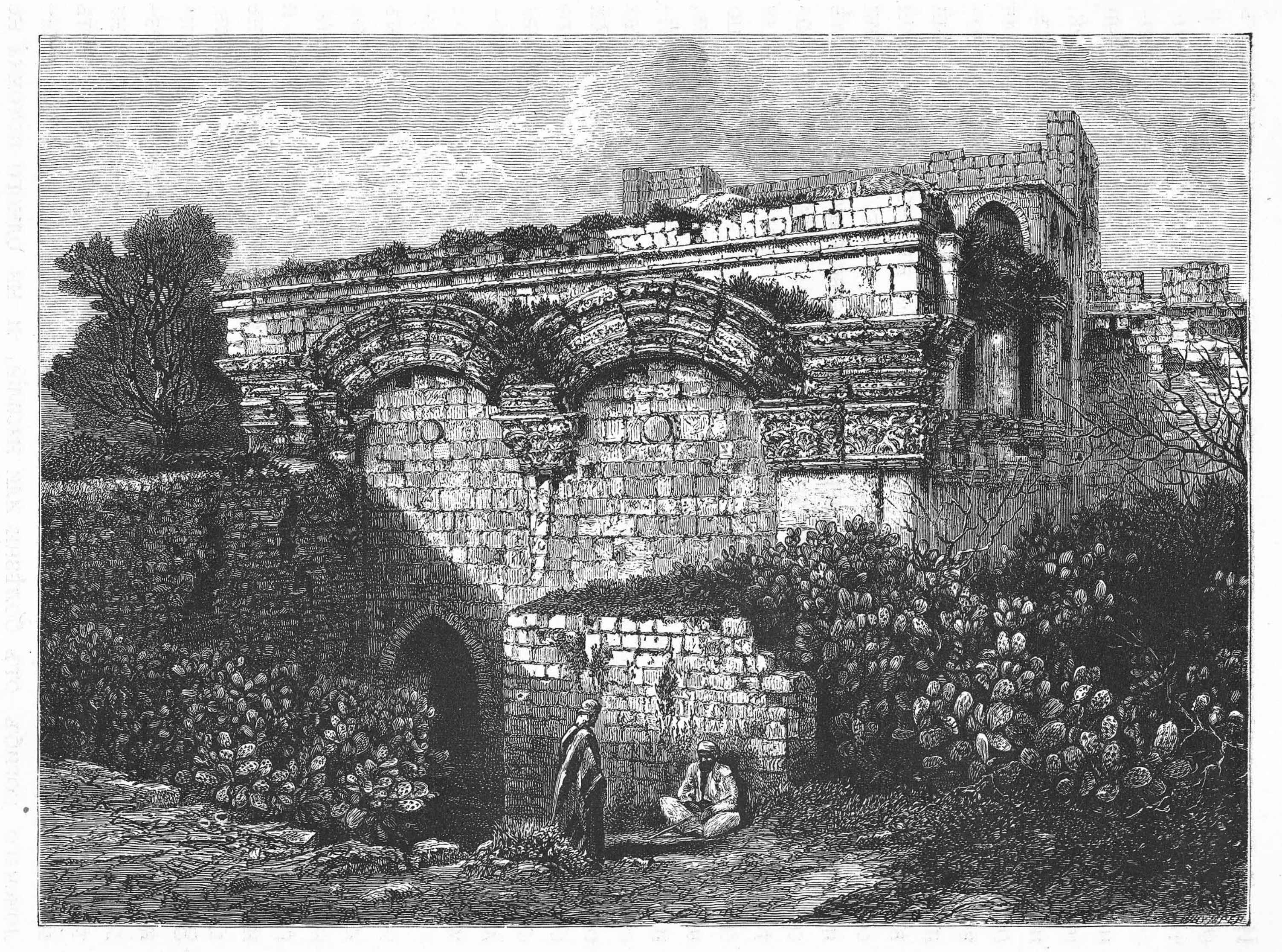


Видъ домовъ въ Виѳлеемѣ.

комъ гнусномъ злодѣяніи?—Быть можетъ потому, что избіеніе совершалось съ такою секретностью, что онъ даже и не зналъ о немъ. Быть можетъ потому, что въ то ужасное время избіеніе десятковъ дѣтей, по одному мимолетному подозрѣнію, считалось событіемъ крайне незначительнымъ среди другихъ убійствъ Иродовыхъ [84]). Быть можетъ потому, что оно пройдено молчаніемъ со стороны Николая Дамасскаго, который, ведя свои записки въ подобострастномъ духѣ придворныхъ эллинистовъ, которымъ хотѣлось сдѣлать изъ испорченнаго и кровожаднаго узурпатора политическаго Мессію, возвеличивалъ всѣ подвиги своего покровителя и скрывалъ или смягчалъ всѣ его пороки [85]). Но наиболѣе вѣроятная причина заключается въ томъ, что І. Флавій, несмотря на все, чѣмъ мы обязаны ему въ литературѣ, въ сущности былъ только вѣроотступникъ и льстецъ и всячески избѣгалъ указаній на событія, которыя имѣли хоть самое отдаленное отношеніе къ жизни Христа. Единственное мѣсто, въ которомъ онъ дѣлаетъ намекъ на Христа, искажено—если не подложно совсѣмъ, и едва ли кто будетъ сомнѣваться въ томъ, что молчаніе его по вопросу о христіанствѣ было столь же преднамѣренно, какъ и безчестно [86]).

Но хотя І. Флавій и не говоритъ явно объ этомъ событіи, однако же всѣ обстоятельства, разсказываемыя имъ изъ этого самаго періода жизни Ирода, подтверждаютъ его достовѣрность. Въ это именно время извѣстные своимъ краснорѣчіемъ іудейскіе учители, Іуда и Матѳій, подстрекнули своихъ учениковъ сорвать большаго золотаго орла, поставленнаго Иродомъ надъ великими вратами храма. І. Флавій ставитъ это покушеніе въ связь съ преждевременными слухами о смерти Ирода; но не невозможно и другое предположеніе, что особенная смѣлость возбуждена была въ нихъ мессіанскими надеждами, снова ожившими вслѣдствіе посѣщенія восточныхъ мудрецовъ. Покушеніе однако не удалось, и Іуда и Матѳій съ своими сорока учениками были за-живо сожжены. Имѣя предъ собой такія звѣрства на каждой страницѣ, Іосифъ Флавій могъ уже спокойно пройти молчаніемъ тайное избіеніе нѣсколькихъ десятковъ грудныхъ младенцевъ въ маленькомъ городкѣ. Ихъ кровь была только каплей въ томъ кровавомъ потокѣ, въ которомъ захлебывался Иродъ.

Скоро послѣ избіенія младенцевъ послѣдовала и смерть самого Ирода. Только за пять дней до смерти онъ сдѣлалъ бѣшеное покушеніе на самоубійство и приказалъ казнить своего старшаго сына Антипатра. Его смертный одръ, опять напоминающій о Генрихѣ VIII и



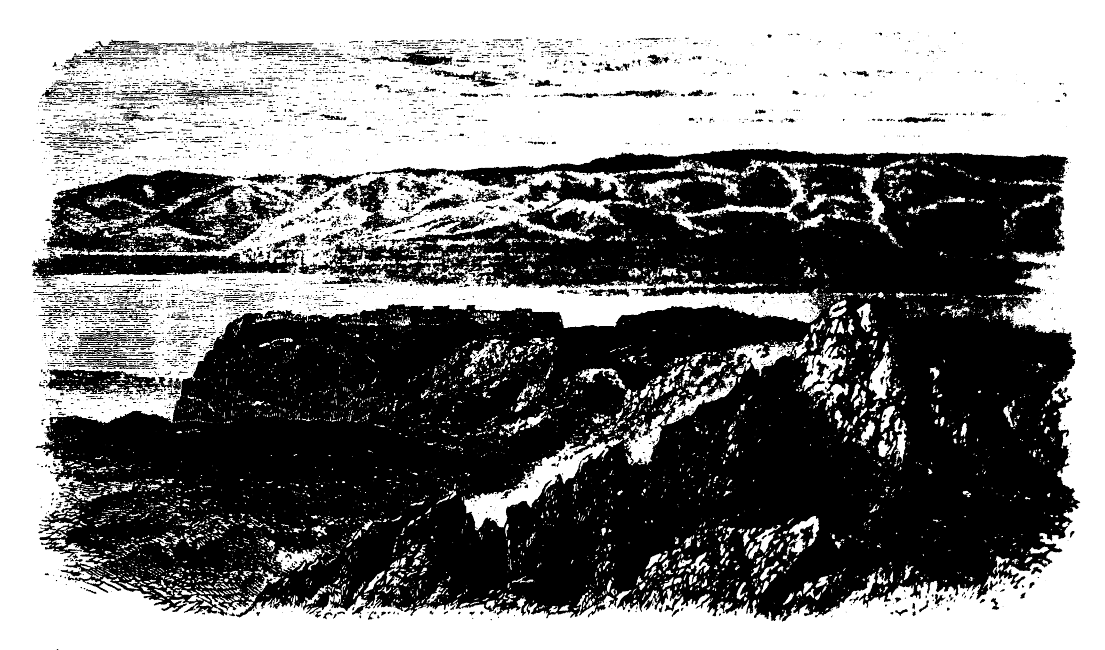
Золотыя Ворота въ Іерусалимѣ.

Иванѣ Грозномъ, былъ окруженъ необычайными ужасами; онъ померъ отъ омерзительной болѣзни [87]), которая рѣдко встрѣчается въ исторіи и то только съ людьми, опозорившими себя кровожадностью и жестокостями [88]). На одрѣ своего нестерпимаго недуга, въ томъ великолѣпномъ и роскошномъ дворцѣ, который онъ построилъ для себя въ тѣни іерихонскихъ пальмъ, распухнувъ отъ болѣзни и сжигаемый жаждой, покрытый язвами на тѣлѣ и внутренно палимый медленнымъ огнемъ, окруженный крамольными сыновьями и хищными рабами, ненавидя всѣхъ и ненавидимый всѣми, жаждая смерти, какъ избавленія отъ своихъ мукъ, и въ то же время неутоленный кровопійствомъ, страшный всѣмъ окружающимъ и еще страшнѣе для себя въ своей преступной совѣсти, пожираемый за-живо могильнымъ тлѣномъ, точимый червями и какбы видимо пораженный перстомъ божественнаго гнѣва, послѣ семидесятилѣтней жизни злодѣйствъ и распутства, жалкій старикъ, котораго люди назвали великимъ, лежалъ въ дикомъ неистовствѣ, ожидая своего послѣдняго часа [89]). Зная, что никто не прольетъ ни слезы по *немъ*, онъ задумалъ заставить многихъ проливать слезы о себѣ самихъ, и подъ страхомъ смертной казни повелѣлъ, чтобы знатнѣйшія семейства въ государствѣ и начальники колѣнъ прибыли въ Іерихонъ. Когда они прибыли, то онъ, собравъ ихъ въ ипподромѣ, тайно велѣлъ своей сестрѣ Саломіи запереть ихъ и избить всѣхъ въ самый моментъ его смерти. И такимъ образомъ, захлебываясь кровью, замышляя убійства даже въ предсмертномъ бреду, душа Иродова отошла во тьму кромѣшнюю.

Въ пурпурномъ одѣяніи, въ коронѣ, со скипетромъ и драгоцѣнными украшеніями трупъ былъ положенъ на великолѣпный катафалкъ и съ царскимъ блескомъ и пышностью, окуриваемый благовоніями, препровожденъ былъ въ его гробницу въ Иродіѣ, неподалеку отъ мѣста, гдѣ родился Христосъ. Но обаяніе Иродова владычества рушилось и народъ увидѣлъ, какъ прозраченъ былъ его мишурный блескъ. День смерти Ирода, какъ онъ и предвидѣлъ, былъ общимъ праздникомъ. Завѣщаніе его оспаривалось, царство разлагалось, послѣдній его приказъ не былъ исполненъ. Сыновья его, по большей части, умерли въ безславіи и ссылкѣ. Божіе проклятіе тяготѣло надъ его домомъ; несмотря на то, что отъ своихъ десяти женъ и многихъ наложницъ онъ имѣлъ девять сыновей и пять дочерей, въ теченіе одного столѣтія родъ *іеродула* аскалонскаго погибъ отъ болѣзни или насилій, и ни одного потомка не осталось въ живыхъ для продолженія его имени [90]).

Если извѣстіе о смерти Ирода [91]) было быстро сообщено Іосифу, то пребываніе его въ Египтѣ навѣрно было слишкомъ непродолжительнымъ, чтобы какимъ-нибудь образомъ повліять на человѣческое развитіе Спасителя. Потому-то, быть можетъ, ев. Лука и обходитъ его молчаніемъ.

Сначала у Іосифа было повидимому намѣреніе поселиться на жительство въ Виѳлеемѣ. Это былъ городъ его предковъ и связанъ со множествомъ отрадныхъ историческихъ воспоминаній. Тутъ онъ легко бы могъ найти себѣ заработокъ ремесломъ, при помощи котораго почти вездѣ можно было удовлетворять скромныя потребности бѣдной семьи. Правда, восточный житель рѣдко оставляетъ свою родину; но разъ вынужденный къ этому какими-нибудь обстоятельствами, онъ находитъ сравнительно легкимъ дѣломъ устроиться во всякомъ другомъ мѣстѣ. Побывавъ разъ въ Виѳлеемѣ, Іосифъ не могъ не чувствовать въ окрестностяхъ этого маленькаго городка сильнаго тяготѣнія къ Іерусалиму, тѣмъ болѣе, что онъ былъ недавно мѣстомъ столь достопамятныхъ для него событій. Но на дорогѣ онъ получилъ извѣщеніе, что послѣ Ирода страною правитъ сынъ его Архелай [92]). Народъ былъ бы очень радъ раздѣлаться со всѣмъ родомъ идумейскимъ, и въ худшемъ случаѣ Антипу предпочелъ бы Архелаю. Но императоръ Августъ неожиданно рѣшилъ дѣло въ пользу Архелая, который, хотя моложе лѣтами, былъ назначенъ наслѣдникомъ по послѣднему завѣщанію своего отца. Какбы желая показать, что онъ былъ истиннымъ сыномъ своего отца, Архелай, даже еще до утвержденія въ своемъ наслѣдствѣ римскимъ правительствомъ, «далъ, какъ презрительно замѣчаетъ І. Флавій [93]), своимъ подданнымъ образецъ своей будущей доблести и приказалъ избить 3,000 своихъ согражданъ въ храмѣ». Ясно было, что при такомъ правителѣ нельзя было разсчитывать на безопасность, и потому Іосифъ, послушный волѣ Божіей, ища для своего семейства мѣстожительства, «пошелъ въ предѣлы Галилейскіе» [94]), и тамъ въ отдаленіи и безвѣстности, подъ покровомъ бѣдности и убожества, святое семейство могло безопасно жить подъ властью другаго сына Ирода — одинаково беззастѣнчиваго, но болѣе безпечнаго и равнодушнаго Антипы.



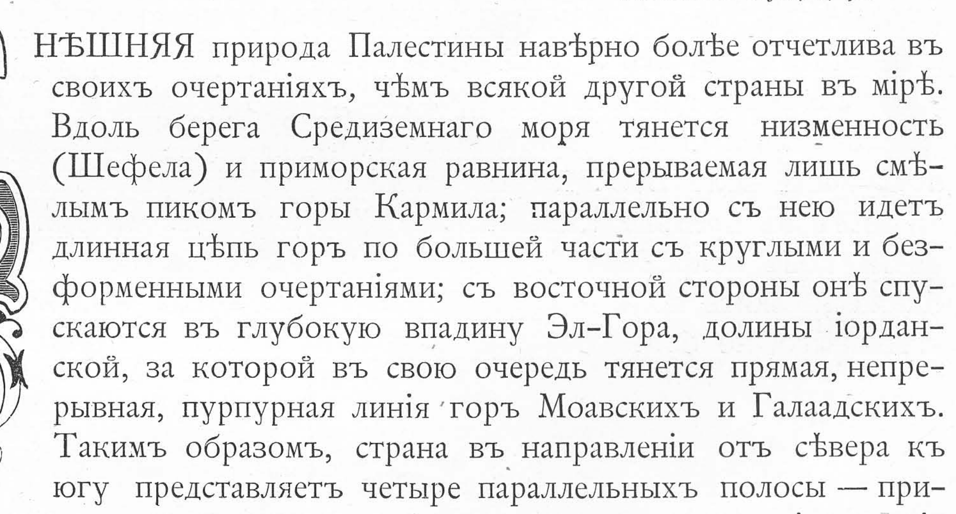
Горы Моавскія.

ГЛАВА V.

ДѢТСТВО I. ХРИСТА.

Іисусъ же преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, и въ любви у Бога и человѣковъ. *Лука*, II, 52.

ВНѢШНЯЯ природа Палестины навѣрно болѣе отчетлива въ своихъ очертаніяхъ, чѣмъ всякой другой страны въ мірѣ. Вдоль берега Средиземнаго моря тянется низменность (Шефела) и приморская равнина, прерываемая лишь смѣлымъ пикомъ горы Кармила; параллельно съ нею идетъ длинная цѣпь горъ по большей части съ круглыми и безформенными очертаніями; съ восточной стороны онѣ спускаются въ глубокую впадину Эл-Гора, долины іорданской, за которой въ свою очередь тянется прямая, непрерывная, пурпурная линія горъ Моавскихъ и Галаадскихъ. Такимъ образомъ, страна въ направленіи отъ сѣвера къ югу представляетъ четыре параллельныхъ полосы — приморскій берегъ, гористую полосу, іорданскую долину и заіорданскій хребетъ.



Горы Моавскія.

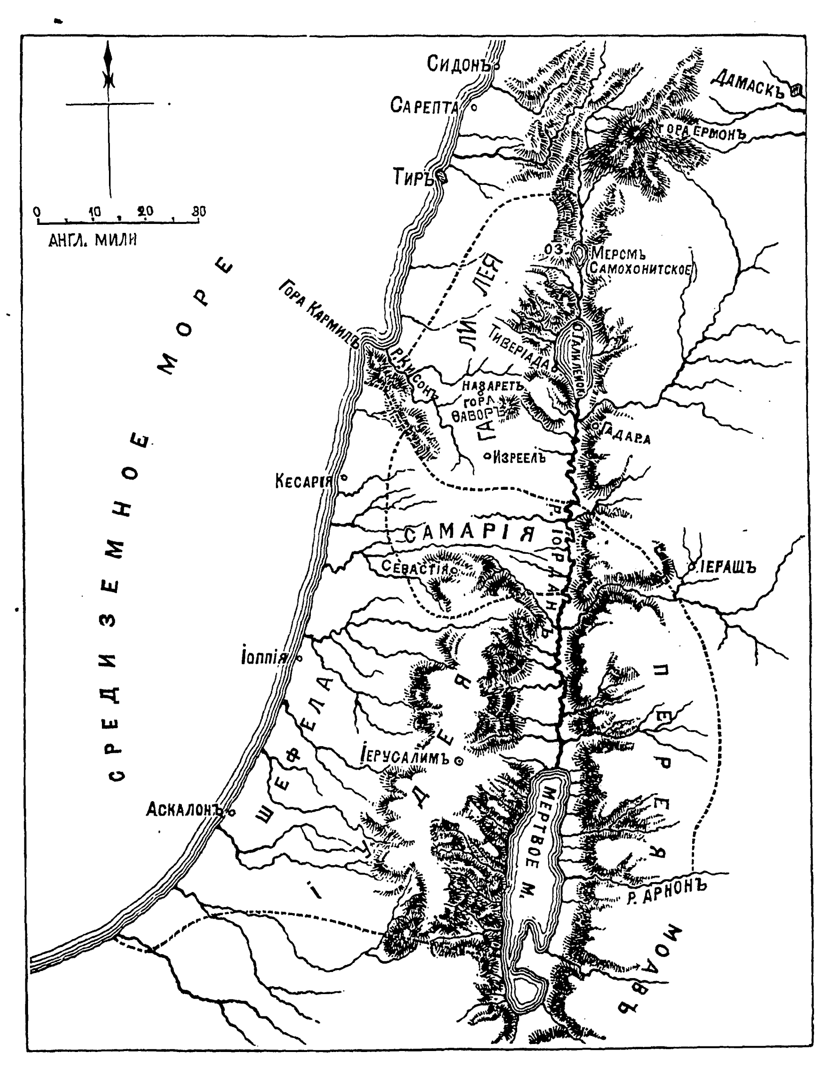
ГЛАВА V.

ДѢТСТВО І. ХРИСТА.

Іисусъ же преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, и въ любви у Бога и человѣковъ. *Лука*, II, 52.

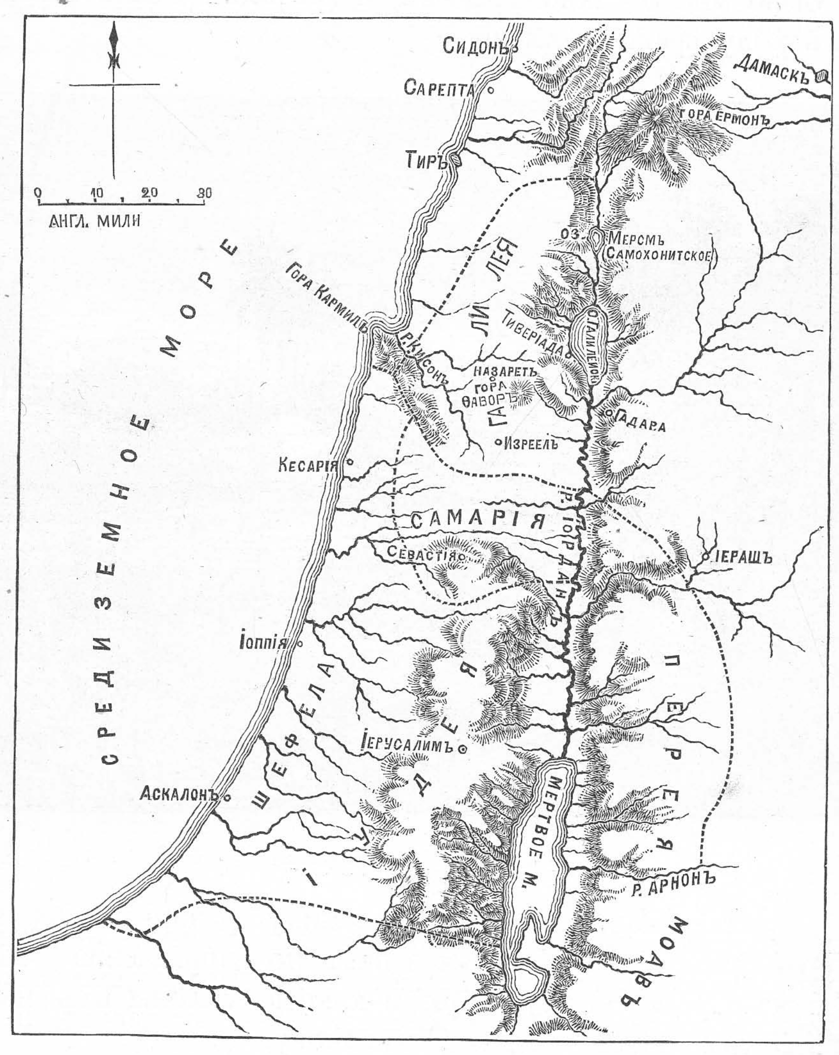
ВНѢШНЯЯ природа Палестины навѣрно болѣе отчетлива въ своихъ очертаніяхъ, чѣмъ всякой другой страны въ мірѣ. Вдоль берега Средиземнаго моря тянется низменность (Шефела) и приморская равнина, прерываемая лишь смѣлымъ пикомъ горы Кармила; параллельно съ нею идетъ длинная цѣпь горъ по большей части съ круглыми и безформенными очертаніями; съ восточной стороны онѣ спускаются въ глубокую впадину Эл-Гора, долины іорданской, за которой въ свою очередь тянется прямая, непрерывная, пурпурная линія горъ Моавскихъ и Галаадскихъ. Такимъ образомъ, страна въ направленіи отъ сѣвера къ югу представляетъ четыре параллельныхъ полосы — при-

Гористая полоса, занимающая пространство между низменною приморскою равниною и глубокою долиной Іордана, распадается на двѣ большихъ массы, такъ какъ низкій горный хребетъ прерывается равниной Ездрилонскою. Южная масса этихъ известняковыхъ горъ составляла Іудею, сѣверная—Галилею.



Горы Палестины.

Галилъ по-еврейски означаетъ «округъ» и названіе это первоначально прилагалось къ двадцати городамъ въ округѣ Кедеса-Нефѳалимова, который Соломонъ отдалъ Хираму въ вознагражденіе за его услуги по перевозкѣ строеваго лѣса и которому Хирамъ, въ своемъ



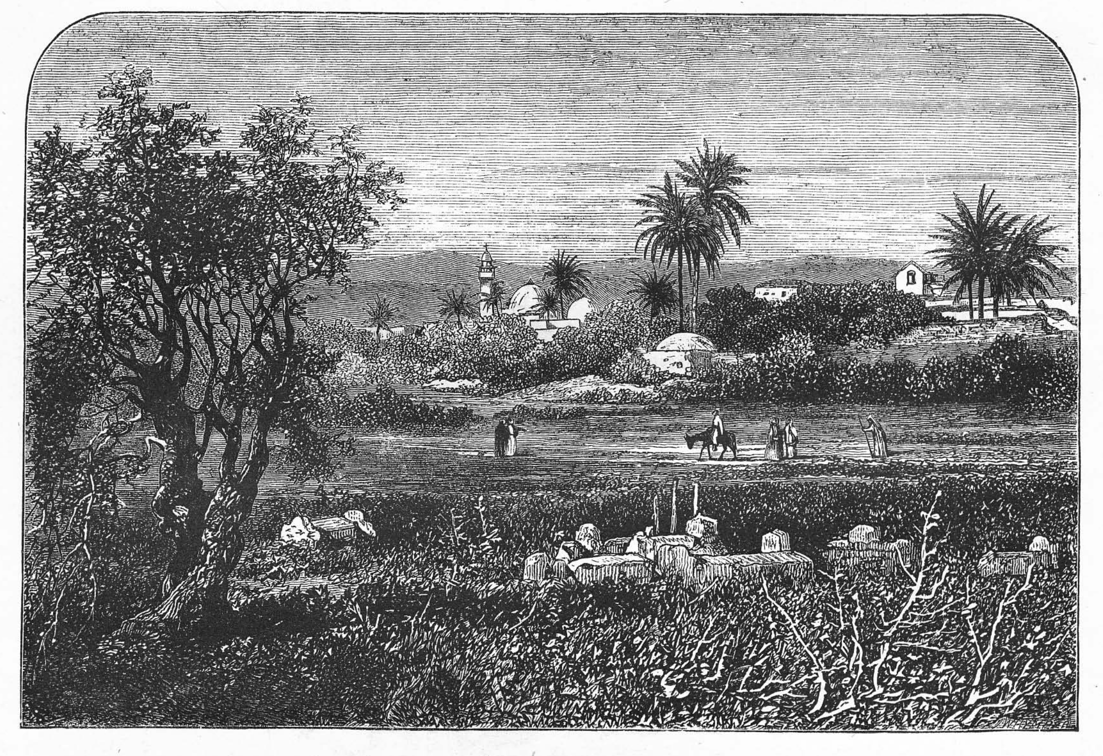
Горы Палестины.

крайнемъ недовольствѣ, далъ названіе *Кабулъ*, т.-е. «отвратительный» [95]). И Галилеѣ какбы суждено было постоянно находиться въ презрѣніи, которое поддерживалось въ сознаніи іудеевъ еще тѣмъ, что этотъ округъ съ давнихъ временъ сдѣлался мѣстомъ жительства смѣшаннаго населенія и назывался даже «Галилеей языческой» [96]). Въ галилейскихъ городахъ было не только много финикіянъ и арабовъ, но во времена І. Христа было много также грековъ, и греческій языкъ былъ въ значительномъ ходу среди населенія.

Въ долинѣ Ездрилонской.

Горы, составляющія сѣверную границу равнины Ездрилонской, идутъ почти прямо съ востока на западъ по направленію отъ долины іорданской къ Средиземному морю и южные склоны ихъ находились въ округѣ, отведенномъ колѣну Завулонову.

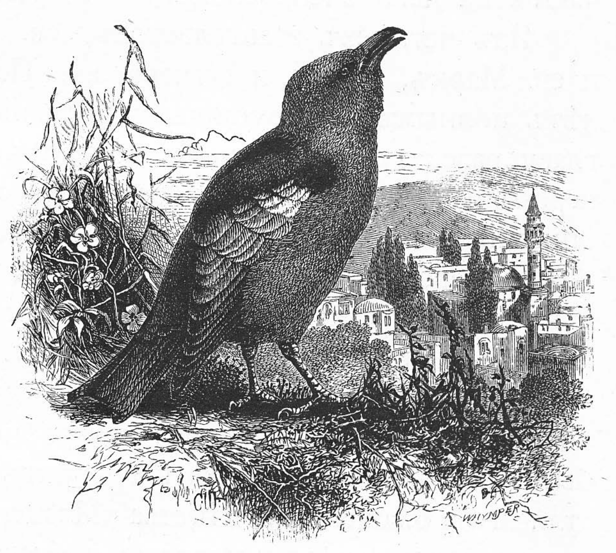
Почти въ центрѣ этой цѣпи горъ находится своеобразное известняковое ущелье, составляющее входъ въ небольшую долину. По оставленіи равнины, путешественникъ поднимается въ гору по крутой и узкой тропинкѣ, окаймленной травой и цвѣтами, среди мѣстности, въ которой нѣтъ ничего колоссальнаго или подавляющаго, но все необы-



Въ долинѣ Ездрилонской.

чайно прекрасно и живописно. Подъ нимъ по правую руку долина постепенно расширяется, пока не доходитъ до полверсты въ ширину. Внутренность долины изгородями кактуса раздѣлена на маленькіе нивы и сады, которые во время весеннихъ дождей представляютъ очаровательную картину идиллической тишины и блистаютъ красками богатѣйшей растительности [97]). Рядомъ съ узкой тропинкой, въ недалекомъ разстояніи одинъ отъ другаго, находится два колодца, и женщины, черпающія изъ нихъ воду, болѣе прекрасны, а румяные быстроглазые мальчуганы-пастухи, сидящіе или играющіе у колодцевъ въ своихъ яркоцвѣтныхъ восточныхъ костюмахъ, беззаботнѣе, смѣлѣе и веселѣе, чѣмъ можно видѣть гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Долина постепенно переходитъ въ небольшой естественный амфитеатръ холмовъ, составляющій, по предположенію, кратеръ погасшаго вулкана; и тамъ, ютясь по впадинамъ горы, поднимающейся на высоту до пятисотъ футовъ, «подобно горсти жемчуговъ въ сосудѣ смарагдовомъ» виднѣются плоскія кровли и узкія улицы маленькаго восточнаго городка. Въ немъ небольшая церковь, массивныя зданія монастыря, высокій минаретъ мечети, чистый, полноводный родникъ; дома построены изъ бѣлаго камня и между ними разбросаны сады, съ тѣнистыми смоковницами и маслинами, съ бѣлыми и красными цвѣтами апельсинныхъ и гранатовыхъ деревъ. Весною, по крайней мѣрѣ, все здѣсь кругомъ выглядитъ необыкновенно весело и мирно; горлицы воркуютъ на деревахъ; потатуйка неустанно порхаетъ взадъ и впередъ; свѣтлоголубая сизоворонка, самая обыкновенная и любимая птица въ Палестинѣ, подобно живому сапфиру носится надъ полями, пестрѣющими безконечнымъ множествомъ цвѣтовъ. Этотъ-то городокъ и есть *Энъ-Назира* или Назаретъ [98]), гдѣ Сынъ Божій, Спаситель міра, провелъ почти тридцать лѣтъ своей земной жизни. Это былъ Его родной городъ, бывшій мѣстомъ жительства для Него въ теченіе всей жизни, кромѣ послѣд-

Палестинская сизоворонка (Coracias garrula).



Палестинская сизоворонка (Coracias garrula).

нихъ трехъ или четырехъ лѣтъ, — тотъ городъ, безславное имя котораго занесено было на позорную надпись, прибитую къ Его кресту, и по имени котораго Онъ не презрѣлъ назвать себя самого, когда говорилъ въ видѣніи съ гонящимъ Его Савломъ. И навѣрно Его ноги часто ходили по описанной выше узкой горной тропѣ, потому что ею только, при возвращеніи изъ Іерусалима на сѣверъ, Онъ могъ достичь дома, въ которомъ Онъ провелъ свое дѣтство, свою юность и первые годы возмужалости.

Каковъ же былъ образъ Его жизни въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ? Христіанинъ съ глубокимъ благоговѣніемъ и съ жаждущею любовью не можетъ не задаваться этимъ вопросомъ; но евангелія отвѣчаютъ на него очень спокойно и кратко.

Изъ четырехъ евангелистовъ, ев. Іоаннъ, возлюбленный ученикъ, и ев. Маркъ, другъ и «сынъ» ап. Петра [99]), обходятъ эти тридцать лѣтъ полнымъ, ненарушимымъ молчаніемъ. Ев. Матѳей посвящаетъ одну главу разсказу о поклоненіи волхвовъ и бѣгству въ Египетъ и затѣмъ переходитъ къ проповѣди Іоанна Крестителя. Только ев. Лука, послѣ описанія событій, обратившихъ на себя вниманіе при принесеніи въ храмъ, передаетъ одинъ драгоцѣнный разсказъ изъ дѣтства Спасителя и въ одномъ драгоцѣнномъ стихѣ описываетъ его возрастаніе, когда Ему было двѣнадцать лѣтъ отъ роду. Но и этотъ стихъ не содержитъ въ себѣ ничего такого, что могло бы удовлетворить наше любопытство; онъ не сообщаетъ никакихъ подробностей изъ жизни, никакихъ событій или приключеній; онъ говоритъ только, какъ въ періодъ счастливаго и блаженнаго дѣтства «Младенецъ возрасталъ и укрѣплялся духомъ, исполняясь премудрости; и благодать Божія была на Немъ». Къ этому же періоду Его жизни можно отнести и дальнѣйшій стихъ: «Іисусъ же преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, и въ любви у Бога и человѣковъ». Его развитіе совершалось обычнымъ путемъ. Онъ пришелъ въ міръ не одаренный безконечнымъ знаніемъ, а, какъ говоритъ ев. Лука, постепенно исполнялся премудрости [100]). Онъ не былъ облеченъ безконечною силою, но испыталъ слабости и несовершенства человѣческаго дѣтства. Онъ росъ какъ растутъ и другія дѣти, только дѣтство Его было дѣтство непорочной и безгрѣшной красоты—«какъ цвѣты розъ въ весеннее время года, и какъ лиліи у водъ» [101]).

Такимъ образомъ у евангелистовъ царитъ глубокое молчаніе касательно этого періода; но сколько краснорѣчія въ этомъ молчаніи! Не заключается ли въ этой самой сдержанности ихъ больше мудрости и

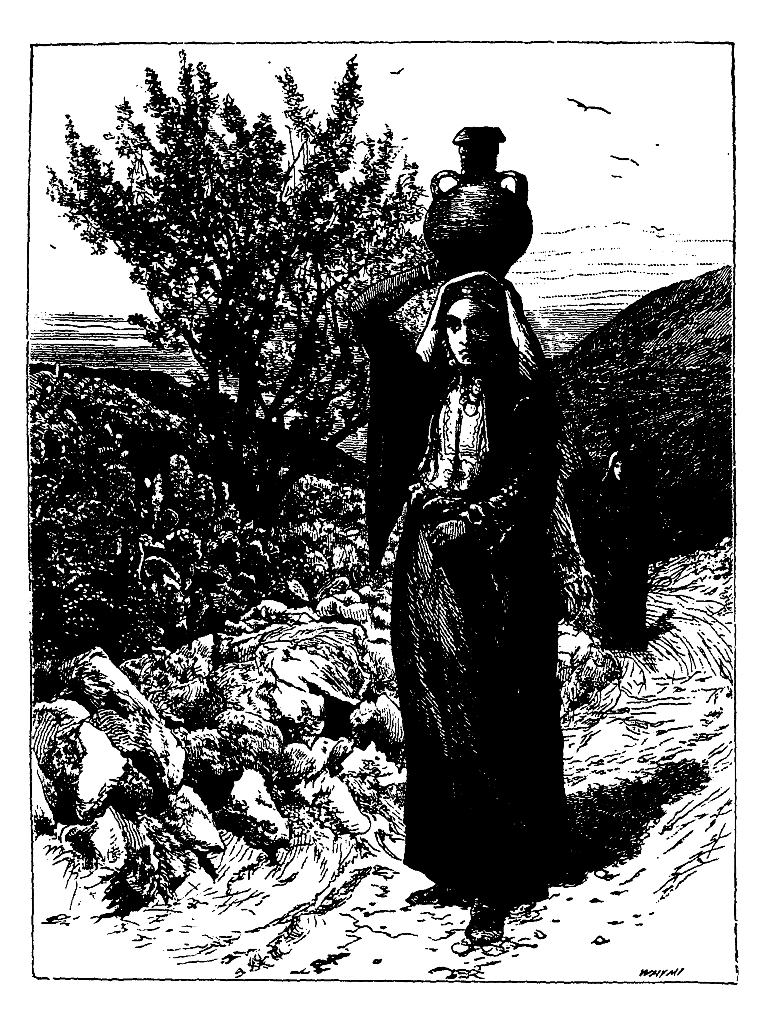
назиданія, чѣмъ еслибы они наполнили многіе томы мельчайшими подробностями?

Прежде всего въ этомъ молчаніи ихъ мы можемъ видѣть признакъ и поразительное подтвержденіе ихъ правдивости. Мы узнаемъ изъ этого, что они хотѣли говорить чистую правду, а не сочинять занимательное или правдоподобное повѣствованіе. Что Христосъ долженъ былъ провести тридцать лѣтъ своей короткой жизни въ глубокой безвѣстности провинціальнаго городка; что Онъ долженъ былъ воспитаться не только въ порабощенной землѣ, но и въ самой презираемой области ея; не только въ презираемой области, но и въ самой обезславленной долинѣ ея [102]); чтобы въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ неизреченный свѣтъ Его божественной природы обиталъ среди насъ, «въ скиніи подобно нашей и изъ того же самаго вещества», незамѣтно и незнаемо; чтобы въ теченіе этихъ долгихъ лѣтъ не было величественныхъ событій или поразительныхъ чудесъ, не было «седмеричнаго хора славословій» въ провозглашеніе и прославленіе грядущаго Царя—все это не то, чего бы мы могли ожидать, не то, что кто бы то ни было сталъ выдумывать или измышлять.

Мы не могли бы ожидать этого, но это *было* такъ, а потому евангелисты и передаютъ такъ. Но то именно, что все это такъ несогласно съ тѣмъ, что мы могли бы вообразить себѣ, составляетъ новое доказательство, что это именно и было такъ, потому что евангелисты неизбѣжно должны были находиться, какъ они и находились въ дѣйствительности, подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ предзанятыхъ мыслей, какъ и мы; и еслибы въ дѣтствѣ Спасителя были какія-нибудь славныя событія, то, какъ честные свидѣтели, они и передали бы намъ о нихъ; а еслибы они не были честными свидѣтелями, то навѣрно измыслили бы ихъ, хотя бы ихъ не было въ дѣйствительности. Но пути человѣческіе не пути Божіи; и такъ какъ истина, о которой евангелисты свидѣтельствуютъ самымъ своимъ молчаніемъ, есть откровеніе намъ путей Божіихъ, а не человѣческихъ, то все это и несогласно съ тѣмъ, что мы могли бы изобрѣсти, и не удовлетворяетъ въ томъ, чего бы мы хотѣли по своему человѣческому соображенію. Но, съ другой стороны, все это служитъ исполненіемъ древняго пророчества: «Онъ взошелъ предъ Нимъ, какъ отпрыскъ и какъ ростокъ изъ земли сухой», и находится въ согласіи съ послѣдующимъ изреченіемъ: «Онъ унизилъ Себя самого, принявъ образъ раба» [103]).

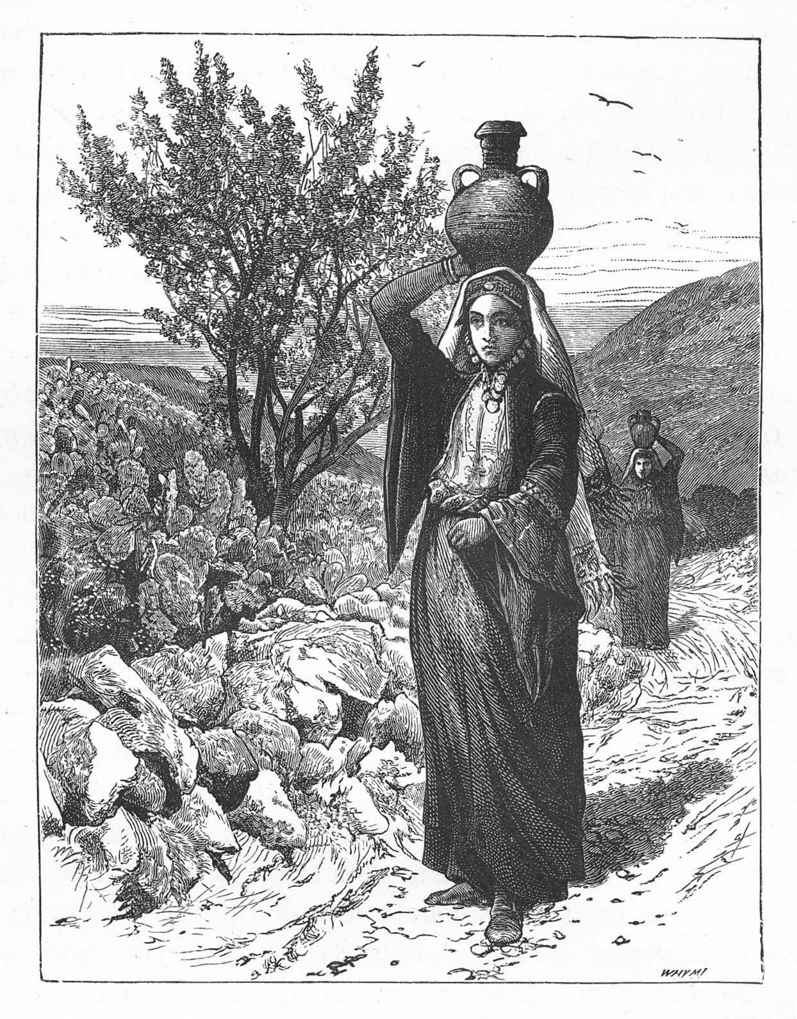
Стоитъ только обратиться къ апокрифическимъ евангеліямъ, и мы

увидимъ, насколько далекъ и отличенъ ложный человѣческій идеалъ отъ божественнаго факта. Тамъ мы увидимъ, какъ христіанскіе сочинители, и православные, и еретики, слѣдуя естественнымъ, непросвѣщеннымъ наклонностямъ своего духа, окружаютъ дѣтство Христа ореоломъ чудесности, дѣлаютъ его зловѣщимъ, ужасающимъ, противоестествен-



Женщины назаретскія.

нымъ, отталкивающимъ. Несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ поразительныхъ доказательствъ боговдохновенности евангелистовъ при повѣствованіи о жизни Того, въ комъ Богъ открылся человѣку, служитъ то, что ни одна небогопросвѣщенная, кощунственная или изобрѣтательная рука не можетъ коснуться священныхъ очертаній этой божественной



Женщины назаретскія.

и совершеннѣйшей картины безъ того, чтобы не исказить и не испортить ея. Хотѣли ли апокрифическіе писатели выдавать свои легенды за исторію или за вымыслъ, несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что въ большинствѣ случаевъ они имѣли въ намѣреніи сплести на главу Его вѣнокъ чести. И однако же, какъ эти исторіи умаляютъ, безчестятъ и искажаютъ Его! Насколько эта благородная простота евангельскаго молчанія безконечно выше всѣхъ этихъ театральныхъ выставокъ дѣтскаго безцѣльнаго всемогущества, которыми переполнены апокрифическія первоевангеліе, псевдо-Матѳеево евангеліе, арабское евангеліе дѣтства [104])! Они хотѣли почтить Христа, но никакое измышленіе не можетъ быть для Него почетомъ; кто прибавляетъ вымыслы къ исторіи Его жизни, тотъ унижаетъ Его, слабыя, несовершенныя, заблуждающіяся измышленія человѣка смѣшиваетъ съ недосягаемыми и страшными намѣреніями Бога. По изображенію евангелія, отрокъ Христосъ простъ и нѣженъ, послушенъ и скроменъ; Онъ повинуется своимъ родителямъ, занятъ только мирнымъ трудомъ своего дома и возраста; Онъ любитъ всѣхъ людей и всѣ любятъ невиннаго, ласковаго и благороднаго мальчика. Онъ уже признаетъ въ Богѣ своего Отца, и благословеніе Божіе нисходитъ на Него, какъ утренній свѣтъ солнца или небесная роса, и невидимымъ ореоломъ окружаются Его дѣтскія, святыя черты. Незримый въ своей небесной красотѣ, Духъ Божій, какъ голубица, на крыльяхъ блещущихъ сребромъ и златомъ, нисшелъ на Него и отъ дней дѣтства пребывалъ на святомъ Младенцѣ.

Но какъ не похожъ на это изображеніе мальчикъ Христосъ новозавѣтныхъ апокрифовъ! Онъ шаловливъ, неугомоненъ, нахаленъ, мстителенъ. Нѣкоторыя изъ приписываемыхъ ему чудесъ просто безцѣльны и ребячески, какъ напр., когда Онъ приноситъ пролитую воду въ своей одеждѣ, вытягиваетъ доску до надлежащей длины, лѣпитъ воробьевъ изъ глины и, хлопая въ ладоши, заставляетъ ихъ летать, бросаетъ всѣ свои одѣянія въ чанъ красильщика и вынимаетъ выкрашенными каждое въ свой особый цвѣтъ. Но нѣкоторыя даже непристойны и неразумны, какъ напр., когда Онъ дразнитъ, посрамляетъ и заставляетъ молчать тѣхъ, кто хочетъ учить его, или когда укоряетъ Іосифа, обращаетъ своихъ товарищей по игрѣ въ козлятъ; а иные просто жестоки и нечестивы, какъ напр., когда Онъ поражаетъ смертью мальчиковъ, оскорбляющихъ или идущихъ противъ него, такъ что наконецъ поднимается буря народнаго негодованія и Марія боится выпускать его изъ дома. При тщательномъ изысканіи среди всѣхъ этихъ грубыхъ, безвкусныхъ

и часто вредныхъ измышленій, можно найти одинъ только разсказъ, въ которомъ проглядываетъ неподдѣльное чувство и есть соотвѣтствіе истинѣ, и его только можно привести здѣсь, потому что онъ во всякомъ случаѣ безвреденъ, и даже быть можетъ отчасти основанъ на какомъ-нибудь сохранившемся въ преданіи фактѣ. Онъ находится въ арабскомъ евангеліи дѣтства и гласитъ слѣдующее [105]):

«Въ мѣсяцъ Адаръ, Іисусъ собралъ мальчиковъ, какбы Онъ былъ ихъ царь; они разостлали свои одежды по землѣ, и Онъ сѣлъ на нихъ. Тогда они возложили на Его голову корону, сплетенную изъ цвѣтовъ, и, подобно царедворцамъ, служащимъ царю, стали рядами передъ Нимъ по Его правую и по Его лѣвую руку. И всякаго, кто проходилъ тѣмъ путемъ, мальчики схватывали силою, крича: иди сюда и поклонись царю, и тогда иди дальше своимъ путемъ».

Но священное безмолвіе евангельскаго повѣствованія быть можетъ нарушается даже и этимъ простымъ вымысломъ: потому что въ ненарушимой тишинѣ, въ молитвахъ, въ мирномъ дневномъ трудѣ—подобно Моисею въ пустынѣ, подобно Давиду среди своихъ овецъ, подобно Иліи среди палатокъ бедуиновъ, подобно Іереміи въ спокойномъ обиталищѣ въ Анаѳоѳѣ, подобно Амосу въ сикаморовой рощѣ Ѳекои—отрокъ Іисусъ въ священной безвѣстности готовился къ своему великому дѣлу на землѣ. Внѣшняя жизнь Его была такою, какъ и жизнь Его сверстниковъ по возрасту, положенію и мѣсторожденію. Онъ жилъ такъ же, какъ жили другія дѣти простыхъ родителей въ этомъ мирномъ городкѣ, какъ живутъ они въ большинствѣ и теперь. Кто видѣлъ дѣтей въ Назаретѣ въ ихъ красныхъ кафтанахъ и яркихъ шелковыхъ или бумажныхъ рубашкахъ, подпоясанныхъ разноцвѣтными кушаками, съ накинутою иногда сверху довольно просторною бѣлою или голубою курткой, кто наблюдалъ за ихъ шумными и веселыми играми и слышалъ ихъ звонкій смѣхъ, когда они бѣгаютъ по холмамъ своей маленькой родной долины или группами играютъ на склонѣ холма подлѣ своего полноводнаго и студенаго родника, тотъ можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ жилъ и игралъ Іисусъ, когда онъ былъ еще ребенкомъ. И путешественникъ, который, подобно мнѣ, прослѣдилъ за кѣмъ-нибудь изъ этихъ дѣтей до самаго дома и видѣлъ убогую обстановку, простую, но вкусную и здоровую пищу, однообразную, счастливую, патріархальную жизнь, можетъ составить себѣ живое представленіе о той обстановкѣ, въ которой жилъ Іисусъ. Ничего не можетъ быть проще этихъ домовъ, на кровляхъ которыхъ

грѣются на солнцѣ голуби и по стѣнамъ вьются виноградныя лозы. По полу вдоль стѣнъ стелятся рогожи или ковры; сапоги и сандаліи снимаются у порога: по рединѣ виситъ лампа, составляющая единственное украшеніе комнаты; въ выступѣ, сдѣланномъ въ стѣнѣ, помѣщенъ деревянный шкафъ, выкрашенный яркими цвѣтами, съ книгами и другимъ имуществомъ семейства. На лежанкѣ, идущей вдоль стѣны, опрятно свернуты пестрыя стеганныя одѣяла, которыя служатъ постелями, и тутъ же стоитъ глиняная посуда для домашняго обихода; подлѣ двери стоятъ большіе водоносные кувшины красной глины, въ которые для поддержанія холода въ водѣ набросано нѣсколько вѣтокъ и зеленыхъ листьевъ, часто съ ароматическихъ кустовъ. Въ обѣденное время посреди комнаты ставится крашенный столъ, и на большомъ подносѣ подается блюдо съ рисомъ и мясомъ, *либбанъ* или похлебка изъ плодовъ, и всѣ вмѣстѣ ѣдятъ изъ блюда. Какъ передъ обѣдомъ, такъ и послѣ него слуга или младшій членъ семейства льетъ воду на руки изъ мѣднаго кувшина надъ мѣднымъ тазомъ. Такою же спокойною, простою, бѣдною и безмятежною была и жизнь святаго семейства въ Назаретѣ [106]).

Благоговѣйная и блестящая фантазія раннихъ средневѣковыхъ живописцевъ создала совершенно иную картину. Пышныя кисти Джіото и Фра-Анджелико изображаютъ Дѣву Марію возсѣдающею съ своимъ Младенцемъ на богатомъ тронѣ, на полу изъ превосходной мозаики, подъ голубымъ, золотошитымъ балдахиномъ; онѣ одѣвали ихъ въ цвѣта, блистающіе красками, какъ лѣтнія поля, и нѣжные, какъ цвѣты весною; края одежды оторачивали золотымъ шитьемъ съ драгоцѣнными украшеніями [107]). Совершенно иначе было въ дѣйствительности. Когда Іосифъ возвращался въ Назаретъ, онъ хорошо зналъ, что его ожидало уединеніе, а вмѣстѣ и безопасность, и что жизнь Дѣвы Маріи и ея Младенца будетъ проходить не въ громкой извѣстности или богатствѣ, а въ замкнутости [108]), въ бѣдности и тяжеломъ трудѣ.

Но эта бѣдность не была нищетою; въ ней не было ничего жалкаго или унизительнаго; жизнь была мирною, простою, довольною, счастливою и даже радостною. Марія, подобно другимъ женщинамъ ея положенія, вѣроятно пряла, готовила кушанье, покупала плоды и каждый вечеръ ходила за водой къ роднику, который еще и теперь называется «родникомъ Дѣвы», съ глинянымъ кувшиномъ на плечѣ или на головѣ. Іисусъ конечно игралъ, учился и помогалъ своимъ родителямъ въ ихъ обыденномъ трудѣ, а по субботнимъ днямъ ходилъ въ сина-

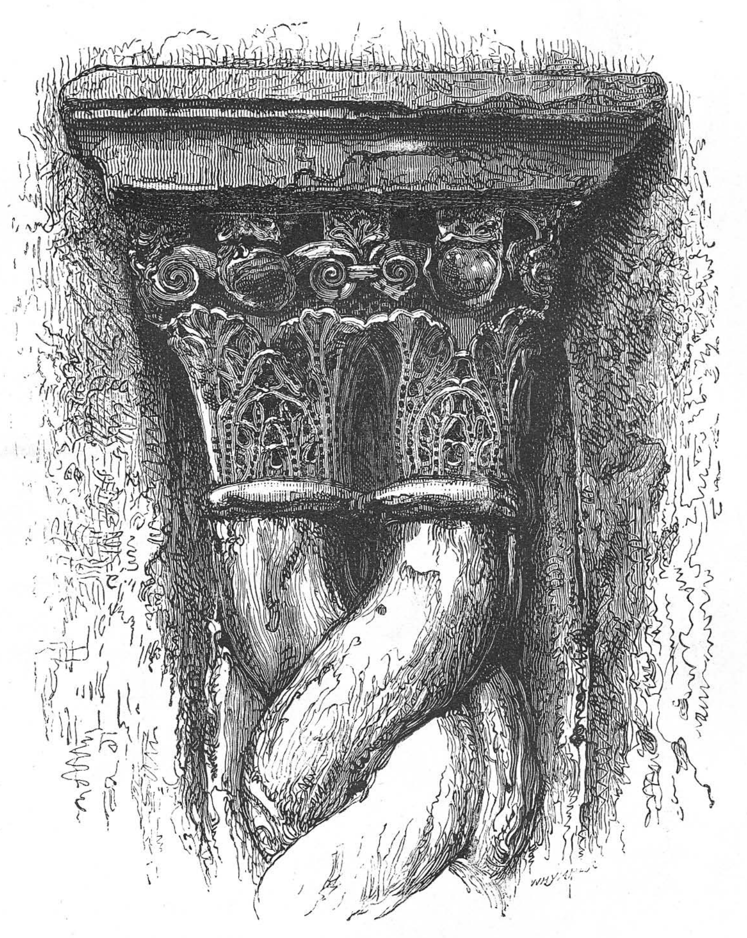
гогу. «Писано, говоритъ Лютеръ, что нѣкогда жилъ благочестивый и богобоязненный епископъ, который часто усердно молился о томъ, чтобы Богъ открылъ ему, какъ Іисусъ проводилъ свою юность. И однажды епископъ имѣлъ такой сонъ. Ему казалось въ его сновидѣніи, что онъ видитъ плотника, занятаго своимъ ремесломъ, и рядомъ съ нимъ маленькаго мальчика, который собиралъ щепы. Затѣмъ, пришла дѣва, одѣтая въ зеленое, позвала ихъ обѣдать и подала имъ похлебку. Все это, епископу казалось, онъ видитъ во снѣ, а самъ онъ стоитъ за дверью, чтобы не быть замѣченнымъ. Но мальчикъ вдругъ сказалъ: зачѣмъ этотъ человѣкъ стоитъ тамъ? отчего и онъ не идетъ обѣдать съ нами? и это такъ устрашило епископа, что онъ проснулся. Что бы это ни было, прибавляетъ Лютеръ, истинная исторія или басня, я все-таки думаю, что Христосъ въ дѣтствѣ своемъ жилъ и дѣйствовалъ, какъ и всѣ другія дѣти, хотя и безъ грѣха, по образу человѣческому» [109]).

Ев. Матѳей говоритъ, что въ поселеніи святаго семейства въ Назаретѣ исполнилось реченное чрезъ пророковъ, что «онъ Назореемъ наречется». Извѣстно, что такого изреченія не встрѣчается ни въ одной изъ имѣющихся у насъ пророческихъ книгъ. Если это названіе заключало въ себѣ презрительный намекъ, какъ можно заключать изъ извѣстнаго, вошедшаго въ пословицу, вопроса Наѳанаила: изъ Назарета можетъ ли быть что доброе? [110]), — то ев. Матѳей, вѣроятно, объединилъ въ этомъ выраженіи различныя пророчества, которыя, указывая на Мессію какъ на человѣка скорбей, такъ мало были понимаемы народомъ. И названіе «назарянинъ» долго оставалось презрительной кличкой. Талмудисты всегда говорятъ объ Іисусѣ какъ о «га-ноцери»; императоръ Юліанъ издавалъ строгое повелѣніе, чтобы христіане назывались менѣе почетнымъ именемъ галилеянъ, и даже доселѣ христіане въ Палестинѣ извѣстны только подъ именемъ *нузара* [111]). Но болѣе вѣроятнымъ кажется объясненіе, относящее намекъ ев. Матѳея къ тѣмъ мѣстамъ пророчества, въ которыхъ Христосъ называется «вѣтвью» (*нецеръ*, נֵצֶר). Самый городъ могъ получить свое названіе отъ окружающей его богатой растительности, а ветхій завѣтъ представляетъ много доказательствъ, что евреи, руководившіеся въ филологіи началами аналогіи, придавали огромную и таинственную важность простымъ сходствамъ въ звукѣ словъ. Достаточно привести одинъ примѣръ. Первая глава книги пророка Михея почти всецѣло основывается на такихъ чисто внѣшнихъ сходствахъ въ томъ, что́, за неимѣніемъ другаго термина,

можно назвать физіологическимъ качествомъ звуковъ. Ев. Матѳей, какъ еврей изъ евреевъ, легко могъ увидѣть въ пребываніи Христа въ этомъ городѣ Галилеи исполненіе пророчества, потому что названіе его напоминало титулъ, съ которымъ къ нему дѣлается обращеніе въ пророчествѣ Исаіи [112]).

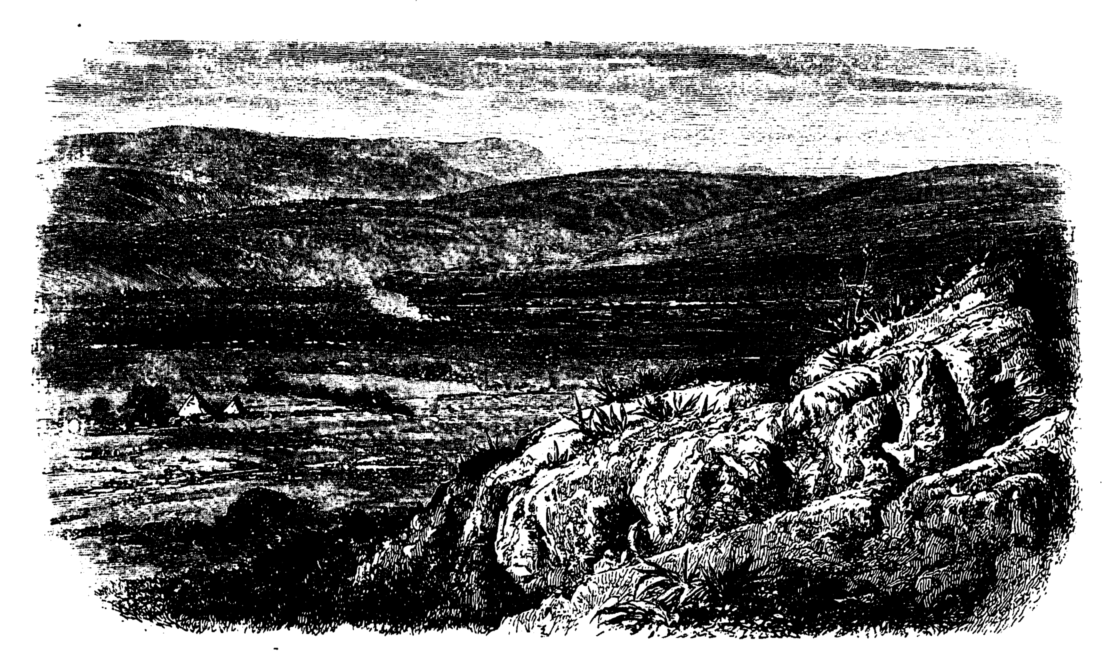
Мастерская плотника въ Назаретѣ.

«Развѣ изъ Галилеи Христосъ прійдетъ?» спрашивалъ изумленный народъ. «Разсмотри и увидишь», сказали раввины Никодиму, что изъ Галилеи не приходитъ пророкъ» (Іоан. VII, 41, 52). Не нужно было долго «разсматривать», чтобы видѣть всю невѣжественность или лживость этого положенія, потому что, не говоря о Babakѣ освободителѣ,



Капитель, вдѣланная въ стѣну въ Іерусалимѣ.

Елонѣ судьѣ, Аннѣ пророчицѣ, три, если даже не четыре пророка, и притомъ знаменитѣйшихъ, какъ Іона, Илія, Осія и Наумъ родились или совершали дѣло своего служенія въ предѣлахъ Галилеи [113]). И вопреки надменному презрѣнію, съ которымъ относились къ нему, маленькій Назаретъ, расположенный въ здоровой и закрытой долинѣ и, однако же, на границахъ соприкосновенія великихъ народовъ, въ центрѣ смѣшаннаго населенія, былъ превосходно приспособленъ къ тому, чтобы быть обиталищемъ Спасителя въ дѣтствѣ, мѣстомъ Его мирнаго преуспѣванія «въ премудрости и возрастѣ, въ любви у Бога и человѣковъ» (Лук. II, 52; сн. Притч. III, 4; Пс. CX, 10; I Цар. II, 26).

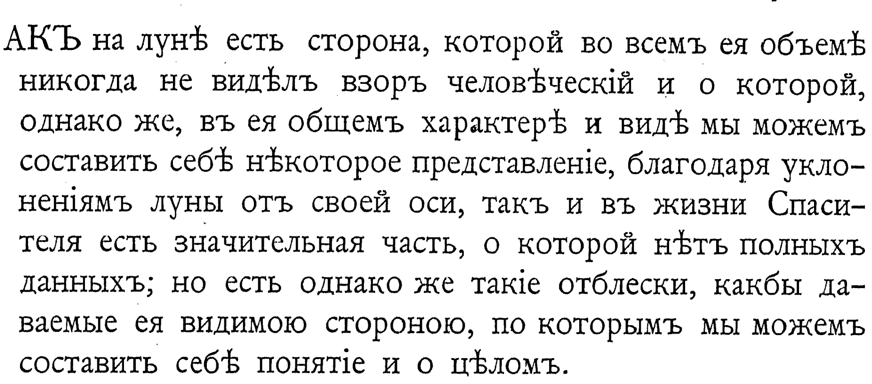


Равнины Галилеи.

ГЛАВА VI.

IИСУСЪ ВЪ ХРАМѢ.

Онъ пришелъ спасти всѣхъ, младенцевъ и дѣтей, отроковъ, юношей и старцевъ; посему и прошелъ чрезъ всѣ возрасты. *Св. Ириней.*



АКЪ на лунѣ есть сторона, которой во всемъ ея объемѣ никогда не видѣлъ взоръ человѣческій и о которой, однако же, въ ея общемъ характерѣ и видѣ мы можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе, благодаря уклоненіямъ луны отъ своей оси, такъ и въ жизни Спасителя есть значительная часть, о которой нѣтъ полныхъ данныхъ; но есть однако же такіе отблески, какбы даваемые ея видимою стороною, по которымъ мы можемъ составить себѣ понятіе и о цѣломъ.

Притомъ, когда луна прибываетъ, при помощи телескопа видно нѣсколько свѣтлыхъ точекъ на ея неосвѣщенной сторонѣ; эти свѣтлыя точки суть горные пики, которые настолько высоки, что захватываютъ солнечный свѣтъ. Одна такая блестящая и величественная точка открыта намъ и въ неизвѣстной вообще области юношескихъ лѣтъ Христа, и она

Равнины Галилеи.

ГЛАВА VI.

ІИСУСЪ ВЪ ХРАМѢ.

Онъ пришелъ спасти всѣхъ, младенцевъ и дѣтей, отроковъ, юношей и старцевъ; посему и прошелъ чрезъ всѣ возрасты. *Св. Ириней.*

АКЪ на лунѣ есть сторона, которой во всемъ ея объемѣ никогда не видѣлъ взоръ человѣческій и о которой, однако же, въ ея общемъ характерѣ и видѣ мы можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе, благодаря уклоненіямъ луны отъ своей оси, такъ и въ жизни Спасителя есть значительная часть, о которой нѣтъ полныхъ данныхъ; но есть однако же такіе отблески, какбы даваемые ея видимою стороною, по которымъ мы можемъ составить себѣ понятіе и о цѣломъ.

Притомъ, когда луна прибываетъ, при помощи телескопа видно нѣсколько свѣтлыхъ точекъ на ея неосвѣщенной сторонѣ; эти свѣтлыя точки суть горные пики, которые настолько высоки, что захватываютъ

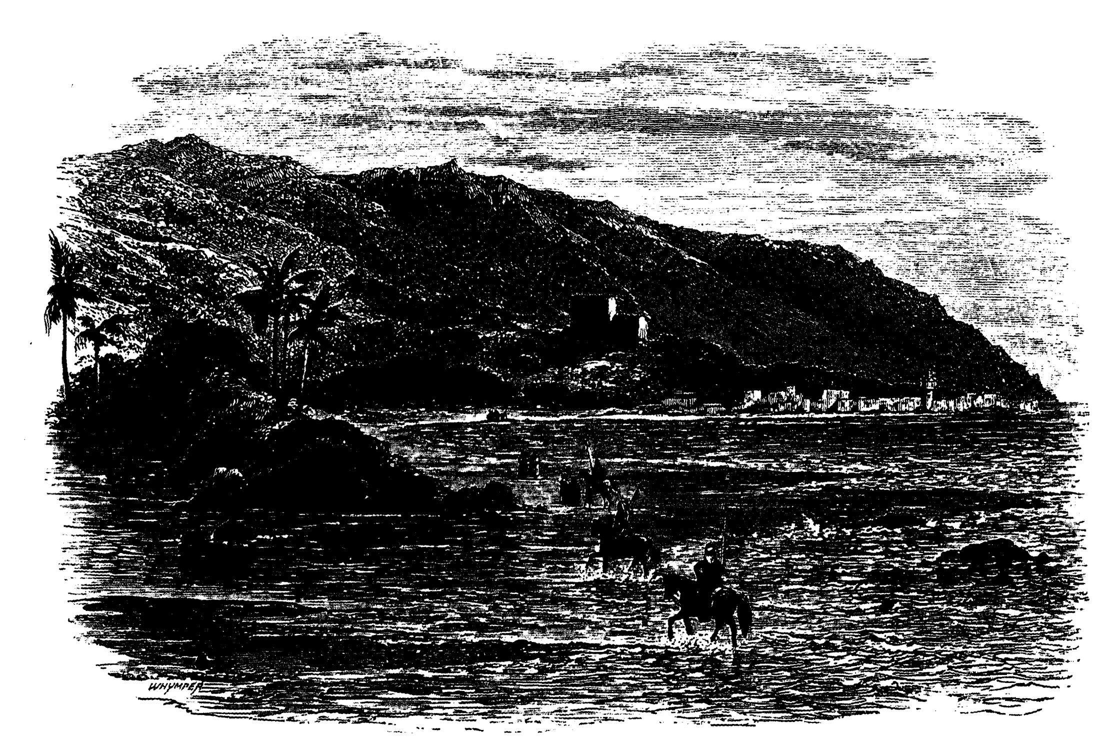
даетъ намъ достаточную возможность проникнуть и во всю эту область Его жизни.

Двѣнадцатилѣтній возрастъ былъ весьма важенъ въ жизни еврейскаго мальчика. Въ этомъ именно возрастѣ, согласно іудейскому сказанію, Моисей оставилъ дворецъ дочери фараона, Самуилъ слышалъ голосъ, призывавшій его къ пророческому служенію, Соломонъ произвелъ судъ, обнаружившій его премудрость, Іосія впервые задумалъ свое великое преобразованіе. Въ этомъ возрастѣ мальчикъ, какого бы то ни было сословія и положенія, былъ обязанъ, по внушенію раввиновъ и установившемуся въ народѣ обычаю, учиться ремеслу для своего пропитанія. Въ этомъ возрастѣ онъ настолько освобождался отъ власти родителей, что послѣдніе не могли уже продавать его въ рабство. Въ этомъ возрастѣ онъ становился «сыномъ закона» — *бенъ гат-тора*. До этого возраста онъ назывался *катонъ* или «маленькимъ»; отсюда онъ становился *гадолъ* — «большой» и съ нимъ обращались уже какъ съ взрослымъ; съ этого же возраста онъ начиналъ носить *тефиллинъ* или филактеріи, которыми дарилъ его отецъ въ синагогѣ въ одну изъ субботъ, называвшуюся вслѣдствіе этого *шаббатъ тефиллинъ*. Мало того, согласно одному раввинскому трактату, до этого возраста мальчикъ имѣлъ только животную жизнь, *нефешъ*, но теперь онъ начинаетъ пріобрѣтать *руахъ* или духъ, который, въ случаѣ добродѣтельной жизни, въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ разовьется въ *нишема* или душу разумную [114]).

Этотъ же періодъ, именно конецъ двѣнадцатаго года [115]), составлялъ рѣшительный моментъ въ воспитаніи іудейскаго мальчика. Согласно Іудѣ бенъ Тема [116]), въ *пять* лѣтъ онъ долженъ былъ изучать св. писаніе *(микра)*, въ десять — мишну, въ тринадцать — талмудъ; въ восемнадцать онъ долженъ жениться, въ двадцать пріобрѣсть богатство, въ тридцать силу, въ сорокъ благоразуміе и такъ до конца жизни. При этомъ не нужно забывать также, что еврейская раса, да вообще и всѣ восточные народы, развиваются съ неизвѣстною у насъ быстротою, и мальчики этого возраста (какъ видно изъ свидѣтельствъ І. Флавія) уже участвовали въ битвахъ; да еще и теперь, къ великому ущербу народности, этотъ возрастъ считается совершеннолѣтіемъ для брака среди евреевъ Палестины и малой Азіи.

У родителей Спасителя былъ обычай ежегодно посѣщать Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. Законъ, требующій отъ всѣхъ мужчинъ ежегоднаго присутствія на трехъ годовыхъ праздникахъ — Пасхи, Пяти-

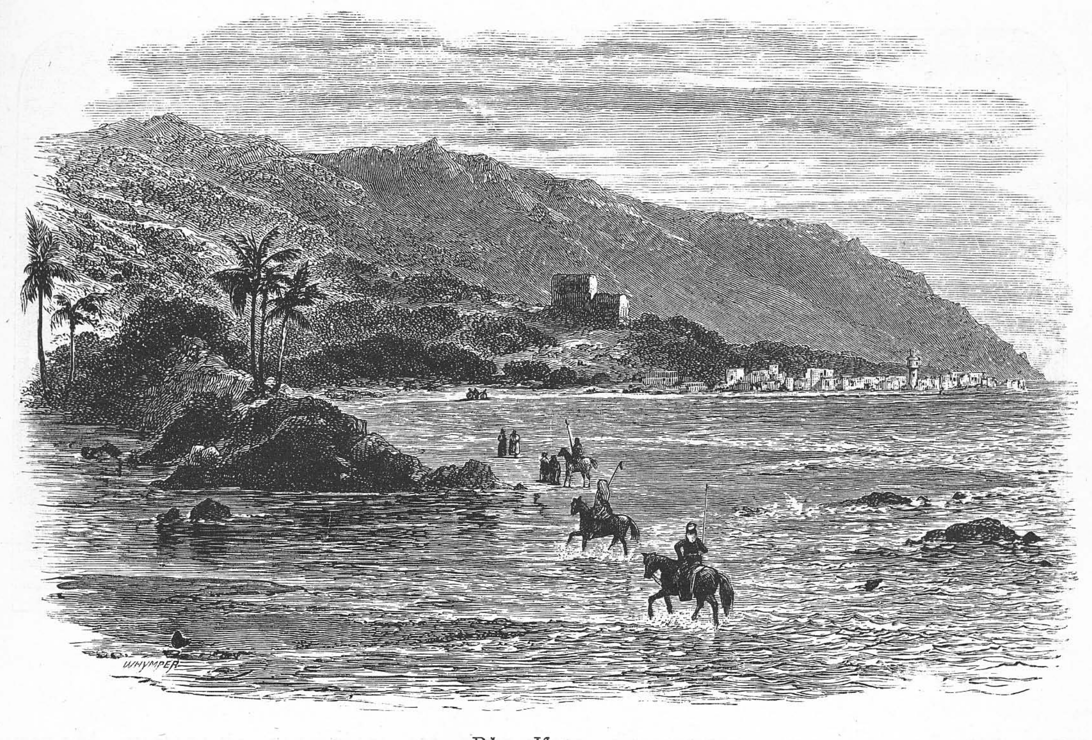
десятницы и Кущъ, правда, не упоминаетъ о женщинахъ; но Марія, благочестиво исполняя правило, предписанное Гиллелемъ [117]), ежегодно сопровождала своего мужа; и на этотъ разъ они взяли съ собой отрока Іисуса, который начиналъ приходить въ возрастъ, обязывавшій къ исполненію закона. Легко представить, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на Его человѣческое развитіе этотъ переломъ въ Его тихой заключенной жизни, это вступленіе въ необъятный внѣшній міръ, это путешествіе по странѣ, гдѣ каждый холмъ и каждая деревушка были связаны съ священными воспоминаніями; это первое посѣ-



Рѣка Кисонъ.

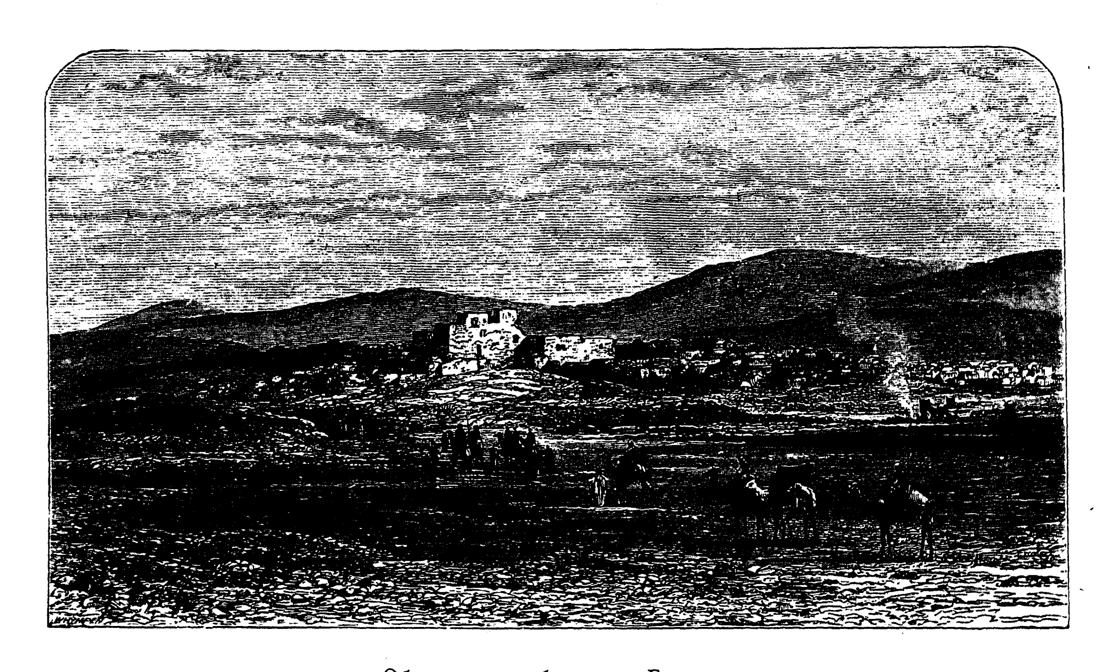
щеніе того храма Отца Его, съ которымъ связано было столько великихъ событій въ исторіи царей — Его предковъ, и пророковъ — Его предшественниковъ.

Назаретъ лежитъ отъ Іерусалима на разстояніи ста сорока верстъ. Несмотря на ожесточенную и завистливую враждебность самарянъ, большой караванъ галилейскихъ паломниковъ вѣроятно двигался болѣе прямымъ и менѣе опаснымъ путемъ, шедшимъ черезъ прежніе удѣлы колѣнъ Манассіина и Ефремова [118]). Покинувъ гирлянду холмовъ, ко-



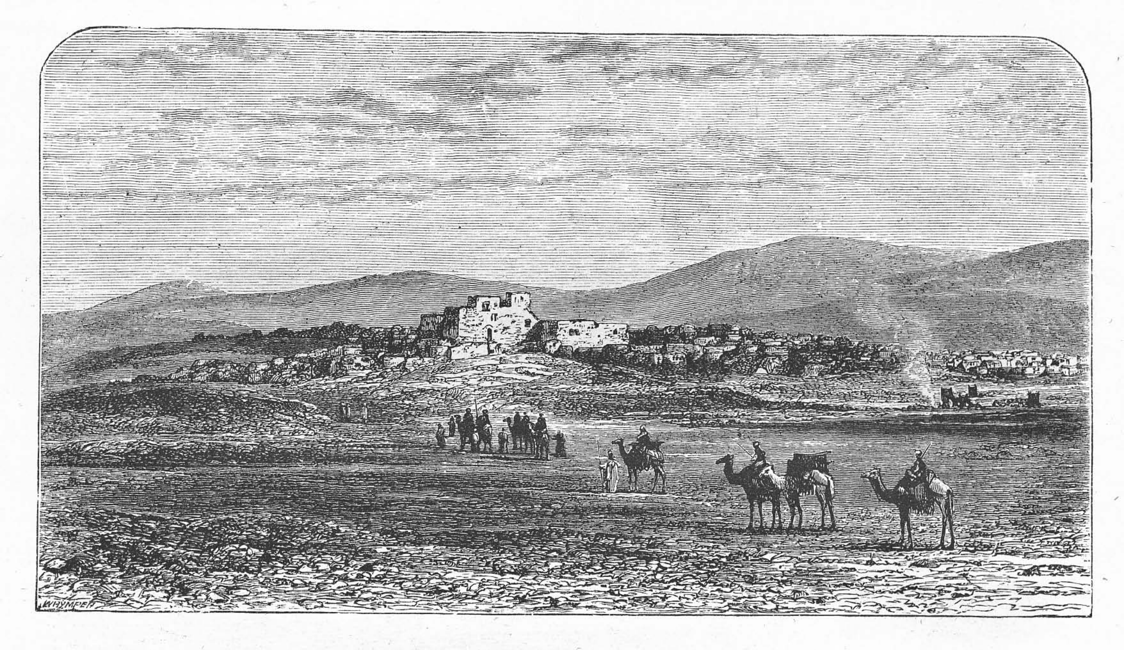
Рѣка Кисонъ.

торые окружаютъ маленькій городъ, по сравненію бл. Іеронима, подобно лепесткамъ открывающейся розы, онъ долженъ былъ спуститься по узкой, окаймленной цвѣтами, известковой тропѣ въ большую равнину Ездрилонскую. Такъ какъ пасха падаетъ на конецъ марта и начало апрѣля, то страна блистала самыми яркими и очаровательными красотами своей зеленѣющей природы; а края хлѣбныхъ полей по обѣимъ сторонамъ дороги по всей равнинѣ были какбы вытканы, подобно одеждѣ первосвященника, голубыми, пурпурными и красными красками безчисленныхъ цвѣтовъ [119]). За потокомъ древней рѣки Ки-



Обнаженная и безводная Гелвуя.

сонъ, пройдя Сунемъ, который, гнѣздясь на южныхъ склонахъ Малаго Ермона, напоминалъ о пророкѣ Елисеѣ, пройдя царственный Изреель съ его скульптурными саркофагами, которые одни только и свидѣтельствовали о его быломъ величіи и блескѣ, пройдя живописныя очертанія обнаженной и безводной Гелвуи, пройдя песчаный Ѳаанахъ съ его воспоминаніями о Сисарѣ и Варакѣ, пройдя Мегиддонъ, гдѣ Іисусъ впервые могъ увидѣть каски, широкіе мечи и орлы римскихъ легіоновъ,—дорога вела къ Енъ-Ганниму, гдѣ подлѣ родниковъ, среди тѣнистыхъ и красивыхъ садовъ, которыми еще и доселѣ отличается это мѣсто, караванъ вѣроятно сдѣлалъ первый привалъ для ночлега. На



Обнаженная и безводная Гелвуя.

слѣдующій день ему приходилось подняться на горы Манассіины, пройти черезъ такъ называемый теперь «Тонущій лугъ», и пройдя извилистыми путями по смоковничнымъ и масличнымъ рощамъ, покрывающимъ долины этого округа, онъ миновалъ по правую сторону горы, которыя, по своей величественной красотѣ, составляли «вѣнецъ гордости» Самаріи, но которыя, какъ предсказывалъ пророкъ, должны были стать «какъ цвѣтокъ увядающій». Слѣдующій привалъ вѣроятно былъ у колодезя Іакова, въ красивой и плодоносной долинѣ между горами Гевалομъ и Гаризимомъ, неподалеку отъ древняго Сихема. На третій день путь шелъ мимо Силома, Гивы Сауловой и Веѳиля къ Беероѳу, и отъ пріятныхъ источниковъ, у которыхъ они могли остановиться, сдѣлавъ еще одинъ небольшой переходъ, паломники могли уже видѣть башни Іерусалима. Гордый римскій орелъ уже осѣнялъ своими нечестивыми крыльями священный городъ; но, высясь надъ его стѣнами, еще блестѣлъ великій храмъ, съ своими золочеными кровлями и мраморными колоннадами, и это все еще былъ тотъ Іерусалимъ, величіе котораго воспѣвалъ царственный Давидъ и по которомъ плѣнники, сидя на рѣкахъ вавилонскихъ, убивались тоской и, снявъ свои арфы съ деревъ, пѣли свои плачевныя, надрывающія душу пѣсни о томъ, что они будутъ помнить его, пока ихъ правая рука не забудетъ своего искусства. Кто постигнетъ всю глубину чувства, съ которымъ юный Іисусъ смотрѣлъ на эту достопамятную и незабвенную картину?

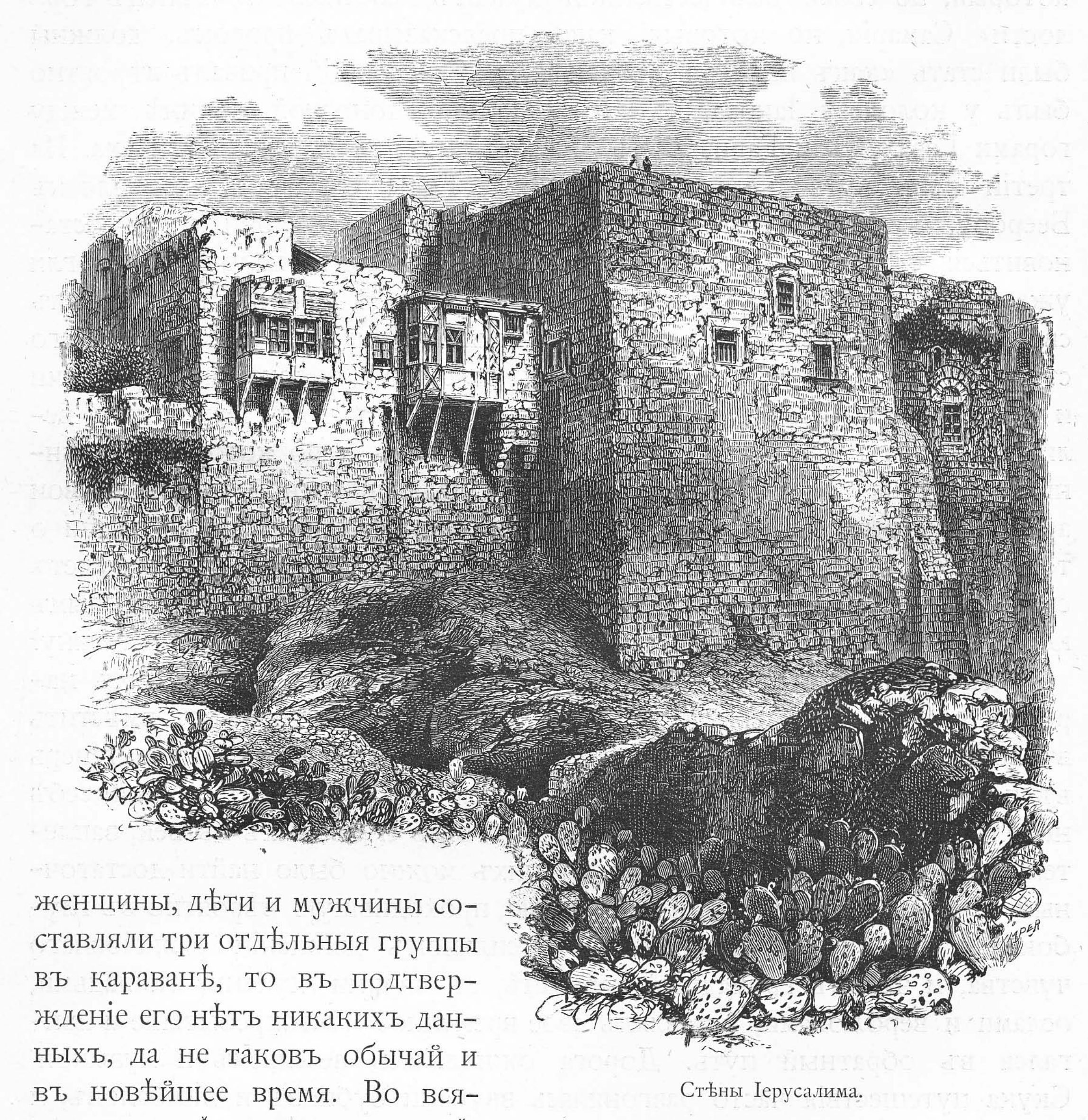
Къ празднику пасхи въ Іерусалимъ стекались десятки тысячъ народа[120]) изъ всѣхъ странъ востока, такъ что городъ не могъ вмѣстить въ себѣ всего пришлаго люда. Поэтому, какъ это бываетъ и теперь въ пасхальное время, многочисленные паломники наскоро строили себѣ небольшіе суккоты или шалаши изъ рогожъ и ивовыхъ вѣтвей, заплетенныхъ съ листьями, такъ что въ нихъ можно было найти достаточный кровъ. Праздникъ длился недѣлю, проходившую вѣроятно въ глубокомъ духовномъ наслажденіи и сильномъ движеніи религіознаго чувства, и затѣмъ громадный караванъ, съ своими мулами, лошадьми, ослами и верблюдами, оставлялъ свое временное мѣстопребываніе и двигался въ обратный путь. Дорога оживлялась весельемъ и музыкой. Скука путешествія часто разгонялась звуками бубновъ и цимбаловъ, и путники останавливались по мѣстамъ, чтобы освѣжиться и подкрѣпиться финиками или огурцами и свѣжей водой, которую запасали въ мѣхи и кувшины изъ каждаго родника или проточной рѣки. Женщины, закутавшись въ покрывала, и преклонные старцы обыкновенно

ѣхали верхомъ, а ихъ сыновья или братья, съ длинными палками въ рукахъ, вели за уздцы своихъ вьючныхъ животныхъ. Молодежь и вообще дѣти шли и играли подлѣ своихъ родителей, а уставши, садились на лошадей или муловъ. Что касается предположенія [121]), будто

Стѣны Іерусалима.

женщины, дѣти и мужчины составляли три отдѣльныя группы въ караванѣ, то въ подтвержденіе его нѣтъ никакихъ данныхъ, да не таковъ обычай и въ новѣйшее время. Во всякомъ случаѣ, въ такомъ морѣ людей, какъ легко было потерять одного маленькаго мальчика [122])!

Апокрифическое сказаніе говоритъ, что на пути изъ Іерусалима отрокъ Іисусъ оставилъ караванъ и воротился въ святой городъ [123]).



женщины, дѣти и мужчины составляли три отдѣльныя группы въ караванѣ, то въ подтвержденіе его нѣтъ никакихъ данныхъ, да не таковъ обычай и въ новѣйшее время. Во вся-

Стѣны Іерусалима.

Съ гораздо большею истиною и простотою ев. Лука повѣствуетъ, что—увлеченный по всей вѣроятности потокомъ новыхъ и возвышенныхъ чувствованій—«Онъ остался въ Іерусалимѣ». Родители хватились Его только уже по прошествіи цѣлаго дня [124]); да и понятно: хватиться Его они могли только по прибытіи къ мѣсту вечерней стоянки, а въ теченіе всего дня легко могли предполагать, что мальчикъ находится съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ или родственниковъ въ этомъ длинномъ караванѣ, и потому не безпокоились о Немъ. Только уже когда насталъ вечеръ и самые тщательные розыски [125]) не показывали и слѣда Его, тогда только догадались они, что Его совсѣмъ нѣтъ среди возвращающихся поклонниковъ. На слѣдующій день въ тревогѣ и безпокойствѣ и быть можетъ также съ чувствомъ угрызенія совѣсти за недостаточную внимательность къ своимъ священнымъ обязанностямъ, они воротились въ Іерусалимъ. Страна находилась въ возбужденномъ и смятенномъ состояніи. Этнархъ Архелай, послѣ десятилѣтняго жестокаго и безславнаго царствованія, былъ низложенъ императоромъ и сосланъ въ Вьенну, въ Галліи. Римляне присоединили область, которою онъ управлялъ, и введеніе ихъ системы налоговъ со стороны Копонія, перваго проконсула, повело къ мятежу, который, подъ предводительствомъ Іуды Гамалы и фарисея Садока, покрылъ всю страну ужасами огня и меча [126]). Такое безпокойное состояніе страны не только затрудняло имъ путь, когда они оставили караванъ, но и усиливало ихъ опасенія, какъ бы при ожесточеніи враждующихъ сторонъ подъ стѣнами Іерусалима сынъ ихъ не подвергся какой-нибудь опасности. Поистинѣ въ тотъ день скорби и страха оружіе прошло душу Дѣвы Матери!

Ни въ этотъ день, ни въ теченіе наступившей ночи, ни даже въ значительную часть третьяго дня они нигдѣ не могли отыскать Его, пока наконецъ не нашли Его тамъ, гдѣ къ удивленію они кажется менѣе всего думали встрѣтить Его, именно въ храмѣ—«сидящимъ посреди учителей, слушающимъ ихъ и спрашивающимъ ихъ; и всѣ, слушавшіе Его, дивились разуму и отвѣтамъ Его».

Послѣднее выраженіе, равно какъ весь контекстъ рѣчи и все, что мы знаемъ о характерѣ Іисуса и данныхъ обстоятельствахъ, показываетъ, что Отрокъ находился тамъ для того, чтобы спрашивать и поучаться, а не для того, какъ представляетъ арабское евангеліе дѣтства [127]), чтобы подвергать перекрестному испытанію учителей, «каждаго по очереди», не для того, чтобы изъяснять количество сферъ и небесныхъ тѣлъ, ихъ природу и дѣйствія, и тѣмъ менѣе «излагать физику и мета-

физику, иперфизику и ипофизику» (!). Все это апполинаристическія измышленія тѣхъ, кто свои еритическія и мнимоблагоговѣйныя измышленія подходящихъ событій предпочитали простой правдивости евангельскаго повѣствованія, которое показываетъ, что Іисусъ, подобно другимъ дѣтямъ, постепенно возрасталъ въ познаніяхъ, сообразно съ естественнымъ ходомъ человѣческаго развитія. Онъ пребывалъ тамъ, какъ показываетъ ев. Лука, въ полнѣйшемъ смиреніи и почтеніи къ старшимъ, какъ любознательный и даровитый ученикъ, восторженное усердіе котораго возбуждало у учителей невольное удивленіе и все поведеніе пріобрѣтало Ему почтеніе и любовь [128]). Всякая заносчивость или желаніе выставить себя впередъ были совершенно чужды характеру Того, который съ самаго нѣжнаго дѣтства былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ. Въ числѣ присутствовавшихъ въ храмѣ могли быть — убѣленный почти столѣтними сѣдинами великій Гиллель, одинъ изъ основателей масоры, котораго іудеи почитаютъ почти какъ втораго Моисея; его сынъ раббанъ Симеонъ, такъ возвышенно размышлявшій о молчаніи; его внукъ, утонченный и свободомыслящій Гамаліилъ; Шаммаи, великій соперникъ Гиллеля, учитель, привлекавшій еще больше послѣдователей; Хананъ или Анна, сынъ Сиѳа, Его будущій судія; Боетъ, тесть Ирода; Бава Бенъ-Бута, которому Иродъ выкололъ глаза; Неханіа Бенъ-Гискана, знаменитый своими побѣдными молитвами; Іохананъ Бенъ-Закхай, предсказавшій разрушеніе храма; богатый Іосифъ Аримаѳейскій и боязливый, но серьезный Никодимъ, и юный Іонаѳанъ Бенъ-Уззіилъ, который впослѣдствіи написалъ знаменитый халдейскій парафразъ и пользовался необычайнымъ почтеніемъ у своихъ современниковъ [129]). Конечно никто изъ нихъ не могъ и предположить, кого они видятъ передъ собою, и только немногіе быть можетъ дожили до того времени, когда одни изъ нихъ увѣровали въ Него, а другіе стали въ среду Его противниковъ; но кто изъ нихъ не былъ удивленъ или очарованъ славнымъ и благороднымъ мальчикомъ, который, будучи еще во всей красѣ своего нѣжнаго возраста и никогда не учившись въ школахъ раввиновъ, выказывалъ такую чудесную премудрость и такія глубокія познанія во всемъ божественномъ [130])!

Здѣсь-то именно, быть можетъ въ знаменитой *Лишкатъ гагаззитъ*— «палатѣ четырехугольниковъ», быть можетъ въ *Хануйотъ*—«палатахъ покупокъ», или въ одномъ изъ обширныхъ помѣщеній, примыкавшихъ ко двору язычниковъ и отведенныхъ для ученія [131]), Іосифъ и Марія нашли божественнаго Отрока сидящимъ у ногъ своихъ учителей, на

разноцвѣтной мозаикѣ пола. Относясь, какъ и всѣ простые и набожные галилеяне того времени, почти съ благоговѣйнымъ почтеніемъ къ великимъ священникамъ и религіознымъ учителямъ народа, они были поражены страхомъ при видѣ того, какъ Сынъ ихъ спокойно и счастливо чувствовалъ себя среди такого высокаго собранія [132]). Конечно, они могли сознавать, что Онъ мудрѣе своихъ учителей и неизмѣримо выше ихъ; но доселѣ они видѣли въ немъ только молчаливаго, нѣжнаго, послушнаго ребенка, и постоянное обращеніе съ нимъ въ обыденной

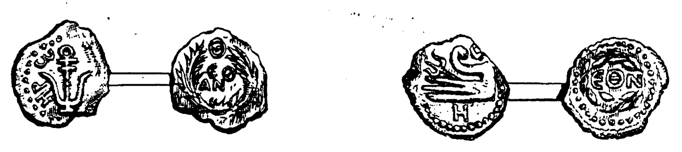
Масличная роща.

жизни быть можетъ затемнило даже сознаніе Его необычайнаго происхожденія. И однако же сама Марія, а не Іосифъ, рѣшается обратиться къ нему съ нѣжнымъ упрекомъ. «Чадо! что сдѣлалъ съ нами? Вотъ отецъ Твой и я съ великою скорбію искали Тебя» [133]). И на это послѣдовалъ съ Его стороны отвѣтъ, который трогателенъ въ своей невинной простотѣ, неизмѣримъ въ глубинѣ своего самосознанія и безконечно достопамятенъ, какъ представляющій *первыя дошедшія* до насъ слова, сказанныя Господомъ Іисусомъ:

Масличная роща.

«Зачѣмъ было вамъ искать Меня? Или вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему?» [134]).

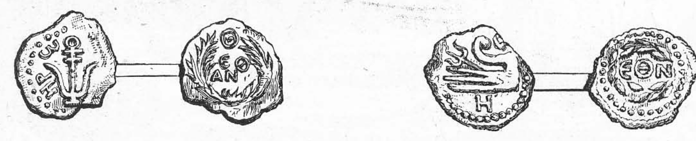
Этотъ отвѣтъ, столь естественный и столь возвышенно-благородный, носитъ на себѣ достовѣрную печать подлинности. Заключающееся въ немъ столкновеніе мыслей, полунегодующее удивленіе, что они такъ мало понимаютъ Его; полнѣйшее достоинство и вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣйшее смиреніе, сочетающіяся въ немъ—вполнѣ лежатъ внѣ предѣловъ возможности вымысла. Онъ находится также въ согласіи со всѣмъ Его служеніемъ, въ согласіи съ отвѣтомъ искусителю, что «не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ», и въ согласіи съ тѣмъ спокойнымъ отвѣтомъ, который Онъ далъ своимъ ученикамъ у колодца самарянскаго: «Моя пища есть творить волю Пославшаго Меня и совершить дѣло Его». Марія сказала Ему: «Твой отецъ», но въ своемъ отвѣтѣ Онъ признаетъ и отнынѣ Онъ знаетъ только одного Отца небеснаго. Говоря имъ: «или вы не знали», Онъ кротко напоминаетъ имъ постепенное забвеніе ими всего того, что они должны были знать; и словами «Мнѣ должно» Онъ излагаетъ священный законъ самопожертвованія, которому Онъ долженъ былъ слѣдовать даже до смерти на крестѣ.



Монеты Архелая *).

«Но они не поняли сказанныхъ Имъ словъ». Даже они, даже этотъ старецъ, который былъ покровителемъ Его въ дѣтствѣ, и матерь, которая знала страшную тайну Его рожденія, не поняли значенія этихъ спокойныхъ словъ, по крайней мѣрѣ—ихъ глубочайшаго смысла. Странный и печальный комментарій на первыя извѣстныя намъ изреченія юнаго Спасителя, и притомъ сказанныя тѣмъ, которые были самыми

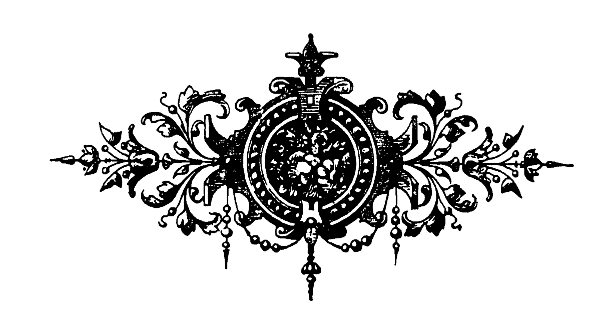
*) Двѣ монеты Ирода Архелая. Такъ какъ онъ былъ единственнымъ іудейскимъ княземъ, носившимъ титулъ этнарха, то монеты эти съ несомнѣнностью могутъ быть приписаны ему. Чеканка нѣсколько похожа на чеканку его отца и нѣкоторыхъ асмонейскихъ князей. Лѣвая монета на лицевой сторонѣ изображаетъ якорь съ буквами греческаго алфавита ΗΡΩ вмѣсто ΗΡΩΔΟΥ (Ирода); наоборотѣ ΕΘ / ΑΝ вмѣсто ΕΘΝΑΡΧΟΥ (этнарха)—въ дубовомъ вѣнкѣ, украшенномъ драгоцѣннымъ камнемъ. Монета, изображенная справа, имѣетъ на лицевой сторонѣ ΗΡ, написанное вокругъ носа корабля съ трезубцемъ; наоборотѣ ΕΘΝ—въ масличномъ вѣнкѣ (Madden).

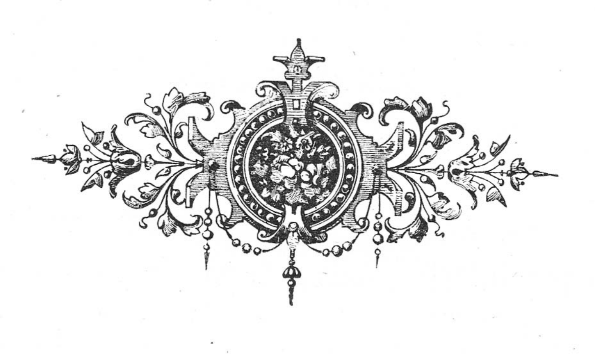


Монеты Архелая *).

близкими и дорогими Ему на землѣ! Странный, но грустно предзнаменовательный по отношенію ко всей Его жизни: «Въ мірѣ былъ, и міръ чрезъ Него началъ быть, и міръ Его не позналъ. Пришелъ къ своимъ, и свои Его не приняли» [135]).

И однако же, хотя Его душѣ было такимъ образомъ присуще ясное сознаніе своего божественнаго происхожденія, хотя лучъ славы явно проблеснулъ изъ Его сокровеннаго величія, Онъ со всею простотою долга и святаго послушанія «пошелъ съ ними, и пришелъ въ Назаретъ; и былъ въ повиновеніи у нихъ».





Горы вокругъ Назарета.

ГЛАВА VII.

ЖИЗНЬ ВЪ НАЗАРЕТѢ.

Не плотникъ ли Онъ? *Марк.* VI, 3.

ЕСЛИ о первыхъ двѣнадцати годахъ земной жизни Спасителя у насъ имѣется только этотъ единственный разсказъ, то о слѣдующихъ восемнадцати годахъ ея у насъ нѣтъ совершенно никакихъ свѣденій, кромѣ единственнаго слова, имѣющаго отношеніе къ ней. Слово это находится въ евангеліи Марка:

«Не *плотникъ* ли Онъ?» [136]).

Премного должны мы быть благодарны за это слово, потому что оно исполнено глубокаго значенія и произвело великое, въ высшей степени благотворное вліяніе на судьбу человѣчества. Благодаря ему освятилось и облегчилось состояніе бѣдности, облагородился трудъ, возвысилось все понятіе о человѣческой природѣ, какъ такой, которая сама по себѣ, независимо отъ всякихъ случайныхъ обстоятельствъ, имѣетъ свое собственное величіе и свое достоинство предъ лицемъ Божіимъ.

1. Оно показываетъ, напримѣръ, что не только въ теченіе трехъ лѣтъ своего служенія, но и въ теченіе всей своей жизни Спаситель

Горы вокругъ Назарета.

ГЛАВА VII.

ЖИЗНЬ ВЪ НАЗАРЕТѢ.

Не плотникъ ли Онъ? *Марк.* VI, 3.

СЛИ о первыхъ двѣнадцати годахъ земной жизни Спасителя у насъ имѣется только этотъ единственный разсказъ, то о слѣдующихъ восемнадцати годахъ ея у насъ нѣтъ совершенно никакихъ свѣденій, кромѣ единственнаго слова, имѣющаго отношеніе къ ней. Слово это находится въ евангеліи Марка:

«Не *плотникъ* ли Онъ?» 136).

Премного должны мы быть благодарны за это слово, потому что оно исполнено глубокаго значенія и произвело великое, въ высшей степени благотворное вліяніе на судьбу человѣчества. Благодаря ему освятилось и облегчилось состояніе бѣдности, облагородился трудъ, возвысилось все

нашъ былъ бѣденъ. По большимъ городамъ плотниками были греки и искусные мастера; плотникъ областнаго городка, — а Іосифъ къ тому же, если вѣрить преданію, былъ «не очень искуснымъ», — могъ занимать только самое низкое положеніе и имѣть очень скромный заработокъ [137]). У людей всегда было преувеличенное желаніе богатства, преувеличенное поклоненіе тѣмъ, которые владѣютъ имъ, преувеличенная вѣра въ его вліяніе на устройство или увеличеніе счастія жизни, и вслѣдствіе такого заблужденія непрерывные хлопоты, завистливое соревнованіе и низости всякаго рода отягощаютъ жизнь человѣческую. Поэтому І. Христосъ добровольно избралъ «низкое состояніе бѣдняка», не той пожирающей, унизительной и безотрадной бѣдности, которая всегда бываетъ рѣдкою и почти всегда поправимою; но той самой обыкновенной доли честной бѣдности, которая, будучи связана съ извѣстною степенью самоотверженія, можетъ легко удовлетворить всѣ потребности простой жизни. Идумейская династія, незаконно захватившая престолъ Давидовъ, могла вполнѣ предаваться утонченнымъ порокамъ искаженнаго эллинизма и блистать разорительною пышностью упадающей цивилизаціи; но Тотъ, кто пришелъ для того, чтобы быть другомъ и Спасителемъ, равно какъ и царемъ всѣхъ, своимъ примѣромъ освятилъ лучшіе, болѣе чистые и простые обычаи и преданія своего народа [138]), и избралъ положеніе, въ которомъ всегда живетъ и всегда будетъ жить громадное большинство человѣчества.

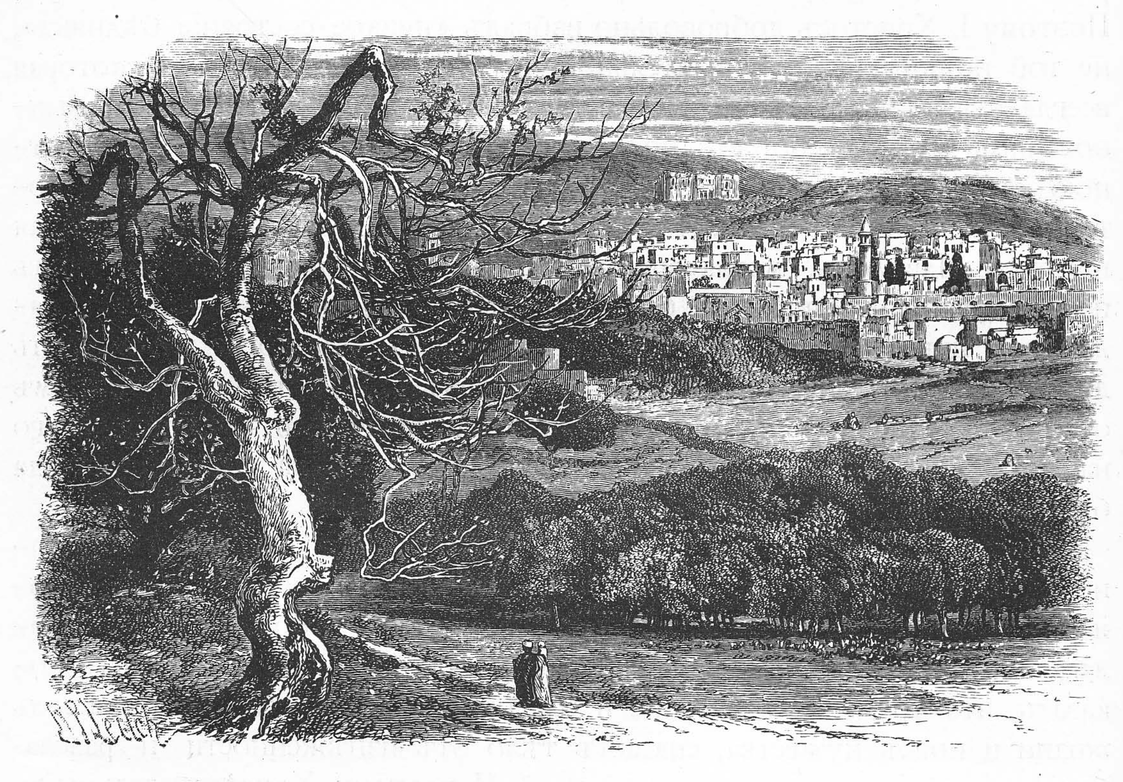
2. Въ непросвѣщенныхъ умахъ всегда живетъ любовь къ праздности вмѣстѣ съ наклонностью считать ее признакомъ высшаго положенія и желаніемъ сваливать трудъ на низшихъ и болѣе слабыхъ, налагая на нихъ клеймо униженія и презрѣнія [139]). Спаситель хотѣлъ показать, что трудъ есть честное и благородное дѣло, что онъ есть соль жизни и поясъ мужества, спасаетъ тѣло отъ изнѣженности и разслабленія, а душу отъ нечистыхъ мыслей. И поэтому Христосъ трудился, работалъ собственными руками, выдѣлывалъ плуги и ярмы для тѣхъ, кто нуждался въ нихъ. Самая насмѣшка Цельса надъ возможностью того, чтобы *Тотъ*, кто пришелъ спасти міръ, былъ плотникомъ [140]), показываетъ, какимъ великимъ благомъ для человѣчества было это самое обстоятельство, какъ благодѣтеленъ и какъ нуженъ былъ примѣръ такого смиренія въ Томъ, дѣломъ котораго былъ возродить общество и обновить міръ.

3. Затѣмъ, изъ этого долгаго молчанія, изъ этой глубокой безвѣстности, изъ этой однообразной обыденности, незаписанной и чуждой

всякихъ приключеній жизни, мы должны понять, что въ очахъ Божіихъ имѣетъ значеніе наша внутренняя, а не внѣшняя жизнь. Міръ обыкновенно цѣнитъ только жизнь своихъ героевъ и благодѣтелей, великихъ мыслителей или блистательныхъ побѣдителей. Но такихъ было и всегда будетъ немного. Для большинства людей символомъ ихъ обыденной жизни всегда будетъ служить дождевая капля, что среди миріадъ падаетъ на поле, пустыню или горы,—снѣжинка, что, падая среди миріадъ, ей подобныхъ, таетъ въ безбрежномъ морѣ. Они умираютъ, и едва

Назаретъ съ юго-западной стороны.

умерли — о нихъ уже забываютъ всѣ; проходитъ нѣсколько лѣтъ, и ползущій мохъ выѣстъ самыя буквы ихъ именъ на кладбищномъ камнѣ; но даже, если кто и прочтетъ эту обветшалую надпись, она не вызоветъ воспоминанія о тѣхъ, что лежатъ подъ гробовой доской. Часто даже простые и заурядные люди склонны придавать себѣ большую важность, а на самомъ дѣлѣ даже величайшій человѣкъ не безусловно необходимъ, и спустя очень немного — «его мѣсто будетъ въ холодной могилѣ, что утопаетъ въ роскошной зелени окружныхъ холмовъ».



Назаретъ съ юго-западной стороны.

4. Относительная незначительность поэтому есть неизбѣжный удѣлъ неизмѣримаго большинства людей. Вслѣдствіе этого многіе могутъ придти къ мысли, что такъ какъ человѣкъ занимаетъ такое малое пространство и для большинства человѣчества онъ имѣетъ такъ же мало значенія, какъ эфемеридъ, что жужжитъ лишь въ теченіе немногихъ часовъ своей жизни въ лѣтній полудень, то ничего лучшаго не остается, какъ ѣсть, пить и умереть. Но Христосъ пришелъ убѣдить насъ, что и при *относительной* незначительности жизнь можетъ стать *безусловно* важною [141]). Онъ пришелъ показать, что постоянная возбужденность, выдающаяся дѣятельность, отличительныя заслуги, блестящій успѣхъ не имѣютъ существенной важности для истинной и благородной жизни, и что тьмы возлюбленныхъ Богомъ обрѣтаются среди людей незначительныхъ и неизвѣстныхъ. Si vis divinus esse, late ut Deus — «если хочешь быть божественнымъ, будь сокровененъ, какъ Богъ» — вотъ тотъ ободряющій утѣшительный и облагораживающій урокъ, который преподается исторіей этихъ безмолвныхъ лѣтъ. Самая спокойная и самая безвѣстная доля часто есть самая счастливая, и можно съ увѣренностью полагать, что эти годы назаретскаго плотника, проведенные дома за ремесломъ, были самыми счастливыми годами въ жизни Спасителя. Часто, даже въ послѣдніе дни жизни, рѣчи Его явно звучали словами того, кто радовался духомъ и текли какбы изъ полной рѣки обильнаго счастья. Каково же было это счастье въ тѣ ранніе годы, когда еще бури праведнаго гнѣва не возмущали Его тихой души, когда сердце Его не пылало страшнымъ негодованіемъ на грѣхи и лицемѣріе окружающихъ Его людей! «*Небо*, какъ могъ бы сказать намъ даже Конфуцій, *означаетъ правило*», и если всегда въ невинности единственно заключается счастіе, то какъ велико должно быть счастье безгрѣшнаго дѣтства? «Юность, говоритъ вдохновенный проповѣдникъ, живо и весело пляшетъ, подобно кипящей водѣ, и сіяетъ, подобно шеѣ голубя, или образу радуги, которая не имѣетъ существа, но видъ и краски которой очаровательны». И если это описаніе вѣрно въ отношеніи даже обычной беззаботной юности, то съ какою неизмѣримо большею силою оно должно быть приложено къ невинной, безгрѣшной, совершенной юности Христа? Въ жизни множества людей, а равно и и въ жизни святыхъ Божіихъ, скорбной и бурной возмужалости часто предшествовала тихая и улыбающаяся заря счастливаго дѣтства.

5. Хотя эти годы были посвящены труду физическому, вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ положительное доказательство, что въ теченіе ихъ не

пренебрегалось и развитіе умственное. Нельзя конечно придавать какого-нибудь значенія грубымъ сказаніямъ апокрифическихъ евангелій; но вполнѣ возможно, что маленькимъ назарянамъ преподавались нѣкоторые начатки религіознаго и простаго ученія *соферимами* или другими членами синагоги [142]); и здѣсь-то Спаситель нашъ, который во всемъ былъ подобенъ намъ, вѣроятно учился, какъ учились другія дѣти, начаткамъ человѣческаго знанія. Но еще вѣроятнѣе, что первоначальное обученіе Іисусъ получилъ дома и именно, согласно внушенію закона (Втор. XI, 19), отъ отца своего Іосифа. Во всякомъ случаѣ Ему часто приходилось слышать въ дневныхъ молитвахъ въ синагогѣ все, чему мѣстные старѣйшины могли поучать касательно закона и пророковъ. Что онъ не былъ въ Іерусалимѣ съ цѣлью обученія и не посѣщалъ ни одной изъ школъ раввиновъ, ясно изъ негодующихъ вопросовъ завистливыхъ враговъ: «Откуда имѣетъ этотъ человѣкъ сіе?» «Какъ знаетъ этотъ человѣкъ писаніе, никогда не учившись?» [143]). Эти вопросы дышатъ раввинскимъ духомъ дерзкой презрительности ко всякому *ам-га-арец'у* (עם הארץ), или безграмотному поселянину. Закоснѣлый умъ народа, привыкшаго, если можно такъ выразиться, къ окаменѣлымъ формамъ мертвой религіи, такъ сказать повитой устнымъ закономъ, былъ неспособенъ понять божественной и самобытной мудрости, получаемой только отъ Бога. Онъ не могъ выбиться изъ поучительной ошибки сына Сирахова, что «мудрость книжная пріобрѣтается въ благопріятное время досуга» [144]). Еслибы Іисусъ получилъ хоть малѣйшіе начатки обычнаго формальнаго образованія, Онъ былъ бы *менѣе*, а не *болѣе* приготовленъ къ тому, чтобы покрыть позоромъ надменную исключительность узкой учености надменныхъ учителей народа.

6. Это свидѣтельство Его враговъ даетъ намъ убѣдительное и прекрасное доказательство того, что Его ученіе не было, какъ думаютъ нѣкоторые, простой эклектической системой, заимствованной у разныхъ сектъ и учителей своего времени. Извѣстно, что Онъ никогда не числился среди учениковъ тѣхъ книжниковъ [145]), главнымъ занятіемъ которыхъ было наставлять въ преданіяхъ отцовъ. Въ большихъ городахъ школы были основаны за восемьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ Симономъ Бенъ Шатахомъ, но ихъ не могло быть въ презираемомъ и бѣдномъ Назаретѣ, въ которомъ не было ни Бет-мидраша, ни Бет-раббана, не было никакого «виноградника» или «строя» [146]). И у кого же могъ заимствовать Іисусъ? У восточныхъ гимнософистовъ или греческихъ

философовъ? Но теперь уже никто не осмѣливается и выступать съ такимъ нелѣпымъ предположеніемъ [147]). У *фарисеевъ*? Но самыя основы ихъ системы, самая идея ихъ религіи—непримиримо чужды всему, чему Онъ училъ.—У *саддукеевъ*? Но ихъ эпикурейская безпечность, ихъ политика на удачу, ихъ мелкій раціонализмъ, ихъ внѣшнимъ лоскомъ прикрытая заскорузлость были даже болѣе противны истинной сущности христіанства, чѣмъ сколько они были противны искреннему іудейству.—У *ессеевъ*? Но это была исключительная, аскетическая и обособленная община, проповѣдывавшая отвращеніе къ браку и полное удаленіе отъ общественной дѣятельности, чему не сочувствуютъ евангелія, и Христосъ никогда не намекалъ на нихъ, кромѣ быть можетъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Онъ укоряетъ тѣхъ, что не умащаютъ головъ своихъ во время пощенія [148]) и ставятъ свѣтильникъ подъ спудомъ.—У *Филона* и александрійскихъ іудеевъ? Филонъ былъ дѣйствительно хорошій человѣкъ, великій мыслитель и современникъ Христа [149]); но (даже еслибы имя его было извѣстно — что очень сомнительно — въ такой отдаленной области, какъ Галилея) среди философскихъ системъ міра нельзя найти еще системы, которая была бы менѣе сходна съ ученіемъ Іисуса, чѣмъ мистическая теософія и иносказательная чудовищность этого «моря отвлеченностей», заключающихся въ его сочиненіяхъ. — У *Гиллеля* и *Шаммаи*? Намъ мало извѣстно о нихъ; только въ одномъ или двухъ мѣстахъ въ евангеліи быть можетъ есть нѣкоторый намекъ на споры, волновавшіе ихъ школы, указывается на одно или на два лучшихъ, болѣе приближающихся къ истинѣ правилъ, выработанныхъ ими; но такое указаніе съ одной стороны не заключаетъ въ себѣ ничего болѣе того, что принадлежитъ къ общей сокровищницѣ истины, открываемой Духомъ Божіимъ людямъ во всѣ времена; а съ другой — система, которой учили Шаммаи и Гиллель, была тѣмъ устнымъ преданіемъ, тою скучною, мертвою левитскою обрядностью, заносчивою и безсильною, легкомысленною и подражательною, которую порицалъ и ниспровергъ Іисусъ [150]). Школа, въ которой учился Іисусъ, была не школой книжниковъ, а школой святаго послушанія, скромнаго довольства, неизмѣнной простоты, безпорочной чистоты и бодраго труда. Ученіе, которому Онъ учился, не было ученіемъ раввинства, въ которомъ нужно пройти чрезъ массы ребяческихъ измышленій и каббалистическаго безумія, чтобы найти хоть одну справедливую или возвышенную мысль, а книги Божіи внѣ Его—въ писаніи, въ природѣ и жизни, и книги Божіи внутри Его, написанныя на плотяныхъ скрижаляхъ сердца.

Образованіе іудейскаго мальчика низшихъ классовъ состояло почти исключительно въ изученіи писанія и нравственныхъ правилъ [151]), и родители обыкновенно были единственными наставниками. Поэтому едва ли можно сомнѣваться, что и отрока Іисуса обучали Іосифъ и Марія, преподавая *шему* (Втор. VI, 4), великое аллилуіа (Пс. CXII — CXVIII) и наиболѣе простыя части св. книгъ, на которыя впослѣдствіи Его божественная мудрость пролила столько свѣта.

Но Онъ очевидно получилъ и дальнѣйшее образованіе.

а) Искусство письма и теперь на востокѣ далеко не общераспространено; но что Іисусъ умѣлъ писать, показываютъ Его неоднократные намеки на формы еврейскихъ буквъ [152]), а также и сообщеніе о томъ,

ЄΞΗΛΘΕΝΔΕΒΑCΙΛΕΥCCΟΔΟΜΩΝΕΙCΥΝΑΝ
ΤΗCΙΝΑΥΤΩΜΕΤΑΤΟΫΠΟCΤΡΕΨΑΙΑΥΤΟΝ
ΑΠΟΤΗCΚΟΠΗCΤΟΥΧΟΔΟΛΛΟΓΟΜΟΡΚΑΙ
ΤΩΝΒΑCΙΛΕΩΝΤΩΝΜΕΤΑΥΤΟΥΕΙCΤΗΝ
ΚΟΙΛΑΔΑΤΗΝCΑΥΗ·ΤΟΥΤΟΗΝΤΟΠΕΔΙΟΝ
ΒΑCΙΛΕΩΝ· ΚΑΙΜΕΛΧΙCΕΔΕΚΒΑCΙΛΕΥC
CΑΛΗΜΕΞΗΝΕΓΚΕΝΑΡΤΟΥCΚΑΙΟΙΝΟΝΗΝ
ΔΕΪΕΡΕΥCΤΟΥΘΥΤΟΥΥΨΙCΤΟΥ·ΚΑΙΕΥΛΟΓΗ
CΕΝΤΟΝΑΒΡΑΜΚΑΙΕΙΠΕΝ· ΕΥΛΟΓΗΜΕΝΟC

Древнее греческое письмо, съ очень древняго греческаго манускрипта (Быт. XIV, 17), принадлежавшаго будто бы Оригену.

что Онъ, наклонившись, пальцемъ писалъ на землѣ [153]). б) Что познанія Его въ св. писаніи были глубоки и обширны, что даже быть можетъ Онъ почти все его зналъ наизусть,—ясно не только изъ Его прямыхъ ссылокъ, но также и изъ многочисленныхъ указаній, которыя Онъ дѣлалъ на Пятокнижіе и другія св. книги, на пророковъ—Исаію, Іеремію, Даніила, Іоиля, Осію, Михея, Захарію, Малахію и особенно на Псалтирь [154]). Съ вѣроятностью также можно полагать, хотя и нельзя сказать утвердительно, что Онъ знакомъ былъ и съ неканоническими книгами іудеевъ [155]). Это глубокое и основательное знаніе св. писанія придавало особенную остроту полунегодующему вопросу, съ которымъ Онъ такъ часто обращался къ своимъ совопросникамъ: «*Развѣ вы не*

читали?» в) Языкъ, на которомъ обыкновенно говорилъ Спаситель, былъ арамейскій. Еврейскій языкъ въ то время былъ уже совершенно мертвымъ языкомъ, и его знали только болѣе образованные люди, пріобрѣтавшіе знаніе его въ школѣ. И однако ясно, что Іисусъ былъ знакомъ съ нимъ, потому что нѣкоторыя Его цитаты изъ св. писанія прямо указываютъ на еврейскій подлинникъ (Марк. xii, 29, 30; Лук. xxii, 37; Матѳ. xxvii, 46). Навѣрно онъ зналъ также и греческій языкъ, потому что это былъ ходячій языкъ въ такихъ близкихъ къ Его родинѣ городахъ, какъ Сепфорисъ, Кесарія и Тиверіада [156]). Мелеагеръ, поэтъ греческой анѳологіи, въ своей собственной эпитафіи увѣренно говоритъ, что его греческій языкъ будетъ понятенъ сиріянамъ и финикіянамъ; а о своей родной Гадарѣ, находившейся недалеко отъ Назарета, онъ восторженно говоритъ, какъ о сирійскихъ Аѳинахъ. Съ самыхъ временъ Александра Великаго, и особенно при близкихъ отношеніяхъ іудеевъ съ Птоломеями и Селевкидами, греческое вліяніе было сильно въ Палестинѣ. Греческій языкъ въ дѣйствительности былъ обычнымъ средствомъ взаимныхъ сношеній, и безъ него Іисусъ не могъ бы разговаривать съ иностранцами—съ сотникомъ, напримѣръ, слугу котораго Онъ исцѣлилъ, съ Пилатомъ или съ греками, которые желали побесѣдовать съ нимъ въ послѣднюю недѣлю Его жизни. Нѣкоторые изъ приводимыхъ имъ текстовъ св. писанія, если только можно видѣть въ нихъ воспроизведеніе Его буквальной рѣчи [157]), взяты прямо изъ греческаго перевода семидесяти толковниковъ, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ отступаетъ отъ еврейскаго подлинника (Матѳ. iv, 7; xiii, 14, 25). Знакомъ ли Онъ былъ съ латинскимъ языкомъ — это гораздо болѣе сомнительно, хотя и не невозможно. Римляне въ это время были многочисленны въ Іудеѣ, и латинскія надписи значились на ходячей монетѣ [158]). Но каково бы ни было Его знакомство съ этими языками, несомнѣнно то, что оно имѣло мало вліянія на Его человѣческое развитіе, и во всемъ Его ученіи нѣтъ ни одного безспорнаго намека на литературу, философію или исторію Греціи и Рима [159]). А что Іисусъ *мыслилъ* обыкновенно на томъ сирійскомъ языкѣ, который былъ Его природнымъ языкомъ, не безъ вѣроятности можно заключать изъ встрѣчающейся по мѣстамъ любопытной игры словъ, которая теряется въ греческомъ текстѣ евангелій, но несомнѣнно придавала особенную силу и красоту нѣкоторымъ изъ Его изреченій, когда они произносились на первоначальномъ языкѣ [160]).

7. Но чему бы ни учился Іисусъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ – въ домѣ

своей матери, или въ школѣ синагоги, мы знаемъ, что лучшимъ своимъ ученіемъ Онъ былъ обязанъ непосредственному проникновенію въ волю Отца своего. Въ глубинѣ Его внутренняго сознанія раздавался тотъ голосъ Божій, который бесѣдовалъ съ праотцемъ человѣческаго рода,

Родникъ въ Палестинѣ.

когда онъ прохладнымъ вечеромъ гулялъ подъ тѣнью райскихъ деревъ, но раздавался еще гораздо яснѣе. Онъ слышался Ему въ каждомъ звукѣ природы, въ каждомъ занятіи жизни, въ каждомъ промежуткѣ уединенной думы. Его человѣческая жизнь была «эфодомъ, на которомъ

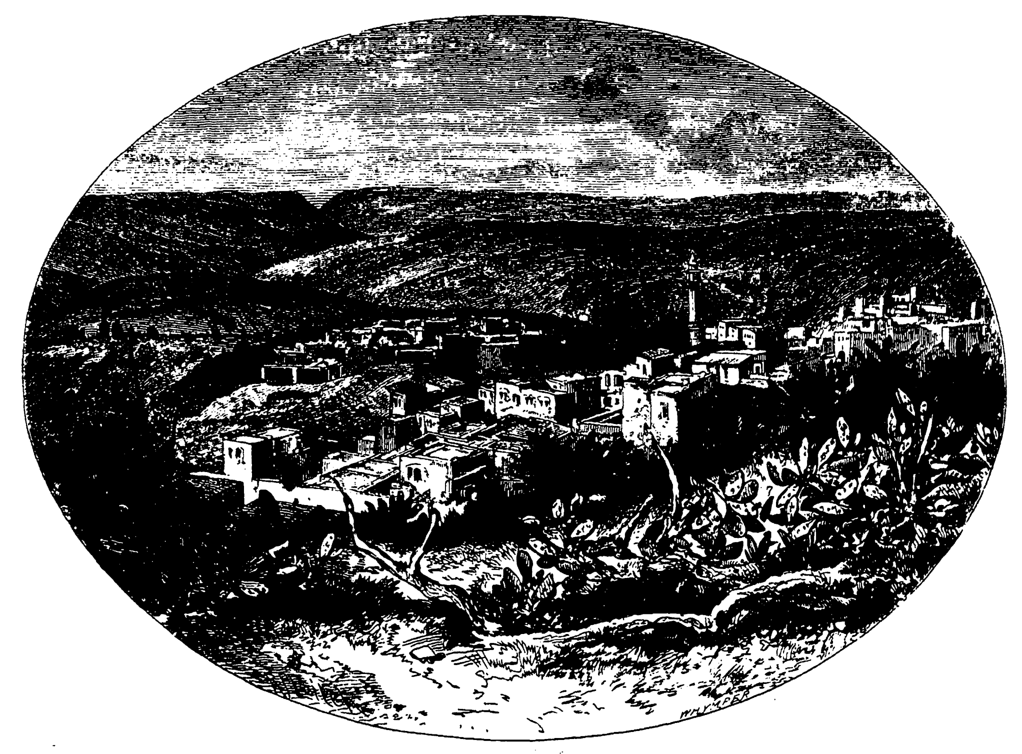
Родникъ въ Палестинѣ.

было написано одно только слово — Богъ». Вездѣ и на всемъ читалъ Онъ имя своего Отца, которое написано было и въ глубинѣ Его духа, и на самыхъ заурядныхъ испытаніяхъ жизни, написано въ лучахъ солнца и въ блескѣ звѣздъ. Спокойное безмятежное уединеніе въ счастливой долинѣ, съ ея зелеными полями и чарующими красотами природы, чрезвычайно способствовало возбужденію внутренней духовной жизни; и мы знаемъ, какъ изъ всякаго случая—изъ игръ невинныхъ дѣтей (Матѳ. xi, 16), покупки и продажи на маленькомъ базарѣ, изъ журчанія ея неизсякаемаго родника, изъ великолѣпія ея горныхъ лилій въ ихъ преходящей красотѣ, изъ хриплаго крика неоперившихся выводковъ ворона въ колыхающемся отъ вѣтра гнѣздѣ—Онъ извлекалъ пищу для нравственнnаго назиданія и духовной мысли.

При этомъ мы не должны упускать изъ вида, что именно въ эти безмолвные, неописанные въ евангеліи годы была совершена главная часть Его дѣла. Онъ не только «препоясывалъ свой мечъ при бедрѣ», но и употреблялъ его въ борьбѣ, въ которой нѣтъ пощады (Пс. xliv, 4). Та неслышная борьба, въ которой не раздается грома оружія, но въ которой противоборствующіе намъ еще болѣе страшны, потому что невидимы, проходила чрезъ всѣ годы Его искупительнаго послушанія. Въ эти годы Онъ «началъ дѣлать» еще задолго до того, какъ «началъ учить» [161]). Это были годы безгрѣшнаго дѣтства, безгрѣшнаго отрочества, безгрѣшной юности, безгрѣшной возмужалости, проведенные въ смиреніи, трудѣ, безвѣстности, послушаніи, довольствѣ, молитвѣ, чтобы послужить въ нихъ вѣчнымъ примѣромъ для всего человѣческаго рода. Мы не можемъ подражать Ему въ дѣлѣ Его служенія, не можемъ даже отдаленнѣйшимъ образомъ воспроизвести въ нашемъ собственномъ опытѣ внѣшнія обстоятельства Его жизни въ теченіе трехъ завершающихъ лѣтъ. Но огромное большинство изъ насъ Провидѣніемъ поставлено именно среди тѣхъ спокойныхъ обязанностей заурядной и чуждой всякихъ приключеній обыденности, которая болѣе всего похожа на Его тридцатилѣтнюю уединенную жизнь. Въ теченіе этихъ именно тридцати лѣтъ Его жизнь служитъ для насъ главнымъ примѣромъ, которому должны мы подражать въ жизни. «Замѣть здѣсь, говоритъ благочестивый Бонавентура, что самое недѣланіе Имъ ничего чудеснаго было своего рода чудомъ. Ибо вся Его жизнь есть тайна, и какъ была сила въ Его дѣйствіяхъ, такъ была сила въ его молчаніи, въ Его бездѣйствіи и въ Его уединеніи. Этотъ верховный Учитель, который долженъ былъ научать всякимъ добродѣтелямъ и указывать путь жизни

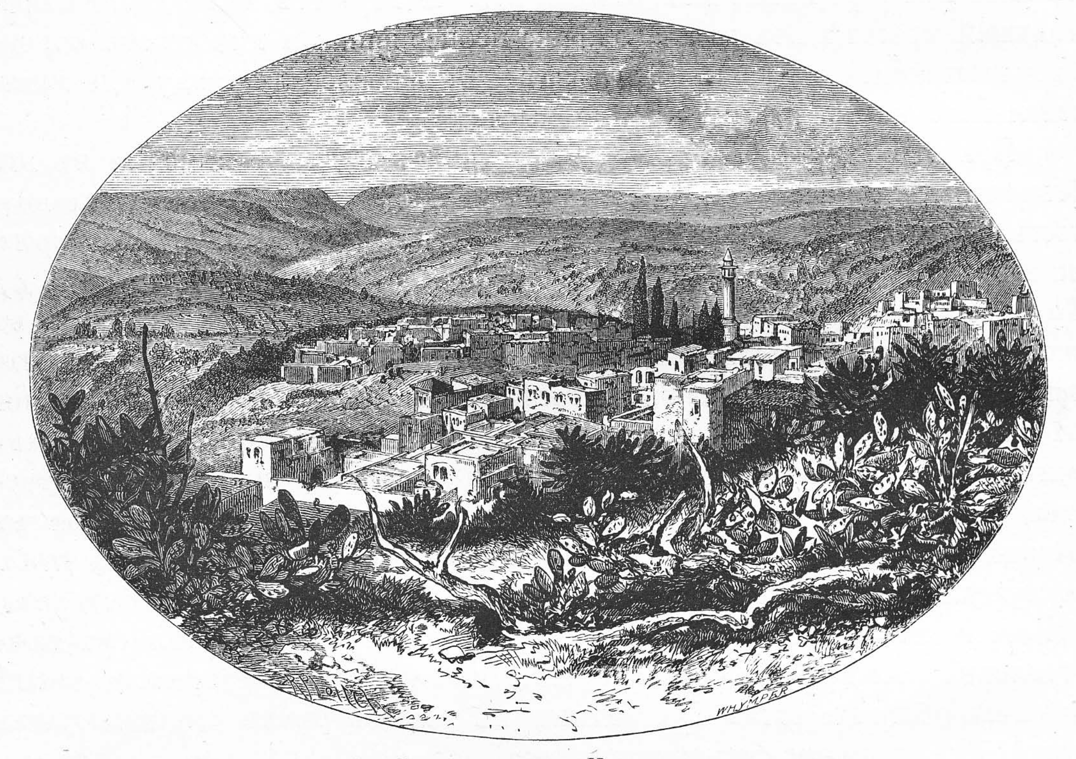
отъ самой юности своей, освящая собственнымъ примѣромъ, осуществлялъ ту добродѣтельную жизнь, которой Онъ пришелъ научить, но чудеснымъ, неиспытуемымъ и дотолѣ неслыханнымъ образомъ».

Самое присутствіе Его въ домѣ Его дѣтства должно было дѣлать этотъ домъ счастливымъ. Часъ борьбы и меча, тотъ часъ, когда многіе во Израилѣ должны были возстать или пасть изъ-за Него, когда у многихъ должны были открыться помышленія сердецъ, когда царство небесное должно было испытать потрясеніе и неистовые должны



Видъ съ горы на Назаретъ.

были брать его силой, еще не приходилъ. Во *всякомъ* семейномъ кругѣ достаточно бываетъ нѣжнаго вліянія одной любящей души, чтобы во всемъ окружающемъ водворять несказанный миръ: она имѣетъ умиротворяющую силу, подобно сіянію вечерняго свѣта или воркованью голубей; ничто грубое, ничто жестокое и мятежное не можетъ устоять противъ ея благотворнаго вліянія; никакой злобный раздоръ не можетъ держаться при ея умиряющемъ очарованіи. Но домъ Іисуса не былъ обыкновеннымъ домомъ. Имѣя въ виду, что праведный Іосифъ былъ главою и кормильцемъ этого дома, Марія — его святыней и



Видъ съ горы на Назаретъ.

счастьемъ, а юный Іисусъ озарялъ его самымъ свѣтомъ небесъ, легко представить, что это былъ домъ искренняго благочестія, ангельской чистоты, невозмутимаго мира; домъ, изъ-за котораго вся земля становилась милѣе и страшнѣе для стражниковъ небесныхъ и который, если позволителенъ полетъ воображенія, они съ любовью осѣняли своими крылами. Сказанія раннихъ дней христіанства говорятъ, что ночью и днемъ, когда Іисусъ ходилъ или спалъ, свѣтлое облако сіяло кругомъ Его. И это такъ дѣйствительно и было; но это не былъ видимый чувственный свѣтъ — шехина: это была красота святости, это былъ миръ Божій.

8. Въ одиннадцатой главѣ апокрифической исторіи Іосифа плотника говорится, что у Іосифа было четыре старшихъ сына и нѣсколько дочерей отъ прежняго брака, и что старшіе сыновья, Юстъ и Симонъ, и дочери, Есѳирь и Ѳамарь, въ надлежащее время поженились и вышли замужъ и разошлись по своимъ домамъ. «Но Іуда и Іаковъ меньшій, Дѣва, Матерь Моя», продолжаетъ разсказчикъ отъ лица самого І. Христа, «остались въ домѣ Іосифа. Я также оставался съ ними, какъ одинъ изъ сыновей его. Я проводилъ все Мое время безвинно. Я называлъ Марію Моею матерью и Іосифа отцомъ, и во всемъ, что они говорили Мнѣ, Я былъ послушенъ имъ, и никогда не противился имъ, но подчинялся имъ... и никогда Я не вызывалъ ихъ гнѣва, и не говорилъ грубаго слова въ отвѣтъ имъ; напротивъ Я лелѣялъ ихъ съ безпредѣльною любовью, какъ зѣницу Моего ока».

Это мѣсто, приведенное здѣсь ради той картины, которую Онъ представляетъ о единодушіи, господствовавшемъ въ домѣ Іосифа въ Назаретѣ, приводитъ на память трудный вопросъ: были ли у І. Христа единоутробные братья и сестры? — и если нѣтъ, то кто были тѣ, которые въ евангеліяхъ такъ часто называются «братьями Господа?» По этому вопросу написаны цѣлые томы, и здѣсь нѣтъ надобности подробно входить въ него [162]). Доказательства такъ равносильны, затрудненія каждаго мнѣнія такъ очевидны, что настаивать догматически на какомъ-нибудь положительномъ рѣшеніи этого вопроса было бы невозможно. Согласно другому болѣе распространенному (и принятому православною церковью) взгляду эти «братья Господа» въ дѣйствительности были для него двоюродными. У Маріи, какъ думаютъ, была родная или сводная сестра того же имени [163]), бывшая въ замужествѣ за Алфеемъ или Клеопой и это были ихъ дѣти. Но вообще нужно сказать, что данныя для рѣшенія этого важнаго вопроса слиш-

комъ недостаточны для того, чтобы дѣлать какой-нибудь положительный выводъ, могущій разсчитывать на всеобщее признаніе. Ясно во всякомъ случаѣ, что Христосъ съ самаго ранняго дѣтства былъ поставленъ въ ближайшія отношенія съ различными родственниками или братьями, немного старше или немного моложе Его, и это все были люди, выдававшіеся своими личными качествами, горячею ревностью, простотою, почти граничащею съ ессейскимъ аскетизмомъ, непреодо-

Іерусалимъ съ дороги въ Виѳанію.

лимою непріязнью ко всякой испорченности, безпорядочности или нечистотѣ, строгою преданностью мессіанскимъ надеждамъ и даже обрядовымъ обычаямъ своей страны [164]). Мы знаемъ, что хотя впослѣдствіи они и сдѣлались столпами первенствующей церкви, но сначала не вѣрили въ божественность Спасителя, или во всякомъ случаѣ держались взглядовъ, которые несогласны были съ бо-

Іерусалимъ съ дороги въ Виѳанію.

лимою непріязнью ко всякой испорченности, безпорядочности или нечистотѣ, строгою преданностью мессіанскимъ надеж-

жественнымъ планомъ Его самооткровенія [165]). И не между ними Іисусъ въ теченіе своей жизни находилъ самыхъ преданныхъ себѣ послѣдователей или самыхъ возлюбленныхъ спутниковъ. Они повидимому отличались извѣстнымъ упрямствомъ, іудейскимъ упорствомъ, недостаткомъ

Гора Ермонъ.

сочувствія, нѣжности и почтенія. Петръ, любящій и нѣжный даже въ своей слабости, благородный даже въ своихъ наименѣе сдерживаемыхъ порывахъ; Іаковъ, сынъ Зеведеевъ, спокойный и наблюдательный, скромный и преданный; и больше всѣхъ Іоаннъ, пылкость котораго выте-

Гора Ермонъ.

кала изъ души съ чисто-небесною нѣжностью, — вотъ кто для Него были больше и дороже, чѣмъ братья или родственники по плоти. Жесткая, настойчивая нравственность бываетъ менѣе прекрасна, чѣмъ всепоглощающая и боготворящая любовь [166]).

9. Набрасывали ли эти маленькія облака частнаго несогласія какую-нибудь тѣнь на ясные дни юности Христовой въ маленькомъ галилейскомъ городѣ, намъ неизвѣстно. Возможно, что эти братья занимались вмѣстѣ съ Нимъ однимъ и тѣмъ же скромнымъ ремесломъ, жили съ Нимъ подъ одной и той же кровлей. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что Онъ часто бывалъ одинъ. Уединеніе для Него болѣе чѣмъ для всякаго другаго сына человѣческаго было «храмомъ соприсутствія Божія». Навѣрно Онъ искалъ его на сѣдыхъ склонахъ холмовъ, подъ сѣнью смоковницъ и маслинъ, среди тихихъ полей, при знoѣ полудня и при звѣздахъ ночи. Душѣ невозможно сохранить нѣжность и благоуханіе своего внутренняго существа безъ уединеннаго размышленія и безмолвной молитвы, и чѣмъ возвышеннѣе душа, тѣмъ больше нуждается она въ этомъ. И въ теченіе своего служенія Спаситель нашъ не разъ оставлялъ своихъ преданнѣйшихъ и возлюбленнѣйшихъ учениковъ, чтобы побыть наединѣ.

10. Въ Палестинѣ, какъ думаютъ, есть два только мѣста, о которыхъ съ положительною увѣренностью можно сказать, что на нихъ ступали ноги Христа, именно у колодца въ Сихемѣ и на поворотѣ дороги изъ Виѳаніи черезъ гору Елеонскую, откуда впервые открывается видъ на Іерусалимъ [167]). Къ нимъ можно еще прибавить по крайней мѣрѣ одно мѣсто — вершину горы, на которой стоитъ Назаретъ.

Эта вершина теперь къ сожалѣнію занята не какимъ-нибудь христіанскимъ памятникомъ, а жалкой, полуразвалившейся *вели* какого-то темнаго магометанскаго святаго [168]). Въ Назаретѣ нѣтъ такого десятилѣтняго ребенка, какъ бы онъ ни былъ тупъ и равнодушенъ, который бы часто не взбирался на нее; и конечно не могло быть въ Назаретѣ и въ древнее время такого мальчика, который бы не послѣдовалъ общечеловѣческой наклонности взбираться по этимъ благоухающимъ склонамъ горы къ тому пріятному и легкодоступному мѣсту, съ котораго открывается видъ на окружающій міръ. Гора поднимается на шестьсотъ футовъ надъ уровнемъ моря. На четыреста или пятьсотъ футовъ внизу лежитъ благословенная долина. Видъ съ этого мѣста и самъ по себѣ необыкновенно красивъ и богатъ, но еще болѣе неописаннаго очаро-

ванія придаетъ ему мысль, что здѣсь, стоя на горныхъ цвѣтахъ, съ треплющимися отъ тихаго вѣянія волосами, часто бывалъ Іисусъ, наблюдалъ за парящими въ безоблачной синевѣ орлами и всматривался вверхъ, заслышавъ надъ своей головой тяжелый полетъ длинной вереницы пеликановъ, тянувшихся отъ потока Кисона къ озеру Галилейскому. А какое зрѣлище открывалось предъ Нимъ, когда Онъ сидѣлъ весною на зеленомъ благоухающемъ мхѣ! Ему было все знакомо кругомъ — всякая нива и всякая смоковница, всякая пальма и всякій садъ, всякій домъ и синагога, и съ наибольшею любовью взоръ Его останавливался среди четырехугольныхъ плосковерхихъ домовъ на ма-

Монастырь на горѣ Кармилъ.

ленькомъ жилищѣ городскаго плотника. Къ сѣверу, какъ разъ подъ городомъ, лежала узкая плодородная долина Асохисъ [169]), отъ которой поднимаются лѣсистые холмы Нефѳалимовы, и совершенно открыто на одномъ изъ нихъ лежалъ Сафедъ — «городъ наверху горы» [170]); за ними, на далекомъ небосклонѣ, Ермонъ вздымалъ въ голубую высь огромную великолѣпную массу своего колоссальнаго остова, бѣлѣющаго снѣгами [171]). Къ востоку, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ высится зеленая круглая вершина Ѳавора, одѣтая теревинѳомъ и дубомъ. Къ западу, при чудесно прозрачномъ воздухѣ, Онъ могъ любоваться багрянымъ хребтомъ Кармила, въ лѣсахъ котораго обиталъ Илія, затѣмъ виднѣлись порты Каифа и Акко и сверкающая полоса бѣлаго песку, что окаймляетъ волны Средиземнаго моря, съ кое-гдѣ бѣлѣющими на ней парусами «кораблей хиттимскихъ» [172]). Къ югу прерываемая только красивыми

Монастырь на горѣ Кармилъ.

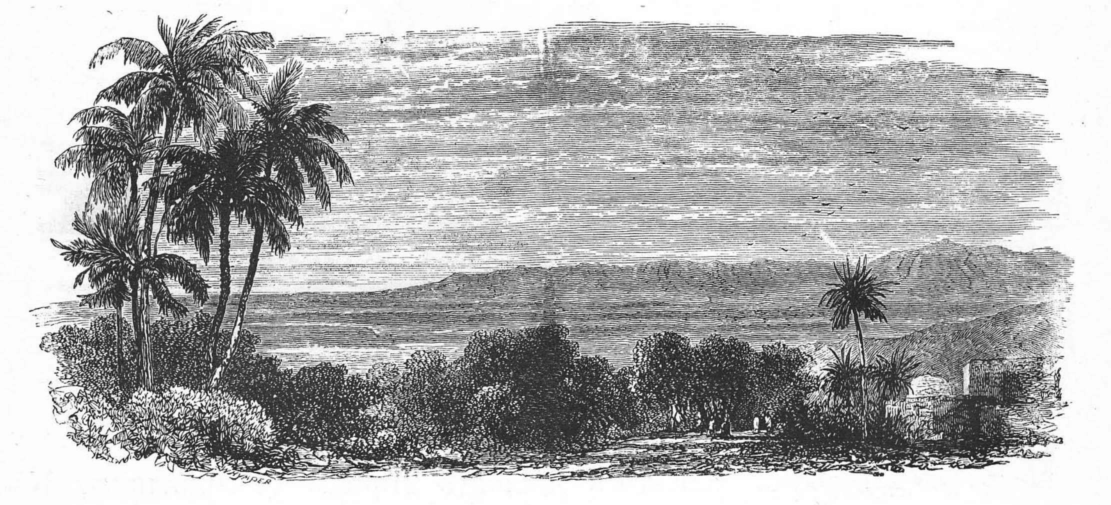
ленькомъ жилищѣ городскаго плотника. Къ сѣверу, какъ разъ подъ городомъ, лежала

выступами малаго Ермона и Гелвуи лежала вся равнина Ездрилонская, столь достопамятная въ исторіи Палестины и всего міра, потому что чрезъ нее пролегалъ южный путь къ тому городу, что всегда избивалъ пророковъ и гдѣ быть можетъ даже ужъ теперь своимъ пророческимъ видѣніемъ Іисусъ провидѣлъ муки сада Геѳсиманскаго, поношеніе и бичеваніе, терновый вѣнецъ и крестъ.

Картина, разстилавшаяся предъ взоромъ юнаго Іисуса, была дѣйствительно серединнымъ мѣстомъ въ томъ мірѣ, который Онъ пришелъ спасти. Оно находилось въ сердцѣ земли Израилевой, и однако же, отдѣленныя только узкою пограничною полосою холмовъ и рѣкъ, тутъ же подъ рукой находились Финикія, Сирія, Аравія, Вавилонія и Египетъ.

Равнина Ездрилонская. Видъ издали.

Острова язычниковъ и всѣ знаменитыя страны Европы почти виднѣлись за сверкающими волнами западнаго моря. Знамена Рима развѣвались въ долинѣ передъ Нимъ; греческій языкъ раздавался по городамъ внизу.— Но какъ ни мирной казалась эта мѣстность тогда, зеленѣя своей изумрудной красотой, блистая живительными лучами солнца и игрою пурпурныхъ тѣней отъ проносившихся надъ нею облаковъ послѣ дождя, въ теченіе столѣтій она была полемъ битвы народовъ. Фараоны и Птоломеи, Эмиры и Арсакиды, судьи и консулы — всѣ спорили изъ-за обладанія этой прекрасной полосой земли. На ней сверкали копья амалекитянъ, грохотали военныя колесницы Сезостриса, жужжали стрѣлы Сеннахирима; по ней проходили фаланги македонскія, звенѣли широкіе



Равнина Ездрилонская. Видъ издали.

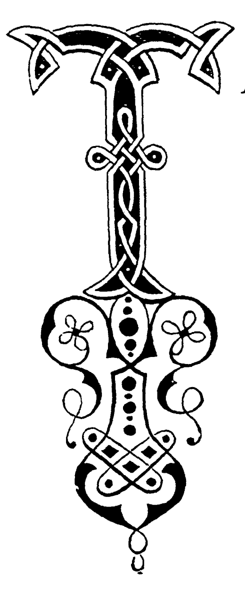
мечи римлянъ, и впослѣдствіи на ней суждено было раздаваться боевому клику крестоносцевъ и гремѣть артиллеріи новѣйшихъ государствъ. Въ долинѣ Ездрилонской какбы сходилось все — Европа и Азія, іудейство и язычество, варварство и цивилизація, ветхій и новый завѣты, исторія прошлаго и надежды настоящаго. Другой картины, которая бы имѣла болѣе глубокое значеніе для судебъ человѣчества, и не могло представиться взору юнаго Спасителя.

На Іорданѣ.

ГЛАВА VIII.

КРЕЩЕНІЕ ІОАННОВО.

Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное.



ТАКЪ въ смиренномъ послушаніи и святой безвѣстности прошли дѣтство, юность и первые годы возмужалости Іисуса, и вотъ Ему было уже тридцать лѣтъ [173]). Этотъ глубокій урокъ тридцатилѣтней жизни, проведенной въ трудѣ и безвѣстности, былъ въ высшей степени поучителенъ для всѣхъ классовъ человѣчества во всѣ времена; но насталъ часъ Его служенія и великаго искупленія. Онъ долженъ былъ стать Спасителемъ не примѣромъ только, но откровеніемъ и смертью.

Между тѣмъ уже началъ раздаваться тотъ голосъ въ пустынѣ, который, потрясая сердца народа, взывалъ: «Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное».

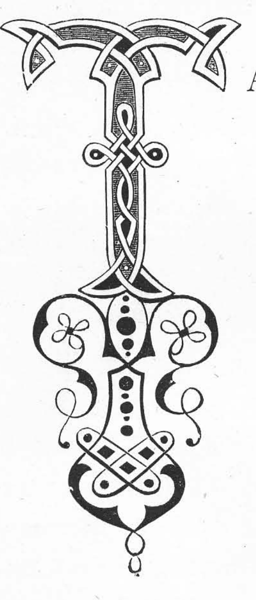
Это былъ вѣкъ переходный, вѣкъ неувѣренности и сомнѣнія. При возрастаніи всеобщей испорченности, при разрушеніи священныхъ учреж-

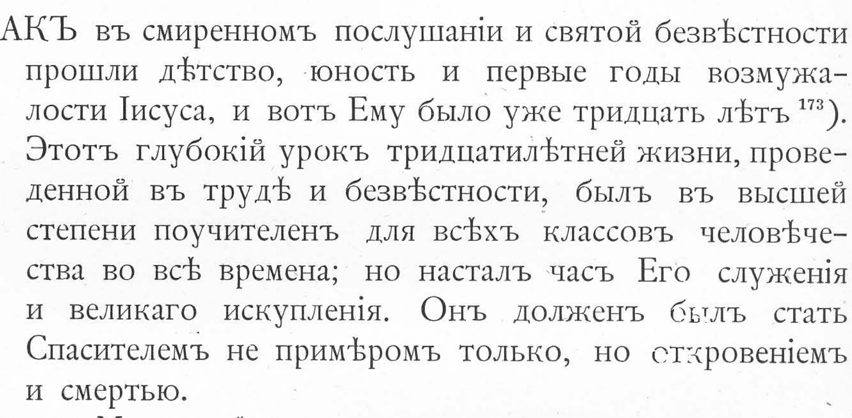
На Іорданѣ.

ГЛАВА VIII.

КРЕЩЕНІЕ ІОАННОВО.

Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное.





ТАКЪ въ смиренномъ послушаніи и святой безвѣстности прошли дѣтство, юность и первые годы возмужалости Іисуса, и вотъ Ему было уже тридцать лѣтъ [173]). Этотъ глубокій урокъ тридцатилѣтней жизни, проведенной въ трудѣ и безвѣстности, былъ въ высшей степени поучителенъ для всѣхъ классовъ человѣчества во всѣ времена; но насталъ часъ Его служенія и великаго искупленія. Онъ долженъ былъ стать Спасителемъ не примѣромъ только, но откровеніемъ и смертью.

Между тѣмъ уже началъ раздаваться тотъ голосъ въ пустынѣ, который, потрясая сердца народа, взывалъ: «Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное».

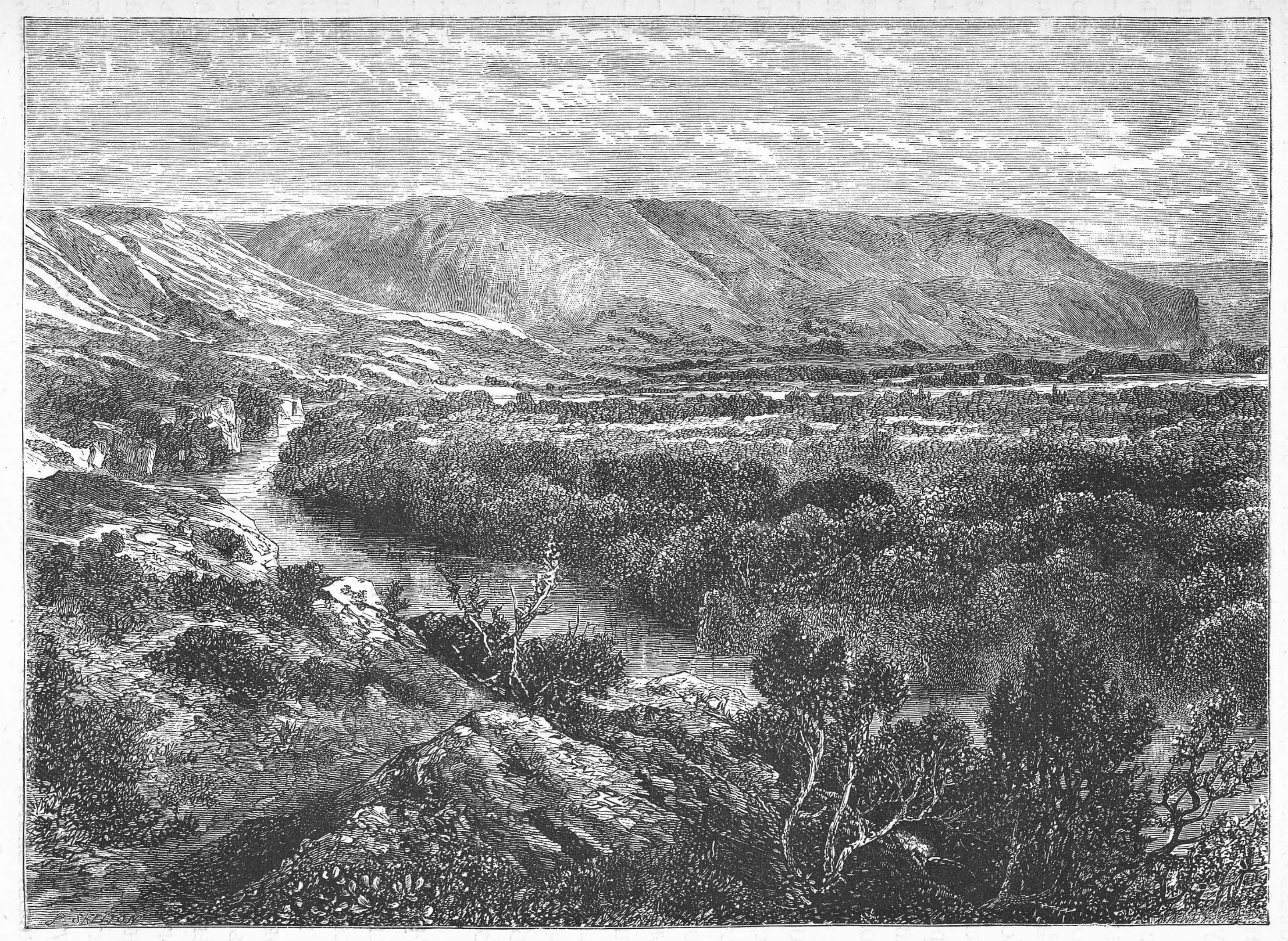
деній, при видѣ тучъ, которыя все чернѣе и чернѣе заволакивали политическій небосклонъ, многимъ набожнымъ іудеямъ невольно казалось, будто снова разверзлись источники великой пучины. Скипетръ уже отнятъ былъ у народа; первосвященство презрительно попиралось идумейскими четверовластниками или римскими прокураторами; уже главное вліяніе въ униженномъ синедріонѣ находилось въ рукахъ ловкихъ иродіанъ или коварныхъ саддукеевъ. Повидимому уже негдѣ было больше искать утѣшенія, кромѣ какъ въ усиленной приверженности къ Моисеевымъ установленіямъ и въ возраставшихъ надеждахъ на пришествіе Мессіи. Въ эпоху столь тревожную и смутную, когда все старое быстро рушилось, а новое еще не появлялось, могло казаться почти извинительнымъ — для фарисеевъ пользоваться всякимъ случаемъ для возмущенія, и еще больше извинительнымъ для ессеевъ отдаваться безбрачной жизни и удаляться отъ человѣческаго общества. Повсюду господствовало ожиданіе того «грядущаго гнѣва», который долженъ былъ настать какъ родовыя муки для новаго царства — глубочайшій мракъ передъ разсвѣтомъ [174]). Міръ уже одряхлѣлъ, и безумство языческаго культа дошло до отвратительныхъ излишествъ. За безбожіемъ въ религіи, какъ и всегда, слѣдовалъ упадокъ нравственности. Безнравственность повидимому стремилась до конца исчерпать чашу нечестія. Философія отказывалась отправлять свою высокомѣрную службу, кромѣ какъ для весьма немногихъ любителей. Преступность царила повсюду, и никто не зналъ спасенія отъ ужаса и разрушенія, которые она производила въ тысячахъ сердецъ. Даже жало совѣсти повидимому потеряло свою силу и люди стали «безчувственны» [175]). Повсюду видно было такое оцѣпенѣніе сердецъ, такое огрубѣніе нравственнаго чувства [176]), что его сознавали ненормальнымъ и зловѣщимъ даже тѣ, которые были поражены имъ. Даже языческій міръ чувствовалъ, что пришло «исполненіе временъ».

Въ такіе періоды становятся очень сильными побужденія къ суровому отшельничеству. Уединенное общеніе съ Богомъ среди дикихъ картинъ природы становится неизмѣримо лучше тревожной суеты упавшаго духомъ общества. Самопомощь и поддержка существованія изъ самыхъ скудныхъ источниковъ, изъ которыхъ можно удовлетворить только простѣйшія потребности жизни, кажутся привлекательнѣе, чѣмъ удручающія заботы и убійственная безотрадность гнетущей и непоправимой бѣдности. Дикость и безмолвіе равнодушной природы даютъ въ такія времена пріятное убѣжище отъ шума, пошлости и

злобы людей. Фарисей Банъ, который удалился въ пустыню и жилъ почти такъ же, какъ впослѣдствіи жили отшельники Ѳиваиды, былъ только однимъ изъ многихъ, руководившихся подобными убѣжденіями. Іосифъ Флавій, который, въ теченіе трехъ лѣтъ [177]), учился у него въ его горныхъ пещерахъ, описываетъ его жестокія самоистязанія и суровую жизнь, его одежду изъ сплетенныхъ листьевъ, пищу изъ случайно попадавшихся корней, и его денныя и ночныя погруженія въ холодную воду, которыми онъ хотѣлъ сохранять свое тѣло чистымъ и сердце непорочнымъ.

Но отшельничество можетъ возникать изъ разныхъ побужденій. Оно можетъ возникнуть изъ высокомѣрія человѣка, желающаго стоять въ сторонѣ отъ другихъ; изъ пресыщенія эпикурейца, который хотѣлъ бы найти убѣжище даже отъ самого себя; изъ себялюбиваго страха, заставляющаго помышлять только о своемъ собственномъ спасеніи. Совершенно иною и гораздо болѣе возвышенною была суровая простота и благородная самоотверженность Іоанна Крестителя. Не даромъ средневѣковые живописцы изображали его, даже въ дѣтствѣ, изнуреннымъ отъ аскетизма [178]). Наклонность къ жизни отшельника обнаружилась въ молодомъ назореѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, но въ немъ она происходила изъ сознанія своего славнаго предназначенія, изъ желанія исполнить дѣло, внушенное святымъ упованіемъ. Св. Іоаннъ жилъ въ пустынѣ лишь для того, чтобы стать пророкомъ Всевышняго. Свѣтъ, который былъ въ немъ, долженъ былъ, если нужно, воспламениться въ самопожирающее пламя — не къ его собственной славѣ, но для того, чтобы освѣщать путь грядущаго Царя.

Натура Іоанна Крестителя была полна огня и пламенныхъ порывовъ. Долгая борьба, давшая ему такое могучее самообладаніе, что онъ могъ удовлетворяться самоуничиженіемъ въ присутствіи своего Господа, внушавшая ему безбоязненность предъ лицемъ опасности и смиреніе при всеобщемъ одобреніи, оставила свой слѣдъ на немъ въ самой суровости характера, внѣшнемъ видѣ и ученіи. Если онъ пріобрѣлъ миръ долгой молитвой и покаяніемъ и своей жизнью въ пустынѣ, то это не былъ самопроизвольный миръ кроткой и святой души. Побѣда, которую онъ одержалъ, носила еще слѣды борьбы; покой, котораго онъ достигъ, еще потрясался отдаленнымъ рокотомъ бури. На самомъ его ученіи отражались образы пустыни — камень, ехидна, безплодное дерево. «Въ своемъ явленіи и дѣятельности, какъ говоритъ одинъ писатель, онъ былъ подобенъ горящему свѣтильнику; его общественная

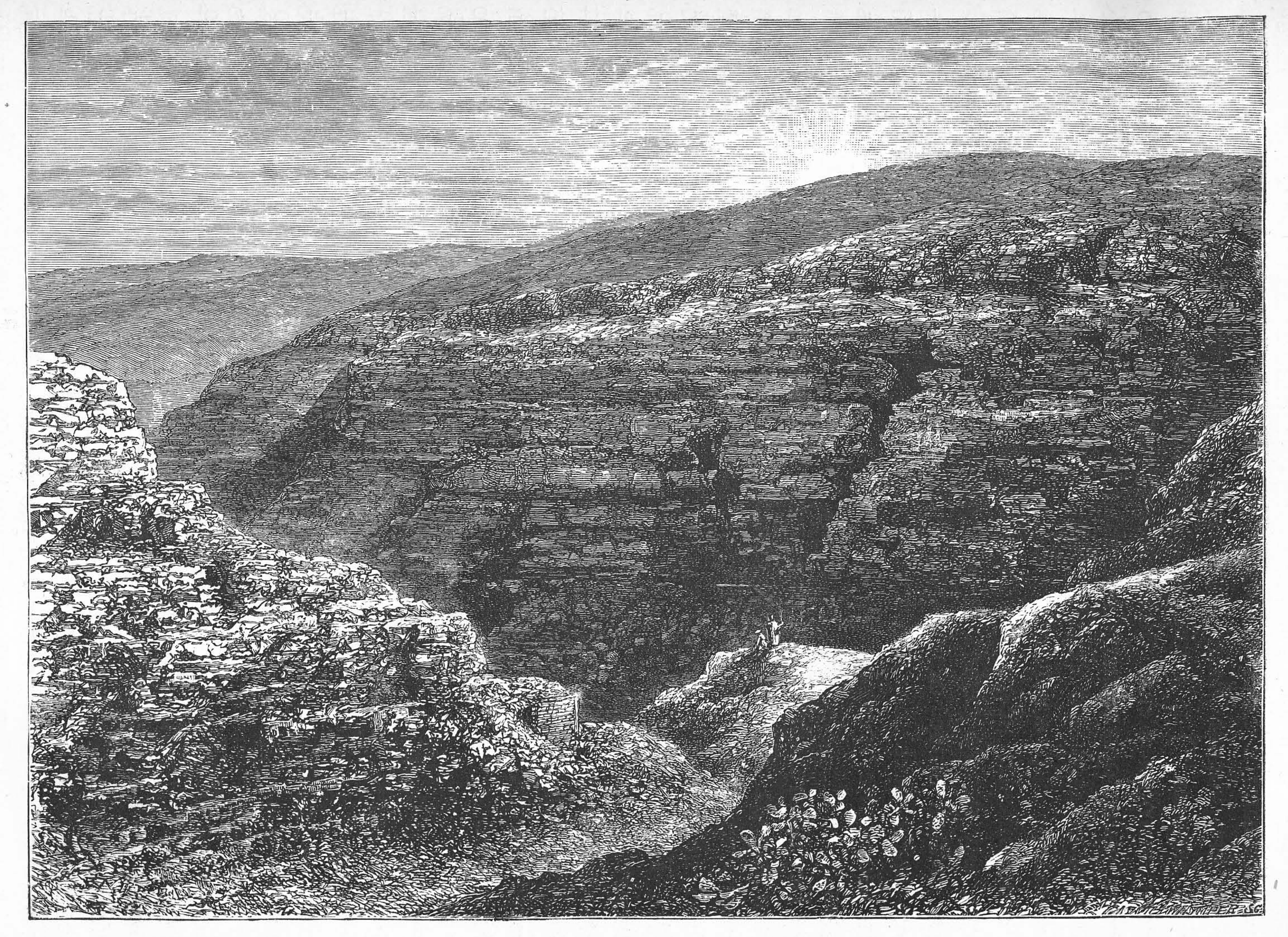


Долина Іорданская.

жизнь была подобна землетрясенію; все его существо было проповѣдью; онъ по справедливости называлъ себя гласомъ, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: приготовьте путь Господу» [179]).

При углубленіи въ себя въ немъ разгорался внутренній огонь, и наконецъ онъ заговорилъ огненнымъ языкомъ. Почти съ дѣтства онъ былъ добровольнымъ отшельникомъ. Въ уединеніи онъ познавалъ глубочайшія тайны бытія; невидимый міръ становился для него осязаемою дѣйствительностью; духъ его былъ объятъ пламенемъ вдохновенія. Сообщаясь только съ своимъ собственнымъ великимъ одинокимъ сердцемъ, сообщаясь съ великими мыслями цѣлаго ряда пророковъ, его предшественниковъ среди жестоковыйнаго народа, погружаясь въ тѣ таинственныя рѣчи, что слышались ему въ звукахъ горъ и моря, онъ познавалъ науку болѣе глубокую, чѣмъ какой можно было научиться у Гиллеля или Шаммаи. Въ знойный полдень глубокой іорданской долины, гдѣ воздухъ какбы проникнутъ тонкимъ и трепещущимъ пламенемъ; слушая дикій вой звѣрей въ длинную ночь подъ блескомъ звѣздъ, висящихъ подобно огненнымъ шарамъ на лазурномъ небѣ; ходя по прибрежью неподвижныхъ желтомутныхъ водъ Мертваго проклятаго моря, и видя передъ своими глазами бѣлые солончаки покрытаго остатками разрушенія берега — какбы души грѣшниковъ, поднимавшихся изъ-подъ массъ похоронившаго ихъ сѣрнаго пепла, — онъ учился краснорѣчію и получалъ откровенія, которыя недоступны обыкновеннымъ людямъ, и достигъ этого не въ школахъ раввиновъ, но въ школѣ уединенія, въ школѣ Божіей [180]).

Такіе только учители и бываютъ пригодны для такихъ временъ. Тѣхъ почтенныхъ, искусственныхъ учителей, которые говорили пріятныя вещи и прорекали ложь, было уже довольно и даже съ избыткомъ. Заурядный книжникъ или фарисей, лоснящійся отъ сытой жизни и высокомѣрный отъ окружающаго его почета, украшенный широкими филактеріями и богатыми одеждами, тоже поднимался съ проповѣдью въ синагогѣ, тоже обращался къ сонному собранію съ своими мелочными, ребяческими наставленіями и избитыми поученіями; но самый внѣшній видъ Іоанна Крестителя давалъ знать, что это былъ совсѣмъ иной учитель. Даже прежде, чѣмъ раздавался этотъ голосъ, звучавшій гнѣвомъ и негодованіемъ, загорѣлое лицо, нестриженные волосы, стиснутыя губы, кожаный поясъ, одежда изъ верблюжьяго волоса — сразу давали знать, что это былъ наконецъ человѣкъ, настоящій человѣкъ, во всемъ величіи его природы и непоколебимой силы, который, подобно



Пустыня Іудейская.

ѳесвитянину, своему прообразу, безбоязненно предсталъ бы предъ пышными Ахавами и сластолюбивыми Іезавелями. Извѣстенъ былъ и самый образъ его жизни. Было извѣстно, что пилъ онъ только воду рѣчную, а ѣлъ акриды [181]) и дикій медъ. Всякій чувствовалъ въ немъ ту силу власти, которая всегда бываетъ присуща полному самоотреченію. Кто стоитъ выше обыденнаго тщеславія человѣческаго, тотъ стоитъ выше также и обыденнаго страха. Если онъ ничего не ждетъ отъ благосклонности окружающихъ его людей, то ему нечего и бояться ихъ нерасположенія; не разсчитывая ни на какія выгоды отъ раболѣпной лести, ему нечего терять и при высказываніи справедливыхъ укоровъ. Онъ стоитъ выше своихъ соотечественниковъ, какбы на блистательномъ пьедесталѣ мира и чистоты, не ослѣпляемый мглою, отуманивающей ихъ взоры, не тревожимый мелочными заботами, что возмущаютъ ихъ жизнь.

Неудивительно, что сила такого человѣка сразу почувствовалась среди народа. Повсюду пронеслась молва, что въ пустынѣ іудейской живетъ человѣкъ, огненное слово котораго стоитъ послушать, который своею проповѣдью напоминаетъ пророка Исаію [182]), а своею жизнью Илію. Тиверій въ это время оскверняль своимъ распутствомъ престолъ императорскій; Понтій Пилатъ своими оскорбленіями, жестокостью, вымогательствами, убійствами доводилъ до бѣшенства фанатическій народъ [183]); Иродъ Антипа подавалъ желающимъ примѣръ разсчетливаго отступничества и безпечнаго распутства; Каіафа и Анна раздѣляли между собою власть обезчещеннаго ими первосвященства. Но слово новаго пророка касалось не этихъ политическихъ обстоятельствъ; его проповѣдь была глубже и общедоступнѣе по своему нравственному и общественному значенію. Къ какому бы классу ни принадлежали толпы, стекавшіяся къ нему въ его суровомъ уединеніи, его ученіе для нихъ было жизненно, высказывалось съ безбоязненною прямотою и глубоко проникало въ сердца. И вотъ фарисей и саддукей, книжникъ и воинъ, священникъ и мытарь—всѣ стекались послушать его [184]). Мѣстомъ его проповѣди было дикое пространство необработанной и никому не принадлежащей пустыни, которая тянется на югъ отъ Іерихона и бродовъ Іордана къ берегамъ Мертваго моря. Въ скалахъ, нависшихъ надъ узкимъ проходомъ, ведущимъ отъ Іерусалима къ Іерихону, гнѣздились разбойники; дикіе звѣри и крокодилы еще жили въ камышахъ, окаймляющихъ воды Іордана; и однако же со всѣхъ концовъ страны—изъ священническаго Хеврона, святаго Іерусалима, изъ улыбающейся Гали-

леи—народъ стекался [185]) сюда послушать небывалаго пророка. И слово этого пророка было подобно молоту, разбивающему самое кремнистое сердце, подобно пламени, проникающему въ сокровеннѣйшія помышленія. Рѣзко, безъ всякой тѣни благозвучнаго раболѣпія или льстивой снисходительности, онъ обличалъ сборщиковъ податей за ихъ вымогательства, воиновъ за ихъ насилія, за безчестность и недовольство [186]), богатыхъ саддукеевъ и знатныхъ фарисеевъ за формализмъ и лживость, которые сдѣлали ихъ ехиднами порожденія ехиднина [187]). Весь народъ онъ предостерегалъ, что лелѣемыя имъ преимущества болѣе чѣмъ безполезны для него, если и безъ покаянія онъ считалъ ихъ достаточной защитой отъ грядущаго гнѣва. Народъ гордился своимъ высокимъ происхожденіемъ; но Богъ, сотворившій Адама изъ земли, могъ также вотъ изъ этихъ камней на берегахъ Іордана воздвигнуть дѣтей Аврааму [188]). Съ чувствомъ самоосужденія и подавленнымъ сердцемъ слушали они пророка, и такъ какъ онъ избралъ крещеніе символомъ ихъ покаянія и очищенія, то «и крестились отъ него въ Іорданѣ, исповѣдуя грѣхи свои». И даже тѣ, которые не принимали крещенія, были рады хоть временно поликовать съ нимъ въ духѣ.

Но онъ имѣлъ еще провозвѣстить нѣчто другое, нѣчто болѣе страшное и однако же исполненное большихъ надеждъ. Себѣ онъ не приписывалъ никакой власти и былъ только предтечею другаго; своему крещенію не придавалъ иного значенія, кромѣ какъ предуготовленія къ царству, которое приближалось [189]). Когда посланные отъ синедріона спросили его, кто онъ, когда весь народъ размышлялъ въ своемъ сердцѣ—не Христосъ ли онъ, самъ онъ ни на минуту не медлилъ заявить, что онъ не Христосъ, не Илія и не пророкъ [190]). Онъ былъ «гласомъ въ пустынѣ» и больше ничего, но за нимъ—и эта вѣсть потрясала сердца человѣческія — за нимъ идетъ Тотъ, который впереди его, потому что Онъ былъ прежде его [191]), у котораго онъ недостоинъ развязать ремня обуви [192]), который будетъ крестить не водою, но Духомъ Святымъ и огнемъ [193]); Тотъ, лопата котораго уже находится въ рукѣ Его, и Онъ очиститъ гумно свое и соберетъ пшеницу свою въ житницу, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ. Часъ внезапнаго пришествія давно обѣтованнаго, давно ожидаемаго ими Мессіи теперь насталъ. Они находятся въ Его страшномъ присутствіи, Онъ былъ среди нихъ, но они не знали Его.

Такимъ образомъ покаяніе и царство небесное были двумя главными предметами проповѣди Іоанна, и хотя онъ не подтверждалъ

истинности своей проповѣди ни единымъ чудомъ [194]), но въ то же время, угрожая наказаніемъ лицемѣрамъ и истребленіемъ жестоковыйнымъ, обѣщалъ прощеніе кающимся и допущеніе въ царство небесное чистымъ и непорочнымъ. «Два великія изреченія, говорится въ одномъ мѣстѣ, принесенныя имъ изъ пустыни, содержатъ два главныхъ откровенія, къ которымъ направлялось все приготовленіе къ евангелію. Законъ и пророки, отверженіе грѣха и обѣтованіе прощенія, пламя по-

Молотильный токъ на востокѣ.

жирающее и свѣтъ утѣшающій — не въ этомъ ли состоитъ весь законъ?»

Къ этой проповѣди, для этого крещенія пришелъ и Іисусъ изъ Галилеи, на тридцатомъ году своей жизни [195]). Іоаннъ былъ Ему родственникъ [196]), но обстоятельства жизни совершенно раздѣлили ихъ между собой. Іоаннъ провелъ свое дѣтство въ домѣ своего благочестиваго отца, священника, жившаго въ городѣ Ютѣ, въ южныхъ предѣлахъ колѣна Іудина, не подалеку отъ Хеврона [197]); Іисусъ же жилъ

Молотильный токъ на востокѣ.

въ полнѣйшей отчужденности, въ плотницкой мастерской своего отца, въ долинѣ Галилеи. Когда онъ впервые пришелъ на берегъ Іордана, великій предтеча, по его собственному выразительному и дважды повторенному заявленію, «не зналъ Его». И однако же, хотя Іисусъ не былъ еще въ качествѣ Мессіи открытъ своему великому провозвѣстнику, въ Его взорахъ, въ безгрѣшной красотѣ Его манеръ, въ торжественномъ величіи Его внѣшности было нѣчто такое, что поразило и плѣнило душу Іоанна. Для другихъ онъ былъ непреклоннымъ пророкомъ; царей онъ могъ встрѣчать укоромъ; фарисеевъ изобличалъ съ негодованіемъ, но въ присутствіи этого пришельца упадала вся его сила. Какъ иногда неизвѣстная причина останавливаетъ полетъ орла и заставляетъ его съ пронзительнымъ крикомъ и опущенными крыльями садится наземь, такъ и предъ лицемъ этой духовной царственности, передъ чистотою безгрѣшной жизни пророкъ пустыни становится послушнымъ и робкимъ ребенкомъ [198]). Грозный видъ, предъ которымъ смущались храбрые легіонеры, величавая мужественность, предъ которою трепетали іерархи и блѣднѣли цари,—самоуничижается и преклоняется предъ нравственною силою, которая слаба совнѣ и вооружена только невидимой броней. Іоаннъ преклонился предъ простымъ безпорочнымъ мужествомъ прежде, чѣмъ онъ по вдохновенію призналъ тутъ дѣло Божіе. Онъ старался отклонить намѣреніе Іисуса [199]). Тотъ, кто принималъ исповѣданіе отъ всѣхъ другихъ, теперь почтительно и смиренно исповѣдуется самъ: «Мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ?»

Отвѣтъ содержитъ въ себѣ второе извѣстное намъ изреченіе Іисуса и первое слово Его общественнаго служенія: «Оставь теперь, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду» [200]).

«И окроплю васъ чистою водой, и вы очиститесь» — такова была повидимому сущность проповѣди Іоанна къ грѣшникамъ, которые искренно каялись (Іезек. XXXVI, 25).

Но если такъ, то почему Спаситель нашъ принялъ крещеніе изъ рукъ своего раба? Онъ самъ отвѣчаетъ намъ: нужно было исполнить всякое требованіе, на которое указывала воля Божія (Пс. XXXIX, 7, 8). Онъ принялъ его не вслѣдствіе исповѣданія, потому что Онъ былъ безгрѣшенъ, и въ этомъ отношеніи, прежде чѣмъ признать въ Немъ Христа, Іоаннъ Креститель ясно давалъ знать, что исполненіе этого обряда съ съ Его стороны было исключительнымъ [201]). Но онъ принялъ его какбы въ подтвержденіе дѣла своего великаго предтечи—послѣдняго и величайшаго сына ветхаго завѣта, передоваго вѣстника завѣта новаго; и Онъ

принялъ его также какъ прекрасный символъ нравственной чистоты и смиренное объявленіе о началѣ служенія, имѣвшаго своею цѣлью не разрушить законъ, но исполнить его. Его собственныя слова исключаютъ всякую возможность недоразумѣнія. Онъ не говоритъ: «Я долженъ», но «надлежитъ намъ». Онъ не говоритъ: «Мнѣ нужно креститься», и не говоритъ также: «тебѣ нѣтъ нужды креститься отъ Меня», но говоритъ: «оставь теперь». Это крещеніе покаянія, но оно можетъ служить прообразомъ «бани возрожденія» [202]).

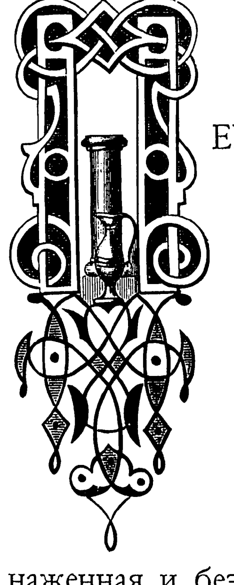
Іисусъ вошелъ въ воду Іордана, и вотъ было знаменіе, что Онъ именно Тотъ, который долженъ былъ придти [203]). Изъ отверстаго неба сходилъ Духъ Божій и въ видѣ голубя, какбы въ мерцающемъ пламени [204]), парилъ надъ Его головою, и *Бат-Колъ* [205]), который для тупаго неочищеннаго слуха былъ простымъ нечленораздѣльнымъ громомъ, явно говорилъ голосомъ Божіимъ слуху Іоанна: «Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ Мое благоволеніе».

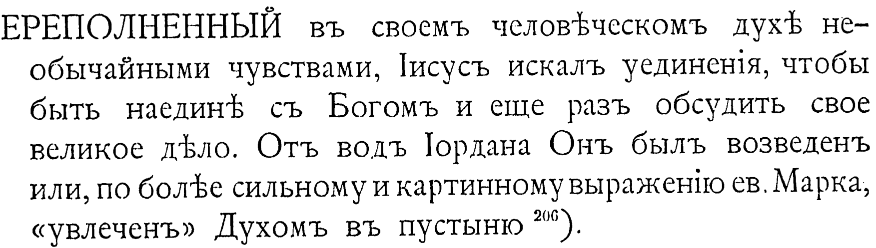
Гора Сорокодневная.

ГЛАВА IX.

ИСКУШЕНІЕ.

Для того искушенъ былъ Христосъ, чтобы не побѣждался искусителемъ христіанинъ. *Бл. Августинъ.*





ПЕРЕПОЛНЕННЫЙ въ своемъ человѣческомъ духѣ необычайными чувствами, Іисусъ искалъ уединенія, чтобы быть наединѣ съ Богомъ и еще разъ обсудить свое великое дѣло. Отъ водъ Іордана Онъ былъ возведенъ или, по болѣе сильному и картинному выраженію ев. Марка, «увлеченъ» Духомъ въ пустыню [206]).

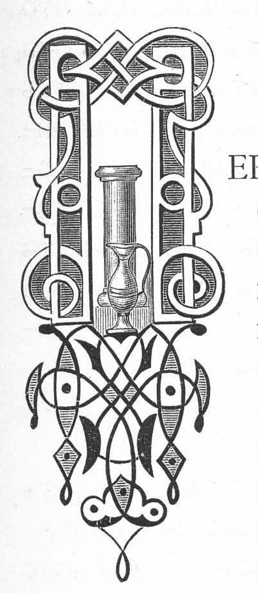
Преданіе, относящееся впрочемъ уже къ такому позднему времени, какъ періодъ крестовыхъ походовъ, указываетъ мѣсто искушенія на одной горѣ къ западу отъ Іерихона, которая вслѣдствіе этого и получила названіе Кварантаніи или Горы Сорокодневной. Обнаженная и безплодная, какъ гора проклятія, обрывомъ поднимаясь на сожженной и пустынной равнинѣ, она сумрачно вздымается надъ

Гора Сорокодневная.

ГЛАВА IX.

ИСКУШЕНІЕ.

Для того искушенъ былъ Христосъ, чтобы не побѣждался искусителемъ христіанинъ. *Бл. Августинъ.*



ПЕРЕПОЛНЕННЫЙ въ своемъ человѣческомъ духѣ необычайными чувствами, Іисусъ искалъ уединенія, чтобы быть наединѣ съ Богомъ и еще разъ обсудить свое великое дѣло. Отъ водъ Іордана Онъ былъ возведенъ или, по болѣе сильному и картинному выраженію ев. Марка, «увлеченъ» Духомъ въ пустыню [206]).

Преданіе, относящееся впрочемъ уже къ такому позднему времени, какъ періодъ крестовыхъ походовъ, указываетъ мѣсто искушенія на одной горѣ къ западу отъ Іерихона, которая вслѣдствіе этого и получила названіе Кварантаніи или Горы Сорокодневной. Об-

мутными щелочными водами Содомскаго моря, представляя рѣзкую противоположность съ улыбающеюся мягкостью «горы блаженствъ» и хрустальною прозрачностью озера Геннисаретскаго, и потому воображеніе легко могло видѣть здѣсь наиболѣе пригодное обиталище для злыхъ духовъ [207]), мѣсто, гдѣ, по выраженію пророка, «филины обитаютъ и косматые скачутъ» (Ис. xIII, 21).

И здѣсь-то Іисусъ, по живописному и трогательному выраженію втораго евангелиста, «былъ со звѣрями». Они не причиняли ему вреда. «На аспида и василиска наступишь, попирать будешь льва и дракона», предсказывалъ древній псалмопѣвецъ [208]), и это обѣтованіе исполнилось на Христѣ, какъ и на многихъ изъ Его послѣдователей. Тѣ, робкая вѣра которыхъ смущается отъ всего чудеснаго, могутъ быть совершенно спокойны здѣсь. Что дикіе звѣри съ яростью нападаютъ на человѣка, своего господина, или со страхомъ бѣгутъ отъ него—это явленіе не естественное. Страхъ или ярость животныхъ, хотя и передаваемые теперь наслѣдственными инстинктами, произошли вслѣдствіе жестокаго и безумнаго нападенія со стороны самого человѣка, а въ исторіи не мало примѣровъ, когда эти свойства дикихъ животныхъ были побѣждаемы нѣжностью, величіемъ, ласкою человѣка. Потому же нѣтъ достаточнаго основанія отвергать всеобщее убѣжденіе первыхъ вѣковъ христіанства, что дикіе звѣри, свободно и не нанося никакого вреда, ходили среди благочестивыхъ пустынниковъ Ѳиваиды, или что самыя дикія животныя становились ручными и кроткими въ присутствіи Франциска Ассизскаго. Кому неизвѣстны люди, присутствіе которыхъ не пугаетъ птицъ и которые безъ всякой опасности могутъ приближаться къ самой злой собакѣ? Вслѣдствіе этого мы съ полнымъ основаніемъ можемъ допускать, что простаго человѣческаго обаянія безгрѣшной личности было болѣе чѣмъ достаточно для безопасности Спасителя. Въ катакомбахъ и на другихъ памятникахъ христіанской древности Христосъ часто изображается въ видѣ Орфея, очаровывающаго животныхъ своею пѣснью. Все, что было правдиваго и прекраснаго въ древнихъ сказаніяхъ, исполнилось на Немъ и было только символомъ Его жизни и дѣятельности.

Въ пустынѣ Онъ пробылъ сорокъ дней. Такое число не разъ встрѣчается въ св. писаніи, и всегда въ связи съ искушеніемъ или возмездіемъ. Это очевидно священное и знаменательное число. Сорокъ же дней Моисей пробылъ на Синаѣ, Илія въ пустынѣ. Въ моменты необычайнаго возбужденія и подавляющей мысли обыкновенныя потреб-

ности человѣческаго тѣла видоизмѣняются, или даже на время прекращаются. Если мы не будемъ буквально понимать словъ ев. Луки: «ничего не ѣлъ въ эти дни», то можно предположить, что Іисусъ находилъ все необходимое для своего пропитанія въ тѣхъ скудныхъ плодахъ, какіе можетъ дать пустыня [209]); но какъ бы то ни было (и вопросъ этотъ не имѣетъ большой важности), «напослѣдокъ Онъ взалкалъ». Этимъ моментомъ воспользовался искуситель. Весь этотъ періодъ былъ временемъ нравственнаго и духовнаго напряженія [210]). Въ часы такого великаго возбужденія люди безъ ослабленія выдерживаютъ почти невѣроятное количество труда, солдаты въ пылу битвы сражаются цѣлый день, не чувствуя своихъ ранъ или забывая о нихъ. Но когда воодушевленіе ослабѣваетъ, когда возбужденность проходитъ, огонь погасаетъ и природа, истомленная и ослабѣвшая отъ чрезмѣрнаго напряженія, вновь заявляетъ свои права, словомъ—когда начинается сильная реакція, оставляющая человѣка разбитымъ, духовно подавленнымъ и истощеннымъ, тогда настанетъ крайне опасный моментъ: въ этотъ моментъ, какъ показываютъ многіе роковые примѣры, человѣкъ дѣлается жертвою коварнаго увлеченія или дерзкаго нападенія. Въ такой же моментъ и Спаситель нашъ велъ великую борьбу съ темными силами зла и побѣдилъ ихъ.

Борьба эта, очевидно, не есть простая аллегорія. Входить въ разсмотрѣніе точнаго и внѣшняго характера искушенія было бы излишне и непристойно: излишне потому, что это такой вопросъ, въ которомъ невозможно для насъ окончательное рѣшеніе; непристойно потому, что евангелисты могли слышать о немъ только отъ самого Іисуса или тѣхъ, кому Онъ передавалъ о немъ, а Спаситель могъ сообщить о немъ только въ такомъ видѣ, который передаетъ самое вѣрное о немъ впечатлѣніе и самую его поучительную сторону. Изъ толкователей почти каждый составлялъ свой особый взглядъ на это событіе, признавая за нимъ то объективную, то субъективную сущность [211]). Отъ Оригена до Шлейермахера нѣкоторые считали его видѣніемъ или аллегоріей, самволическимъ изображеніемъ чисто внутренней борьбы, и даже иногда буквалисты-толкователи принимаютъ этотъ взглядъ. Что касается толкованія, то каждый можетъ сообразоваться съ тѣмъ, что кажется ему наиболѣе согласнымъ съ истиной; существенно же важно здѣсь то, что борьба эта была великая, личная, въ высшей степени дѣйствительная, что Христосъ ради насъ вступилъ въ эту борьбу и побѣдилъ страшную силу искусителя.

Что касается вопроса о томъ, былъ ли Христосъ *способенъ* ко грѣху или нѣтъ, или выражаясь языкомъ той схоластической и богословской области, въ которой возникъ самый вопросъ,—что касается вопроса о погрѣшимости или непогрѣшимости Его человѣческой природы, то это такой вопросъ, которому едва ли мѣсто въ простой и благоговѣйной душѣ. Мы вѣруемъ и знаемъ, что божественный Спаситель нашъ былъ безгрѣшенъ—агнецъ Божій безъ пятна и порока. Что можетъ быть поучительнаго и полезнаго въ разсужденіи о томъ, происходила ли эта безгрѣшность отъ возможности не грѣшить, или отъ невозможности грѣшить (posse non peccare или non posse peccare)? Нѣкоторые въ своемъ столь же неумѣренномъ, какъ и невѣжественномъ рвеніи приписываютъ Ему не только дѣйствительную безгрѣшность, но и природу, для которой грѣхъ былъ по особенной чудесности невозможенъ. Что же выходитъ? Если Его великая борьба была простой обманчивой фантасмагоріей, то какую пользу для насъ можетъ имѣть повѣствованіе о ней? Если *намъ* приходится выдерживать эту борьбу облеченнымъ во всеоружіе человѣческой свободной воли, которую столько разъ потрясали жесточайшіе удары уже въ жизни нашихъ праотцовъ, то что утѣшительнаго для насъ въ томъ, что нашъ великій Вождь боролся не только побѣдоносно, но и безъ всякой дѣйствительной опасности для себя, не только невредимо, но даже и внѣ всякой возможности вреда для себя? Можно ли удивляться храбрости и мужеству воина, который знаетъ, что онъ сражается только въ мнимой битвѣ противъ призрачнаго врага? Не лишаемся ли мы такимъ образомъ, подъ видомъ благочестія, Того, который «хотя и Сынъ, однако страданіями *навыкъ* послушанію»? Не оскорбляется ли такимъ образомъ, подъ маскою правовѣрія, наша вѣра въ то, что мы имѣемъ первосвященника, который можетъ сострадать намъ въ немощахъ нашихъ, будучи «подобно намъ искушенъ во всемъ, *кромѣ грѣха*»? Тѣ, которые хотятъ *такъ* возвеличить Его, лишаютъ насъ живаго Христа, который былъ столько же истинный человѣкъ, какъ и истинный Богъ, и вмѣсто Него подставляютъ апполинаріевскій призракъ, одѣтый въ холодный плащъ умозрѣнія и одинаково неспособный возжечь благочестіе, какъ и возбудить любовь (Евр. v, 8; iv, 15).

Такимъ образомъ, происходитъ ли это подъ видомъ лжеправовѣрія, фальшиваго и фарисейскаго, ищущаго только обнаружить или осудить предполагаемую ересь другихъ, или это происходитъ отъ излишества неразумнаго благоговѣнія, выродившагося въ духъ боязни и рабства,

во всякомъ случаѣ нужно беречься, чтобы, считая Его неподлежащимъ дѣйствительному искушенію, намъ не стать въ противорѣчіе съ прямымъ ученіемъ св. писанія, а въ данномъ повѣствованіи даже и съ прямымъ ученіемъ самого Христа о себѣ. Нѣтъ, Онъ подлежалъ искушенію, и тѣмъ сильнѣе, что оно было мукой для натуры безконечно сильной и въ то же время безконечно нѣжной. Чѣмъ больше кто стремится во всей своей жизни уподобляться своему великому образцу, быть святымъ, непорочнымъ, чистымъ, далекимъ отъ грѣха, тѣмъ упорнѣе бываетъ борьба, сильнѣе тотъ ужасъ отвращенія, который охватываетъ благородную натуру, когда она, по внутреннему ли увлеченію, или побужденію совнѣ, оказывается вдругъ даже въ мнимой близости къ возможности зла. Въ знаменитомъ сочиненіи Боніана «Путешествіе странника» не много найдется мѣстъ, болѣе сильныхъ или болѣе глубоко проникающихъ въ тайники человѣческаго сердца, какъ то, въ которомъ христіанинъ, въ долинѣ Тѣни Смерти, находитъ свою душу, наполненную возмутительными образами и богохульствомъ; все это только нашептывалъ ему злой духъ, но онъ, не будучи въ силахъ отвергнуть лукавыхъ внушеній, въ своемъ ужасномъ смятеніи не могъ отличить ихъ отъ своихъ собственныхъ мыслей и побужденій [212]). У Христа, конечно, не могло быть такого замѣшательства, но не вслѣдствіе сверхъестественныхъ дарованій, связанныхъ съ «предвѣчною божественностью», но потому, что Онъ жилъ, не поддаваясь злу, между тѣмъ какъ у людей эти заблужденія возникаютъ вообще вслѣдствіе ихъ прежнихъ грѣховъ. Въ сущности это не что иное, какъ мерцающіе отблески прежнихъ грѣховныхъ дѣлъ, забытыхъ или еще сознаваемыхъ, смрадъ, поднимающійся изъ зараженныхъ мѣстъ въ глубочайшихъ тайникахъ еще не совсѣмъ очищеннаго сердца. У Христа не могло быть этой ужасной неспособности различать между тѣмъ, что является отъ насъ самихъ и что навязывается намъ совнѣ, между тѣмъ, чѣмъ увлеклась слабая воля или на что она въ измѣнчивой области, отдѣляющей мысль отъ дѣйствія, наполовину дала свое согласіе, и тѣмъ, съ чѣмъ она въ сущности находится въ непосредственномъ соприкосновеніи, но отъ чего тѣмъ не менѣе отрекается всѣми силами своего нравственнаго существа. Только слабый или извращенный умъ можетъ воображать, что «человѣкъ познаетъ искушеніе только по мѣрѣ того, какъ увлекается имъ», или что онъ не способенъ отличить страшное искушеніе отъ простаго движенія нечистой мысли. Это можетъ показаться избитой истиной, но она очень нужна для нашего предостереженія и утѣшенія,

и даже поэтъ, который болѣе чѣмъ кто-либо другой выслѣдилъ всѣ извилины въ лабиринтѣ человѣческаго сердца, торжественно обращается къ намъ съ увѣреніемъ, что «иное дѣло искушеннымъ быть, иное дѣло пасть» [213]).

И Христосъ былъ искушаемъ. «Вождь нашего спасенія» былъ «совершенъ чрезъ страданія». «Ибо какъ самъ Онъ *претерпѣлъ, бывъ искушенъ*; то можетъ и искушаемымъ помочь» (Евр. II, 10, 18). Пустыня іерихонская и садъ геѳсиманскій были свидѣтелями самой тяжкой Его борьбы, и въ ней Онъ всецѣло восторжествовалъ при самыхъ злыхъ и страшныхъ нападеніяхъ врага душъ; но и въ теченіе остальной своей жизни во плоти Онъ не былъ свободенъ отъ искушенія, иначе Его жизнь не была бы истинною человѣческою жизнью и Онъ не могъ бы дать намъ соотвѣтствующаго образца, по стопамъ котораго могли бы слѣдовать мы. «Было много другихъ случаевъ, говоритъ Бонавентура [214]), когда Онъ претерпѣвалъ искушенія». «Тѣ, которые насчитываютъ только три искушенія нашего Господа, говоритъ Бернаръ, показываютъ свое незнаніе писанія» [215]). Онъ ссылается на евангеліе Іоан. VII, 1 и посланіе къ Евреямъ IV, 15; но еще съ большею положительностью можно сослаться на выразительное заявленіе ев. Луки, что, когда искушеніе въ пустынѣ кончилось, побѣжденный искуситель оставилъ Его, но оставилъ только «*до времени*» [216]), или, если можно такъ передать эти слова—«до новаго благопріятнаго случая». Но мы можемъ быть увѣрены, что послѣ того, какъ Онъ вышелъ побѣдителемъ надъ темнымъ коварствомъ въ пустынѣ, всѣ послѣдующія искушенія до послѣдняго такъ же легко проносились надъ Его безгрѣшной душой, какъ легкое облачко лѣтнимъ днемъ проносится по синевѣ неба, не оставляя на немъ слѣда.

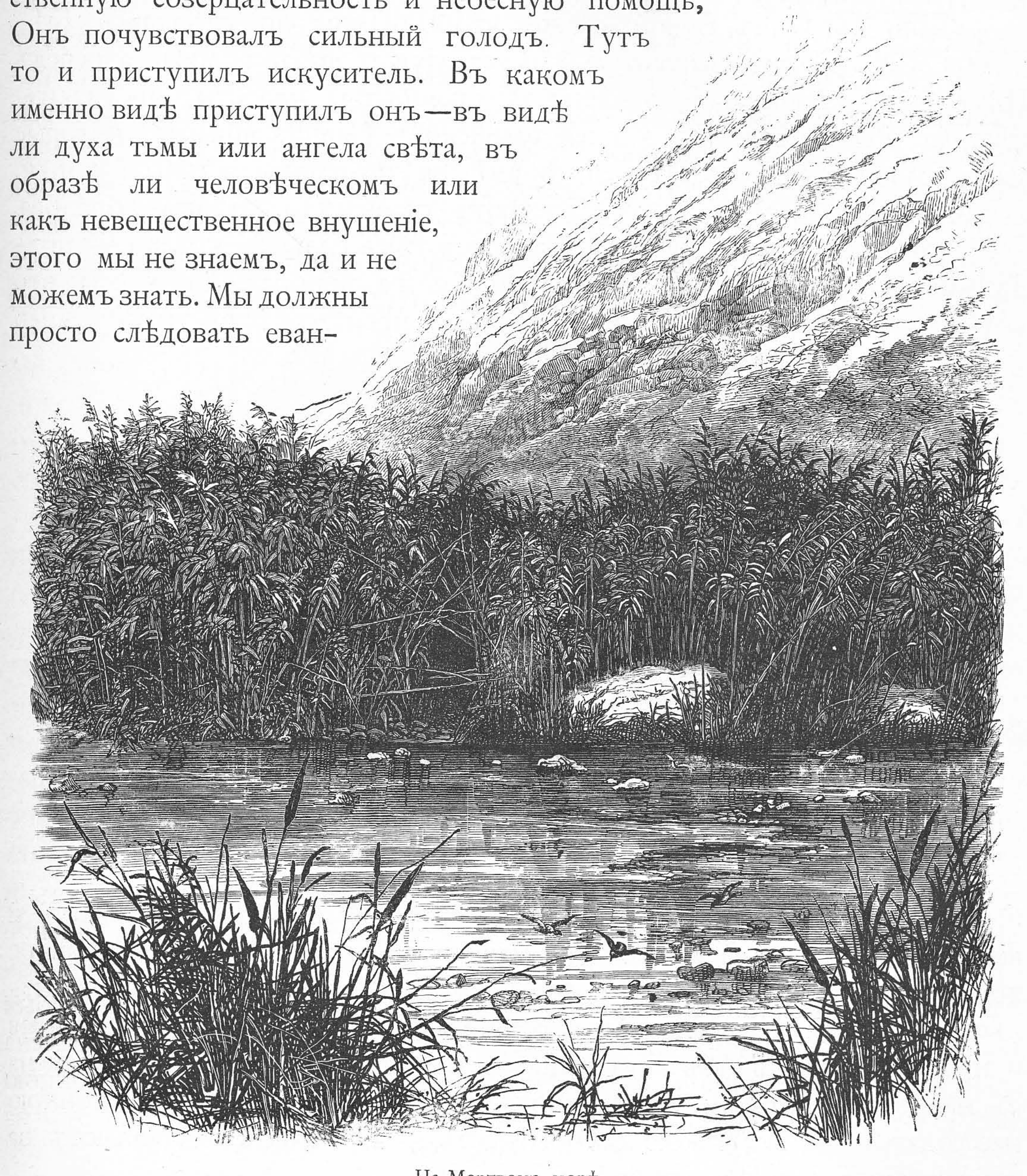
1. Истощеніе вслѣдствіе долгаго поста должно было тѣмъ сильнѣе сказаться на организмѣ Спасителя, что оно не было для Него обычнымъ дѣломъ. Съ намѣреннымъ человѣколюбіемъ Онъ жилъ не какъ суровый отшельникъ въ жестокихъ и мучительныхъ самоистязаніяхъ, но какъ обыкновенный человѣкъ. Самаго пощенія Онъ никогда не ставилъ въ положительную обязанность, хотя въ двухъ мѣстахъ болѣе чѣмъ освящаетъ его, какъ важное нравственное пособіе [217]). Но вообще мы знаемъ изъ Его собственныхъ словъ, что Онъ «ѣлъ и пилъ», показывалъ примѣръ не суроваго воздержанія, но умѣренности, принимая участіе въ невинныхъ празднествахъ и собраніяхъ друзей, такъ что враги Его дерзали говорить о Немъ: «вотъ человѣкъ, который любитъ

ѣсть и пить вино», какъ они же говорили объ Іоаннѣ, что «онъ имѣетъ діавола». Поэтому послѣ сорокодневнаго поста, несмотря на торжественную созерцательность и небесную помощь, Онъ почувствовалъ сильный голодъ. Тутъ то и приступилъ искуситель. Въ какомъ именно видѣ приступилъ онъ—въ видѣ ли духа тьмы или ангела свѣта, въ образѣ ли человѣческомъ или какъ невещественное внушеніе, этого мы не знаемъ, да и не можемъ знать. Мы должны просто слѣдовать еван-

На Мертвомъ морѣ.

гельскому повѣствованію и довольствоваться его данными, не утверждая съ бездушнымъ догматизмомъ невозможности и того, чтобы въ немъ не было ничего аллегорическаго, но имѣя въ виду постигнуть тѣ глубокіе

ственную созерцательность и небесную помощь, Онъ почувствовалъ сильный голодъ. Тутъ то и приступилъ искуситель. Въ какомъ именно видѣ приступилъ онъ—въ видѣ ли духа тьмы или ангела свѣта, въ образѣ ли человѣческомъ или какъ невещественное внушенiе, этого мы не знаемъ, да и не можемъ знать. Мы должны просто слѣдовать еван-



На Мертвомъ морѣ.

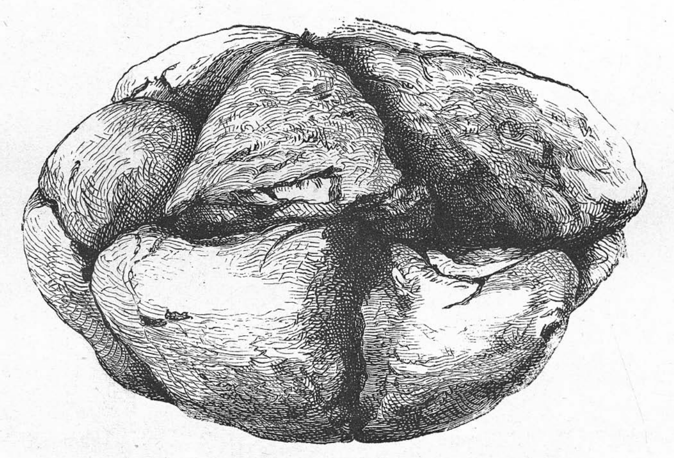
нравственные уроки, которые только и касаются насъ и могутъ подлежать безспорному истолкованію.

«Если Ты Сынъ Божій, скажи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами». Такъ началъ искуситель. Іисусъ чувствовалъ голодъ, а передъ Нимъ были «камни сіи», навѣрно тѣ кремнистые наросты, иногда извѣстные подъ названіемъ камней іудейскихъ (lapides judaici), которые удивительно похожи по своей формѣ на небольшіе хлѣбы [218]) и по легендарнымъ сказаніямъ представляютъ окаменѣлые плоды городовъ этой равнины. Муки голода чувствуются тѣмъ сильнѣе, когда онѣ поддерживаются добавочными терзаніями живаго воображенія, и если это вѣрно, то самая форма, видъ и преданіе о происхожденіи этихъ камней

Хлѣбовидная окаменѣлость (Septarium).

придавали искушенію еще большую силу. Чрезвычайная тонкость и выразительная общность каждаго искушенія составляютъ самое сильное доказательство подлинности и божественнаго происхожденія этого повѣствованія. Всѣ они не только совсѣмъ не похожи на болѣе грубыя и простыя сказанія объ искушеніяхъ, бывавшихъ въ разныя времена съ наиболѣе высокими подвижниками, но отличаются такою тонкою наблюдательностью, такою самобытностью, что далеко оставляютъ за собою самую сильную изобрѣтательность.

Первое искушеніе было направлено на чувства, было обращеніемъ къ аппетиту и состояло въ возбужденіи тѣлесной природы, общей у человѣка съ животными. Но оно явилось далеко не въ грубой или явно чувственной формѣ, а подъ прикрытіемъ множества самыхъ тон-



Хлѣбовидная окаменѣлость (Septarium).

кихъ извивовъ мысли. Израиль также много страдалъ отъ голода въ пустынѣ, и тамъ въ его крайней нуждѣ Богъ питалъ его манной, которая была какбы ангельскимъ хлѣбомъ съ неба. Почему же Сыну Божію также не снабдить себя пищею въ пустынѣ? Вѣдь Онъ *можетъ* сдѣлать это, если только захочетъ, и почему же Онъ медлитъ? Если ангелъ указалъ жаждущей Агари источникъ, если ангелъ показалъ пищу голодающему Иліи, то зачѣмъ *Ему* ждать даже услуги ангеловъ, когда такая услуга не нужна, и когда ангелы, еслибы Онъ захотѣлъ, съ радостью стали бы служить Ему?

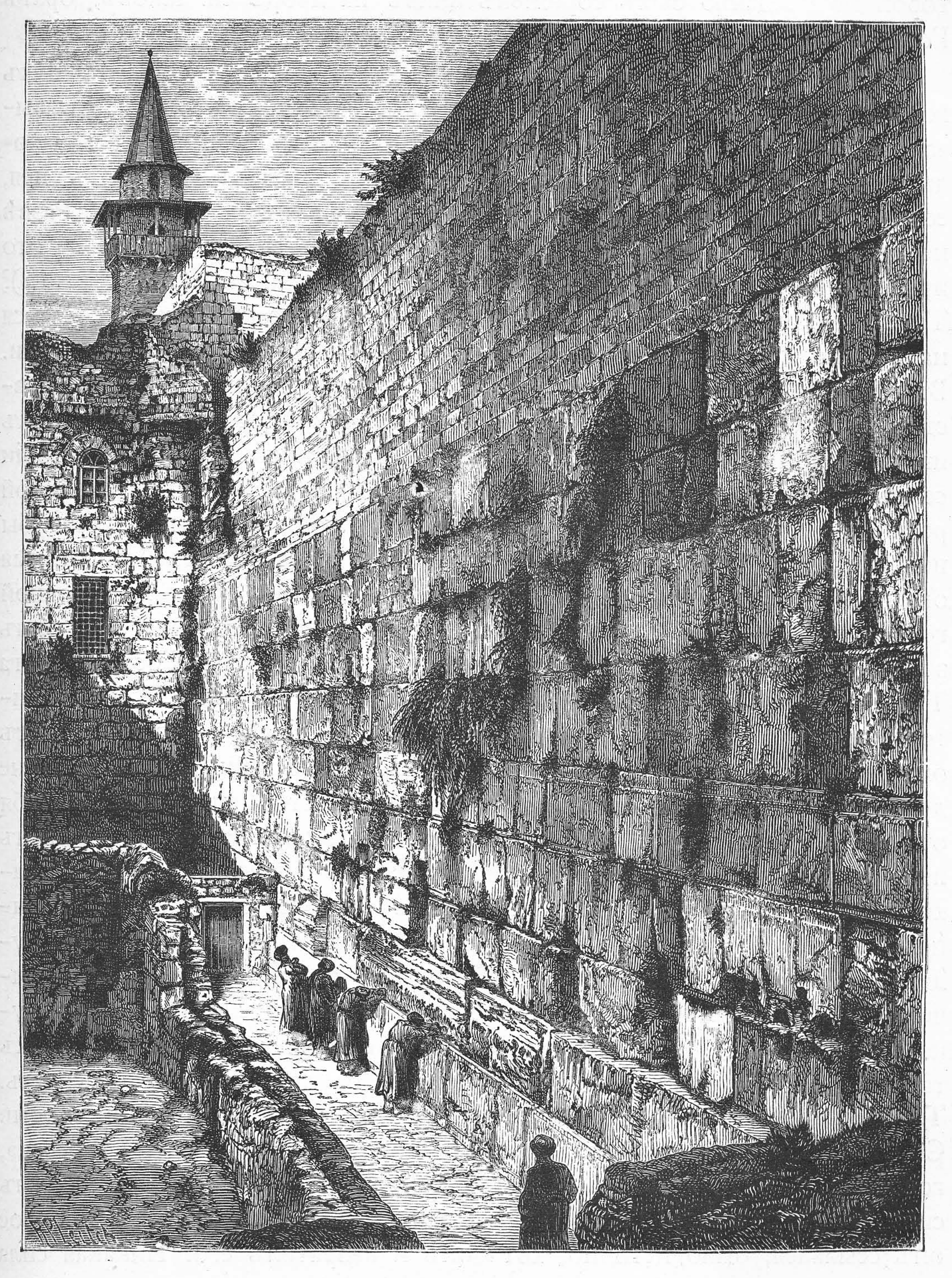
Послѣдовавшій отвѣтъ поражаетъ глубиною своей мудрости. Ссылаясь на тотъ же самый урокъ, который вытекалъ изъ величественнѣйшихъ изреченій ветхаго завѣта, Спаситель отвѣчалъ: «Написано: [219]) не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ» [220]). Какой глубокій урокъ заключается для насъ въ этомъ, — урокъ, подкрѣпляемый столь великимъ примѣромъ! Онъ поучаетъ насъ, чтобы мы не руководились въ жизни только потребностями нашей низшей природы, чтобы не злоупотребляли ею при поддержаніи своего существованія и наслажденіи, такъ какъ мы не принадлежимъ себѣ самимъ и не можемъ поступать произвольно съ тѣмъ, что только кажется принадлежащимъ намъ; часто даже тѣ вещи, которыя кажутся законными, не всегда бываютъ полезны, а человѣкъ имѣетъ болѣе высокія начала жизни, чѣмъ матеріальное пропитаніе, и самъ по себѣ есть существо высшее, чѣмъ его вещественный составъ [221]). Кто думаетъ, что мы живемъ только хлѣбомъ, дѣлаетъ заботу о хлѣбѣ главною цѣлью своей жизни, на добываніе его употребляетъ всѣ свои силы, и станетъ жалкимъ и мятежнымъ, когда даже на время будетъ лишенъ его; не ища другой болѣе возвышенной пищи, онъ неизбѣжно будетъ томиться голодомъ посреди нея. Но тотъ, кто знаетъ, что человѣкъ живетъ не хлѣбомъ только, не будетъ терять изъ-за пропитанія того, что дѣлаетъ жизнь дорогою; исполнивъ свой долгъ, онъ будетъ уповать на Бога въ доставленіи всего необходимаго для тѣла, которое Онъ создалъ, съ большимъ усердіемъ и стараніемъ будетъ искать хлѣба небеснаго и той воды живой, испившій которой не возжаждетъ во вѣкъ.

Такимъ образомъ первое искушеніе Спасителя по формѣ сходно съ послѣднею насмѣшкою, обращенною къ Нему на крестѣ: «Если Ты Сынъ Божій, сойди со креста». «Если...» такъ какъ вѣра и надежда составляютъ главную опору всякой человѣческой святости, то искуси-

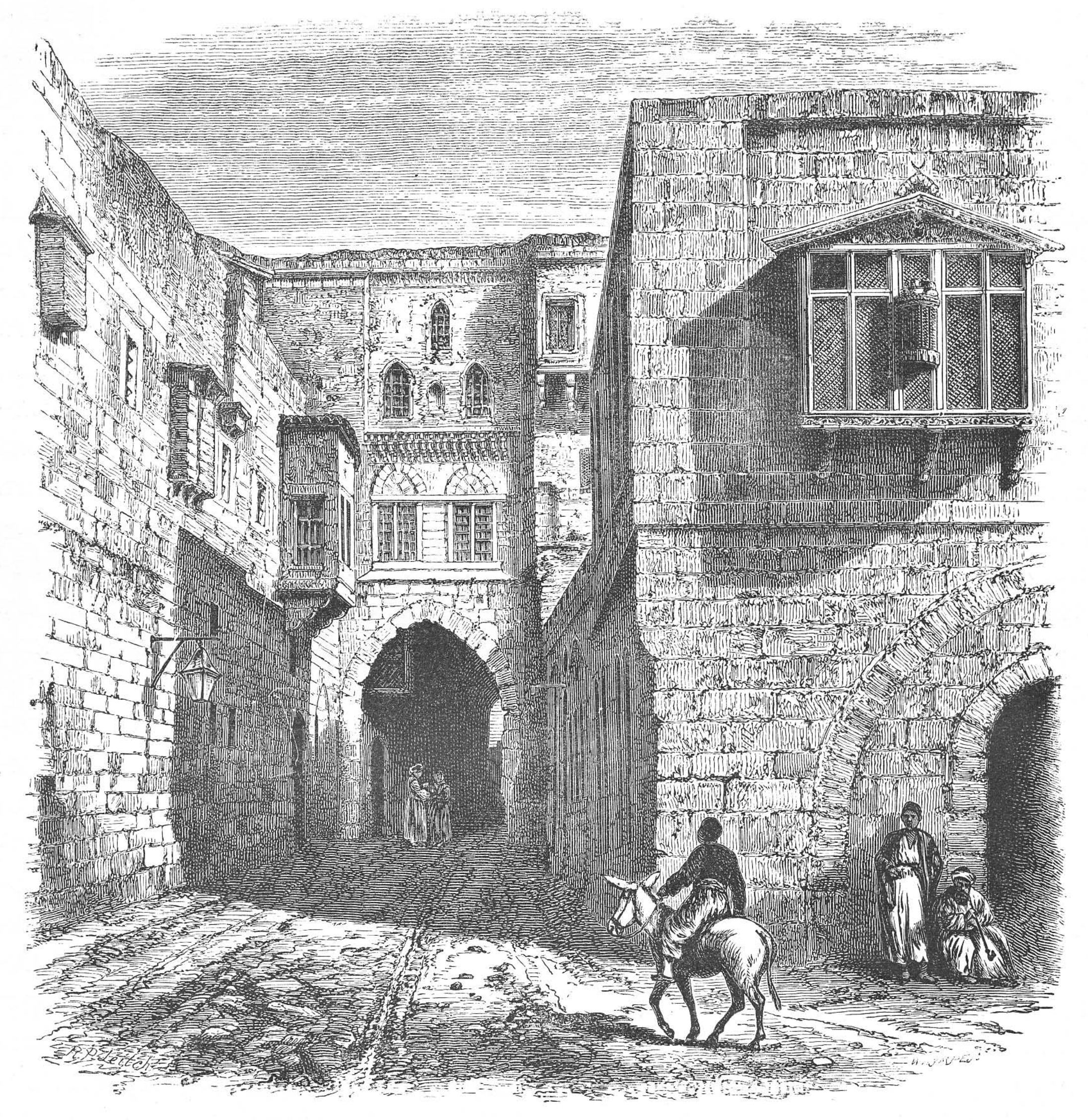
тель всегда бываетъ особенно силенъ, когда внушаетъ такія сомнѣнія; силенъ также въ обращеніи къ свободной волѣ и произволу человѣка. «Ты *можешь*, почему же не сдѣлать этого?» На крестѣ Спаситель не отвѣчалъ; а здѣсь Онъ отвѣтилъ на это искушеніе, чтобы высказать великое непреложное начало. Онъ не говоритъ «Я сынъ Божій»; въ глубинѣ своего смиренія, въ полнотѣ своего самопожертвованія, Онъ, не почитая хищеніемъ своего равенства съ Богомъ [222]), «уничижилъ Себя самого». Онъ поражаетъ искусителя не какъ истинный Богъ, но какъ истинный человѣкъ.

2. Порядокъ искушеній передается различно у евв. Матѳея и Луки; ев. Матѳей на второмъ мѣстѣ полагаетъ искушеніе на кровлѣ храма, а ев. Лука видѣніе царствъ міра. Оба порядка конечно не могутъ быть вѣрными, и возможно, что ев. Лука въ расположеніи предметовъ своего повѣствованія находился подъ вліяніемъ мысли, что искушеніе въ духовной гордости и самовольномъ употребленіи чудесной силы болѣе тонко и менѣе прозрачно, и потому болѣе сильно, чѣмъ искушеніе броситься внизъ и познать силу зла [223]). Но слова «отойди отъ Меня, сатана», передаваемыя обоими евангелистами (Лук. IV, 8; Матѳ. IV, 10), тотъ фактъ, что только Матѳей придаетъ своему разсказу форму точной послѣдовательности («тогда», «потомъ»), а также отчасти и то соображеніе, что ев. Матѳей, какъ одинъ изъ апостоловъ, вѣроятно, слышалъ разсказъ объ искушеніяхъ непосредственно отъ самого Христа — даютъ перевѣсъ тому порядку, который усвоенъ имъ.

Іисусъ побѣдилъ и отвергъ первое искушеніе выраженіемъ полнаго упованія на Бога. Съ изумительною ловкостью поддѣлываясь поэтому къ обнаруженному Спасителемъ настроенію души, слѣдующее искушеніе, дѣлая уже прямой вызовъ и обращаясь непосредственно къ этому безконечному упованію, требуетъ его выраженія и подтвержденія—не облегченіемъ настоятельной нужды, но отвращеніемъ страшной опасности. «Потомъ беретъ Его діаволъ въ святой городъ [224]) и поставляетъ Его на крылѣ храма» [225]). Разумѣется какое-нибудь общеизвѣстное крыло этого всѣмъ знакомаго зданія: можетъ быть кровля Царскаго притвора на южной сторонѣ храма, которая обрывисто смотритъ въ глубокую долину Кедрона съ такой страшной высоты, что, по описанію І. Флавія, у всякаго, осмѣливавшагося глядѣть внизъ, отъ зіяющей пропасти кружилась голова; можетъ быть кровля притвора Соломонова, которая также описывается у Іосифа Флавія [226]) и съ ко-



Часть храмовой стѣны. Мѣсто вопля іудеевъ.



Домъ богатаго человѣка въ Іерусалимѣ.

торой по преданію былъ сброшенъ внизъ на дворъ св. Іаковъ, братъ Господень [227]).

«*Если*»—опять сомнѣніе, какбы для того, чтобы пробудить духъ гордости въ проявленіи того чудеснаго могущества, на которое вызывало искушеніе—«Если Ты Сынъ Божій, бросься внизъ». Ты находишься въ опасности, которой не Самъ искалъ; спаси Себя отъ нея, если Ты можешь, и тѣмъ докажи свою божественность и силу. Развѣ не написано, что ангелы на рукахъ понесутъ Тебя? Не будетъ ли это превосходнымъ доказательствомъ Твоего упованія на Бога (Пс. xc, 11,-12)? Такъ глубоко и тонко было искушеніе, и такъ какъ Іисусъ сослался на писаніе, то и діаволъ ссылался также на писаніе для своей цѣли. Въ искушеніи этомъ не было ничего грубаго, себялюбиваго или чувственнаго. Оно обращалось не къ естественному чувству голода, а къ извращенной духовной настроенности. Не видимъ ли мы въ исторіи сектъ и партій, церквей и отдѣльныхъ лицъ съ несомнѣнно глубокой религіозностью тысячи примѣровъ того, какъ люди, которые не могли бы погрязнуть въ тинѣ чувственности, отважно бросались въ безполезныя опасности и безумно низвергались такимъ образомъ съ крыла духовной гордости? Но какъ спокоенъ и въ то же время назидателенъ былъ этотъ простой отвѣтъ: «Написано также, не искушай Господа Бога Твоего». Въ подлинникѣ этотъ текстъ (ἐκπειράσεις) сильнѣе и выразительнѣе. «Не искушай *до крайности* Господа Бога твоего», значитъ онъ; не разсчитывай на все, что Онъ можетъ сдѣлать для тебя; ты не долженъ разсчитывать на чудесное вмѣшательство для спасенія тебя отъ твоей собственной самонадѣянности и глупости; ты не долженъ легкомысленно вызывать доказательствъ Его могущества. Когда ты находишься на пути долга, уповай на Него съ совершеннѣйшею преданностью, но не слушай надменнаго обольстительнаго внушенія: «вы будете какъ боги», и пусть въ твоей просьбѣ о помощи не будетъ ничего самовольнаго или кощунственнаго. Тогда, по словамъ столь лукаво опущеннымъ искусителемъ, «будешь охраняемъ во всѣхъ путяхъ твоихъ» [228]). И Іисусъ даже не намекаетъ на свою явную опасность. Та опасность, которой не сами ищутъ, равна полной безопасности. Собственныя слова искусителя обнаруживали его безсиліе: «бросься», говорилъ онъ. Даже съ этой головокружащей высоты онъ не имѣлъ силы сбросить внизъ Того, Кого охранялъ Богъ. Писаніе, на которое онъ ссылался, было истинно, хотя онъ и извратилъ его. Никакая сила

искушенія никогда не можетъ принудить ко грѣху. При всякомъ искушеніи Богъ даетъ также и «способъ одолѣть его».

3. Потерпѣвъ неудачу на искушеніи естественной слабости и духовной гордости, искуситель обратился къ «послѣдней слабости благородныхъ душъ», и все поставилъ на послѣднюю ставку. Недостатокъ тонкости въ формѣ онъ возмѣщаетъ видимымъ великолѣпіемъ предложенія. Съ вершины высокой горы онъ показалъ Іисусу всѣ царства міра и славу ихъ и, какъ «князь міра сего» (κοσμοκράτωρ), все предлагалъ Тому, кто былъ убогимъ плотникомъ, за одно выраженіе почтенія, за поклонъ себѣ [229]).

«Царства міра и славу ихъ!» «Есть люди, которые скажутъ, что насъ никогда не искушаютъ царствами. Конечно, но въ этомъ и надобности нѣтъ, когда вполнѣ достаточно меньшаго. Только Христосъ былъ такъ искушаемъ; Онъ обладалъ такой великой душой, которую нельзя было искушать меньшимъ. Совсѣмъ иное дѣло мы, потому что мы цѣнимъ себя гораздо ниже. Мы предлагаемъ свой товаръ по очень сходной цѣнѣ, и насъ можно купить за самые пустяки. Діаволу нѣтъ надобности возносить насъ на высокую гору. Достаточно кровли храма, самой малой башни въ любомъ городѣ будетъ довольно. Пусть даже только онъ поставитъ насъ на кровлю нашихъ собственныхъ домовъ, нѣтъ, пусть подведетъ только къ окну или двери, и если обѣщаетъ намъ все, что будетъ видно оттуда, искушеніе вполнѣ удастся, мы примемъ предложеніе и даже благодарить будемъ... Какой-нибудь грошовой вещи, пары сапоговъ или чего-нибудь въ родѣ этого достаточно для того, чтобы мы поклонились діаволу» [230]).

Христосъ же училъ: «какая польза человѣку, если міръ весь пріобрѣтетъ, душу же свою погубитъ?»

Въ это самое время жилъ человѣкъ, который въ полномъ смыслѣ слова владѣлъ всѣмъ міромъ. Римскій императоръ Тиверій былъ самымъ могущественнымъ человѣкомъ на землѣ, неограниченнымъ, полновластнымъ, боготворимымъ правителемъ всего, что было лучшаго и богатѣйшаго въ царствахъ міра. Власть его была всемогуща, богатство безпредѣльно, удовольствія неограниченны. Чтобы еще полнѣе отдаться безконечному самоуслажденію въ сладострастной нѣгѣ, онъ не задолго предъ тѣмъ выбралъ мѣстомъ своего жительства одинъ изъ пріятнѣйшихъ уголковъ на поверхности земной, подъ тѣнью дремлющаго вулкана, на очаровательномъ островкѣ, отличающемся самымъ мягкимъ и восхитительнымъ климатомъ въ мірѣ. И что же изъ всего этого? Онъ

былъ, какъ называетъ его Плиній, tristissimus ut constat hominum [231]), завѣдомо самый несчастный и жалкій изъ людей. И оттуда, съ мѣста своихъ гнусныхъ дѣяній, съ того острова, гдѣ онъ при столь великолѣпныхъ условіяхъ хотѣлъ испытать, какого счастья можно достигнуть при посредствѣ самой неограниченной власти надъ міромъ и самыхъ порочныхъ удовольствій, всецѣло обращаемыхъ на самоуслажденіе себялюбивой жизни, онъ писалъ своему раболѣпному и испорченному сенату: «Что писать вамъ, patres conscripti, или какъ писать, или что не писать,—но пусть всѣ боги и богини уничтожатъ меня заразъ; гораздо хуже мнѣ чувствовать, что они ежедневно разрушаютъ меня, какъ я

Голова императора Тиверія (увеличена съ монеты).

это вижу» [232]). Рѣдко можно встрѣтить такое неотразимое доказательство того, что богатѣйшіе дары міра суть только «сказочное злато, что обращается въ прахъ и тлѣнъ», и что самыя колоссальныя сооруженія личнаго великолѣпія и величія составляютъ не болѣе прочную защиту отъ вторженія снѣдающаго горя, чѣмъ песочныя построенія дѣтей противъ могучаго напора морскаго прилива.

Такою тоскою и такимъ отвращеніемъ ко всему оканчивается грѣховное обладаніе всякими богатствами и всякою властью. Таковъ непреложный законъ возмездія за необузданныя наслажденія. Тутъ не нужно змѣиныхъ локоновъ или потрясеннаго факела сказочныхъ фурій.

Виновная совѣсть сама является неумолимою мстительницей, и еслибы міръ былъ весь однимъ цѣльнымъ слиткомъ золота и принадлежалъ намъ, то и тогда онъ не вознаградилъ бы насъ за одинъ часъ этого внутренняго терзанія, не утѣшилъ бы насъ въ этихъ мучительныхъ пыткахъ.

Но тотъ, кто сдѣлался наслѣдникомъ царства небеснаго, есть господинъ надъ болѣе обширнымъ и болѣе дѣйствительнымъ міромъ, и онъ безконечно счастливъ, потому что безконечно чистъ. А надъ этимъ царствомъ сатана не имѣетъ власти. Это царство Божіе, и такъ какъ отъ сатаны нельзя получить и тѣни какого-нибудь изъ его губительныхъ даровъ безъ приведенія души въ полное ему подчиненіе, то на всѣ искушенія нужно отвѣчать словами Христа: «Отойди отъ меня, сатана; ибо написано: Господу Богу твоему покланяйся, и Ему одному служи» [233]).

Такимъ образомъ Христосъ побѣдилъ—при помощи того самоотверженія, какимъ только и можетъ быть добыта побѣда. И моменты такой славной борьбы, увѣнчанной побѣдой, самые счастливые и сладостные, какіе только можетъ представить жизнь человѣческая. Они полны возвышеннаго, сладостнаго блаженства, которое можетъ быть изображено только красками рая.

«Тогда оставляетъ Его діаволъ (до времени, прибавляетъ ев. Лука), и се ангелы приступили и служили Ему» [234]).

Броды Іордана.

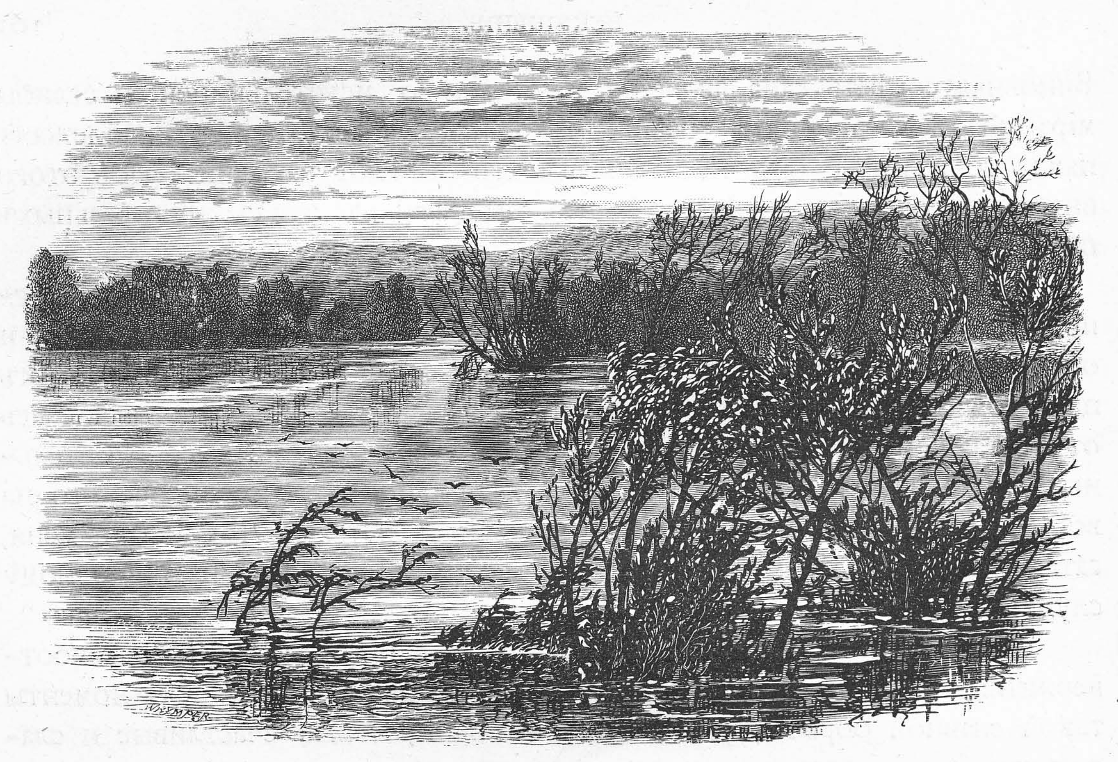
ГЛАВА X.

ПЕРВЫЕ АПОСТОЛЫ.

Еслибы Онъ не имѣлъ также и въ своемъ лицѣ, и въ своихъ очахъ чего-то звѣзднаго, апостолы никогда бы не послѣдовали за Нимъ немедленно, и не пали бы наземь тѣ, которые пришли взять Его. *Бл. Іеронимъ.*

СПАСИТЕЛЬ, побѣдоносно и невредимо выйдя изъ этихъ искушеній и этого страшнаго испытанія, оставилъ пустыню и возвратился къ бродамъ рѣки Іордана [235]).

Первыя три такъ называемыя синоптическія евангелія, которыя останавливаются главнымъ образомъ на дѣятельности І. Христа въ Галилеѣ и считаютъ дѣйствительнымъ началомъ ея время заключенія Іоанна въ темницу, опускаютъ всѣ промежуточныя событія и упоминаютъ только объ удаленіи Іисуса въ Назаретъ [236]). Прекраснымъ повѣствованіемъ о времени, непосредственно слѣдовавшемъ за искушеніемъ, мы обязаны четвертому евангелисту. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на дѣятельность Спасителя въ Іудеѣ [237]). Онъ какъ будто рѣшилъ ничего не разсказывать такого, чего самъ не былъ личнымъ свидѣтелемъ, а есть нѣко-



Броды Іордана.

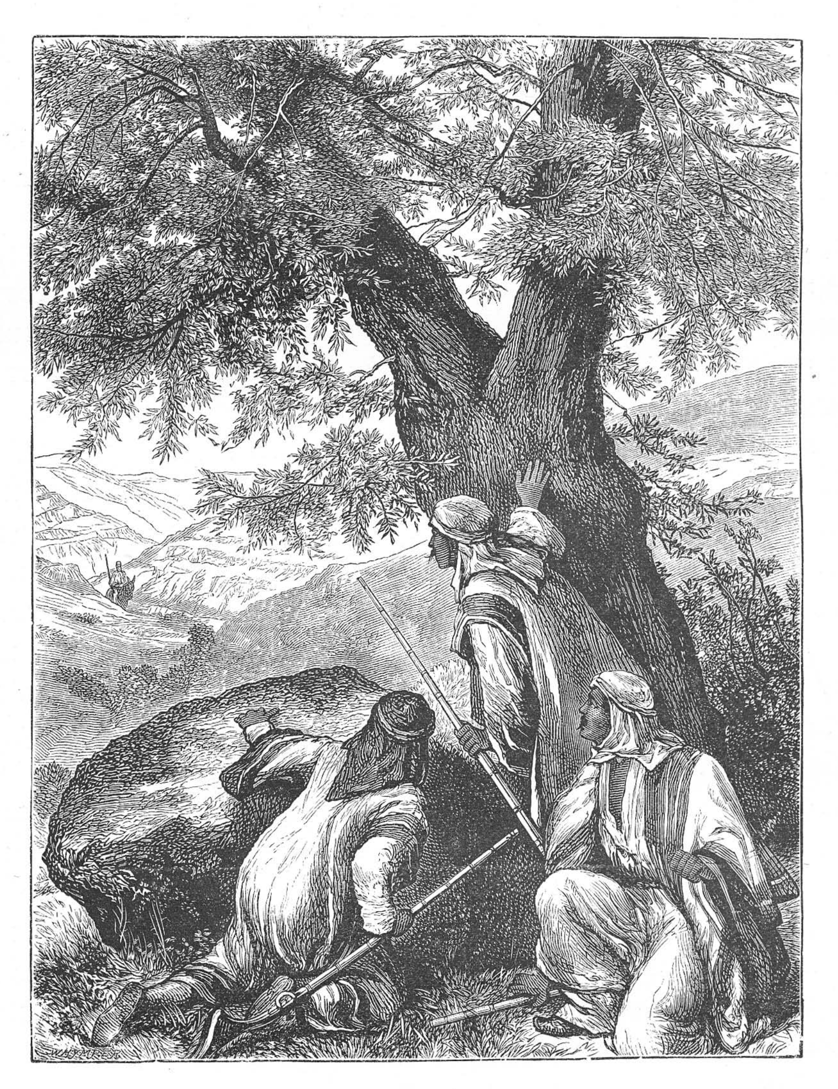
ГЛАВА X.

ПЕРВЫЕ АПОСТОЛЫ.

Еслибы Онъ не имѣлъ также и въ своемъ лицѣ, и въ своихъ очахъ чего-то звѣзднаго, апостолы никогда бы не послѣдовали за Нимъ немедленно, и не пали бы наземь тѣ, которые пришли взять Его. *Бл. Іеронимъ.*

СПАСИТЕЛЬ, побѣдоносно и невредимо выйдя изъ этихъ искушеній и этого страшнаго испытанія, оставилъ пустыню и возвратился къ бродамъ рѣки Іордана [235]).

Первыя три такъ называемыя синоптическія евангелія, которыя останавливаются главнымъ образомъ на дѣятельности І. Христа въ Галилеѣ и считаютъ дѣйствительнымъ началомъ ея время заключенія Іоанна въ темницу, опускаютъ всѣ промежуточныя событія и упоминаютъ только объ удаленіи Іисуса въ Назаретъ [236]). Прекраснымъ повѣствованіемъ о времени, непосредственно слѣдовавшемъ за искушеніемъ, мы обязаны четвертому евангелисту. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на дѣятельность Спаси-



Разбойники-бедуины.

торыя указанія, что съ Іерусалимомъ онъ связанъ былъ особенными обстоятельствами [238]). По занятію Іоаннъ былъ рыбакъ, и такъ какъ рыба съ озера Галилейскаго большими партіями отправлялась въ Іерусалимъ, то очень возможно, что онъ по временамъ жилъ тамъ, по рыбному дѣлу своего отца и брата, которые, какъ владѣльцы своего собственнаго судна и хозяева наемныхъ рабочихъ, очевидно были людьми, имѣвшими довольно важное значеніе въ своемъ дѣлѣ. Какъ бы то ни было, но только ев. Іоаннъ одинъ повѣствуетъ намъ о первомъ призваніи первыхъ апостоловъ, и разсказываетъ объ этомъ съ такими подробностями и съ такою живописною трогательностью, какъ будто на его сердцѣ и памяти неизгладимо напечатлѣлась всякая черта этого событія.

Посольство отъ синедріона (о которомъ мы уже упоминали), повидимому, состоялось за день до возвращенія Спасителя изъ пустыни; и когда на слѣдующее утро [239]) Іоаннъ Креститель увидѣлъ приближающагося Іисуса, то всенародно и торжественно засвидѣтельствовалъ, что это и есть Мессія, который былъ явленъ ему особеннымъ знаменіемъ, что это «Агнецъ Божій, который беретъ на себя грѣхъ міра». Пасхальнаго ли агнца при этомъ имѣлъ въ виду Іоаннъ Креститель, или агнца утренней и вечерней жертвы; употребилъ ли онъ дѣйствительно выраженіе «міръ» (κόσμος), или это только греческій переводъ слова «народъ» (עַם); понималъ ли онъ глубочайшее и страшное значеніе своего изреченія, или только увлеченъ былъ пророческимъ вдохновеніемъ превыше себя, — мы не знаемъ. Но вполнѣ ясно то, что такъ какъ всѣ образы и даже самое описаніе его собственнаго служенія и положенія заимствованы имъ, какъ мы уже видѣли, у великаго пророка-благовѣстника, то онъ очевидно употреблялъ это выраженіе въ близкой связи съ изображеніемъ божественнаго терпѣнія и искупительнаго страданія у Исаіи LIII, 7. Его слова едва ли могли имѣть другой смыслъ, кромѣ того, что благородный и безгрѣшный человѣкъ, на котораго онъ указалъ, есть человѣкъ скорбей, и что эти скорби должны быть понесены за спасеніе рода человѣческаго [240]). Какое бы значеніе ни получили эти слова въ умахъ слушателей, во всякомъ случаѣ послѣдніе едва ли могли понимать ихъ иначе, какъ въ связи съ безгрѣшностью, страданіемъ и искупительнымъ дѣломъ Іисуса.

Какъ ни важно было такое свидѣтельство, въ первый день оно повидимому не произвело никакого непосредственнаго дѣйствія. На второй день, когда Іисусъ опять проходилъ мимо Іоанна Крестителя, стоявшаго съ двумя своими учениками, Іоаннъ, устремляя на Него свой

многознаменательный и благоговѣйный взоръ [241]), воскликнулъ опять съ чувствомъ невольнаго страха и благоговѣнія: «вотъ Агнецъ Божій».

Слова эти были слишкомъ знаменательны, чтобы остаться безъ вниманія, и двое галилейскихъ юношей, слышавшіе ихъ, послѣдовали за удалявшимся Іисусомъ. Заслышавъ шорохъ ихъ боязливыхъ шаговъ, Онъ оглянулся, и когда они подошли, ласково спросилъ ихъ: «что вамъ надобно?»

Это было еще только начало Его служенія; они еще не могли знать, кто Онъ [242]); доселѣ они еще не слышали благодатныхъ словъ, исходившихъ изъ Его устъ; слѣдуя за Нимъ, они такимъ образомъ могли руководиться совсѣмъ инымъ побужденіемъ, или даже простымъ мимолетнымъ любопытствомъ. Важно однако же то, что они пошли за Нимъ по своему внутреннему побужденію, имѣя въ виду свою собственную свободную цѣль.

Но какъ глубокъ и многознаменателенъ этотъ вопросъ и какъ серьезно нужно всѣмъ, приближающимся къ Спасителю, отвѣчать на него! Одинъ изъ самыхъ суровыхъ подвижниковъ (Бернаръ) имѣлъ обыкновеніе постоянно предостерегать себя торжественнымъ вопросомъ: Bernarde, ad quid venisti?—«зачѣмъ ты здѣсь?» Самоиспытаніе не можетъ уже принять болѣе взыскательной формы; но все заключающееся въ немъ значеніе было сосредоточено въ спокойномъ и простомъ вопросѣ Христа — «что вамъ надобно?»

Вопросъ этотъ заключалъ въ себѣ больше, чѣмъ могли сразу отвѣтить на него молодые галилеяне; онъ означалъ быть можетъ больше, чѣмъ они знали или были въ состояніи понять, но ихъ отвѣтъ показывалъ, что настроеніе ихъ было серьезно. «Равви, сказали они (и этотъ титулъ глубокаго почтенія и уваженія [243]) показывалъ, какое глубокое впечатлѣніе произвелъ Онъ на нихъ своимъ видомъ), гдѣ живешь»?

Гдѣ именно, мы не знаемъ. Быть можетъ, въ одномъ изъ на-скоро сдѣланныхъ *суккотъ* или шалашей, покрытыхъ сверху полосатой *аббой*, которую на востокѣ носятъ какъ обыкновенную одежду, сплетенныхъ изъ зеленыхъ вѣтвей теревинѳа или пальмъ,—тѣхъ шалашей, въ которыхъ находили единственное убѣжище сотни народа, стекавшагося для крещенія отъ Іоанна. «Говоритъ имъ: пойдите и увидите». И эти слова также просты, хотя они встрѣчаются въ мѣстахъ, имѣющихъ великое значеніе [244]). Никогда они не производили болѣе сильнаго дѣйствія, чѣмъ теперь. Юноши пошли и увидѣли, гдѣ Онъ живетъ, и такъ какъ было уже четыре часа пополудни [245]), то они пробыли у Него весь тотъ

день, а можетъ быть и переночевали тамъ; но прежде чѣмъ лечь спать, они познали и почувствовали въ сердцѣ своемъ, что ожиданія, длившіяся столько вѣковъ, теперь исполнились, что они находились въ присутствіи Того, который и есть чаяніе народовъ — первосвященникъ выше Аарона, пророкъ выше Моисея, царь выше Давида, истинная звѣзда Іакова и скипетръ израилевъ.

Одинъ изъ двоихъ юношей, которые такимъ образомъ раньше всѣхъ пришли ко Христу, былъ Андрей [246]). Другой умолчалъ о своемъ собственномъ имени, потому что это былъ самъ повѣствователь, возлюбленный ученикъ, евангелистъ Іоаннъ [247]). Неудивительно поэтому, что даже мельчайшія подробности, вплоть до самаго часа дня, сохранялись въ его памяти, никогда не изглаживаясь и въ старческомъ возрастѣ.

Первою заботою Андрея было найти своего брата Симона и разсказать ему объ этой необычайной находкѣ [248]). Онъ привелъ его къ Христу, и Іисусъ, окинувъ его тѣмъ царственнымъ взглядомъ, который ясно читалъ самыя затаенныя мысли, и сразу увидѣвъ въ этомъ простомъ рыбакѣ всю слабость, но также и все благородное величіе человѣка, сказалъ ему, называя его новымъ именемъ, которое впослѣдствіи еще болѣе торжественно было утверждено за нимъ: «Ты Симонъ, сынъ Іонинъ, ты наречешься Кифа, что значитъ камень», то-есть: ты Симонъ, сынъ *голубя*; послѣ этого ты будешь какъ скала, въ которой гнѣздится голубь [249]). Это была простая игра словъ, но она заключала въ себѣ глубокій символическій смыслъ. Въ такой игрѣ именемъ только легкомысленный и невѣжественный можетъ видѣть нѣчто унижающее достоинство Спасителя. У іудеевъ во всѣ времена было вѣрованіе въ особое значеніе и предзнаменованіе именъ, и самый языкъ у нихъ считался не менѣе священнымъ, чѣмъ предзнаменовательные камни на груди Аарона. Ихъ вѣра въ таинственную силу звуковъ, — языка, управляемаго неизмѣнною судьбою въ области кажущагося случая, можетъ показаться праздной и суевѣрной для людей искусственнаго образованія, но она раздѣлялась многими изъ глубочайшихъ мыслителей всѣхъ временъ [250]).

Какимъ образомъ случилось, что эти двое юношей галилейскихъ, — этотъ Іоаннъ, столь пылкій и созерцательный, и этотъ Петръ, столь неудержимый въ своихъ чувствахъ и въ то же время столь робкій въ своихъ дѣйствіяхъ, — были такимъ образомъ сразу приведены, и приведены однимъ взглядомъ, однимъ словомъ, къ стопамъ Спасителя? Какимъ образомъ они такъ, по одному мановенію внутренняго озаренія, пришли

къ признанію въ плотникѣ назаретскомъ провозвѣщеннаго пророками Мессіи, Сына Божія, Спасителя міра?

Несомнѣнно отчасти вслѣдствіе того, что Онъ сказалъ Самъ и что свидѣтельствовалъ о Немъ Іоаннъ Креститель, но несомнѣнно также и вслѣдствіе самаго Его внѣшняго вида. Въ этомъ отношеніи преданіе представляетъ замѣчательное разнообразіе; мы вкороткѣ коснемся этого интереснаго предмета.

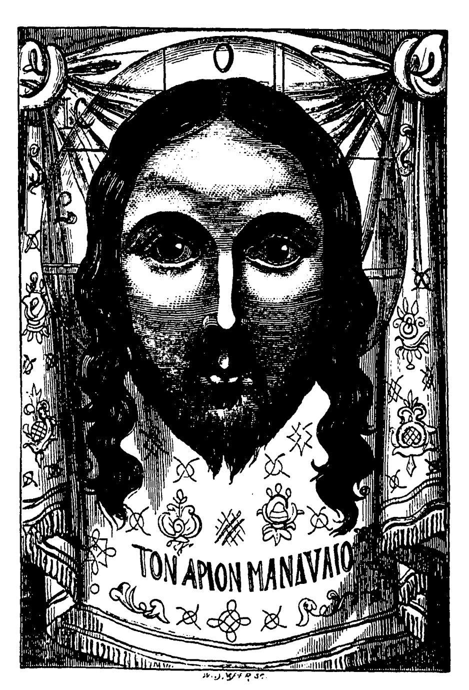
Всякій, изучавшій изображенія Христа въ средневѣковомъ искусствѣ, замѣчалъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, особенно въ миссалахъ, безобразны до отвращенія и кощунства, другія напротивъ дышатъ благородствомъ и обаятельнымъ идеаломъ человѣческой красоты [251]). Откуда произошло такое странное разногласіе?

Оно произошло вслѣдствіе того, какія пророческія мѣста считались относящимися къ явленію Мессіи и ко всей Его жизни.

Церковь первыхъ вѣковъ христіанства, знакомая съ изящной формой, въ которую геній языческой культуры воплощалъ свои представленія о юныхъ богахъ Олимпа, но сознавая также роковую испорченность въ ней чувственнаго воображенія, повидимому съ особенною настойчивостью старалась освободиться отъ этого боготворенія тѣлесныхъ качествъ и принимала за идеалъ тѣлеснаго вида Спасителя Исаино изображеніе пораженнаго и уничиженнаго страдальца или восторженное описаніе Давидомъ презрѣннаго и поносимаго людьми человѣка [252]). Красота Его, говоритъ Климентъ Александрійскій, была въ Его душѣ, по внѣшности же Онъ былъ худъ. Іустинъ Философъ описываетъ Его какъ человѣка безъ красоты, безъ славы, безъ чести. Тѣло Его, говоритъ Оригенъ, было мало, худо сложено и неблагообразно. «Его тѣло, говоритъ Тертулліанъ, не имѣло человѣческой красоты, тѣмъ менѣе небеснаго великолѣпія». Язычникъ Цельсъ, какъ можно видѣть изъ Оригена, свидѣтельство преданія о простотѣ и неблагообразіи Его внѣшности выставлялъ даже какъ основаніе къ отверженію Его божественнаго происхожденія [253]). Эта искаженность мысли доходила до еще большихъ крайностей. Вульгата такъ передаетъ текстъ Ис. LIII, 4: «Nos putavimus eum quasi leprosum, percussum a Deo et humiliatum» (Мы думали, что Онъ *какбы прокаженный*, пораженъ Богомъ и уничиженъ), и это послужило основаніемъ для широко распространеннаго вымысла, будто Тотъ, который исцѣлялъ столькихъ отъ проказы, былъ Самъ прокаженный [254])!

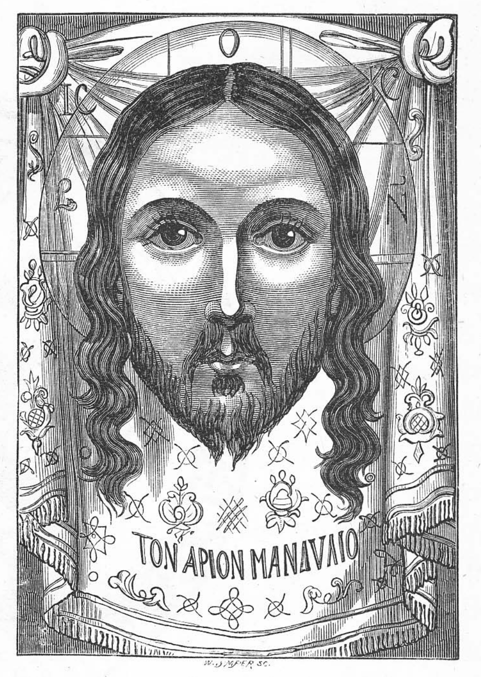
Съ другой стороны, было много такихъ, которые, пораженные

этими возмутительными вымыслами, думали, что Іисусъ въ своихъ земныхъ чертахъ отражалъ обаятельную красоту Давида, своего великаго предка. Бл. Іеронимъ и Августинъ предпочитали прилагать къ Нему слова Псалмопѣвца: «Ты прекраснѣе сыновъ человѣческихъ» [255]). Понятно, что при отсутствіи положительныхъ указаній этотъ взглядъ нашелъ больше сочувствія и послужилъ основаніемъ для ходячихъ изображеній Христа, а также и тѣхъ идеаловъ, исполненныхъ чудной смѣси величія и нѣжности въ лицѣ (столь прекрасномъ, по выраженію поэта, что даже грусть, омрачающая его, дѣлаетъ эту грусть болѣе прекрасной, чѣмъ сама красота), которые мы видимъ въ знаменитыхъ картинахъ Фра Анджелико, Микель Анджело, Леонардо да Винчи, Рафаэля и Тиціана [256]).



Нерукотворенный ликъ Спасителя (посланный Имъ по преданію Авгарю, царю Едесскому).

Независимо отъ всякаго преданія, мы можемъ съ благоговѣйнымъ убѣжденіемъ вѣровать, что въ тѣлѣ, заключавшемъ въ себѣ превѣчное Божество и безконечную святость, не могло быть ничего низкаго или отталкивающаго, а напротивъ, было «нѣчто небесное», какъ говоритъ бл. Іеронимъ. Всякая истинная красота есть только «таинство доброты», и совѣсть столь непорочная, духъ столь полный гармоніи, жизнь столь великая и благородная не могли не выражаться во внѣшности, не могли не отражаться въ лицѣ Сына человѣческаго. На красоту Его внѣшности мы нигдѣ не находимъ ни малѣйшаго намека, хотя она отмѣчается при описаніи, напр., молодаго первосвященника Аристовула, умерщвленнаго Иродомъ; но, съ другой стороны, мы нигдѣ не встрѣчаемъ, даже въ рѣчи Его враговъ, ни одного слова или намека, которые бы могли относиться къ неблагообразію Его внѣшности. Тотъ, о Комъ Іоаннъ Креститель свидѣтельствовалъ какъ о Христѣ, Кого народъ хотѣлъ взять, чтобы сдѣлать своимъ царемъ, Кого святой городъ привѣтствовалъ торжественными кликами какъ сына Давидова, Кому женщины служили съ такимъ глубокимъ благоговѣніемъ и видъ



Нерукотворенный ликъ Спасителя (посланный Имъ по преданію Авгарю, царю Едесскому).

котораго, даже въ смутныхъ образахъ сновидѣнія, наполнилъ душу римлянки страхомъ и благоговѣніемъ; Тотъ, простыя слова котораго заставили Филиппа и Матѳея и многихъ другихъ оставить все и слѣдовать за Нимъ, одинъ взглядъ котораго наполнилъ сердце Петра мукой покаянія; Тотъ, въ присутствіи котораго одержимые бѣсами впадали въ бѣшенство и цѣпенѣли и отъ одного вопроса котораго, въ самый моментъ Его полной безпомощности предательства, злѣйшіе враги Его отступали назадъ и падали на землю въ безумномъ изступленіи (Іоан. xviii, 6; сн. Лук. iv, 30), — такой человѣкъ не могъ быть въ своей

Древній образъ Спасителя (съ медали, подаренной султаномъ Баязетомъ папѣ Иннокентію VIII).

внѣшности безъ личнаго величія пророка и первосвященника. Вся Его жизнь убѣдительно говоритъ о той силѣ, крѣпости, величіи и неотразимомъ вліяніи на людей, которыя не могли проявляться безъ значительной доли тѣлесныхъ, не менѣе чѣмъ и духовныхъ, дарованій. «Истинно, говоритъ блаженный Іеронимъ, пламя огня и звѣздный блескъ свѣтились въ Его очахъ, и величіе Божества сіяло въ лицѣ Его».

Третій день по возвращеніи изъ пустыни, повидимому, проведенъ былъ Іисусомъ въ бесѣдѣ съ своими новыми учениками. На четвертый день Онъ хотѣлъ отправиться [257]) въ обратный путь въ Галилею, но

Древній образъ Спасителя (съ медали, подаренной султаномъ Баязетомъ папѣ Иннокентію VIII).

на пути встрѣтился съ другимъ молодымъ рыбакомъ Филиппомъ изъ Виѳсаиды. Филиппъ носилъ греческое имя, которое, быть можетъ, дано было ему по имени четвертовластника Филиппа, такъ какъ обычай называть дѣтей по имени царствующихъ государей всегда былъ распространеннымъ въ народѣ [258]). Если такъ, то ему было въ это время около тридцати лѣтъ. Возможно также, что его греческое имя указывало на его близкія отношенія съ какимъ-нибудь по-гречески говорящимъ населеніемъ, смѣшанно жившимъ съ галилеянами по берегамъ Геннисаретскаго озера, и этимъ, быть можетъ, объясняется то, что къ нему именно, а не къ кому-нибудь другому изъ апостоловъ, обращались греки, которые въ послѣднюю недѣлю жизни Христа хотѣли видѣться съ Нимъ. Одного слова, одного многозначительнаго призванія: «слѣдуй за Мною»— было достаточно для того, чтобы навсегда привязать къ Іисусу кроткаго и простодушнаго апостола, котораго Онъ, по всей вѣроятности, зналъ раньше.

На слѣдующій день къ этому священному обществу прибавился пятый членъ. Желая подѣлиться сдѣланнымъ открытіемъ, Филиппъ отыскалъ своего друга Наѳанаила, исполняя тѣмъ великую обязанность дружбы, состоящую въ сообщеніи другимъ всего, что испытывается нами самаго великаго и важнаго въ жизни. Наѳанаилъ въ спискѣ апостоловъ вообще и почти несомнѣнно отождествляется съ Варѳоломеемъ, потому что Варѳоломей скорѣе есть отчество, чѣмъ имя—«Бар-Толмай—сынъ Толмая»; и притомъ Наѳанаилъ только еще въ одномъ мѣстѣ упоминается подъ этимъ именемъ (Іоан. XXI, 2), Варѳоломей же (о которомъ иначе мы не знали бы ничего) въ спискѣ апостоловъ постоянно помѣщается рядомъ съ Филиппомъ [259]). Живя въ Канѣ Галилейской, сынъ Толмая легко могъ познакомиться съ молодымъ рыбакомъ еннисаретскимъ. А Христосъ до этого времени жилъ въ такой отчужденности отъ всѣхъ, что Наѳанаилъ, будучи даже знакомъ съ Филиппомъ, въ то же время ничего не зналъ объ Іисусѣ. Простодушный Филиппъ повидимому съ особеннымъ удовольствіемъ сопоставлялъ съ величіемъ служенія Христа Его низкое происхожденіе: «Мы нашли Того, о которомъ писали Моисей въ законѣ и пророки», сказалъ онъ своему ругу; кого же? молодаго иродіанскаго князя? молодаго асмонейскаго священника? какую-нибудь лучезарную звѣзду изъ школъ Шаммаи или иллеля? какого-нибудь пылкаго молодаго эмира изъ приверженцевъ Іуды Гамалы?—нѣтъ, «Іисуса, сына Іосифова, изъ Назарета».

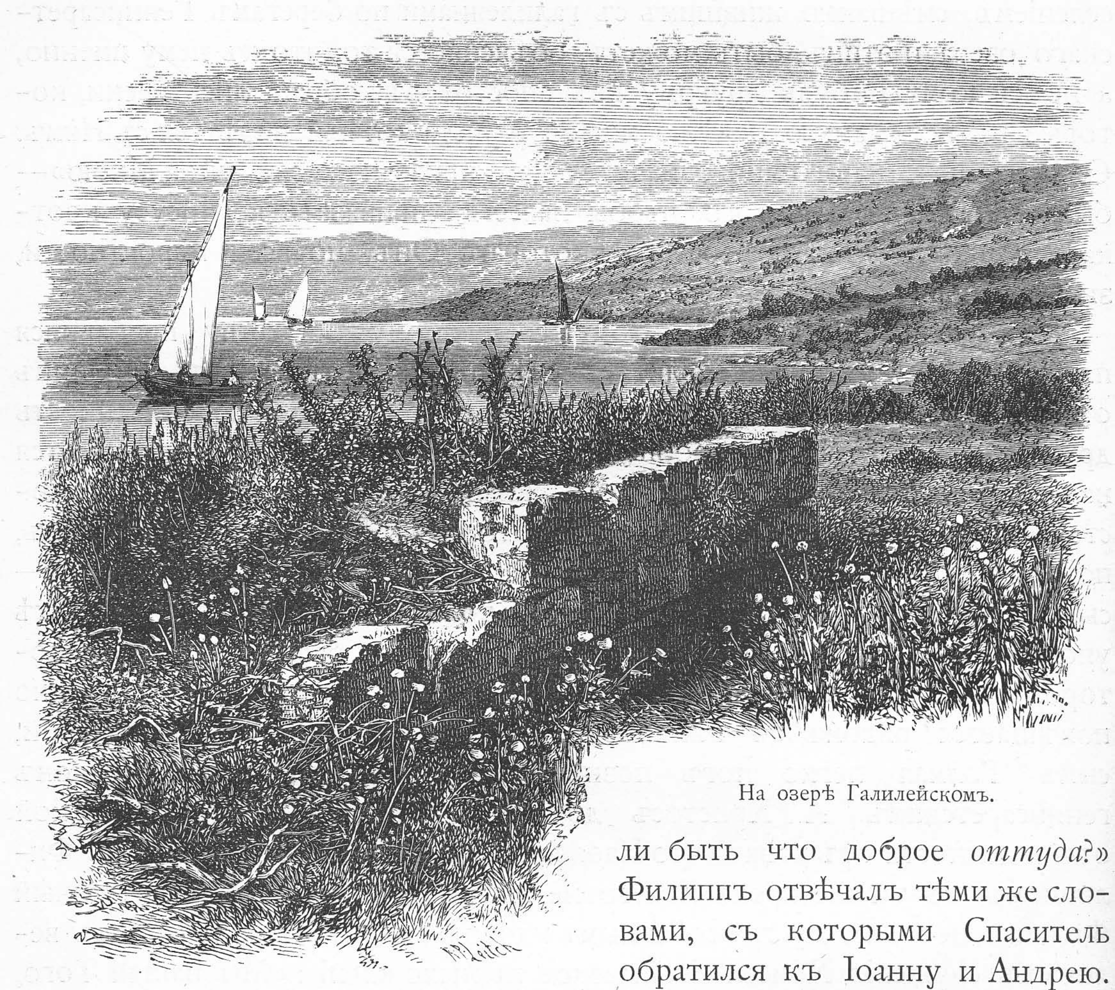
На Наѳанаила это произвело совсѣмъ иное впечатлѣніе. Онъ обра-

тилъ вниманіе на мѣстность. Возможно, какъ передаютъ легенды, что онъ былъ человѣкомъ болѣе высокаго положенія, чѣмъ остальные апостолы [260]). Въ его отвѣтѣ обыкновенно видятъ ходячую пословицу, но въ немъ, быть можетъ, заключался намекъ на слово *назора*—«презрѣнный», или онъ просто означалъ: «*Назаретъ*—этотъ ничтожный и безславный городъ въ своей маленькой недоступной долинѣ — можетъ

На озерѣ Галилейскомъ.

ли быть что доброе *оттуда?*» Филиппъ отвѣчалъ тѣми же словами, съ которыми Спаситель обратился къ Іоанну и Андрею. Онъ былъ хорошій ученикъ и сказалъ словами Учителя: «пойди и посмотри».

Часто и теперь задаютъ тотъ же вопросъ: «изъ Назарета можетъ ли быть что доброе?» И единственно удовлетворительнымъ, почти единственно возможнымъ отвѣтомъ на него можетъ быть то же, что и тогда: иди и посмотри. Тогда онъ означалъ: иди и посмотри Того,



На озерѣ Галилейскомъ.

ли быть что доброе *оттуда?*» Филиппъ отвѣчалъ тѣми же словами, съ которыми Спаситель обратился къ Іоанну и Андрею.

который говоритъ, какъ никогда не говорилъ человѣкъ; иди и посмотри Того, который, будучи просто плотникомъ назаретскимъ, наполняетъ священнымъ благоговѣніемъ всѣхъ приближающихся къ Нему, однимъ присутствіемъ своимъ какбы раскрываетъ тайны сердецъ, и однако же влечетъ къ себѣ даже самыхъ грѣшныхъ съ чувствомъ тоскующей любви; иди и посмотри Того, въ которомъ все дышетъ неотразимымъ очарованіемъ безгрѣшной чистоты, недосягаемой красоты божественной жизни. «Пойди и посмотри», сказалъ Филиппъ, убѣжденный въ своемъ простомъ вѣрующемъ сердцѣ, что увидѣть Іисуса значило познать Его, а знать Его значило любить Его, а любить Его значило боготворить Его. Въ этомъ смыслѣ мы не можемъ больше говорить: иди и посмотри; потому что съ того времени, какъ закрылись отверзавшіяся небеса для видѣній, которыхъ удостоились св. Стефанъ и ап. Павелъ, Его земной составъ невидимъ больше. Но есть другой смыслъ, въ которомъ съ неменьшею убѣдительностью и теперь достаточно отвѣчать на всѣ сомнѣнія: иди и посмотри. Иди и посмотри, какъ ожилъ умиравшій міръ, возродился разлагавшійся міръ, помолодѣлъ одряхлѣвшій міръ; иди и посмотри, какъ освѣтилась тьма и отчаяніе исчезло; иди и посмотри на человѣколюбіе, принесенное въ темницу заключенному преступнику, на свободу, данную закованному рабу; иди и посмотри на бѣдныхъ, простецовъ и массу народную, навсегда освобожденныхъ отъ угнетенія богатыхъ, ученыхъ и избранныхъ; иди и посмотри, какъ возникаютъ благотворительные госпитали и пріюты рядомъ съ чудовищными развалинами колоссальныхъ амфитеатровъ, которые нѣкогда орошались человѣческою кровью; иди и посмотри, какъ изъ очищенныхъ жилищъ съ негодованіемъ изгнаны всѣ постыдные символы всеобщаго развращенія; иди и посмотри, какъ притоны разврата и безчеловѣчія превратились въ счастливые очаги домашней жизни, дерзкіе безбожники въ вѣрующихъ христіанъ, мятежники въ кроткихъ дѣтей и язычники въ святыхъ мужей. Да, иди и посмотри величественные акты одной великой драмы, тянущейся на протяженіи девятнадцати столѣтій христіанства, и когда ты увидишь, что всѣ они направляются къ одной великой цѣли, давно предопредѣленной въ совѣтѣ божественной воли, когда въ благоговѣйномъ смиреніи узнаешь, что даже то, что кажется случаемъ, въ дѣйствительности есть звено въ цѣпи предвѣденія и совершается по непреложной системѣ предустановленнаго порядка [261]), когда ты услышишь голосъ Спасителя, съ любящимъ сочувствіемъ взывающаго прямо къ сердцу,—тогда ты, можетъ быть, поймешь, какъ

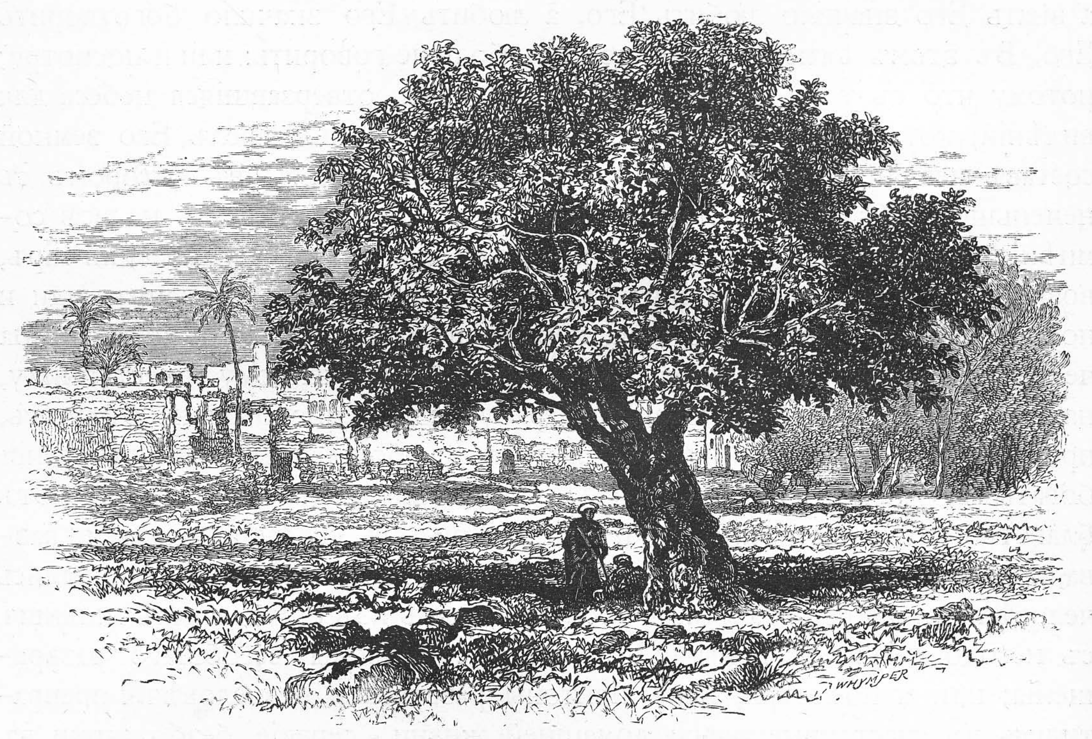
жалко сомнѣнье, и въ спокойномъ, блаженномъ упованiи вмѣстѣ съ непорочнымъ и откровеннымъ Наѳанаиломъ воскликнешь: «Равви, Ты Сынъ Божiй, Ты Царь Израилевъ!»

Презрительность Наѳанаила скоро уступила мѣсто другому чувству. Iисусъ, замѣтивъ идущаго къ Нему Наѳанаила, увидѣлъ на челѣ его печать Божiю и сказалъ о немъ: «Вотъ подлинно израильтянинъ, въ которомъ нѣтъ лукавства». «Почему Ты знаешь меня?»—спросилъ Наѳанаилъ, и на это послѣдовалъ знаменательный отвѣтъ: «Прежде не-

Восточная Смоковница.

жели позвалъ тебя Филиппъ, когда ты былъ подъ смоковницею, Я видѣлъ тебя».

У всѣхъ набожныхъ iудеевъ былъ обычай, одобряемый и талмудомъ, читать свою *кришму* или молитвы на каждый день подъ смоковницей [262]); и нѣкоторые думаютъ, что въ призванiи апостола изъ-подъ тѣни дерева, служившаго символомъ iудейскихъ законовъ и iудейскихъ преданiй, подъ которыми начинала уже колебаться почва [263]), заключается особенное значенiе. Изъ поэтической прозорливости чистаго воображенiя, которое можетъ такимъ образомъ одѣвать въ аллегорiю



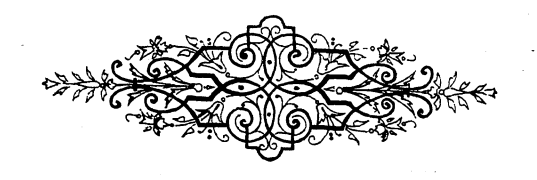
Восточная Смоковница.

самые простые факты, всегда можно извлечь нѣчто интересное и поучительное; но въ данномъ случаѣ одного проблеска мгновенной мысли было бы недостаточно для объясненія сильной восторженности въ отвѣтѣ Наѳанаила. При первомъ взглядѣ всякому бросается въ глаза видимая несоразмѣрность между причиной и дѣйствіемъ. Какъ, повидимому, недостаточно было одного простаго намека на уединенное задумчивое сидѣніе подъ смоковницей для того, чтобы мгновенно вызвать привязанность, несокрушимую послѣ преданность этого «плавкаго апостола» Сыну Божію, Царю Израилеву! Но чтобы найти истинное объясненіе этой мгновенной перемѣны убѣжденія, мы должны взглянуть глубже, и тогда, если не ошибаемся, мы увидимъ въ этомъ событіи еще одну изъ тѣхъ чертъ неподдѣльной дѣйствительности, которыя для столькихъ сильныхъ умовъ служили неопровержимымъ внутреннимъ доказательствомъ исторической достовѣрности четвертаго евангелія.

Бываютъ моменты, когда благодать Божія осязательно дѣйствуетъ въ сердцѣ человѣческомъ; когда душа какбы поднимается на орлихъ крыльяхъ упованія и молитвы въ превышняя небесъ; когда, восхищенные какбы въ присутствіи самого Бога, мы видимъ и слышимъ дѣла неизреченныя. Въ такіе моменты мы переживаемъ всю свою жизнь, потому что такія ощущенія уничтожаютъ рамки временнаго бытія; они «стѣсняютъ вѣчность въ часъ, и часъ распространяютъ въ вѣчность». Въ такіе моменты мы находимся ближе къ Богу; мы опознаемъ Его и Онъ опознаетъ насъ; и еслибы человѣку возможно было въ такой моментъ заглянуть въ нашу душу, онъ увидѣлъ бы все, что есть въ нашемъ существѣ великаго и безсмертнаго. Но видѣть насъ такъ невозможно человѣку; это возможно только для Того, рука котораго будетъ наставлять и десница поучать насъ, даже еслибы мы раннимъ утромъ взяли крылья и унеслись за отдаленныя моря. А такое чувство навѣрно испытывалъ израильтянинъ безъ лукавства, когда онъ сидѣлъ, молился и безмолвно размышлялъ подъ смоковницей. Такія-то чувства, которыя только и могли быть извѣстны Тому, кому дано читать сокровеннѣйшія тайны сердца, и затронулъ Спаситель въ Наѳанаилѣ. Пусть тотъ, кто испыталъ нѣчто подобное, скажетъ, какъ бы онъ взглянулъ на человѣка, который бы сказалъ ему, что въ такой-то моментъ онъ погруженъ былъ въ созерцаніе безпредѣльной глубины чувствъ своего сердца. Что такія одинокія размышленія, такое проникновеніе даже въ этой жизни «за завѣсу» вѣчности, такая восхищенность до третьяго

неба, во время которой душа стремится переступить предѣлы пространства и времени, сообщаясь лицомъ къ лицу съ вѣчнымъ и невидимымъ, такое мгновенное воспламенѣніе небеснаго огня, который какбы расплавляетъ внутри насъ все низкое и нечистое въ одно мгновеніе и навсегда, — что такія возвышенныя состоянія бывали испытываемы людьми истинной христіанской жизни, это подтверждается неоспоримыми свидѣтельствами исторіи. И если кто изъ нашихъ читателей когда-нибудь испытывалъ въ себѣ такую дивную перемѣну, во время которой уничтожается старая и создается или возсоздается новая душа, тотъ навѣрно пойметъ трепетъ мгновеннаго сочувствія, почувствуетъ стрѣлу непреклоннаго убѣжденія, что такъ мгновенно пронзила сердце Наѳанаила и заставила его сразу пасть на колѣна и воскликнуть: «Равви, Ты Сынъ Божій, Ты Царь Израилевъ!»

О Наѳанаилѣ мы почти ничего не слышимъ послѣ. Это былъ повидимому одинъ изъ тѣхъ тихихъ, уединенныхъ, созерцательныхъ людей, вся жизнь которыхъ проходитъ не здѣсь, а тамъ — «гдѣ за далью непогоды не проходитъ тишина». Онъ жилъ такою жизнью, которая невидима міру, потому что она «сокрыта со Христомъ въ Богѣ»; но можно быть увѣреннымъ, что никогда до самаго дня своего мученичества или даже во время самыхъ мученическихъ страданій онъ не забывалъ тѣхъ спокойныхъ словъ, которыя показали, что «Господь взыскалъ его, и позналъ его, и уразумѣлъ его мысли задолго предъ тѣмъ». Несомнѣнно не однажды, но много и много разъ въ послѣдующіе дни [264]) исполнялось данное ему и его спутникамъ обѣтованіе, что они очами вѣры будутъ видѣть «небо отверстымъ и ангеловъ Божіихъ восходящихъ и нисходящихъ къ Сыну человѣческому» [265]).



Восточные кувшины и водоносы.

ГЛАВА XI.

ПЕРВОЕ ЧУДО.

Онъ явилъ славу свою. *Іоан.* II, 11.

НА ТРЕТІЙ день, говоритъ ев. Іоаннъ, былъ бракъ въ Канѣ Галилейской». Повѣствуя съ полнымъ знаніемъ и живыми воспоминаніями о всякомъ происшествіи, совершившемся въ тѣ достопамятные дни, онъ обозначаетъ время такъ, какъ будто оно одинаково извѣстно и всѣмъ. Третій день понимали различно: проще всего понимать его какъ третій по уходѣ Іисуса въ Галилею. Если свое путешествіе Онъ совершалъ поспѣшно, то на первую ночь Онъ могъ остановиться (предполагая, что слѣдовалъ обычнымъ путемъ) въ Силомѣ или Сихемѣ, на вторую въ Ганнимѣ, на третью, перейдя долину Ездрилонскую, Онъ уже легко могъ достигнуть Назарета [266]), и узнавъ, что Его Матери и братьевъ не было дома, въ какіе-нибудь полтора часа могъ поспѣть во-время къ обряду восточной свадьбы [267]).

Восточные кувшины и водоносы.

ГЛАВА XI.

ПЕРВОЕ ЧУДО.

Онъ явилъ славу свою. *Іоан.* II, 11.

А ТРЕТІЙ день, говоритъ ев. Іоаннъ, былъ бракъ в Канѣ Галилейской». Повѣствуя съ полнымъ знаніемъ живыми воспоминаніями о всякомъ происшествіи, совер шившемся въ тѣ достопамятные дни, онъ обозначает время такъ, какъ будто оно одинаково извѣстно и всѣмт Третій день понимали различно: проще всего пониматъ его какъ третій по уходѣ Іисуса въ Галилею. Если сво путешествіе Онъ совершалъ поспѣшно, то на первуі ночь Онъ могъ остановиться (предполагая, что слѣдо валъ обычнымъ путемъ) въ Силомѣ или Сихемѣ, на вторук въ Ганнимѣ, на третью, перейдя долину Ездрилонскую Онъ уже легко могъ достигнуть Назарета [266]), и узнавт

Обрядъ этотъ, какъ извѣстно, начинался въ сумерки. Въ Палестинѣ, все равно какъ и въ Греціи, въ обычаѣ было «невѣсту уводить изъ дома при розовостыдливомъ угасаньи дня» или даже позже, совсѣмъ ночью [268]), причемъ ее съ головы до ногъ окутывали широкимъ и развѣвающимся покрываломъ, осыпали цвѣтами и вообще одѣвали въ лучшія платья. О прибытіи ея къ дому жениха возвѣщалось факелами, пѣснями и танцами, барабаннымъ боемъ и флейтами. Ее сопровождали дѣвицы

Свадебныя церемоніи на востокѣ.

односельчанки и женихъ выходилъ къ ней навстрѣчу съ своими молодыми друзьями. Есть сказаніе, что Наѳанаилъ былъ при этомъ дружкой, на обязанности котораго было сопровождать невѣсту; но присутствіе пресв. Маріи, которая оставила Назаретъ съ цѣлью присутствовать на свадьбѣ, указываетъ повидимому на то, что кто-нибудь изъ брачной четы былъ членомъ святаго семейства. Іисусъ также былъ позванъ съ своими учениками, но употребленіе глагола въ единственномъ числѣ (званъ, ἐκλήθη) даетъ понять, что ученики были приглашены уже ради

Свадебныя церемоніи на востокѣ.

Его, а не Онъ ради ихъ. Поэтому невѣроятно, чтобы Наѳанаилъ, который только за два дня предъ тѣмъ познакомился съ Іисусомъ, принималъ какое-нибудь участіе въ свадьбѣ. Всѣ положительныя соображенія тутъ безполезны; но то, что Дѣва Марія очевидно занимала главное положеніе въ этомъ домѣ и полновластно распоряжалась слугами, дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что это была свадьба одного изъ ея племянниковъ, сыновей Алфея, или одной изъ племянницъ, «сестеръ Іисуса» [269]), которымъ преданіе даетъ имена Есѳири и Ѳамари. Что самого Іосифа уже не было въ живыхъ, видно изъ полнаго молчанія о немъ евангелистовъ, которые послѣ перваго посѣщенія Христомъ Іерусалима въ отрочествѣ уже больше не упоминаютъ его имени [270]).

Продолжалось ли брачное пиршество семь дней, какъ было въ обычаѣ у располагавшихъ достаточными для того средствами (Суд. XIV, 1-2; Тов. XI, 19), или только одинъ — два дня, какъ было у бѣднѣйшихъ классовъ, — мы не знаемъ; но только во время самаго пиршества вдругъ недостало вина [271]). Только тотъ, кто знаетъ, какъ священенъ на востокѣ долгъ щедраго гостепріимства и какъ глубоко чувствуется всѣми обязанность исполнить его во что бы то ни стало, можетъ представить себѣ, насколько этотъ случай могъ омрачить все торжество и какую скорбь и уныніе онъ причинилъ бы новобрачной четѣ. Они сочли бы это, какъ бываетъ и теперь на востокѣ, крайнимъ и неизгладимымъ безчестьемъ для себя.

Причиной этой неожиданной недостачи могло быть присутствіе Іисуса и Его пяти учениковъ. Приглашеніе сначала, какъ можно думать, было сдѣлано только одному Іисусу, и юный женихъ въ Канѣ Галилейской никакъ не могъ знать, что въ теченіе послѣднихъ четырехъ дней Іисусъ пріобрѣлъ себѣ пять неразлучныхъ учениковъ. Вѣроятно и запаса не было сдѣлано на случай увеличенія гостей, и вотъ ихъ-то неожиданное прибытіе и было причиной недостачи вина въ этомъ простомъ хозяйствѣ [272]). Притомъ сами новоприбывшіе, только что прибывъ изъ поспѣшнаго и утомительнаго стопятидесяти-верстнаго пути, даже еслибы имъ позволяли средства, не имѣли возможности, согласно съ распространеннымъ іудейскимъ обычаемъ, принести съ собою вина и другихъ припасовъ для увеличенія веселья на свадебномъ торжествѣ.

При такихъ обстоятельствахъ у матери Іисуса было особенное основаніе сказать Ему: «вина нѣтъ у нихъ». Замѣчаніе очевидно было тонкое, но значенія его нельзя было не понять. Никто такъ не зналъ, какъ знала пресв. Марія, кто ея Сынъ; но въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ

терпѣливаго ожиданія Его объявленія о себѣ она видѣла только, какъ Онъ возрасталъ подобно другимъ дѣтямъ и жилъ, правда, въ блаженномъ смиреніи и безгрѣшной мудрости, подобно нѣжному цвѣтку предъ Богомъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ жилъ такъ же, какъ живутъ и другіе въ юношествѣ, отличаясь только своею совершенной непорочностью. Но теперь Ему было уже тридцать лѣтъ отъ роду; голосъ великаго пророка, слава котораго гремѣла во всемъ народѣ, провозгласилъ Его обѣтованнымъ Мессіей; Его открыто сопровождали ученики, признававшіе Его учителемъ и господиномъ. Теперь предстояло устранить затрудненіе; нужно было совершить истинно доброе дѣло: отвратить безчестье отъ друзей, которыхъ Онъ любилъ, — и притомъ безчестье, причиной котораго ненамѣренно сталъ Онъ самъ съ своими учениками. Не пришелъ ли часъ Его? Кто знаетъ, не можетъ ли Онъ сдѣлать чего-нибудь, если только обратить Его вниманіе на затрудненіе, грозившее прервать торжество? Не могутъ ли какіе-нибудь славословящіе ангелы, въ родѣ тѣхъ, что провозвѣщали Его рожденіе, по Его мановенію превратить скромный брачный праздникъ въ торжество небесное? Не возможно ли, чтобы именно теперь Онъ повелъ ихъ на пиръ въ свой собственный чертогъ, надъ которымъ развѣвается знамя любви?

Вѣра ея была сильна, побужденія чисты, и быть можетъ она руководилась еще тѣмъ, что называется «тончайшимъ движеніемъ чистѣйшаго женскаго, материнскаго чувства, возбуждавшаго въ ней желаніе видѣть *своего Сына* окруженнымъ почетомъ въ ея присутствіи» [273]). Часъ ея Сына уже насталъ, но Ему было необходимо теперь, разъ навсегда, показать ей, что отнынѣ Онъ не былъ Іисусъ, сынъ Маріи, но Христосъ, Сынъ Божій; что въ виду Его великаго дѣла и служенія, въ виду Его вѣчнаго бытія — высокое значеніе родства для Него миновало; что Его мысли не таковы, какъ ея мысли, и Его пути не ея пути [274]). И этого нельзя было сдѣлать болѣе рѣшительно и въ то же время болѣе нѣжно, какъ сдѣлалъ Іисусъ.

«Что Мнѣ и тебѣ, жено?» сказалъ Онъ ей. Слова эти на первый разъ звучатъ жестко и почти отталкиваютъ своей грубой краткостью; но въ этомъ виноваты частью нашъ переводъ, частью наши понятія *).

---

*) Въ англійскомъ и въ большинствѣ западныхъ переводовъ этотъ текстъ читается такъ: «женщина, какое мнѣ дѣло до тебя» (Woman, what have I to do with thee)? Нашъ русскій переводъ, удержавшій здѣсь форму славянскаго оборота, чуждъ этого недостатка и звучитъ ближе къ истинному тону подлинника. *Перев.*

Онъ не называетъ ее «матерью», потому что въ данныхъ обстоятельствахъ она не была уже Его матерью; но названіе «жено» (γύναι) было такъ почтительно, что могло употребляться въ обращеніи даже къ царственной женщинѣ [275]), и такъ ласково, что могло быть прилагаемо въ моменты наибольшей нѣжности къ существамъ самымъ любимымъ [276]). «Что Мнѣ и тебѣ» — есть буквальный переводъ ходячей арамейской фразы *(ма ли велак)*, которая, хотя означаетъ отстраненіе того или другаго предложенія или мысли и отклоняетъ дальнѣйшее разсужденіе, однако же вполнѣ совмѣстима съ самою изысканною нѣжностью и самою полною почтительностью [277]).

При этомъ нельзя сомнѣваться также въ томъ, что малѣйшая жесткость этихъ спокойныхъ словъ была еще болѣе смягчена взглядомъ и тономъ, съ которыми они были сказаны и которыхъ часто бываетъ достаточно для того, чтобы лишить оскорбительности гораздо болѣе жесткія выраженія. И Марія съ неослабѣвшею вѣрою и безъ всякаго слѣда оскорбленія сказала слугамъ, которыми она очевидно распоряжалась съ нѣкоторою властью: «Что скажетъ Онъ вамъ, то сдѣлайте» [278]).

Послѣ путешествія на востокѣ прежде всего считается необходимымъ омыть ноги, а передъ пищею умыть руки; съ этою цѣлью у входа въ домъ стояло (какъ это бываетъ еще и теперь) шесть большихъ каменныхъ водоносовъ, отверстія которыхъ наполняются свѣжими зелеными листьями, для поддержанія холода въ водѣ. Въ каждомъ изъ этихъ водоносовъ могло содержаться воды на два или на три омовенія [279]), и Іисусъ велѣлъ слугамъ наполнить ихъ доверха [280]). Когда они сдѣлали это, Онъ повелѣлъ имъ почерпнуть изъ нихъ въ маленькіе сосуды [281]) и нести къ тому гостю, который, по обычаю тогдашняго времени, былъ избранъ «распорядителемъ пира» [282]). Не зная ничего о происшедшемъ, тотъ весело замѣтилъ, что, подавая хорошее вино послѣ, женихъ нарушилъ общее правило при пирахъ. Это было первое чудо Христа, и *такъ*, съ опредѣленною и символическою цѣлью [283]), «Онъ явилъ славу Свою, и увѣровали въ Него ученики Его».

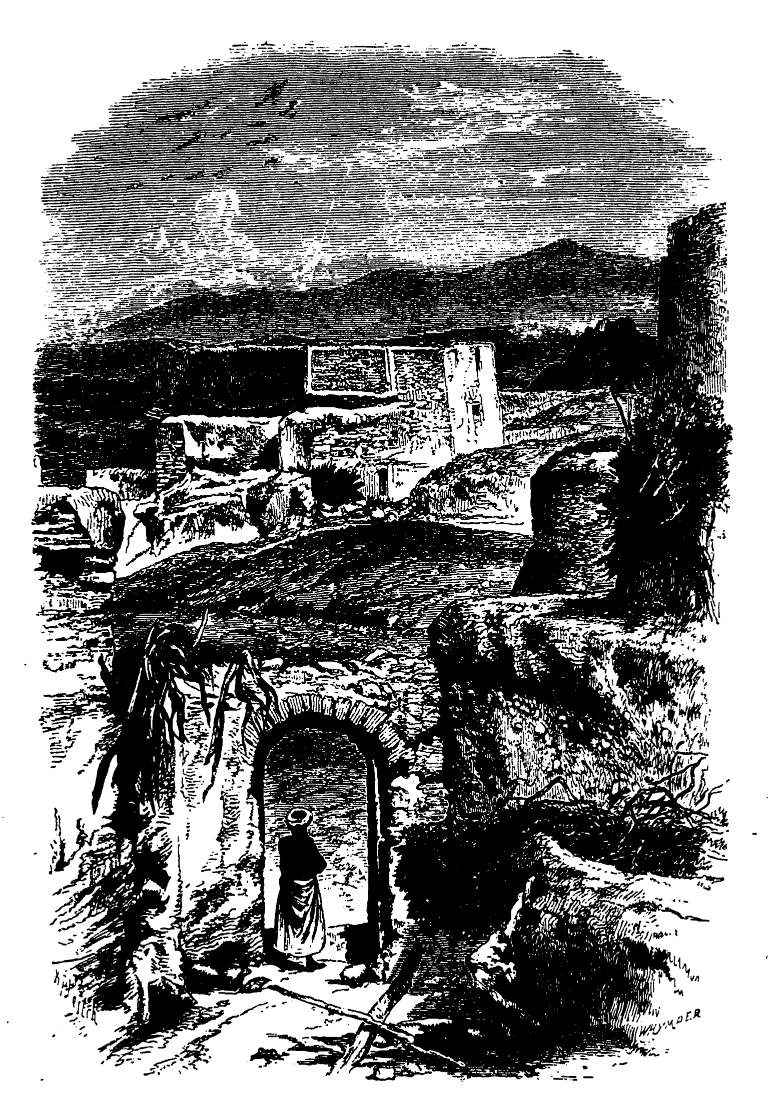
Это было Его первое чудо, и однако же какъ оно не похоже на то, чего мы должны бы ожидать; какъ просто и непритязательно, какъ божественно спокойно! Способъ совершенія чуда — которое по своему характеру гораздо болѣе чудесно, чѣмъ обыкновенныя чудеса исцѣленія — превосходитъ силу нашего разумѣнія, и однако же оно совершено безъ всякой пышности въ обстановкѣ, безъ всякаго блеска и внѣшняго самопрославленія. Въ настоящее время иные дерзновенно

говорятъ, что Тотъ, предъ которымъ ничтожны горы и море и предъ очами котораго звѣздное небо есть лишь блѣдное мерцанье въ «полнѣйшей пустотѣ», — долженъ бы совершать свои чудеса передъ собраніемъ компетентныхъ *ученыхъ!* Конечно, можно бы допустить и это, еслибы чудеса считались единственнымъ или даже гдавнымъ удостовѣреніемъ достоинства Христа; но по вѣрѣ христіанскаго міра Сынъ Божій былъ бы Сыномъ Божіимъ и тогда, еслибы Онъ, подобно Іоанну Крестителю, не совершилъ ни одного чуда. При совершеніи чудесъ Христосъ обращался не къ холодному и сомнѣвающемуся любопытству, но къ любящей и смиренной вѣрѣ. Для нихъ не нужны были ловкость обманщика или самовосхваленіе чудодѣя. Они были знаменіями, почти, можно сказать, случайными знаменіями Его служенія; но ихъ главною цѣлью было облегченіе человѣческаго страданія, объясненіе священныхъ истинъ или, какъ было въ этомъ случаѣ, увеличеніе невинныхъ радостей. Малоизвѣстная деревня, заурядная свадьба, скромный домъ, нѣсколько гостей поселянъ — вотъ при какой обстановкѣ, а не въ великолѣпномъ амфитеатрѣ съ многочисленными зрителями, совершилось одно изъ величайшихъ чудесъ могущества Христова. Въ этомъ отношеніи обстоятельства перваго чуда совершенно похожи на чудесныя событія, совершившіяся при рождествѣ Христовомъ. Въ полномъ несходствѣ этого со всѣмъ тѣмъ, что мы должны были бы воображать, въ полнѣйшемъ несогласіи съ тѣмъ, что могла бы измыслить легенда, однимъ словомъ во всемъ, что болѣе всего возмущаетъ невѣра, мы видимъ новое подтвержденіе, что въ этомъ евангельскомъ повѣствованіи мы имѣемъ честный и правдивый разсказъ о дѣйствительномъ событіи.

Чудо само по себѣ чудесно, и мы не видимъ никакой пользы отъ попытки понять *средства*, которыми оно совершено. Принимая его (всякій конечно, согласно съ своими собственными убѣжденіями, можетъ принимать или отвергать его, хотя бы даже и съ явною опасностью для истины), мы завѣдомо принимаемъ нѣчто такое, что превышаетъ, хотя никоимъ образомъ не нарушаетъ обыкновенныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ природѣ. Что пользы изъ того и въ какомъ отношеніи чудо станетъ болѣе понятнымъ для насъ, если мы предположимъ вмѣстѣ съ Ольсгаузеномъ, что здѣсь произошелъ только ускоренный процессъ природы, или съ Неандеромъ, что вода была посредствомъ магнетизма превращена въ вино, или съ Лянге, что гости были въ состояніи необычайной восхищенности [284])? Пусть тѣ, кто находятъ это умственно

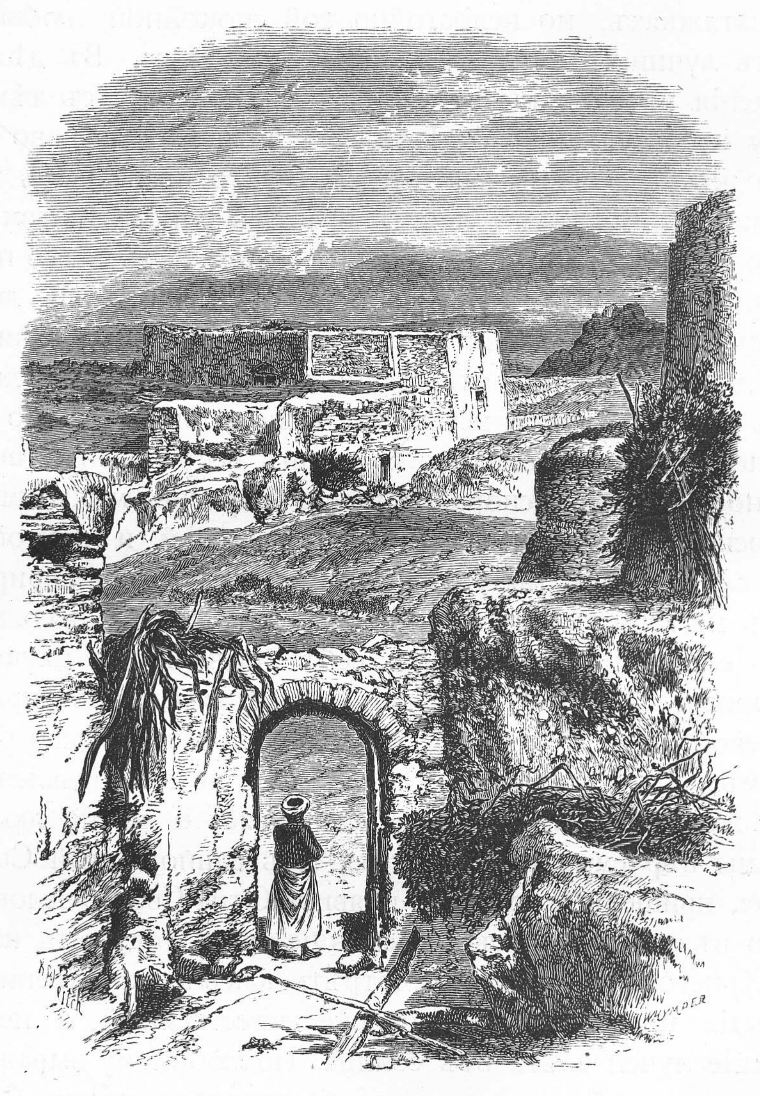
возможнымъ или духовно-полезнымъ, сколько угодно пользуются такими гипотезами, если только хватаетъ духа на нихъ: мы не считаемъ ихъ кощунственными, «раціоналистическими» или «опасными», но просто странными и ненужными. Поносить ихъ, какъ постыдныя уступки духу скептицизма, было бы къ лицу фарисейству, путающемуся въ противорѣчіяхъ и натяжкахъ, но недостойно той спокойной любви, которая должна быть лучшимъ плодомъ христіанской вѣры. Въ дѣлахъ вѣры свои убѣжденія мы должны согласовать единственно съ тѣмъ, что по внутреннему чувству нашей совѣсти есть воля Божія, и во всѣхъ путяхъ нашей жизни должны заботиться о Его праведномъ приговорѣ. Мы столь же мало считаемъ своимъ правомъ поносить отрицателя чудесъ злословіемъ и проклятіемъ, какъ не допускаемъ и его права издѣваться надъ нами и обзывать насъ слабоумными или лицемѣрами. Іисусъ Христосъ уроки любви и кротости преподавалъ всѣмъ людямъ, признавали ли они Его или отвергали; такъ и въ спорѣ между вѣрою и невѣріемъ единственнымъ исходомъ можетъ быть только — спокойное и хладнокровное, правильное и вполнѣ искреннее (въ виду необычайной важности предмета спора и глубины затрогиваемыхъ имъ чувствъ) изложеніе основаній внутреннихъ убѣжденій той и другой стороны. Въ такомъ случаѣ, если мы разъ поймемъ, что слово «природа» мало или совсѣмъ не имѣетъ смысла, если не включать въ него мысль о ея Виновникѣ; если мы разъ уяснимъ себѣ признанный наукой фактъ, что самое простое и самое несложное дѣйствіе законовъ природы безконечно превосходитъ самый возвышенный полетъ нашего разума; если мы признаемъ, что божественное Провидѣніе не есть отдаленная отвлеченность, а живая и любящая сила, пекущаяся о жизни людей; наконецъ, если мы вѣруемъ, что Христосъ есть единородный Сынъ Божій, Слово Божіе, пришедшее открыть и явить Отца Своего человѣчеству, — тогда ничто въ евангельскихъ чудесахъ не будетъ смущать нашей вѣры. На чудеса Христовы мы будемъ смотрѣть какъ на естественный результатъ его бытія и служенія, такой же естественный и неизбѣжный, какъ истеченіе лучей свѣта отъ солнца. По любимому выраженію евангелиста Іоанна, они были не просто предзнаменованіями (τέρατα), или силами (δυνάμεις), или знаменіями (σημεῖα), но дѣлами (ἔργα), обыкновенными и неизбѣжными (когда бы онъ ни совершалъ ихъ), дѣлами Того, самое существованіе котораго есть наивысочайшее чудо [285]). Мы вѣруемъ, что Онъ былъ безгрѣшенъ; а, выражаясь словами поэта, «можно бы думать, что чудомъ изъ чудесъ было создать міръ такимъ, какъ

онъ есть; однако же еще гораздо большее чудо — прожить совершенно чистою жизнью въ немъ». Величайшій изъ новѣйшихъ философовъ сказалъ, что двѣ вещи всегда наполняли его душу благоговѣйнымъ изумленіемъ: это — «звѣздное небо вверху и нравственный за-



Развалины Кефр-Кенны.

конъ внутри»; но къ нимъ прибавилась еще третья не менѣе величественная вещь — исполненіе нравственнаго закона *внѣ* насъ въ лицѣ Іисуса Христа [286]). Это исполненіе заставляетъ насъ признать, что Онъ воистину былъ Богъ; а въ такомъ случаѣ намъ и нечего больше

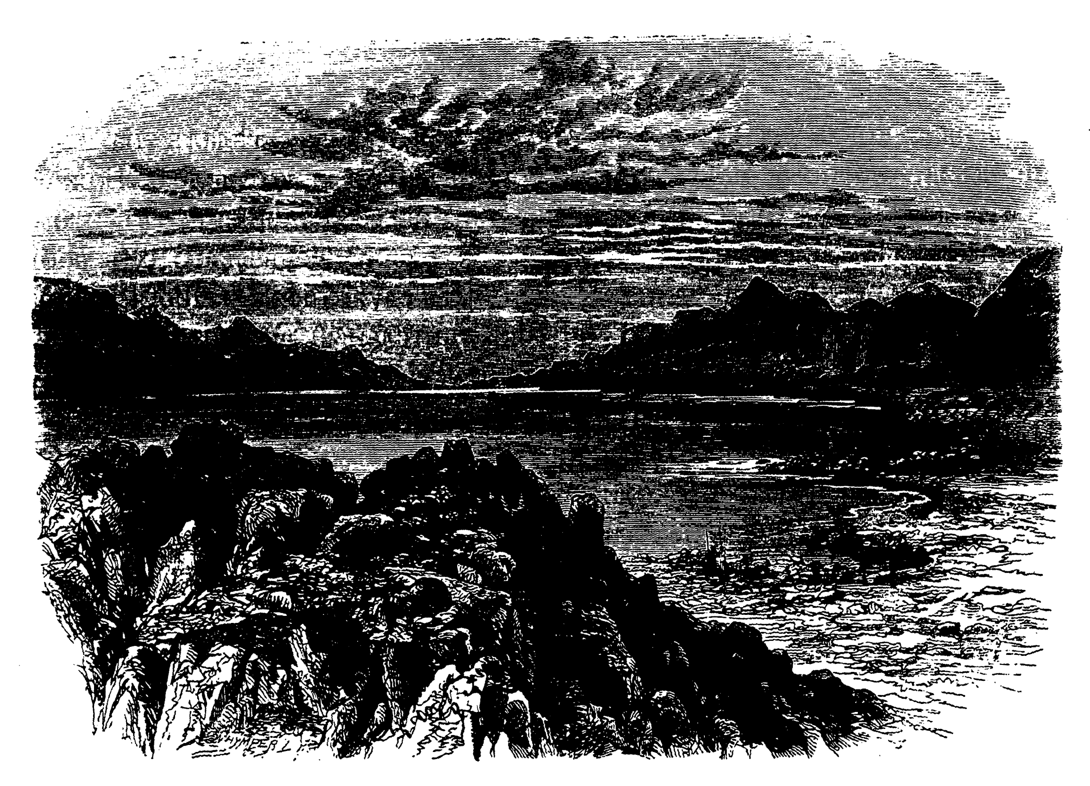


Развалины Кефр-Кенны.

удивляться, когда евангелія повѣствуютъ, что Онъ дѣлалъ на землѣ такія дѣла, которыя могутъ быть совершаемы только силою Божіей.

Но двѣ черты особенно обращаютъ на себя вниманіе въ этомъ первомъ чудѣ Христа. Это, во-первыхъ, отсутствіе всякаго себялюбія въ немъ. Служенію Христа надлежало быть служеніемъ радости и мира; своимъ дѣломъ Онъ освящалъ не сокрушительный аскетизмъ, но животворную невинность; давалъ свое одобреніе не принудительному безбрачію, но освященному союзу. Тотъ, который для утоленія своего собственнаго жестокаго голода не хотѣлъ обратить камней пустыни въ хлѣбъ, ради другихъ охотно являетъ свою чудотворную силу и только шесть или семь дней спустя избавляетъ бѣдный брачный пиръ отъ прискорбнаго затрудненія, обращая воду въ вино. Первымъ чудомъ Моисея, въ его суровомъ возмездіи угнетателямъ, было обращеніе воды въ кровь; первымъ же чудомъ Іисуса было наполненіе водоносовъ скромнаго семейства виномъ.

Другая черта — символическій характеръ чуда. Подобно почти всѣмъ чудесамъ Христа, оно соединяетъ въ себѣ всѣ отличительныя черты дѣла милосердія, знаменія и пророчества. Міръ сначала даетъ то, что есть у него лучшаго, а затѣмъ подонки и горечи; но Христосъ пришелъ для того, чтобы низшее превратить въ высшее, Моисеевъ законъ — въ совершенный законъ свободы, крещеніе Іоанново — въ крещеніе Духомъ Святымъ и огнемъ, печаль и воздыханіе — въ надежду и благословеніе, воду — въ вино. И такимъ образомъ «святое состояніе», которое Христосъ почтилъ и украсилъ своимъ присутствіемъ и первымъ чудомъ въ Канѣ Галилейской, знаменуетъ таинственный союзъ Христа съ церковью; и простѣйшая стихія, которую онъ такъ чудесно претворилъ, становится прообразомъ нашей земной жизни, преобразуемой и возвышаемой предвкушаемыми радостями неба, — прообразомъ того вина, которое мы будемъ пить съ Нимъ на брачной вечери Агнца [287]).

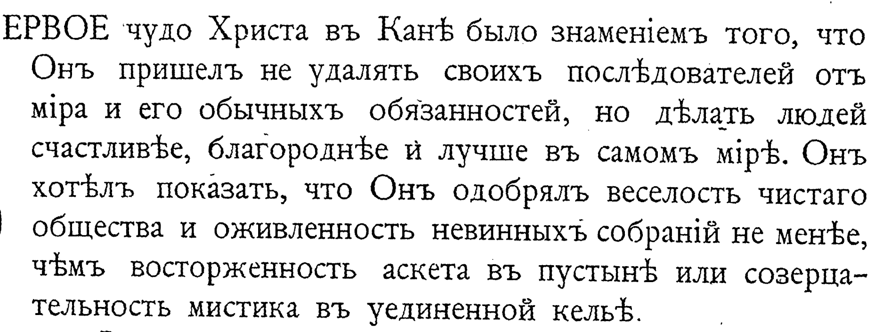


Мертвое море.

ГЛАВА XII.

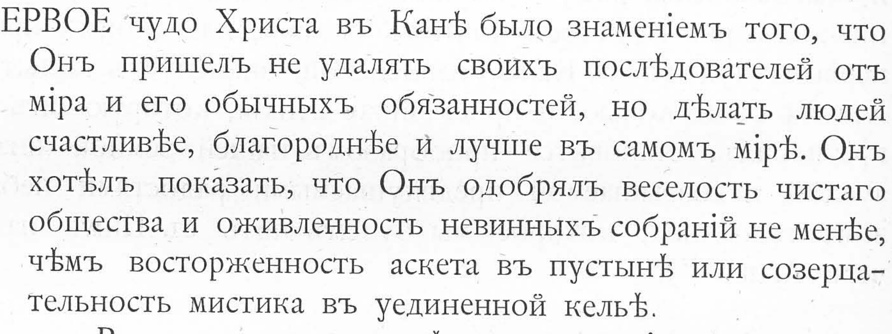
МѢСТО ОБЩЕСТВЕННАГО СЛУЖЕНІЯ ХРИСТА.

Народъ, ходящій во тьмѣ, увидитъ свѣтъ великій. Ис. IX, 2.



ПЕРВОЕ чудо Христа въ Канѣ было знаменіемъ того, что Онъ пришелъ не удалять своихъ послѣдователей отъ міра и его обычныхъ обязанностей, но дѣлать людей счастливѣе, благороднѣе и лучше въ самомъ мірѣ. Онъ хотѣлъ показать, что Онъ одобрялъ веселость чистаго общества и оживленность невинныхъ собраній не менѣе, чѣмъ восторженность аскета въ пустынѣ или созерцательность мистика въ уединенной кельѣ.

Въ этомъ же смыслѣ и отношеніи было нѣчто знаменательное въ самой мѣстности, избранной Имъ для своего общественнаго служенія. Іоаннъ Креститель проповѣдывалъ въ дикихъ пустыняхъ у водъ Мертваго моря; голосъ его раздавался среди кремнистыхъ утесовъ, мрачно нависшихъ надъ знойной долиной Іордана. Ближайшій къ мѣсту его проповѣди городъ былъ построенъ вопреки проклятія и дорога

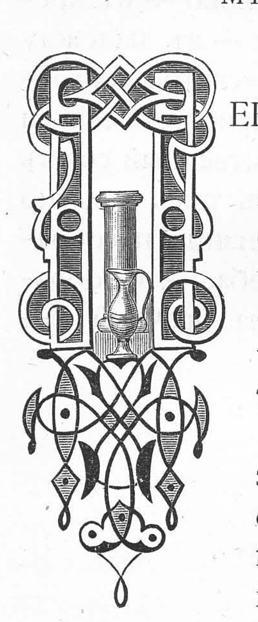


Мертвое море.

ГЛАВА XII.

МѢСТО ОБЩЕСТВЕННАГО СЛУЖЕНІЯ ХРИСТА.

Народъ, ходящій во тьмѣ, увидитъ свѣтъ великій. Ис. IX, 2.



ЕРВОЕ чудо Христа въ Канѣ было знаменіемъ того, что Онъ пришелъ не удалять своихъ послѣдователей отъ міра и его обычныхъ обязанностей, но дѣлать людей счастливѣе, благороднѣе и лучше въ самомъ мірѣ. Онъ хотѣлъ показать, что Онъ одобрялъ веселость чистаго общества и оживленность невинныхъ собраній не менѣе, чѣмъ восторженность аскета въ пустынѣ или созерцательность мистика въ уединенной кельѣ.

Въ этомъ же смыслѣ и отношеніи было нѣчто знаменательное въ самой мѣстности, избранной Имъ для своего общественнаго служенія. Іоаннъ Креститель проповѣдывалъ въ дикихъ пустыняхъ у водъ Мертваго моря; голосъ его раздавался среди кремнистыхъ утесовъ,

вела къ нему «кровавымъ путемъ». Все кругомъ его дышало страшными воспоминаніями о преступномъ и понесшемъ кару прошломъ: самыя волны какбы кипятъ смолой; самые плоды при одномъ прикосновеніи разсыпаются въ вонючую пыль; самая пыль подъ его ногами, горячая и бѣлая, была какбы прахомъ омерзительнаго народа. Тамъ, у этихъ смолистыхъ водъ, подъ этимъ мѣднокраснымъ небомъ, среди этихъ палящихъ пустынь и утесистыхъ овраговъ, онъ проповѣдывалъ крещеніе покаянія. Но Христосъ, явившись среди невинно веселящагося общества своей Матери, своихъ братьевъ и учениковъ, съ самаго начала мѣстомъ своего служенія избралъ оживленный городъ, мраморныя зданія котораго отражались въ прозрачныхъ водахъ чарующаго озера.

Это былъ небольшой городъ Капернаумъ. Онъ стоялъ у мягкихъ склоновъ холмовъ, въ мѣстности, которую можно назвать раемъ земнымъ [288]). Нигдѣ еще въ Палестинѣ не было такихъ деревьевъ и такихъ садовъ, какъ въ землѣ Геннисаретской. Самое названіе ея означаетъ «садъ изобилія» [289]), и безчисленные цвѣты, покрывающіе эту маленькую равнину, дѣлаютъ ее «видомъ подобной смарагду». Несомнѣнно, въ самый божественный планъ Христа отчасти входило то, чтобы начать свое служеніе именно въ такой прекрасной мѣстности; благовѣстіе, открывшее человѣчеству высочайшія упованія и чистѣйшія наслажденія, должно было впервые раздаться въ странѣ необыкновенно красивой. Мѣстность эта не поражаетъ ни особенной пышностью, ни колоссальностью; тутъ нѣтъ ни сумрака горъ, ни ихъ особеннаго великолѣпія; нѣтъ того «страшнаго величія», которое наполняетъ насъ трепетомъ, когда мы смотримъ на дымящіяся вершины вулкановъ или сверкающіе ледники сѣверныхъ горъ. Еслибы наша жизнь на землѣ состояла изъ бурныхъ и страшныхъ переворотовъ, тогда конечно удачнымъ для нея символомъ могла бы служить мѣстность, носящая слѣды потопа и разрушенія; но эти зеленѣющія пастбища и тихія воды, эти весело щебечущія птицы и цвѣтущіе олеандры, эта зыблющаяся поверхность свѣтлаго озера, вдвойнѣ восхитительнаго въ столь знойной странѣ, — все это какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ жизни простой и невинной, освѣжаемой обычными удовольствіями, которыя, подобно дождю и солнечному свѣту, доступны одинаково всѣмъ.

Когда путешественникъ, поднявшись изъ долины Голубиной, старается съ жадностью уловить первый блескъ Геннисарета, онъ видитъ передъ собой небольшое, въ видѣ арфы [290]), озеро — верстъ въ двадцать съ небольшимъ въ длину и десять верстъ въ ширину [291]). По ту

или восточную сторону его тянется зеленая полоса съ полверсты шириной, за которой поднимаются на высоту 900 футовъ надъ поверхностью озера откосы обнаженныхъ холмовъ, изрѣзанныхъ мрачными оврагами; на нихъ нѣтъ ни деревца, ни поселенія, ни вообще слѣда какой-нибудь обработки. Сюда-то часто удалялся Спаситель, когда послѣ тяжкихъ трудовъ хотѣлъ освѣжиться душой въ уединеніи съ Богомъ. Озеро, съ своими сверкающими водами и съ опушкой цвѣтущихъ олеандровъ, въ зеленыхъ вѣтвяхъ которыхъ блещутъ яркоголубыя крылья сизоворонки, а надъ зеркальной поверхностью во множествѣ носятся чайки, бросаясь на всякую неосторожно всплывающую рыбку,—лежитъ на днѣ большаго углубленія или бассейна, болѣе чѣмъ на 500 футовъ ниже уровня Средиземнаго моря [292]). Отсюда палящій и разслабляющій зной этой долины; но отсюда также и разнообразіе ея деревъ, плодородіе ея почвы, пышность ея растительности, богатство жатвы, созрѣвающей мѣсяцемъ раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и множество ручьевъ, стремящихся по склонамъ горъ къ озеру. Берега озера теперь почти совсѣмъ пустынны; за исключеніемъ маленькаго, видимо умирающаго и разлагающагося городка Тиверіады и ужасной деревни «Медждель» (древняя Магдала), дикость населенія которой лучше всего доказывается тѣмъ, что дѣти на улицахъ играютъ совершенно нагими,—на его нѣкогда густо населенныхъ берегахъ нѣтъ ни единаго обитаемаго мѣста [293]). Одна жалкая, заброшенная лодка,—да и той не всегда можно достать,—замѣнила нѣкогда богатый и многочисленный флотъ. Такъ какъ озеро все еще изобилуетъ рыбой, то это яснѣе всего доказываетъ отвратительную безпечность и полный упадокъ энергіи и предпріимчивости въ теперешнихъ обитателяхъ его береговъ. Но черты природы остаются все тѣ же. Озеро все еще неизмѣнно лежитъ въ нѣдрахъ холмовъ, подобно опалу, оправленному въ смарагды, отражая на себѣ всѣ свѣтовые переливы атмосферы; воды его все такъ же прекрасны въ своей прозрачности, какъ и тогда, когда лодка ап. Петра колыхалась на его зыблющихся волнахъ и Іисусъ задумчиво смотрѣлъ въ ихъ прозрачную глубь; чашеподобный бассейнъ все еще переполняется потоками солнечнаго свѣта; воздухъ еще дышетъ своимъ естественнымъ благоуханіемъ; горлица еще воркуетъ въ долинахъ и пеликанъ ловитъ рыбу въ волнахъ; повсюду тѣ же пальмы, зеленыя поля и журчащіе потоки;—только рядомъ съ ними угрюмо смотрятъ сѣрыя кучи развалинъ. Но насколько оно потеряло въ населеніи и оживленности, настолько же выиграло въ торжественности и интересѣ Еслибы всякій слѣдъ человѣческаго обитанія исчезъ съ его береговъ и только бы

унылый вой шакаловъ и гіенъ раздавался надъ разбросанными развалинами тѣхъ синагогъ, въ которыхъ нѣкогда училъ Христосъ, уже одно то, что Онъ избралъ окрестности этого озера мѣстомъ для начала своего общественнаго служенія [294]), будетъ придавать священный и трогательный смыслъ его пустыннымъ водамъ до конца временъ.

Общій видъ его однако же во времена Христа былъ совершенно иной, — онъ былъ гораздо болѣе поразителенъ и прекрасенъ, потому что мѣстность эта была болѣе населена и обработана. Іосифъ Флавій въ одномъ мѣстѣ восторженно говоритъ объ этомъ озерѣ и, описавъ восхитительную красоту его водъ и мягкость воздуха, богатство его пальмъ, виноградниковъ и смоковницъ, апельсинныхъ, миндальныхъ и гранатовыхъ деревъ и его теплые источники, говоритъ, что времена года какбы спорили за честь обладанія имъ и природа создала въ немъ какбы свое образцовое произведеніе, на которое она потратила всю свою мощь и всю силу [295]). Въ томъ, что эта равнина — «гордость природы» — принадлежала колѣну нефѳалимову, талмудисты видятъ

Пальмы и плоды Палестины.

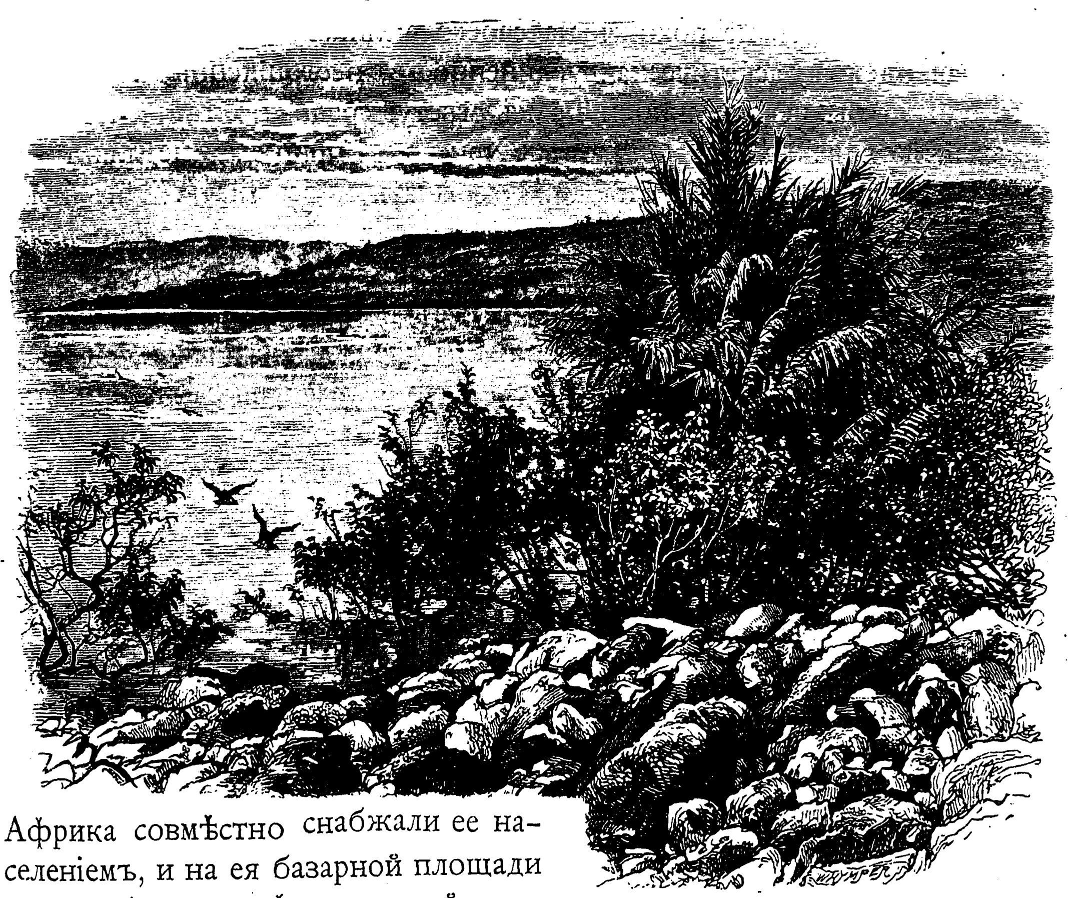
унылый вой шакаловъ и гіенъ раздавался надъ разбросанными развалинами тѣхъ синагогъ, въ которыхъ нѣкогда училъ Христосъ, уже одно то, что Онъ избралъ окрестности этого озера мѣстомъ для начала своего общественнаго служенія [294]), будетъ придавать священный и трогательный смыслъ его пустыннымъ водамъ до конца временъ.

Общій видъ его однако же во времена Христа былъ совершенно иной, — онъ былъ гораздо болѣе поразителенъ и прекрасенъ, потому что мѣстность эта была болѣе населена и обработана. Іосифъ Флавій въ одномъ мѣстѣ восторженно говоритъ объ этомъ озерѣ и, описавъ восхитительную красоту его водъ и мягкость воздуха, богатство его пальмъ, виноградниковъ и смоковницъ, апельсинныхъ, миндальныхъ и гранатовыхъ деревъ и его теплые источники, говоритъ, что времена года какбы спорили за честь обладанія имъ и природа создала въ немъ какбы свое образцовое произведеніе, на которое она потратила всю свою мощь и всю силу [295]). Въ томъ, что эта равнина — «гордость природы» — принадлежала колѣну нефѳалимову, талмудисты видятъ

Пальмы и плоды Палестины.

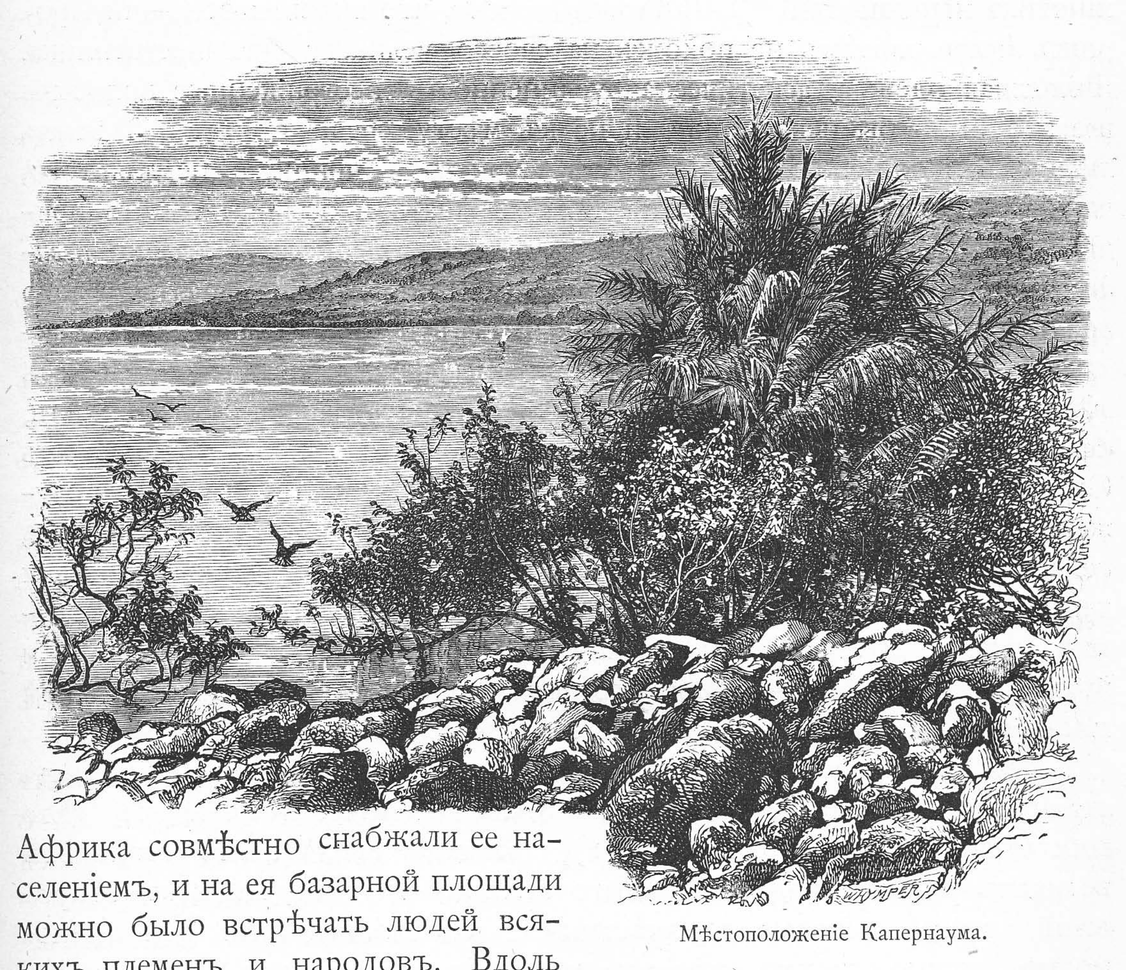
исполненіе Моисеева благословенія, по которому это колѣно будетъ «насыщено благоволеніемъ и исполнено благословенія Господня» (Втор. xxxiii, 23); вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ была пословица, истинная въ болѣе глубокомъ смыслѣ, чѣмъ они предполагали, именно, что «Богъ создалъ семь озеръ въ землѣ Ханаанской, но только одно—озеро Галилейское Онъ избралъ для Себя самого». Но не только по своей красотѣ, но и по своему серединному положенію, а также и по своей оживленной населенности оно удивительно было пригодно для начала того служенія, которое было исполненіемъ древняго пророчества Исаіи, что «земля Завулонова и земля Нефѳалимова, страна заіорданская, Галилея языческая» «увидятъ свѣтъ великій»; и что на тѣхъ, которые ходятъ «во тьмѣ и тѣни смертной, возсіяетъ свѣтъ». Христу надлежало быть даже во время своей земной жизни «свѣтомъ къ просвѣщенію язычниковъ», равно какъ и «славой народа своего Израиля». По окрестностямъ озера обитали самые разноплеменные народы, потому что это былъ «приморскій путь». «Города, говоритъ Іосифъ Флавій, лежатъ здѣсь очень густо и многочисленныя селенія такъ многолюдны вслѣдствіе плодородія страны..., что самыя малыя изъ нихъ имѣютъ болѣе 15,000 жителей» [296]). Населеніе здѣсь, прибавляетъ онъ, было живое, промышленное, съ дѣтства пріученное къ войнѣ, и обрабатывало всякую пядь своей богатой и прекрасной почвы. Цѣлыхъ четыре дороги вели къ берегамъ озера. Одна вела внизъ по Іорданской долинѣ, по западной сторонѣ; другая, перейдя мостъ на южной оконечности озера, шла черезъ Перею къ бродамъ Іордана близъ Іерихона; третья вела чрезъ Сепфорисъ, красивую столицу Галилеи, къ знаменитому порту Аккѣ на берегу Средиземнаго моря; четвертая лежала черезъ горы Завулонскія къ Назарету и черезъ долину Ездрилонскую къ Самаріи и Іерусалиму. Этою областью проходили большіе караваны на своемъ пути изъ Египта въ Дамаскъ, и язычники, во множествѣ обитавшіе въ Виѳсаидѣ Юліиной и Кесаріи Филипповой, должны были постоянно встрѣчаться на улицахъ Капернаума. Во времена Христа это была по своей населенности и оживленію промышленная область Палестины и по водамъ ея озера во всѣхъ направленіяхъ скользили 4,000 судовъ всякаго рода — отъ военныхъ кораблей римлянъ до неуклюжихъ рыбачьихъ лодокъ Виѳсаиды и золоченыхъ галеръ изъ дворца Иродова. Тутъ же подъ рукой были Итурея, Самарія, Сирія и Финикія,— стоило только переѣхать черезъ озеро, рѣку или горы. Тиверіада, основанная Иродомъ Антипой и названная въ честь царствующаго императора, столица Галилеи, выросла съ удивительною быстротою;

около того времени, когда Іоаннъ писалъ свое евангеліе, она уже передала свое имя самому озеру Галилейскому; и Христосъ, даже еслибы Ему никогда не приходилось вступать въ языческій амфитеатръ или на оскверненныя могилами [297]) улицы этого города, навѣрно часто издали видѣлъ его увѣнчанныя башнями стѣны, его укрѣпленный замокъ и «золотой дворецъ» Антипы, далеко бросавшій на озеро тѣни своихъ мраморныхъ львовъ и скульптурной колоннады [298]). Европа, Азія и


Мѣстоположеніе Капернаума.

Африка совмѣстно снабжали ее населеніемъ, и на ея базарной площади можно было встрѣчать людей всякихъ племенъ и народовъ. Вдоль всего западнаго берега Геннисаретскаго озера іудеи и язычники жили въ безпорядочномъ смѣшеніи, и дикихъ арабовъ пустыни тамъ можно было видѣть рядомъ съ предпріимчивыми финикіянами, изнѣженными сирійцами, высокомѣрными римлянами и льстивыми, коварными, испорченными греками.

Дни счастливаго уединенія въ долинѣ Назаретской уже миновали



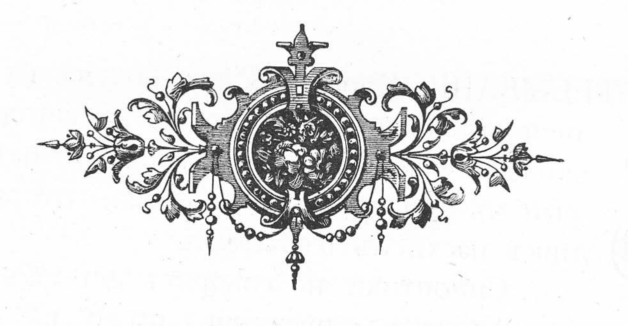
Мѣстоположеніе Капернаума.

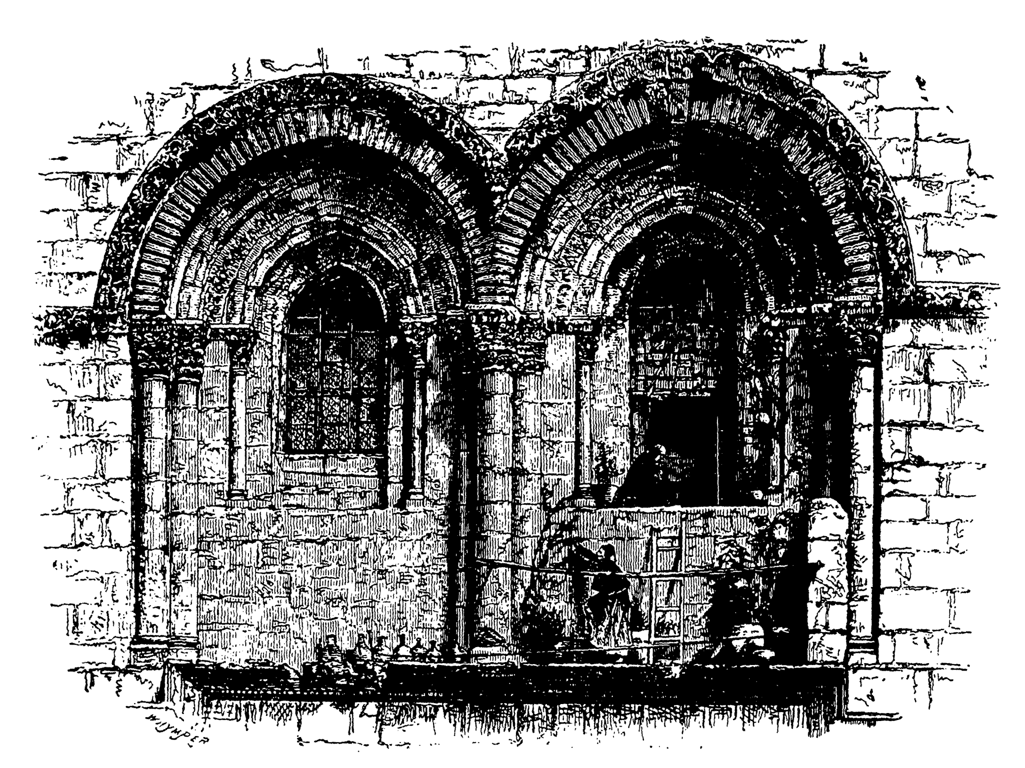
Африка совмѣстно снабжали ее населеніемъ, и на ея базарной площади можно было встрѣчать людей всякихъ племенъ и народовъ. Вдоль

теперь должна была начаться жизнь непрестаннаго труда, глубокихъ огорченій и безпокойствъ, путешествій и проповѣди, исцѣленій, благотворенія и борьбы съ врагами. При этомъ первомъ вступленіи на общественное служеніе Спаситель пробылъ въ Капернаумѣ немного дней; но эти дни должны были стать образцомъ для всей послѣдующей жизни. Онъ проповѣдывалъ въ іудейской синагогѣ, построенной римскимъ сотникомъ, и Его дѣла любви становились извѣстными людямъ многихъ народностей [299]). Всѣмъ было ясно, что вновь возставшій Пророкъ былъ совсѣмъ не похожъ на своего великаго предшественника. Волосяная одежда, аскетическая уединенность, нестриженные волосы— все это было бы невозможно и не къ мѣсту среди обитателей этихъ людныхъ и оживленныхъ береговъ. Христосъ пришелъ не для того, чтобы производить перевороты, но возвышать и освящать. Онъ пришелъ открыть, что Превѣчный не отдаленъ отъ насъ, а только *невидимъ;* что вѣчность не есть далекій океанъ, куда люди уносятся рѣкою времени, но что она обитаетъ посреди насъ и самая жизнь наша дѣйствительна лишь настолько, насколько мы сознаемъ значеніе для насъ вѣчности. Онъ пришелъ показать, что Богъ не туманная отвлеченность, безконечно отдаленная отъ насъ голубою далью неба, но Онъ есть Отецъ, въ которомъ мы живемъ, движемся и существуемъ, и что служеніе, которое Онъ любитъ, не есть обрядность и жертвоприношеніе, не есть пышная мелочность и презрительное правовѣріе, но милость и правда, смиреніе и любовь. Онъ пришелъ не для того, чтобы заглушить всякое ликованіе въ жизни людей, наполнить ее смятеніемъ и бурей, но чтобы вновь настроить всѣ сладостные звуки въ этой арфѣ тысячеструнной и привесть ее въ согласіе съ гармоніей неба.

При такомъ значеніи этой прекрасной страны въ жизни Христа страннымъ становится, что точное мѣстоположеніе Капернаума, «Его собственнаго города» (Матѳ. IX. 1), бывшаго свидѣтелемъ стольких великихъ чудесъ Его, слышавшаго столько Его величайшихъ откровеній, доселѣ остается неизвѣстнымъ. Съ достаточною основательностью можно полагать, что онъ находился на мѣстѣ *или* Хан-Миньехъ, *или* Телл-Хума: но гдѣ же именно? Оба эти города находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Виѳсаидой и Хоразиномъ; оба стоятъ у водъ озера Галилейскаго, оба лежатъ на «приморскомъ пути», притязанія того и другаго на тожество съ Капернаумомъ опираются на сильные аргументы, такъ что рѣшеніе въ пользу одного изъ нихъ встрѣчается съ трудностями, которыя доселѣ неразрѣшимы. Лично посѣтивъ эти

мѣстности и тщательно изучивъ на мѣстѣ многотомныя изслѣдованія по этому вопросу, мы думаемъ, что перевѣсъ склоняется на сторону Телл-Хума. Тамъ, на смѣло возвышающемся грунтѣ, усыпанномъ осколками бѣлаго мрамора, высятся разрушенныя стѣны зданія, которое могло быть синагогой, построенной въ цвѣтистомъ и сложномъ стилѣ Иродова вѣка; а кругомъ въ высокой травѣ и исполинскомъ репейникѣ разбросанно лежатъ остатки колоннъ и ихъ украшеній, доказывая, что на этомъ мѣстѣ нѣкогда стоялъ богатый и прекрасный городъ [300]). Въ Хан-Миньехѣ нѣтъ ничего, кромѣ простаго разрушеннаго каравансерая и сѣрыхъ насыпанныхъ кучъ, которыя и можно и нѣтъ считать мусоромъ развалинъ. Но какой бы изъ нихъ ни былъ мѣстомъ города, гдѣ находился домъ Петра, бывшій также и домомъ Христа (Матѳ. VIII, 14), оба они теперь пустынны; даже блуждающій бедуинъ какбы страшится этихъ древнихъ развалинъ, гдѣ ночью рыщутъ лисицы и шакалы. Надъ этимъ нѣкогда бойкимъ и цвѣтущимъ городомъ въ точности исполнилось грустное и торжественное предсказаніе Христа: «и ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься; ибо еслибы въ Содомѣ явлены были силы, явленныя въ тебѣ, то онъ оставался бы до сего дня» [301]).



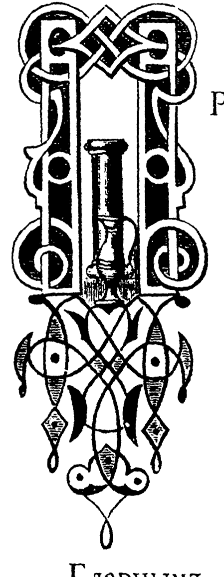


Окна церкви св. Гроба Господня.

ГЛАВА XIII.

ІИСУСЪ НА ПРАЗДНИКѢ ПАСХИ.

> Внезапно прійдетъ въ храмъ свой Господь, котораго вы ищете. *Малах.* III, 1.



РЕБЫВАНІЕ Христа въ Капернаумѣ на этотъ разъ было непродолжительно [302]), и очень возможно, что Онъ поджидалъ тамъ большаго каравана паломниковъ, который въ это время обыкновенно отправлялся на праздникъ пасхи въ Іерусалимъ.

Синоптики не говорятъ ни объ одномъ посѣщеніи Христомъ праздника пасхи на всемъ протяженіи Его жизни отъ двѣнадцатилѣтняго возраста до смерти [303]); и только Іоаннъ, вѣрный цѣли и особенности своего евангелія, говоритъ объ этой пасхѣ въ служеніи Христа и сообщаетъ нѣкоторыя подробности о томъ, что случилось въ теченіе ея [304]).

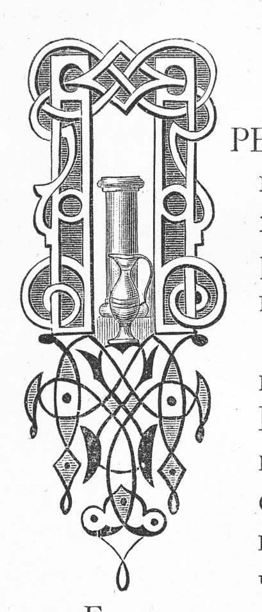
Главнымъ событіемъ, которымъ ознаменовалась она, было очищеніе храма, — хотя дѣло это оказалось столь недѣйствительнымъ для

Окна церкви св. Гроба Господня.

ГЛАВА XIII.

ІИСУСЪ НА ПРАЗДНИКѢ ПАСХИ.

Внезапно прійдетъ въ храмъ свой Господь, котораго вы ищете. *Малах.* III, 1.



РЕБЫВАНІЕ Христа въ Капернаумѣ на этотъ разъ было непродолжительно [302]), и очень возможно, что Онъ поджидалъ тамъ большаго каравана паломниковъ, который въ это время обыкновенно отправлялся на праздникъ пасхи въ Іерусалимъ.

Синоптики не говорятъ ни объ одномъ посѣщеніи Христомъ праздника пасхи на всемъ протяженіи Его жизни отъ двѣнадцатилѣтняго возраста до смерти [303]); и только Іоаннъ, вѣрный цѣли и особенности своего евангелія, говоритъ объ этой пасхѣ въ служеніи Христа и сообщаетъ нѣкоторыя подробности о томъ, что случилось въ теченіе ея [304]).

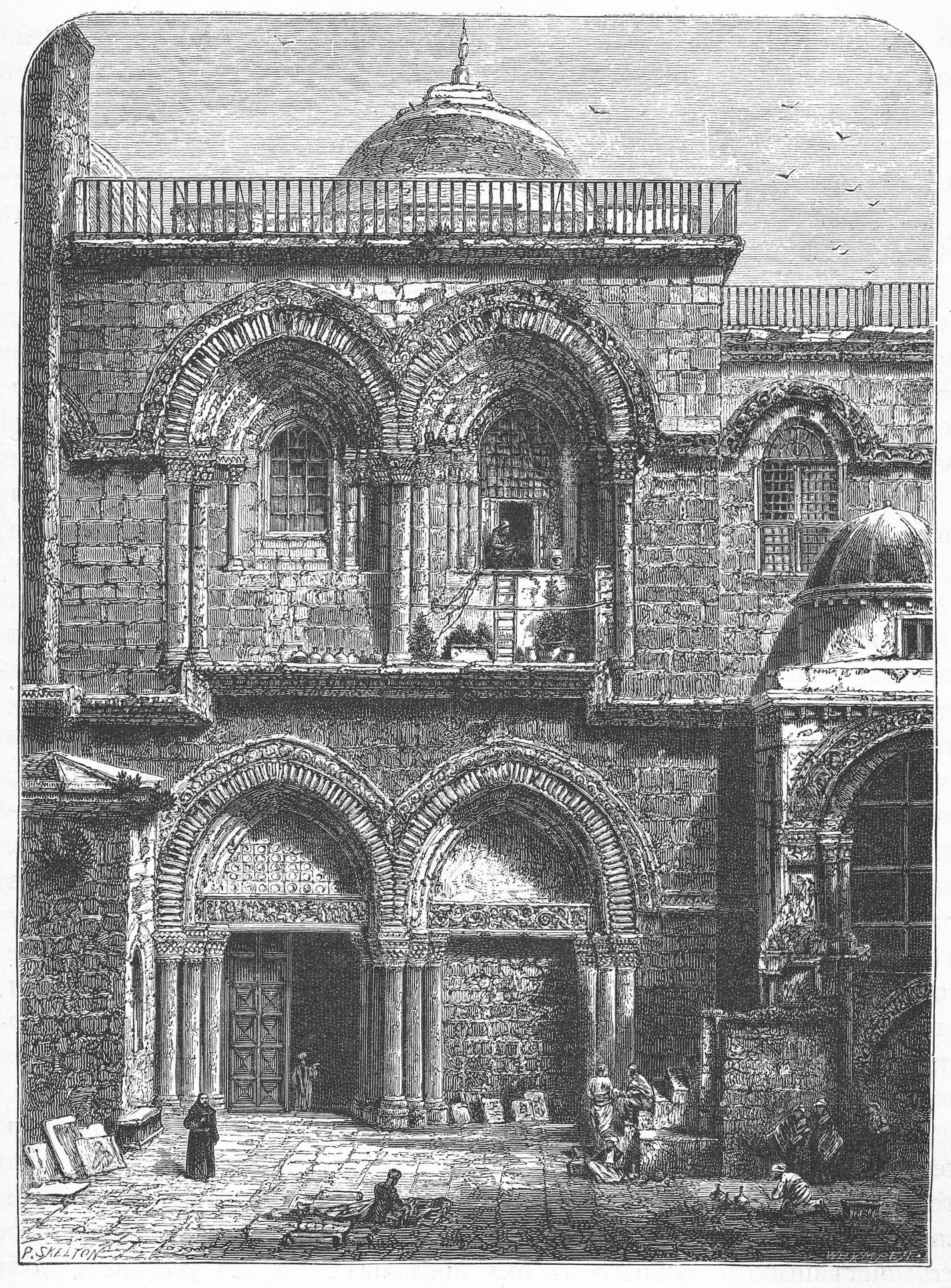
обузданія алчности, господствующаго порока іудеевъ, что Христосъ долженъ былъ въ еще болѣе строгой формѣ повторить его въ концѣ своего общественнаго служенія и только за четыре дня до смерти [305]).

Мы уже видѣли, какія громадныя толпы народа стекались въ святый городъ къ великому годовому празднику. Тогда, какъ и теперь, эти безчисленныя толпы паломниковъ всѣхъ странъ и пришельцевъ со всѣхъ концовъ міра приносили съ собою много религіозныхъ нуждъ и потребностей. И теперь при посѣщеніи Іерусалима, на пасху, ко входу въ храмъ гроба Господня приходится пробираться черезъ толпу продавцевъ иконъ, видовъ священныхъ мѣстъ и вообще предметовъ, могущихъ служить воспоминаніемъ о святомъ городѣ. Расположившись на землѣ, они занимаютъ все пространство передъ храмомъ и переполняютъ даже сосѣднія улицы. Гораздо многочисленнѣе и гораздо шумнѣе еще были покупатели и продавцы, которые запружали проходы, ведшіе къ храму, въ ту пасху, когда съ другими паломниками прибылъ въ Іерусалимъ и Христосъ [306]). Они продавали не только мелкія вещицы въ родѣ крестиковъ, иконъ, какъ это бываетъ теперь, но и воловъ, овецъ и голубей. По обѣимъ сторонамъ восточныхъ — Сузскихъ вратъ — до самаго притвора Соломонова стояли ряды лавокъ торговцевъ и столы мѣнялъ. Послѣдніе были почти необходимостью, потому что за двадцать дней до пасхи священники начинали собирать древнюю священную подать въ полсикля, которая ежегодно уплачивалась каждымъ израильтяниномъ, богатымъ и бѣднымъ, какъ денежный выкупъ за душу, и шла на издержки по служенію въ храмѣ (Исх. xxx, 11—16). Платить эту подать разной монетой, принесенной изъ разныхъ государствъ и состоявшей иногда просто изъ жалкихъ мѣдяковъ и бронзовыхъ жетоновъ, притомъ всегда оскверненной языческими символами и языческими надписями, считалось непозволительнымъ. Издалека еще можно было посылать такія деньги священникамъ, но всякій іудей, находившійся въ Іерусалимѣ, предпочиталъ уплачивать свою подать лично. Поэтому онъ обязанъ былъ достать требующуюся мелкую серебряную монету взамѣнъ своихъ ходячихъ денегъ, и мѣнялы брали съ него обычный *колбонъ* или пять процентовъ промѣна [307]).

Еслибы это торжище ограничивалось улицами, непосредственно прилегающими къ священному зданію, то оно было бы извинительно, хотя и не совсѣмъ благопристойно. Такія торжища, по свидѣтельству языческихъ писателей, происходили около храма Венеры на горѣ Эриксѣ и сирійской богини въ Іераполѣ, а въ новѣйшее время бывали и при

многихъ большихъ христіанскихъ храмахъ [308]). Но зло не ограничивалось этимъ. Примыкавшія къ двору язычниковъ обширныя помѣщенія и длинныя арки представляли слишкомъ сильное искушеніе для алчности іудеевъ. Изъ талмуда извѣстно, что нѣкто Бава Бен-Бута первый ввелъ три тысячи овецъ стадъ Кидаровыхъ въ «гору Дома», то-есть во дворъ язычниковъ, и значитъ въ освященные предѣлы храма [309]). Этому кощунственному примѣру быстро послѣдовали всѣ. *Хануйоты* лавочниковъ, мѣняльные лари ростовщиковъ постепенно проникли въ священную ограду. И вотъ на самомъ дворѣ язычниковъ, испуская паръ отъ жары знойнаго апрѣльскаго дня и наполняя зловоніемъ и нечистотой храмъ, тѣснились цѣлыя стада овецъ и воловъ [310]), около которыхъ шумно совершали свои сдѣлки скотопромышленники и паломники. Тутъ были торговцы съ большими плетеными клѣтками, наполненными голубями, а подъ тѣнью аркообразныхъ сводовъ, образуемыхъ четырьмя рядами коринѳскихъ колоннъ [311]), сидѣли мѣнялы у своихъ столовъ, уставленныхъ кучками различныхъ мелкихъ монетъ, и съ сверкающими отъ алчности глазами вели счеты и разсчеты своей гнусной торговли. И это входный дворъ ко храму Всевышняго! Дворъ, назначеніе котораго было свидѣтельствовать, что этотъ храмъ долженъ быть домомъ молитвы для всѣхъ народовъ, былъ превращенъ въ мѣсто, которое по неопрятности скорѣе походило на скотный загонъ и по торговой суматохѣ — на многолюдный базаръ. Мычаніе воловъ, блеяніе овецъ, вавилонское смѣшеніе языковъ, выкрикиваніе и споры торгашей, звонъ монетъ и бренчаніе вѣсовъ, къ тому же быть можетъ и не всегда вѣрныхъ — все это было слышно издалека и заглушало пѣніе левитовъ и молитвы священниковъ.

Исполненный праведнаго гнѣва при видѣ такого низкаго кощунства, пылая неудержимымъ и святымъ негодованіемъ, Іисусъ, войдя въ храмъ, сдѣлалъ бичъ изъ веревокъ, лежавшихъ на полу, и, чтобы очистить священный дворъ отъ его наибольшаго оскверненія, прежде всего выгналъ безъ разбора овецъ, воловъ и низкую толпу, занимавшуюся куплей-продажей ихъ [312]). Затѣмъ подойдя къ мѣняламъ, Онъ опрокинулъ ихъ столы, разсыпавъ тщательно разложенныя кучки разнородныхъ монетъ, владѣльцы которыхъ бросились искать и собирать ихъ по грязному полу. Онъ велѣлъ выдти даже продавцамъ голубей, хотя и не такъ строго; голуби были жертвою бѣдняка и присутствіе ихъ, какъ символовъ невинности и чистоты, менѣе оскорбляло и оскверняло храмъ; однако же и торговцамъ голубями Онъ властно сказалъ: «возьмите



Церковь Гроба Господня.

Древнее ўкрашеніе съ изображеніемъ христіанскихъ символовъ *).

это отсюда». Въ оправданіе своихъ дѣйствій Онъ обратился ко всей этой смятенной, злобно кричавшей о понесенныхъ убыткахъ, ропщущей толпѣ единственно только съ торжественнымъ укоромъ: «домъ Отца Моего не дѣлайте домомъ торговли» [313]). И ученики Его, видя этотъ порывъ вдохновеннаго и славнаго гнѣва, вспомнили, что нѣкогда писалъ Давидъ о служеніи этому самому храму: «ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ Меня» [314]).

Отчего же вся эта толпа невѣжественныхъ поклонниковъ не оказала никакого сопротивленія? Отчего эти алчные торгаши ограничились только мрачными угрозами и ропотомъ злословій, позволяя и себя, и своихъ овецъ, и воловъ выгонять на улицу, а деньги разбрасывать по полу какому-то молодому, неизвѣстному человѣку и притомъ въ одеждѣ презрѣннаго галилеянина? Да оттого же, отчего Саулъ позволилъ Самуилу поносить себя въ виду всего своего войска, отчего Давидъ униженно повиновался приказанію Іоава, отчего Ахавъ не осмѣлился схватить Илію у самыхъ воротъ виноградника Навуѳея! *Оттого, что грѣхъ есть слабость;* оттого, что въ мірѣ нѣтъ ничего безсильнѣе виновной совѣсти, нѣтъ ничего непобѣдимѣе смѣлаго порыва благочестиваго негодованія противъ всего низкаго и несправедливаго. Могли ли эти низкіе, святотатственные покупатели и продавцы, сознавая свою неправоту, противиться этому праведному укору или выдержать молніи этихъ очей, пылавшихъ изъ-за оскорбленной святыни? Когда священникъ Финеесъ, ревнуя о Господѣ Силъ, пронзилъ тѣло одного изъ начальниковъ колѣна Симеонова и мадіанитской женщины однимъ ударомъ своего копья, почему виновный израиль не отомстилъ этого убійства? Отчего всѣ въ колѣнѣ Симеоновомъ не сдѣлались *гоэлами* по отношенію къ этому смѣлому убійцѣ? Оттого, что порокъ ни на мгновеніе не можетъ выстоять передъ поднятой дланью добродѣтели. При всей своей низости и подлости, іудеи-мѣнялы всетаки чувствовали въ томъ уголкѣ своего сердца, который еще не былъ изъѣденъ алчностью и кощунствомъ, что Сынъ человѣческій былъ правъ.

Мало того, даже священники и фарисеи, книжники и левиты, при всей своей гордости и закоснѣлости въ формализмѣ, не могли осуждать этого поступка, еслибы онъ совершенъ былъ какимъ-нибудь Нееміей или Іудой Маккавеемъ, такъ какъ онъ былъ согласенъ со всѣмъ, что есть чистѣйшаго и лучшаго въ ихъ преданіяхъ [315]). Но услышавъ объ этомъ дѣлѣ или лично видѣвъ его теперь, они, оправившись отъ охватившаго ихъ смѣшаннаго чувства одобренія, порицанія и изумленія,

подошли къ Іисусу и, не смѣя прямо осуждать того, что Онъ сдѣлалъ, всетаки съ нѣкоторымъ негодованіемъ стали требовать у Него какого-нибудь знаменія въ доказательство своего права поступать такъ [316]).

Капитель колонны въ Іерусалимѣ.

Отвѣтъ Спасителя въ его полномъ значеніи былъ гораздо выше ихъ разумѣнія, а тотъ смыслъ, въ какомъ они его поняли, поразилъ ихъ тупымъ ужасомъ гнѣвнаго изумленія. «Разрушьте, сказалъ Онъ, храмъ сей [317]), и Я въ три дня воздвигну его».

Разрушьте этотъ храмъ! — храмъ, на который знаменитый своимъ богатствомъ и величіемъ царь потратилъ столько средствъ и тѣмъ почти задавилъ іудеевъ невыносимыми налогами; храмъ, для построенія кото-

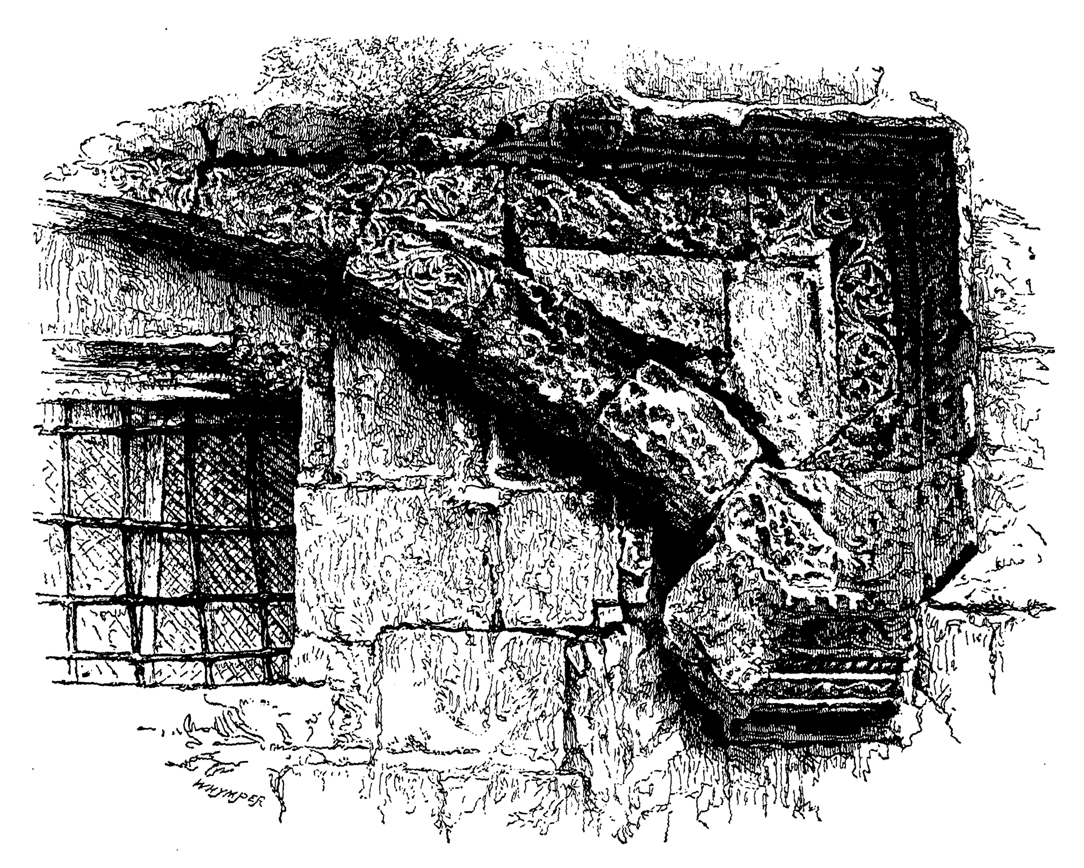
Капитель колонны въ Іерусалимѣ.

раго требовалась цѣлая тысяча подводъ, десять тысячъ рабочихъ и тысяча священниковъ, въ священныхъ одеждахъ клавшихъ камни, уже вытесанные рабочими; храмъ, который по своему исполинскому мраморному фундаменту, по своей богатой мозаикѣ, по своему благовонному строевому лѣсу, по блистающимъ кровлямъ, по золотой виноградной лозѣ съ рѣзными гроздами, украшавшими входныя врата, по вышивнымъ занавѣсамъ, вытканнымъ пурпурными цвѣтами, по обилію въ немъ серебра, золота и драгоцѣнныхъ камней — былъ однимъ изъ чудесъ свѣта[318]). Сорокъ шесть лѣтъ строился онъ и еще далеко былъ не оконченъ; а этотъ неизвѣстный галилеянинъ говоритъ имъ: «разрушьте» его, и Онъ въ три дня опять его воздвигнетъ! Такой буквальный и очевидно ложный смыслъ придали они Его словамъ, хотя изъ примѣра великихъ пророковъ могли бы видѣть, что въ знаменіи, которое Онъ далъ имъ, скрывалась болѣе глубокая тайна (Ис. VII, 11, 14 и др.).

Какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное этими словами, лучше всего доказываетъ то, что спустя болѣе трехъ лѣтъ Его обвинители и лжесвидѣтели старались больше всего на основаніи этого именно Его изреченія доказать Его виновность, и даже жалкій разбойникъ на самомъ крестѣ больше всего поносилъ Его именно этимъ. Правда, они принуждены были вполнѣ извратить эти слова и обвинять Его въ томъ, будто Онъ говорилъ: «могу *разрушить* храмъ Божій» (Матѳ. XXVI, 61), или Я *разрушу* храмъ сей рукотворенный и чрезъ три дня воздвигну другой» (Марк. XIV, 58). Спаситель никогда не употреблялъ этихъ выраженій, и лжесвидѣтельство ихъ было такъ самопротиворѣчиво, что падало само собой. Но они хорошо знали, что этой попыткой придать политическій и мятежный смыслъ тому, что Онъ говорилъ, лучше всего можно было разъярить судей, къ которымъ Онъ былъ приведенъ; она была такъ пригодна для этой цѣли, что простой отдаленный отголосокъ этихъ самыхъ словъ былъ главною причиною смерти и первомученика Стефана (Дѣян. VI, 14).

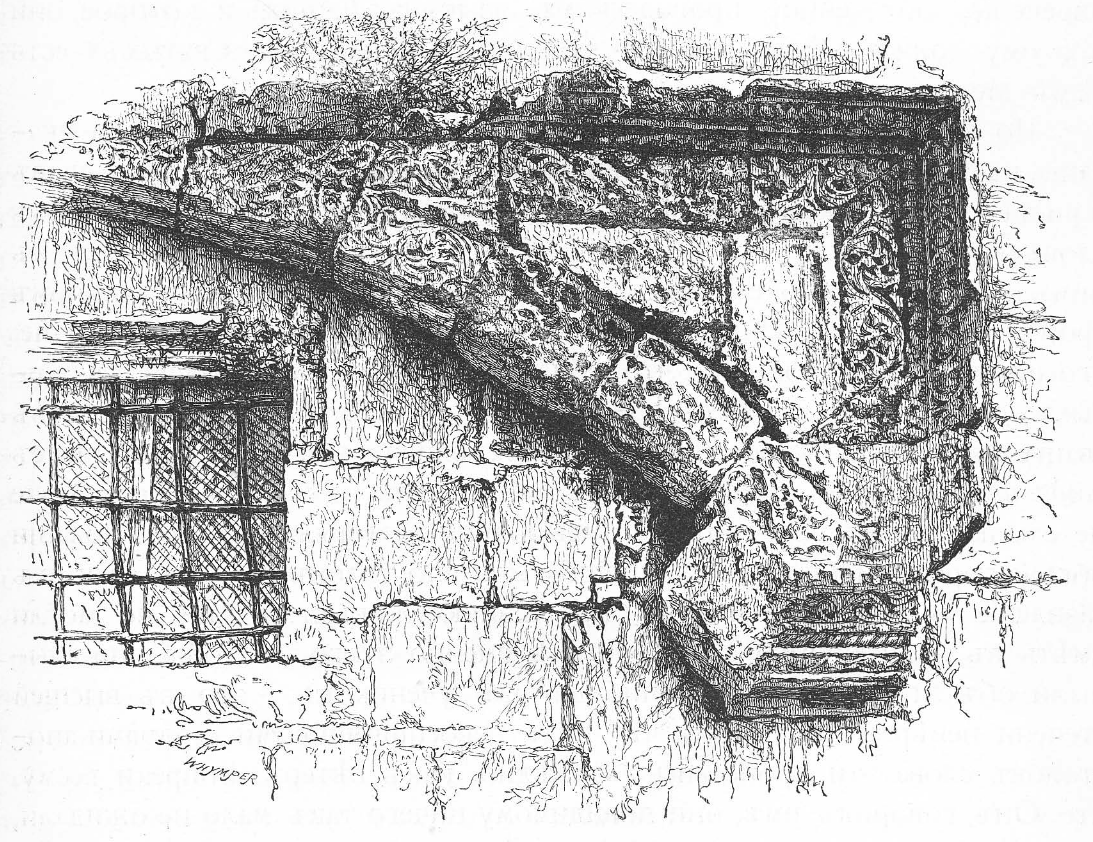
«А Онъ говорилъ о храмѣ тѣла своего», замѣчаетъ ев. Іоаннъ и прибавляетъ, что только уже по воскресеніи ученики Его вполнѣ поняли эти слова. И неудивительно, потому что они заключали въ себѣ глубочайшій смыслъ. Дотолѣ былъ только одинъ храмъ истиннаго Бога, тотъ храмъ, который они видѣли передъ собою, — храмъ, знаменовавшій и по крайней мѣрѣ однажды, какъ вѣровали іудеи, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ шехину или облако славы, которое было живымъ свидѣтель-

ствомъ присутствія Божія въ мірѣ. Но теперь Духъ Божій обиталъ въ храмѣ нерукотворенномъ, въ священномъ тѣлѣ Сына Божія, ставшаго плотію. Онъ обиталъ между нами, «имѣлъ скинію подобно нашей и изъ того же вещества». Но даже и это становилось ненужнымъ. Съ великой пятидесятницы, три года спустя, и отселѣ на вѣки Духъ Божій сталъ предпочитать «всѣмъ храмамъ сердце правое и чистое». Всякій христіанинъ въ своемъ смертномъ тѣлѣ долженъ былъ стать храмомъ



Рѣзная арка въ Іерусалимѣ.

Духа Божія. Это главнѣйшая истина и высочайшее преимущество новаго завѣта; это было существенною цѣлью всего служенія Христа, и чтобы яснѣе показать ее для насъ, «Онъ долженъ былъ опять удалиться». Понятно, что для плотскаго ума, который ходитъ видѣніемъ, а не вѣрой, ничего не могло быть изумительнѣе, — для фарисейскаго духа, льнущаго къ матерьяльности, ничего оскорбительнѣе, какъ та высокая истина, что этотъ священный храмъ въ Іерусалимѣ отселѣ не будетъ больше



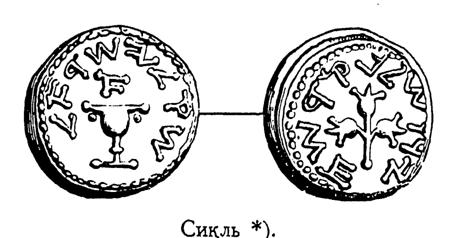
Рѣзная арка въ Іерусалимѣ.

пользоваться особеннымъ преимуществомъ мѣста, куда люди должны стекаться на поклоненіе небесному Отцу, и что въ дѣйствительности онъ уже пересталъ быть истиннымъ храмомъ. Но они могли, еслибы только хотѣли, имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, что собственно разумѣлъ Христосъ. Они навѣрно знали, что голосъ Іоанна провозгласилъ Его Мессіей; они могли легко понять сказанное послѣ Имъ самимъ, что «здѣсь есть Тотъ, Кто больше храма»; они могли бы вникнуть въ замѣчательное изреченіе одного раввина изъ своей собственной среды,— изреченіе, облеченное пророческимъ языкомъ Даніила и которое они поэтому должны были знать, – что истинный «Святый Святыхъ» есть Самъ Мессія.

Но на самомъ дѣлѣ есть случайное, но глубокознаменательное указаніе на то, что они глубже понимали дѣйствительный смыслъ словъ Христа, чѣмъ показывали это. Все еще раздумывая объ этихъ самыхъ словахъ, — первыхъ, съ которыми Христосъ открыто обращался къ нимъ, — они, когда уже Іисусъ былъ мертвъ и погребенъ въ каменномъ гробѣ, пришли къ Пилату и сдѣлали ему замѣчательное заявленіе: «господинъ, мы вспомнили, что обманщикъ тотъ, еще будучи въ живыхъ, сказалъ: послѣ трехъ дней воскресну». Въ дѣйствительности въ евангельскомъ повѣствованіи нѣтъ ни малѣйшаго указанія, чтобы Іисусъ *когда-нибудь* прямо говорилъ имъ объ этомъ; и если только они не не слышали этого изреченія отъ Іуды или не повторяли его на основаніи общей народной молвы, исходившей отъ апостоловъ, то-есть, если ихъ заявленіе «мы вспомнили» не было явною ложью, то они не могли имѣть въ виду другаго случая, кромѣ именно этого. А чтобы они слышали объ этомъ отъ кого-нибудь изъ учениковъ — это въ высшей степени невѣроятно, потому что надъ невоспріимчивыми сердцами апостоловъ слова эти пронеслись безслѣдно, какъ вѣтеръ. Вопреки всему, что Онъ говорилъ имъ, они повидимому ничего такъ мало не ожидали, какъ Его смерти, а тѣмъ менѣе послѣдовавшаго за нею воскресенія. Какимъ же образомъ священники и фарисеи могли лучше понимать, что̀ разумѣлъ Спаситель, чѣмъ самые Его ученики? А потому, что они не были, подобно апостоламъ, людьми любящими, невинными и простосердечными; несмотря на все знаніе и проницательность, сердца ихъ уже были полны ненависти и вражды, которыя закончились убіеніемъ Христа и навлекли вину въ Его крови на нихъ и на чадъ ихъ.

Но въ этихъ словахъ заключался еще и другой смыслъ, правда столь же непріятный для ихъ предразсудковъ, но тѣмъ не менѣе глу-

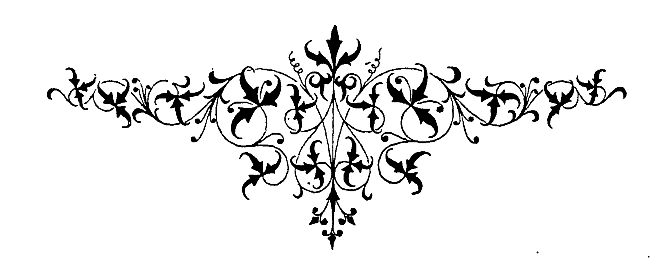
боконазидательный и болѣе доступный ихъ разумѣнію. Храмъ былъ самымъ сердцемъ всего Моисеева закона, главнымъ средоточіемъ всей левитской обрядности. Оскверняя этотъ храмъ и терпя въ немъ кощунство, дозволяя Тому, кого имъ хотѣлось считать только бѣднымъ галилейскимъ учителемъ, совершить очищеніе его, чего — изъ нерадивости, своекорыстія, или боязни — не рѣшались попытаться сдѣлать ни Каіафа, ни Анна, ни Гиллель, ни Шаммаи, ни Гамаліилъ, ни Иродъ, — не разрушали ли они тѣмъ самымъ, такъ сказать, этого храма, не отмѣняли ли они этого закона, свидѣтельствуя самыми дѣйствіями своими, что для нихъ уже исчезло ихъ дѣйствительное значеніе? «Кончайте же» [319]), какбы такъ говорилъ Спаситель въ духѣ пророчества и вмѣстѣ позволенія, «кончайте безъ отлагательства это ваше дѣло разрушенія: въ три дня Я, какъ воскресшій Искупитель, воздвигну нѣчто лучшее и большее, не вещественный храмъ, а церковь живу». Таковъ повидимому смыслъ, который св. Стефанъ видѣлъ въ этихъ словахъ. Такой смыслъ во многихъ мѣстахъ раскрывается съ безподобною логикою и увлеченіемъ въ посланіяхъ ап. Павла. Но къ этому и всякому другому значенію они были глухи, тупы и слѣпы. Они отошли молча, мрачные и недовольные, подозрѣвая истинное рѣшеніе, но равнодушные къ нему, не зная вполнѣ истиннаго смысла, но слишкомъ надменные и слишкомъ злобные, чтобы просить разъясненія.



Сикль *).

*) Изображенный здѣсь сикль принадлежитъ къ тому классу, который лучшіе знатоки нумизматики относятъ ко времени Ездры книжника. На одной сторонѣ его изображенъ сосудъ съ манной, и надъ нимъ финикійская буква F (самаританскій *алефъ*) означаетъ *первый* годъ его правленія (457 г. до Р. Х.); вокругъ его надпись самаританскими буквами: «Сикль израильскій», окруженная бусообразнымъ ободкомъ. На оборотной сторонѣ условное изображеніе жезла Ааронова съ распускающимися на немъ миндальными цвѣтами, и вокругъ его слова: «Іерусалимъ Святой». Противоположность между чрезвычайной простотой этой іудейской монеты и красотой какъ въ рисункѣ, такъ и въ чеканкѣ современныхъ монетъ сосѣднихъ странъ — Греціи, Египта и Киренъ — изумительна. Трудно вообразить, чтобы могла чеканиться такая грубая монета въ то самое время, когда греческое искусство приближалось къ своему зениту во дни Перикла. Экземпляръ, съ котораго снято это изображеніе, найденъ былъ вмѣстѣ съ сотнею другихъ монетъ, близъ Іерихона, весной 1874 года.

Какія чудеса совершалъ Іисусъ при этомъ случаѣ, мы не знаемъ. Извѣстно только, что они заставили иныхъ увѣровать въ Него; но это еще не была такая вѣра, на которую можно было полагаться. Въ простомъ свидѣтельствѣ ихъ о себѣ Онъ не нуждался, а сердца ихъ, какъ Онъ зналъ по божественной прозорливости, еще не были тронуты Его ученіемъ и потому были холодны и пусты, коварны и ложны (Іоан. II, 23—25).



Берега рѣки Іордана.

ГЛАВА XIV.

НИКОДИМЪ.

Учитель Израилевъ. Іоан. III, 10.

ИЗВѢСТНАЯ каста или секта можетъ въ большинствѣ своемъ состоять изъ надменныхъ фанатиковъ и упорныхъ изувѣровъ; но было бы странно, еслибы между ними не нашлось исключеній изъ общаго правила; странно, еслибы честность, искренность, воспріимчивость къ добру совершенно замерли во всѣхъ ихъ. Даже между начальниками, книжниками, фарисеями и богатыми членами синедріона Христосъ находилъ вѣрующихъ людей и послѣдователей. Первымъ и наиболѣе замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Никодимъ, богатый человѣкъ, одинъ изъ начальниковъ іудейскихъ, фарисей и членъ синедріона [320]).

Во всемъ, что ни говорится въ евангеліяхъ о Никодимѣ, замѣчается врожденная ему робость, — робость, которой онъ не могъ совершенно побороть даже при своемъ искреннемъ желаніи сблизиться

Берега рѣки Іордана.

ГЛАВА XIV.

НИКОДИМЪ.

Учитель Израилевъ. Іоан. III, 10.

ЗВѢСТНАЯ каста или секта можетъ въ большинствѣ своемъ состоять изъ надменныхъ фанатиковъ и упорныхъ изувѣровъ; но было бы странно, еслибы между ними не нашлось исключеній изъ общаго правила; странно, еслибы честность, искренность, воспріимчивость къ добру совершенно замерли во всѣхъ ихъ. Даже между начальниками, книжниками, фарисеями и богатыми членами синедріона Христосъ находилъ вѣрующихъ людей и послѣдователей. Первымъ и наиболѣе замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Никодимъ, богатый человѣкъ, одинъ изъ начальниковъ іудейскихъ, фарисей и членъ синедріона [320]).

Во всемъ, что ни говорится въ евангеліяхъ о Никодимѣ,

съ Тѣмъ, кого онъ признавалъ за пророка, если даже и не видѣлъ въ Немъ обѣтованнаго Мессіи. Даже тѣ немногія слова, которыя онъ высказалъ съ цѣлью предостеречь своихъ сочленовъ отъ грубой несправедливости, предусмотрительно опирались на общія соображенія, и не выдаютъ указанія на его личную вѣру въ галилеянина, котораго ненавидѣла его секта. И даже когда сила любви Христовой, проявленной на крестѣ, сдѣлала самыхъ робкихъ учениковъ смѣлыми, Никодимъ не выказывалъ чувствъ своей преданности до тѣхъ поръ, пока не поданъ былъ примѣръ другимъ человѣкомъ, по своему богатству и положенію принадлежавшимъ къ одному съ нимъ обществу [321]).

Таковъ былъ раввинъ, который съ смѣшаннымъ чувствомъ искренности и страха, отличающимъ его во всемъ, что намъ извѣстно о немъ, пришелъ къ Іисусу, но пришелъ съ осторожностью, ночью. Ему хотѣлось узнать побольше объ этомъ молодомъ галилейскомъ пророкѣ, котораго онъ по своей честности не могъ не признать пришедшимъ отъ Бога, но въ то же время считалъ себя слишкомъ важнымъ лицомъ въ своей сектѣ, чтобы унижать свое достоинство и быть можетъ даже подвергать себя опасности открытымъ Его посѣщеніемъ.

Самъ онъ описывается только въ нѣсколькихъ чертахъ, и то только благодаря тому высокому ученію, котораго удостоилъ Его Христосъ; несмотря на это, характеръ и личность его оставляютъ по себѣ неизгладимое и безподобно ясное впечатлѣніе, недоступное никакому вымыслу. Самое первое его замѣчаніе показываетъ непрямоту его души: онъ скорѣе намекаетъ, чѣмъ ясно излагаетъ, чего онъ хочетъ; полупокровительственно хочетъ спросить, но въ то же время робко уклоняется отъ прямаго вопроса; допускаетъ, что Іисусъ «пришелъ отъ Бога», но въ то же время считаетъ Его просто только «учителемъ» и съ нерѣшительностью спрашиваетъ, что же ему дѣлать.

Спаситель видѣлъ его сердце и, избѣгая всякихъ формальностей или предварительныхъ разсужденій, прямо обратился къ нему съ торжественною, поразившею его, рѣчью: «истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится опять (или выше) [322]), не можетъ увидѣть царствія Божія». Мой ученикъ долженъ быть Моимъ всѣмъ сердцемъ и душей, или онъ не ученикъ совсѣмъ; вопросъ не въ томъ, что дѣлать или не дѣлать, а въ томъ, чѣмъ *быть*.

Отвѣтъ этотъ заставилъ глубоко задуматься Никодима, но, подобно и іудеямъ въ предъидущей главѣ (II, 20), онъ или не могъ, или не хотѣлъ понять его полнаго значенія. Онъ предпочитаетъ съ видомъ

удивленнаго совопросника играть буквальнымъ значеніемъ словъ, которыя онъ истолковываетъ въ ихъ физическомъ и невозможномъ смыслѣ. Но Іисусъ не обращаетъ вниманія на эту простую логомахію, Онъ только проливаетъ новый свѣтъ на свое прежнее изреченіе. Онъ говорилъ не о плотскомъ рожденіи, но о духовномъ возрожденіи, о которомъ никто не можетъ сказать, когда и какъ оно совершается, все равно какъ никто не можетъ сказать, откуда дунулъ этотъ ночной вѣтерокъ, что прошумѣлъ и утихъ, пробѣжавъ по палаткѣ, въ которой сидѣли они [323]); и это рожденіе должно совершиться водою и Духомъ, то-есть какъ очищеніе и обновленіе, какъ внѣшній символъ и внутренняя благодать, какъ смерть грѣху и новое рожденіе въ праведность.

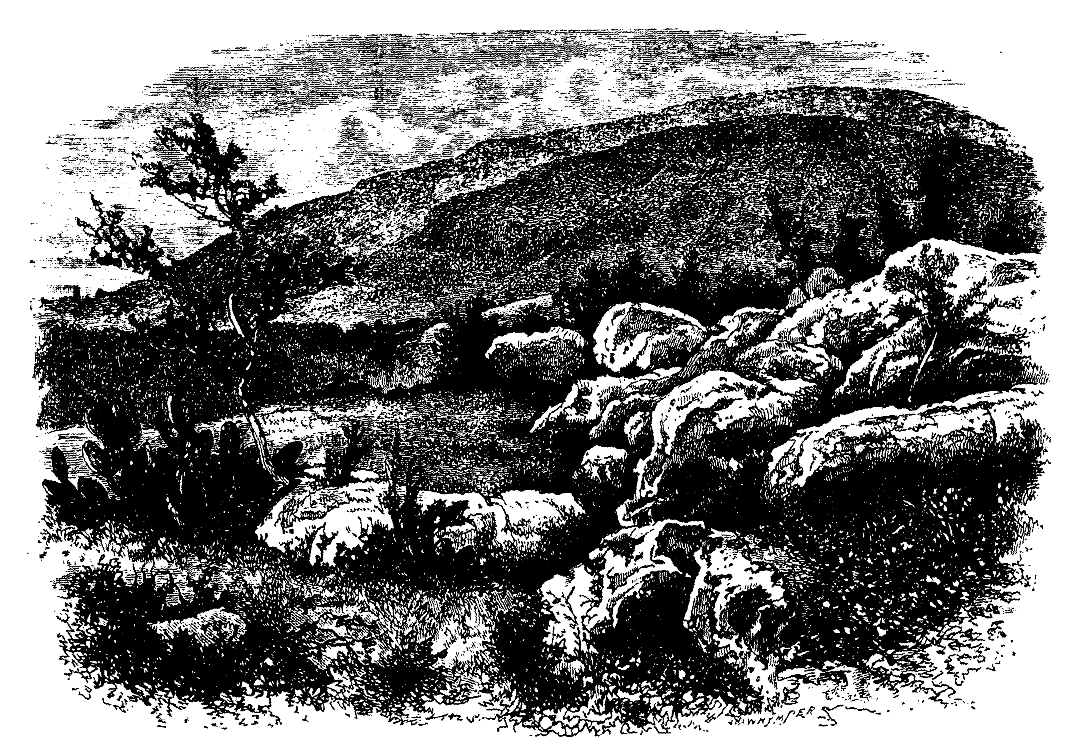
Никодимъ могъ отвѣтить только выраженіемъ крайняго недоумѣнія. Язычникъ могъ нуждаться въ новомъ рожденіи, когда его допускали къ общенію съ іудеями; а онъ, сынъ Авраама, раввинъ, ревностный блюститель закона, могъ ли *онъ* нуждаться въ этомъ новомъ рожденіи? Какъ это можетъ быть?—«Ты учитель (ὁ διδάσκαλος) израилевъ, и этого ли не знаешь» [324])? сказалъ ему Іисусъ. Ты третій членъ въ синедріонѣ, *хакамъ* или мудрецъ, и не знаешь этого перваго, простѣйшаго урока, необходимаго въ приготовленіи къ царству небесному? Если твое знаніе такое плотское, такое ограниченное, если ты спотыкаешься на порогѣ, какъ можешь ты понять тѣ глубочайшія истины, которыя можетъ открывать только пришедшій съ неба? — Христосъ сказалъ это съ нѣкоторою грустью и укоризной, но затѣмъ продолжалъ открывать этому «учителю израилеву» еще болѣе великія и необычайныя вещи; говорилъ о спасеніи человѣка, которое дѣлается возможнымъ черезъ страданія и вознесеніе Сына человѣческаго [325]), о любви Бога, явленной Имъ въ посланіи своего единороднаго Сына не для того, чтобы судить, но спасать [326]); о прощеніи всѣхъ чрезъ вѣру въ Него и объ осужденіи, долженствующемъ постигнуть тѣхъ, которые съ злобнымъ упорствомъ отвергаютъ возвѣщенныя Имъ истины. Таковы были тайны царства небеснаго, истины неслыханныя прежде, а теперь явно открытыя. Онѣ разрушали всѣ прежнія убѣжденія, ниспровергали всѣ ближайшія надежды престарѣлаго вопрошателя; чтобы постигнуть новыя истины, ему нужно было забыть все, чѣмъ онъ дотолѣ жилъ въ своей духовной жизни и что усвоилъ съ дѣтства. Тѣмъ не менѣе, мы знаемъ изъ послѣдующаго, что онѣ глубоко запали въ его душу. Съ теченіемъ бесѣды конечно ночь сумрачнѣе надвинулась кругомъ, и въ достопамятныхъ словахъ о свѣтѣ и тьмѣ, которыми закончилась бесѣда, Іисусъ

кротко упрекнулъ великаго раввина въ робости, заставившей его прикрываться полночнымъ мракомъ для дѣла, которое не было дѣломъ тьмы, нуждающимся въ сокрытіи, а было стремленіемъ къ истинѣ и свѣту.

Какіе уроки были преподаны или какія знаменія совершены Христомъ въ теченіе остальныхъ дней первой пасхи, въ евангеліяхъ не сообщается никакихъ дальнѣйшихъ подробностей. Встрѣтивъ упорное и тупоумное противодѣйствіе, Спаситель оставилъ Іерусалимъ и пошелъ съ учениками своими въ «землю іудейскую», вѣроятно къ берегамъ Іордана, потому что тамъ, какъ повѣствуетъ ев. Іоаннъ, ученики Его начали крестить [327]). Крещеніе это, какъ отдаленное предзнаменованіе будущаго таинства, Христосъ повидимому скорѣе просто допускалъ, чѣмъ прямо установилъ. Это еще было время приготовленія; доселѣ служеніе Его было еще отрывочнымъ и Онъ, такъ сказать, только пытался выступить на него открыто. Въ наукѣ было много тонкихъ и глубокомысленныхъ попытокъ объяснить сущность и значеніе крещенія, совершавшагося учениками. Ничего однако же не найдено такого, что̀ пролило бы дальнѣйшій свѣтъ на этотъ предметъ, и можно только думать, что Іисусъ допускалъ на время этотъ простой и прекрасный обрядъ, какъ знакъ ученичества и какъ народный символъ желанія того очищенія сердца, которое было необходимо для всѣхъ, хотящихъ войти въ царство небесное.

Іоаннъ Креститель также продолжалъ еще совершать свое крещеніе покаянія. Тутъ опять приходится встрѣтиться съ важнымъ и таинственнымъ затрудненіемъ, и наука должна была заняться тщательнымъ изслѣдованіемъ вопроса объ отношеніи между крещеніемъ Христа и Іоанна. Но ничего цѣннаго не было достигнуто также и этимъ изслѣдованіемъ [328]). Такъ какъ полная дѣятельность общественнаго служенія Христова еще въ сущности не начиналась, то крещеніе учениковъ нужно считать еще символомъ покаянія и чистоты. Кто сознаетъ, въ какой тѣсной связи съ покаяніемъ находится невинность и какое глубокожизненное дѣло составляетъ оно, тому не будетъ удивительно, что первою проповѣдью Іисуса, какъ и Іоанна, было: «покайтесь, ибо приблизилось царство небесное» (Матѳ. XVIII, 3; Марк. I, 15). Время приготовленія и предварительнаго испытанія еще не кончилось; правда, оно близилось къ концу, и это крещеніе учениковъ было именно переходомъ къ открытію Его полнаго общественнаго служенія. А то обстоятельство, что Іоаннъ уже не проповѣдывалъ болѣе въ пустынѣ и не крестилъ въ Виѳаніи, а нашелъ необходимымъ оставить мѣсто своего кратковременнаго торжества и пророческой славы, явно показывало, что

блескъ этой звѣзды уже погасалъ передъ зарею евангелія. Смиренный духъ Іоанна (во всѣхъ словахъ котораго слышится глубокій оттѣнокъ грусти) въ полной покорности волѣ Божіей примирился съ судьбой, заставившей его прервать свою кратковременную миссію. Онъ удалился въ Енонъ, близъ Салима, мѣстность столь неизвѣстную, что касательно ея рѣшительно нельзя сказать чего-нибудь положительнаго [329]). Нѣкоторые еще приходили креститься къ нему, хотя вѣроятно въ меньшемъ количествѣ, потому что большинство теперь начало стекаться для принятія крещенія отъ учениковъ Христа. Но низкая зависть, которая не могла омрачить озаренной души предтечи, нашла себѣ мѣсто въ сердцахъ его послѣдователей. Неизвѣстно, долго ли таилась она, но открыто обнаружилась во время спора, возникшаго вслѣдствіе того, что два великихъ учителя, изъ которыхъ одинъ свидѣтельствовалъ о другомъ, какъ объ обѣтованномъ Мессіи, оба крестили множество народа, несмотря на то, что синедріонъ и всѣ предержащія власти въ народѣ отвергали ихъ право на то. Какой-то іудей [330]) досаждалъ ученикамъ Іоанна споромъ объ очищеніи и они излили свои оскорбленныя чувства въ жалобѣ своему великому учителю: «Равви, Тотъ, который былъ съ тобою при Іорданѣ и о которомъ ты свидѣтельствовалъ [331]), вотъ Онъ креститъ, и всѣ идутъ къ Нему». Преднамѣренное опущеніе имени, тонъ раздраженности на то, что казалось имъ дерзкимъ нарушеніемъ чужаго права, едва сдерживаемая досада на счастливаго соперника тому, слова котораго одно время глубоко потрясали сердца людей, — все это явно слышалось въ этой жалобной рѣчи. Но въ благородномъ отвѣтѣ на нее блистательно выразилось все свойственное Іоанну величіе. Онъ не могъ поддерживать соперничества, которое было бы вѣроломствомъ по отношенію къ его глубочайшимъ убѣжденіямъ, измѣной его собственному торжественному и открытому свидѣтельству. Единственный источникъ всѣхъ человѣческихъ дарованій есть Богъ, и предъ лицомъ Его не можетъ быть никакого человѣческаго величія. Іоаннъ напомнилъ своимъ ученикамъ о своемъ клятвенномъ завѣреніи, что Онъ не Христосъ, а только провозвѣстникъ Его, не самый женихъ, а только другъ жениха, и сердце его теперь только радовалось, слыша голосъ жениха. Отнынѣ ему должно было умаляться; но онъ былъ доволенъ и тѣмъ, что его слабый свѣтъ теперь тонулъ въ лучезарной зарѣ. Самъ онъ былъ только земнымъ вѣстникомъ, но своимъ глубочайшимъ убѣжденіемъ онъ запечатлѣлъ вѣру въ то, что Богъ есть истина и Онъ все отдалъ Сыну Своему, черезъ котораго только и возможно получить жизнь вѣчную.



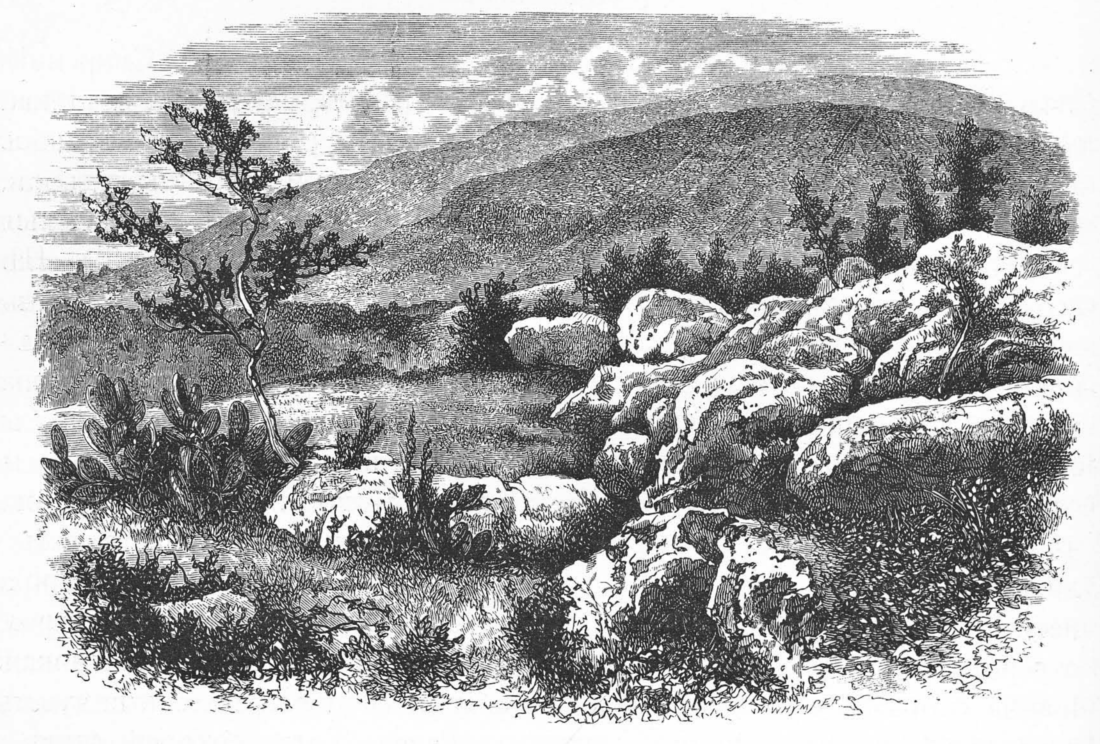
Гора Гаризимъ.

ГЛАВА XV.

САМАРЯНКА.

Во храмѣ хочешь молиться? Молись въ себѣ самомъ, но прежде всего будь храмомъ Божіимъ. *Бл. Августинъ.*

ІУДЕЙ, разсужденія котораго такъ глубоко возмущали последователей Іоанна, вѣроятно былъ однимъ изъ знатныхъ фарисеевъ, и Спаситель скоро замѣтилъ, что послѣдніе вообще слѣдили за Нимъ съ недоброжелательствомъ. Враждебность, съ которою они относились къ Іоанну, еще больше усиливалась по отношенію къ Нему, по той простой причинѣ, что Его ученіе сопровождалось еще большимъ успѣхомъ. Быть можетъ, вслѣдствіе такого рѣшительнаго противодѣйствія Себѣ при самомъ выступленіи на проповѣдь, быть можетъ также щадя оскорбленныя чувства послѣдователей Іоанна, но главнѣе всего потому, что въ это самое время дошло до Него извѣстіе, что Іоаннъ былъ схваченъ Иродомъ Антипой и заключенъ въ темницу, Іисусъ оставилъ Іудею и пошелъ опять въ Галилею [332]). Будучи уже въ сѣверной части Іудеи, Онъ выбралъ дорогу, ведущую черезъ Самарію. Фанатизмъ іудейской не-



Гора Гаризимъ.

ГЛАВА XV.

САМАРЯНКА.

Во храмѣ хочешь молиться? Молись въ себѣ самомъ, но прежде всего будь храмомъ Божіимъ. *Бл. Августинъ.*

Іудей, разсужденія котораго такъ глубоко возмущали последователей Іоанна, вѣроятно былъ однимъ изъ знатныхъ фарисеевъ, и Спаситель скоро замѣтилъ, что послѣдніе вообще слѣдили за Нимъ съ недоброжелательствомъ. Враждебность, съ которою они относились къ Іоанну, еще больше усиливалась по отношенію къ Нему, по той простой причинѣ, что Его ученіе сопровождалось еще большимъ успѣхомъ. Быть можетъ, вслѣдствіе такого рѣшительнаго противодѣйствія Себѣ при самомъ выступленіи на проповѣдь, быть можетъ также щадя оскорбленныя чувства послѣдователей Іоанна, но главнѣе всего потому, что въ это самое время дошло до Него извѣстіе, что Іоаннъ былъ схваченъ Иродомъ Антипой и заключенъ въ темницу, Іисусъ оставилъ Іудею и пошелъ опять въ Галилею[332]).

нависти, презрительность іудейскаго фарисейства, заставлявшія Его соотечественниковъ во время путешествія всячески избѣгать этой дороги, не существовали для Него и были чувствами, которыя надлежало скорѣе подавлять, чѣмъ одобрять.

Отправившись въ путь рано утромъ, чтобы насколько возможно больше воспользоваться часами прохлады въ пути, Онъ остановился наконецъ для отдыха и подкрѣпленія по близости города Сихаря [333]), лежавшаго неподалеку отъ колодезя на плодородномъ участкѣ земли, нѣкогда отведенномъ патріархомъ Іаковомъ своему любимому сыну Іосифу. Надъ колодеземъ, какъ это бываетъ вообще на востокѣ, навѣрно былъ навѣсъ съ каменными сидѣньями внутри.

Былъ уже полдень [334]), и Іисусъ, утрудившись отъ пути и истомленный быть можетъ зноемъ, сѣлъ у колодезя. Выраженіе подлинника живописно до трогательности. Оно показываетъ, что путникъ былъ совершенно истомленъ и въ истощеніи устало повалился на сидѣнье, желая предаться полному покою. Ученики Его, вѣроятно двѣ пары братьевъ, которыхъ Онъ призвалъ раньше всѣхъ, и съ ними двое друзей, Филиппъ и Варѳоломей, отлучились закупить въ сосѣднемъ городѣ все необходимое, а самъ Онъ, голодный и жаждущій, неся на себѣ всѣ наши немощи, томно сидѣлъ въ ожиданіи ихъ. Но вдругъ уединеніе Его было нарушено приближеніемъ женщины. Въ майскій полдень въ Палестинѣ жаръ бываетъ страшный [335]), но еще не настолько сильный, чтобы невозможно было совсѣмъ ходить, и эта женщина, по случаю ли какому, или быть можетъ потому, что она не пользовалась доброй славой и вслѣдствіе этого избѣгала тѣхъ часовъ, когда у колодезя толпились всѣ женщины города (Быт. XXIV, 11), пришла почерпнуть воды. Чувство ли національной гордости и уваженія къ памяти великаго предка своего народа, или быть можетъ особенная прохладность и свѣжесть воды побудили ее идти къ этому именно колодезю, а не къ какому-нибудь другому источнику поближе [336]). Вода на востокѣ не только необходимость, но и восхитительная роскошь, и уроженцы Палестины знатоки въ ея качествахъ.

Іисусъ долженъ былъ обрадоваться ея приходу. Правда, вся обстановка въ этой роскошной зеленой долинѣ, съ разстилающимися вдаль и вширь хлѣбными полями, съ благодатною тѣнью деревъ и возвышающимися на-право круглыми остовами Гевала и Гаризима, могла располагать къ уединеннымъ размышленіямъ, и всѣ воспоминанія, связанныя съ этимъ священнымъ мѣстомъ — исторія Іакова, сосѣдняя гробница

царственнаго Іосифа, подвиги Іисуса Навина и Гедеона и длиннаго ряда израильскихъ царей — давали богатую пищу для такихъ размышленій. Но Спаситель былъ истомленъ и жаждалъ и, самъ не имѣя возможности достать холодной воды, сверкавшей въ глубинѣ колодезя, Онъ сказалъ женщинѣ: «дай мнѣ пить».

Колодезь Іакова.

Всякій, кому приходилось путешествовать на востокѣ, знаетъ, съ какою радостью и охотой отвѣчаютъ тамъ на подобную просьбу. Жалкій феллахъ, даже грубый бедуинъ, какбы чувствуетъ положительное удовольствіе при всякой возможности исполнить заповѣдь своего пророка и подѣлиться съ жаждущимъ путешественникомъ этимъ

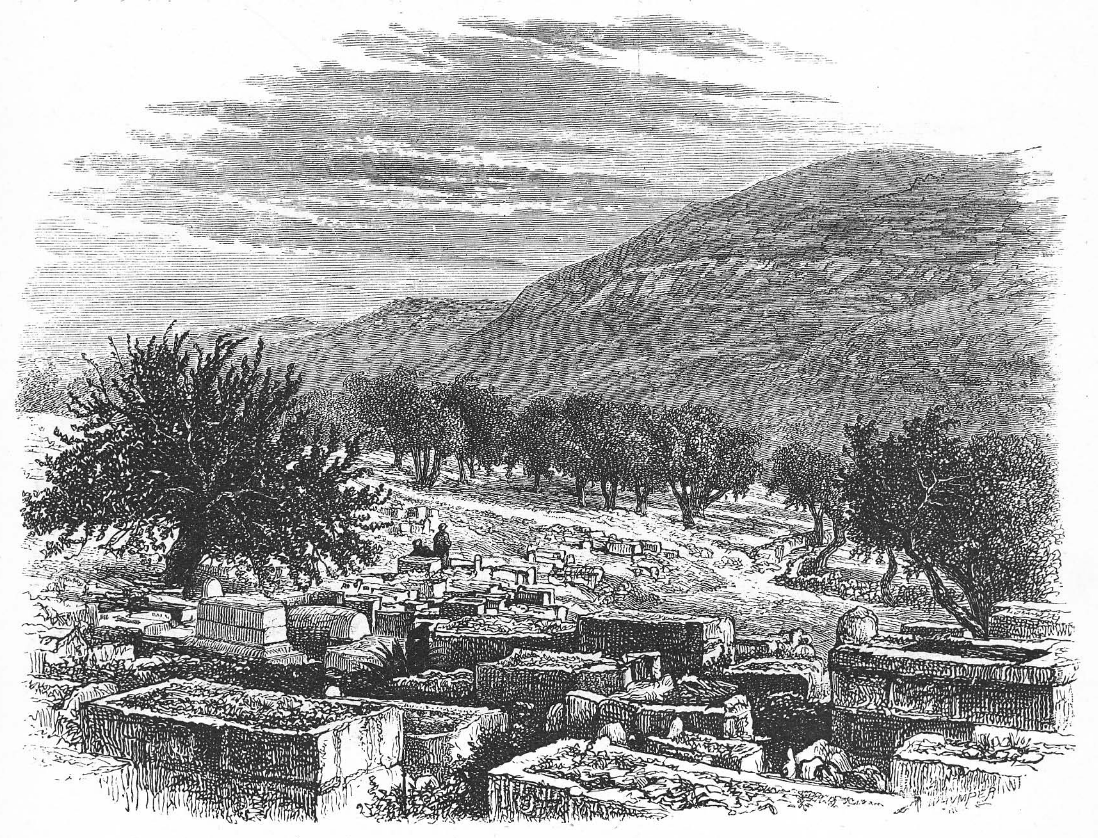
Колодезь Іакова.

драгоцѣннымъ напиткомъ. Но между іудеями и самарянами была такая непримиримая ненависть, до того порваны были всѣ сношенія между ними, что просьба эта вызвала у самарянки только выраженіе крайняго удивленія [337]).

Кротко и безъ всякаго упрека Спаситель говоритъ ей, что еслибы она знала, кто Онъ, и попросила у Него, то Онъ далъ бы ей воду живую [338]). Она невольно сдѣлала жестъ рукою по направленію къ

Гора Гевалъ.

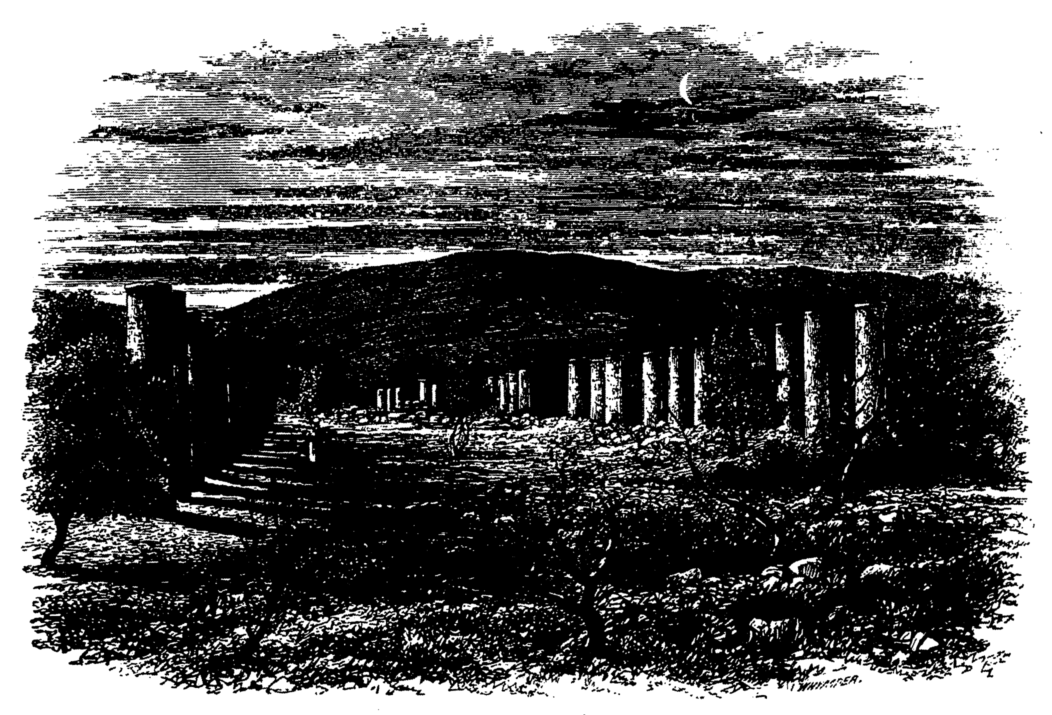
колодцу, который былъ во сто футовъ глубиною. Ему нечѣмъ было почерпнуть: откуда же Онъ могъ достать эту живую воду? И затѣмъ, быть можетъ съ улыбкой недовѣрія и чувствомъ народной гордости, она спросила: неужели онъ больше отца ихъ Іакова, который вырылъ этотъ самый колодезь и самъ пилъ изъ него [339]). Однако же что-то поразило и устрашило ее въ этихъ простыхъ словахъ Его; потому что она теперь обращается къ Нему уже съ почетнымъ титуломъ, котораго не было въ ея первомъ обращеніи.



Гора Гевалъ.

Спасителя не остановилъ этотъ грубый буквализмъ ея отвѣта; Онъ поступилъ тутъ такъ же, какъ поступилъ при подобной же непонятливости ученаго Никодима, стараясь возвести ея мысли въ возможно высшую область. Она разумѣла обыкновенную воду, пьющій которую возжаждетъ опять; а то, о чемъ Онъ говоритъ, есть источникъ воды внутри самаго сердца, который утоляетъ жажду на вѣки и течетъ въ жизнь вѣчную [340]).

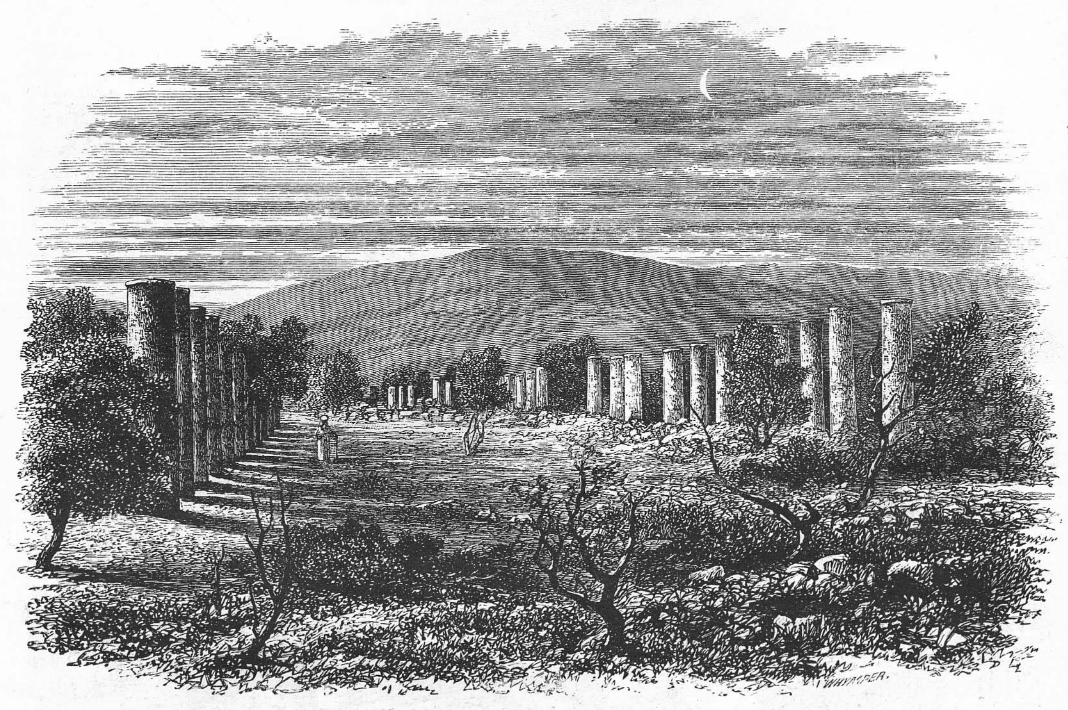
Послѣ этого она уже начинаетъ просить. Онъ просилъ ее о ма-



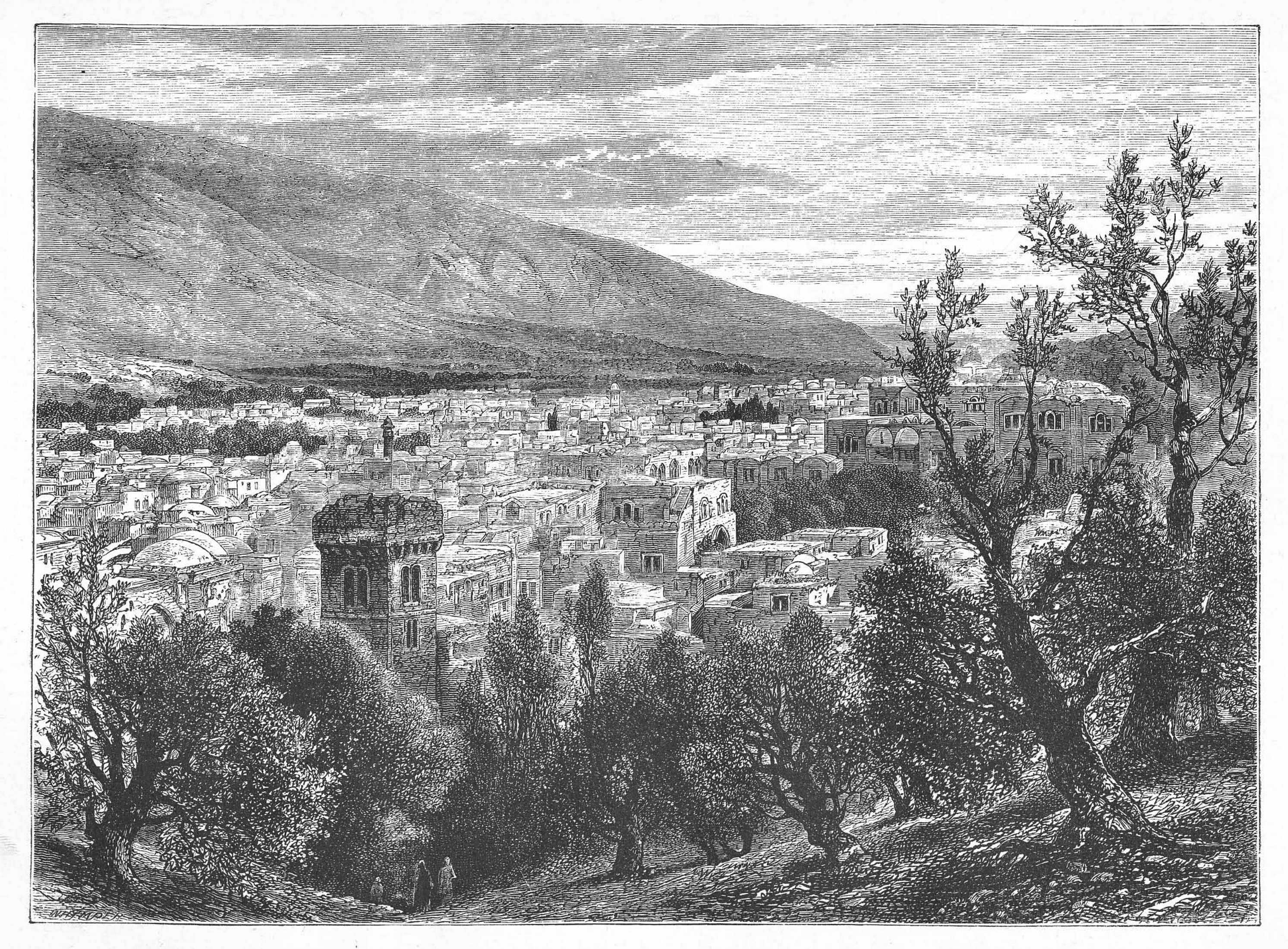
Развалины храма Манассіи въ Самаріи.

ломъ, и она отказала или полуотклонила; теперь Онъ самъ предлагаетъ ей даръ вѣчный. Она чувствуетъ, что передъ ней находится Кто-то великій, и она проситъ у Него этой воды живой; но, опять съ тѣмъ же узкимъ и грубымъ пониманіемъ, она проситъ лишь для того, чтобы не имѣть больше жажды и не приходить сюда опять за водой.

Но на этотъ разъ довольно уже было сдѣлано для назиданія бѣдной крайне изумленной женщины, и потому, круто порывая эту часть разговора, Іисусъ велитъ ей пойти и позвать своего мужа и съ



Развалины храма Манассіи въ Самаріи.



Сихарь.

нимъ опять возвратиться сюда. Какая собственно мысль была у Христа при этомъ повелѣніи, мы не знаемъ: можетъ быть то, что на востокѣ искони считалось неприличнымъ, если не прямо непозволительнымъ для мужчины и особенно для раввина разговаривать съ незнакомой женщиной; а можетъ быть Онъ сказалъ это и съ тою цѣлью, чтобы тронуть ея каменное сердце и пробудить спящую совѣсть. Она вынуждена была отвѣтить, что у нея нѣтъ мужа, и Спаситель въ сугубое подтвержденіе ея грустнаго признанія раскрылъ предъ нею тайну ея распущенной и преступной жизни. У нея было пять мужей, и тотъ, котораго она теперь имѣла, не былъ ей мужемъ [341]).

Теперь она уже ясно видѣла, что передъ нею пророкъ, но отъ своей собственной жизни — на которой ей конечно хотѣлось останавливаться какъ можно меньше — ея живая мысль быстро переносится къ другому великому вопросу, изъ-за котораго постоянно шелъ ожесточенный споръ между ея народомъ и соотечественниками Того, съ кѣмъ она говорила, вопросъ, который былъ причиной ихъ дикой взаимной вражды. Случай свелъ ее съ великимъ учителемъ: нельзя ли было воспользоваться имъ для улаженія безконечнаго спора между іудеями и самарянами о томъ, что собственно — Іерусалимъ или Гаризимъ нужно считать священнымъ мѣстомъ Палестины: Іерусалимъ, гдѣ Соломонъ построилъ храмъ, или Гаризимъ, это древнѣйшее святилище, гдѣ Іисусъ Навинъ произносилъ свои благословенія и гдѣ Авраамъ готовился принесть въ жертву своего сына [342])? Указывая на вершину горы, вздымавшейся на восемьсотъ футовъ надъ ними и увѣнчанной развалинами древняго храма Манассіи, разрушеннаго Гирканомъ, она предложила Спасителю занимавшій ее вопросъ: «отцы наши поклонялись на этой горѣ; а вы говорите, что мѣсто, гдѣ должно поклоняться, находится въ Іерусалимѣ» [343]); кто же правъ?

Кратко и только мимоходомъ Онъ разрѣшилъ ея недоумѣніе. Въ спорѣ съ самарянами іудеи безспорно были правы. Іерусалимъ былъ мѣстомъ, которое избрано было самимъ Богомъ; сравнительно съ смѣшаннымъ и грубымъ культомъ Самаріи, іудейство было гораздо чище и правильнѣе [344]). Но, коснувшись земнаго спора, Спаситель изрекъ ей великое и достопамятное пророчество, что наступитъ время, даже наступило уже и теперь, «когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ» истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу, но на всякомъ мѣстѣ будутъ поклоняться Ему въ духѣ и истинѣ.

Она была глубоко тронута и поражена; но какъ можно было по

простому случайному слову неизвѣстнаго чужестранца отказаться отъ своей крѣпкой вѣры, въ которой она и ея отцы родились и воспитались? Со вздохомъ она отложила окончательное рѣшеніе этого и подобныхъ вопросовъ до пришествія Мессіи [345]); и тогда Онъ изрекъ простыя, но страшныя слова: «**это Я, который говорю съ тобою**».

Рожденіе Его впервые было открыто ночью немногимъ неизвѣстнымъ и невѣжественнымъ пастухамъ; первое полное объявленіе Имъ своего мессіанства было сдѣлано у колодца въ томный полдень одинокой неизвѣстной самарянкѣ. И этой бѣдной, грѣшной, невѣжественной чужестранкѣ изречены были безсмертныя многознаменательныя слова, которыя всѣ послѣдующіе вѣка должны были слушать, такъ сказать — съ затаеннымъ дыханьемъ, колѣнопреклоненно!

Кто могъ *измыслить*, кто даже могъ *вообразить* подобныя вещи, столь непохожія на мысли человѣческія [346])?

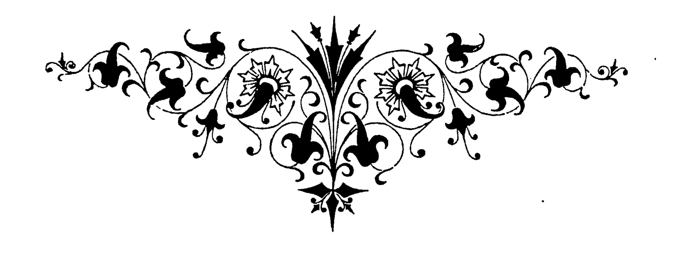
И на этомъ бесѣда была прервана, потому что ученики, и между ними самъ повѣствователь объ этомъ событіи, возвратились къ своему Учителю. Колодезь Іакова вырытъ на возвышеніи, на отрогѣ Гаризима, въ той части равнины, которая не загораживается ни деревьями, ни зданіями. Еще издали, благодаря прозрачному воздуху, ученики видѣли и слышали, что Учитель ихъ велъ долгій и серьезный разговоръ съ кѣмъ-то. Онъ — іудей, Онъ — равви разговаривалъ съ женщиной, и притомъ самарянкой, и притомъ еще грѣшницей [347])! Однако они не осмѣлились сказать Ему что-нибудь объ этомъ, не смѣли спросить Его. Сознаніе Его величія, любовь и вѣра, которыми вдохновляло самое Его присутствіе, подавили въ нихъ всѣ мелкія сомнѣнія и всякое любопытство.

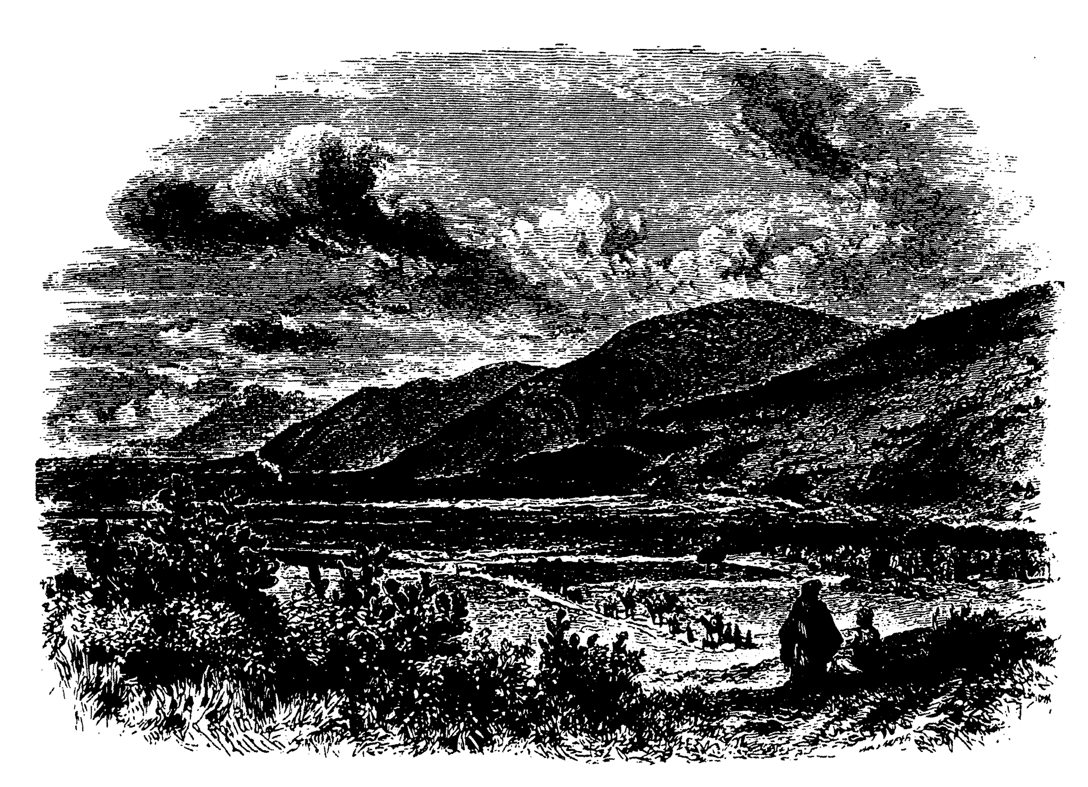
Между тѣмъ женщина, забывъ даже свой водоносъ вслѣдствіе поразившаго ее изумленія, побѣжала въ городъ разсказать о своей чудесной встрѣчѣ. Явился человѣкъ, который открылъ ей самыя тайны ея жизни. Не Онъ ли Христосъ Мессія?

Самаряне, которые во всѣхъ евангельскихъ замѣчаніяхъ о нихъ являются болѣе простыми и податливыми на убѣжденія чѣмъ іудеи, скоро побѣжали изъ города по ея указанію, и когда уже видно было ихъ приближеніе [348]), ученики побуждали Спасителя ѣсть, потому что было уже за-полдень, а Онъ такъ истощился въ пути. Но всякій голодъ въ Немъ былъ утоленъ восторженною преданностью своему служенію. «У Меня есть пища, сказалъ Онъ, которой вы не знаете». Развѣ они не знали, что съ самаго дѣтства Онъ жилъ не хлѣбомъ

однимъ? Но опять и здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же тупымъ, грубымъ буквализмомъ. Ихъ св. книги, самый языкъ, на которомъ они говорили, были полны живыхъ метафоръ, и однако же они не могли уловить въ Его словахъ болѣе глубокаго значенія, чѣмъ то, что вѣроятно кто-нибудь принесъ Ему ѣсть [349]). Какъ тяжело было Ему такимъ образомъ на всякомъ шагу, даже въ своихъ собственныхъ избранникахъ встрѣчаться съ такою странною неспособностью понимать, что вещественные образы суть только проводники для глубокихъ духовныхъ мыслей. Но нетерпѣнія не было въ томъ, кто былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ. «Моя пища, сказалъ Онъ, есть творить волю пославшаго Меня, и совершить дѣло Его». И затѣмъ, указывая на жителей Сихема, стекавшихся къ Нему по равнинѣ, Онъ продолжалъ: Вы говорите, что еще четыре мѣсяца до жатвы. Взгляните на эти поля, какъ они пожелтѣли для духовной жатвы. Вы будете радостно пожинать жатву, которую Я посѣялъ трудомъ и страданьемъ; а Я, сѣятель, радуюсь при мысли объ этой радости грядущей [350]).

Личная бесѣда съ Христомъ убѣдила многихъ изъ самарянъ гораздо глубже, чѣмъ разсказъ женщины, которой Онъ впервые открылъ себя, и, милостиво снисходя къ ихъ просьбѣ побыть у нихъ, Онъ пробылъ тамъ два дня съ своими учениками. Несомнѣнно это двухдневное ученіе и было главнымъ образомъ причиною многочисленныхъ обращеній въ ихъ средѣ въ послѣдующее время (Дѣян. VIII, 5).





Равнина Ездрилонская.

ГЛАВА XVI.

ОТВЕРЖЕНІЕ ХРИСТА НАЗАРЯНАМИ.

Свои Его не приняли. *Іоан.* I, II.

ДОСЕЛѢ мы слѣдовали въ священномъ повѣствованіи хронологическому руководству ев. Іоанна; но здѣсь въ первый разъ серьезно встрѣчаемся съ труднымъ вопросомъ касательно истиннаго порядка событій въ служеніи Спасителя.

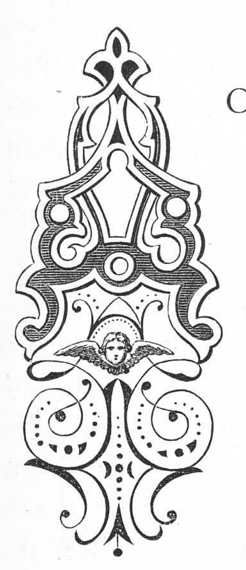
Возможно ли установить такое согласіе между евангеліями, которое устранило бы всѣ трудности, создаваемыя тѣмъ, что евангелисты объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ повѣствуютъ въ различномъ порядкѣ, притомъ отрывочно и обыкновенно безъ указанія времени или же только съ неопредѣленнымъ обозначеніемъ его? Входить въ разборъ всѣхъ доводовъ съ обѣихъ сторонъ касательно многочисленныхъ спорныхъ пунктовъ, которые нужно уладить, прежде чѣмъ станетъ возможнымъ рѣшеніе этого вопроса,

Равнина Ездрилонская.

ГЛАВА XVI.

ОТВЕРЖЕНІЕ ХРИСТА НАЗАРЯНАМИ.

Свои Его не приняли. *Іоан.* 1, 11.



ОСЕЛѢ мы слѣдовали въ священномъ повѣствованіи хронологическому руководству ев. Іоанна; но здѣсь въ первый разъ серьезно встрѣчаемся съ труднымъ вопросомъ касательно истиннаго порядка событій въ служеніи Спасителя.

Возможно ли установить такое согласіе между евангеліями, которое устранило бы всѣ трудности, создаваемыя тѣмъ, что евангелисты объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ повѣствуютъ въ различномъ порядкѣ, притомъ отрывочно и обыкновенно безъ указанія времени или же только съ неопредѣленнымъ обозначеніемъ его? Входить въ разборъ всѣхъ доводовъ съ обѣихъ сто-

значило бы предпринять трудъ, который, занявъ нѣсколько томовъ, всетаки не привелъ бы къ окончательному рѣшенію трудности, и поэтому совершенно не входилъ въ предѣлы нашей цѣли. Все, о чемъ старались мы, это — тщательно разсмотрѣть главныя данныя и, не входя въ споръ и не претендуя устранить всѣ возможныя возраженія, излагать событія въ томъ порядкѣ, который послѣ обстоятельнаго изученія кажется наиболѣе вѣроятнымъ и болѣе сообразнымъ со всѣми болѣе или менѣе опредѣленными указаніями времени, содержащимися въ евангеліяхъ Безспорнаго или безусловно убѣдительнаго соглашенія евангелій, какъ намъ кажется, достигнуть невозможно, да оно и не имѣетъ безусловно важнаго значенія. Еслибы для нашего разумѣнія жизни Спасителя необходимо было болѣе точное знаніе времени и мѣста, гдѣ прошли годы Его общественнаго служенія, то, какъ по крайней мѣрѣ вѣруетъ христіанинъ, это знаніе и не было бы сокрыто отъ насъ.

Высшее вдохновеніе, руководившее евангелистовъ при повѣствованіи о жизни Христа, давало имъ возможность передать все, что было необходимо для блага и спасенія нашихъ душъ, но далеко не все, что намъ хотѣлось бы знать для удовлетворенія нашего любопытства или даже историческаго интереса. Не трудно отсюда вывесть новый урокъ, что наши мысли должны болѣе устремляться на духовное, чѣмъ на вещественное,—на Христа, который живетъ во вѣки и пребываетъ всегда съ нами даже до конца міра, а не на внѣшнія событія той человѣческой жизни, которая въ совѣтѣ воли Божіей была предназначена какъ средство искупленія человѣчества. Мы никогда не узнаемъ всего, что хотѣли бы знать, о той «жизни непорочной, что подъ сирійскимъ небомъ протекала». Но мы всетаки можемъ быть чадами Бога и учениками Христа Его, если только будемъ соблюдать Его слово и дѣлать дѣла, которыя Онъ заповѣдалъ намъ.

Евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ, что послѣ двухдневнаго пребыванія среди простодушныхъ самарянъ Сихаря Іисусъ пошелъ въ Галилею, «*ибо* Самъ Онъ свидѣтельствовалъ, что пророкъ не имѣетъ чести въ своемъ отечествѣ», и однако же прибавляетъ, что «когда пришелъ Онъ въ Галилею, то галилеяне приняли Его, видя все, что Онъ сдѣлалъ въ Іерусалимѣ». Вслѣдъ затѣмъ онъ говоритъ, что Іисусъ пришелъ въ Кану Галилейскую и тамъ исцѣлилъ сына нѣкоего царедворца. Это загадочное «ибо» повидимому указываетъ на одно изъ тѣхъ подавленныхъ теченій мысли, которыя такъ часты у ев. Іоанна. По нашему

мнѣнію оно означаетъ, что въ Назаретѣ, родномъ городѣ Іисуса, Его ожидало отверженіе, несмотря на казавшійся сначала благопріятный пріемъ, и что къ этому отверженію Онъ не былъ не приготовленъ, *ибо* Самъ часто говорилъ, что пророкъ «не имѣетъ чести въ своемъ отечествѣ» [351]).

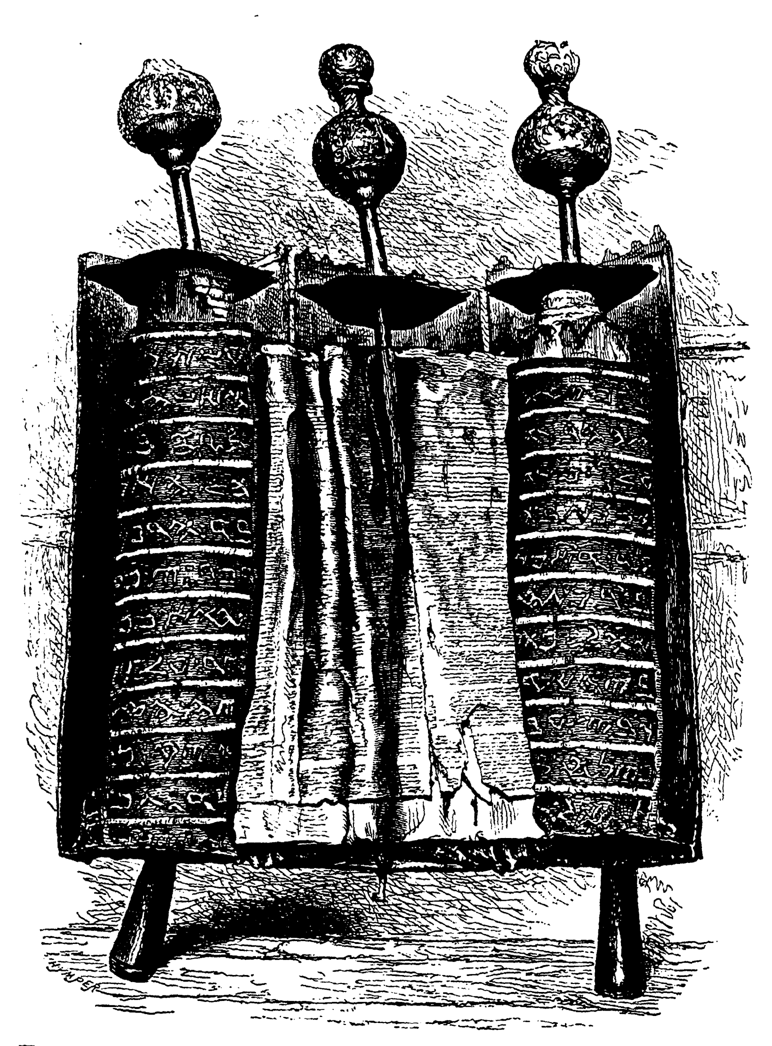
Ев. Іоаннъ не имѣлъ своею цѣлью останавливаться на служеніи въ Галилеѣ, о которомъ уже раньше было разсказано синоптиками; поэтому полный отчетъ о первомъ общественномъ дѣлѣ Спасителя въ своемъ родномъ городѣ мы беремъ у евангелиста Луки [352]).

Изъ Сихаря Спаситель повидимому не прямо пошелъ въ Назаретъ. По пути (если только Лук. IV, 15 не принимать за общее и лишенное хронологической точности показаніе) Онъ постоянно училъ въ синагогахъ галилейскихъ [353]), при восторженномъ пріемѣ и одобреніи народа. Такъ Онъ прибылъ въ Назаретъ и по своему неизмѣнному обычаю, образовавшемуся навѣрно еще въ дѣтствѣ, когда Онъ несомнѣнно каждую субботу безмолвно молился въ скромномъ святилищѣ города,— вошелъ въ субботній день въ синагогу.

Въ Назаретѣ, какъ незначительномъ городѣ [354]), была только одна синагога, и вѣроятно во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ своей бѣдности, походила на тѣ синагоги, развалины которыхъ мы видимъ въ Телл-Хумѣ и Ирбидѣ. Это было простое прямоугольное зданіе съ украшеннымъ колоннами притворомъ греческой архитектуры; выдающаяся часть его (гдѣ помѣщалось «святилище») обыкновенно указывала въ направленіи къ Іерусалиму, который со времени Соломона всегда былъ *киблехомъ*, то-есть священнымъ мѣстомъ, куда іудей могъ обращаться въ молитвѣ, подобно тому, какъ мусульманинъ къ Меккѣ. Въ болѣе богатыхъ мѣстахъ синагога строилась изъ бѣлаго мрамора и совнѣ убиралась скульптурными украшеніями, рѣзными изображеніями виноградныхъ листьевъ и гроздъ, расцвѣтающаго жезла и сосуда съ манной [355]). Внутри были сидѣнія на одной сторонѣ для мужчинъ, на другой, за рѣшеткой, для женщинъ, которыя сидѣли, закутавшись въ свои длинныя покрывала. На одномъ концѣ помѣщался *тева* или ящикъ изъ крашенаго дерева, содержавшій св. писаніе, а въ сторонѣ возвышалась *бима* или высокое сидѣнье для чтеца и проповѣдника [356]). Духовенства, собственно говоря, не было никакого, но на главныхъ мѣстахъ сидѣло съ десятокъ *батланимъ* — «мужей досуга» [357]) или главныхъ членовъ прихода, и глава синагоги [358]) или *рошъ гакненесетъ*. За ними слѣдовали по достоинству *хаззанъ* [359]) или приставникъ, на обязанности котораго

было хранить священныя книги; *шеліахъ*, соотвѣтствующій нашему старостѣ или ктитору, и *парнасимъ* — пастыри, которые въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исполняли должность діаконовъ.

Богослуженіе въ синагогѣ было очень простое. Послѣ молитвы [360]) обыкновенно прочитывалось два мѣста изъ писанія, одно изъ закона,



Свитокъ Пятокнижія въ Сихемѣ, написанный по преданію Елеазаромъ, сыномъ Аарона.

называемое *параша*, и одно изъ пророковъ, такъ называемое *гафтара*; и такъ какъ посвященныхъ лицъ для совершенія богослуженія совсѣмъ не было (должность священниковъ и левитовъ въ Іерусалимѣ составляла совершенно особую службу), то эти чтенія не только могъ читать всякій умѣющій, получивъ только позволеніе отъ *рошъ гаккенесета*,

Свитокъ Пятокнижія въ Сихемѣ, написанный по преданію Елеазаромъ, сыномъ Аарона.

но могъ также присоединить къ нимъ и свой *мидрашъ* или толкованіе [361]).

Параша или чтеніе изъ Пятокнижія очевидно было уже кончено [362]), когда Іисусъ взошелъ на ступени *бимы*. Видя, что Онъ хочетъ исполнять почетную должность *мафтира* или чтеца, *хаззанъ* отдернулъ шелковую занавѣсь отъ раскрашеннаго ковчега, въ которомъ находились священные свитки, и подалъ Ему *мегилла* или свитокъ пророка Исаіи, содержавшій дневное *гафтара* или чтеніе [363]). Спаситель раскрылъ свитокъ и нашелъ извѣстное мѣсто Исаіи LXI гл. Все собраніе встало слушать Его. Чтеніе обыкновенно продолжалось отъ трехъ стиховъ до двадцати; но Іисусъ прочиталъ только первый стихъ и часть втораго [364]), останавливаясь въ духѣ любви передъ суровымъ изреченіемъ «и день мщенія Бога нашего» такъ, чтобы милостивыми словами «лѣто Господне благопріятное» [365]) произвести какъ можно больше впечатлѣнія на слушателей и взять ихъ текстомъ для своей бесѣды. Затѣмъ Онъ закрылъ свитокъ, подалъ его обратно *хаззану* и, какъ было въ обычаѣ іудеевъ, сѣлъ для произнесенія проповѣди [366]).

Прочитанное Имъ мѣсто, составляло ли оно часть обыкновеннаго дневнаго чтенія или нарочито избрано Имъ самимъ [367]), было во всякомъ случаѣ весьма замѣчательное, и оно должно было получить еще больше величія и торжественности въ устахъ Того, на которомъ исполнилось. Глаза всѣхъ въ синагогѣ съ выраженіемъ напряженнаго вниманія были устремлены на Него [368]), и можно представить себѣ тотъ трепетъ ожиданія и возбужденія, который пробѣжалъ по сердцамъ слушателей, когда въ проповѣди, отъ которой намъ евангелистомъ сохраненъ только предметъ ея, Онъ раскрывалъ, что Онъ Самъ и есть тотъ Мессія, о которомъ возвѣщалъ великій пророкъ семьсотъ лѣтъ тому назадъ [369]). Слова Его звучали любовью, властью и силой, были непреодолимы и вызывали у всѣхъ невольное изумленіе. Но съ теченіемъ проповѣди Онъ сталъ замѣчать перемѣну. Обаяніе Его мудрости и увлекательности стало разсѣеваться, когда эти грубые и жестоковыйные назаряне начали понимать все значеніе Его словъ. У іудеевъ было въ обычаѣ во время самаго богослуженія въ синагогѣ давать полную волю своимъ чувствамъ, и скоро Іисусъ внятно услышалъ ропотъ негодованія и возмущенія. Онъ видѣлъ, что эти пылающіе глаза, которые сначала были устремлены на Него съ возбужденнымъ вниманіемъ, начинали сверкать злобнымъ огнемъ презрѣнія и ненависти. «Не плотникъ ли это? Не братъ ли Онъ такихъ же ремесленниковъ, какъ

и самъ Онъ—Іакова, Іосіи, Симона, Іуды, и сестры Его не живутъ ли между нами? Развѣ мы не знаемъ, что даже въ Его собственномъ семействѣ не вѣруютъ въ Него?» [370]) Такіе и подобные возгласы начали раздаваться среди слушателей. Это не былъ молодой ученый раввинъ [371]) изъ школъ Гамаліила или Шаммаи, и однако же Онъ говорилъ со властью, какой даже не принимали на себя великіе книжники! Даже Гиллель, когда оказывалось невозможнымъ убѣдить на основаніи своего собственнаго ученія, могъ разсчитывать на успѣхъ, только ссылаясь на прежній авторитетъ Шемайи или Авталіона. Этотъ же учитель не ссылался ни на кого, и притомъ учитель, который былъ только ихъ городскимъ плотникомъ! Какое право имѣлъ Онъ учить? откуда Онъ могъ знать даже письмена, никогда не учившись [372])?

Іисусъ не оставилъ безъ вниманія перемѣны, происшедшей въ настроеніи Его слушателей [373]). Онъ прямо сказалъ имъ, что Онъ дѣйствительно есть тотъ самый Іисусъ, котораго они разумѣютъ, но это не наноситъ ни малѣйшаго ущерба для Его мессіанскаго величія. Ихъ закоснѣлость и невѣріе уже угнетали Его духъ прежде, чѣмъ Онъ вошелъ въ синагогу. Презрительный намекъ съ ихъ стороны на Его низкое происхожденіе Онъ оставляетъ безъ вниманія: намекъ этотъ слишкомъ низокъ и мелоченъ, чтобы останавливаться на немъ, такъ какъ всякій достаточно честный назарянинъ могъ вспомнить еще о болѣе низкомъ происхожденіи—изъ пастуховъ—пророка Амоса. Не обратилъ Онъ вниманія также на низкую ненависть, потому что слабые и порочные обыкновенно питаютъ ее къ тѣмъ, которые обличаютъ ихъ безмолвнымъ превосходствомъ своей благородной жизни. Но Онъ видѣлъ и другое чувство въ ихъ душѣ—требованіе какого-нибудь необычайнаго доказательства своего права, видѣлъ шевелившуюся въ нихъ зависть, что Онъ совершалъ чудеса въ Канѣ, проявилъ свою силу въ Капернаумѣ [374]), не говоря уже о томъ, что Онъ совершалъ и проповѣдывалъ въ Іерусалимѣ, и при всемъ томъ не оказалъ никакого особеннаго знака вниманія къ нимъ самимъ. Онъ зналъ, что на умѣ у нихъ была язвительная пословица: «врачъ, исцѣлися самъ» и только что не высказывалась прямо [375]). Но чтобы показать имъ возможно яснѣе, что Онъ есть нѣчто большее, чѣмъ они, что Онъ не простой назарянинъ, хотя и жилъ между ними въ теченіе тридцати лѣтъ, и что Онъ принадлежитъ не имъ, а всему міру [376]), Онъ напоминаетъ имъ, что чудеса не ограничиваются мѣстностью и родствомъ, что Илія избавилъ отъ голода

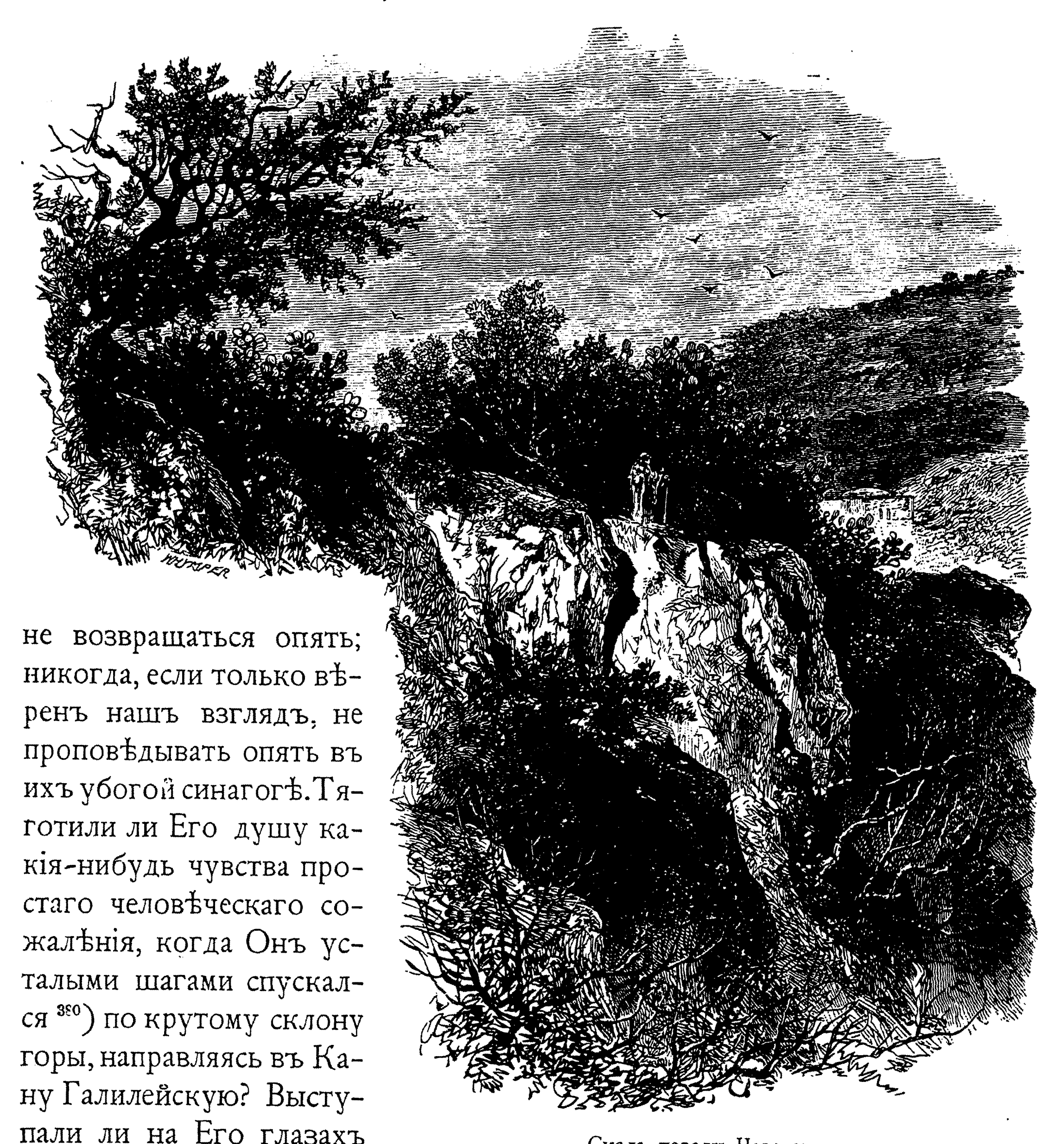
только финикіянку, вдову въ Сарептѣ, и Елисей исцѣлилъ отъ проказы только враждебнаго сиріянина.

Что же изъ этого? Неужели они, по Его мнѣнію, по мнѣнію этого «плотника», не лучше язычниковъ и прокаженныхъ? Это было выше всего, что могли они вынести отъ своего собрата-горожанина, котораго они хотѣли ставить въ рядъ съ собою, и при этихъ словахъ долго сдерживаемая ярость ихъ разразилась открыто. Проповѣдникъ былъ прерываемъ теперь уже не ропотомъ негодованія, а ревомъ бѣшенства. При одномъ изъ тѣхъ порывовъ кровожаднаго возбужденія, которыми отличался этотъ странный, буйный, запальчивый народъ,—народъ, умы котораго возбуждались столь же неожиданными бурями, какъ и тѣ, что мгновенно разъяряли зеркальную поверхность ихъ озера, они всѣ [377]) вскочили, вывели Его изъ города и тамъ повлекли на вершину горы. Назаретъ гнѣздится на южной впадинѣ этой горы; крутые утесы во множествѣ торчатъ на ея склонахъ, и двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ эти утесы вѣроятно были еще гораздо круче и обрывистѣе [378]). На одинъ изъ этихъ скалистыхъ обрывовъ они и повлекли Іисуса, чтобы свергнуть Его.

Но еще не пришелъ часъ Его, и назаряне избавлены были отъ преступленія, которое заклеймило бы ихъ вѣчнымъ позоромъ. «Онъ, прошедши посреди ихъ, удалился». Нѣтъ надобности предполагать здѣсь въ собственномъ смыслѣ чудо, тѣмъ болѣе думать, что Онъ внезапно и незамѣтно скрылся въ узкихъ, извилистыхъ улицахъ города. Быть можетъ Его безмолвіе, спокойное благородство Его осанки, безстрашная невинность Его взора утишили ихъ. Помимо всего сверхъестественнаго, во внѣшности Іисуса повидимому было какое-то обаяніе таинственности и величія, которое признавалось даже Его самыми закоснѣлыми и злѣйшими врагами и предъ которымъ они невольно преклонялись. Ему Онъ обязанъ былъ своимъ избавленіемъ, когда разъяренные іудеи въ храмѣ взялись за камни, чтобы побить Его; оно обезоружило дерзкихъ и изувѣрныхъ посланныхъ отъ синедріона, пришедшихъ схватить Его, когда Онъ всенародно проповѣдывалъ во время праздника кущъ въ Іерусалимѣ; оно же заставило вооруженное скопище Его враговъ, при одномъ Его взглядѣ, пасть на-земь въ саду Геѳсиманскомъ. Онъ просто спокойно возвратилъ себѣ свободу, устранилъ державшихъ Его лицъ и, наведя на нихъ страхъ своимъ простымъ взглядомъ, невредимо прошелъ среди нихъ. Подобные случаи бывали въ исторіи и встрѣчаются еще и теперь. Въ беззащитности и даже безстрашномъ достоинствѣ есть нѣчто

такое, что способно усмирить даже ярость буйной толпы. «Они остановились... постояли... спросили... устыдились... бѣжали и... исчезли» [379]).

И Онъ такимъ образомъ оставилъ ихъ, чтобы никогда уже не возвращаться опять; никогда, если только вѣренъ нашъ взглядъ, не проповѣдывать опять въ ихъ убогой синагогѣ. Тяготили ли Его душу какія-нибудь чувства простаго человѣческаго сожалѣнія, когда Онъ усталыми шагами спускался [380]) по крутому склону горы, направляясь въ Кану Галилейскую? Выступали ли на Его глазахъ невольная слеза, когда Онъ остановился, быть можетъ въ послѣдній разъ, взглянуть отсюда на роскошную равнину Ездрилонскую, на лазурныя высоты Кармила и на бѣлые пески, что̀ окаймляютъ синія воды Средиземнаго моря? Былъ ли тамъ кто-нибудь такой, разлука съ которымъ могла томить Его; — въ этой

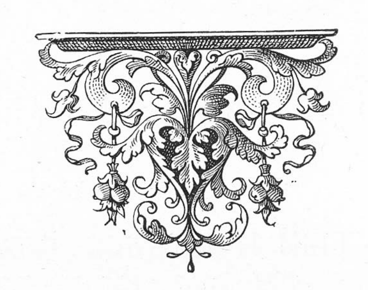


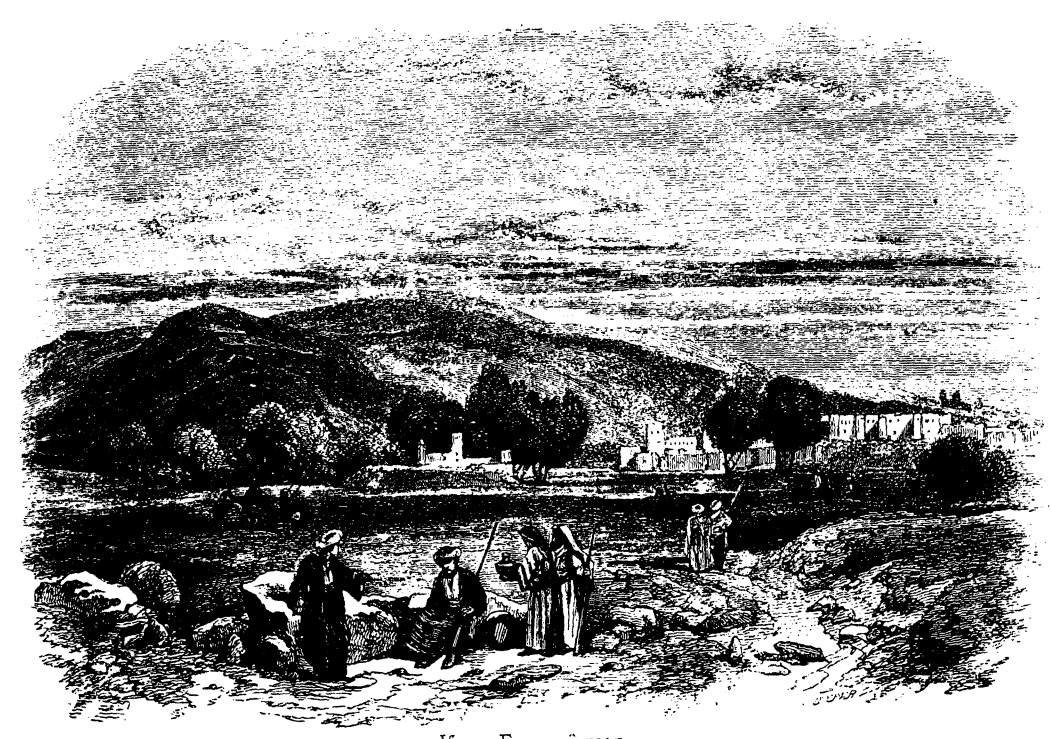
Скала позади Назарета.

Скала позади Назарета.

не возвращаться опять; никогда, если только вѣренъ нашъ взглядъ, не проповѣдывать опять въ ихъ убогой синагогѣ. Тяготили ли Его душу какія-нибудь чувства простаго человѣческаго сожалѣнія, когда Онъ усталыми шагами спускался [380]) по крутому склону горы, направляясь въ Кану Галилейскую? Выступали ли на Его глазахъ невольная слеза, когда

зеленой замкнутой долинѣ, гдѣ Онъ трудился взрослымъ и гдѣ игралъ въ дѣтствѣ? Останавливался ли Онъ долгимъ тоскливымъ взглядомъ на томъ бѣдномъ домикѣ, въ которомъ Онъ столько лѣтъ работалъ плотникомъ? Не провожалъ ли Его съ сожалѣніемъ и грустью какой-нибудь товарищъ Его счастливаго отрочества, какой-нибудь другъ Его безгрѣшной юности?—Такіе вопросы конечно не неестественны и не неблагоговѣйны; но на нихъ нѣтъ отвѣта. О всѣхъ просто человѣческихъ чувствованіяхъ Его сердца, исключая тѣхъ, которыя прямо касаются Его великаго дѣла на землѣ, евангелія безмолвствуютъ [281]). Мы знаемъ только, что отнынѣ Его ожидали другіе друзья вдали отъ грубаго Назарета, изъ кроткихъ и добродушныхъ рыбаковъ Виѳсаиды, и что отселѣ мѣстомъ Его жительства, насколько оно было у Него, сталъ городъ Капернаумъ, у сверкающихъ водъ Галилейскаго озера.





Кана Галилейская.

ГЛАВА XVII.

НАЧАЛО СЛУЖЕНІЯ ВЪ ГАЛИЛЕѢ.

Онъ взялъ на себя наши немощи. *Матѳ.* VIII, 17.

ОТВЕРГНУТЫЙ Назаретомъ, Спаситель естественно направился въ сосѣднюю Кану, гдѣ Имъ было совершено первое чудо на радость друзей. Вскорѣ послѣ Его прибытія, услышавъ объ этомъ, пришелъ къ Нему изъ сосѣдняго дворца Ирода Антипы одинъ царедворецъ и неотступно просилъ пойти съ нимъ въ Капернаумъ и исцѣлить его умиравшаго сына. Спаситель никогда не былъ въ Тиверіадѣ, но голосъ Іоанна не разъ былъ слушаемъ съ тревогой и благоговѣніемъ во дворцѣ сластолюбиваго царя [382]). Мы знаемъ, что Манаилъ, молочный братъ Ирода, впослѣдствіи сдѣлался христіаниномъ, и знаемъ также, что между женщинами, «служившими Христу имѣніемъ своимъ», была Іоанна, жена Хузы домоправителя (Дѣян. XIII, 1; сн. Лук. VIII, 3). Такъ какъ этотъ царедворецъ (βασιλικός) увѣровалъ во Христа со всѣмъ своимъ домомъ, вслѣд-

Кана Галилейская.

ГЛАВА XVII.

НАЧАЛО СЛУЖЕНІЯ ВЪ ГАЛИЛЕѢ.

Онъ взялъ на себя наши немощи. *Матѳ.* VIII, 17.

ОТВЕРГНУТЫЙ Назаретомъ, Спаситель естественно направился въ сосѣднюю Кану, гдѣ Имъ было совершено первое чудо на радость друзей. Вскорѣ послѣ Его прибытія, услышавъ объ этомъ, пришелъ къ Нему изъ сосѣдняго дворца Ирода Антипы одинъ царедворецъ и неотступно просилъ пойти съ нимъ въ Капернаумъ и исцѣлить его умиравшаго сына. Спаситель никогда не былъ въ Тиверіадѣ, но голосъ Іоанна не разъ былъ слушаемъ съ тревогой и благоговѣніемъ во дворцѣ сластолюбиваго царя [382]). Мы знаемъ, что Манаилъ, молочный братъ Ирода, впослѣдствіи сдѣлался христіаниномъ, и знаемъ также, что между женщинами, «служившими Христу имѣніемъ своимъ», была Іоанна, жена Хузы до-

ствіе совершеннаго теперь чуда, то съ нѣкоторою вѣроятностью можно полагать, что это былъ не кто иной, какъ Хуза. Настойчивая требовательность его просьбы,—просьбы, которая повидимому сначала почти и не вытекала изъ духовной убѣжденности, нуждалась въ нѣкоторомъ ограниченіи. Нужно было показать, что Іисусъ не простой *гакимъ*, не простой благотворительный врачъ, готовый во всякое время трудиться надъ излеченіемъ больныхъ и отдавать свои сверхъестественныя силы въ распоряженіе всякаго, кто обратился бы къ Нему, какъ къ послѣднему убѣжищу. Онъ сразу укорилъ духъ, требовавшій знаменій и чудесъ, какъ единственно возможной почвы для вѣры [383]). Но уступая глубокой заботливости отца, Онъ отпустилъ его съ увѣреніемъ, что сынъ его здоровъ. Разговоръ этотъ происходилъ въ седьмомъ часу, т.-е. по нашему въ часъ по-полудни [384]). Даже въ короткій ноябрскій день царедворцу можно бы было возвратиться въ Капернаумъ; потому что если Кана, какъ мы думаемъ, есть теперешняя Кефр-Кенна, то она находилась не болѣе какъ въ пяти часахъ отъ Капернаума. Но душа отца была успокоена вѣрой въ обѣщаніе Христа, и онъ переночевалъ гдѣ-то на пути [385]). На слѣдующій день на дорогѣ съ нимъ встрѣтились слуги его и сказали ему, что сынъ его выздоровѣлъ и именно въ тотъ часъ, какъ оказалось, когда Іисусъ обнадежилъ его. Это уже во второй разъ Христосъ ознаменовывалъ свое пребываніе въ Галилеѣ совершеніемъ важнаго чуда. Положеніе царедворца дало чуду обширную извѣстность и это несомнѣнно содѣйствовало тому, что Его съ такою радостью и восторгомъ привѣтствовали вездѣ во время этого свѣтлаго періода Его служенія, который недаромъ называютъ иногда «галилейской весной» [386]).

Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ трудностями въ хронологіи, которыя настолько серьезны, что повидимому не представляется никакой нити къ положительному рѣшенію. Если мы будемъ исключительно слѣдовать порядку, даваемому однимъ евангелистомъ, то повидимому станемъ въ противорѣчіе съ указаніями, которыя можно находить въ другомъ. Но подобное затрудненіе не должно смущать христіанина. Евангелисты вѣдь не заявляютъ, что они съ точностью держатся хронологической послѣдовательности. Описанія главныхъ событій въ жизни Христа у всѣхъ евангелистовъ просты и согласны между собой; а то обстоятельство, что они представляютъ ихъ не въ обработанной и—въ литературномъ отношеніи—не въ художественной формѣ, не только вполнѣ согласно съ самымъ положеніемъ этихъ писателей, но и составляетъ новое подтвержденіе нашему убѣжденію, что мы имѣемъ въ евангеліяхъ повѣствованіе

о жизни, которая по своему величію и красотѣ безконечно превышаетъ способность вымысла или воображенія у этихъ просто и правдиво разсказывающихъ о ней лѣтописцевъ.

Мы уже замѣтили, что ев. Іоаннъ не имѣлъ своею цѣлью повѣствовать о служеніи въ Галилеѣ; что оно дѣйствительно совершалось тамъ, онъ явно признаетъ (VII, 3, 4), но о немъ было уже разсказано раньше другими евангелистами. Особыя обстоятельства давали возможность этому евангелисту полно и подробно знать служеніе Его въ Іудеѣ, которое другими предполагается, но не разсказывается [387]). Поэтому здѣсь (IV, 54) онъ останавливается и продолжаетъ нить своего повѣствованія только уже по возращеніи Іисуса на «праздникъ» іудейскій (V, 1). Если подъ этимъ праздникомъ разумѣется Пуримъ, что, какъ увидимъ, весьма вѣроятно, то Іоаннъ пропускаетъ здѣсь исторію нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Вслѣдствіе этого мы снова возвращаемся къ синоптическимъ евангеліямъ, которыя повѣствуютъ о событіяхъ, относящихся къ этому именно времени служенія Христа на берегахъ Геннисарета. Такъ какъ намъ часто приходится дѣлать выборъ порядка событій, повѣствуемыхъ тремя евангелистами, то здѣсь мы будемъ слѣдовать порядку ев. Луки, какъ потому, что онъ кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ, такъ и потому, что ев. Лука, въ отличіе отъ двухъ прежнихъ евангелистовъ, видимо руководился, насколько это было возможно для него, и хронологическими соображеніями (Лук. I, 1—3).

Можно думать, что по оставленіи Каны Спаситель прямо пошелъ въ Капернаумъ, сопровождаемый своею матерью и братьями, и сдѣлалъ этотъ городъ мѣстомъ своего жительства [388]). Сестры Его вѣроятно были въ замужествѣ и не оставили своего роднаго Назарета; но страшнаго оскорбленія, полученнаго Іисусомъ, было однако достаточно для того, чтобы побудить Его семейныхъ оставить этотъ городъ, если даже на нихъ прямо и не простирались ненависть и гоненіе, вызванныя Его проповѣдью. Можетъ быть и возраставшее отчужденіе между Нимъ и ими отчасти вызывалось этимъ обстоятельствомъ (Іоан. VII, 3 — 5). У Его семейныхъ невольно являлось глубоко-затаенное чувство досады на то, что, и не признавая Его миссіи во всемъ ея великомъ значеніи и совершенно не одобряя той формы, въ которой она осуществлялась, они однако же должны были терпѣть ненависть и разореніе, какъ прямое слѣдствіе образа дѣйствій Іисуса. Достовѣрно, что хотя они и жили также въ Капернаумѣ, но жили не вмѣстѣ съ Нимъ. Жилища въ собственномъ смыслѣ у Него не было; но тотъ домъ, въ которомъ Онъ

обыкновенно жилъ, повидимому принадлежалъ Его главному апостолу. Правда, Симонъ и Андрей собственно жили въ Виѳсаидѣ, но они легко могли бывать и въ томъ домѣ въ Капернаумѣ, который принадлежалъ тещѣ Петра; или же, такъ какъ Виѳсаида составляла почти пригородъ или часть Капернаума, то для удобства своего Учителя они могли и совсѣмъ переселиться сюда.

Первые три евангелиста подробно сообщаютъ о первой субботѣ, проведенной Спасителемъ въ Капернаумѣ, и сообщеніе это имѣетъ для насъ глубочайшій интересъ, потому что показываетъ намъ, какъ вообще Спаситель проводилъ дни во время своего общественнаго служенія. Это лучшій комментарій на всю Его жизнь, всецѣло состоявшую въ томъ, что Онъ ходилъ повсюду, дѣлая доброе. Это именно та сторона Его жизни, подражать которой находили наиболѣе труднымъ самые доблестные изъ Его послѣдователей; въ этомъ отношеніи Его жизнь безусловно превосходила всѣ подвиги Его величайшихъ предшественниковъ. Уединенность отшельника, самоумерщвленіе аскета, восхищенность мистика—все это легче и обыденнѣе, чѣмъ неутомимый трудъ самоотверженной любви.

Начало дня проведено было въ синагогѣ, быть можетъ въ той самой, которою іудеи были обязаны щедрости сотника—римскаго прозелита. Если Капернаумъ дѣйствительно былъ на мѣстѣ теперешняго Телл-Хума, то бѣлыя мраморныя развалины, которыя еще и теперь стоятъ на небольшомъ возвышеніи надъ сверкающимъ озеромъ и своими осколками и обломками изящной архитектуры загромождаютъ теперь пустое и разоренное мѣсто города, быть можетъ и есть развалины этого самаго зданія. Синагога, бывшая не очень обширной, навѣрно до тѣсноты переполнилась народомъ; а для того, чтобы поучать искренно ожидающую поученія толпу, —поучать, какъ Онъ поучалъ — не въ скучныхъ избитыхъ формахъ мертвой нравоучительности, а въ дышащихъ жизнью мысляхъ и жгучихъ словахъ,—поучать, какъ поучаютъ тѣ, которые увлекаются чувствами тѣхъ моментовъ, когда сердце говоритъ къ сердцу,—для этого требовалось не мало жизненной энергіи, такая проповѣдь влекла за собой не малое истощеніе физическихъ силъ. Но это еще не все. Когда Онъ говорилъ, когда этотъ простосердечный и однако же преданный, умный и воинственный народъ слушалъ Его въ нѣмомъ изумленіи, съ глубочайшимъ вниманіемъ и благоговѣйнымъ почтеніемъ слѣдя за каждымъ словомъ, —глубокая тишина вдругъ нарушилась дикими выкриками и непристойнымъ буйствомъ одного изъ

тѣхъ несчастныхъ, жалкихъ созданій, которыя, по общему тогда вѣрованію, были одержимы нечистыми духами и которыя, при отсутствіи какихъ-либо пріютовъ для такихъ страдальцевъ, незамѣтно могли пробираться и въ синагогу [389]). Даже жалкій бѣсноватый, въ глубинѣ своей возмущенной и разбитой души, чувствовалъ успокоительное обаяніе этой чистой личности, этого святаго голоса, этого божественно озаряющаго благовѣстія. Но при извращенности всего своего нравственнаго существа онъ неистовствовалъ противъ всего этого, какбы голосами самихъ демоновъ, одержавшихъ его, онъ привѣтствовалъ «Іисуса Назарянина», какъ святаго Божьяго, и въ то же время въ порывахъ ужаса и ненависти умолялъ оставить его и не губить.

Затѣмъ послѣдовала потрясающая сцена. Повернувшись къ яростному и бѣснующемуся страдальцу, признавая двойственность въ его сознаніи и обращаясь къ демону, который вызывалъ въ немъ всѣ эти ужасныя неистовства, Іисусъ сказалъ: «замолчи [390]) и выйди изъ него». Онъ никогда не принималъ и не терпѣлъ такихъ темныхъ свидѣтельствъ о своемъ происхожденіи и служеніи. Спокойствіе, кротость, сила божественнаго изреченія были непреодолимы. Бѣсноватый упалъ на землю, въ страшныхъ судорогахъ крича и корчась. Но все это скоро прошло. Человѣкъ всталъ здоровымъ; все въ немъ показывало, что онъ освободился отъ подавлявшей его силы, и теперь былъ въ своемъ здравомъ разсудкѣ. Никогда прежде не совершалось такого великаго и поразительнаго чуда, - и всѣ присутствовавшіе разошлись по домамъ съ чувствомъ неописаннаго изумленія [391]).

Оставивъ мѣсто *мафтира* въ синагогѣ, Христосъ удалился въ домъ Симона. Здѣсь Его также встрѣтили мольбою о помощи въ болѣзни и страданьи. Симонъ, котораго Онъ уже навсегда привязалъ къ себѣ на берегахъ Іордана, призвавъ его къ будущему апостольству, былъ женатъ (1 Кор. IX, 5), и теща его находилась въ сильномъ припадкѣ горячки [392]). Со стороны опечаленнаго семейства достаточно было только попросить о милости, тутъ не требовалось настойчивыхъ упрашиваній [393]), какъ это было съ болѣе преданнымъ міру царедворцемъ. Спаситель остановился надъ больною, взялъ ее за руку, поднялъ ее и запретилъ горячкѣ; голосъ Его, потрясши все ея существо, побѣдилъ источники болѣзни, и больная, мгновенно выздоровѣвъ, встала и служила имъ по хозяйству [394]).

Строгость соблюденія субботы, которою отличались іудеи, дала Спасителю короткій промежутокъ для отдыха и подкрѣпленія; но только

что начало заходить солнце, какъ множество народа, ожидавшаго только полнаго окончанія субботнихъ часовъ, стало искать Его помощи. Со всего города народъ столпился у дверей Его скромнаго жилища, приведя съ собой бѣсноватыхъ и больныхъ всякаго рода. Какое странное было зрѣлище! Тамъ лежало зеркальное озеро, отражавшее въ блѣдно-розовомъ свѣтѣ послѣднее сіяніе вечерней зари, что золотила вершины холмовъ; тутъ, среди мирной природы, были выставлены въ ужасающемъ разнообразіи болѣзнь и горе человѣка, и тишина субботнихъ сумерокъ нарушалась выкриками бѣсноватыхъ, инстинктивно чувствовавшихъ присутствіе Сына Божія [395]).

Казалось былъ тутъ лазаретъ, гдѣ множество
Больныхъ скопилось—всѣхъ недуговъ:
Ужасной корчи, гнойныхъ ранъ, тошноты,
Тоски сердечной, бреда огненной горячки,
И бѣснованья, меланхоліи печальной,
И лунатизма изступленья;

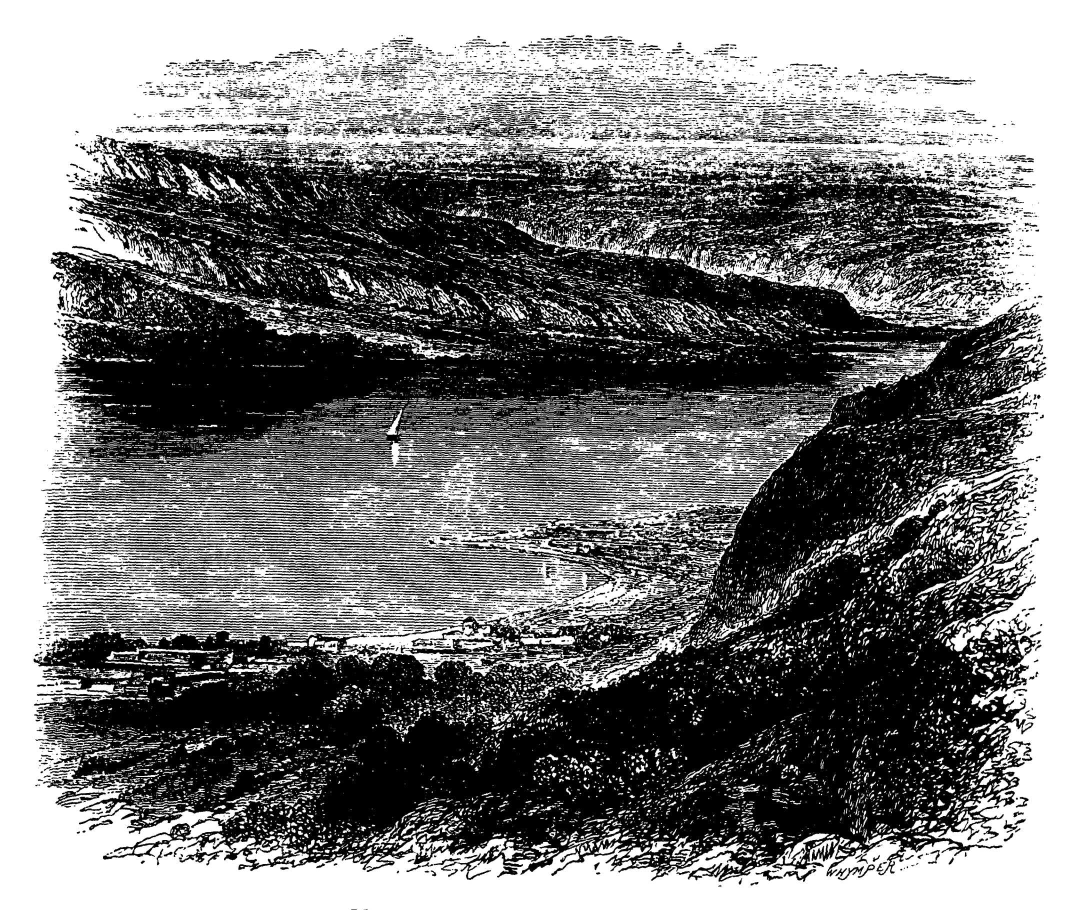
и между ними не—

Отчаянье
Ходило за больными, снуя отъ одра къ одру,
И смерть побѣдоносно потрясала
Своимъ копьемъ..,

но далеко за сумерки спокойно и безбоязненно ходилъ между ними, съ ласкою и любовью, юный Пророкъ назаретскій — Христосъ, Спаситель міра, успокоивая своимъ голосомъ бредъ безумства и крики припадка [396]), исцѣляя болѣзни возложеніемъ на каждаго несчастнаго и мучащагося [397]) страдальца своихъ чистыхъ любящихъ рукъ. Безбоязненно и спокойно, но не свободно отъ скорби и страданья. Сочувствіе вѣдь есть не что иное, какъ одинаковое чувство съ другими: сознательное участіе въ радости и горѣ. И Іисусъ былъ тронутъ тяжкими немощами всѣхъ этихъ страдальцевъ. Эти вопли проникали въ самое Его сердце; эти стоны и вздохи несчастныхъ наполняли Его душу состраданіемъ. Онъ скорбѣлъ изъ-за нихъ, страдалъ съ ними; ихъ припадки терзали Его; и ев. Матѳей невольно вспоминаетъ и повторяетъ въ этомъ мѣстѣ, съ легкимъ различіемъ въ языкѣ, слова пророка Исаіи: «Онъ взялъ на себя наши немощи, и понесъ болѣзни» [398]).

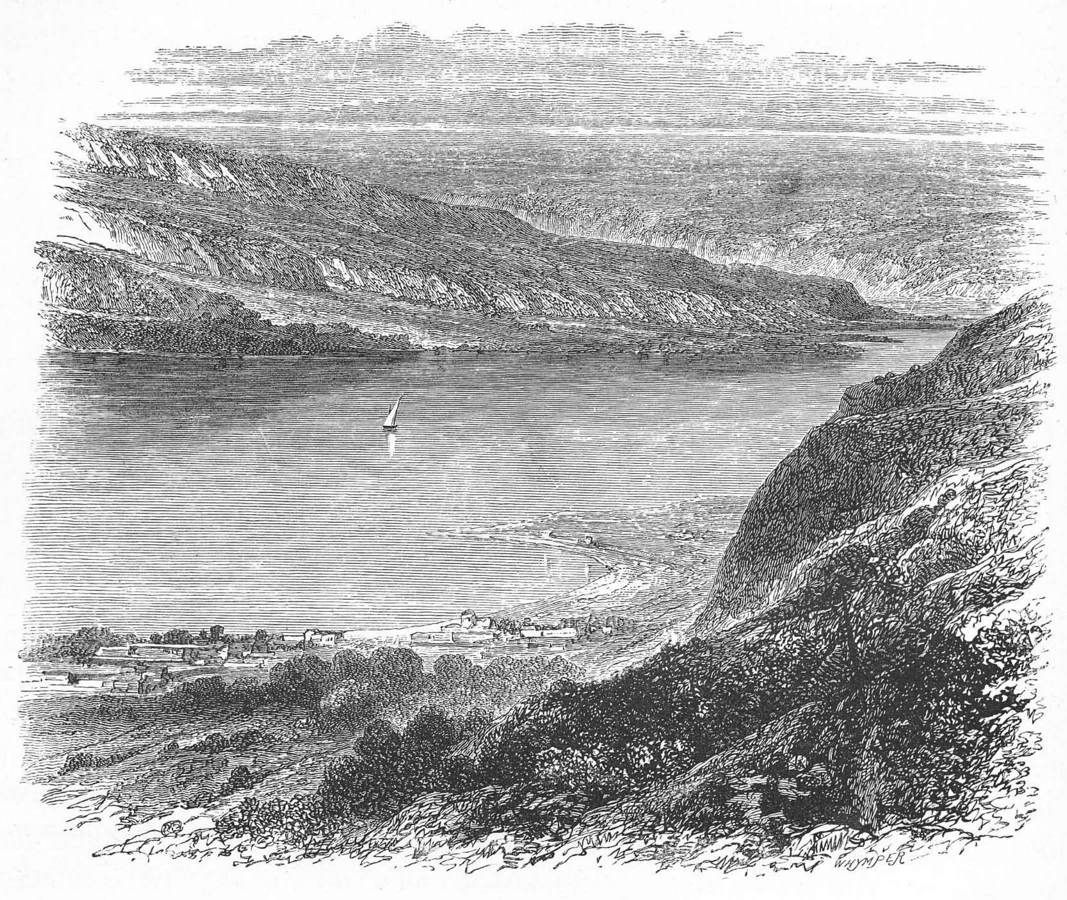
Молва объ этомъ чудесномъ событіи разнеслась по всей Галилеѣ и Переѣ, и даже до отдаленныхъ предѣловъ Сиріи (Мѳ. IV, 24), и

можно представить себѣ, какъ сильно утомленный Спаситель нуждался послѣ этого въ продолжительномъ покоѣ. Но лучшимъ и самымъ пріятнымъ для него отдыхомъ было уединеніе и безмолвіе, гдѣ Онъ, не тревожимый никѣмъ, могъ быть наединѣ съ своимъ Отцомъ небеснымъ. Равнина Геннисаретская была еще окутана глубокой тьмой, наступающей передъ разсвѣтомъ [399]), когда, незамѣченный никѣмъ,



Южный конецъ озера Галилейскаго.

Іисусъ всталъ и удалился въ одно пустынное мѣсто, и тамъ подкрѣпилъ свой духъ тихой молитвой. Хотя дѣло, для котораго онъ былъ посланъ, часто обязывало его проводить время среди тѣснящейся и возбужденной толпы, Онъ однако же не любилъ народнаго шума и избѣгалъ даже почестей и выраженій признательности отъ тѣхъ, которые чувствовали въ Его присутствіи какбы обновленіе всего своего существа. Но Ему не давали, даже на короткое время, оставаться въ



Южный конецъ озера Галилейскаго.

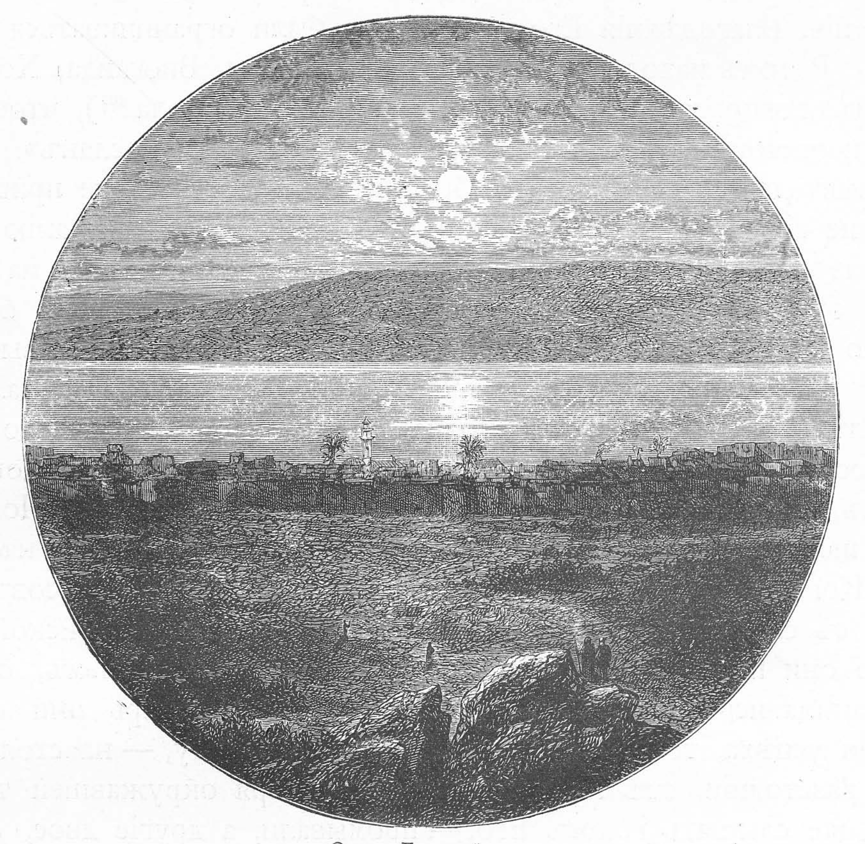
покоѣ и въ уединеніи. Народъ неотступно слѣдовалъ за Нимъ; Симонъ съ своими друзьями почти гонялись за Нимъ съ неутомимой жаждою видѣть и слышать. Они даже хотѣли почти силой удержать его у себя [400]). Но онъ спокойно отклонилъ ихъ настойчивость. Онъ не имѣлъ своею цѣлью сдѣлаться предметомъ всенароднаго почета и удивленія, или проводить все свое время въ совершеніи чудесъ, которыя, хотя и были дѣлами милосердія, главнымъ назначеніемъ своимъ имѣли однако же то, чтобы открывать сердца людей къ разумѣнію Его божественнаго ученія. Благодѣянія Его не должны были ограничиваться Капернаумомъ. Рядомъ находились Далмануѳа, Магдала, Виѳсаида, Хоразинъ. «Пойдемъ, говорилъ Онъ, въ ближніе селенія и города [401]), чтобы Мнѣ и тамъ проповѣдывать царствіе Божіе, ибо на то Я посланъ».

Сомнительно однако же, чтобы Спаситель тотчасъ же привелъ въ исполненіе свое намѣреніе. Повидимому Онъ уступилъ желанію народа и еще разъ проповѣдывалъ имъ, прежде чѣмъ отправиться на проповѣдь въ эти населенныя окрестности [402]). Онъ направился къ берегу и вѣроятно къ тому мѣсту, гдѣ была причалена лодка его первыхъ учениковъ, у твердаго песчанаго берега близъ Виѳсаиды. Неподалеку за нимъ слѣдовала неотступная толпа народа, собравшаяся со всѣхъ окрестностей; и въ то время, какъ онъ остановился побесѣдовать съ народомъ, братья рыбаки, Симонъ съ Андреемъ и Іаковъ съ Іоанномъ; отправились на промыселъ, которымъ они зарабатывали себѣ насущный хлѣбъ. Когда Іисусъ удалялся отдохнуть на нѣсколько часовъ ночи, Симонъ съ своими сотоварищами, подчиняясь своей житейской долѣ, которую они повидимому несли съ веселымъ добродушіемъ, обыкновенно занимались рыболовствомъ. Но такъ какъ теперь они совсѣмъ не имѣли успѣха, то двое изъ нихъ, сидя на берегу, — на столь недалекомъ разстояніи отъ Христа, что, благодаря окружавшей тишинѣ, могли даже слышать голосъ Его, — промывали, а другіе двое, сидя въ своей лодкѣ съ наемными рабочими и Зеведеемъ, отцомъ своимъ, чинили сѣти [403]). Во время бесѣды Іисуса, народъ — иные съ желаніемъ уловить каждое слово, исходившее изъ устъ Того, кто говорилъ такъ, какъ никогда не говорилъ человѣкъ, а иные съ желаніемъ прикоснуться къ Нему и тѣмъ исцѣлиться отъ одержавшихъ болѣзней, — тѣснился къ Нему больше и больше, до непристойности затрудняя Его движенія и тѣсня его къ озеру (Марк. III, 9—12). Поэтому Онъ далъ знать Симону, чтобы тотъ взялъ Его въ свою лодку, и велѣлъ отплыть нѣсколько отъ берега такъ, чтобы Ему можно было поучать народъ изъ

лодки. Съ этой удобной каѳедры, свободный отъ всякой тѣсноты, Онъ поучалъ народъ, покачиваясь на лазурной ряби озера, сверкавшаго подъ утренними лучами солнца. И когда проповѣдь Его кончилась, Онъ думалъ не о себѣ и о своемъ утомленіи, а о своихъ бѣдныхъ, потерпѣвшихъ неудачу, ученикахъ. Онъ зналъ, что трудъ ихъ былъ напрасенъ; Онъ замѣтилъ, что во время Его бесѣды они, будучи заняты своимъ ремесломъ, въ то же время готовились къ будущему

Озеро Галилейское.

дѣлу, обѣщавшему имъ больше успѣха; и съ сочувствіемъ, никогда не опускавшимъ случая для совершенія добраго дѣла, Онъ велѣлъ Петру отплыть на глубину и вновь закинуть сѣти свои для лова [404]). Петръ былъ въ уныломъ настроеніи духа; но для него было достаточно простаго слова со стороны Того, кого онъ такъ глубоко чтилъ и свидѣтелемъ могущества котораго онъ уже былъ столько разъ. И его вѣра была вознаграждена. Сѣти мгновенно наполнились множествомъ рыбы.



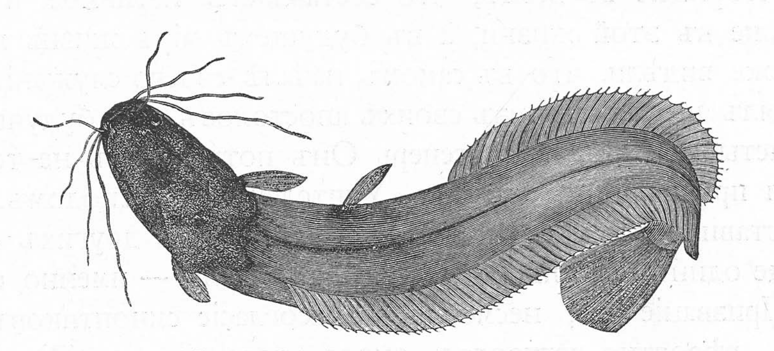
Озеро Галилейское.

Послѣдовала оживленная сцена. Трудовой промыселъ стоялъ на первомъ планѣ. Симонъ и Андрей дали знать Зеведею и его сыновьямъ съ рабочими, чтобы они плыли сюда съ своей лодкой и помогли имъ вытаскивать необычайный уловъ, грозившій прорвать самыя сѣти. Обѣ лодки были доверха наполнены грузомъ, и тотчасъ же по окончаніи работы Петръ, признавая всю силу чуда, съ свойственнымъ ему порывомъ припалъ къ колѣнамъ Іисуса — благодарить Его? выразить Ему чувство безпредѣльной преданности? — нѣтъ, но для того (и здѣсь мы опять имѣемъ черту неподдѣльной правдивости, превосходящей всякую способность вымысла), чтобы воскликнуть: «*выйди отъ меня,* Господи! потому что я — человѣкъ грѣшный»[405]). Лучъ сверхъестественнаго озаренія открылъ ему какъ его собственное грѣховное недостоинство, такъ и то, Кто былъ съ нимъ въ лодкѣ. Это былъ вопль

Рыба изъ озера Галилейскаго (Clarias macracanthus).

самообличенія, который уже обнаруживалъ задатки высшаго благородства. Это былъ первый порывъ страха и изумленія, тѣхъ чувствъ, которыя впослѣдствіи возрасли до степени обожанія и любви. Петръ не разумѣлъ въ собственномъ смыслѣ «выйди отъ меня»; а разумѣлъ только — и это было извѣстно Сердцевѣдцу: «я крайне недостоинъ быть подлѣ Тебя, но позволь мнѣ остаться». Какъ не похожъ этотъ вопль страстнаго и трепетнаго смиренія на дикія неистовства злыхъ духовъ, которые просили Спасителя удалиться отъ нихъ, или на нравственное огрубѣніе грязныхъ гадаринцевъ, которые присутствію Спасителя предпочли уходъ за свиньями!

На это послѣдовалъ кроткій отвѣтъ: «не бойся; отнынѣ будешь ловить человѣковъ». Спаситель, какъ и во всемъ своемъ ученіи, уловилъ особенность обстоятельствъ даннаго момента и воспользовался ихъ внутреннимъ смысломъ. Подлѣ нихъ въ лодкѣ кучами лежала



Рыба изъ озера Галилейскаго (Clarias macracanthus).

животрепещущая добыча озера, животрепетанье которой однако же начинало уже стихать — предъ вѣчнымъ покоемъ смерти [406]). Отселѣ этотъ грѣшный человѣкъ, омытый и очищенный, искупленный и освященный, долженъ былъ преслѣдовать въ болѣе благородномъ трудѣ добычу, которая, будучи поймана сѣтью евангелія, не умретъ, а будетъ жить вѣчно [407]). И его братъ, и его товарищи по промыслу должны были также сдѣлаться «ловцами людей». Этого послѣдняго зова было довольно. Они уже были призваны Іисусомъ на берегахъ Іордана; они уже слышали свидѣтельство Іоанна Крестителя; но отъ нихъ еще не требовалось оставить все и слѣдовать за Нимъ; они еще не свыклись съ чудесами, подкрѣплявшими ихъ вѣру; они еще не пришли къ полному признанію того, что слѣдовавшіе Ему были не только безопасны подъ Его святымъ руководствомъ, но и должны получить сторицею во всемъ, что составляетъ истинное и достойное счастье даже въ этой жизни, а въ будущемъ мірѣ жизнь вѣчную.

Мы уже видѣли, что въ самомъ началѣ своего служенія Спаситель приготовлялъ шестерыхъ изъ своихъ апостоловъ для будущаго служенія; отъ четырехъ изъ нихъ теперь Онъ потребовалъ не только того, чтобы они признали Его своимъ Учителемъ и Господомъ, но чтобы отнынѣ оставили все и слѣдовали за Нимъ. Изъ другихъ апостоловъ только еще одинъ получилъ отдѣльное призваніе — именно евангелистъ Матѳей. Призваніе его, несмотря на несогласіе синоптиковъ въ этомъ отношеніи, вѣроятно состоялось около этого времени [408]). Въ Капернаумѣ или близъ него находилась таможня, для сбора пошлинъ. Будучи расположенъ въ узлѣ дорогъ, расходившихся къ Тиру, Дамаску, Іерусалиму и Сепфорису, городъ этотъ былъ оживленнымъ торговымъ центромъ страны, и потому представлялъ удобное мѣсто для сбора податей и пошлинъ. Налоги эти были особенно ненавистны іудеямъ. Самая обязанность платить ихъ уязвляла священнѣйшія для нихъ чувства. Они были не только знакомъ политическаго рабства, не только постояннымъ и ужаснымъ свидѣтельствомъ того, что Богъ какбы оставилъ свой народъ и что всѣ свѣтлыя мессіанскія надежды и обѣтованія, которыми полна была ихъ прежняя историческая жизнь, померкли въ страшномъ сумракѣ подчиненія чужеземному игу жестокихъ и высокомѣрныхъ покорителей, но даже самая уплата ихъ для чувствительной и щепетильной души истыхъ іудеевъ казалась почти вѣроотступничествомъ [409]). Она казалась нарушеніемъ основныхъ началъ теократіи и могла быть извиняема только подъ условіемъ неизбѣжной прину-

дительности. Неудивительно поэтому, что чиновники, собиравшіе эти налоги, были крайне нелюбимы народомъ. Нужно помнить при этомъ, что въ отдаленныхъ областяхъ сборщиками были не римскіе чиновники — настоящіе publicani, а ихъ простые подчиненные, часто набиравшіеся изъ подонковъ общества, и они такъ славились своими злоупотребленіями, что на нихъ смотрѣли почти съ ужасомъ и всегда причисляли къ одному разряду съ блудницами и грѣшниками. Когда извѣстное занятіе находится въ такомъ презрѣніи и считается такимъ гнуснымъ, то понятно, что люди, занимающіеся имъ, склонны падать до уровня, на который ставитъ ихъ народная ненависть. И если іудей едва могъ убѣдить себя въ правотѣ самой *уплаты* податей, то можно представить, какимъ ужаснымъ преступленіемъ было въ его глазахъ сдѣлаться орудіемъ, и притомъ сомнительной честности, въ *собираніи* ихъ? Если ненавидѣли мытаря вообще, то какое омерзѣніе въ народѣ долженъ былъ возбуждать мытарь изъ іудеевъ [410])?

Но Тотъ, Кто пришелъ взыскать и спасти погибшихъ, Кто могъ водворить христіанскую святость въ средѣ языческаго растлѣнія, — могъ даже изъ мытаря-іудея сдѣлать апостола и перваго евангелиста новой и живой вѣры. При избраніи апостоловъ Онъ руководился побужденіями, совершенно отличными отъ тѣхъ, которыми руководится разсчетливая политика или условное благоразуміе. Онъ отвергъ важнаго книжника (Матѳ. VIII, 19) и избралъ презираемаго и ненавидимаго всѣми сборщика податей. Это было славное дѣло божественной прозорливости и совершеннаго человѣколюбія, и ев. Матѳей болѣе чѣмъ оправдалъ его, обративъ свое знаніе письма на священное дѣло и сдѣлавшись первымъ жизнеописателемъ своего Спасителя и Господа.

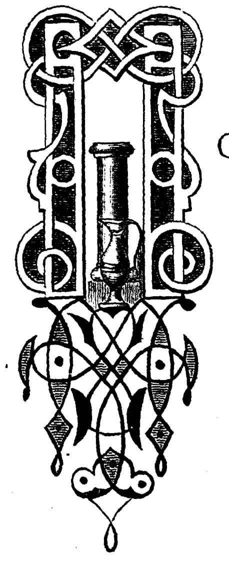
Нѣтъ сомнѣнія, что Матѳей слышалъ нѣкоторыя изъ бесѣдъ и видѣлъ нѣкоторыя изъ чудесъ Христа. Сердце его было тронуто ими, и въ глазахъ Того, Кто не презиралъ никого и не гнушался никѣмъ, мытарь этотъ, даже когда онъ еще сидѣлъ у «сбора пошлинъ» [411]), былъ уже готовъ для призванія. Одного слова было довольно: «слѣдуй за Мною». Оно показывало Матѳею, что Господь возлюбилъ его и готовъ былъ воспользоваться имъ, какъ избраннымъ орудіемъ въ распространеніи благовѣстія въ царствѣ Божіемъ, и потому его было достаточно для того, чтобы заставить мытаря побѣдить въ себѣ всѣ искушенія алчности и порвать съ прежнимъ занятіемъ. «И онъ всталъ и послѣдовалъ за Нимъ», нравственно-возрожденный чудесной силой всепрощающей и искупляющей любви [412]).

Курн-Хаттинъ (гора Блаженствъ).

ГЛАВА XVIII.

ИЗБРАНІЕ ДВѢНАДЦАТИ АПОСТОЛОВЪ И НАГОРНАЯ ПРОПОВѢДЬ.

До пришествія Христова законъ повелѣвалъ, но не помогалъ; послѣ пришествія и повелѣваетъ и помогаетъ. *Бл. Августинъ.*



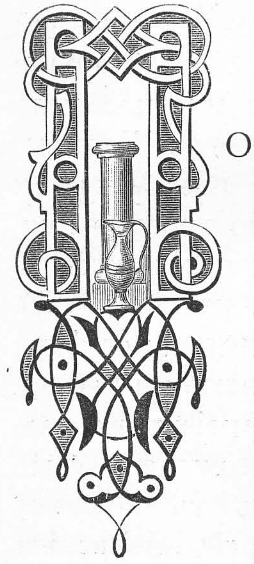
ОСЛѢ одного изъ такихъ дней, проведенныхъ въ неустанномъ трудѣ по совершенію дѣлъ человѣколюбія, Іисусъ, по своему обыкновенію, искалъ отдыха и успокоенія въ молитвѣ. «Онъ взошелъ на гору [413]) помолиться и пробылъ всю ночь на молитвѣ къ Богу». Есть нѣчто въ высшей степени умилительное въ самой мысли объ этихъ уединенныхъ часахъ: кругомъ полнѣйшее безмолвіе и тишина, ненарушаемыя никакими звуками человѣческой жизни, — только гукаютъ филины или воютъ шакалы; на неизмѣримой глубинѣ восточнаго неба яркими огнями сверкаютъ звѣзды, а подъ ними одинокая фигура Человѣка скорбей колѣнопреклоненно стоитъ на росистой травѣ и ищетъ подкрѣпленія для своихъ трудовъ въ этомъ

Курн-Хаттинъ (гора Блаженствъ).

ГЛАВА XVIII.

ИЗБРАНІЕ ДВѢНАДЦАТИ АПОСТОЛОВЪ И НАГОРНАЯ ПРОПОВѢДЬ.

До пришествія Христова законъ повелѣвалъ, но не помогалъ; послѣ пришествія и повелѣваетъ и помогаетъ. *Бл. Августинъ.*



ОСЛѢ одного изъ такихъ дней, проведенныхъ въ неустанномъ трудѣ по совершенію дѣлъ человѣколюбія, Іисусъ, по своему обыкновенію, искалъ отдыха и успокоенія въ молитвѣ. «Онъ взошелъ на гору [413]) помолиться и пробылъ всю ночь на молитвѣ къ Богу». Есть нѣчто въ высшей степени умилительное въ самой мысли объ этихъ уединенныхъ часахъ: кругомъ полнѣйшее безмолвіе и тишина, ненарушаемыя никакими звуками человѣческой жизни, — только гукаютъ филины или воютъ шакалы; на неизмѣримой глубинѣ восточнаго неба яркими огнями сверкаютъ звѣзды, а подъ ними одинокая фигура Человѣка, скорбей, колѣнопреклоненно стоитъ

чистомъ воздухѣ, подъ этимъ открытымъ небомъ, отъ этого внутренняго и безмолвнаго общенія съ своимъ Отцомъ и Богомъ [414])...

Мѣстомъ этой уединенной ночной молитвы и вмѣстѣ нагорной проповѣди было, по всей вѣроятности, одинокое возвышеніе, извѣстное въ настоящее время подъ названіемъ Курн-Хаттинъ или «Роговъ-Хаттинскихъ» [415]). Это холмъ, вершина котораго весьма похожа по своимъ двумъ высокимъ отрогамъ на восточное сѣдло. На западѣ онъ поднимается лишь очень немного надъ уровнемъ широкой, волнистой долины; на востокѣ обрывисто спускается къ площадкѣ, на которой подъ самыми утесами лежитъ деревня Хаттимъ, а отъ площадки дикая, знойная горловина ведетъ внизъ — къ сверкающей поверхности озера Галилейскаго. Это единственная выдающаяся гора на западной сторонѣ озера и она по своему расположенію особенно пригодна какъ для уединенія, такъ и для собранія народа. Сюда-то, по всей вѣроятности, Спаситель удалялся по вечерамъ, пробираясь промежъ скалистыхъ, служащихъ притонами для разбойниковъ, утесовъ, идущихъ по обѣимъ сторонамъ Долины Голубей, останавливаясь, быть можетъ, по временамъ испить чистой воды изъ журчащаго ручья, сорвать нѣсколько вкусныхъ яблоковъ *нубкъ* и прослѣдить за орлами, спускавшимися на какую-нибудь изъ близъ лежащихъ скалъ. И сюда же утромъ слѣдовала за Нимъ народная толпа, которая конечно менѣе своего божественнаго Учителя обращала вниманія на разнообразныя красоты окружающей природы, но не хотѣла даже на время лишиться Его вдохновляющаго присутствія и жаждала постоянно слышать благодатныя слова, исходившія изъ устъ Его.

На разсвѣтѣ, прежде чѣмъ успѣлъ собраться народъ, Спаситель подозвалъ къ себѣ учениковъ, которые понемногу собрались около Него. Доселѣ они связаны были съ Нимъ только простыми отношеніями дружбы и едва ли понимали ихъ полное значеніе. Но пришелъ часъ, и Онъ изъ всего круга своихъ обыкновенныхъ послѣдователей сдѣлалъ окончательное избраніе для себя двѣнадцати апостоловъ. Число ихъ было незначительно въ сравненіи съ цѣлыми сотнями послѣдователей, называвшихъ себя учениками какого-нибудь Гиллеля или Гамаліила, и самое общественное положеніе ихъ было ничтожно и низко. Симонъ и Андрей – сыновья Іоны, Іаковъ и Іоаннъ — сыновья Зеведея, и Филиппъ – всѣ были изъ небольшой деревни Виѳсаиды. Если Матѳей одно и то же лицо съ Левіемъ, то онъ былъ сыномъ Алфея, а слѣдовательно и братомъ Іакова меньшаго и Іуды, брата

Iакова, который обыкновенно считается тождественнымъ съ Леввеемъ и Θаддеемъ. Они, по всей вѣроятности, были изъ Каны или Капернаума; и если есть какое-нибудь основанiе вѣрить преданiю [416]), по которому Марiя, жена Алфея или Клеопы [417]), была младшею сестрою дѣвы Марiи, тогда мы должны считать этихъ двухъ братьевъ двоюродными братьями Спасителя. Наθанаилъ или Варθоломей былъ изъ Каны Галилейской [418]), Θома и Симонъ Зилотъ были также галилеяне. Iуда Искарiотъ былъ сынъ Симона Искарiота, но одно ли лицо этотъ Симонъ съ Зилотомъ — опредѣлить невозможно.

Изъ этого «славнаго общества апостоловъ» трое — Iаковъ меньшiй [419]), Iуда (братъ) [420]) Iаковлевъ и Симонъ Зилотъ почти ничѣмъ неизвѣстны намъ. Съ самою личностью Iакова и Iуды связываются многочисленныя затрудненiя вслѣдствiе необыкновенно частаго употребленiя этихъ именъ среди iудеевъ. Они признаются авторами двухъ соборныхъ посланiй, но положительнаго рѣшенiя этого вопроса еще доселѣ не установлено въ наукѣ. Въ евангелiяхъ ничего не сообщается объ ихъ личности, и только ев. Iоаннъ при описанiи Тайной вечери упоминаетъ объ «Iудѣ не Искарiотѣ», который вмѣстѣ съ другими обращался съ извѣстнымъ вопросомъ къ Спасителю (Iоан. XIV, 22). Симонъ извѣстенъ только по своему прозванiю Зилотъ. «Зилотъ» или «Кананитъ» — имена тождественныя по своему значенiю и показываютъ, что онъ нѣкогда принадлежалъ къ числу буйныхъ и неистовыхъ послѣдователей Iуды Гискальскаго [421]). Греческiя имена Филиппа и Андрея, а также и то обстоятельство, что къ Филиппу именно обращались греки, желавшiе видѣться съ Спасителемъ, и что онъ просьбу эту передалъ Андрею, быть можетъ указываютъ на нѣкоторыя связи ихъ съ эллинистами; но кромѣ первоначальнаго призванiя, о нихъ почти ничего не сообщается больше; то же самое и о Наθанаилѣ и Матθеѣ. О Θомѣ, называемомъ также Дидимомъ или «близнецомъ», что составляетъ только греческiй переводъ его еврейскаго имени, мы находимъ нѣсколько интересныхъ свѣденiй, которыя показываютъ въ немъ человѣка своеобразнаго характера, наивнаго и простаго, но въ то же время пылкаго и великодушнаго, готоваго умереть, но тугаго на вѣру. Объ Iудѣ, человѣкѣ изъ Карiота [422]), быть можетъ единственномъ iудеѣ въ обществѣ апостоловъ, мы будемъ имѣть печальный случай говорить послѣ; а евангелiя часто клеймятъ его роковымъ поясненiемъ, столь страшнымъ въ самой своей простотѣ: «Iуда Искарiотъ, который и предалъ Его» [423]).

Іаковъ, Іоаннъ и Петръ принадлежали къ самому тѣсному кругу—ἐκλεκτῶν ἐκλεκτότεροι—друзей и послѣдователей Христа [424]). Имъ однимъ только позволено было присутствовать съ Нимъ при воскрешеніи дочери Іаира, во время преображенія и предсмертной молитвы въ саду Геѳсиманскомъ. Объ Іаковѣ мы не знаемъ ничего больше, кромѣ того, что онъ сподобился высокой чести быть первымъ мученикомъ изъ общества апостоловъ. Онъ и его братъ Іоаннъ, хотя они и были рыбаками, повидимому находились въ лучшихъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ ихъ сотоварищи. Зеведей, отецъ ихъ, не только имѣлъ свою собственную лодку, но и держалъ наемныхъ рабочихъ; а Іоаннъ случайно упоминаетъ въ своемъ евангеліи, что онъ былъ извѣстенъ первосвященнику [425]). Мы уже высказывали не невѣроятное соображеніе, что онъ часто бывалъ въ Іерусалимѣ и тамъ занимался сбытомъ рыбы, которая присылалась туда съ озера Галилейскаго. Этимъ объясняется то, что онъ ближе зналъ многія изъ событій въ служеніи Спасителя въ Іудеѣ, о которыхъ вполнѣ умалчиваютъ другіе евангелисты.

Апостолъ Іоаннъ и Петръ—одинъ символъ созерцательной, другой—практической жизни, несомнѣнно являются величайшими и наиболѣе привлекательными личностями во всемъ обществѣ апостоловъ. Въ характерѣ Іоанна часто ошибались. Какъ ни преисполненъ онъ былъ божественной нѣжности; какъ ни превосходилъ онъ другихъ апостоловъ въ пониманіи всей глубины и значенія новой заповѣди Спасителя; какъ ни богаты его посланія и его евангеліе созерцательнымъ, всепоглощающимъ благоговѣніемъ; какъ ни дорогъ онъ былъ вслѣдствіе этого сердцу мистиковъ и подвижниковъ,—тѣмъ не менѣе онъ былъ безконечно далекъ отъ того женственнаго піетизма, который обыкновенно приписывается ему. Прозваніе Воанергесъ или «сыны громовы», которое онъ раздѣлялъ съ своимъ братомъ Іаковомъ [426]), ихъ совмѣстная просьба о преимуществѣ въ царствѣ Божіемъ, ихъ запальчивое требованіе низвести огонь съ неба на оскорбившихъ ихъ жителей самарянскаго селенія (Лук. IX, 54); жгучая выразительность простонароднаго языка, какимъ написанъ Апокалипсисъ, неудержимый ужасъ, съ которымъ по преданію ап. Іоаннъ бѣжалъ отъ присутствія еретика Керинѳа [427]),—все это показываетъ, что въ немъ былъ духъ орла, который именно, а не голубь, искони считался его символомъ [428]). Такъ какъ ревность и восторженность, которыя не цѣнятся и почти презираются дряблою, боязливою религіозностью нашего времени, всегда были необходимыми орудіями въ распространеніи царства Божія, то несомнѣнно эти именно качества въ

его характерѣ, вмѣстѣ съ нѣжностью и преданностью, и были причиной особеннаго къ нему расположенія Учителя и дѣлали его ученикомъ (Іоан. XXI, 20), «котораго любилъ Іисусъ». Дивная глубина и сила его духа, рѣдкое сочетаніе созерцательности и подвижности, силы и кротости въ одной и той же душѣ, совершеннѣйшая вѣра, вдохновлявшая его преданность, и совершеннѣйшая любовь, исключавшая всякій страхъ,—вотъ тѣ дарованія и качества, которыя дѣлали его достойнымъ того, чтобы склоняться своею юною головою къ груди Спасителя.

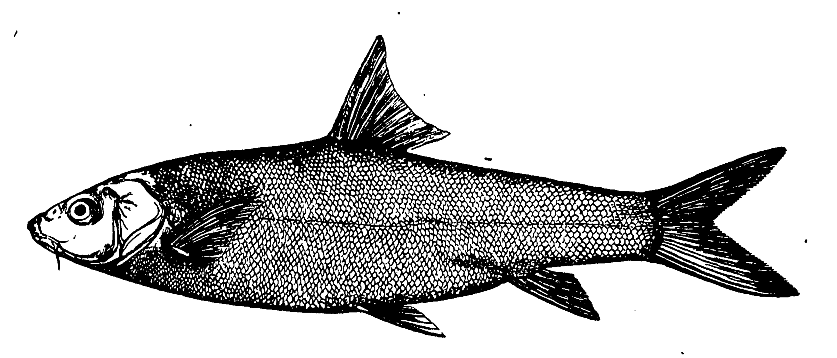
Не менѣе замѣчательною личностью былъ другъ Іоанна—апостолъ Петръ. Мы будемъ имѣть еще много случаевъ для наблюденія велико-

Рыбакъ на озерѣ Галилейскомъ.

душныхъ, порывистыхъ, колеблящихся, благородныхъ и робкихъ движеній этого немощно-человѣческаго, но въ высшей степени симпатичнаго характера. Удовольствуемся на этотъ разъ краткою, но яркою характеристикой, сдѣланной другимъ писателемъ. «Трудно сказать»,—говоритъ Гамильтонъ,—«въ чемъ больше всего выражалось его рвеніе—въ обожаніи или дѣятельности. Преизбытокъ въ немъ сердца придавалъ силу и проворство каждому его движенію. Окруженъ ли Учитель его звѣрскими злодѣями?—пылкость Петра проявляется въ обнаженномъ мечѣ и превращаетъ галилейскаго рыбака въ отважнаго воина. Разносится ли слухъ о воскресеніи Учителя изъ гроба?—болѣе быстрый на

Рыбакъ на озерѣ Галилейскомъ.

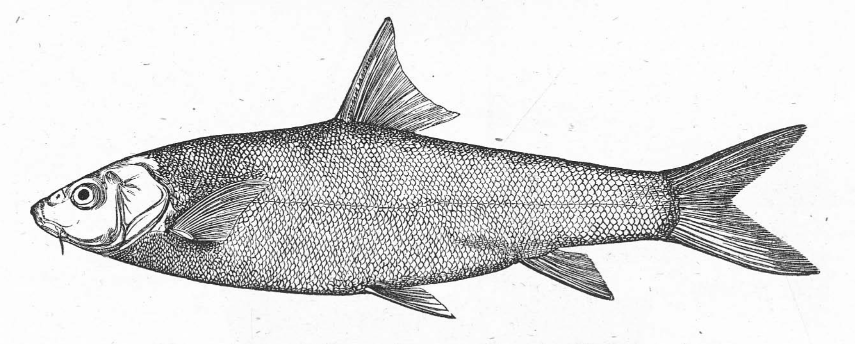
ноги Іоаннъ далеко оставляетъ позади своего старшаго друга; но нетерпѣливость Петра опережаетъ тихую любовь Іоанна, и когда тотъ въ смущеніи остановился, Петръ, не переводя дыханія, бросается въ пустую гробницу. На берегу ли находится воскресшій Христосъ?—его товарищи собираютъ свои сѣти и поворачиваютъ судно къ берегу, а Петръ бросается за бортъ и, борясь съ волнами, въ мокрой одеждѣ падаетъ къ ногамъ своего Учителя. Говоритъ ли Іисусъ: принесите рыбы, которую вы теперь поймали?—не успѣли другіе уловить эти слова, Петръ уже тащитъ на берегъ мокрую сѣть съ животрепещущей добычей, и всѣмъ своимъ своимъ существомъ уже напередъ отвѣчаетъ на вопросы Спасителя: «Симонъ, любишь ли ты Меня?» Однимъ словомъ, это человѣкъ, который скорѣе всѣхъ, если потребуютъ обстоятельства, можетъ отдаться восторженному чувству боготворенія и хвалы или слѣдовать



Рыба въ озерѣ Галилейскомъ (Capoëta Damascina).

за Христомъ въ тюрьму и на смерть; можетъ совершить во имя преданности геройскіе подвиги или съ пылкимъ усердіемъ заняться исполненіемъ разныхъ дѣлъ въ различныхъ областяхъ труда» [429]).

Таковы были главные изъ апостоловъ, которыхъ Спаситель соединилъ въ одно общество, когда возсѣдалъ на зеленой вершинѣ Курн-Хаттина. Можно предполагать, что на одномъ изъ двухъ отроговъ горы Онъ и провелъ ночь въ молитвѣ, и раннимъ утромъ тамъ къ Нему присоединились Его ученики. Какимъ внѣшнимъ символомъ Спаситель утвердилъ это первое великое посвященіе на апостольство, или вообще былъ ли при этомъ употребленъ какой-нибудь символъ, мы не знаемъ; но несомнѣнно то, что избраніе это было формальное и окончательное. Съ этой поры не было уже возврата къ рыбачьей лодкѣ или къ ларю мытаря, какъ источникамъ существованія; ученики должны были раздѣлять съ своимъ Учителемъ всѣ трудности странствованія; евангельскіе



Рыба въ озерѣ Галилейскомъ (Capoëta Damascina).

труды, скудость въ пищѣ и неудобство перемѣнныхъ жилищъ,—все то, чѣмъ отличался даже счастливѣйшій періодъ служенія Спасителя. Они должны были трудиться съ Нимъ подъ палящимъ солнцемъ полудня и спать, подобно Ему, подъ звѣзднымъ небомъ ночи.

Въ то время какъ Іисусъ производилъ это избраніе, толпы всякаго народа начали собираться къ Нему на гору. Народъ стекался къ

Лодка на озерѣ Галилейскомъ.

Нему не только съ густо населенныхъ береговъ Галилейскаго озера, не только изъ Іудеи и Іерусалима, но даже съ отдаленныхъ береговъ Средиземнаго моря, изъ Тира и Сидона, и всѣ стремились прикоснуться къ Нему и послушать Его ученія [430]). Съ утесистаго отрога горы [431]) Онъ сошелъ на плоскую вершину ея и прежде всего занялся тѣлесными недугами своихъ жаждущихъ слушателей, исцѣляя больныхъ и изгоняя нечистыхъ духовъ изъ одержимыхъ ими. И затѣмъ, когда на-

Лодка на озерѣ Галилейскомъ.

родъ въ спокойномъ и благоговѣйномъ вниманіи разсѣлся по зеленымъ склонамъ горы этого естественнаго и прекраснаго амфитеатра, Онъ, возведши очи (Лук. VI, 20) свои и отверзши уста свои [432]), произнесъ сначала для своихъ учениковъ, а чрезъ нихъ и всему народу ту знаменитую бесѣду, которая извѣстна подъ именемъ нагорной проповѣди.

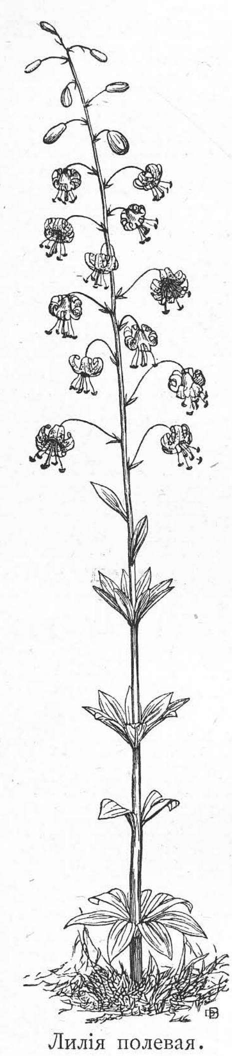
Самый невнимательный человѣкъ не можетъ не поражаться громадною разницею между произнесеніемъ этой проповѣди и провозглашеніемъ закона на Синаѣ. Суровый законъ Синая провозглашенъ былъ среди громовъ и молній, трубнымъ гласомъ, грозно раздававшимся среди утесовъ горы. Напротивъ, нагорная проповѣдь сладостно лилась среди покоя и красоты яснаго, тихаго разсвѣта. Тотъ грозно исходилъ къ устрашенной совѣсти отъ невидимаго существа, окутаннаго густыми облаками, разрушительнымъ пламенемъ и клубящимся дымомъ; эта была произнесена нѣжнымъ голосомъ человѣческимъ, который трогалъ сердце безконечно кроткими словами мира. Тотъ былъ данъ на пустынной и грозовой горѣ, которая своими красными гранитными скалами какбы угрожаетъ палящей пустынѣ; эта — на бархатной и цвѣтистой муравѣ зеленаго склона горы, спускающейся къ серебристому озеру. Тотъ поражалъ сердце ужасомъ и смятеніемъ; эта разливала въ немъ миръ и любовь. И однако же новыя заповѣди горы блаженствъ даны были не для того, чтобы отмѣнить, а скорѣе исполнить законъ, изреченный нѣкогда на Синаѣ [433]). Тотъ законъ былъ основанъ на исконномъ различіи между правымъ и неправымъ, — различіи столь же незыблемомъ и крѣпкомъ, какъ гранитныя основы міра. Легче сдвинуть небо и землю, чѣмъ нарушить малѣйшую букву, одну іоту, или ничтожнѣйшую черту этого кодекса, который содержитъ основныя начала всей нравственной жизни. Іисусъ говорилъ, что Онъ пришелъ не отмѣнить законъ, но исполнить его, повиноваться ему; хотя въ то же время Онъ поучалъ, что это повиновеніе не имѣетъ ничего общаго съ левитскою привязанностью къ буквѣ, а есть скорѣе подчиненіе сердца и воли внутреннему смыслу и духу заповѣдей. Онъ исполнилъ этотъ древній законъ полнымъ соблюденіемъ его и сообщеніемъ силы соблюдать его всѣмъ вѣрующимъ въ Него, хотя въ то же время придалъ ему болѣе общее и глубокое значеніе [434]).

Проповѣдь началась словомъ «блаженны» и состоитъ изъ девяти блаженствъ. Но это было *новое* откровеніе блаженства. Народъ ожидалъ Мессію, который разбилъ бы ярмо на его шеѣ, — царя, облеченнаго земнымъ величіемъ, являющагося въ торжествѣ побѣды и мщенія.

Умы его плѣнялись легендарными пророчествами о томъ, какъ Онъ станетъ на берегу въ Іоппіи и повелитъ морю выбрасывать жемчугъ и всѣ свои сокровища къ своимъ ногамъ; какъ Онъ одѣнетъ свой народъ въ багряницу, украшенную драгоцѣнными камнями, и будетъ питать его еще болѣе сладкою манной, чѣмъ какая посылалась въ пустынѣ. Но Христосъ открываетъ народу инаго царя, иное блаженство — блаженство бѣдности, царственность смиренія, высокое блаженство скорби и гоненія. Этотъ новый законъ, который долженъ былъ не только повелѣвать, но и давать силу къ исполненію, данъ былъ какъ соль для предохраненія міра отъ растлѣнія и какъ свѣтъ, чтобы руководить его во тьмѣ. И затѣмъ слѣдуетъ сравненіе новаго закона милости съ древнимъ закономъ угрозы. Древній былъ переходный, этотъ постоянный; древній былъ образомъ и тѣнью, новый исполненіемъ и завершеніемъ; древній требовалъ повиновенія во внѣшнемъ дѣйствіи, новый—въ мысли и сердцѣ; древній содержалъ правила поведенія, новый—тайну послушанія. Заповѣдь: «не убій» отнынѣ распространяла свое значеніе и на слова гнѣва, и на чувства ненависти [435]). Зародышъ прелюбодѣянія былъ указанъ во взглядѣ съ вожделѣніемъ. Запрещеніе клятвопреступленія распространено на всякую пустую и ненужную клятву. Законъ равномѣрнаго отмщенія замѣненъ закономъ безусловнаго самоотреченія. Любовь, которую мы обязаны имѣть къ ближнимъ, распространена и на враговъ [436]). Отселѣ чада царства Божія должны стремиться къ тому, чтобы быть *совершенными*, какъ совершенъ Отецъ ихъ небесный.

Лилія полевая.

И новая жизнь, вытекающая изъ этого новаго закона, должна быть во всѣхъ отношеніяхъ иною въ сравненіи съ рутиной возвеличенныхъ мелочей и фарисейскаго формализма, который дотолѣ считался высшимъ образцомъ религіозной жизни. Милостыню нужно подавать не съ гласностью и бахвальствомъ, но скромно и тайно [437]). Молиться должно не съ лицемѣрною публичностью, но въ святомъ уединеніи. Постъ нужно содержать не какъ самохвальную добродѣтель, но какъ тайное самоотреченіе. Всѣ эти дѣла благочестія надлежитъ совершать единственно изъ любви къ Богу, въ простотѣ, не ища земной награды,



Лилія полевая.

но скопляя для себя нетлѣнныя сокровища на небѣ. А самое служеніе, чтобы быть искреннимъ, должно быть всецѣлымъ и безраздѣльнымъ. Заботы и тревоги жизни не должны развлекать ея серьезности и возмущать ея покоя. Богъ, которому она приносится, есть также и Отецъ, и Тотъ, кто всегда питаетъ птицъ небесныхъ, не сѣющихъ и не жнущихъ, и одѣваетъ болѣе чѣмъ царственною красотою цвѣты полевые [438]), не оставитъ безъ одежды и пищи дѣтей своихъ, когда они ищутъ прежде всего правды Его.

Красная анемона.

Что же должно быть основой такого служенія? — Самоиспытаніе, происходящее въ кротости, которая не осуждаетъ, въ любви, которая не признаетъ грѣховъ другихъ, и въ невѣденіи, которое не знаетъ ихъ; скромность, которая не унижаетъ и не оскорбляетъ святыни; вѣра, которая ищетъ подкрѣпленія свыше, и знаетъ, что, ища праведно, она получитъ; самоотреченіе, которое, съ желаніемъ возвеличить славу Бога и счастіе человѣка, направляетъ всю свою дѣятельность ко благу всего міра.

Врата тѣсны и путь узокъ, но они ведутъ къ жизни. По жизни и дѣламъ должно судить о томъ, истинно или ложно ученіе тѣхъ, которые проповѣдуютъ его; безъ этого не имѣютъ никакого значенія ни слова правовѣрія, ни даже чудеса.

Наконецъ, Онъ внушалъ имъ, что слушающій эти слова и исполняющій ихъ подобенъ мужу благоразумному, который, строя себѣ домъ, заложилъ фундаментъ его на скалѣ, вслѣдствіе чего домъ его устоялъ противъ самыхъ сильныхъ напоровъ бури и непогоды; а слышащій и не исполняющій ихъ «уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ; и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры и налегли на тотъ домъ, и онъ упалъ, и было паденіе его великое» [439]).

Красная анемона.

Таково содержаніе этой великой проповѣди—въ ея простѣйшемъ и самомъ безцвѣтномъ изложеніи. Неудивительно поэтому, что слышавшіе ее «дивились ученію Его». Больше всего они дивились тому, что «Онъ училъ ихъ какъ власть имѣющій, а не какъ книжники» [440]). Ученіе книжниковъ было узко, сухо и бездушно: оно было холодное по формѣ, легкое по содержанію, заимствованное и избитое по самой сущности своей; въ немъ не было ни свѣжести, ни силы, ни огня; оно—раболѣпное по отношенію ко всякому авторитету и враждебное всякой свободѣ; велеученое и въ то же время неразумное; надменное и въ то же время низкое; никогда ни на волосъ не переступаетъ за тщательно оберегаемые предѣлы толкованія и прежнихъ авторитетовъ; уравновѣшено до безцвѣтности, правовѣрно до робости и невозможнаго буквоѣдства; путается въ мелочахъ постановленій закона и цѣлаго лабиринта преданій; предпочитаетъ память генію и повтореніе самобытности; всецѣло поглощено дѣлами священниковъ и фарисеевъ, и всегда въ храмѣ и синагогѣ, школѣ и синедріонѣ занимается одними ничтожными мелочами. Правда, оно не совсѣмъ лишено было нравственнаго значенія, и кое-гдѣ среди всякаго хлама можно найти даже благородныя мысли; но оно неизмѣримо больше занималось мелочною обрядностью, постановленіями касательно мяты, аниса и тмина, длины кисточекъ и ширины филактерій, мытья блюдъ и сосудовъ, и той особенной четверти секунды, когда начинались новомѣсячья и субботніе дни [441]). Совсѣмъ инымъ по своему характеру было ученіе Христа, и настолько же величественнѣе, насколько храмъ утренняго неба, подъ которымъ оно произносилось, былъ величественнѣе душной синагоги, или переполненной народомъ школы. Оно проповѣдывалось на склонѣ горы, у озера, по дорогамъ, въ домѣ фарисея или на пиру у мытаря, какъ и гдѣ только приходилось; оно всегда было одинаково возвышенно и сладостно, произносилось ли въ царскомъ дворцѣ, въ присутствіи владыкъ Израиля, или же предъ невѣжественными слушателями изъ простаго народа, который надменные фарисеи считали проклятымъ. Въ самомъ провозглашеніи его не было никакого особеннаго разсчета и оно съ одинаковою полнотою и любовью излагалось предъ одинокими слушателями, какъ и предъ восторженными толпами; и нѣкоторыя изъ Его величайшихъ откровеній были сообщены не правителямъ или многочисленнымъ толпамъ народа, а гонимымъ отверженцамъ іудейской синагоги, робкому совопроснику въ уединенную полночь и слабой женщинѣ у колодца знойнымъ полуднемъ. Оно занималось не мелочными

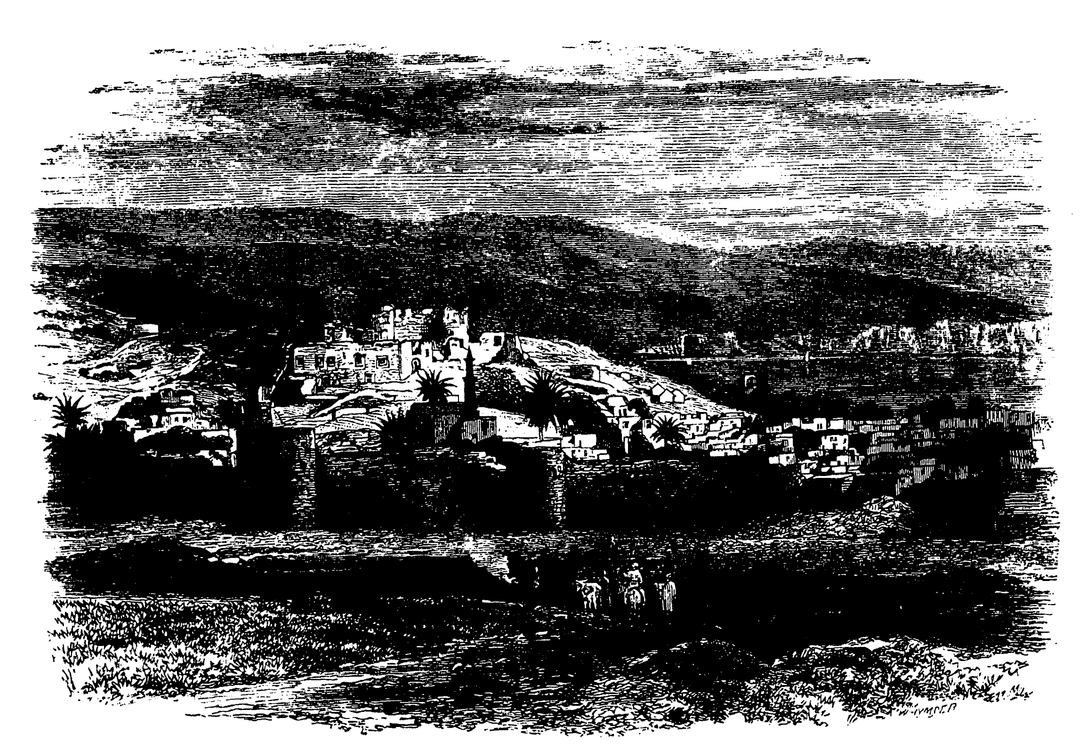
десятинами и церемоніями, а человѣческой душой, человѣческой судьбой и человѣческой жизнью — надеждой, любовью и вѣрой. Въ немъ не было ни опредѣленій, ни изъясненій, ни «схоластическихъ системъ»; ни философскихъ мечтаній, ни хитрой путаницы темнаго и двусмысленнаго разсужденія, а только быстрое, вдохновенное проникновеніе въ самую глубь человѣческаго сердца, — смѣлое, возвышенное и самобытное ученіе, которое, не стѣсняемое исключеніями или ограниченіями, съ неотразимою простотою прямо обращалось къ совѣсти человѣческой и съ безусловною властностью трогало и покоряло сердца. Исходя изъ глубины святыхъ чувствъ, оно, какъ электрическій токъ, проницало существо всякаго слушателя. Однимъ словомъ, авторитетъ этого ученія былъ авторитетъ воплощеннаго Божества; оно было голосомъ Бога, говорящаго языкомъ человѣческимъ. Непреклонная требовательность его была проникнута однако же нѣжнѣйшимъ сочувствіемъ и страшная строгость—неизреченной любовью. Оно, по прекрасному выраженію мудрѣйшаго изъ латинскихъ отцовъ, есть великое море, улыбающаяся поверхность котораго освѣжительно журчитъ у ногъ играющихъ дѣтей, но въ неизмѣримую глубину котораго и мудрѣйшій можетъ смотрѣть только съ ужасомъ изумленія и трепетомъ любви [442]).

Имѣя теперь полную возможность сравнивать ученіе Христа,—ученіе Того, кого иные хотѣли бы представлять не болѣе какъ плотникомъ назаретскимъ,—со всѣмъ, что́ міръ имѣетъ лучшаго и величайшаго въ философіи, краснорѣчіи и поэзіи, не до́лжны ли мы также прибавить съ еще большею выразительностью, что, уча какъ власть имѣющій, Онъ говорилъ такъ, какъ никогда не говорилъ человѣкъ? Многіе и другіе учители изрекали слова мудрости, но кому изъ нихъ дано было возродить человѣчество? Что́ было бы съ міромъ, еслибы онъ и теперь не имѣлъ ничего лучше сухихъ афоризмовъ и осторожныхъ размышленій Конфуція, или сомнительныхъ началъ и опасныхъ поблажекъ Платона? Могло ли бы человѣчество совершить тотъ громадный нравственный прогрессъ, который оно *совершило* теперь, еслибы никакой великій пророкъ свыше не далъ ему ничего лучше ужасной надежды Будды на *нирвану*, достигаемую неестественнымъ аскетизмомъ, или циническаго освященія полигаміи и деспотизма въ ученіи Магомета? Христіанство быть можетъ во многихъ отношеніяхъ понизилось въ сравненіи съ своимъ древнимъ великимъ идеаломъ; оно быть можетъ отчасти потеряло въ своей дѣвственной чистотѣ; борющаяся и раздѣленная церковь настоящаго времени быть можетъ въ теченіе этихъ

долгихъ вѣковъ лишилась блеска новаго Іерусалима, сходящаго съ неба: но христіанскій міръ развѣ не лучше того, чѣмъ стала Греція и что́ представляютъ собой Турція, Аравія и Китай? Развѣ христіанство изсушаетъ принимающіе его народы мертвенностью буддизма и тлѣномъ ислама [443])? Мы думаемъ, что христіанство самобытно даже какъ нравственная система, хотя оно безконечно больше, чѣмъ такая система; но кромѣ того утверждаемъ, что ни одна еще религія не способна была такъ увлекать чувства и сердца людей. Другія религіи явно обнаруживаютъ свои недостатки и заблужденія, — цѣлостность и совершенство христіанства никогда не были опровергнуты; другія системы были необщедоступны и исключительны,—христіанство просто и универсально; другія временны и для немногихъ, — христіанство вѣчно и для всего человѣчества. Конфуцій, Будда, Магометъ не могли даже и представить себѣ идеала человѣческаго общества, не впадая въ жалкое заблужденіе. Христосъ же основалъ дѣйствительно вѣчное и славное царство, какъ сущность, такъ и исторія котораго доказываютъ, что оно неизмѣнно остается тѣмъ, чѣмъ было провозглашено сначала—царствомъ небеснымъ, царствомъ Божіимъ [444]).

И однако же, какъ изящна и свѣжа простая рѣчь Христа въ сравненіи со всякимъ другимъ ученіемъ, къ которому когда-либо преклонялось ухо человѣчества! Въ ней нѣтъ ни научности, ни искусства, ни изысканности доказательствъ, ни тщательности въ обработкѣ, ни вычурности краснорѣчія, ни мудрости ученыхъ школъ. Какъ стрѣла, направленная въ цѣль, ученіе Его прямо проникаетъ въ самую глубь ума и сердца. Все въ немъ кратко, ясно, точно, свято и полно образовъ изъ обыденной жизни. Едва ли былъ такой предметъ, близко знакомый галилеянамъ того времени, которымъ бы Христосъ не пользовался для уясненія какого-нибудь славнаго обѣтованія или нравственнаго закона. Онъ говоритъ о зеленыхъ поляхъ, весеннихъ цвѣтахъ и распусканіи деревъ, о лазурномъ и сумрачномъ небѣ, о солнечномъ восходѣ и закатѣ, о вѣтрѣ и дождѣ, о ночи и бурѣ, о тучахъ и грозѣ, о рѣкѣ и потокѣ, о звѣздахъ и свѣтильникахъ, о медѣ и соли, о колыханіи тростника и сожженіи плевеловъ, о разодранныхъ одеждахъ и ветхихъ мѣхахъ для вина, о яйцахъ и змѣяхъ, о жемчугѣ и монетахъ, о сѣтяхъ и рыбѣ. Вино и пшеница, хлѣбъ и масло, домоправители и садовники, работники и хозяева, цари и пастухи, странники и отцы семействъ, царедворцы въ роскошномъ одѣяніи и невѣсты въ брачныхъ одеждахъ—все это постоянно встрѣчается въ Его бесѣдахъ. Онъ зналъ всю жизнь

и смотрѣлъ на нее благостнымъ и вмѣстѣ царственнымъ взглядомъ. Онъ могъ сочувствовать ея радостямъ, какъ и облегчать ея горечи, и тѣ самые глаза, которые такъ часто наполнялись слезами при видѣ страданій плачущихъ у смертнаго одра, сіяли также нѣжностью и лаской при видѣ игръ счастливыхъ дѣтей на зеленыхъ поляхъ и оживленныхъ улицахъ [445]).



Тиверіада.

ГЛАВА XIX.

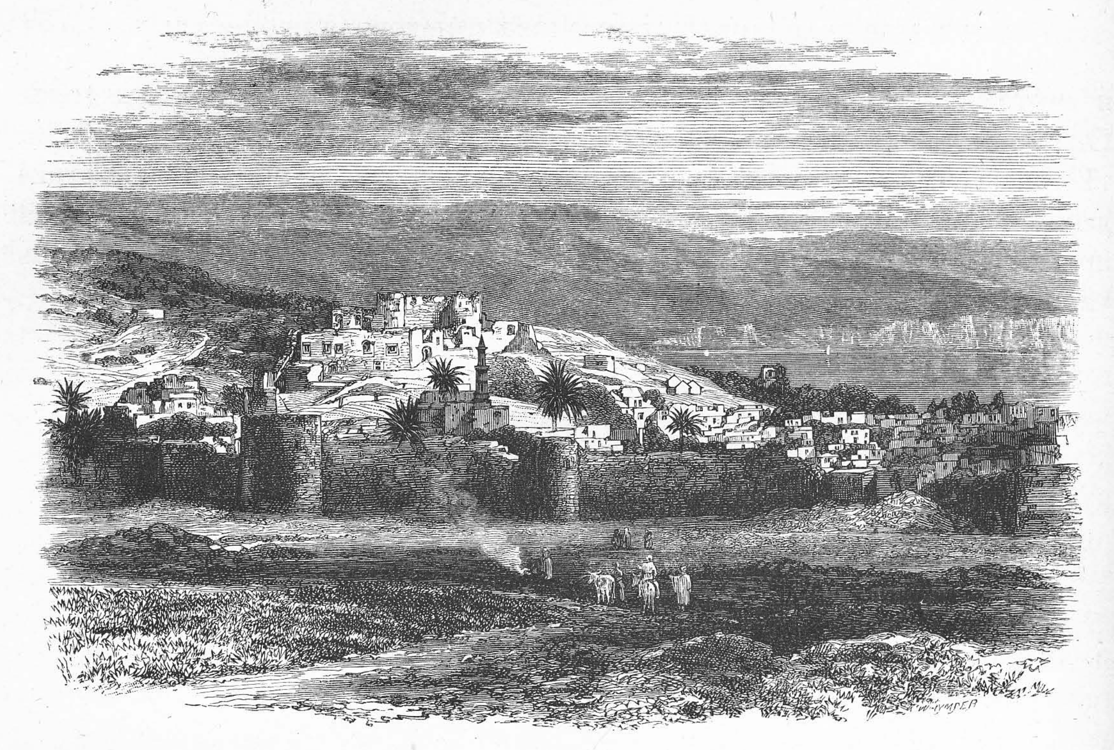
ДАЛЬНѢЙШІЯ ЧУДЕСА.

Послалъ слово Свое, и исцѣлилъ ихъ. Пс. CVI, 20.

ЗА ПРОВОЗГЛАШЕНІЕМЪ великаго ученія въ подтвержденіе его непосредственно слѣдовали знаменія. Іисусъ перешелъ, говоритъ одинъ изъ отцовъ церкви, отъ ученія къ чуду [446]). Научивъ какъ власть имѣющій, Онъ перешелъ къ подтвержденію этой власти дѣлами.

Можно бы думать, что послѣ ночи, проведенной въ молитвѣ подъ открытымъ небомъ, послѣ избранія двѣнадцати апостоловъ раннимъ утромъ и послѣ долгой проповѣди имъ, и многочисленной разнообразной толпѣ народа, Спаситель удалился для отдыха, столь необходимаго послѣ столькихъ трудовъ. На самомъ дѣлѣ было далеко не такъ, и нѣсколько слѣдующихъ дней, если мы правильно понимаемъ послѣдовательность событій, были проведены въ непрерывномъ и неустанномъ трудѣ.

По окончаніи проповѣди народъ разсѣялся въ различныхъ напра-



Тиверіада.

ГЛАВА XIX.

ДАЛЬНѢЙШІЯ ЧУДЕСА.

Послалъ слово Свое, и исцѣлилъ ихъ. Пс. cvi, 20.

ЗА ПРОВОЗГЛАШЕНІЕМЪ великаго ученія въ подтвержденіе его непосредственно слѣдовали знаменія. Іисусъ перешелъ, говоритъ одинъ изъ отцовъ церкви, отъ ученія къ чуду [446]). Научивъ какъ власть имѣющій, Онъ перешелъ къ подтвержденію этой власти дѣлами.

Можно бы думать, что послѣ ночи, проведенной въ молитвѣ подъ открытымъ небомъ, послѣ избранія двѣнадцати апостоловъ раннимъ утромъ и послѣ долгой проповѣди имъ и многочисленной разнообразной толпѣ народа, Спаситель удалился для отдыха, столь необходимаго послѣ столькихъ трудовъ. На самомъ дѣлѣ было далеко не такъ, и нѣсколько слѣдующихъ дней, если мы правильно понимаемъ послѣдовательность событій, были проведены въ непрерывномъ и неустанномъ трудѣ.

вленіяхъ, а жившіе въ долинѣ Геннисаретской навѣрно пошли за Іисусомъ чрезъ деревню Хаттинъ и, перейдя узкую полянку, затѣмъ спустившись въ лощину и оставивъ Магдалу вправо, черезъ Виѳсаиду [447]) пришли въ Капернаумъ.

Когда І. Христосъ сошелъ съ горы [448]), идя вѣроятно нѣсколько впереди народа, по естественному соображенію оставлявшаго Его въ покоѣ, при самомъ входѣ въ одинъ изъ небольшихъ городовъ [449]) глазамъ Его представилось печальное зрѣлище. Вдругъ [450]) съ отчаянною мольбою, падая сначала на колѣни, затѣмъ съ сердечнымъ воплемъ повергаясь ницъ [451]), явился передъ Нимъ съ обнаженной головою, въ разодранной одеждѣ и съ завязаннымъ ртомъ прокаженный—«полный проказы»,—пораженный самой худшей формой этой отвратительной и ужасной болѣзни. Со стороны несчастнаго требовалась необычайная вѣра въ юнаго Пророка назаретскаго, чтобы признавать въ Немъ силу исцѣлить болѣзнь, худшей стороной которой было всеобщее убѣжденіе, что, разъ проникнувъ въ кровь, она постоянно усиливалась и была неизлечима. И вотъ всѣ надежды жизни вырвались въ страстной мольбѣ несчастнаго: «Господи, если хочешь, можешь меня очистить». И на Его вѣру, какъ эхо, мгновенно отозвался отвѣтъ: «хочу, очистись» [452]). Всѣ чудеса Христовы были въ то же время откровеніями. Когда требовалось обстоятельствами дѣла, Онъ иногда не сразу отвѣчалъ на мольбу страдальца. Но не было ни одного случая, когда бы Онъ хоть на мгновеніе замедлилъ при воплѣ къ Нему прокаженнаго. Проказа считалась знакомъ грѣха, и Христосъ хотѣлъ научить насъ, что сердечная молитва грѣшника объ очищеніи всегда находитъ скорое удовлетвореніе. Когда Давидъ, прообразъ всѣхъ истинно кающихся, взывалъ съ истиннымъ сокрушеніемъ: «согрѣшилъ я предъ Господомъ», то пророкъ Наѳанъ немедленно принесъ ему милостивое благовѣстіе отъ Бога: «Господь снялъ съ тебя грѣхъ твой; ты не умрешь» (2 Цар. XII, 13).

Спаситель простеръ руку, прикоснулся къ прокаженному, и тотъ тотчасъ очистился.

Это было славное нарушеніе *буквы* закона, который въ прикосновеніи къ прокаженному видѣлъ обрядовое оскверненіе [453]); но въ то же время это было славнымъ поясненіемъ *духа* того закона, по которому милость лучше жертвы.

Рука Іисуса не осквернилась отъ прикосновенія къ тѣлу прокаженнаго, но все тѣло прокаженнаго очистилось отъ прикосновенія этой

святой руки. Точно также Онъ коснулся и нашей грѣховной человѣческой природы, и однако же остался безъ слѣда грѣха [454]).

Спаситель прикоснулся къ прокаженному для исцѣленія его по глубокому и свободному движенію своего человѣческаго чувства. Но теперь Онъ желалъ исполнить Моисеевъ законъ совершеннымъ повиновеніемъ ему; и потому, какъ въ доказательство чуда и во вниманіе къ страдальцу, такъ и во исполненіе предписаній закона, Онъ повелѣлъ прокаженному идти показаться священнику, принести обычную жертву и получить законное удостовѣреніе въ своемъ очищеніи [455]). Повелѣніе это Онъ сопровождалъ строгимъ и даже суровымъ внушеніемъ никому не говорить объ этомъ ни слова [456]). Отсюда видно, что вслѣдствіе быстроты, съ какою было совершено чудо, о немъ не зналъ никто, кромѣ быть можетъ немногихъ ближайшихъ послѣдователей Христа, хотя оно совершено было среди бѣлаго дня, по близости къ селенію и въ недалекомъ разстояніи отъ слѣдовавшаго за Нимъ народа.

Но почему Спаситель при этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, требовалъ отъ чудесно-исцѣленныхъ Имъ молчанія, которое они рѣдко соблюдали? Полной причины мы быть можетъ никогда не узнаемъ, но что она заключалась въ обстоятельствахъ времени и мѣста и въ умственномъ состояніи тѣхъ, надъ которыми совершались чудеса—это ясно по крайней мѣрѣ изъ того, что въ одномъ случаѣ, когда обстоятельства были другія, Онъ даже повелѣлъ объявить о совершившемся чудесномъ исцѣленіи [457]). Возможно, что это было, какъ предполагаетъ св. Златоустъ, съ цѣлью подавленія духа гордости и наученія людей не профанировать пустымъ разглагольствіемъ глубокаго внутренняго смысла великихъ даровъ Божіихъ; или во избѣжаніе крайняго возбужденія и смятенія въ изумленномъ уже народѣ Галилеи [458]); или съ тою цѣлью, чтобы на Него смотрѣли въ истинномъ свѣтѣ—не какъ на могучаго чудотворца или необычайнаго «гакима», но какъ на Спасителя чрезъ откровеніе и упованіе.

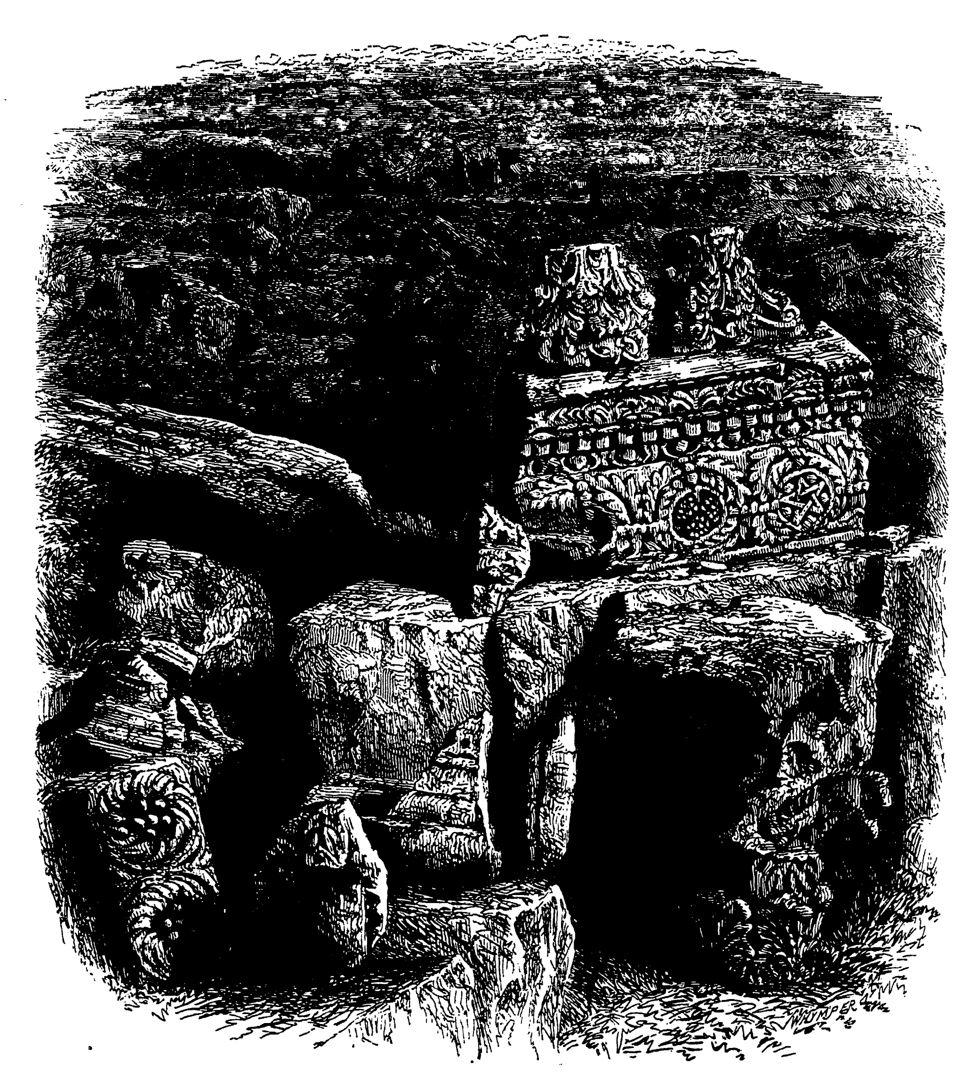
Каковы бы ни были эти причины вообще, въ этомъ случаѣ повидимому было особенное, важное побужденіе къ тому; ев. Маркъ, воспроизводящій сильныя и живыя впечатлѣнія ап. Петра въ своемъ краткомъ, но въ высшей степени живописномъ повѣствованіи, показываетъ, что отпущеніе этого человѣка сопровождалось со стороны Спасителя необычайно сильнымъ движеніемъ чувства. Не только выраженіе: «посмотрѣвъ на него строго» (Марк. 1, 43)—заключаетъ въ себѣ значеніе необычайной строгости и даже порывистости во взглядѣ и тѣлодви-

женіи, но и слова «тотчасъ отослалъ его» буквально означаютъ «оттолкнулъ» или «отогналъ его» [459]). Что же было причиной такой строгости во внушеніи исполнить законъ и такой быстроты въ отсылкѣ? Вѣроятно то, что прикосновеніе къ прокаженному—хотя и чудесноцѣлебное—сдѣлало бы Его въ глазахъ неразумнаго и подавленнаго обрядностью народа нечистымъ. А что это именно такъ, можно судить по ясному свидѣтельству, что вслѣдствіе разглашенія объ этомъ случаѣ со стороны очистившагося страдальца «Іисусъ не могъ уже явно войти въ городъ, но находился внѣ, въ мѣстахъ пустынныхъ» [460]). Ев. Лука упоминаетъ о подобномъ же обстоятельствѣ, хотя не указываетъ особенной причины для этого, прибавляя только, что Іисусъ проводилъ время въ молитвѣ [461]). Если разглашеніе прокаженнаго объ этомъ случаѣ и требовало удаленія на нѣкоторое время, то всетаки ясно, что народъ мало обращалъ вниманія на эту опредѣляемую закономъ нечистоту, и даже въ уединенное мѣсто, куда удалился Христосъ, во множествѣ стекался къ Нему отовсюду.

Раньше ли этого удаленія, или послѣ него совершилось исцѣленіе слуги сотника [462])—неизвѣстно; но въ виду того, что какъ ев. Матѳей, такъ и ев. Лука помѣщаютъ это чудо въ тѣсной связи съ нагорною проповѣдью, можно предполагать, что стеченіе народа, искавшаго Его даже въ мѣстахъ пустынныхъ, могло показать Ему, что для Него было невозможно удовлетворить всѣхъ мелочныхъ требованій законниковъ даже временнымъ удаленіемъ отъ общенія съ людьми.

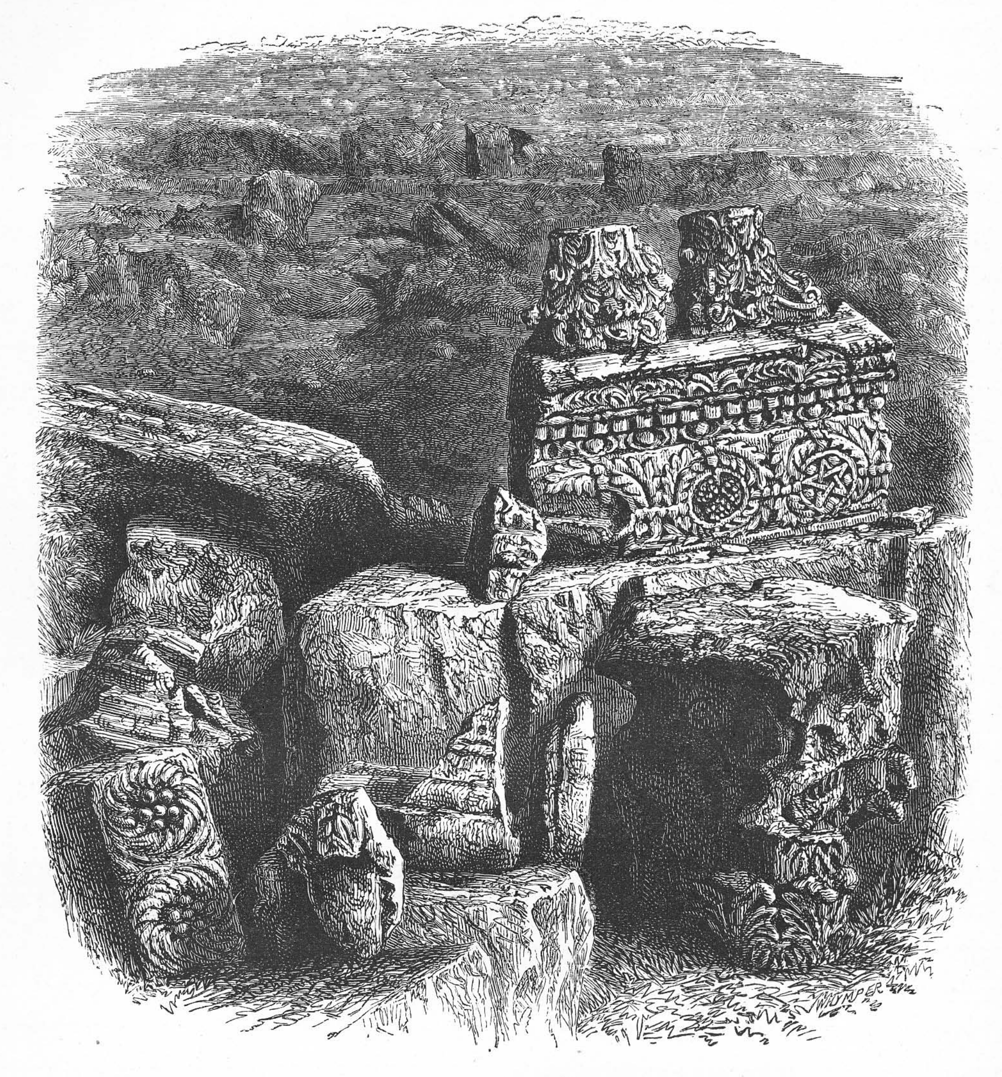
Едва прибылъ Спаситель въ городъ Капернаумъ, гдѣ находилось Его временное мѣстожительство, какъ на встрѣчу къ Нему вышла депутація іудейскихъ старѣйшинъ [463]), вѣроятно должностныхъ членовъ главной синагоги, — съ просьбою отъ сотника, вѣрный и любимый рабъ [464]) котораго былъ схваченъ опаснымъ припадкомъ болѣзни. Могло показаться страннымъ, что іудейскіе старѣйшины приняли такое близкое участіе въ человѣкѣ, который, римлянинъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно былъ язычникъ и даже быть можетъ не «пришелецъ вратъ» [465]). Старѣйшины однако же объяснили, что онъ не только любитъ ихъ народъ (черта крайне необычайная въ язычникѣ, такъ какъ, вообще говоря, къ іудеямъ всѣ относились съ особеннымъ отвращеніемъ), но даже на свой собственный счетъ построилъ имъ синагогу, которая по красотѣ и величественности считалась главною синагогою въ Капернаумѣ [466]). Самое обращеніе ихъ къ Іисусу показываетъ, что это событіе относится къ раннему періоду Его служенія, когда всѣ

еще смотрѣли на Него съ изумленіемъ и надеждой и не было еще смертельной вражды, которою ознаменовались послѣдующіе дни. Христосъ немедленно отвѣтилъ на ихъ просьбу. «Я приду, сказалъ Онъ, и исцѣлю его». Но на дорогѣ они встрѣтили другихъ посланныхъ отъ



Развалины Телл-Хума.

смиреннаго и благочестиваго сотника, который черезъ нихъ просилъ Его не входить подъ недостойный кровъ язычника, а исцѣлить страждущаго раба простымъ чудеснымъ словомъ, какъ Онъ исцѣлилъ сына царедворца. Какъ сотникъ, хотя и подвластный человѣкъ, всегда имѣетъ у себя слугъ, готовыхъ исполнить его приказанія, такъ не могъ ли



Развалины Телл-Хума.

и Христосъ повелѣтъ невидимымъ слугамъ исполнить свою волю, самъ не предпринимая этого труда на себя? Спаситель былъ пораженъ столь замѣчательною вѣрою, больше которой Онъ не встрѣчалъ даже въ Израилѣ. На дикой маслинѣ онъ нашелъ то, чего не находилъ на маслинѣ садовой [467]); и изъ этого обстоятельства Онъ извлекъ поученіе, такимъ холодомъ и непріятностью поразившее слухъ іудеевъ: когда многіе изъ настоящихъ сыновъ царства извержены будутъ во тьму кромѣшнюю, многіе пріидутъ съ востока и запада и возлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ царствѣ небесномъ. Посланные же, возвратившись въ домъ, нашли, что цѣлительное слово оказало свое дѣйствіе и больной слуга выздоровѣлъ.

Римскій сотникъ

Неудивительно, что послѣ дней, ознаменованныхъ столькими чудесами, Іисусу Христу невозможно было найти времени для отдыха. Съ ранняго утра на вершинѣ горы до поздняго вечера въ какомъ-нибудь домѣ, который Онъ избиралъ мѣстомъ для ночнаго покоя, толпы народа стекались къ Нему, не щадя Его уединенія, не обращая вниманія на Его утомленіе, желая видѣть Его, слышать ученіе и воспользоваться Его чудесами. Не было времени даже для пищи. Такая жизнь не только въ высшей степени утомительна и тяжела, но для нѣжной, возвышенно настроенной натуры, любящей уединеніе и находящей чистѣйшее и совершеннѣйшее блаженство въ одинокой молитвѣ, эта непрерывная общественность, этотъ какбы безконечный трудъ становится просто одуряющимъ, если только духъ не будетъ находить подкрѣпленія въ полнѣйшемъ сочувствіи и любви. Но сердце Спасителя не находило и такого подкрѣпленія. Вѣроятно къ этому періоду относится замѣчательный случай, передаваемый только ев. Маркомъ. Родственники и семейные Христа, слыша обо всемъ, что́ Онъ дѣлалъ, пришли къ Нему — быть можетъ изъ Каны, или Капернаума, гдѣ они жили — чтобы взять Его подъ свой присмотръ [468]). Сообщившіе имъ о

Римскій сотникъ

Его дѣйствіяхъ видимо ошибочно поняли Его восторженность, тотъ пылъ сочувствія и огонь любви, которымъ отличались Его ученіе и дѣла: они смотрѣли на все это какъ на крайнее возбужденіе, ненормальное состояніе духа и даже прямо помѣшательство на благотворительности и изувѣрствѣ. Люди всегда склонны смѣшивать пылъ вдохновенія съ экцентричностью разстроеннаго ума. «Безумствуешь ты, Павелъ» — вотъ объясненіе, которое придалъ восторженному краснорѣчію апостола заурядный и свѣтскій умъ римскаго прокуратора (Дѣян. XXVI, 24; сн. 2 Кор. V, 13). «Онъ одержимъ бѣсомъ», говорили многіе тупые и подавленные мірской суетой слушатели, послѣ нѣкоторыхъ изъ самыхъ возвышенныхъ изреченій Спасителя (Іоан. X, 20). Нѣсколько подобная, хотя и не столь грубая, мысль наполнила душу изумленныхъ родственниковъ Христа, когда они услышали о неожиданной и удивительной для нихъ дѣятельности Его послѣ тихаго уединенія предшествующей, ничѣмъ неознаменовавшейся тридцатилѣтней жизни. Доселѣ они еще не сочувствовали Ему, не признавали Его и не вѣровали въ Него; они говорили, что «Онъ вышелъ изъ себя». Нужно было поэтому рѣшительно доказать имъ, что Онъ уже не принадлежитъ имъ, что Онъ уже не плотникъ, не братъ Іакова, Іосіи, Іуды и Симона, а Сынъ Божій, Спаситель міра.

Наинъ, съ видомъ горы Ѳавора въ отдаленіи.

ГЛАВА XX.

ІИСУСЪ ВЪ НАИНѢ.

Развѣ мертвые возстанутъ и будутъ славить Тебя? Пс. LXXXVII, 11.

ПОСЛѢ этихъ событій и быть можетъ на слѣдующій же день Спаситель отправился изъ Капернаума въ «городъ, называемый Наинъ» [469]). При отсутствіи строгой хронологической послѣдовательности въ евангельскомъ повѣствованіи, часто приходится основываться на простомъ соображеніи; поэтому возможно, что прикосновеніе къ прокаженному, вслѣдствіе толковъ, возбужденныхъ этимъ случаемъ, могло побудить Христа скорѣе оставить Капернаумъ.

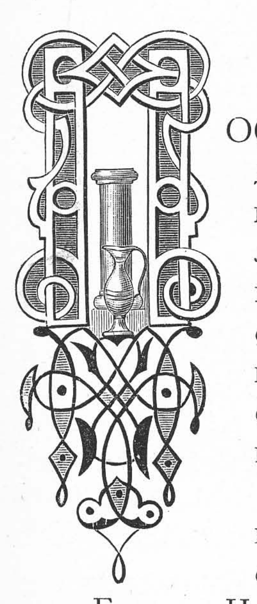
Наинъ, теперь грязная и жалкая деревня, находится въ сорока трехъ верстахъ отъ Капернаума и лежитъ на сѣверозападномъ склонѣ горы Джебель-эл-Дуги или малаго Ермона. Названіе это (оно удерживается и теперь) значитъ «прекрасный» и положеніе городка близъ Ендора вполнѣ оправдываетъ его: онъ живописно гнѣздится на холмистыхъ склонахъ величественной горы, въ виду Ѳавора и высотъ Завулоновыхъ. Отправившись въ путь, какъ

Наинъ, съ видомъ горы Ѳавора въ отдаленіи.

ГЛАВА XX.

ІИСУСЪ ВЪ НАИНѢ.

Развѣ мертвые возстанутъ и будутъ славить Тебя? Пс. LXXXVII, 11.



ОСЛѢ этихъ событій и быть можетъ на слѣдующій же день Спаситель отправился изъ Капернаума въ «городъ, называемый Наинъ» [469]). При отсутствіи строгой хронологической послѣдовательности въ евангельскомъ повѣствованіи, часто приходится основываться на простомъ соображеніи; поэтому возможно, что прикосновеніе къ прокаженному, вслѣдствіе толковъ, возбужденныхъ этимъ случаемъ, могло побудить Христа скорѣе оставить Капернаумъ.

Наинъ, теперь грязная и жалкая деревня, находится въ сорока трехъ верстахъ отъ Капернаума и лежитъ на сѣверозападномъ склонѣ горы Джебель-эл-Дуги или ма-

это всегда дѣлается на востокѣ, рано, въ часы утренней прохлады, Іисусъ по всей вѣроятности отплылъ къ южной оконечности озера и затѣмъ направился внизъ по Іорданской долинѣ къ тому мѣсту, гдѣ къ ней спускаются *вади* Ездрилона; отсюда, оставляя гору Ѳаворъ справа и Ендоръ слѣва, Онъ легко могъ прибыть въ этотъ маленькій городокъ скоро послѣ полудня.

Въ этотъ свѣтлый и счастливый періодъ служенія Его обыкновенно сопровождали не только ученики, но и толпы ликующаго и обожающаго народа. Когда это восторженное шествіе народа, исполненнаго высокихъ надеждъ и не всегда истинныхъ воззрѣній на грядущаго царя, взбиралось по узкой и скалистой дорогѣ, ведущей къ воротамъ Наина, на встрѣчу ему показалось иное—печальное шествіе. Изъ воротъ выносили трупъ умершаго юноши для погребенія за городской стѣною [470]. Зрѣлище это было болѣе печально, чѣмъ обыкновенно, и потому вѣроятно оно сопровождалось болѣе отчаяннымъ и неудержимымъ воплемъ, чѣмъ обыкновенное оплакиваніе умершихъ. Юноша этотъ, выражаясь словами евангельскаго повѣствованія, которое еще болѣе трогательно вслѣдствіе своей чрезвычайной простоты и для слуха іудеевъ заключало въ себѣ еще больше печальнаго смысла [471], былъ «единственный сынъ у матери, а она была вдова». Зрѣлище этой страшной скорби неотразимо отозвалось въ любящемъ и нѣжномъ сердцѣ Спасителя. Сжалившись надъ несчастной матерью и сказавъ ей: «не плачь», Онъ подошелъ къ одру, или вѣрнѣе къ открытому гробу, въ которомъ лежалъ умершій юноша, и, опять не обращая вниманія на чисто обрядовое постановленіе,—прикоснулся къ нему. При видѣ этого всѣ мгновенно замерли въ ожиданіи.. Носильщики невольно остановились, объятые страхомъ. И затѣмъ среди убитыхъ горемъ родственниковъ и окружавшей ихъ безмолвной толпы народа раздался спокойный голосъ: «юноша, тебѣ говорю: встань». Но проникъ ли этотъ голосъ [472] въ невѣдомую и таинственную область смерти? Проникъ ли онъ въ ту непроницаемую полуночную тьму, которая скрываетъ отъ человѣческихъ глазъ загробный міръ?—Да, онъ проникъ. Мертвый всталъ и началъ говорить; и Спаситель «отдалъ юношу матери его».

Неудивительно, что всѣхъ объялъ страхъ. Народъ вспоминалъ объ Иліѣ и вдовѣ Сарептской, объ Елисеѣ и женщинѣ изъ находившагося неподалеку Сонама. Они, величайшіе изъ пророковъ, также возвращали одинокимъ женщинамъ ихъ умершихъ единственныхъ сыновей. Но *они* дѣлали это съ усиліями и напряженной мольбой, томясь въ молитвѣ и

распростираясь надъ трупомъ (3 Цар. XVII, 21; 4 Цар. IV, 35); между тѣмъ Іисусъ совершилъ это чудо спокойно, неожиданно, своимъ собственнымъ именемъ, своею собственною властью, единымъ словомъ своимъ. Могъ ли народъ не думать послѣ этого, что «великій Пророкъ возсталъ между ними и Богъ посѣтилъ народъ свой».

Около этого времени, и быть можетъ даже въ тотъ самый день [473]), Спаситель получилъ краткое, но возбужденное посланіе отъ своего великаго предтечи, Іоанна Крестителя. Самая краткость его усиливала чув-

Гробницы, высѣченныя въ пещерахъ.

ство сомнѣнія и скорби, которыми дышало оно. «Ты ли Тотъ, спрашивалъ Іоаннъ, который долженъ прійти, или ожидать намъ другаго» [473])?

Неужели это было посланіе отъ того, кто первый призналъ и указалъ другимъ Агнца Божія? Неужели отъ того, кто въ восторженномъ видѣніи видѣлъ небо отверстымъ и Духа, въ видѣ голубя сходящаго на главу Іисуса?

Да, оно могло быть отъ него. Нѣкоторые, правда, думаютъ, что посланіемъ этимъ Іоаннъ имѣлъ въ виду разрѣшить сомнѣнія своихъ

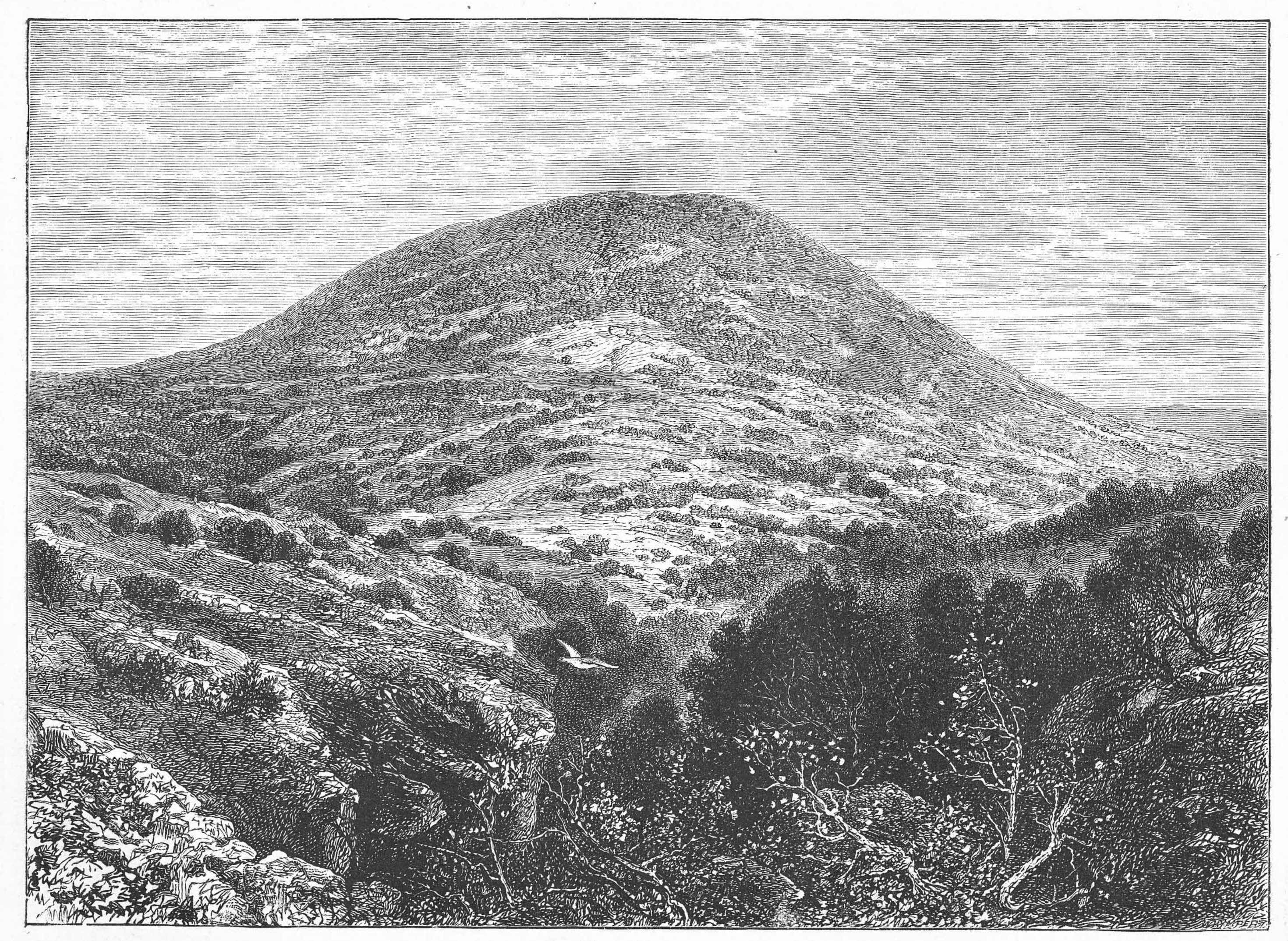
Гробницы, высѣченныя въ пещерахъ.

завистливыхъ и огорченныхъ послѣдователей; другіе,—что вопросъ его означалъ только: «Ты ли дѣйствительно Іисусъ, о которомъ свидѣтельствовалъ я» [475])? Иные думаютъ, что посланіе это не заключало въ себѣ никакого сомнѣнія, но имъ лишь имѣлось въ виду скромно напомнить Іисусу, что пришло уже ему время объявить себя Мессіей теократическихъ надеждъ своего народа,—быть можетъ даже тонкій укоръ за то, что Онъ позволялъ своему другу и предтечѣ томиться въ темницѣ и не употреблялъ въ его пользу своего чудеснаго могущества, о которомъ разносилась молва. Но эти соображенія (всѣ имѣющія въ виду, такъ сказать, спасти кредитъ Іоанна Крестителя) по меньшей мѣрѣ некомпетентны и частью отвергаются прямыми выраженіями повѣствованія. Св. Іоаннъ Креститель въ своемъ героическомъ величіи не нуждается въ жалкой помощи нашихъ доброжелательныхъ предположеній: мы можемъ заключать изъ прямыхъ словъ Того, который въ это самое время произнесъ ему величайшую похвалу, какой только когда-либо удостоивался смертный человѣкъ, что великій и славный пророкъ дѣйствительно на нѣкоторое время нашелъ камень преткновенія для своей вѣры въ томъ, что̀ онъ слышалъ о Христѣ (Матѳ. XI, 11).

И развѣ это не естественно? Развѣ осмѣлится осудить эту нерѣшительность хоть кто-нибудь, знающій сердце человѣческое? Жизненный путь величайшаго изъ пророковъ былъ коротокъ и печаленъ—грустная лѣтопись бѣдствія и заключенія. Хотя народъ толпами стекался къ пламенному проповѣднику пустыни, но вліяніе его было непродолжительно и неглубоко (Мѳ. XI, 18; XXI, 23—27; Іоан. V, 35). Можно сказать съ поэтомъ, что на проповѣдь его —

> Только нѣдра кремнистыхъ и дикихъ ущелій
> Отголоскомъ – покайтесь, покайтесь! — гремѣли.

Даже еще до полнаго выступленія Іисуса на поприще своего служенія, сила и вліяніе Іоанна начали меркнуть подобно звѣздѣ передъ солнечнымъ восходомъ. Онъ скоро долженъ былъ сознать (а это тяжко сознавать для всякаго человѣческаго сердца), что его миссія въ этой жизни кончена, и ему ничего болѣе не оставалось дѣлать. Подобные моменты сильнаго и подавляющаго унынія бывали и прежде—въ жизни его великихъ предшественниковъ, даже въ жизни Моисея и Иліи. Но въ данномъ случаѣ положеніе Іоанна Крестителя было еще болѣе печально, чѣмъ ихъ. Хотя его другъ и Спаситель былъ живъ и находился неподалеку отъ него, пользовался громаднымъ вліяніемъ на всѣхъ и

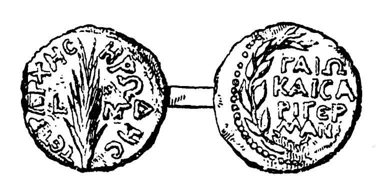


Гора Θаворъ.

ежедневно творилъ дѣла человѣколюбія во свидѣтельство своего дѣла, Іоаннъ однако же не видѣлъ уже больше этого друга и Спасителя на землѣ. Между ними не было сношеній, которыя могли бы утѣшить и подкрѣпить его; онъ окруженъ былъ только холодностью слушателей, любопытство которыхъ ослабло, и ревнивостью учениковъ, которыхъ главное его свидѣтельство привело въ уныніе. А затѣмъ насталъ и печальный конецъ. Иродъ Антипа — самый мелочный, низкій, слабый, самый презрѣнный изъ титулованныхъ царьковъ, частью подъ вліяніемъ политическихъ страховъ, частью разъяренный справедливыми и открытыми обличеніями со стороны Іоанна въ своей блудной жизни, несмотря на то, что сначала самъ слушалъ проповѣди Іоанна съ суевѣрнымъ страхомъ, который обыкновенно неразлученъ съ коварствомъ, закончилъ свою гнусную политику малодушной уступкой ненависти Иродіады и ввергнулъ его въ темницу.

Іосифъ Флавій говоритъ, что темницей этой была крѣпость Махеръ или Макоръ, сильный и мрачный замокъ, построенный Александромъ Іаннеемъ и укрѣпленный Иродомъ великимъ — у предѣловъ пустыни, къ сѣверу отъ Мертваго моря, на границѣ Аравіи [476]). Мы достаточно знаемъ объ одинокихъ замкахъ и восточныхъ тюрьмахъ, чтобы ясно представить себѣ, съ какими ужасами сопряжено было для всякаго такое заключеніе, въ которомъ постоянно нужно было опасаться возможности мучительныхъ пытокъ и ежедневно ожидать насильственной смерти. Какъ часто въ исторіи человѣчества даже самые великіе и безстрашные люди мельчали и падали духомъ въ такомъ безнадежномъ заключеніи! Когда пройдетъ первое благородное негодованіе или остынетъ чувство геройскаго самоотверженія, когда желѣзное терпѣніе лопнетъ отъ насильственной бездѣятельности и одуряющаго одиночества, когда гордый духъ сломленъ тѣлесными немощами и отчаяніемъ, и вся жизнь предоставлена тлѣну въ мрачной тюрьмѣ, — то можно ли винить за тотъ низкій уровень, на который при такихъ обстоятельствахъ можетъ пасть человѣкъ? Савонарола и Іеронимъ Пражскій были люди, мужество которыхъ давало имъ возможность безтрепетно стоять передъ гнѣвными соборами и грозными царями: но станетъ ли кто-нибудь, при сужденіи о ихъ величіи, набрасывать на нихъ тѣнь осужденія вслѣдствіе того, что они поколебались духомъ въ тюрьмахъ Флоренціи и Констанца? Но для Іоанна Крестителя заключеніе было еще несравненно тяжелѣе, чѣмъ для кого-нибудь другаго: въ положеніи свободнаго, ничѣмъ не стѣсненнаго отшельника онъ жилъ въ постоян-

номъ общеніи съ природой, дышалъ прелестью и свободой вольныхъ вѣтровъ пустыни и съ чувствомъ товарищества смотрѣлъ на яркія звѣзды, что блещутъ на чистомъ сводѣ восточной ночи. Для сына свободы и увлеченія, для человѣка съ такимъ суровымъ, пылкимъ, неукротимымъ духомъ, какимъ былъ Іоаннъ, темница была хуже смерти. Вмѣсто пальмъ іерихонскихъ и бальзамовъ енгеддійскихъ, вмѣсто граціозно скачущихъ сернъ среди горныхъ пустынь и луннаго блеска въ таинственныхъ водахъ Мертваго моря — теперь онъ видѣлъ предъ собой только сырые завалы и ржавыя рѣшетки мрачной тюрьмы, да звѣрски жестокаго тюремщика, какого только четвертовластникъ, въ родѣ Антипы, и могъ держать въ такой крѣпости, какъ Махеръ. Поэтому нечего удивляться, если въ такой темницѣ, среди ея сырыхъ базальтовыхъ стѣнъ, подъ надзоромъ въ дѣйствительности гораздо худшихъ демоновъ человѣческаго звѣрства и порока, чѣмъ тѣ «козлы», «сатиры» и коварныя существа, которыя по іудейскому повѣрью обитали въ ея окрестностяхъ, глазъ плѣненнаго орла началъ тускнѣть.



Монета Ирода Антипы *).

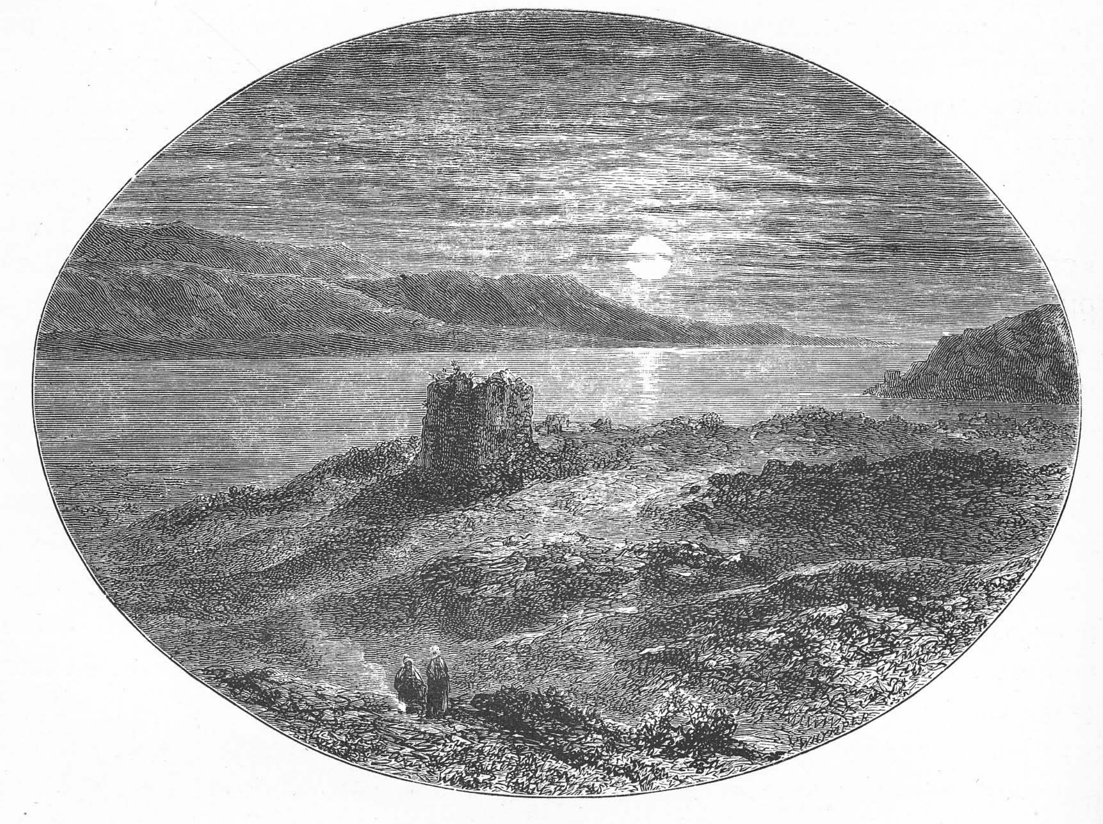
Исторія представляетъ не мало примѣровъ, когда Богъ какбы давалъ своимъ лучшимъ и величайшимъ слугамъ до дна испивать чашу видимой неудачи, неожиданно отзывая ихъ ударами мученичества или немощами продолжительной болѣзни, прежде чѣмъ даже отдаленная цѣль ихъ дѣла выступала предъ ними; отбрасывалъ ихъ, такъ сказать, какъ изломанныя орудія, безполезныя для предназначенной цѣли, прежде чѣмъ увѣнчать безсмертными успѣхами и благословеніемъ жизнь, которую глупцы считали безумствомъ, и кончину, которая не сопровождалась человѣческими почестями. Это только одно изъ дѣйствій того благодѣтельнаго огня, которымъ Онъ очищаетъ семь разъ очищенное

*) На лицевой сторонѣ этой монеты выбиты слова ΗΡΩΔΗϹ ΤΕΤΡΑΡΧΗϹ (*sic*) «Иродъ четвертовластникъ», которыя окружаютъ собою пальмовую вѣтвь, причемъ по сторонамъ ея стоятъ буквы **L — M** (т.-е. 43 годъ), что, считая со смерти Ирода Великаго и послѣдующаго восшествія на престолъ Антипы, совпало бы съ 39 г. по Р. Х., — съ тѣмъ годомъ, въ которомъ императоръ Кай Калигула прекратилъ его царствованіе ссылкой его въ Лугдунумъ (Ліонъ) въ Галліи. На оборотной сторонѣ масличная вѣтвь, обнимающая слова ΓΑΙΩ ΚΑΙϹΑΡΙ ΓΕΡΜΑΝ — «Гаю кесарю Германикъ».

золото духа, долженствующаго стать достойнымъ вѣчнаго блаженства. Но ни для кого это воспитательное благодѣяніе не являлось въ болѣе ужасномъ видѣ, чѣмъ для Іоанна. Онъ повидимому былъ оставленъ не только Богомъ на небѣ, но и живымъ Сыномъ Божіимъ на землѣ. Іоаннъ томился въ темницѣ Иродовой, между тѣмъ Іисусъ, въ счастливой простотѣ своего ранняго служенія въ Галилеѣ, проповѣдывалъ восторженнымъ толпамъ среди горныхъ лилій или съ волнъ велико-

Мертвое море при лунномъ свѣтѣ.

лѣпнаго озера. Почему же Отецъ на небѣ и этотъ Другъ его на землѣ оставляли его изнывать въ такомъ горестномъ положеніи? Развѣ его жизнь не была непорочна? Развѣ его служеніе было не самоотверженно? Развѣ его свидѣтельство было не истинно? О, почему же Тотъ, о Комъ онъ свидѣтельствовалъ за Іорданомъ, не сведетъ огня съ неба для разрушенія этихъ душныхъ и гибельныхъ башенъ? Изъ столькихъ чудесъ — неужели нельзя было бы удѣлить хоть *одного* въ пользу несчастнаго родственника, который явился предъ лицомъ Его, чтобы



Мертвое море при лунномъ свѣтѣ.

приготовить путь Ему? Среди столькихъ словъ милосердія и любви — неужели нельзя было хоть нѣсколькихъ сподобить того, который гремѣлъ вдохновленнымъ гласомъ въ пустынѣ? Почему бы юному сыну Давида не поколебать землетрясеніемъ самыхъ основъ этихъ идумейскихъ темницъ, гдѣ столько славныхъ узниковъ было несправедливо убито, или послать хоть одинъ изъ своихъ двѣнадцати легіоновъ ангеловъ для освобожденія своего предтечи и друга, хотя бы только для того, чтобы еще разъ дать ему возможность пожить въ пустынномъ уединеніи, гдѣ онъ съ радостью окончилъ бы свою жизнь, среди дикихъ звѣрей, подъ открытымъ небомъ Божіимъ, — только бы подальше отъ гнусной тиранніи человѣка? Удивительно ли послѣ этого, скажемъ опять, что глазъ плѣненнаго орла началъ тускнѣть!

«Ты ли Тотъ, который долженъ прійти, или ожидать намъ другаго?»

Іисусъ не прямо отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Онъ показалъ посланнымъ, позволилъ имъ видѣть собственными глазами дѣла, о которыхъ они доселѣ знали только по наслышкѣ. Намекая на шестьдесятъ первую главу пророка Исаіи, Онъ велѣлъ имъ пойти назадъ къ своему учителю и разсказать, что они видѣли и слышали: слѣпые прозрѣваютъ, хромые ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ [477]), и — главнѣе всего — нищимъ возвѣщается радостное благовѣстіе. Можно вообразить, съ какою глубокою нѣжностью прибавилъ Онъ къ этому: «и блаженъ, кто не соблазнится о Мнѣ», — блаженъ т.-е. тотъ, кто будетъ полагаться на Меня, даже несмотря на скорби и гоненія, тотъ, который будетъ вѣровать, что Я вполнѣ знаю волю Пославшаго Меня, — знаю, какъ и когда закончить дѣло свое (Лук. VII, 21—23).

Легко предположить, хотя объ этомъ и не сообщается ничего, что ученики Іоанна при отправленіи получили отъ Іисуса и другія заявленія личной любви и одобренія для великаго узника, кончина котораго теперь была близка,—заявленія, которыя были бы для него сладостнѣе меда, утолявшаго его голодъ въ пустынѣ, драгоцѣннѣе прохладнаго источника въ землѣ жаждущей. И только что отошли ученики Іоанна, Спаситель, который какбы не хотѣлъ показаться виновнымъ въ праздной лести, и въ то же время какбы не желая, чтобы Его слушатели остались съ пренебрежительной мыслью въ сердцѣ о великомъ пророкѣ пустыни, изрекъ своему другу и предтечѣ, языкомъ дивной ритмической красоты, знаменитую похвалу, что онъ дѣйствительно былъ обѣтованнымъ гласомъ на разсвѣтѣ славнаго дня, величайшимъ изъ всѣхъ про-

возвѣстниковъ Бога,— былъ тѣмъ Иліей, который, согласно послѣднему слову древняго пророчества, долженъ былъ предшествовать явленію Мессіи и приготовить путь Его.

«Что смотрѣть ходили вы въ пустыню?

«Трость ли, вѣтромъ колеблемую?

«Что же смотрѣть ходили вы?

«Человѣка ли, одѣтаго въ мягкія одежды?

«Но одѣвающіеся пышно и роскошно живущіе находятся при дворахъ царскихъ [478])!

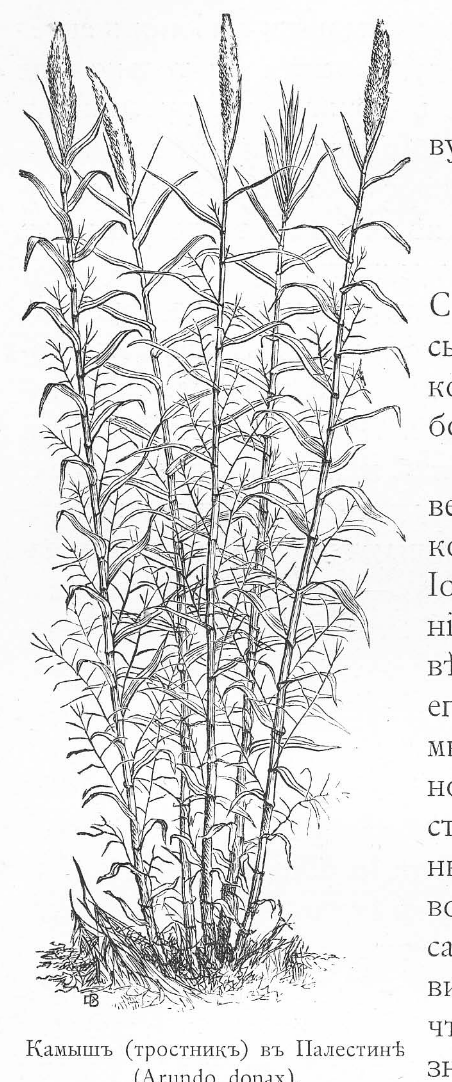
«Что же смотрѣть ходили вы?

«Пророка ли?

«Да, говорю вамъ, и больше пророка. Сей есть, о которомъ написано: вотъ Я посылаю Ангела Моего предъ лицомъ Твоимъ, который приготовитъ путь Твой предъ Тобою».

Камышъ (тростникъ) въ Палестинѣ (Arundo donax).

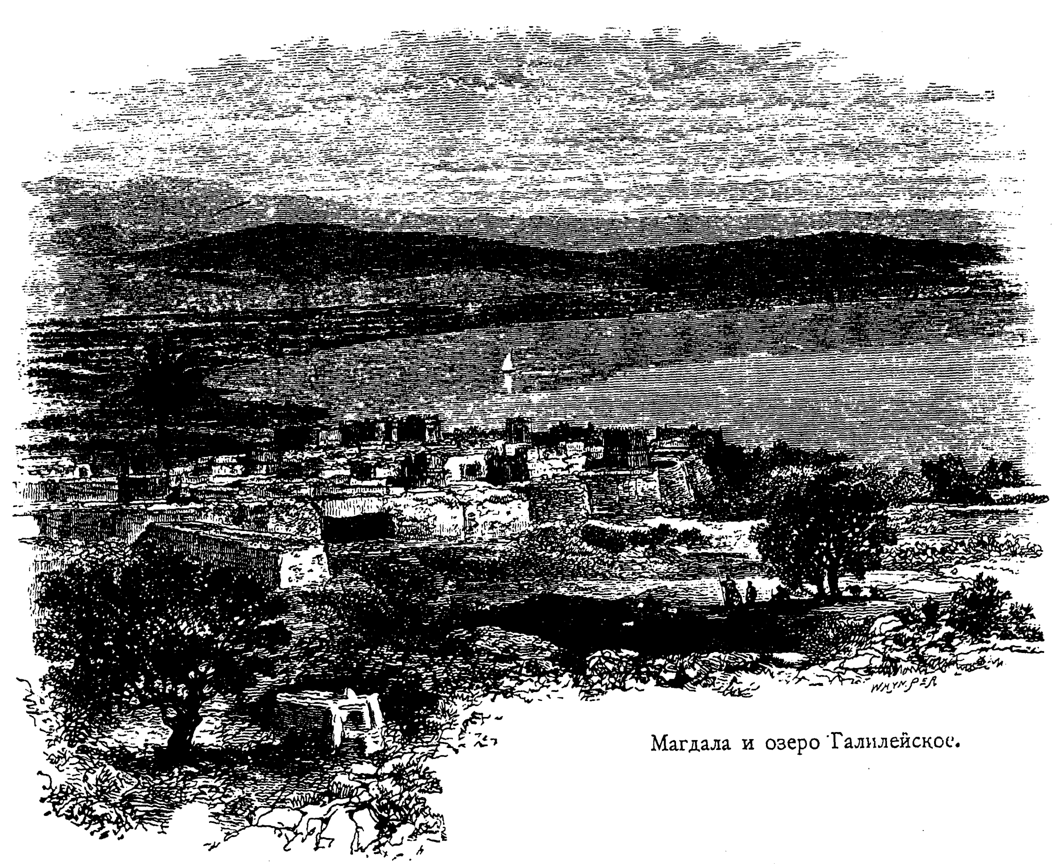
И произнеся эту возвышенную, вдохновенную похвалу, Онъ продолжалъ болѣе спокойно бесѣдовать съ народомъ о Себѣ и Іоаннѣ, говоря, что хотя Іоаннъ былъ послѣдній и величайшій изъ пророковъ ветхаго завѣта, но меньшій въ царствіи Божіемъ больше его. Краткость съ которою выражена эта мысль, оставляетъ неяснымъ ея дѣйствительное значеніе; но разумѣемое здѣсь превосходство есть очевидно превосходство въ духовныхъ преимуществахъ, а не въ нравственной возвышенности. «Меньшее изъ того, что есть самое великое, говоритъ юридическое правило, больше чѣмъ самое великое изъ того, что есть меньшее» [479]); точно такъ и въ познаніи откровенія, въ безграничномъ упованіи, въ сознательной близости отношенія къ своему Отцу и Богу, самый убогій членъ новаго завѣта одаренъ богаче, чѣмъ величайшій пророкъ ветхаго. И это царство Божіе, пришествіе котораго теперь возвѣщено было, отнынѣ всѣ могли брать силою, священнымъ и счастливымъ подвигомъ. Такое настойчивое усиліе, вполнѣ естественное у тѣхъ, которые алчутъ и жаждутъ праведности, един-



Камышъ (тростникъ) въ Палестинѣ (Arundo donax).

ственно пріятно предъ очами Божіими (сн. Ис. LX, 8, 11; Лук. V, 1; XIII, 24).

Многіе изъ слышавшихъ эти слова, а особенно мытари и тѣ, кого презрительно называли «народомъ земли» [480]), съ радостью и благодареніемъ приняли это одобреніе ихъ довѣрія Іоанну. Но были и другіе, именно присяжные учители писаннаго и устнаго закона, которые слушали эти слова съ презрительнымъ негодованіемъ. Пораженный такою противоположностью, Іисусъ воспользовался для нравоученія примѣромъ сварливыхъ дѣтей, которыя раздражительно отвергаютъ всѣ старанія своихъ товарищей забавить или развеселить ихъ. Ничѣмъ нельзя угодить такимъ недовольнымъ, возмутительнымъ натурамъ. Свирѣль и пляски мальчиковъ, играющихъ въ свадьбу, такъ же мало очаровываютъ ихъ, какъ и игра въ похороны. «Многоразличная премудрость» Божія выставлялась для нихъ со многихъ сторонъ и различными путями [481]), но все напрасно. Іоаннъ пришелъ къ нимъ съ суровымъ аскетизмомъ отшельника, и они называли его безумнымъ; Іисусъ участвовалъ въ праздникахъ и свадебныхъ пирахъ, и они называли Его человѣкомъ, любящимъ поѣсть и попить [482]). И всегда такъ! Но премудрость всегда оправдывалась въ рукахъ своихъ чадъ. Эти чада не обезчестили своего божественнаго образа. Безумные могутъ почитать ихъ жизнь сумасшествіемъ и ихъ кончину безчестною, но самый меньшій изъ нихъ сопричтенъ будетъ къ сынамъ Божіимъ и жребій ихъ—со святыми [483])!



Магдала и озеро Галилейское.

ГЛАВА XXI.
ГРѢШНИЦА И ФАРИСЕЙ.

От благовонія мастей твоихъ имя твое какъ разлитое муро. Пѣсн. 1, 2.

НО ДАЖЕ и на этомъ повидимому не кончились дѣла и проповѣди этого достопамятнаго дня. Изъ повѣствованія ев. Луки можно заключать, что въ тотъ же самый день, быть можетъ въ Наинѣ или Магдалѣ, Іисусъ получилъ и принялъ приглашеніе въ домъ одного фарисея, носившаго самое общеупотребительное въ то время имя Симона [484]).

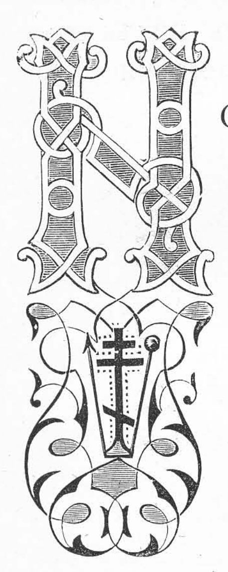
Причины или цѣли этого приглашенія мы не знаемъ; но Христосъ не доходилъ еще въ то время до открытаго разрыва съ фарисейской партіей, и фарисеи быть можетъ даже воображали, что Онъ могъ быть полезенъ имъ, какъ послушное орудіе ихъ политическихъ и общественныхъ цѣлей. Приглашая Его, Симонъ вѣроятно руководился при этомъ частію любопытствомъ, частію желаніемъ принять у себя популярнаго и выдающагося учителя, частію желаніемъ показать отдаленное

Магдала и озеро Галилейское.

ГЛАВА XXI.

ГРѢШНИЦА И ФАРИСЕЙ.

От благовонія мастей твоихъ имя твое какъ разлитое муро. Пѣсн. 1, 2.



О ДАЖЕ и на этомъ повидимому не кончились дѣла и проповѣди этого достопамятнаго дня. Изъ повѣствованія ев. Луки можно заключать, что въ тотъ же самый день, быть можетъ въ Наинѣ или Магдалѣ, Іисусъ получилъ и принялъ приглашеніе въ домъ одного фарисея, носившаго самое общеупотребительное въ то время имя Симона [484]).

Причины или цѣли этого приглашенія мы не знаемъ; но Христосъ не доходилъ еще въ то время до открытаго разрыва съ фарисейской партіей, и фарисеи быть можетъ даже воображали, что Онъ могъ быть полезенъ имъ, какъ послушное орудіе ихъ политическихъ и общественныхъ цѣлей. Приглашая Его, Симонъ вѣроятно руководился при

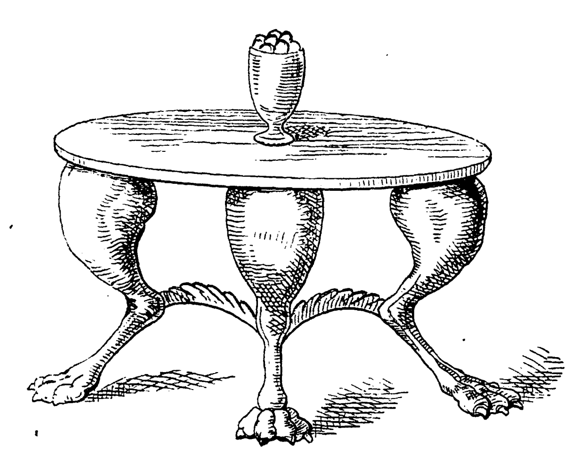
одобреніе чему-нибудь такому, что могло поразить его во внѣшности, ученіи или дѣйствіяхъ Христа. Ясно однако же, что гостепріимство это онъ имѣлъ въ виду оказать не безъ чувства надменности и высокомѣрной снисходительности. Всѣ знаки обыкновеннаго вниманія, которые были бы оказаны почетному гостю, съ холодною предусмотрительностью были обойдены. Не было ни воды для омовенія усталыхъ и запыленныхъ ногъ, ни привѣтственнаго цѣлованія въ щеку, ни благовонія для волосъ,—ничего такого, кромѣ простаго допущенія къ свободному мѣсту за столомъ и самыхъ холодныхъ любезностей обыденнаго разговора, притомъ высказанныхъ тономъ, который могъ дать почувствовать гостю, что тутъ Ему дѣлаютъ честь, а не Онъ дѣлаетъ ее своимъ присутствіемъ въ домѣ.

Чтобы уличнымъ соромъ не загрязнить ковровъ или половиковъ, на которыхъ обыкновенно совершается домашняя молитва, въ Сиріи и Палестинѣ всякій гость, при входѣ въ домъ, снимаетъ свои сандаліи и оставляетъ ихъ у дверей. Затѣмъ онъ проходитъ къ своему мѣсту за столомъ. Въ древнія времена, какъ это видно вообще изъ книгъ ветхаго завѣта [485]), у іудеевъ былъ обычай вкушать пищу, сидя со скрещенными ногами, — какъ это еще и теперь принято на востокѣ; передъ обѣдающими на низкомъ столѣ ставился подносъ съ блюдомъ, наполненнымъ пищею, изъ котораго всѣ и ѣли вмѣстѣ. Но такой обычай, соблюдавшійся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, видимо былъ оставленъ іудеями послѣ плѣна вавилонскаго, когда они быть можетъ у персовъ заимствовали обычай возлежанія за столомъ. Изъ ясныхъ выраженій очевидно, что во время Спасителя іудеи, подобно грекамъ и римлянамъ, въ пиршествахъ полувозлежали [486]) на диванахъ, ставившихся вокругъ столовъ, почти такой же высоты, какъ и употребляемые теперь. Впослѣдствіи мы увидимъ, что даже пасха совершалась въ этомъ положеніи. Глубоко-трогательное происшествіе, случившееся въ домѣ Симона, можно понять, только имѣя въ виду, что гости, возлежа на скамьяхъ, окружавшихъ столы, обращали свои ноги въ сторону тѣхъ, которые находились внѣ круга званыхъ гостей.

Домъ на востокѣ отнюдь не есть замокъ. Неумолимый законъ гостепріимства,—этой первѣйшей изъ восточныхъ добродѣтелей,—почти заставляетъ тамъ жить съ открытыми дверями и каждый можетъ во всякое время имѣть доступъ въ нихъ [487]). Но на этотъ разъ среди другихъ взяла на себя смѣлость вторгнуться въ этотъ почтенный домъ одна личность, присутствіе которой было не только нежелательно, но

положительно противно. Одна несчастная, порочная, падшая женщина, извѣстная въ той мѣстности своею худою жизнью, узнавъ, что Іисусъ возлежитъ въ домѣ фарисея [488]), осмѣлилась протѣсниться черезъ толпу другихъ посѣтителей съ алавастровымъ сосудомъ мура. Она нашла, кого искала, и, смиренно ставъ позади Христа, слушала слова Его. Невольно размышляя о Немъ и о своемъ страшномъ паденіи, — размышляя о безпорочной, безгрѣшной чистотѣ святаго юнаго Пророка и о своей собственной позорной и грѣховной жизни,—она стала плакать и слезы ея капали на босыя ноги Христа, къ которымъ она склонялась все ниже и ниже, стараясь скрыть свое смущеніе и стыдъ. Фарисей съ ужасомъ отскочилъ бы отъ одного прикосновенія, а не только отъ слезы такой личности; онъ сталъ бы въ семи водахъ омываться отъ полученнаго оскверненія и съ проклятіемъ отогналъ бы нахально вторгшуюся грѣшницу. Но женщина эта внутренно чувствовала, что Іисусъ не поступитъ съ нею такъ; она чувствовала, что высочайшей безгрѣшности свойственно глубочайшее сочувствіе; она видѣла, что гдѣ оттолкнула бы жесткая благопристойность подобнаго ей грѣшника, тамъ приметъ совершенная святость Спасителя. Весьма вѣроятно, что она слышала безконечно любящія и милостивыя слова, сказанныя Христомъ быть можетъ въ тотъ же самый день [489]): «Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ». Не будучи отвергнута, она ободрилась еще больше, и убѣдившись, что, какъ бы ни смотрѣли на нее другіе, Спаситель во всякомъ случаѣ не презиралъ ее, она подви-

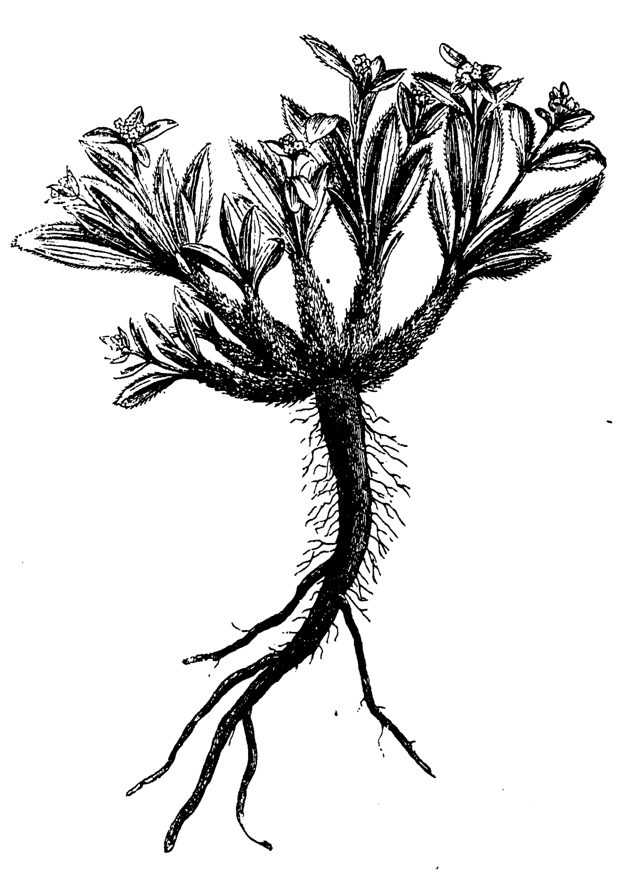
Званый обѣдъ въ домѣ фарисея (съ манускрипта IX в. въ національной библіотекѣ въ Парижѣ).



Древній обѣденный столъ.

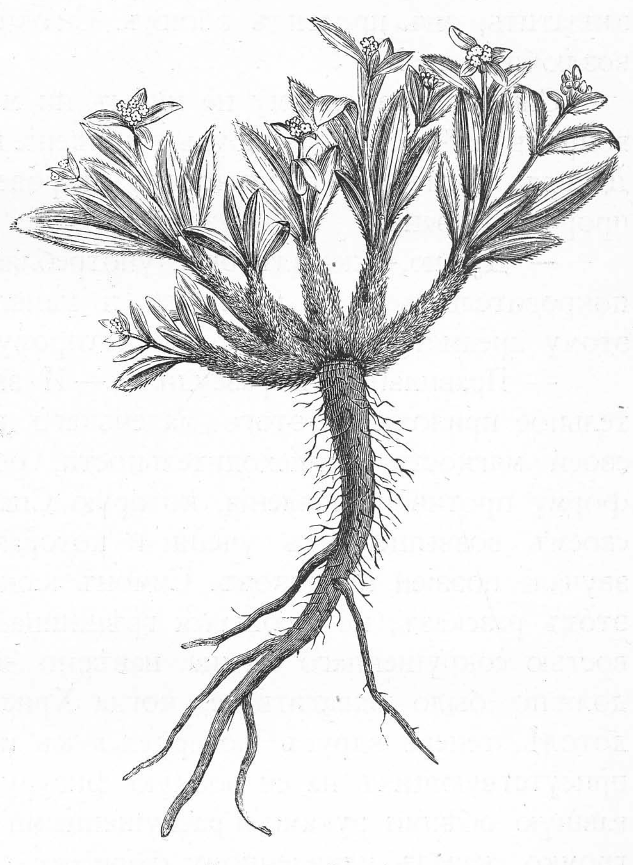
нулась къ Нему еще ближе и, опустившись на колѣни, своими длинными распущенными волосами начала вытирать ноги, омоченныя ея слезами, покрывать ихъ поцѣлуями и, наконецъ, разбивъ алавастровую вазу, стала умащать ихъ драгоцѣннымъ и благоухающимъ мvромъ [490]).

Видъ женщины съ распущенными волосами, позоръ ея униженія, муки ея покаянія, быстрокапающія слезы, принесеніе въ жертву благовонія, служившаго однимъ изъ средствъ ея позорнаго ремесла—все это могло бы въ самомъ каменномъ сердцѣ возбудить нѣкоторое сочувствіе. Но Симонъ-фарисей смотрѣлъ на все это съ холоднымъ неодобреніемъ и отвращеніемъ. Неудержимый порывъ мольбы о милосердіи со стороны отчаявающейся и сокрушенной сердцемъ женщины не тронулъ его. Ему противно было даже то, что Іисусъ позволялъ несчастной твари цѣловать и умащать свои ноги, хотя и не обращался къ ней доселѣ ни съ однимъ словомъ одобренія. Еслибы Онъ былъ пророкъ, Онъ долженъ бы знать, что это за женщина; и еслибы Онъ зналъ, то долженъ бы оттолкнуть ее съ презрѣніемъ и негодованіемъ, какъ непремѣнно поступилъ бы самъ Симонъ. Отъ простаго прикосновенія ея почти необходимо было предохранять себя обрядовымъ карантиномъ. Подай Онъ хоть знакъ, и Симонъ былъ бы очень радъ освободить отъ такой скверны свой домъ.



Благовонный нардъ (Nardostachys Jatamansi).

Фарисей не высказалъ этихъ мыслей вслухъ, но его натянутыя манеры и презрительное выраженіе лица, которыхъ онъ и не старался скрыть, обнаруживали все, что происходило у него на сердцѣ. Спаси-



Благовонный нардъ
(Nardostachys Jatamansi).

тель *слышалъ* его мысли [491]), но не сразу укорилъ за нихъ и не сразу обличилъ его холодное безсердечіе и бездушную жесткость. Чтобы привлечь къ своимъ словамъ общее вниманіе, Онъ обратился къ хозяину:

— Симонъ, Я имѣю нѣчто сказать тебѣ.

— Скажи, Учитель,—отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторою натянутостью.

«У одного заимодавца было два должника: одинъ долженъ былъ пятьсотъ динаріевъ, а другой пятьдесятъ. Но какъ они не имѣли чѣмъ заплатить, онъ простилъ обоимъ. Скажи же, который изъ нихъ болѣе возлюбитъ его?»

Симонъ повидимому не имѣлъ ни малѣйшей мысли о томъ, чтобы вопросъ имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ нему самому, все равно какъ Давидъ, когда онъ произносилъ откровенный судъ по поводу притчи пророка Наѳана.

— Думаю,—сказалъ онъ, употребляя слово [492]), звучащее тономъ покровительственной важности и удивленнаго равнодушія ко всему этому предмету,—думаю, тотъ, которому болѣе простилъ.

— Правильно ты разсудилъ. — И затѣмъ послѣдовало нравоучительное приложеніе этого маленькаго иносказанія, суровое при всей своей мягкости и снисходительности, облеченное въ ту ритмическую форму противопоставленія, которую Спаситель часто употреблялъ при своемъ возвышенномъ ученіи и которая въ ушахъ слышавшихъ его звучала поэзіей пророковъ. Симонъ кажется не видѣлъ, къ чему велъ этотъ разсказъ, но кающаяся грѣшница, съ болѣе чуткою воспріимчивостью сокрушеннаго сердца, навѣрно *видѣла* это. Но какое волненіе должно было охватить ее, когда Христосъ, какбы не замѣчавшій ее дотолѣ, теперь вдругъ повернулся къ ней и, обращая вниманіе всѣхъ присутствующихъ на ея робкую фигуру, сидѣвшую на полу и закрывавшую обѣими руками и распущенными волосами свое смущенное лицо, громко сказалъ удивленному фарисею:

«Симонъ, видишь [493]) ли эту женщину?

«Я пришелъ въ домъ твой, и ты воды Мнѣ на ноги не далъ; а она слезами облила Мнѣ ноги, и волосами головы своей отерла.

«Ты цѣлованія Мнѣ не далъ; а она съ тѣхъ поръ, какъ я пришелъ, не перестаетъ цѣловать у меня ноги [494]).

«Ты головы Моей масломъ не помазалъ; а она мѵромъ помазала Мнѣ ноги.

«А потому сказываю тебѣ: прощаются грѣхи ея многіе за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тотъ мало любитъ».

И затѣмъ, какбы заканчивая этотъ дивный аккордъ нравоученія, Онъ прибавилъ, не Симону уже, а жалкой грѣшницѣ слова милосердія: «прощаются тебѣ грѣхи».

Слова Спасителя постоянно были новымъ откровеніемъ для всѣхъ слышавшихъ ихъ, и они, какъ можно судить по многимъ легкимъ указаніямъ евангелій, часто вызывали, въ первые дни Его служенія, безмолвное изумленіе, которое въ послѣдующее время у враговъ Его переходило въ злобный укоръ и негодующій ропотъ. Въ этотъ періодъ Его дѣятельности еще не было сломлено обаяніе страха и величія, производимое Его любовью и чистотой и тою внутреннею божественностью, которая свѣтилась въ Его лицѣ и звучала въ Его голосѣ. Только въ тайникѣ своего сердца и притомъ скорѣе съ изумленіемъ, чѣмъ съ злобою, гости осмѣливались подвергать недоумѣвающему вопросу это спокойное и простое притязаніе на болѣе чѣмъ земное достоинство. Только въ мысляхъ своихъ они безмолвно размышляли и спрашивали: «Кто это, что и грѣхи прощаетъ?» Іисусъ зналъ ихъ внутреннія недоумѣнія; но о Немъ предсказывалось въ пророчествѣ, что «Онъ не воспрекословитъ, ни возопіетъ, и никто не услышитъ на улицахъ голоса Его; и такъ какъ Онъ не хотѣлъ ломать уже надломленной трости ихъ вѣры или гасить курящагося льна ихъ почтительнаго изумленія, то Онъ кротко отпустилъ бывшую грѣшницу ласковыми словами: «вѣра твоя спасла тебя; иди съ миромъ» [495]). И она безъ всякаго сомнѣнія пошла съ миромъ, именнно съ миромъ Божіимъ, превосходящимъ всякое разумѣніе, — съ тѣмъ миромъ, который дается Христомъ и не можетъ быть данъ міромъ. Къ общему нравоученію, связанному съ исторіей этой женщины, мы еще возвратимся впослѣдствіи, такъ какъ оно составляетъ основное ученіе въ откровеніи Христа; разумѣемъ нравоученіе, что холодное и себялюбивое лицемѣріе такъ же ненавистно предъ очами Божіими, какъ и самый вопіющій грѣхъ, что жизнь грѣховной и безпокаянной благопристойности можетъ быть не менѣе преступною и пагубною, чѣмъ и жизнь открытаго позора.

Древнее преданіе, особенно распространенное въ западной церкви, — преданіе, достовѣрность котораго хотя навсегда останется недоказанною, но которое само по себѣ не невѣроятно, отождествляетъ эту женщину съ Маріей Магдалиной, «изъ которой Іисусъ изгналъ семь бѣсовъ» [496]). Объ этомъ изгнаніи не говорится еще нигдѣ, а съ духомъ еврейской фразеологіи было бы совершенно согласно, еслибы это выраженіе относилось именно къ ней, вслѣдствіе ея страстной натуры и порочной

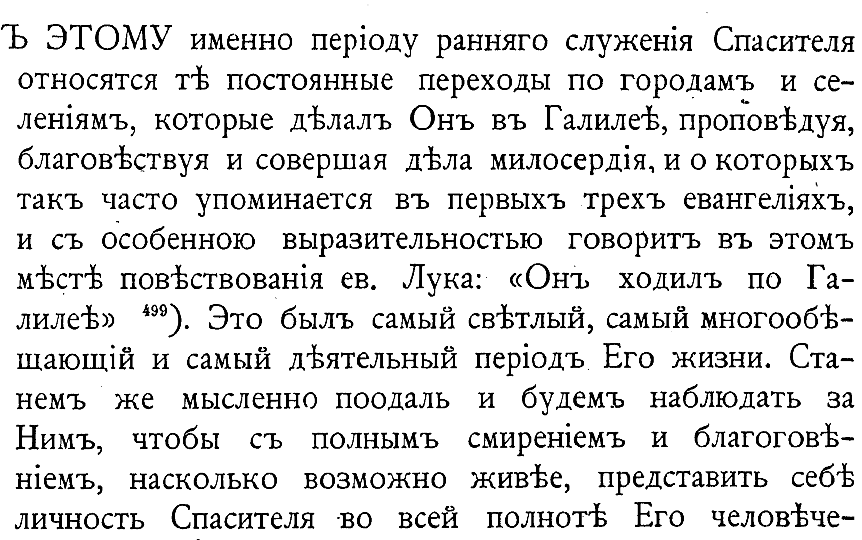
жизни. Талмудисты много разсказываютъ о ней — о ея богатствѣ, необыкновенной красотѣ, заплетенныхъ и вьющихся локонахъ, о ея безстыдной порочности, о мужѣ ея Паппѣ и любовникѣ Пандорѣ [497]), но все, что мы дѣйствительно знаемъ о Маріи Магдалинѣ изъ св. писанія, это только ея безпредѣльная преданность и благодарность, которыя сердцемъ и душой привязали ее на служеніе ея Спасителю. Въ евангеліи Луки въ слѣдующей за этимъ событіемъ главѣ она первою упоминается среди женщинъ, слѣдовавшихъ за Христомъ во время Его странствованій и служившихъ Ему своимъ имѣніемъ (VIII, 2); и очень возможно, что въ разсказѣ о событіи въ домѣ Симона ея имя не было названо по той же деликатной причинѣ, по которой въ другихъ мѣстахъ этотъ евангелистъ не упоминаетъ о бывшемъ занятіи Матѳея и имени Петра. Возможно также, что бывшая грѣшница удалилась отъ человѣческаго общества, чтобы въ глубоко уединенной жизни и безвѣстности найти тотъ миръ, который ея возмущенной совѣсти былъ обѣщанъ Христомъ, и безмолвно размышлять о милосердіи Спасителя; но въ народномъ сознаніи она навсегда отождествилась съ личностью Маріи Магдалины, самое имя которой на языкахъ всѣхъ христіанскихъ народовъ сдѣлалось синонимомъ принятаго покаянія и прощеннаго грѣха. Странникъ, проходя по сладостно благоухающей и цвѣтущей зелени береговъ Геннисарета и приближаясь къ развалинамъ башни и одинокой пальмѣ арабской деревни Эл-Меджделъ, невольно вспоминаетъ древнее преданіе о той, грѣховная красота и глубокое покаяніе которой сдѣлали знаменитымъ самое имя Магдалы. Хотя немногія жалкія хижины ея бѣдны и полуразрушены и обитатели ея живутъ въ невѣжествѣ и убожествѣ, но нельзя безъ любопытства и внутренняго трепетанія сердца смотрѣть на мѣстность, воспроизводящую въ памяти одно изъ самыхъ знаменательныхъ доказательствъ того, что никто, и даже самый презрѣнный и падшій человѣкъ, не считается отверженнымъ со стороны Того, который пришелъ взыскать и спасти погибшихъ. Въ благоухающемъ воздухѣ Геннисарета, въ яркомъ небѣ надъ головою, въ звукахъ пѣвчихъ птицъ, наполняющихъ воздухъ, въ роскоши лазурныхъ цвѣтовъ, которые въ иныя части года разряживаютъ эти грязныя хижины—невольно видится символъ любви и нѣжности, которыя достаточно велики и богаты, чтобы покрыть благодатью новой небесной красоты развалины нѣкогда чувственной и оскверненной жизни [498]).

Озеро Галилейское и Курн-Хаттинъ

ГЛАВА XXII.

ЖИЗНЬ ІИСУСА ХРИСТА ВЪ ГАЛИЛЕѢ.

Страданіе Христа есть наше избавленіе отъ страданія, и Его слеза есть наша радость. *Св. Аѳанасій Великій.*



КЪ ЭТОМУ именно періоду ранняго служенія Спасителя относятся тѣ постоянные переходы по городамъ и селеніямъ, которые дѣлалъ Онъ въ Галилеѣ, проповѣдуя, благовѣствуя и совершая дѣла милосердія, и о которыхъ такъ часто упоминается въ первыхъ трехъ евангеліяхъ, и съ особенною выразительностью говоритъ въ этомъ мѣстѣ повѣствованія ев. Лука: «Онъ ходилъ по Галилеѣ» [499]). Это былъ самый свѣтлый, самый многообѣщающій и самый дѣятельный періодъ Его жизни. Станемъ же мысленно поодаль и будемъ наблюдать за Нимъ, чтобы съ полнымъ смиреніемъ и благоговѣніемъ, насколько возможно живѣе, представить себѣ личность Спасителя во всей полнотѣ Его человѣческой жизни и дѣятельности.

Представимъ себя въ какой-нибудь толпѣ народа, который въ это

Озеро Галилейское и Курн-Хаттинъ

ГЛАВА XXII.

ЖИЗНЬ ІИСУСА ХРИСТА ВЪ ГАЛИЛЕѢ.

Страданіе Христа есть наше избавленіе отъ страданія, и Его слеза есть наша радость. *Св. Аѳанасій Великій.*

Ъ ЭТОМУ именно періоду ранняго служенія Спасителя относятся тѣ постоянные переходы по городамъ и селеніямъ, которые дѣлалъ Онъ въ Галилеѣ, проповѣдуя, благовѣствуя и совершая дѣла милосердія, и о которыхъ такъ часто упоминается въ первыхъ трехъ евангеліяхъ, и съ особенною выразительностью говоритъ въ этомъ мѣстѣ повѣствованія ев. Лука: «Онъ ходилъ по Галилеѣ» [499]). Это былъ самый свѣтлый, самый многообѣщающій и самый дѣятельный періодъ Его жизни. Станемъ же мысленно поодаль и будемъ наблюдать за Нимъ, чтобы съ полнымъ смиреніемъ и благоговѣніемъ, насколько возможно живѣе, представить себѣ личность Спасителя во всей полнотѣ Его человѣче-

время поджидалъ Его повсюду, и посмотримъ на Него, какъ смотрѣла эта толпа, когда Онъ былъ человѣкомъ на землѣ [500]).

Вотъ мы на небольшой равнинѣ [501]), идущей между горами Завулоновыми и Нефѳалимовыми, гдѣ-нибудь между селеніями Кефр-Кенна и такъ называемой Кана эл-Джалиль. Кругомъ насъ море хлѣбныхъ полей, быстро спѣющихъ къ жатвѣ, и яркіе безчисленные цвѣты живыми роскошными коврами разстилаются по сторонамъ дороги. Дорога, на которой мы стоимъ, ведетъ въ одномъ направленіи къ Аккѣ и морскому берегу, въ другомъ — черезъ вершину Хаттинъ къ озеру Галилейскому. Земля блистаетъ всею роскошью весенняго дня въ Палестинѣ, но сердца тревожной, возбужденной толпы, среди которой мы стоимъ, слишкомъ заняты одной всепоглощающей мыслью, чтобы обращать вниманіе на окружающія красоты; къ тому же иные изъ нихъ слѣпые, больные, хромые, и они еще не знаютъ, протянется ли къ нимъ перстъ милосердія, произнесется ли цѣлительное слово, — нѣтъ, даже удастся ли имъ просто коснуться одежды великаго неизвѣстнаго Пророка, когда Онъ будетъ проходить здѣсь, — чтобы возродить все ихъ существо и измѣнить къ лучшему весь складъ ихъ будущей жизни. А дальше позади, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ толпы, въ жалкомъ и убогомъ одѣяніи, съ завязанными губами, предостерегая всѣхъ приближающихся крикомъ: *таме*, *таме* — «нечистъ, нечистъ!» – стоятъ среди пшеницы страшныя обезображенныя фигуры, въ которыхъ нельзя съ содроганіемъ не признать прокаженныхъ [502]).

Изъ говора толпы можно видѣть, что разныя побужденія собрали ее здѣсь. Иные пришли изъ любопытства, другіе по нуждѣ, третьи просто по общему увлеченію, котораго они сами не умѣли объяснить себѣ. Чудесныя сказанія о Немъ, – о Его милосердіи, могуществѣ, славномъ ученіи и великихъ дѣлахъ, — переходятъ изъ устъ въ уста, не безъ примѣси иногда подозрительности и клеветы. Тутъ же находится нѣсколько книжниковъ и фарисеевъ, которые, держась поодаль отъ толпы, шепотомъ передаютъ другъ другу свои недоумѣнія, свои опасенія и негодующія замѣчанія.

Вдругъ на недалекомъ разстояніи за возвышенностью показывается облако пыли, означающее приближеніе какого-то собранія народа, и мальчикъ изъ Магдалы или Виѳсаиды, не обращая вниманія на сердитые укоры книжниковъ, указываетъ по этому направленію и возбужденно бѣжитъ впередъ съ крикомъ: «*Малка Мешиха*! *Малка Мешиха*! — «Царь Мессія! Царь Мессія!», и этотъ крикъ даже въ дѣтскихъ устахъ

заставлялъ усиленнѣе трепетать сердца простодушной толпы галилейской [503]).

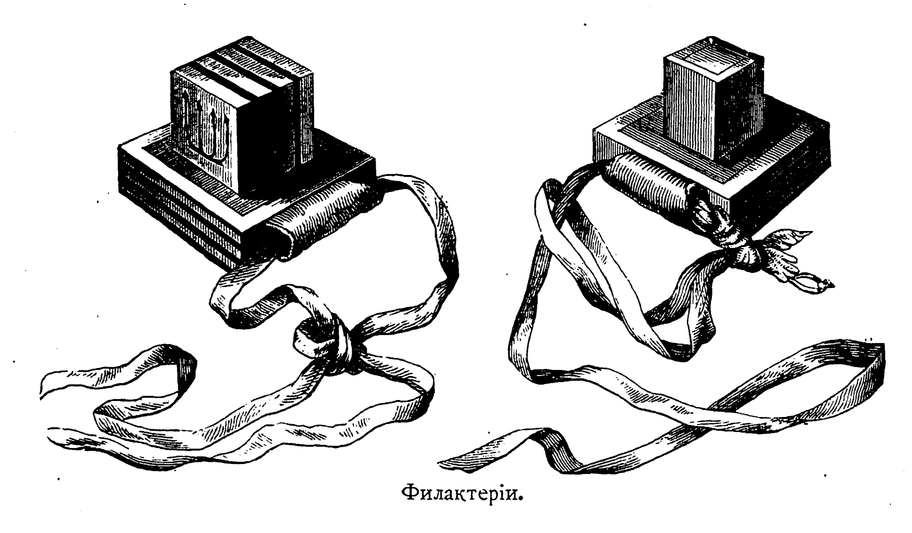
Но вотъ толпа приближается. Она состоитъ изъ юношей и старцевъ, главнымъ образомъ изъ простыхъ поселянъ; но между ними встрѣчаются и люди высшихъ сословій — тутъ нахмуренный фарисей, тамъ нарядно одѣтый иродіанинъ [504]), вполголоса передающій какому-нибудь греческому купцу или римскому воину свои презрительныя догадки насчетъ восторженности толпы. Такихъ однако же мало, и почти всѣ взоры въ этой громадной толпѣ прямо устремлены на Того, Кто стоитъ въ срединѣ отдѣльной группы, окружаемой толпою.

Впереди этой группы идутъ нѣкоторые изъ новоизбранныхъ апостоловъ, позади другіе, и между ними невольно обращаетъ на себя вниманіе одинъ, безпокойный взглядъ и мрачное лицо котораго [505]) какъ-то мало гармонируютъ съ открытыми, невинными и честными лицами его сотоварищей. Въ толпѣ иные тихо говорятъ, что это извѣстный Іуда изъ Каріота, почти единственный послѣдователь Іисуса не изъ галилеянъ. Немного дальше позади, за остальными апостолами, видны четыре или пять женщинъ [506]), иныя пѣшія, другія на мулахъ, и между ними нѣкоторые узнаютъ, несмотря на полузакрытыя лица, нѣкогда богатую и распущенную, а теперь кающуюся Марію Магдалину, затѣмъ Саломію, жену рыбака Зеведея, и одну еще болѣе богатую и знатную женщину Іоанну, жену Хузы, домоправителя Ирода Антипы [507]).

Но Тотъ, Кого ищутъ глаза всѣхъ, находится въ самой срединѣ толпы; рядомъ съ Нимъ справа стоитъ Петръ изъ Виѳсаиды, а слѣва болѣе юная фигура Іоанна, — но взоры всѣхъ поглощены только Имъ однимъ.

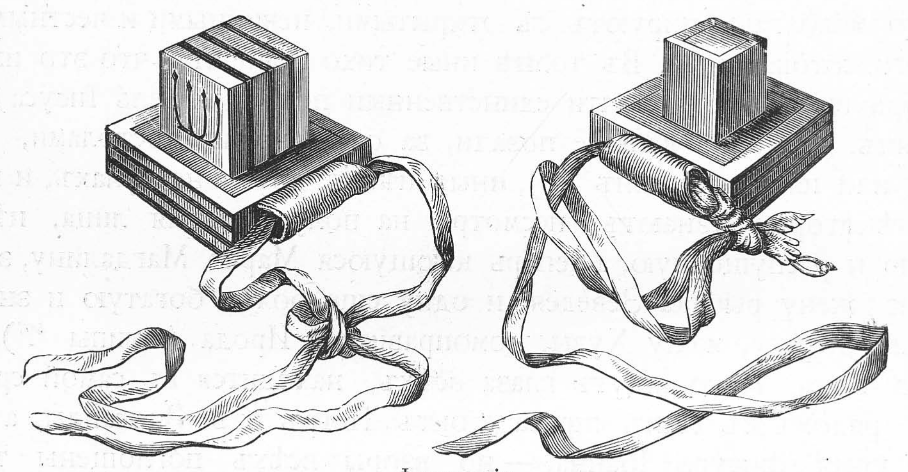
Одѣтъ Онъ не въ мягкія висонныя или пурпурныя одежды, подобно царедворцамъ Ирода или блистающимъ роскошью друзьямъ прокуратора Пилата: на Немъ и не бѣлый эфодъ левитовъ или длинное волочущееся одѣяніе книжниковъ. На рукѣ и челѣ нѣтъ *тефиллинъ* или филактерій [508]), которыя фарисеи дѣлаютъ обыкновенно такими широкими; и хотя по угламъ Его одежды пришиты кисточки и голубыя ленты, какъ предписываетъ законъ, но все это не такого показнаго объема, какъ обыкновенно носится тѣми, которые хотятъ выставить свою точность въ исполненіи законныхъ предписаній. Онъ былъ въ обыкновенной одеждѣ своего времени и своей страны. Онъ не съ обнаженной головой — какъ обыкновенно изображаютъ Его живописцы, — потому что подъ палящимъ солнцемъ Палестины невозможно

ходить такъ [509]), а на головѣ у Него бѣлый *кефьс*, какой носится и теперь, тесьмой или *агаломъ* прикрѣпленный вокругъ маковки и спадающій назадъ на спину и плечи. Сверху накинутъ большой голубой *таллиѳъ* или плащъ, безукоризненной чистоты, но изъ самаго простаго матеріала, и изъ-подъ него только иногда показывается *кетонеѳъ*, нешвенная шерстяная сорочка изъ обыкновенной полосатой ткани, такъ употребительной на востокѣ; сорочка эта стянута поясомъ и спускается почти до самыхъ сандалій. Но простое одѣяніе не скрываетъ царя, и хотя въ Его обращеніи и осанкѣ нисколько нѣтъ самодовольной надменности раввина, однако же въ естественномъ благородствѣ и непринужденной граціи ихъ есть нѣчто такое, что сразу заставляетъ смолкнуть всякій грубый языкъ и разсѣяваетъ всякую злую мысль.



Филактеріи.

А Его внѣшность [510])? Онъ средняго роста и лѣтъ тридцати отъ роду; лицо Его свѣтится свѣжестью и прелестью юности, вмѣстѣ съ задумчивостью и достоинствомъ возмужалости. Волоса Его, которые въ сказаніяхъ сравниваются съ цвѣтомъ вина, раздѣленные совершенно прямымъ проборомъ, ниспадаютъ на плечи. Черты у Него блѣднѣе и болѣе приближаются къ эллинскому типу, чѣмъ загорѣлыя и смуглыя лица суровыхъ рыбаковъ—Его апостоловъ; но хотя эти черты очевидно бывали омрачаемы скорбію, хотя видно, что эти глаза, свѣтлый и не поддающійся описанію взглядъ которыхъ видимо читаетъ сокровеннѣйшія тайны сердца, часто блестѣли слезами, — однако же ни одинъ человѣкъ, душа котораго еще не изъѣдена грѣхомъ и самолюбіемъ, не можетъ безъ внутренняго волненія и страха смотрѣть на божественное



Филактеріи.

выраженіе этого спокойнаго и безстрастнаго лица. Да, это Онъ, о которомъ говорили Моисей и пророки—Іисусъ Назарянинъ, сынъ Маріи, сынъ Давидовъ, сынъ человѣческій и Сынъ Божій. Глаза наши видѣли Царя во всей красѣ Его. Мы видѣли славу Его, славу какъ единороднаго отъ Отца, исполненнаго благодати и истины. И увидѣвъ Его, мы легко можемъ понять, какъ одна женщина изъ толпы, въ то время, какъ говорилъ Онъ, возвысила голосъ свой и сказала: «блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшіе!»—«Блаженны, отвѣчалъ Онъ словами глубокой таинственности и задушевности, слушающіе слово Божіе и исполняющіе его».

Здѣсь кстати отмѣтить нѣкоторыя черты изъ земной жизни Спасителя.

1. Прежде всего это была жизнь *бѣдности*. Нѣкоторыя изъ древнихъ мессіанскихъ пророчествъ, которыя іудеи вообще понимали такъ мало, уже указывали на Его добровольное подчиненіе убогой долѣ [511]). «Хотя онъ былъ богатъ, но ради насъ сдѣлался бѣднымъ». Онъ родился въ пещерномъ скотномъ стойлѣ и колыбелью Его были ясли. Матерь Его за свое очищеніе принесла въ жертву голубей, что было приношеніемъ бѣдныхъ. Бѣгство въ Египетъ несомнѣнно сопровождалось многими трудностями, но и по возвращеніи Онъ долженъ былъ жить какъ плотникъ и плотниковъ сынъ въ презрѣнномъ областномъ городкѣ. По странѣ Онъ ходилъ какъ бѣдный странствующій учитель, ничего не имѣющій. Словами «блаженны нищіе духомъ» началъ Онъ свою проповѣдь на горѣ, и главнымъ знаменемъ открывающагося новаго завѣта Онъ сдѣлалъ благовѣстіе бѣднымъ. Эта бѣдность Его наконецъ нашла полное выраженіе въ томъ, что спустя только три года своего общественнаго служенія Онъ проданъ былъ однимъ изъ своихъ апостоловъ за тридцать сиклей, составляющихъ цѣну самаго ничтожнаго раба.

Одежда на востокѣ.

2. Этой внѣшней бѣдности Его жизни вполнѣ соотвѣтствовала *простота* ея. Никогда въ своей жизни не владѣлъ Онъ кровомъ, который Онъ могъ бы назвать своимъ собственнымъ. Скромное жилище въ

Одежда на востокѣ.

Назаретѣ Онъ только дѣлилъ съ своими многочисленными братьями и сестрами. Даже домъ въ Капернаумѣ, который Онъ посѣщалъ такъ часто, не былъ Его собственнымъ, а предоставленъ былъ въ Его распоряженіе однимъ изъ Его учениковъ. Ему никогда не принадлежало ни одной пяди на той землѣ, которую Онъ пришелъ спасти. Нигдѣ не говорится, чтобы когда-нибудь нищій, которые на востокѣ вообще такъ многочисленны и такъ назойливы, просилъ у Него милостыни. Но еслибы и попросилъ кто-нибуд , Онъ могъ бы только отвѣтить съ Петромъ: «серебра и золота Я не имѣю, но что имѣю—даю тебѣ». Пища его была самая простая. Правда, Онъ не отказывался отъ приглашеній принимать участіе въ невинномъ общественномъ удовольствіи въ домахъ Симона, Левія или Маревы, или въ брачномъ пиршествѣ въ Канѣ; но обыкновенная Его пища была такъ же проста, какъ пища самаго бѣднаго поселянина—хлѣбъ самаго грубаго качества [512]), рыба, пойманная въ озерѣ и испеченная въ горячей золѣ на берегу, да иногда кусокъ медоваго сота, вѣроятно дикаго меда, который тогда былъ въ изобиліи въ Палестинѣ.

Отсюда видно, какъ тонка была въ дѣйствительности паутина правдоподобія, на которой врагамъ Его приходилось поддерживать бремя своей вопіющей клеветы, что будто бы Онъ «любитъ поѣсть и пить вино». И тѣмъ не менѣе, при всей своей бѣдности, Іисусъ не былъ нищимъ. Онъ ни на одно мгновеніе не спускался до нищенской жизни (какъ напр. Будда) и не сказалъ ни одного такого слова, которое можно бы было истолковать въ смыслѣ одобренія того грязнаго нищенства, которое иные религіозные учители выставляли какъ совершенство благочестія. Онъ никогда не принималъ милостыни отъ какого-нибудь благотворительнаго учрежденія, но самъ вмѣстѣ съ обществомъ своихъ послѣдователей жилъ своимъ законнымъ пріобрѣтеніемъ или плодами своихъ трудовъ, и имѣлъ даже свой собственный денежный ящикъ [513]), какъ для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, такъ и для благотворенія другимъ. Изъ него апостолы удовлетворяли свои простыя потребности во время праздника Пасхи и раздавали, что могли, бѣднымъ; только самъ Христосъ повидимому не давалъ денегъ бѣднымъ, потому что Онъ давалъ имъ дары богаче и цѣннѣе, чѣмъ золото и серебро. Но даже и немногихъ денегъ, въ которыхъ они нуждались, часто недоставало; когда сборщики ничтожной суммы, требуемой даже отъ самыхъ бѣдныхъ на храмъ, подошли къ Петру за полученіемъ дидрахмы, которая только и требовалась, то ни у него, ни у самого Учителя не

оказалось этой суммы на лицо (Матѳ. XVII, 24—27). Сынъ человѣческій не имѣлъ никакого земнаго имущества, кромѣ одежды, которую носилъ.

3. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это была, какъ мы видѣли, жизнь *труда*, — труда съ самаго дѣтства, въ мастерской плотника для добыванія честнымъ и благороднымъ ремесломъ средствъ пропитанія себѣ и своему семейству; труда впослѣдствіи — для спасенія міра. Мы видѣли, что «Онъ ходилъ повсюду, дѣлая доброе», и въ этомъ, какъ краткой характеристикѣ всей Его общественцой жизни, заключается также и ея возвышенная самобытность. Все, что мы уже видѣли и увидимъ еще дальше изъ того, какъ Онъ проводилъ свое время, показываетъ намъ, какая громадная масса вѣчнодѣятельнаго благотворенія заключена была въ короткомъ промежуткѣ свѣтлыхъ дней этой жизни. Во всякое мгновеніе Онъ былъ готовъ отозваться на всякій призывъ, исходилъ ли онъ

Дидрахма Родосская *).

отъ совопросника, жаждавшаго поучиться, или отъ страдальца, вѣровавшаго въ возможность исцѣленія. Ученіе, проповѣдь, странствованіе, совершеніе дѣлъ милосердія, терпѣливое сношеніе дерзкой нетерпимости жестоковыйныхъ и невѣжественныхъ, безропотное благодушіе при постоянномъ и назойливомъ вторженіи толпы все это настолько поглощало Его время и силы, что многіе, какъ не разъ говорится въ евангельскомъ повѣствованіи, приходили и уходили, не давая Ему досуга даже поѣсть. Да самъ онъ повидимому и не разсчитывалъ на отдыхъ,

*) Изображенная здѣсь монета помѣщена въ качествѣ особой иллюстраціи, потому что Родосъ былъ одною изъ тѣхъ странъ по сосѣдству съ Іудеей, которыя выпускали *дидрахмы*, т.-е. двойныя драхмы, причемъ тетрадрахма (по своей цѣнности соотвѣтствующая рублю) была ходячей монетой въ Сиріи. Названіе Родосъ пріятно напоминается открывающейся *розой* на оборотной сторонѣ, налѣво отъ которой Аполлонъ съ лирой, а наверху PΟΔΙΟΝ (монета) «родосцевъ»; буквы внизу ΑΚΕΣΙΣ вѣроятно составляютъ часть имени магистрата. Полнолицая лучистая голова *Гелія* на оборотѣ свидѣтельствуетъ, что весь островъ считался владѣніемъ (какъ воспѣвалъ Пиндаръ въ своей седьмой Олимпійской одѣ) бога-солнца, черты котораго показываютъ, насколько греческое искусство придало изящества грубому финикійскому оригиналу, какъ можно видѣть въ головѣ Ваала на сирійскомъ жертвенникѣ, теперь въ Фицвильямскомъ музеѣ въ Кэмбриджѣ. Замѣчательно, что монеты, издавна сохраняемыя въ храмѣ св. Женевьевы и называемыя по преданію тридцатью сребренниками, всѣ этого именно типа.

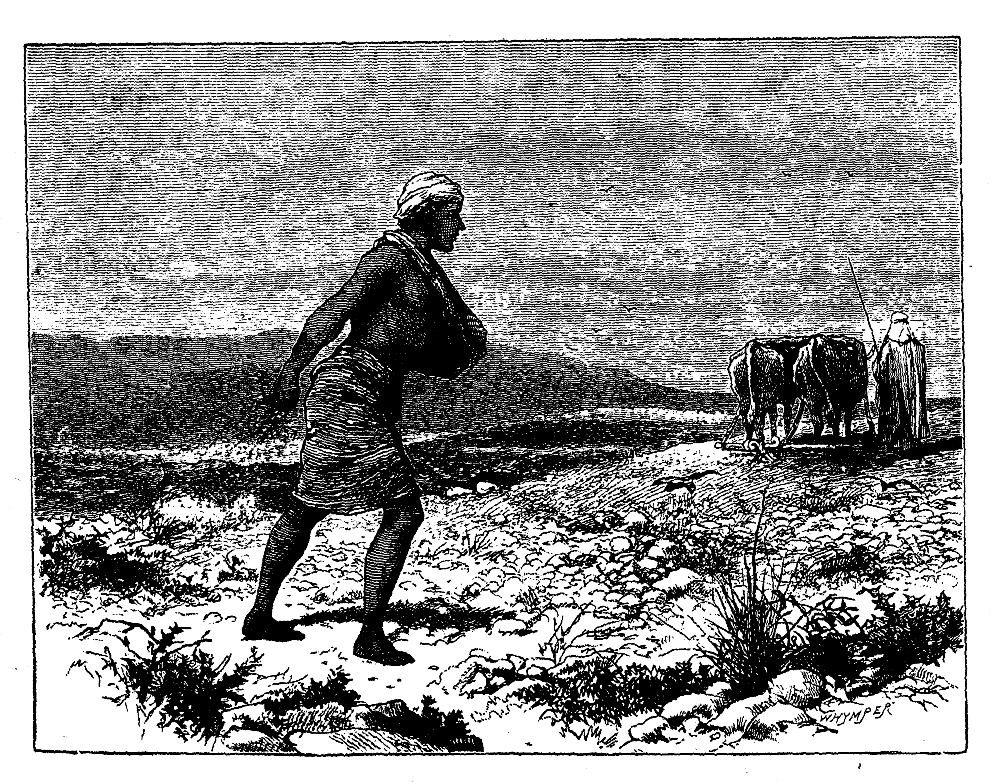
Дидрахма Родосская *).

кромѣ спокойныхъ часовъ ночнаго безмолвія, когда Онъ такъ часто удалялся молиться своему Отцу небесному среди горныхъ пустынь, которыя Онъ такъ любилъ.

4. Затѣмъ, это была жизнь *здоровая*. Среди многихъ и разныхъ ея скорбей и испытаній не было только болѣзни. Мы слышимъ о многочисленныхъ исцѣленіяхъ Имъ больныхъ, но никогда не слышимъ, чтобы самъ Онъ былъ когда-нибудь боленъ. Правда, въ знаменитомъ пророчествѣ Исаіи говорится о Немъ: «Онъ взялъ на себя наши немощи, и понесъ наши болѣзни; а мы думали, что Онъ былъ поражаемъ, наказуемъ и уничиженъ Богомъ. Но онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши и мучимъ за беззаконія наши; наказаніе міра нашего было на Немъ, и ранами Его мы исцѣлились». Но лучшее объясненіе этому мѣсту дано ев. Матөеемъ, что Онъ сострадалъ съ тѣми, кого видѣлъ страдающими (Матө. VIII, 17). Онъ былъ тронутъ чувствомъ нашихъ немощей, Его божественное сочувствіе дѣлало эти страданія Его собственными. Но исторія Его жизни и смерти явно показываетъ необычайную силу тѣлесной крѣпости. Не обладая совершеннымъ здоровьемъ, никто не могъ бы выдержать непрерывныхъ и утомительныхъ трудовъ такой ежедневной жизни, какая описывается въ евангеліяхъ. Кромѣ того, Онъ повидимому обладалъ счастливою способностью скораго и глубокаго сна, который составляетъ естественное и лучшее возмездіе устали, и лучше всего способенъ укрѣпить истомленный духъ и вновь дать бодрость и силу къ труду. Онъ могъ спать даже на палубѣ маленькаго рыбачьяго судна, бросаемаго и захлестываемаго волнами разъяреннаго озера, безъ всякой постели или подушки, просто приклонившись къ жесткой кожаной вышкѣ у кормы [511]). Часто въ тѣ ночи, которыя Онъ проводилъ подъ звѣзднымъ небомъ въ пустынѣ или на вершинѣ горы, единственною постелью для Него была трава и единственнымъ одѣяломъ былъ *таллиѳъ* или плащъ, или быть можетъ иногда полосатая *абба*, въ родѣ той, что и теперь составляетъ весь постельный приборъ араба. И въ послѣднемъ скорбномъ событіи мы увидимъ, какъ та же крѣпость и выносливость тѣла, даже послѣ всего перенесеннаго Имъ, давала Ему возможность, послѣ безсонной ночи самаго томительнаго дня, выдерживать въ теченіе пятнадцати часовъ испытанія, мученія и страшную агонію ужасной смерти.

5. Наконецъ это была жизнь *скорби*, и Онъ справедливо названъ «Сыномъ скорбей». Но здѣсь, думается, возможно нѣкоторое недоразумѣніе. «Скорбь» и «радость» близки между собой, и можно быть увѣ-

реннымъ, что если въ Его жизни были и сокрушающія скорби—скорбь изъ-за сочувствія къ страждущимъ [515]), скорбь изъ-за отверженія со стороны тѣхъ, кого Онъ любилъ, скорбь изъ-за ненависти отъ тѣхъ, кого Онъ пришелъ спасти, скорби Того, на кого возложены были всѣ беззаконія міра, скорби послѣдней долгой агоніи на крестѣ, когда казалось будто и самъ Отецъ небесный оставилъ Его, — при всемъ томъ несомнѣнно также и то, что въ Его жизни было и много радостей. Худшей изъ всѣхъ скорбей, самаго одуряющаго и горестнаго изъ бѣдствій, именно сознанія отчужденности отъ Бога, чувства стыда, виновности и внутренняго паденія, безумства самоотвращенія, которое какъ огненный бичъ гонитъ отверженную душу къ неисцѣльному отчаянію,—такой скорби не было у Него, не только въ ея крайней формѣ, но даже и въ легчайшемъ изъ ея мимолетныхъ проявленій; но, съ другой стороны, радость незапятнанной совѣсти, радость безпорочной жизни, радость души, безконечно и безусловно далекой отъ всякой тѣни низости и всякаго пятна виновности, радость существованія, всецѣло посвященнаго на служеніе Богу и любви къ человѣку,—такія радости постоянно были присущи Ему во всей ихъ полнотѣ и силѣ. Это конечно едва ли то, что люди собственно называютъ радостью, это не веселость легкомыслія, которая подобна кратковременному мерцанію апрѣльскаго солнца надъ мелководнымъ потокомъ; это не смѣхъ безумцевъ, который подобенъ «треску шиповъ подъ горшкомъ»: такихъ радостей мало въ жизни человѣка, который понимаетъ истинный смыслъ жизни. Но истинно сказалъ одинъ великій учитель: Crede mihi, res severa est verum gaudium («Вѣрь мнѣ, суровая жизнь есть истинная радость»), и изъ этого глубокаго родника жизни, которы заключается въ самомъ существѣ всего благороднаго, чистаго, вѣчнаго и истиннаго, даже и Сынъ скорбей могъ пить до полнаго удовлетворенія. О Немъ не говорится, чтобы Онъ когда-нибудь смѣялся, хотя не разъ говорится, что Онъ плакалъ, вздыхалъ и не разъ былъ въ огорченіи; однако же Тотъ, который никогда не омрачалъ своимъ недовольствомъ общественныхъ собраній и невинныхъ празднествъ, не могъ быть лишенъ того внутренняго блаженнаго довольства, которое иногда даже свѣтилось въ Его лицѣ и которое часто можно подмѣтить въ нѣжной и почти игривой ироніи Его словъ [516]). Въ тотъ часъ, говорится объ одномъ случаѣ въ Его жизни, «Іисусъ радовался», или, вѣрнѣе было бы сказать, «*ликовалъ*» духомъ [517]). Можно ли думать, что подобная радость была только однажды?



Сѣятель на востокѣ.

ГЛАВА XXIII.

ВЕЛИКІЙ ДЕНЬ ВЪ ЖИЗНИ І. ХРИСТА.

Тайна Моя для Меня и для сыновъ дома Моего.
Изреченіе, приписываемое І. Христу, въ «Строматахъ» *Климента Александрійскаго.*

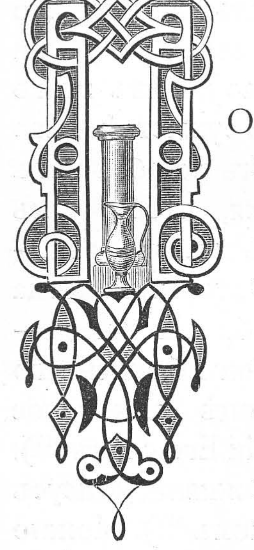
ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТЬ въ повѣствованіи событій, о которыхъ мы будемъ говорить теперь, почти одна и та же въ первыхъ трехъ евангеліяхъ. Не оставляя безъ вниманія ясныхъ указаній, даваемыхъ и другими евангелистами, при разсмотрѣніи этого періода жизни Іисуса мы будемъ главнымъ образомъ слѣдовать хронологическому руководству ев. Луки. Евангелисты Матѳей и Маркъ въ порядкѣ расположенія своего повѣствованія повидимому весьма много руководились личными соображеніями [518]). Событія въ ихъ евангеліяхъ иногда сближаются по нравственному или религіозному ихъ значенію; евангелистъ же Лука очевидно обращаетъ больше вниманія на дѣйствительную послѣдовательность, хотя и онъ иногда въ своемъ

Сѣятель на востокѣ.

ГЛАВА XXIII.

ВЕЛИКІЙ ДЕНЬ ВЪ ЖИЗНИ І. ХРИСТА.

Тайна Моя для Меня и для сыновъ дома Моего.
Изреченіе, приписываемое І. Христу, въ «Стром
тахъ» *Климента Александрійскаго.*



ОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТЬ въ повѣствованіи событій, которыхъ мы будемъ говорить теперь, почти одна и т же въ первыхъ трехъ евангеліяхъ. Не оставляя без вниманія ясныхъ указаній, даваемыхъ и другими еван гелистами, при разсмотрѣніи этого періода жизни Іисус мы будемъ главнымъ образомъ слѣдовать хронологи ческому руководству ев. Луки. Евангелисты Матѳей Маркъ въ порядкѣ расположенія своего повѣствовані повидимому весьма много руководились личными сообра женіями [518]). Событія въ ихъ евангеліяхъ иногда сбли жаются по нравственному или религіозному ихъ зна

распредѣленіи единству предметовъ даетъ перевѣсъ надъ послѣдовательностью по времени [519]).

Вслѣдъ за описаніемъ изложеннаго нами проповѣдническаго путешествія ев. Лука прибавляетъ, что когда Іисусъ увидѣлъ себя окруженнымъ множествомъ народа, собравшагося изъ разныхъ городовъ, Онъ началъ говорить притчею [520]); изъ двухъ другихъ евангелистовъ мы узнаемъ любопытное обстоятельство, что это былъ первый случай, когда Онъ училъ притчами, и съ поученіемъ этимъ Онъ обращался къ народу, тѣснившемуся на берегу, съ своей любимой каѳедры—лодки, постоянно имѣвшейся для Него на озерѣ [521]).

На основаніи евангелія Марка можно бы заключать, что бесѣда эта происходила послѣ полудня того самаго дня, въ который Онъ исцѣлилъ разслабленнаго; но данныя для этого слишкомъ недостаточны, чтобы полагаться на нихъ (ср. Марк. II, 13; IV, 1). Мы можемъ видѣть только, что эта новая форма ученія стала необходимой вслѣдствіе особеннаго духовнаго состоянія, наступившаго въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ изъ слушателей среди толпы. Свою бесѣду Онъ началъ выразительнымъ воззваніемъ: «слушайте!» — съ которымъ Онъ обратился къ народу, приготовляя его къ необычайнымъ и важнымъ истинамъ, которыя Онъ намѣревался провозглашать предъ нимъ (Марк. IV, 3).

Большинство слушателей теперь навѣрно было уже знакомо съ общими основами новаго евангелія, которое проповѣдывалъ Іисусъ. Отъ нихъ самихъ теперь требовались самодѣятельность и самоиспытаніе своей духовной жизни, если только они дѣйствительно искренно желали получить пользу отъ Его ученія. «Замѣчайте, что слышите», говорилъ Онъ, желая сильнѣе напечатлѣть свое ученіе. Онъ предостерегалъ ихъ противъ празднаго любопытства или простой умственной любознательности и хотѣлъ внушить имъ чувство нравственной отвѣтственности за послѣдствія того, что они слышали. Онъ хотѣлъ поучать ихъ такъ, чтобы количество пользы каждаго слушателя зависѣло главнымъ образомъ отъ собственной преданности этому ученію.

Поэтому, чтобы показать слушателямъ, что единственно истинный плодъ добраго ученія есть святость жизни и что возрастанію плода его могутъ препятствовать многія опасности, Онъ сказалъ имъ свою первую притчу, притчу о сѣятелѣ. Образы для нея были взяты по обыкновенію отъ предметовъ, непосредственно находившихся передъ глазами: — засѣянныя поля Геннисарета, хлѣбные всходы на нихъ; проходившія по нимъ жесткія, торныя дороги, на которыхъ не могъ расти

хлѣбъ; безчисленныя птицы, порхавшія надъ ними и выклевывавшія зерна; слабые и чахлые всходы на почвѣ каменистой; плевелы, заглушающіе ростъ въ малообработанныхъ мѣстахъ; тучность земли вообще, на которой уже, колыхаясь отъ благоухающаго вѣтра [522]), золотисто переливались тяжелые и полные колосья, обѣщавшіе дать сборъ въ самъ-шестьдесятъ и даже въ самъ-сто. Для насъ, съ дѣтства читавшихъ эту притчу рядомъ съ собственнымъ объясненіемъ ея Христомъ, значеніе ея кажется необычайно яснымъ и простымъ, и мы видимъ въ ней самыя наглядныя изображенія опасностей, которымъ подвергаются при слушаніи слова Божія холодные и равнодушные, нетерпѣливые и легкомысленные, тщеславные и чувственные, предубѣжденные и сладострастные люди. Но не такъ легко было понять ее тѣмъ, которые впервые слушали ее тогда [523]). Даже ученики не могли понять ея полнаго значенія, хотя они отложили свою просьбу о ея разъясненіи до тѣхъ поръ, когда они остались одни съ своимъ Учителемъ. Очевидно притчи, подобныя этой, столь ясныя для насъ, но такъ трудныя для тѣхъ простыхъ слушателей, возбуждали въ нихъ мысли, которыя были совершенно новы для нихъ (Матѳ. XIII, 1—23; Марк. IV, 1—25; Лук. VIII, 4—18).

Спаситель, понятно, не сразу сказалъ всѣ семь притчъ (притчи о плевелахъ на полѣ, о зернѣ горчичномъ, о закваскѣ, о скрытомъ сокровищѣ, о жемчужинѣ и о неводѣ), которыя по сходству въ своемъ предметѣ и выводахъ собраны вмѣстѣ ев. Матѳеемъ [524]). Произнесеніе этихъ семи притчъ [525]) сразу и притомъ безъ всякаго объясненія разнородной толпѣ, впервые слышавшей ученіе въ такой формѣ, могло бы только отуманить умъ и утомить вниманіе слушателей. И выраженіе ев. Марка: «сколько они могли слышать» (Марк. IV, 33), повидимому ясно указываетъ на постепенный, не непрерывный ходъ проповѣди, которая потеряла бы свою цѣну, еслибы давала слушателямъ больше, чѣмъ сколько они способны были запомнить и понять. Изъ сравненія ев. Марка и Луки можно скорѣе заключить, что проповѣдь на этотъ разъ не заключала въ себѣ никакихъ другихъ притчъ, кромѣ быть можетъ простыхъ и близко сходныхъ съ притчей о сѣятелѣ притчъ о зернѣ горчичномъ, о зелени, колосѣ и полномъ зернѣ въ колосѣ, могшихъ служить къ подкрѣпленію терпѣнія тѣхъ, которые ожидали слишкомъ скораго откровенія царства Божія въ ихъ собственной жизни и въ мірѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ быть можетъ сдѣлано было и уподобленіе свѣтильнику, чтобы внушить слушателямъ не гасить свѣта, полученнаго

ими, но хранить тотъ великій свѣтъ, который долженъ былъ въ свое время озарить все, дабы сіялъ этотъ свѣтъ, озаряя какъ пути ихъ собственной жизни, такъ и души всѣхъ окружающихъ.

Этотъ способъ назиданія, столь необычайный, будящій мысль и глубокоинтересный,—способъ, который по своей недосягаемой красотѣ и законченности безпримѣренъ въ лѣтописяхъ человѣческой рѣчи, несомнѣнно способствовалъ увеличенію массы народа, толпившагося послушать Его. И Онъ не переставалъ поучать его въ теченіе всего знойнаго послѣполудня, такъ что, когда Ему удалось освободиться отъ народа, насталъ уже вечеръ [526]). Тогда повидимому духомъ Спасителя овладѣло чувство полнаго утомленія и глубокаго, неудержимаго желанія отдохнуть, уединиться и заснуть. Желаніе отдыха и покоя быть можетъ ускорено было новымъ худообдуманнымъ стараніемъ Его матери и братьевъ заявить свои права на Его дѣйствія [527]). Правда, они «не могли подойти къ Нему по причинѣ народа», но самая попытка ихъ пробраться къ Нему могла послужить новымъ поводомъ къ желанію удалиться и хоть на время освободиться отъ этой непрерывной общественности и этихъ нежелательныхъ вторженій. Во всякомъ случаѣ, одна легкая черта, сохраненная по обыкновенію живописнымъ перомъ ев. Марка, показываетъ, что въ удаленіи Его была нѣкоторая торопливость и настойчивость, такъ что, несмотря на свою усталость и ту душевную истому, которая бываетъ слѣдствіемъ изнурительнаго общенія съ многочисленною толпою, Онъ не возвратился въ Капернаумъ, а вдругъ рѣшилъ измѣнить свой планъ. Отпустивъ народъ, ученики взяли Его, «какъ Онъ былъ» (Марк. IV, 36), съ собою въ лодку, такъ какъ при Его торопливости не было времени для какихъ бы то ни было приготовленій. Онъ жаждалъ спокойнаго и пустыннаго уединенія на восточномъ берегу озера. Теперь и западный берегъ тоже пустыненъ, и путешественникъ не встрѣтитъ тамъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ забитыхъ нуждой феллаховъ, или еврея изъ Тиверіады, нѣсколькихъ рыбаковъ-арабовъ, или вооруженнаго и гарцующаго на конѣ шейха какого-нибудь племени бедуиновъ. Но восточный берегъ пустыненъ въ полномъ смыслѣ этого слова; тамъ не видно ни дерева, ни поселенія, ни человѣческаго существа, ни единаго жилища; нѣтъ ничего, кромѣ низкой гряды холмовъ, изрѣзанныхъ скалистыми ущельями и сползающихъ къ узкой и голой полосѣ, окаймляющей берегъ озера. Во времена Спасителя противоположность между этой малонаселенной областью и многолюдными промышленными городами, тѣсно лежавшими

на равнинѣ Геннисаретской, была поразительная. Разбросанное населеніе Переи состояло отчасти изъ язычниковъ, но Онъ, какъ увидимъ, нерѣдко для возстановленія силъ и бодрости своей истомленной и отяг-

Цвѣты съ береговъ озера Галилейскаго.

ченной души удалялся за эту десятиверстную полосу воды, отдѣляя себя ею отъ поучаемой Имъ толпы народа.

Но прежде чѣмъ лодка оттолкнулась отъ берега, встрѣтилась новая задержка по неожиданному случаю. Трое изъ слушателей [528]), пораженные быть можетъ глубиною и силою этого новаго способа Его уче-

Цвѣты съ береговъ озера Галилейскаго.

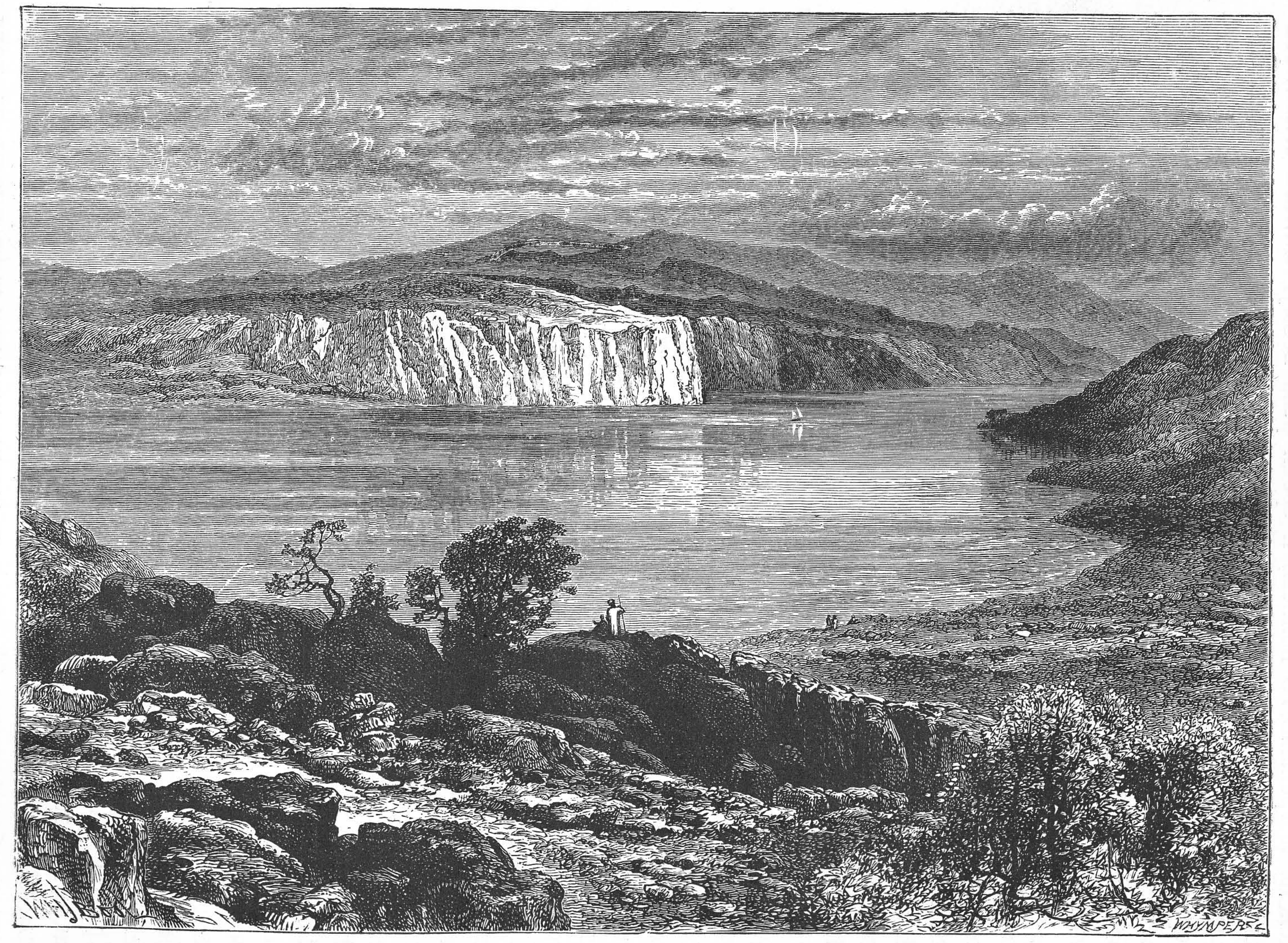
нія, изумленные также Его необычайнымъ успѣхомъ въ народѣ, захотѣли (скорѣе вообразили, что захотѣли) пристать къ Нему въ качествѣ постоянныхъ учениковъ. Первый былъ книжникъ. Безъ сомнѣнія думая, что его общественное положеніе сдѣлаетъ его самымъ желаннымъ ученикомъ, онъ съ увѣренностью воскликнулъ: «Учитель, я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошелъ». Но, несмотря на высокое положеніе этого человѣка, несмотря на его горячія обѣщанія, Тотъ, который ни во что не ставилъ служеніе только на словахъ, и «скромность робкаго долга» предпочиталъ «гремящему языку смѣлаго краснорѣчія», холодно остановилъ вызвавшагося на ученичество книжника. Тотъ, который призвалъ ненавистнаго мытаря, нисколько не поощрилъ почтеннаго книжника. Онъ не отвергъ предлагаемаго служенія, но и не принялъ его. Быть можетъ «въ пламенѣющемъ энтузіазмѣ этого человѣка Онъ видѣлъ дымъ эгоистическаго самообольщенія». Онъ указалъ на то, что служеніе Ему чуждо богатства, почета или удовольствія, и что въ немъ нельзя надѣяться на земныя выгоды. «Лисицы, сказалъ Онъ, имѣютъ норы и птицы небесныя гнѣзда [529]), а Сынъ человѣческій [530]) не имѣетъ гдѣ приклонить голову».

Второй уже былъ отчасти ученикомъ Спасителя [531]), но пожелалъ вполнѣ сдѣлаться Его послѣдователемъ, съ условіемъ только сначала пойти и похоронить своего отца. «Иди за Мной, раздался рѣшительный отвѣтъ Христа, и предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ»; то-есть предоставь міръ и мірскія дѣла ихъ собственной заботѣ. Кто хочетъ идти за Христомъ, тотъ долженъ оставить даже отца и мать. Онъ долженъ предоставить духовно мертвымъ заботиться о своихъ тѣлесно умершихъ [532]).

Подобный же отвѣтъ былъ и третьему искателю Его ученичества. Тотъ также просилъ объ отсрочкѣ, желалъ не тотчасъ же присоединиться къ Христу во время Его путешествія, а сначала проститься съ своими домашними и друзьями. На это послѣдовалъ отвѣтъ, ставшій пословицей для всѣхъ послѣдующихъ временъ: «Никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ [533]) для царства Божія». «Кого, употребляя прекрасный образъ бл. Августина, зоветъ востокъ, тотъ долженъ отвратить свои мысли отъ гаснущаго запада». Этою именно возвышенною мыслью ободряли и подкрѣпляли себя тѣ изъ великихъ святителей и подвижниковъ церкви, которые отказывались отъ всякихъ семейныхъ привязанностей и ради Христа оставляли всѣ связи мірскія.

Наконецъ, когда миновала и эта задержка, ученики могли поднять паруса своего судна и отправиться въ путь. Но даже и теперь Іисусъ былъ, такъ сказать, преслѣдуемъ своими послѣдователями, потому что, какъ опять сообщаетъ ев. Маркъ, «съ Нимъ были и другія лодки». Но послѣднія, такъ какъ о нихъ не упоминается по прибытіи на тотъ берегъ, по всей вѣроятности скоро отстали, испуганныя признаками приближавшейся бури. Во всякомъ случаѣ Спаситель среди преданныхъ учениковъ могъ спокойно отдохнуть въ лодкѣ, и только что они отплыли отъ берега, Онъ склонилъ свою усталую голову къ кожаному возглавію на кормѣ и заснулъ крѣпкимъ сномъ утомленнаго трудами человѣка — спокойнымъ сномъ тѣхъ, которые находятся въ мирѣ съ Богомъ.

Но даже и этому такъ необходимому сну суждено было скоро прерваться отъ насильственнаго пробужденія. На озерѣ неожиданно поднялась одна изъ тѣхъ страшныхъ и яростныхъ бурь, которыя такъ обычны въ этой глубокой котловинѣ земной поверхности. Въ воздухѣ мгновенно [534]) закрутились вихри и озеро бурно заколыхалось. Опасность была страшная, лодку то и дѣло кидало, захлестывая пѣнистыми волнами. Іисуса, лежавшаго на открытой палубѣ у кормы, обдавало брызгами, но Онъ спокойно спалъ [535]). Утомленіе Его было такъ велико, что даже буря не могла нарушить Его сна, а пока еще никто не осмѣливался разбудить Его. Но вотъ волны уже совсѣмъ стали заливать лодку, которая начала наполняться водой и тонуть. Тогда съ криками отчаянія и ужаса ученики стали будить Его: «Господи! Наставникъ! Наставникъ! — спаси насъ, погибаемъ» [536])! Такіе отчаянные вопли, смѣшанные съ воемъ бури и ревомъ расходившихся волнъ, смутно поразили Его полупробужденный слухъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, когда приходится неожиданно, безъ всякаго приготовленія, глядѣть въ лицо страшной опасности, вполнѣ познается человѣкъ: тутъ выказывается не только мужество, но и величіе, и чистота всей его натуры. Ураганъ, который сломилъ испытанную отвагу и сдѣлалъ тщетнымъ все искусство суровыхъ рыбаковъ, ни на мгновеніе не смутилъ глубокаго внутренняго спокойствія Сына человѣческаго. Безъ малѣйшаго смущенія, безъ всякаго трепета испуга, Іисусъ просто поднялся на локти съ облитой кормы безсильно борющейся и полуутопающей лодки и, не дѣлая больше никакого движенія [537]), утишилъ бурю ихъ душъ спокойными словами: «Что вы такъ боязливы, маловѣрные?» И затѣмъ, поднявшись совсѣмъ и ставъ на возвышеніи кормы во всемъ спокойствіи естественнаго величія, Онъ глянулъ во тьму урагана, рвавшаго Его



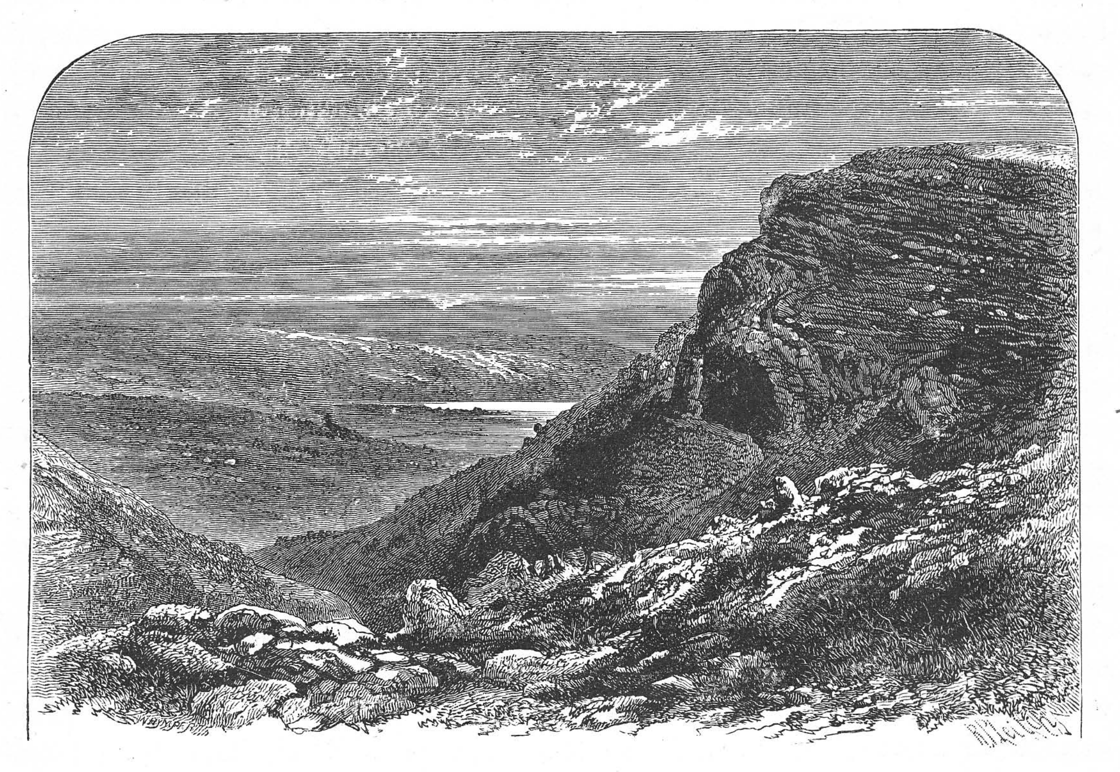
Озеро Галилейское.

одежды и трепавшаго волосы, и среди рева возмущенныхъ стихій раздался Его голосъ: «Умолкни, перестань!» [538]). И вѣтеръ утихъ, и сдѣлалась великая тишина. И когда на усмиренной поверхности воды засверкало отраженіе тихо мерцающихъ звѣздъ прояснившагося неба, то не только ученики, но и лодочники [539]) боязливымъ шепотомъ переговаривались между собой: «Кто же это, что и вѣтеръ, и море повинуются Ему?»

Это было поразительное чудо, одно изъ тѣхъ, которыми испытывается наша дѣйствительная вѣра въ чудесное; одно изъ тѣхъ чудесъ всемогущества, которыя не могутъ быть, подобно многимъ чудесамъ исцѣленія, объяснены законами природы. Книга эта не имѣетъ своею цѣлью убѣждать невѣра или опровергать сомнѣвающагося. Все, что можно было сказать по этому предмету, сказано уже нами въ другомъ мѣстѣ [540]); здѣсь считаемъ нужнымъ сказать только нѣсколько словъ. Нѣкоторые, даже вполнѣ вѣрующіе и благоговѣйные люди склонны думать, не было ли все это въ дѣйствительности какъ-нибудь иначе. Нельзя ли понимать этого разсказа въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ мы стали бы его понимать, еслибы встрѣтили въ какомъ-нибудь благочестивомъ сказаніи изъ жизни подвижниковъ? Нельзя ли предположить, что фактъ, лежащій въ основѣ повѣствованія, не былъ въ дѣйствительности чудеснымъ дѣломъ могущества надъ стихіями, которыя вовсе не подвластны человѣку, а просто—спокойствіе Христа подъ Его непосредственнымъ, сильнымъ вліяніемъ само собой сообщилось и всѣмъ устрашеннымъ спутникамъ Его, и ураганъ, по естественнымъ причинамъ, утихъ такъ же быстро, какъ и поднялся?—На это мы отвѣчаемъ, что еслибы это было единственное чудо въ жизни Христа; еслибы евангелія дѣйствительно были смутными, преувеличенными, неточными, легковѣрными повѣствованіями, какъ предполагается подобнымъ толкованіемъ; еслибы сверхъестественное само по себѣ было невѣроятнымъ; еслибы въ духовномъ мірѣ не было чрезвычайныхъ явленій, далеко превосходящихъ разумѣніе тѣхъ, которые бы не хотѣли видѣть во вселенной ничего, кромѣ дѣйствія вещественной природы; еслибы впродолженіе минувшихъ девятнадцати столѣтій не было промыслительной дѣятельности Божіей для засвидѣтельствованія дѣла и божественности Христа: — тогда дѣйствительно не было бы никакого затрудненія въ такомъ истолкованіи. Но если мы признаемъ Божіе управленіе въ мірѣ; если мы вѣруемъ, что Христосъ воскресъ; если мы имѣемъ основаніе считать глубочайшимъ убѣжденіемъ своего существа увѣренность въ томъ,

что Богъ не передалъ своего вседержительства и промышленія дѣйствію конечныхъ, неразумныхъ, безжалостныхъ и неумолимыхъ силъ вещества; если мы на каждой страницѣ евангелій видимъ спокойную простоту истиннаго и правдиваго свидѣтельства; если мы въ каждомъ годѣ послѣдующей исторіи и въ каждомъ опытѣ личной жизни находимъ подтвержденіе свидѣтельства, переданнаго ими:—то мы не будемъ ни сами льнуть къ раціоналистическимъ толкованіямъ, ни безпокоиться, когда другіе усвояютъ ихъ. Кто вѣруетъ, кто *знаетъ* силу молитвы въ томъ, что другіе могутъ считать неизбѣжными законами или слѣпыми случайностями жизни, — кто созналъ, какъ голосъ Спасителя, раздающійся въ теченіе столькихъ поколѣній, можетъ утишать болѣе свирѣпыя бури, чѣмъ какія когда-либо приводили въ ярость нѣдра глубокаго озера,—кто видитъ въ лицѣ своего Искупителя болѣе поразительное и болѣе величественное явленіе, чѣмъ всѣ тѣ, которыя люди надѣляютъ воображаемымъ всемогуществомъ и боготворятъ подъ именемъ законовъ природы, — тотъ по крайней мѣрѣ не затруднится и не смутится предположить, что Христосъ на

Пещеры въ горахъ на берегу озера Галилейскаго.



Пещеры въ горахъ на берегу озера Галилейскаго.

палубѣ полуразбитой рыбачьей лодки произнесъ свое властное повелѣніе, и Ему повиновались вѣтеръ и море; что слово Его было болѣе могущественно среди стихійныхъ силъ, чѣмъ массы взволнованной воды или необъятная область возмущеннаго воздуха.

Но и на отдаленномъ берегу Іисусъ не могъ найти отдыха или покоя [541]). Не успѣлъ Онъ вступить на почву той части Переи, которую єв. Матѳей называетъ «страною Гергесинскою», какъ встрѣтился съ проявленіями человѣческой свирѣпости, безумства и одичанія, даже болѣе ужаснаго и приводящаго въ трепетъ, чѣмъ ярость возмущеннаго озера. Едва Онъ вышелъ на берегъ, какъ изъ скалистыхъ могильныхъ пещеръ *вади* Семахъ выскочилъ къ Нему на встрѣчу человѣкъ, одержимый самымъ сильнымъ припадкомъ того яростнаго бѣшенства, которое обыкновенно приписывалось бѣсовской силѣ. Несмотря на всю свою гордость, древняя цивилизація не знала ни госпиталей, ни исправительныхъ домовъ, ни пріютовъ, и несчастныхъ этого рода, которые были слишкомъ опасны и невыносимы въ человѣческомъ общежитіи, просто выгоняли изъ среды людей или смиряли мѣрами, столь же недѣйствительными, какъ и жестокими. При такихъ обстоятельствахъ несчастные, въ случаѣ неизлечимости, могли находить себѣ пріютъ только въ пещерахъ по скалистымъ склонамъ холмовъ, которыми изобилуетъ Палестина, и которыми іудеи пользовались для погребенія мертвыхъ. Понятно, что грязная и дикая обстановка такихъ убѣжищъ съ неразлучными въ нихъ страхами и привидѣніями могла только усиливать болѣзнь [542]); и съ этимъ человѣкомъ, который давно былъ одержимъ недугомъ, нельзя уже было совладать [543]). Пытались связывать его, но въ припадкахъ бѣшенства онъ обнаруживалъ какбы сверхъестественную силу, часто замѣчаемую въ такихъ формахъ душевнаго возбужденія, и ему всегда удавалось сбрасывать съ себя оковы или разбивать свои цѣпи [544]). Теперь онъ былъ совсѣмъ оставленъ въ безлюдныхъ и дикихъ ущельяхъ, которые день и ночь оглашались его дикими криками, когда онъ бродилъ по нимъ — опасный себѣ и другимъ, неистовствуя и ударяясь о камни.

Этотъ-то страшный образъ обнаженнаго и звѣрскаго безумца явился предъ Спасителемъ, едва только Онъ, при брезжущемся разсвѣтѣ, успѣлъ ступить на берегъ [545]); можетъ быть тутъ же неподалеку [546]) бродилъ и другой бѣсноватый, который былъ не изъ гадарянъ и меньше одержимъ болѣзнью, хотя въ повѣствованіи, кромѣ простаго указанія, ничего больше и не говорится о немъ. Одно присутствіе, взглядъ, голосъ Христа, даже прежде чѣмъ Онъ обращался къ страдальцамъ, повиди-

мому всегда успокоивали и устрашали ихъ: то же самое было и съ бѣсноватымъ гергесинцемъ. Вмѣсто того, чтобы напасть на учениковъ, онъ издали побѣжалъ къ Іисусу, палъ предъ Нимъ и поклонился. Смѣшивая свою собственную искалѣченную личность съ множествомъ нечистыхъ духовъ, которыми по его убѣжденію была одержима его душа, онъ съ громкимъ и испуганнымъ воплемъ умолялъ Спасителя не мучить его прежде времени.

Извѣстно, что напоминаніе маніаку его имени, пробужденіе его памяти и затрогиваніе его симпатій воспоминаніями о прошломъ часто производитъ моментъ просвѣтлѣнія въ его сознаніи, и быть можетъ поэтому Іисусъ спросилъ его: «какъ тебѣ имя?» Но на этотъ вопросъ послѣдовалъ только дикій отвѣтъ: «легіонъ имя мнѣ, потому что насъ много». Человѣкъ этотъ, такъ сказать, потерялъ свое имя; оно было подавлено отвратительной тиранніей того множества бѣсовъ, подъ вліяніемъ которыхъ стушевалась его собственная личность [547]). Присутствіе римскихъ войскъ въ Палестинѣ познакомило его съ этимъ названіемъ множества, и такъ какъ въ немъ, по его сознанію, было шесть тысячъ злыхъ духовъ, то онъ отвѣчаетъ латинскимъ словомъ, которое было хорошо извѣстно всякому іудею [548]). Продолжая быть въ возбужденіи отъ своего собственнаго воображенія, онъ проситъ, то-есть какбы тысячи бѣсовъ говорятъ его языкомъ, чтобы Іисусъ не изгонялъ ихъ въ бездну, а позволилъ имъ войти въ свиней.

Слѣдующее затѣмъ повѣствованіе трудно для нашего разумѣнія и даже при буквальномъ пониманіи затрогиваетъ область столь таинственную и неизвѣстную, что мы, не имѣя ключа къ его дѣйствительному значенію, ничего не можемъ добиться разсужденіями о немъ. Повѣствованіе это у ев. Луки читается такъ:

«Тутъ же на горѣ паслось большое стадо свиней [549]), и *бѣсы* просили Его, чтобы позволилъ имъ войти въ нихъ. Онъ позволилъ имъ. Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро, и потонуло».

Что бѣсноватый былъ исцѣленъ, что при ужасномъ послѣднемъ припадкѣ, которымъ обыкновенно сопровождается избавленіе отъ этой странной и страшной болѣзни, стадо свиней почему-то было объято такимъ дикимъ испугомъ, что цѣлыми массами побросалось съ крутизны въ озеро, и что въ сознаніи всѣхъ присутствовавшихъ, включая и самого страдальца, это дикое стремленіе свиней въ бездну связалось съ освобожденіемъ этого человѣка отъ бѣсовскаго одержанія—все это вполнѣ ясно.

Во всемъ этомъ въ дѣйствительности еще нѣтъ ничего затруднительнаго. Кто вѣруетъ въ евангелія и вѣритъ, что Сынъ Божій совершалъ на землѣ дѣла, превосходящія простыя человѣческія силы, долженъ вѣрить, что чаще всего Онъ исцѣлялъ тѣ виды умственной и нервной болѣзни, которые мы приписываемъ чисто естественнымъ причинамъ, но которые древніе іудеи, подобно всѣмъ восточнымъ народамъ, приписывали прямо сверхъестественной силѣ [550]). Зная, до какой степени ощущенія человѣка какимъ-то невѣдомымъ электрическимъ дѣйствіемъ передаются низшимъ животнымъ (извѣстно напримѣръ, что радость, восторгъ и даже суевѣрные страхи человѣка сообщаются собакѣ, сопровождающей его, или лошади, на которой онъ ѣдетъ), то не трудно будетъ понять также, что выкрики и отчаянныя тѣлодвиженія бѣсноватаго могли поразить неудержимымъ ужасомъ стадо свиней. Мы знаемъ далѣе, что припадокъ исцѣленія часто сопровождается страшными корчами, а иногда и изліяніемъ крови [551]), а извѣстно, что видъ и запахъ человѣческой крови производитъ странное дѣйствіе на многихъ животныхъ. Не было ли чего-нибудь подобнаго и въ этомъ случаѣ?

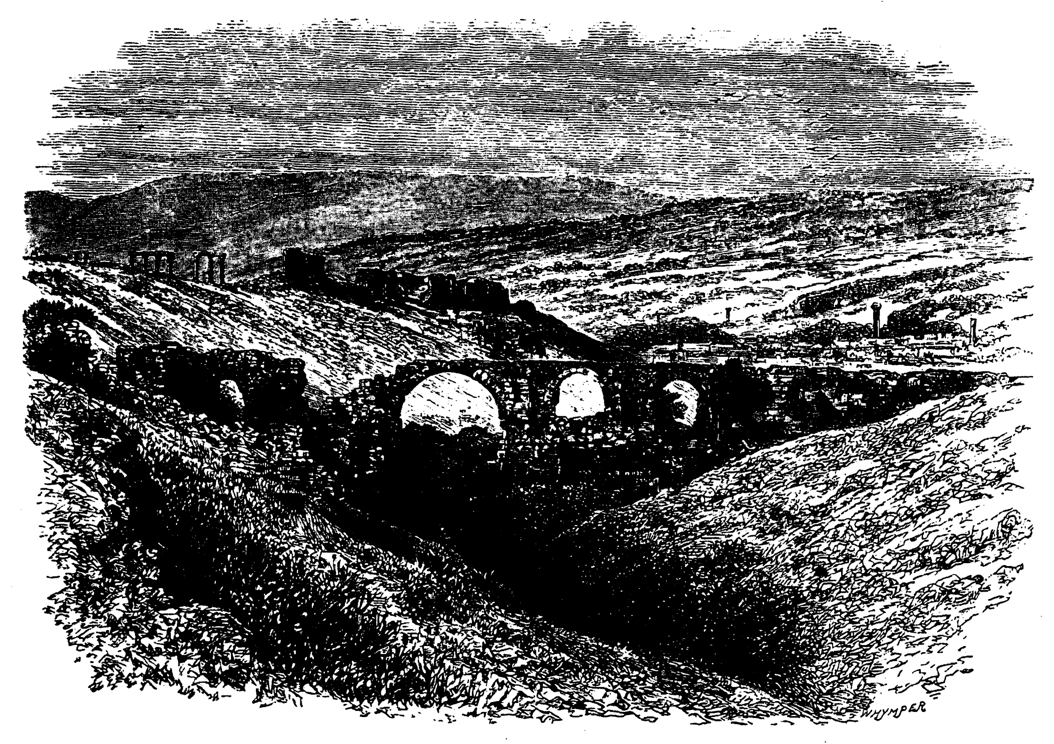
Правда, евангелисты (какъ ясно показываетъ ихъ языкъ) съ полною простотою высказываютъ вѣру, что дѣйствительные бѣсы во множествѣ вышли изъ человѣка и вошли въ свиней. Но нельзя ли здѣсь допустить различія между дѣйствительными фактами и тѣмъ, что было простымъ соображеніемъ и мнѣніемъ зрителей, отъ которыхъ евангелисты слышали этотъ разсказъ? Если нельзя вѣрить бреду бѣсноватаго, что шесть тысячъ бѣсовъ обладали его душой, то можно ли вѣрить возможности, подсказанной его извращеннымъ разумомъ, что нечистые духи перешли отъ него въ свиней [552])? Еслибы дѣйствительно мы могли удостовѣриться, что Іисусъ прямо одобрилъ и подтвердилъ убѣжденіе этого человѣка, что свиньи дѣйствительно гонимы были въ бездну нечистыми духами, дѣйствительно перешедшими изъ тѣла гергесинца въ тѣла этихъ грязныхъ животныхъ, тогда мы могли бы безъ всякаго смущенія буквально принимать этотъ разсказъ и, какъ бы онъ ни былъ непостижимъ, вѣрить, что такъ именно и было. Но это никоимъ образомъ не слѣдуетъ безспорно изъ того, что мы знаемъ о методѣ евангельскаго повѣствованія. Всякій конечно можетъ держаться убѣжденія, что люди и животныя могутъ быть одержимы бѣсовскими силами въ буквальномъ смыслѣ; только пусть они остерегаются смѣшивать свои убѣжденія, которыя обязательны только для нихъ самихъ, съ тѣми безусловными и вѣчными истинами, которыя не могутъ быть отвергаемы безъ нравствен-

ной слѣпоты другими. Пусть они помнятъ, что жестокій и презрительный догматизмъ болѣе всего приближается къ тому фарисейскому недостатку человѣколюбивой снисходительности, которую Спаситель, любимый и боготворимый ими, посѣщалъ своимъ наиболѣе суровымъ укоромъ и гнѣвомъ. Въ пользу вѣры въ дѣйствительность бѣсовскаго одержанія можно сказать больше, чѣмъ допускается естественными науками настоящаго времени [553]), но она не есть необходимый членъ христіанскаго символа вѣры; и если читатель полагаетъ, что въ этомъ краткомъ повѣствованіи въ большей мѣрѣ, чѣмъ во всякомъ другомъ, находятся *оттѣнки* выраженія, въ которомъ субъективныя мнѣнія смѣшаны съ точными фактами, то онъ держится взгляда, который имѣетъ на своей сторонѣ многихъ мудрыхъ и глубокомысленныхъ богослововъ, и имѣетъ право держаться его безъ малѣйшаго вреда для правоты своей вѣры [554]).

Что вся эта сцена носила бурный и ужасающій характеръ, видно изъ того, что пасущіе свиней «побѣжали и разсказали въ городѣ и въ деревняхъ». Народъ гергесинскій, гадаряне и герасинцы, изъ всѣхъ сосѣднихъ мѣстностей сбѣжались посмотрѣть на необычайнаго чужеземца, посѣтившаго ихъ берега. Какого еще болѣе нагляднаго и болѣе рѣшительнаго доказательства Его могущества и Его благодѣянія нужно было имъ, кромѣ того, что было предъ ихъ глазами? Грязный и свирѣпый бѣсноватый, бывшій ужасомъ страны, такъ что никому и проходу не было тутъ,—дико блуждающій глазами обитатель могильныхъ пещеръ, который съ яростными криками бился о камни и въ неудержимомъ бѣшенствѣ разбивалъ всякія оковы, — теперь былъ спокоенъ какъ дитя. Чья-то сердобольная рука накинула плащъ на его нагое тѣло и онъ сидѣлъ у ногъ Іисуса, одѣтый и въ здравомъ умѣ.

«И они ужаснулись»—болѣе ужаснулись присутствія этого святаго человѣка, чѣмъ прежде боялись ярости бѣсноватаго. Правда, человѣкъ былъ спасенъ; но что изъ этого, когда вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ погибло цѣлыхъ двѣ тысячи свиней! Дорогія имъ свиньи очевидно были вообще въ опасности; нажива и алчность каждаго отпавшаго отъ вѣры своихъ отцовъ іудея и полудикаго язычника въ этой мѣстности очевидно могла понести ущербъ отъ присутствія такого человѣка, какимъ былъ Іисусъ. Съ постыднымъ и настойчивымъ единодушіемъ они стали просить и умолять Его удалиться изъ предѣловъ ихъ [555]). Какъ іудеи, такъ и язычники уже признавали великую истину, что Богъ иногда въ своемъ глубочайшемъ гнѣвѣ [556]) отвѣтствуетъ и на худыя молитвы. Іисусъ самъ

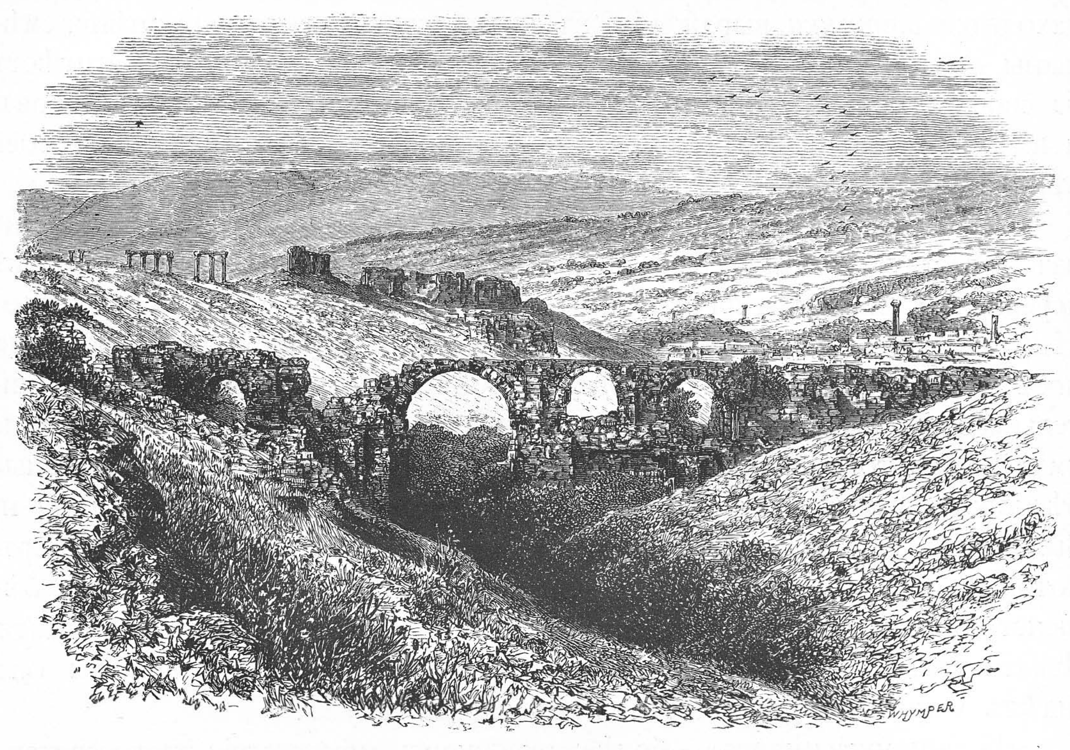
поучалъ своихъ учениковъ не давать святыни псамъ и не бросать жемчуга предъ свиньями, «чтобы онѣ не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали васъ». Онъ прибылъ на ту сторону озера для спокойствія и отдыха, желая вмѣстѣ съ тѣмъ, хоть и въ менѣе многолюдной странѣ, распространить и на этихъ полуязычниковъ благословенія царства Божія. Но они изъ любви къ своимъ грѣхамъ и своимъ свиньямъ, открыто предпочитая все низкое и грязное, отвергли эти благословенія и просили Его удалиться отъ нихъ. Съ грустью, но сразу



Развалины Герасы.

же Онъ повернулся и оставилъ ихъ. Гергеса не была мѣстомъ для Него; гораздо лучше—уединенныя вершины холмовъ къ сѣверу отъ нея; гораздо лучше густо населенный берегъ по ту сторону озера.

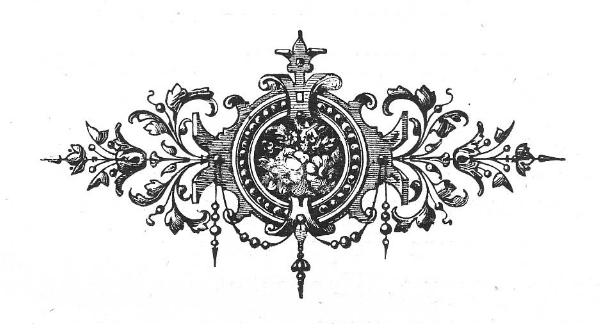
И однако же Онъ не во гнѣвѣ оставилъ ихъ. Одно дѣло милосердія было совершено тамъ; одинъ грѣшникъ былъ спасенъ; изъ одной души были изгнаны нечистые духи. Въ то время, какъ всѣ гадаряне просили Его удалиться отъ нихъ, спасенный бѣднякъ просилъ Его, чтобы быть отселѣ постоянно съ Нимъ. Но Iисусъ хотѣлъ предоставить еще одинъ послѣднiй благопріятный случай для тѣхъ, которые

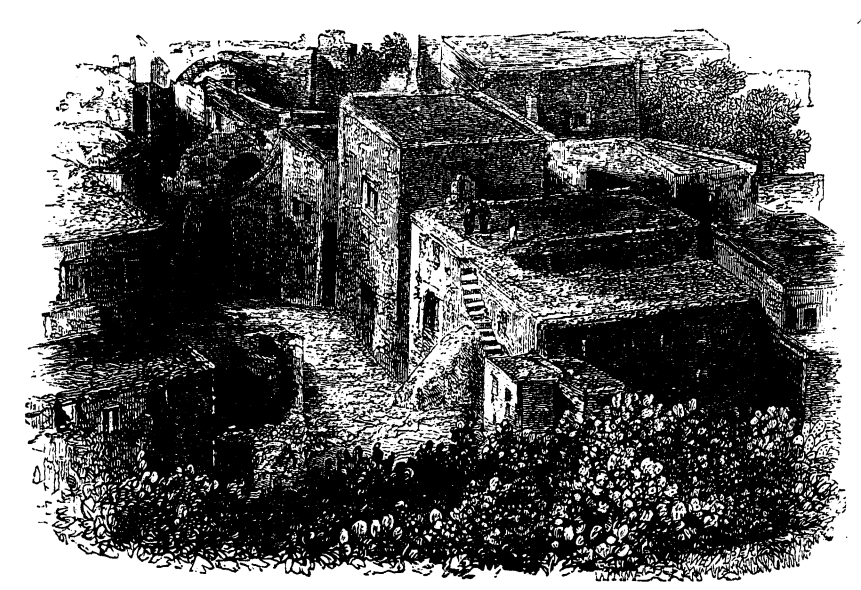


Развалины Герасы.

отвергли Его. Отъ другихъ, надъ которыми были совершены чудеса, Онъ требовалъ молчанія, этому же человѣку самъ теперь, оставляя эту мѣстность, Онъ повелѣлъ открыто объявить о совершившемся. «Иди домой, сказалъ ему Спаситель, къ своимъ и раскажи имъ, что сотворилъ Господь и какъ помиловалъ тебя». И такимъ образомъ бѣсноватый гергесинецъ сталъ первымъ благовѣстникомъ въ странѣ Десятиградія, нося въ собственной личности подтвержденіе своихъ словъ. Когда лодка уже оставляла негостепріимный берегъ, Іисусъ могъ еще надѣяться, что настанетъ день, —настанетъ во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ разразится надъ этою злополучною областью буря огня и меча [557]), когда

Пойметъ и неразумный гадарянинъ,
Свиней любящій больше, чѣмъ Христа,
Что жизнь милѣй, когда она чиста [558]).

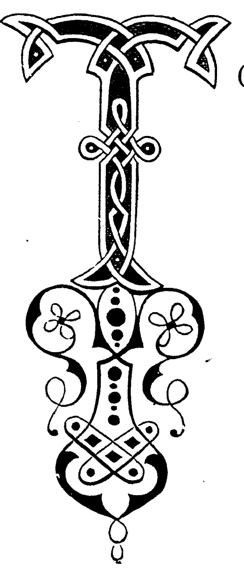




Видъ домовъ въ Назаретѣ, съ видомъ наружныхъ лѣстницъ.

ГЛАВА XXIV.

ДЕНЬ ПИРШЕСТВА У ЕВ. МАТѲЕЯ.



ОЛЬКО что описанныя событія происходили, какъ надо полагать, раннимъ утромъ, и вѣроятно былъ уже полдень, когда Іисусъ опять прибылъ въ равнину Геннисаретскую. Народъ усмотрѣлъ парусъ Его возвращающагося судна и, прежде чѣмъ еще Онъ присталъ къ землѣ (Лук. VIII, 40), ожидающія толпы уже усѣяли берегъ и встрѣтили Его съ радостью.

Если здѣсь принять хронологическій порядокъ ев. Матѳея [559]), для котораго, какъ увидимъ, это былъ достопамятный день, то Іисусъ прежде всего пошелъ въ городъ Капернаумъ, который уже считался для Него «своимъ городомъ». Онъ прямо вошелъ въ домъ, вѣроятно домъ Петра, въ которомъ Онъ обыкновенно пребывалъ, когда находился въ Капернаумѣ. Народъ собрался тутъ еще въ большемъ количествѣ, наполняя домъ и даже окружающій его дворъ, такъ что не было прохода въ двери (Матѳ. IX, 2—8; Марк. II, 1—12; Лук. V, 17—26). Но въ толпѣ былъ одинъ несчастный страдалецъ, разбитый параличемъ, и онъ порѣшилъ съ своими друзьями во что бы то

Видъ домовъ въ Назаретѣ, съ видомъ наружныхъ лѣстницъ.

ГЛАВА XXIV.

ДЕНЬ ПИРШЕСТВА У ЕВ. МАТѲЕЯ.

ОЛЬКО что описанныя событія происходили, какъ на полагать, раннимъ утромъ, и вѣроятно былъ уже по день, когда Іисусъ опять прибылъ въ равнину Ге нисаретскую. Народъ усмотрѣлъ парусъ Его возвр щающагося судна и, прежде чѣмъ еще Онъ приста къ землѣ (Лук. VIII, 40), ожидающія толпы уже усѣя берегъ и встрѣтили Его съ радостью.

Если здѣсь принять хронологическій порядо ев. Матѳея [559]), для котораго, какъ увидимъ, это бы достопамятный день, то Іисусъ прежде всего поше въ городъ Капернаумъ, который уже считался д Него «своимъ городомъ». Онъ прямо вошелъ въ дом вѣроятно домъ Петра, въ которомъ Онъ обыкновен

ни стало пробраться къ *Нему*; онъ хотѣлъ быть однимъ изъ тѣхъ буйныхъ людей, которые силою берутъ царство небесное. Четверо носильщиковъ, найдя невозможнымъ пробраться къ Спасителю чрезъ толпу, взобрались на крышу, вѣроятно по употреблявшейся для этой цѣли наружной лѣстницѣ [560]), раскрыли кровлю, вынувъ нѣсколько рядовъ черепицы [561]), и спустили постель [562]) съ разслабленнымъ какъ разъ предъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидѣлъ Христосъ. Больной молчалъ, быть можетъ устрашившись способа своего вторженія къ Спасителю; но Іисусу понравилась сила и непоколебимая смѣлость вѣры, обнаруженная этимъ поступкомъ. И онъ, удостоивъ больнаго болѣе богатаго блага, чѣмъ какого тотъ самъ искалъ, ласково сказалъ Ему то же, что сказалъ и женщинѣ-грѣшницѣ: «дерзай, чадо! прощаются тебѣ грѣхи твои»[563]).

Исцѣленіе параличнаго *).

Спаситель и прежде замѣчалъ, какое неблагопріятное впечатлѣніе производили на присутствующихъ эти необычайныя слова. То же замѣтилъ Онъ и теперь во взглядахъ, которыми обмѣнялись находившіеся здѣсь книжники, и въ выраженіи гнѣвнаго неудовольствія на ихъ лицахъ [564]). Но на этотъ разъ Онъ уже не замѣнилъ своего выраженія другимъ, какъ это было прежде. Напротивъ, Онъ нарочно обратилъ вниманіе всѣхъ на свои слова и чудесно оправдалъ ихъ. Провидя ихъ мысли, Онъ упрекнулъ ихъ за ту невысказанную клевету, которою переполнены были ихъ сердца, и задалъ имъ прямой вопросъ: «Что, спросилъ Онъ, легче? сказать ли разслабленному: прощаются тебѣ грѣхи?

*) Это изображеніе въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ снято съ одной изъ рѣдкихъ иллюстрацій въ греческомъ манускриптѣ твореній св. Григорія Назіанзина, относящемся къ IX вѣку и сохраняемомъ въ Національной Библіотекѣ, въ Парижѣ (№ 510). Больной съ своей постелью (κράββατος, то же самое слово, которое ев. Іоаннъ — V, 8 — употребилъ въ разсказѣ о разслабленномъ при Виѳездѣ и ев. Маркъ—VI, 55 — о больномъ на берегу озера) только что спущенъ черезъ отверстіе въ кровлѣ въ комнату и протягиваетъ свои руки съ мольбою къ Спасителю, который поднимаетъ правую руку съ благословеніемъ къ нему. Три лица, сидящія кругомъ въ яркоцвѣтныхъ одеждахъ, смотрятъ съ изумленіемъ и благоговѣніемъ. Христосъ по обычаю одѣтъ въ царственную багряницу; вся мебель въ золотѣ.

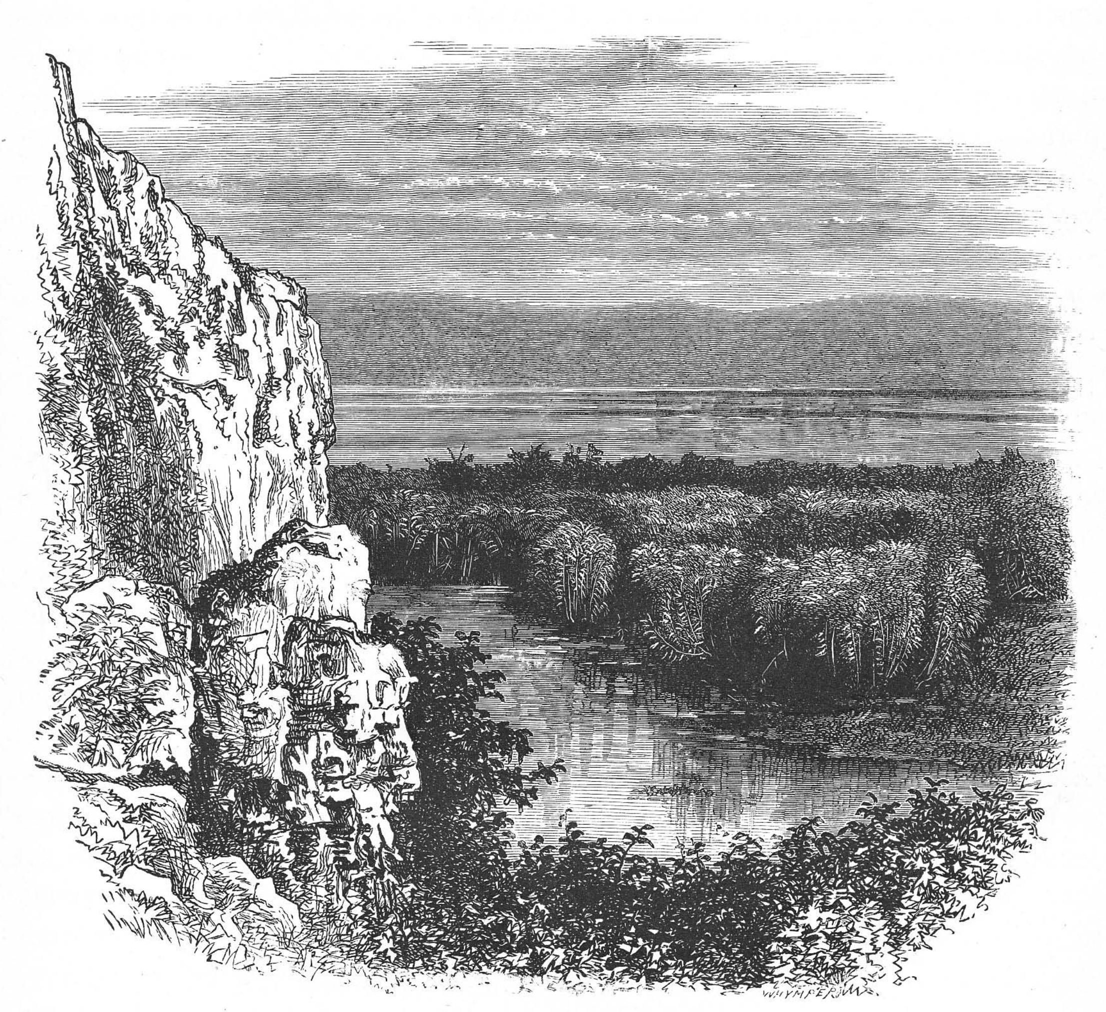
или сказать: встань и ходи» [565])? Можетъ ли кто-нибудь сказать первое, не имѣя возможности знать, прощены грѣхи или нѣтъ? Но кто можетъ сказать послѣднее и дать силу своимъ словамъ безъ силы свыше? Если Я могу словомъ исцѣлить этого разслабленнаго, то не ясно ли, что Я Тотъ, который имѣетъ также и власть на землѣ прощать грѣхи?» — Этотъ неотразимый вопросъ былъ принятъ съ безмолвіемъ непобѣдимаго упрямства; но, обращаясь къ разслабленному, Іисусъ сказалъ ему: «встань, возьми постелю твою и иди въ домъ твой». И сразу возстановились силы въ разслабленныхъ членахъ, миръ водворился въ смущенной душѣ. Человѣкъ былъ исцѣленъ. Онъ всталъ, поднялъ легкую постель, на которой лежалъ, и въ виду разступившейся теперь передъ нимъ толпы вышелъ и пошелъ домой, славя Бога; а народъ началъ расходиться, обмѣниваясь взаимными восклицаніями изумленія, нечуждаго нѣкотораго страха: «чудныя дѣла видѣли мы нынѣ!» «Никогда ничего такого мы не видали!»

Изъ дома, можетъ быть для того, чтобы дать возможность большему количеству народа слушать свое ученіе, Іисусъ пошелъ на любимый Имъ берегъ озера (Марк. II, 13), и оттуда, послѣ непродолжительной проповѣди, отправился въ домъ Матѳея, гдѣ мытарь, теперь бывшій уже апостоломъ, устроилъ большое пиршество на прощаніе съ своими друзьями [566]). Такъ какъ онъ самъ былъ мытаремъ, то понятно, что и многіе изъ его друзей были «мытари и грѣшники» — отверженцы общества, бывшіе предметомъ общей ненависти и презрѣнія. И однако же Іисусъ и Его ученики, безъ малѣйшей тѣни чувства презрѣнія и исключительности, сидѣли съ ними на пиршествѣ: «ибо много ихъ было, и они слѣдовали за Нимъ». Столь безграничная снисходительность вызвала глубокое неудовольствіе въ двухъ сильныхъ партіяхъ — въ фарисеяхъ и ученикахъ Іоанна, по двумъ различнымъ причинамъ. Первымъ это было непріятно главнымъ образомъ потому, что сношеніе съ людьми худой и позорной жизни оскорбляло всѣ преданія ихъ надменнаго ханжества; послѣднимъ потому, что этимъ охотнымъ принятіемъ приглашеній на пиршества какбы отрицалась необходимость ихъ полуессейскаго аскетизма. Неудовольствія эти едва ли были выражены во время самаго пиршества, потому что иначе, если только фарисеи или ученики Іоанна изъ любопытства прямо не заглядывали въ домъ во время угощенія, ихъ собственное присутствіе тамъ навлекало бы на нихъ то же самое порицаніе, которому они подвергали Спасителя. Но Іисусъ вѣроятно слышалъ ихъ ропотъ прежде еще окончанія пиршества. Обра-

щаетъ на себя вниманіе самый способъ выраженія порицанія. Фарисеи, еще нѣсколько колеблясь касательно истиннаго достоинства и дѣла Христа, очевидно подчиняясь обаянію Его величія и не осмѣливаясь на открытый разрывъ съ Нимъ, заявляли свое неудовольствіе только ученикамъ, спрашивая ихъ: «для чего Учитель вашъ ѣстъ и пьетъ съ мы-

На берегу озера Галилейскаго.

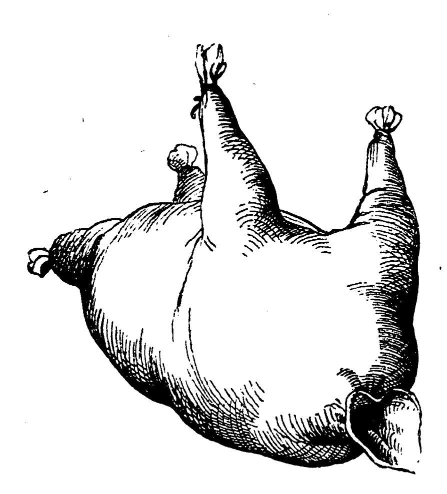
тарями и грѣшниками?» Простодушные апостолы едва ли могли объяснить имъ, но Іисусъ сразу открыто выступилъ противъ недовольныхъ совопросниковъ и сказалъ этимъ ропщущимъ рабамъ формальной благопристойности, что Онъ пришелъ призвать не праведниковъ, а грѣшниковъ къ покаянію, пришелъ не къ пасомому стаду, а къ разсѣяннымъ



На берегу озера Галилейскаго.

овцамъ. Проповѣдывать евангеліе бѣднымъ, оказывать милосердіе погибшимъ—вотъ въ чемъ заключается главная цѣль, для которой Онъ явился среди людей. Онъ не хочетъ навязывать своей благодати тѣмъ, которые съ самаго начала преднамѣренно ожесточили свои сердца противъ нея, но любовно сообщаетъ ее тѣмъ, которые нуждались и чувствовали нужду въ ней. Ученіе его было «какъ роса на нѣжной былинкѣ и какъ ливень на травѣ». И затѣмъ, ссылаясь на одно изъ тѣхъ величественныхъ мѣстъ ветхаго завѣта (Ос. VI, 8) [567]), которыя даже въ то время заключали въ себѣ самую суть всего, что было благопріятно Богу въ любви и милости, Онъ воспользовался фразой ихъ собственныхъ раввиновъ и велѣлъ *имъ*—этимъ учителямъ народа, похвалявшимся такими глубокими познаніями—«пойти и научиться [568]), что̀ значитъ: милости хочу, а не жертвы». Быть можетъ имъ, задавленнымъ бременемъ простой обрядности и преданія, никогда прежде и на умъ не приходило, что любовь, которая не считаетъ униженіемъ вступать въ общеніе съ грѣшниками съ цѣлью спасенія ихъ душъ, болѣе пріятна Богу, чѣмъ тысячи барановъ и тьмы мѣръ масла.

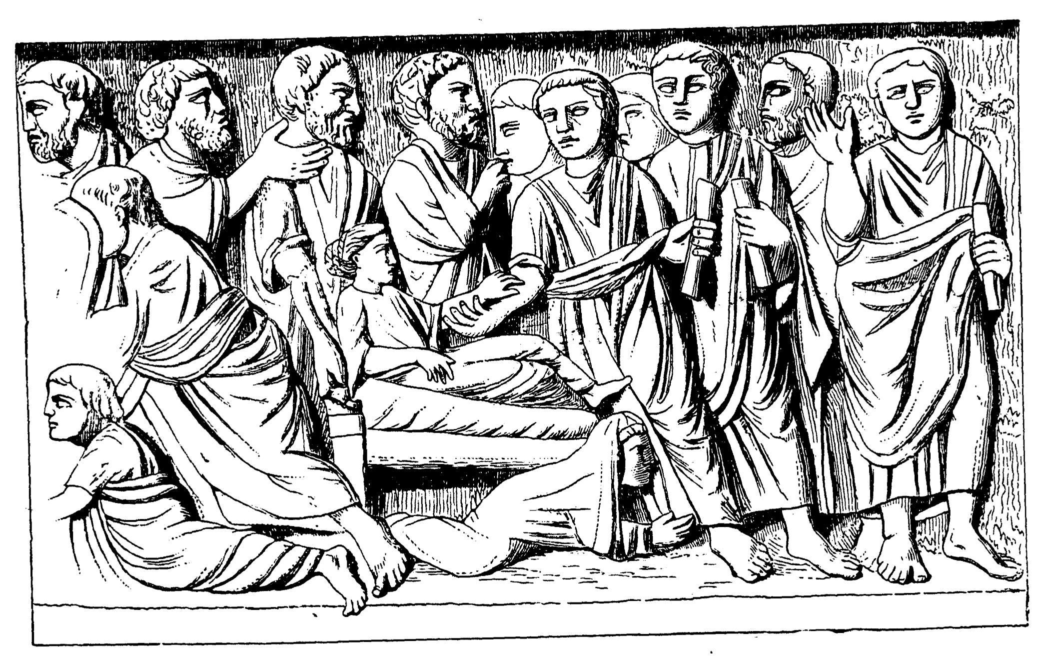
Отвѣтъ на нѣсколько жалобный вопросъ учениковъ Іоанна былъ менѣе строгъ въ тонѣ [569]). Нѣтъ сомнѣнія, Онъ чувствовалъ жалость къ естественному унынію духа, вызывавшемуся положеніемъ ихъ великаго учителя, на котораго они доселѣ смотрѣли съ такой свѣтлой надеждой и который теперь томился въ мрачной темницѣ Ма̀хера. Онъ могъ бы отвѣтить имъ, что постъ конечно есть подвигъ, полезный и обязательный, если только человѣкъ чувствуетъ, что онъ способствуетъ умерщвленію въ немъ всего злаго, но онъ безполезенъ, если соблюдается просто изъ духовной гордости и ведетъ къ презрѣнію другихъ. Онъ могъ бы показать имъ, что хотя они постановили поститься дважды въ недѣлю [570]), но установленіе это основывалось на преданіи, а не было утверждено закономъ Моисеевымъ, въ которомъ установленъ только *одинъ день* поста для цѣлаго года [571]). Онъ могъ бы также отослать ихъ къ тѣмъ мѣстамъ изъ ихъ собственныхъ пророковъ, которые показываютъ, что въ очахъ Божіихъ истинный постъ не есть



Мѣхи для вина.

простое воздержаніе отъ пищи, когда въ то же время человѣкъ «неистовствуетъ кулакомъ нечестія», а скорѣе состоитъ въ любви къ милости, въ дѣланіи правды и въ облегченіи угнетенныхъ [572]). Но вмѣсто всего этого назиданія, которое въ ихъ настоящемъ состояніи могло бы только ожесточить ихъ въ своихъ предразсудкахъ, Онъ отвѣчаетъ имъ только кроткимъ argumentum ad hominem. Ссылаясь на прекрасный образъ, подъ которымъ ихъ возлюбленный и почитаемый учитель говорилъ о Немъ, какъ о женихѣ, Онъ только спросилъ ихъ: «Могутъ ли печалиться [573]) сыны чертога брачнаго, пока съ ними женихъ?» и затѣмъ, глядя спокойно въ зіявшую предъ Нимъ бездну, Онъ произнесъ изреченіе, которое (хотя въ то время вѣроятно никто не понялъ его) было можетъ быть Его первымъ открытымъ заявленіемъ объ ожидавшей Его насильственной кончинѣ. «Но прійдутъ дни, сказалъ Онъ, когда отнимется [574]) у нихъ женихъ, и тогда будутъ поститься». Затѣмъ Онъ говорилъ имъ, еще въ болѣе многозначительныхъ словахъ, хотя выраженныхъ, какъ это бывало часто, самымъ общедоступнымъ иносказаніемъ, что религія Его есть, такъ сказать, одежда вся новая, а не заплата изъ небѣленой ткани на ветхой одеждѣ, способная только еще хуже изодрать ее [575]), что она не молодое вино, влитое при всей своей бродящей свѣжести и крѣпости въ старые и изношенные мѣхи, которые отъ него могутъ лопнуть и оно разольется, а молодое вино въ новыхъ мѣхахъ [576]). Новый духъ нужно было вдохнуть въ совершенно новыя формы; новая свобода не должна быть стѣсняема обветшалыми и потерявшими значеніе ограниченіями; духовное ученіе не должно подчиняться простой внѣшней обрядности.

Ев. Лука сохранилъ при этомъ тонкое и замѣчательное изреченіе: «Никто, пивши старое *вино,* не захочетъ тотчасъ молодаго; ибо говоритъ: старое лучше» [577]). Слова эти считаются темными, что и вызвало различныя чтенія въ подлинномъ текстѣ. Человѣкъ менѣе всего способенъ допускать различіе мнѣнія въ дѣлахъ религіи, но именно обязанность этого и заключаютъ въ себѣ приведенныя слова. Христосъ внушалъ ученикамъ, что Его царство есть нѣчто болѣе, чѣмъ возстановленіе (ἀποκατάστασις), оно есть возрожденіе (παλιγγενεσία); но Онъ зналъ, какъ трудно было для людей, воспитанныхъ въ преданіяхъ фарисеевъ и въ благоговѣніи къ суровому аскетизму Іоанна Крестителя, принять истины, которыя были для нихъ одинаково новы и чужды, и поэтому, даже желая просвѣтить ихъ тьму, Онъ даетъ имъ знать, что Онъ можетъ смотрѣть на нихъ «глазами снисхожденія, чтобъ дать свободу всѣмъ».



Воскрешеніе дочери Іаира *).

ГЛАВА XXV.

ДЕНЬ ПИРШЕСТВА У ЕВ. МАТѲЕЯ (продолженіе).

Развѣ нѣтъ тамъ врача? *Іерем.* VIII, 22.

ЕДВА кончилось пиршество въ домѣ ап. Матѳея [578]) и Іисусъ занятъ былъ бесѣдой, возникшей по поводу вопроса учениковъ Іоанна, какъ произошелъ другой случай, послужившій поводомъ къ совершенію трехъ величайшихъ чудесъ въ Его земной жизни (Матѳ. IX, 18 — 26; Марк. V, 22 — 43; Лук. VIII, 41 — 56).

Къ Іисусу подошелъ въ крайнемъ волненіи одинъ управитель синагоги, *рошъ гаккенесетъ* или главный старшина прихода, пользовавшійся у іудеевъ большимъ уваженіемъ. Очень возможно, что этотъ управитель синагоги былъ въ числѣ членовъ депутаціи, просившей Іисуса отъ лица сотника-прозелита, которымъ была построена самая синагога. Если такъ, то онъ по опыту зналъ могущество Того, къ кому теперь обращался. Бросаясь къ Его ногамъ, разбитымъ голо-

*) На этомъ изображеніи (съ барельефа на мраморномъ саркофагѣ, находящемся теперь въ Музеѣ въ Арлѣ и относимомъ къ IV вѣку) мы видимъ двѣ сцены, соединенныя какъ и въ евангельскомъ повѣствованіи: смиренную вѣру женщины, которая пала наземь, чтобы коснуться одежды великаго Врача, и смерть дочери правителя, повинующуюся повелѣнію Христа: «Дѣвица встань!» Спаситель,

Воскрешеніе дочери Іаира *).

ГЛАВА XXV.

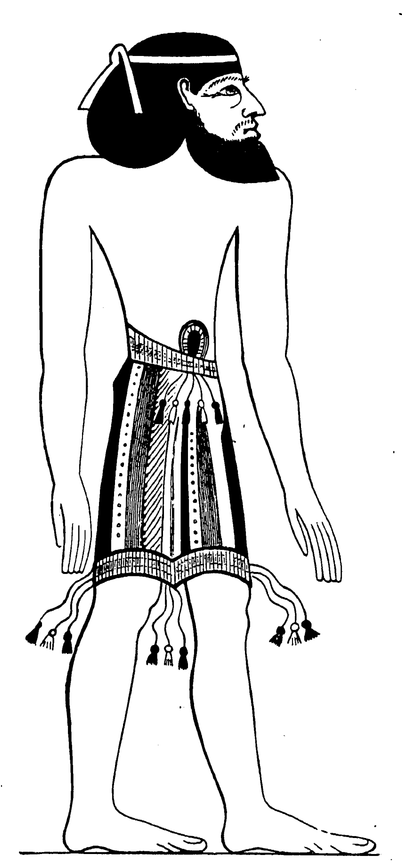
ДЕНЬ ПИРШЕСТВА У ЕВ. МАТѲЕЯ (продолженіе).

Развѣ нѣтъ тамъ врача? *Ierем.* VIII, 22.

ДВА кончилось пиршество въ домѣ ап. Матѳея [578]) и Іисусъ занятъ былъ бесѣдой, возникшей по поводу вопроса учениковъ Іоанна, какъ произошелъ другой случай, послужившій поводомъ къ совершенію трехъ величайшихъ чудесъ въ Его земной жизни (Матѳ. IX, 18 — 26; Марк. V, 22 — 43; Лук. VIII, 41 — 56).

Къ Іисусу подошелъ въ крайнемъ волненіи одинъ управитель синагоги, *рошъ гаккенесетъ* или главный старшина прихода, пользовавшійся у іудеевъ большимъ уваженіемъ. Очень возможно, что этотъ управитель синагоги былъ въ числѣ членовъ депутаціи, просившей Іисуса отъ лица сотника-прозелита, которымъ была построена

сомъ [579]) (подлинникъ даже и звучитъ такъ, какъ будто рѣчь его прерывалась и дѣлалась невнятною отъ приступовъ скорби) онъ говоритъ Ему, что его маленькая дочь, его единственная дочь, теперь умираетъ, быть можетъ уже умерла, но стоитъ только Ему пойти и возложить на нее руку свою и она будетъ жива. Съ нѣжностью, которая никогда не была глухою къ воплю скорбящихъ, Іисусъ тотчасъ же всталъ [580]) изъ-за стола и пошелъ съ нимъ, сопровождаемый не только своими учениками, но и густою, ожидавшею Его толпой, свидѣтельницей этой сцены. Когда Онъ шелъ, народъ съ нетерпѣніемъ тѣснился къ Нему и толпился около Него.



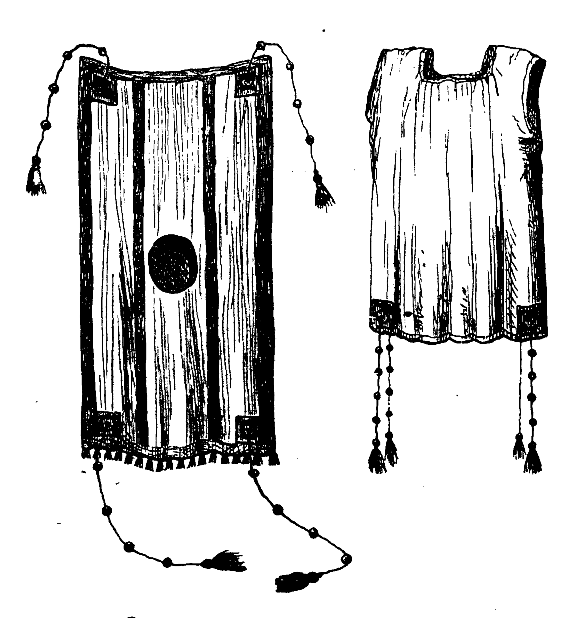
Плѣнный іудей съ кисточками на краяхъ одежды.

Но среди толпы (гдѣ несомнѣнно находились и нѣкоторые изъ фарисеевъ и учениковъ Іоанна, съ которыми Онъ бесѣдовалъ, равно какъ мытари и грѣшники, съ которыми онъ сидѣлъ на пиршествѣ) была одна личность, которую не занимало любопытство посмотрѣть, что Онъ сдѣлаетъ для управителя синагоги. Это была женщина, двѣнадцать лѣтъ страдавшая отъ мучительной болѣзни, которая сокрушала ее въ теченіе всей жизни и особенно потому, что въ народѣ такая болѣзнь считалась прямымъ послѣдствіемъ грѣховныхъ привычекъ. Напрасно она истощала свое состояніе, ища облегченія въ помощи различныхъ и многихъ врачей [581]), но все это наносило только еще болѣе вреда ея здоровью, и теперь она уже, какъ послѣднее, отчаянное средство, захотѣла испытать то, что можно было получить безъ всякихъ издержекъ отъ великаго Врача. Можетъ быть потому, что она не имѣла уже больше ничего предложить въ вознагражденіе, которое она по своему невѣжеству считала необходимымъ; можетъ быть потому, что она по своей женской стыдливости боялась обнаружить болѣзнь, кото-

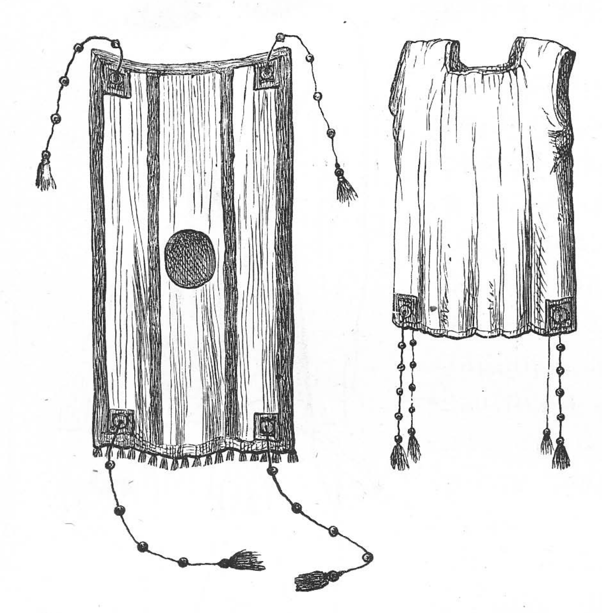
---

какъ Богъ-Слово, держитъ въ лѣвой рукѣ *свитокъ*, равно какъ и Іаковъ и Іоаннъ, въ качествѣ благовѣствователей. Возглавіе кровати украшено *дельфиномъ*, какъ символомъ плодородія. Изъ остальныхъ лицъ, кромѣ родителей, одни удаляются, другіе просятъ позволенія остаться.

рою страдала,—но по какой бы то ни было причинѣ — она рѣшилась, такъ сказать, украсть у Него желаемое исцѣленіе. И вотъ съ отчаянною силою и настойчивостью она пробралась черезъ тѣсную толпу, такъ чтобы можно было прикоснуться къ Нему, и затѣмъ можетъ быть съ сильной порывистостью, вслѣдствіе своего крайняго возбужденія, она схватилась за бѣлую кисть Его одежды. По закону каждый іудей долженъ былъ носить на всѣхъ углахъ своего *таллиѳа* кисти на голубыхъ лентахъ въ знакъ того, что онъ помнитъ всѣ заповѣди Господни и исполняетъ ихъ [582]). Двѣ изъ этихъ кистей обыкновенно были снизу одежды, а по одной висѣло черезъ плечи, гдѣ плащъ обвертывался кругомъ. Къ одной изъ этихъ-то кистей она вѣроятно и прикоснулась [583]) тайно, съ трепетною поспѣшностью, и затѣмъ, почувствовавъ мгновенно, что она достигла своего желанія и исцѣлилась, она незамѣтно укрылась въ толпѣ. Незамѣтно для другихъ, но не для Христа. Почувствовавъ, что изъ Него вышла цѣлительная сила, и распознавъ порывистое прикосновеніе робкой вѣры даже среди натисковъ толпы, Онъ остановился и спросилъ: «кто прикоснулся къ Моей одеждѣ?» На это Петръ отвѣтилъ почти съ раздраженностью, какбы считая даже нелѣпымъ спрашивать въ такой толпѣ: «кто прикоснулся ко Мнѣ» [584]). Но Іисусъ, обводя еще глазами множество обращенныхъ къ Нему лицъ, сказалъ ему, что есть различіе между натисками любопытства и прикосновеніемъ вѣры. Взоръ Его наконецъ остановился на этой самой женщинѣ, и она, увидѣвъ обнаруженною свою попытку тайно воспользоваться благодѣяніемъ, которое Онъ самъ милостиво соблаговолилъ бы ей дать, трепеща отъ страха, вышла впередъ и, бросаясь къ Его ногамъ, разсказала Ему всю правду. Вся женская стыдливость забыта была ею въ желаніи загладить свою вину. Несомнѣнно она боялась Его гнѣва, потому что законъ явно гласилъ, что прикосновеніе кровоточивой дѣлало человѣка нечистымъ до вечера [585]). Но тутъ прикосновеніе къ Нему очистило ее, а не ея при-



Отороченныя одежды на востокѣ.



Отороченныя одежды на востокѣ.

косновеніе осквернило Его. Далекій отъ всякаго негодованія, Спаситель сказалъ ей: «Дщерь (и въ этомъ ласковомъ словѣ уже зазвучало для нея прощеніе), вѣра твоя спасла тебя; иди въ мирѣ [586]), и будь здорова отъ болѣзни твоей!»

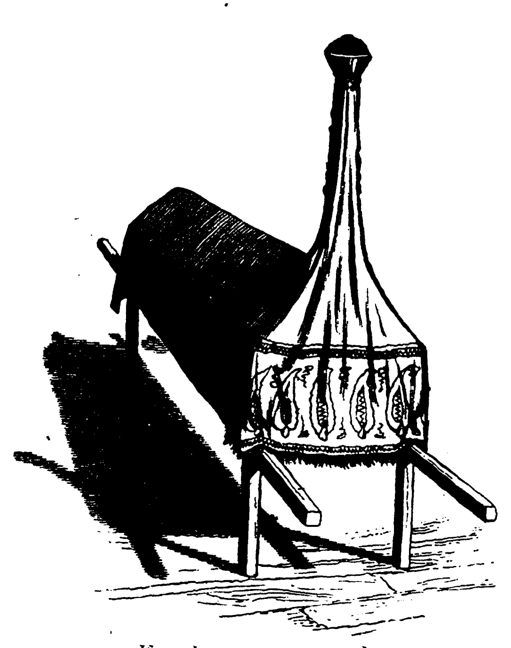
Случай этотъ долженъ былъ причинить маленькую задержку, а для Іаира, какъ мы видѣли, каждое мгновеніе было дорого. Но онъ былъ не единственнымъ страдальцемъ, искавшимъ милосердія Спасителя, и такъ какъ онъ не выразилъ жалобы, то очевидно скорбь не сдѣлала его себялюбивымъ. Но тутъ какъ разъ подоспѣлъ къ нему посланный съ краткимъ извѣщеніемъ: «дочь твоя умерла», къ которому онъ, видимо уже съ оттѣнкомъ неудовольствія и ироніи, прибавилъ: «не утруждай Учителя» [587]).

Свирѣльщикъ на востокѣ.

Извѣщеніе было обращено не къ Іисусу, но Онъ разслышалъ [588]) его и, съ сострадательнымъ желаніемъ избавить несчастнаго отца отъ безполезной муки, сказалъ ему достопамятныя слова: «не бойся, только вѣруй!» Они скоро пришли въ его домъ и видятъ тамъ смятеніе наемныхъ плакальщицъ и свирѣльщиковъ, которые, съ торгашескимъ шумомъ и гамомъ, колотя себя въ грудь, оскорбляли только безмолвіе искренней скорби и нѣмое величіе души [589]). Вѣроятно эти притворные вопли возмутили душу Христа; остановившись сначала у дверей, чтобы запретить толпѣ слѣдовать за собой, Онъ вошелъ въ домъ съ тремя только изъ самыхъ приближенныхъ къ себѣ апостоловъ — съ Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ. Тутъ прежде всего Онъ велѣлъ прекратить праздные вопли; но когда Его заявленіе, что «дѣвица [590]) не умерла, но спитъ», было встрѣчено только грубыми насмѣшками [591]), Онъ съ негодованіемъ выгналъ наемныхъ плакальщицъ [592]). Когда возстановилась тишина, Онъ, взявъ съ собою родителей дѣвицы и трехъ своихъ апостоловъ, тихо вошелъ въ комнату, гдѣ царствовало страшное безмолвіе смерти. Затѣмъ, взявъ маленькую холодную руку умершей, Онъ произнесъ два трепетомъ прозвучавшихъ слова: *талиѳа кумú*, что значитъ: «дѣвица,

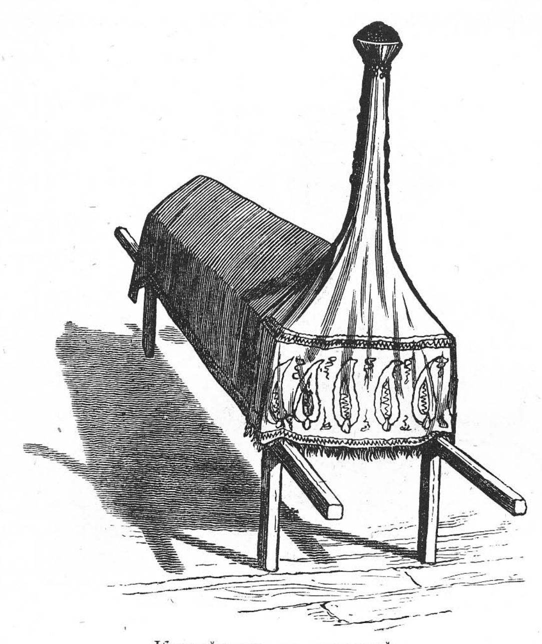
Свирѣльщикъ на востокѣ.

тебѣ говорю: встань»[593]), и душа возвратилась къ ней, дѣвица тотчасъ встала и начала ходить. Страшнымъ изумленіемъ поражены были родители[594]), но Іисусъ спокойно сказалъ имъ, чтобы дали ей ѣсть. Если Онъ по обыкновенію прибавилъ, чтобы они ничего не говорили о случившемся, то это очевидно не съ цѣлью оставить въ неизвѣстности самое событіе, — что было бы совершенно невозможно при столькихъ свидѣтеляхъ всего хода дѣла, — а потому, что тѣ, кто получили отъ руки Божіей безмѣрныя милости, скорѣе вспоминаютъ о нихъ съ благоговѣйнымъ благодареніемъ, когда содержатъ ихъ какъ тайное сокровище въ глубинѣ своего сердца.



Катафалкъ на востокѣ.

Какъ ни велики и ни поразительны были событія этихъ сутокъ, но изъ ев. Матѳея съ вѣроятностью можно заключать, что они ознаменованы были еще однимъ изумительнымъ дѣломъ могущества. Когда Іисусъ выходилъ изъ дома Іаира, за Нимъ слѣдовали двое слѣпыхъ съ воплями, дотолѣ еще неслыханными: «Помилуй насъ, Іисусъ, Сынъ Давидовъ». Христосъ уже начиналъ задерживать, такъ сказать, собственное стремленіе къ совершенію чудесъ. Онъ совершилъ ихъ болѣе чѣмъ достаточно для засвидѣтельствованія своего могущества и дѣла, и теперь было важно, чтобы люди больше обращали вниманіе на Его божественное и вѣчное ученіе, чѣмъ на Его временныя исцѣленія. Въ то же время Онъ не хотѣлъ поощрять преждевременнаго и быть можетъ злонамѣреннаго употребленія мессіанскаго титула «Сынъ Давидовъ», титула, который, еслибы Онъ его принялъ открыто, могъ бы повредить Его святому дѣлу, такъ какъ сразу повелъ бы къ возстанію въ Его пользу противъ римскаго владычества. Не обращая вниманія на слѣпцовъ и ихъ вопли, Онъ направился къ тому дому въ Капернаумѣ, въ которомъ обыкновенно жилъ, и только когда они неотступно послѣдовали за Нимъ даже въ домъ, Онъ испыталъ ихъ вѣру вопросомъ: «вѣруете ли, что Я могу это сдѣлать?» Они говорятъ Ему: «ей, Гос-



Катафалкъ на востокѣ.

поди!» Тогда Онъ коснулся глазъ ихъ, и сказалъ: «по вѣрѣ вашей да будетъ вамъ». И открылись глаза ихъ. Подобно многимъ другимъ исцѣленнымъ, они оставили безъ вниманія Его строгое повелѣніе не разглашать о случившемся (Матѳ. IX, 27 — 31). Нѣкоторые склонны восхищаться ихъ непослушаніемъ и приписываютъ его восторженной благодарности и умиленію; но не было ли оно скорѣе восторгомъ неразумной изумленности, пошлостью болтливаго хвастовства? Многіе ли изъ этой массы исцѣленныхъ сдѣлались Его истинными учениками? Не погасъ ли въ простомъ блескѣ пустозвонства тотъ священный огонь благоговѣйной преданности, который святое безмолвіе поддерживало бы въ ихъ сердцахъ? Не было ли бы повиновеніе лучше жертвы и послушаніе лучше тука овновъ? Да. Мы можемъ самообманываться; можно приносить Богу *кажущееся* служеніе, которое на самомъ дѣлѣ нарушаетъ Его существенныя установленія; праздными повтореніями, пустыми колѣнопреклоненіями, злою нетерпимостью, кощунственною фамильярностью и бездушнымъ подобіемъ мертваго благочестія—можно *оскорблять* Его подъ видомъ *почитанія*. Лучше, гораздо лучше служить Ему исполненіемъ того, что Онъ заповѣдывалъ, чѣмъ кажущеюся, часто столь же ложною, какъ и навязчивою ревностью о славѣ имени Его. Эти непослушные болтуны, которые такъ много говорили о Немъ, оказывали Ему только позорящую ихъ услугу двойственнаго сердца; нарушеніе ими Его повелѣнія вело только къ затрудненію Его полезной дѣятельности, возмущало Его духъ и ускоряло смерть Его.

Видъ Іерусалима.

ГЛАВА XXVII.

ПОСѢЩЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА.

Простота есть лучшій путь жизни для христіанъ.
Св. Климентъ Александрійскій.

Всякій, кто съ цѣлью составить себѣ возможно ясное представленіе о жизни Христа на землѣ тщательно и много изучалъ и сличалъ евангельскія повѣствованія одно съ другимъ, едва ли не былъ поражаемъ нѣкоторыми особенностями въ послѣдовательности событій Его общественнаго служенія. Несмотря на затрудненіе, представляемое различнымъ и нехронологическимъ расположеніемъ повѣствовательнаго матеріала у синоптиковъ и молчаніемъ четвертаго евангелія касательно главной части проповѣди въ Галилеѣ, мы ясно видимъ слѣдующія обстоятельства:

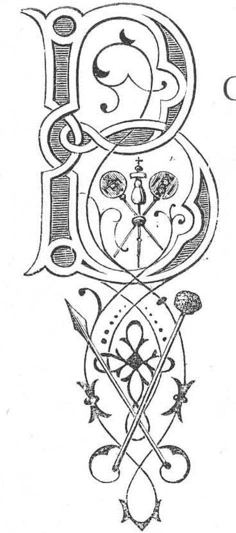
1. Невинный восторгъ радостнаго привѣтствія, съ которымъ Іисусъ, Его ученіе и дѣла были сначала принимаемы въ сѣверной Галилеѣ, постепенно, но въ короткій промежутокъ времени,

Видъ Іерусалима.

ГЛАВА XXVII.

ПОСѢЩЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА.

Простота есть лучшій путь жизни для христіанъ.
Св. Климентъ Александрійскій.



ВСЯКІЙ, кто съ цѣлью составить себѣ возможно ясное представленіе о жизни Христа на землѣ тщательно и много изучалъ и сличалъ евангельскія повѣствованія одно съ другимъ, едва ли не былъ поражаемъ нѣкоторыми особенностями въ послѣдовательности событій Его общественнаго служенія. Несмотря на затрудненіе, представляемое различнымъ и нехронологическимъ расположеніемъ повѣствовательнаго матеріала у синоптиковъ и молчаніемъ четвертаго евангелія касательно главной части проповѣди въ Галилеѣ, мы ясно видимъ слѣдующія обстоятельства:

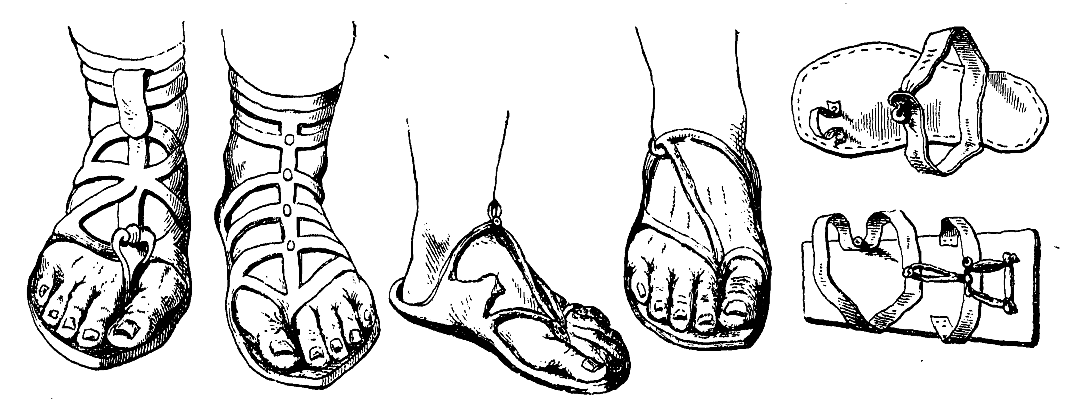
1. Невинный восторгъ радостнаго привѣтствія, съ

уступилъ мѣсто подозрѣнію, нерасположенію и даже враждебности со стороны большихъ и сильныхъ партій въ народѣ.

2. Внѣшній характеръ, равно какъ и мѣсто дѣятельности Спасителя значительно измѣнились послѣ убіенія Іоанна Крестителя.

3. Вѣсть объ этомъ убійствѣ, вмѣстѣ съ замѣтнымъ усиленіемъ противодѣйствія и постояннымъ присутствіемъ книжниковъ и фарисеевъ изъ Іудеи для наблюденія за Его дѣйствіями и выслѣживанія Его движеній, повидимому относится къ одному времени съ посѣщеніемъ Іерусалима, о которомъ не говорятъ синоптики, но которое очевидно тождественно съ безъименнымъ праздникомъ, упоминаемымъ у ев. Іоанна v, 1 стихъ.

4. Этотъ непоименованный праздникъ происходилъ гдѣ-нибудь около того періода Его служенія, къ которому мы теперь подошли.



Восточныя сандаліи.

Что это былъ за праздникъ, мы увидимъ сейчасъ; но ему предшествовало другое событіе — посольство двѣнадцати апостоловъ.

При окончаніи проповѣдническихъ хожденій, во время которыхъ совершились нѣкоторыя изъ событій, описанныхъ въ послѣднихъ главахъ, Іисусъ былъ тронутъ состраданіемъ при видѣ народной толпы (Матѳ. IX, 35—38). Она напоминала Ему овецъ, расхищаемыхъ волками, изнуренныхъ и разсѣянныхъ по полямъ, за неимѣніемъ пастыря [595]). Она вызывала также въ Его умѣ образъ созрѣвшей жатвы, но не собранной по недостатку рабочихъ рукъ; и Онъ велѣлъ своимъ апостоламъ молить Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву свою. И вслѣдъ за этимъ, Самъ исходивъ теперь уже всю Галилею, Онъ послалъ ихъ по двое утверждать свое ученіе и совершать дѣла милосердія во имя Его (Матѳ. X, 1—42; Марк. VI, 7—13; Лук. IX, 1—6).

Но прежде чѣмъ послать, Онъ естественно далъ имъ наставленія, которыми они должны были руководиться. Теперь они должны были ограничить свою дѣятельность погибшими овцами дома Израилева и не простирать ее на самарянъ и язычниковъ. Предметомъ ихъ проповѣди должна служить близость царства небеснаго, и они должны подкрѣплять ее дѣлами могущества и благотворенія. Они не должны ничего брать съ собою, ни сумы для пищи, ни денегъ въ поясахъ своихъ, ни перемѣны одеждъ [596]), ни дорожной обуви (ὑποδήματα, calcei) вмѣсто обыкновенныхъ сандалій изъ пальмовой коры; и даже не должны запасаться посохомъ дорожнымъ, если еще не имѣли его [597]). Миссія ихъ, подобно всѣмъ величайшимъ и самымъ плодотворнымъ миссіямъ, какія только извѣстны міру, должна была отличаться полнѣйшею простотою и содержаться своими собственными средствами. Открытое гостепріимство востока, такъ часто служившее средствомъ распространенія новыхъ ученій, должно было служить для нихъ достаточнымъ содержаніемъ [598]). При входѣ въ городъ они должны идти въ тотъ домъ, въ которомъ можно было надѣяться на радушный пріемъ, и привѣтствовать его древнѣйшимъ и высоко цѣнимымъ благожеланіемъ *шаломъ лакемъ* [599]) — «миръ дому сему». Если домъ будетъ достоинъ того, то благожеланіе возъимѣетъ силу; если же нѣтъ, то оно возвратится къ нимъ. Если же отвергнутъ ихъ, то они должны отрясти прахъ отъ ногъ своихъ, во свидѣтельство того, что они говорили истину и символически очищали себя отъ всякой отвѣтственности за тотъ судный приговоръ, который долженъ былъ суровѣе пасть на преднамѣренныхъ и закоснѣлыхъ ненавистниковъ свѣта, чѣмъ на самыя темныя мѣстности языческаго міра, въ которомъ никогда не возсіялъ свѣтъ или сіялъ только слабо.

Изложивъ своимъ ученикамъ долгъ твердости въ вѣрѣ, кроткой обходительности, самоотверженной простоты, какъ первыхъ условій успѣха миссіонерской дѣятельности, Онъ затѣмъ сталъ укрѣплять ихъ противъ неизбѣжныхъ испытаній и гоненій въ дѣлѣ ихъ служенія.

Имъ нужно было и приходилось поступать не только съ кротостью голубя, но съ мудростью змѣя, потому что Онъ посылалъ ихъ какъ овецъ среди волковъ.

Наставленія эти несомнѣнно не сразу были высказаны въ той связной формѣ, въ какой они дошли до насъ. Спаситель всегда вызывалъ своихъ скромныхъ и внимательныхъ слушателей къ вопросамъ; и тутъ, какъ сообщаетъ одно древнее преданіе [600]), апостолъ Петръ — всегда, какъ можно быть увѣреннымъ, первый и самый воспріимчивый слуша-

тель—прервалъ своего Учителя довольно естественнымъ вопросомъ: «но какъ же тогда, если волки растерзаютъ овецъ?» Іисусъ, быть можетъ улыбнувшись надъ наивнымъ и буквальнымъ пониманіемъ своего главнаго апостола, отвѣтилъ: «пусть овцы не боятся волковъ, когда онѣ уже мертвы, и не бойтесь тѣхъ, которые могутъ убить васъ и ничего не дѣлаютъ вамъ; но бойтесь того, кто и по смерти вашей имѣетъ власть надъ душой и тѣломъ вашимъ и можетъ ввергнуть ихъ въ геенну». И затѣмъ, продолжая нить своего разсужденія, Онъ просто предостерегалъ ихъ, что какъ теперь, такъ и послѣ ихъ будутъ отдавать въ судилища и бичевать въ синагогахъ [601]), приводить на судъ правителей и царей; но, несмотря на это, они не должны заботиться [602]), какъ или что сказать, потому что въ тотъ часъ имъ дано будетъ свыше, что́ говорить. Ученіе мира будетъ злыми страстями людей превращено въ воинственный кличъ ярости и ненависти, и имъ придется бѣгать отъ лица своихъ преслѣдующихъ враговъ изъ города въ городъ. Но пусть они претерпятъ до конца, потому что не успѣютъ они обойти городовъ израилевыхъ, какъ пріидетъ Сынъ человѣческій [603]).

Наконецъ Онъ ободрялъ ихъ напоминаніемъ того, что́ Онъ претерпѣвалъ Самъ и съ какимъ противодѣйствіемъ встрѣчался. Пусть они не боятся. Богъ, который печется даже о малыхъ птичкахъ при паденіи ихъ на землю [604]), которымъ сочтены даже самые волосы ихъ, Богъ, который (и здѣсь Онъ быть можетъ опять обратился къ вопросу Петра) содержитъ въ рукѣ своей судьбы не просто жизни и смерти, но *вѣчной* жизни и *вѣчной* смерти, и котораго поэтому должно бояться больше, чѣмъ волковъ земли,—пребываетъ съ ними; Онъ признаетъ тѣхъ, кого призналъ Сынъ Его, и отвергнетъ тѣхъ, кого Онъ отвергъ. Они посылались въ міръ борьбы и вражды, которая возгорится еще съ большимъ ожесточеніемъ изъ-за мира, отвергнутаго имъ. Даже самые близкіе и дорогіе имъ станутъ противъ нихъ на сторону міра. Но тѣ, кто хотятъ быть Его истинными послѣдователями, должны ради Его отказаться отъ *всего*, должны взять крестъ свой [605]) и идти за Нимъ. Но затѣмъ въ утѣшеніе имъ Онъ говорилъ, что они должны быть какъ Онъ былъ въ мірѣ; что тѣ, кто примутъ ихъ, примутъ и Его; что потерять свою жизнь ради Него значитъ болѣе, чѣмъ найти ее; что чаша холодной воды, данная юнѣйшему и малѣйшему изъ малыхъ Его [606]), не останется безъ должнаго вознагражденія.

Вотъ очеркъ этихъ великихъ напутственныхъ наставленій, переданныхъ ев. Матѳеемъ, и каждый миссіонеръ, каждый церковно-религіоз-

ный дѣятель долженъ написать ихъ золотыми буквами для себя. Безплодность миссіонерскаго труда служитъ постояннымъ предметомъ сожалѣнія и унынія среди насъ. Но было ли бы это такъ, еслибы наше миссіонерство велось въ этомъ мудромъ и примирительномъ духѣ, съ этою простотою и самоотверженностью, съ этою вѣрою и безстрашіемъ? Было ли бы миссіонерство безуспѣшнымъ, когда бы миссіонеры, сподобившись по благодати Божіей жить въ свѣтѣ подобныхъ началъ и

Партія восточныхъ паломниковъ.

наставленій [607]), дѣйствовали, какъ дѣйствовалъ ап. Павелъ и многіе другіе великіе провозвѣстники вѣры и нравственности христіанской?

Что не все это наставленіе было высказано сразу при этомъ случаѣ [608]), что въ немъ есть указанія на позднѣйшее время, что нѣкоторыя части его были приложимы только къ другому миссіонерству апостоловъ, которое должно было наступить только въ отдаленномъ будущемъ, это кажется довольно яснымъ; но мы тѣмъ не менѣе должны

Партія восточныхъ паломниковъ.

быть благодарны ев. Матѳею, что онъ, руководясь по обыкновенію единствомъ предмета, собралъ въ одно цѣлое наставленія, высказанныя быть можетъ при различныхъ послѣдующихъ случаяхъ, какъ напримѣръ передъ посольствомъ семидесяти учениковъ или даже въ прощальныхъ бесѣдахъ воскресшаго Христа [609]).

Іудеи были знакомы съ учрежденіемъ *шелухимъ*, т.-е. уполномоченныхъ какой-нибудь высшей власти. Въ положеніе такихъ уполномоченныхъ поставилъ и Христосъ своихъ апостоловъ. Онъ послалъ ихъ по двое, и это распоряженіе было мудро и благодѣтельно для нихъ [610]): оно давало имъ возможность взаимнаго общенія между собой и вмѣстѣ взаимнаго исправленія ошибокъ другъ друга. Навѣрно по двое пошли друзья и братья: пылкій Петръ съ болѣе созерцательнымъ Андреемъ; сыны грома — одинъ вліятельный и повелительный, другой впечатлительный и краснорѣчивый; сродные по вѣрѣ и незлобивости характера Филиппъ и Варѳоломей; малоподвижный, но вѣрный Ѳома съ глубокомысленнымъ и преданнымъ Матѳеемъ; Іаковъ съ своимъ братомъ Іудой; Симонъ Зилотъ съ Іудой Искаріотомъ, чтобы своею пламенною ревностью по царствѣ Божіемъ разсѣевать темные замыслы угрюмаго духа предателя.

Во время ихъ отсутствія Іисусъ продолжалъ свое дѣло одинъ (Матѳ. xi, 1), въ то же время быть можетъ тихо подвигаясь къ Іерусалиму; потому что если можно вообще руководиться вѣроятными предположеніями при отсутствіи точной хронологіи въ исторіи Его служенія, то кажется болѣе всего вѣроятнымъ, что именно къ этому періоду относится стихъ: «Послѣ сего былъ праздникъ іудейскій, и пришелъ Іисусъ въ Іерусалимъ» [611]). Этотъ безъименный праздникъ былъ, по всей вѣроятности, праздникъ пуримъ [612]).

Но какъ Іисусъ могъ пойти въ Іерусалимъ на подобный праздникъ, который былъ, такъ сказать, сатурналіей іудейства,—праздникъ, который не имѣлъ божественнаго установленія [613]) и коренился въ самыхъ исключительныхъ, даже, такъ сказать, мстительныхъ чувствахъ народа; праздникъ увеселеній и маскарадовъ, чисто общественный и часто не въ мѣру оживленный; праздникъ, съ которымъ не связано было никакого религіознаго служенія, и который совершался не въ храмѣ и даже не всегда въ синагогахъ, а главнымъ образомъ въ частныхъ домахъ іудеевъ [614])?

Отвѣтомъ на это можетъ служить то, что хотя Іисусъ и былъ въ Іерусалимѣ на этомъ праздникѣ и пришелъ туда во время его совер-

шенія, но слова ев. Іоанна не значатъ непремѣнно, что Онъ пошелъ туда именно съ цѣлью присутствовать на этомъ своеобразномъ празднествѣ. Только мѣсяцемъ позже совершалась пасха и возможно, что Онъ пошелъ въ Іерусалимъ *главнымъ* образомъ съ цѣлью присутствовать на праздникѣ пасхи, хотя Онъ радъ былъ воспользоваться случаемъ прибыть въ Іудею и Іерусалимъ мѣсяцемъ раньше, какъ для того, чтобы имѣть возможность еще разъ проповѣдывать въ этой области, такъ и для того, чтобы избѣжать публичности и опаснаго возбужденія въ случаѣ путешествія Его вмѣстѣ съ караваномъ пасхальныхъ поклонниковъ изъ Галилеи. Такой случай естественно представился за отсутствіемъ апостоловъ, посланныхъ на проповѣдь. Синоптики даютъ ясныя указанія, что Іисусъ имѣлъ друзей и доброжелателей какъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Можетъ быть въ средѣ этихъ друзей Онъ и ожидалъ возвращенія своихъ ближайшихъ послѣдова-

Мученичество *).

телей. Мы знаемъ, съ какою любовью Онъ относился къ членамъ одного семейства въ Виѳаніи, и не будетъ неестественнымъ предположить, что теперь Онъ жилъ въ качествѣ одинокаго почетнаго гостя въ мирномъ уединеніи этого именно благочестиваго дома.

Но даже если ев. Іоаннъ разумѣетъ, что прямою причиною посѣщенія Спасителемъ Іерусалима былъ именно этотъ праздникъ, то нужно имѣть въ виду, что въ то время празднованіе его было еще не такимъ необузданнымъ и безпорядочнымъ, какимъ оно сдѣлалось впослѣдствіи.

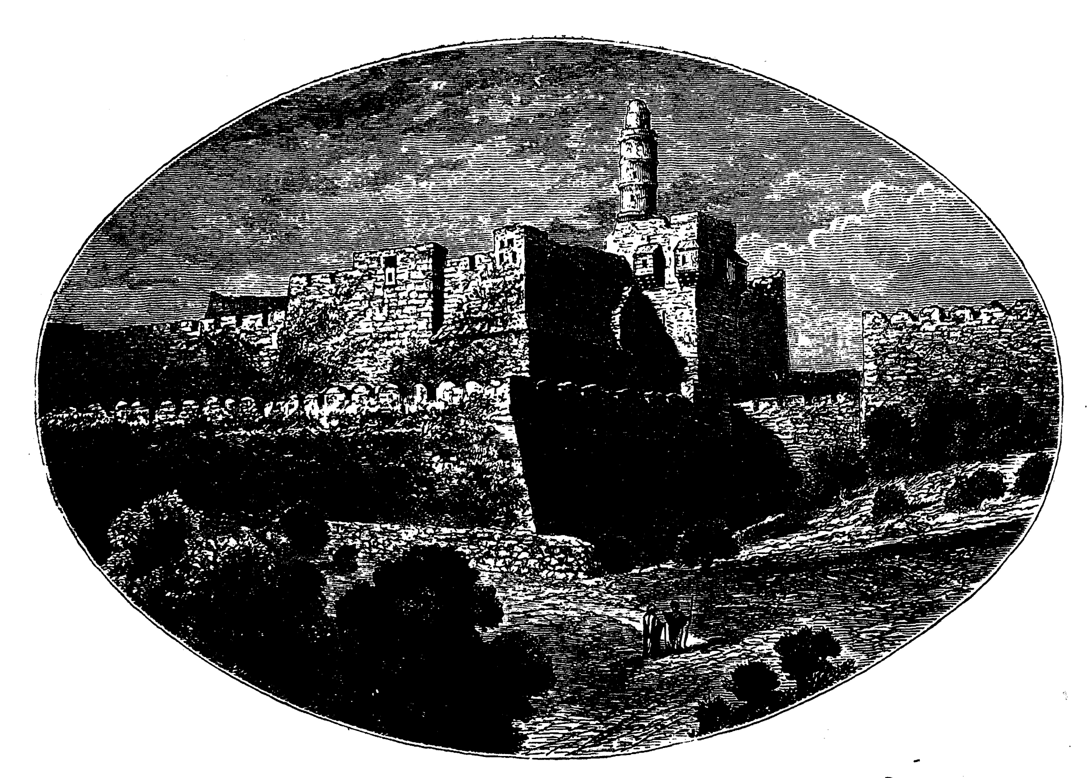
---

*) Рѣзной камень, съ котораго взята эта гравюра, есть красная яшма, изъ кабинета достопочт. Ч. В. Кинга, и изображаетъ мученическую смерть одной святой, склонившейся на колѣна впереди палача, который лѣвой рукой держитъ ее за волоса, между тѣмъ какъ правая рука съ широкимъ мечемъ замахнулась для ея обезглавленія. Особый значекъ надъ нею – символъ присутствія Господа въ послѣдній моментъ ея жизни; на полу передъ ея колѣнами *голубь* держитъ *масличную вѣтвь* — символъ мира и любви, въ которые ей надлежитъ скоро войти. Окончательное торжество ея обозначается пальмовою вѣтвью, служащею подножною линіей всего изображенія, и подъ этой линіей буквы A N F T (вѣроятно — Annum Novum Faustum Tibi) быть можетъ обозначаютъ, что эта яшма есть новогодній подарокъ какому-нибудь древнему обращенцу изъ язычества. Эту чудесную композицію, вслѣдствіе необычайнаго изящества ея стиля, едва ли можно считать позднѣе царствованія Ѳеодосія I (379—395 по Р. Хр.).

Мученичество *).

Болѣе благородные іудеи несомнѣнно праздновали его съ спокойнымъ чувствомъ благодарности; и такъ какъ одна сторона празднованія состояла въ благотвореніи бѣднымъ, то оно могло привлечь и Іисуса, какъ этою именно стороною, такъ и представлявшимся Ему случаемъ показать, что во всемірномъ характерѣ Его ученія и во всеобъемлющей безконечности Его любви, которую Онъ проявлялъ Самъ и заповѣдывалъ другимъ, не было ничего противонароднаго или непатріотичнаго.

Остается еще одинъ вопросъ. Пасха быстро приближалась, и присутствія Его на этомъ великомъ праздникѣ всѣ ожидали. Зачѣмъ же Онъ удалился отъ него? Зачѣмъ Онъ возвратился въ Галилею вмѣсто того, чтобы оставаться въ Іерусалимѣ? Событія, которыя подлежатъ нашему разсмотрѣнію теперь, даютъ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ.



Яффскія ворота въ Іерусалимѣ.

ГЛАВА XXVII.

ЧУДО ПРИ ОВЧЕЙ КУПАЛЬНѢ ВИѲЕЗДА.

Іудейскіе учители вдавались въ безконечное словопреніе, предполагая, что такой-то сапогъ бремя, а такой-то нѣтъ. *Оригенъ.*

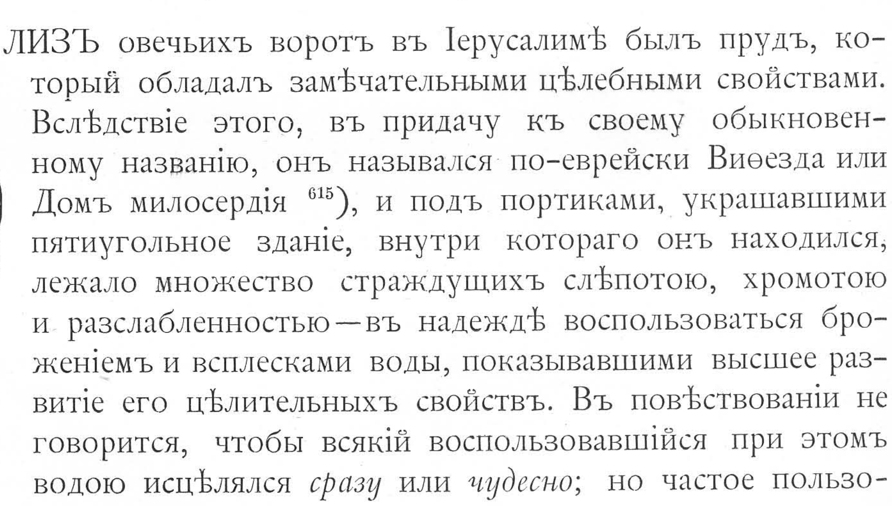
БЛИЗЪ овечьихъ воротъ въ Іерусалимѣ былъ прудъ, который обладалъ замѣчательными цѣлебными свойствами. Вслѣдствіе этого, въ придачу къ своему обыкновенному названію, онъ назывался по-еврейски Виѳезда или Домъ милосердія [615]), и подъ портиками, украшавшими пятиугольное зданіе, внутри котораго онъ находился, лежало множество страждущихъ слѣпотою, хромотою и разслабленностью—въ надеждѣ воспользоваться броженіемъ и всплесками воды, показывавшими высшее развитіе его цѣлительныхъ свойствъ. Въ повѣствованіи не говорится, чтобы всякій воспользовавшійся при этомъ водою исцѣлялся *сразу* или *чудесно*; но частое пользованіе перемежающимся и содержащимъ въ себѣ газы источникомъ (и теперь около Іерусалима есть нѣсколько источниковъ подобнаго

Яффскія ворота въ Іерусалимѣ.

ГЛАВА XXVII.

ЧУДО ПРИ ОВЧЕЙ КУПАЛЬНѢ ВИѲЕЗДА.

Іудейскіе учители вдавались въ безконечное словопреніе, предполагая, что такой-то сапогъ бремя, а такой-то нѣтъ. *Оригенъ.*



БЛИЗЪ овечьихъ воротъ въ Іерусалимѣ былъ прудъ, который обладалъ замѣчательными цѣлебными свойствами. Вслѣдствіе этого, въ придачу къ своему обыкновенному названію, онъ назывался по-еврейски Виѳезда или Домъ милосердія [615]), и подъ портиками, украшавшими пятиугольное зданіе, внутри котораго онъ находился, лежало множество страждущихъ слѣпотою, хромотою и разслабленностью—въ надеждѣ воспользоваться броженіемъ и всплесками воды, показывавшими высшее развитіе его цѣлительныхъ свойствъ. Въ повѣствованіи не говорится, чтобы всякій воспользовавшійся при этомъ водою исцѣлялся *сразу* или *чудесно*; но частое пользо-

рода) несомнѣнно могло оказывать самое благодѣтельное вліяніе на здоровье.

Древнее народное сказаніе, проникшее и въ текстъ ев. Іоанна [616]), приписывало цѣлебныя свойства воды схожденію ангела, который въ извѣстные промежутки возмущалъ воду, предоставляя всю пользу ея цѣлительной силы тому, кто погружался въ нее первымъ. Такое объясненіе этого явленія въ дѣйствительности такъ сообразно съ складомъ семитическаго ума, что при крайнемъ равнодушіи къ болѣе внимательному изслѣдованію, отличающемъ вообще народы востока, никто и не заботился о возможности какого бы то ни было другаго объясненія. Во всякомъ случаѣ, каково бы ни было убѣжденіе касательно *причины*, самое обстоятельство, что вода въ извѣстные періоды содержала въ себѣ цѣлительное и укрѣпляющее свойство, было достаточно для привлеченія сюда множества страждущихъ.

Между ними былъ одинъ бѣднякъ, который уже около тридцати восьми лѣтъ находился въ разслабленіи отъ паралича. Онъ жилъ въ портикахъ этого пруда, но безполезно; такъ какъ онъ самъ былъ безпомощенъ и движеніе воды происходило неправильными промежутками, то другіе, болѣе счастливые и менѣе слабые, всякій разъ успѣвали раньше его бросаться въ прудъ, пока еще не потерянъ былъ благопріятный моментъ [617]).

Іисусъ взглянулъ на этого человѣка съ сердечнымъ состраданіемъ. Видно было, что воля несчастнаго страдальца была не менѣе поражена параличемъ, чѣмъ и члены, и вся его чахнущая жизнь была однимъ непрерывнымъ отчаяніемъ. Спаситель вознамѣрился сдѣлать для праздника пуримъ *свой* даръ бѣдняку, которому Онъ не имѣлъ возможности дать ни золота, ни серебра. Онъ захотѣлъ помочь страдальцу, которому никто не хотѣлъ помочь раньше.

«Хочешь ли быть здоровъ?»

Сначала слова эти едва ли вывели несчастнаго изъ его унылаго оцѣпенѣнія: онъ едва ли даже и взглянулъ на спросившаго. Но думая можетъ быть, съ мгновеннымъ проблескомъ надежды, что это какой-нибудь незнакомецъ, который по сердечной добротѣ хочетъ помочь ему первымъ попасть въ воду, когда она возмутится опять, онъ просто разсказалъ въ отвѣтъ свою горькую повѣсть о долгомъ и тщетномъ ожиданіи. Іисусъ же разумѣлъ болѣе скорую и дѣйствительную помощь.

«Встань, сказалъ Онъ, возьми постель свою, и ходи!»

Это было сказано тономъ, которому нельзя было не повиноваться.

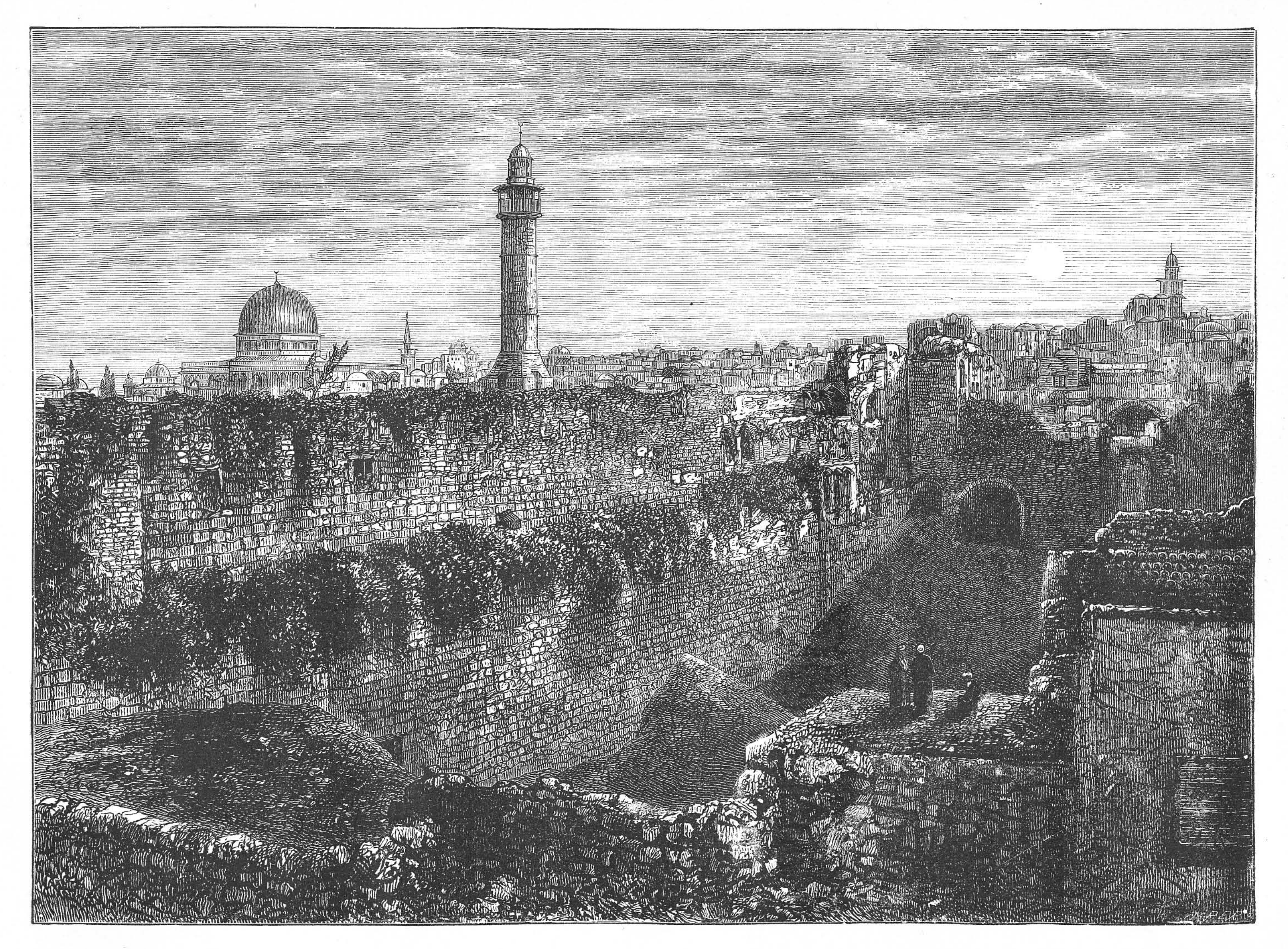
Взглядъ говорившаго, Его голосъ и повелительный тонъ, подобно электрическому току, пробѣжалъ по изможденнымъ членамъ и разбитому организму, ослабленному страданіемъ и грѣхомъ цѣлой жизни (ст. 14 и др.). Послѣ тридцативосьмилѣтней разслабленности, онъ мгновенно всталъ, поднялъ свою постель и пошелъ [618]). Въ радостномъ

Башня Антонія.

изумленіи онъ озирался кругомъ, чтобы увидѣть своего неизвѣстнаго благодѣтеля; но толпа была велика, и Іисусъ, стараясь избѣжать грубаго возбужденія въ народѣ, который сталъ бы смотрѣть на Него только какъ на чудотворца, спокойно удалился [619]).

Несмотря на это, скоро на Него было обращено много недоумѣн-

Башня Антонія.



Прудъ Виѳезда.

ныхъ и враждебныхъ глазъ. По мѣрѣ вымиранія внутренней силы и значенія религіи часто въ той же мѣрѣ возрастаетъ преувеличенная привязанность къ ея внѣшнимъ формамъ. Формализмъ и равнодушіе, педантическая мелочность и полное безвѣріе родственны между собою и всегда уживаются рядомъ. То же было и съ іудействомъ во дни Христа. Живой и пылкій энтузіазмъ въ немъ охладѣлъ; возвышенная и простая вѣра изсякла; пророки перестали пророчествовать; поэты перестали воспѣвать; священники уже не облачались въ праведность и рѣдко выступали святые. Сѣкира была у корня изсохшаго дерева и стволъ его служилъ только пищей червоточинѣ обрядовъ и преданій, «смертельно-блѣдныхъ, какъ ланита мертвеца». Вслѣдствіе этого установленіе субботы, которымъ имѣлось въ виду обезпечить для труждающихся отдыхъ, исполненный любви, мира и милосердія, сдѣлалось просто національнымъ кумиромъ — бездушнымъ обычаемъ, обставленнымъ самыми произвольными и безсмысленными ограниченіями. Почти всякое великое установленіе Моисеева закона было теперь низведено на степень праздныхъ и лишенныхъ всякаго значенія мелочей, забавлявшихъ мелкія натуры, но убивавшихъ всякое истинное благочестіе [620]).

Когда религія, такимъ образомъ выродившись въ суевѣріе, не теряетъ своего внѣшняго могущества, она всегда становится болѣе подозрительною и жестокою въ преслѣдованіи ереси. Выздоровѣвшаго разслабленнаго скоро обступила толпа совопросниковъ. Они смотрѣли на него съ изумленіемъ и негодованіемъ.

«Сегодня суббота, не должно тебѣ брать постели».

Это былъ вопіющій случай нарушенія ихъ закона. Развѣ не былъ одинъ нарушитель въ пустынѣ, хотя и полуегиптянинъ, до смерти побитъ камнями за собираніе дровъ въ субботній день (Лев. XXIV, 10—12; Числ. XV, 32—36)? Развѣ не ясно сказалъ пророкъ Іеремія: «Берегите души свои и не носите ношъ въ день субботній» (XVII, 21)?

Да, но почему? Потому что суббота была учреждена въ видахъ милосердія, предназначена для защиты подчиненныхъ и угнетенныхъ людей отъ тяжести непрерывной работы; потому что необходимо было защитить рабовъ и рабочіе классы отъ чрезмѣрнаго труда, къ которому бы стали принуждать ихъ у народа, страдающаго грѣхомъ алчности; потому что отдѣленіе одного дня изъ семи для священнаго покоя было необычайно важно для духовной жизни вообще. Таково значеніе четвертой заповѣди. Въ какомъ же отношеніи она была нарушена тѣмъ, что человѣкъ, чудесно исцѣлившійся, хотѣлъ нести домой простую

постель, въ которой можетъ быть заключалось почти все его достояніе? Что́ дѣйствительно онъ нарушалъ, такъ это не законъ Божій или даже Моисеевъ, но жалкіе формалистическіе выводы бездушнаго преданія, которое съ важностью порѣшало, что въ субботу нельзя было носить сапоговъ, подбитыхъ гвоздями, потому что они составляютъ бремя, а безъ гвоздей можно носить; что въ двухъ сапогахъ можно ходить, а въ одномъ только нельзя; одному человѣку можно нести коровай хлѣба, а двое не могутъ нести его промежъ себя, и такъ далѣе до самыхъ крайнихъ предѣловъ придирчивой нелѣпости [621]).

«Кто меня исцѣлилъ, отвѣчалъ счастливецъ, *Тотъ* мнѣ сказалъ: возьми постель твою, и ходи».

Насколько дѣло касалось самого этого человѣка, строгіе законники удовлетворились его оправданіемъ; голосъ, обладающій такою чудесною силою, что могъ исцѣлить словомъ разслабленность, продолжавшуюся въ теченіе цѣлой жизни, очевидно въ глазахъ этого человѣка имѣлъ право на послушаніе. Но они руководились особымъ побужденіемъ; они имѣли въ виду нѣчто большее, чѣмъ этотъ ничтожный и жалкій бѣднякъ. Безполезно было утруждать *его*.

Разслабленный при Виѳездѣ *).

«*Кто* тотъ человѣкъ, который сказалъ тебѣ: возьми постель твою и ходи»? — Замѣтьте злобное коварство іудейскихъ властей [622]): они говорятъ не Тотъ, который *исцѣлилъ тебя*, потому что въ простомъ проявленіи чудодѣйственной силы нельзя найти ереси, но именно: «Тотъ, который далъ тебѣ незаконное повелѣніе».

Личность Іисуса очевидно еще такъ мало была извѣстна на окраинахъ Іерусалима, или человѣкъ этотъ съ такимъ тупымъ равнодушіемъ отнесся къ Іисусу, когда Онъ сначала заговорилъ съ нимъ, что въ дѣйствительности онъ и не зналъ, кто былъ его благодѣтель. Но онъ

*) Эта гравюра (въ объемѣ оригинала) снята съ рельефнаго изображенія по слоновой кости на крышкѣ одного evangeliarium (т.-е. книги избранныхъ евангельскихъ чтеній при богослуженіи), относящагося къ V вѣку и теперь находящагося въ библіотекѣ въ Равеннѣ. Спаситель имѣетъ въ своей лѣвой рукѣ крестъ, а правая поднята для благословенія. Онъ по обыкновенію безъ бороды, и выше другой фигуры, изображающей разслабленнаго, который, одѣтый только въ подпоясанной сорочкѣ, благодарственно оглядывается назадъ, легко унося свою постель съ матрацемъ.

узналъ вскорѣ потомъ. Повѣствованіе обнаруживаетъ въ немъ одну привлекательную черту, и мы затѣмъ встрѣчаемъ его уже въ храмѣ, куда онъ навѣрно пришелъ воздать благодареніе Богу за неожиданное и чудесное обновленіе своей безотрадной жизни. Тамъ же увидѣлъ его и Спаситель, который обратился къ нему съ простымъ, но важнымъ предостереженіемъ: «вотъ, ты выздоровѣлъ; не грѣши больше, чтобы не случилось съ тобою чего хуже» [623]).

Предостереженіе это быть можетъ дано было потому, что Христосъ провидѣлъ низкую и недостойную личность этого человѣка; во всякомъ случаѣ въ пятнадцатомъ стихѣ сообщается нѣчто на первый взглядъ чрезвычайно возмутительное. «Человѣкъ сей *пошелъ и объявилъ іудеямъ*, что исцѣлившій его есть Іисусъ». Возможно, хотя и крайне невѣроятно, что онъ имѣлъ въ виду при этомъ возвеличить имя Того, который совершилъ такое великое дѣло; но такъ какъ онъ долженъ былъ знать объ озлобленности іудеевъ, такъ какъ мы не слышимъ отъ него ни слова благодаренія или признательности, ни слова изумленія и прославленія Бога, такъ какъ затѣмъ ему было достаточно ясно, что Іисусъ совершилъ это чудо просто изъ состраданія къ нему и старался избѣгнуть всякой гласности при этомъ, то нужно признаться, что поступокъ его прежде всего представляется дѣломъ празднаго и презрѣннаго доноса, низкимъ самооправданіемъ на счетъ своего благодѣтеля, почти непостижимою смѣсью подлаго угодничества и гнусной неблагодарности. Очевидно предостереженіе было въ высшей степени необходимо для такого человѣка, но оно—если мы вѣрно судимъ объ этой личности—совершенно не достигло своей цѣли.

Послѣдствія этого обнаружились немедленно и были пагубны для Іисуса. Въ дѣйствительности они измѣнили все направленіе остальной Его жизни. Не тронутые дѣломъ человѣколюбивѣйшаго состраданія, равнодушные къ проявленію чудодѣйственной силы, іудейскіе инквизиторы вооружились на защиту излюбленнаго конька своего законничества. «И стали іудеи *гнать* Іисуса *и искали убить Его за то, что Онъ дѣлалъ такія дѣла въ субботу*».

Въ отвѣтъ на это обвиненіе Онъ произнесъ ту возвышенную, божественную проповѣдь, которая передается въ v главѣ ев. Іоанна. Была ли она произнесена въ храмѣ или передъ какимъ-нибудь комитетомъ синедріона, мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ, великіе раввины и первосвященники, потребовавшіе Его къ себѣ съ цѣлью сдѣлать Ему выговоръ и наказать за нарушеніе субботы, были крайне изумлены и

вмѣстѣ съ тѣмъ пришли въ неописанную ярость отъ словъ, которыя они услышали отъ Него. Они потребовали Его къ себѣ, чтобы сдѣлать Ему предостереженіе, но предостереженіе это пало на ихъ собственныя головы. Они хотѣли укорить Его, сдѣлать внушеніе и затѣмъ быть можетъ снисходительно простить на этотъ разъ; но вотъ Онъ Самъ дѣлаетъ *имъ* величавое наставленіе, сопровождаемое строгостью сострадательнаго укора. Они сидѣли вокругъ Него во всемъ пышномъ величіи своей должности, хотѣли устрашить Его своимъ авторитетомъ и сановитостью. Но вотъ они трепещутъ и скрежещутъ зубами, не осмѣливаясь ничего сдѣлать, между тѣмъ какъ Онъ въ словахъ, подобныхъ пламени огненному, проникающему до самыхъ внутреннихъ составовъ и мозговъ, - въ словахъ, болѣе мудрыхъ и величественныхъ, чѣмъ тѣ, что были сообщены среди громовъ и молній Синая, — объявляетъ о своемъ страшномъ достоинствѣ Сына Божія.

Такимъ образомъ попытка внушить Ему почтеніе къ мелочнымъ постановленіямъ и буквенному благочестію, предостеречь отъ смертельной грѣховности совершать чудесныя исцѣленія въ субботній день, можетъ быть даже наказать Его за незаконное повелѣніе исцѣленному взять и нести свою постель, - потерпѣла полную неудачу. Въ самыхъ первыхъ своихъ словахъ Онъ обнаруживаетъ грубость ихъ взглядовъ и полное невѣжество. Они въ своемъ неразуміи понимали субботу, какъ день, въ который Богъ пересталъ творить вслѣдствіе своего утомленія; Онъ говорилъ имъ, что этотъ священный покой былъ благодѣтельною дѣятельностью. Они повидимому думали, какъ иные думаютъ и теперь, что Богъ передалъ свою творческую силу извѣстнымъ бездушнымъ силамъ природы; Онъ говоритъ имъ, что Отецъ Его дѣлаетъ и теперь, и самъ Онъ, зная своего Отца и будучи возлюбленъ Имъ, дѣлаетъ вмѣстѣ съ Нимъ и совершитъ еще большія дѣла, чѣмъ тѣ, которыя Онъ теперь совершилъ. Онъ уже воскрешалъ духовно умершихъ, но придетъ день, когда всѣ во гробахъ услышатъ голосъ Его; и этотъ голосъ затѣмъ будетъ слышенъ на томъ послѣднемъ страшномъ судѣ живыхъ и мертвыхъ, который передалъ Ему Отецъ [624]).

Самъ ли Онъ только свидѣтельствовалъ о Себѣ? Нѣтъ, о Немъ свидѣтельствовали и продолжали свидѣтельствовать три великихъ свидѣтеля: Іоаннъ, котораго, послѣ непродолжительнаго увлеченія, они отвергли; Моисей, послѣдованіемъ которому они гордились, но не понимали его; Самъ Богъ, которому они поклонялись, но не видѣли и не знали Его. Они сами посылали къ Іоанну и слышали его свидѣ-

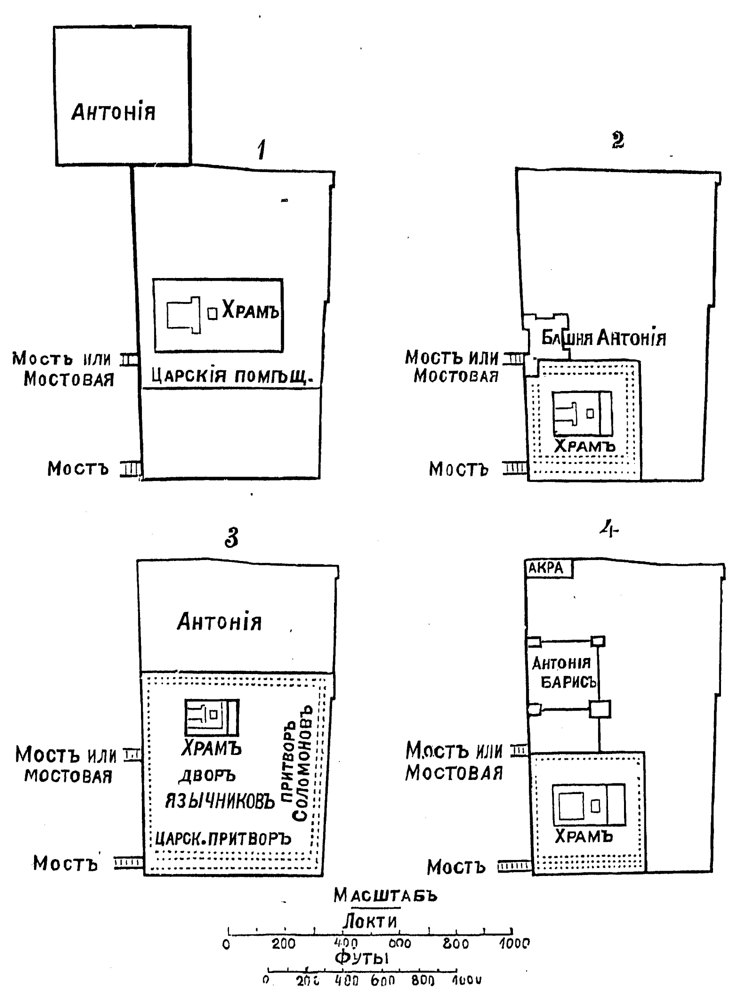
тельство; но Онъ не нуждался въ свидѣтельствѣ человѣческомъ, и упомянулъ о немъ только ради *нихъ*, потому что даже они хотѣли на время порадоваться при возженномъ Богомъ свѣтильникѣ этого великаго пророка [625]). Но Онъ имѣлъ свидѣтельство гораздо выше Іоаннова, свидѣтельство чудотворенія, которое Онъ совершаетъ не такъ, какъ совершали его пророки—именемъ Божіимъ, но своимъ собственнымъ именемъ, потому что Отецъ Его далъ Ему такую власть. Они не знали этого Отца; свѣтъ Его они оставили ради тьмы, слово Его—ради своихъ собственныхъ измышленій и невѣжества; и они отвергли Того, кого Онъ послалъ. Но было и *третье* свидѣтельство. Если они ничего не знали объ Отцѣ, то по крайней мѣрѣ знали (или думали, что знали) писаніе. Писаніе было въ ихъ рукахъ; они сосчитали даже самыя буквы его; и однако же они отвергали Того, о комъ свидѣтельствуетъ это самое писаніе. Не ясно ли, что они—эти праведники, благочестивые, до мелочности точные законники, священники, религіозные вожди своего народа—при всемъ томъ не имѣли въ себѣ любви къ Богу, если они такъ отвергали Его пророка, Его слово, Его дѣла, Его Сына?

Но что же собственно производило въ нихъ всѣ эти горькіе плоды? Не *гордость* ли? Какъ *могли* они вѣровать, принимая славу другъ отъ друга, а не ища той славы, которая исходитъ только отъ Бога? Потому-то они и отвергли Того, который пришелъ во имя Отца своего, между тѣмъ какъ они же готовы были поддаться обману, сдѣлаться жалкою жертвою всякаго ложнаго мессіи, всякаго Іуды, Ѳевды и Бар-Кохбы (и въ іудейской исторіи было болѣе шестидесяти таковыхъ), которые приходили отъ своего собственнаго имени.

И однако же Онъ не хотѣлъ обвинять ихъ предъ Отцомъ; они имѣли другаго обвинителя, того самаго Моисея, на котораго уповали. Да—Моисея, вѣру въ слово котораго они исповѣдывали, надъ самыми ничтожными постановленіями закона котораго они нагромоздили цѣлыя горы преданій и толкованій,—потому что они въ сущности даже *ему* не вѣрили и не повиновались. Еслибы они вѣрили Моисею, то повѣрили бы и тому, Кто говорилъ съ ними, потому что Моисей писалъ о Немъ; но если они такимъ образомъ отвергали истинное значеніе писаній (γράμμασιν), о любви и благоговѣніи къ которымъ они заявляли, то какъ могли они повѣрить словамъ (ῥήμασιν), которыя они слушали съ яростью и отвращеніемъ [626])?

Мы знаемъ, съ какимъ смертельнымъ ожесточеніемъ были приняты эти высокія изреченія. Никогда еще Христосъ не говорилъ такъ ясно.

Въ Галилеѣ истину касательно себя Онъ какбы хотѣлъ постепенно открывать для душъ и разумѣнія тѣхъ, которые слушали Его ученіе и видѣли Его дѣла; въ Іерусалимѣ же, гдѣ служеніе Его было короче, послѣдователей меньше, противники сильнѣе и дѣла Его могущества рѣже, Онъ рѣшился сразу открыть изумленному слуху вождей и пра-



Возстановленіе плана храма: 1) по Вильямсу, 2) по Фергюссону, 3) по Портеру, 4) по Левину.

вителей народа сущность своего бытія, чтобы лишить ихъ возможности оправдываться невѣденіемъ. Яснѣе этого Онъ не могъ уже говорить. Они потребовали Его къ себѣ, чтобы сдѣлать Ему внушеніе за нарушеніе субботы; вмѣсто того, чтобы оправдать свой поступокъ, какъ Онъ иногда дѣлалъ это въ Галилеѣ, указаніемъ на то, что высокій нравственный законъ любви превосходитъ и уничтожаетъ низшій законъ про-

стаго буквальнаго и обрядоваго повиновенія, вмѣсто указанія на то, что Онъ дѣйствовалъ только въ томъ духѣ, въ которомъ раньше Его дѣйствовали величайшіе святые и учили величайшіе изъ пророковъ, — Онъ прямо ставитъ себя выше субботы, какъ господина ея, даже какъ Сына и истолкователя Того, который сотворилъ субботу и который впродолженіе всего величественнаго теченія природы своимъ промысломъ не перестаетъ дѣлать и въ этотъ день.

Ликъ Спасителя, по изображенію на смарагдѣ, подаренномъ Баязетомъ II папѣ Иннокентію VIII.

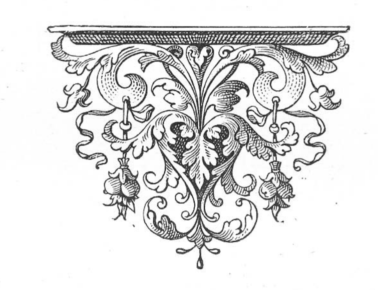
Два страшныхъ обвиненія такимъ образомъ тутъ было у нихъ на лицо противъ Пророка назаретскаго. Онъ былъ нарушитель ихъ субботы и хулитель ихъ Бога. Первое преступленіе было достаточнымъ основаніемъ для противодѣйствія Ему и для преслѣдованія; второе давало полное оправданіе для настойчивыхъ [627]) и дѣятельныхъ стараній погубить Его.

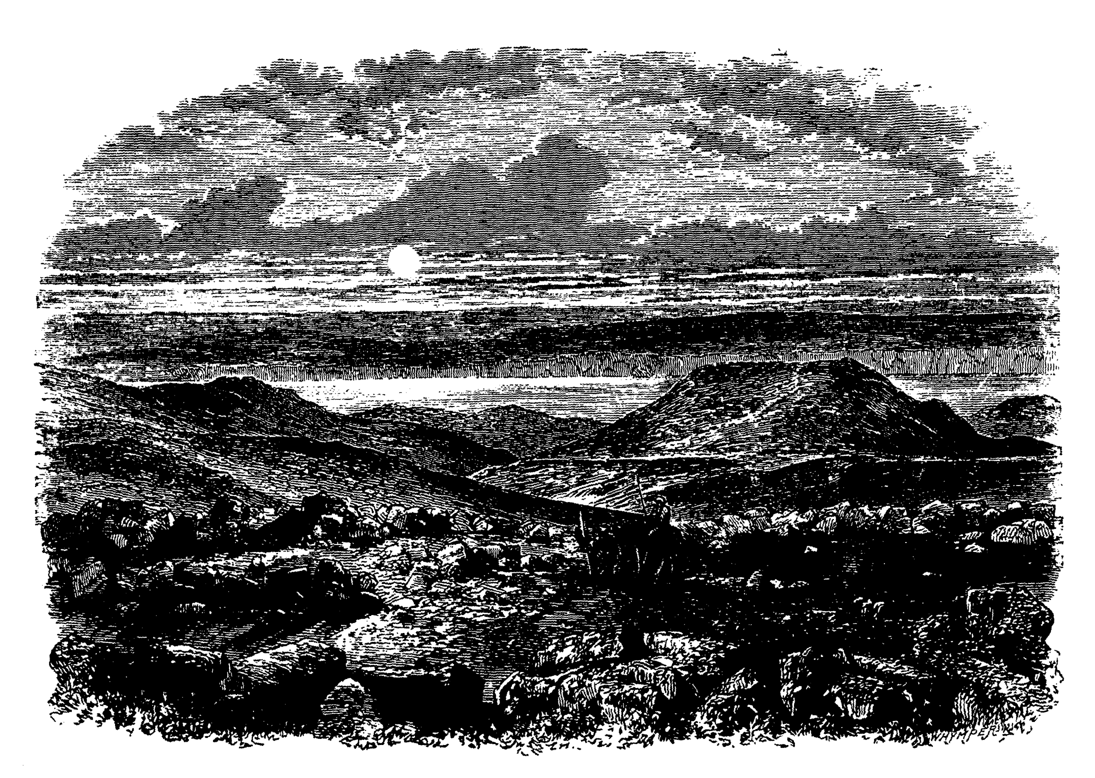
Но въ настоящее время они еще ничего не могли сдѣлать, они

Ликъ Спасителя, по изображенію на смарагдѣ, подаренномъ Баязетомъ II папѣ Иннокентію VIII.

могли только кипѣть отъ безсильнаго негодованія, могли только скрежетать зубами и изнемогать отъ злобы. Во всякомъ случаѣ они еще не осмѣливались дѣйствовать. Ихъ удерживала какая-то всемогущая сила. Часъ торжества ихъ еще не насталъ; но съ этого момента въ въ сердцахъ іудейскихъ священниковъ, раввиновъ и фарисеевъ уже зародился неумолимый, неотмѣняемый приговоръ о преданіи Его насильственной смерти.

При такихъ обстоятельствахъ Іисусу было безполезно, хуже чѣмъ безполезно оставаться въ Іудеѣ, гдѣ всякій день приносилъ новыя опасности отъ этихъ озлобленныхъ и могущественныхъ заговорщиковъ. Онъ не могъ дольше оставаться въ Іерусалимѣ для встрѣчи здѣсь приближавшейся пасхи, и долженъ былъ возвратиться въ Галилею; но Онъ возвратился съ яснымъ сознаніемъ роковаго конца, зная вполнѣ, что свѣтлые дни, въ которые Онъ могъ еще трудиться, уже начали подергиваться сумракомъ, и что остальная часть Его труда будетъ уже совершаться съ тайнымъ чувствомъ въ душѣ, что смерть витаетъ надъ Его священной главой.





Развалины Махера.

ГЛАВА XXVIII.

УБІЕНІЕ ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ.

Великій грѣхъ ужъ клясться ко грѣху,
Еще грѣшнѣй грѣховну клятву исполнять.
Шекспиръ.

Съ СКОРБНЫМИ предчувствіями въ своемъ человѣческомъ сердцѣ Спаситель возвратился въ Галилею. Раньше Онъ жестоко отвергнутъ былъ въ своемъ собственномъ ничтожномъ Назаретѣ; не менѣе рѣшительно теперь Онъ отвергнутъ былъ и въ Іерусалимѣ главнѣйшими представителями своего народа. Онъ возвращался въ страну, уже омраченную тучами собиравшейся вражды, и едва возвратился, какъ по ней, подобно первому удару унылаго похороннаго колокола, пронеслась вѣсть о страшномъ мученичествѣ. Горѣвшій небеснымъ свѣтомъ свѣтильникъ вдругъ былъ погашенъ въ крови. Великій предтеча, величайшій изъ всѣхъ рожденныхъ женами, славнѣйшій пророкъ и даже большій чѣмъ пророкъ — былъ гнусно убитъ.

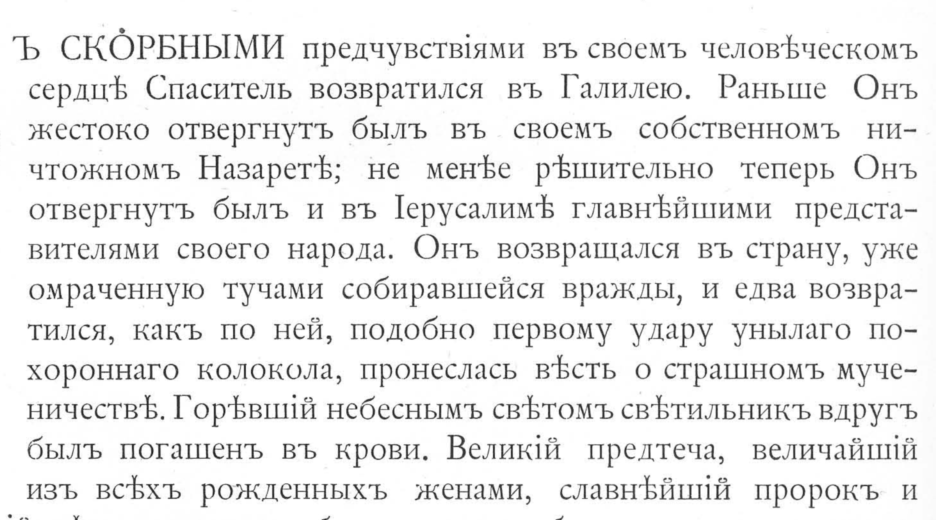
Иродъ Антипа, подъ власть котораго по смерти Ирода Великаго

Развалины Махера.

ГЛАВА XXVIII.

УБІЕНІЕ ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ.

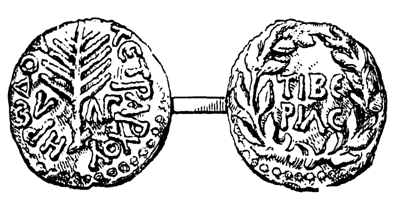
Великій грѣхъ ужъ клясться ко грѣху,
Еще грѣшнѣй грѣховну клятву исполнять.
Шекспиръ.



СЪ СКОРБНЫМИ предчувствіями въ своемъ человѣческомъ сердцѣ Спаситель возвратился въ Галилею. Раньше Онъ жестоко отвергнутъ былъ въ своемъ собственномъ ничтожномъ Назаретѣ; не менѣе рѣшительно теперь Онъ отвергнутъ былъ и въ Іерусалимѣ главнѣйшими представителями своего народа. Онъ возвращался въ страну, уже омраченную тучами собиравшейся вражды, и едва возвратился, какъ по ней, подобно первому удару унылаго похороннаго колокола, пронеслась вѣсть о страшномъ мученичествѣ. Горѣвшій небеснымъ свѣтомъ свѣтильникъ вдругъ былъ погашенъ въ крови. Великій предтеча, величайшій изъ всѣхъ рожденныхъ женами, славнѣйшій пророкъ и

перешла Галилея, былъ самымъ слабымъ и жалкимъ правителемъ, какой только когда-либо позорилъ престолъ несчастной страны. Жестокій, коварный и развратный, подобно отцу своему, онъ къ тому же отличался неудачами въ войнѣ и непостоянствомъ въ мирѣ. Въ немъ, какъ и во многихъ другихъ выдающихся личностяхъ исторіи, невѣріе шло объ руку съ суевѣріемъ. Но и болѣзненные страхи виновной совѣсти не спасали его отъ преступныхъ излишествъ дикой воли. Это былъ человѣкъ, въ которомъ сочетались худшія черты римлянина, грека и жителя востока.

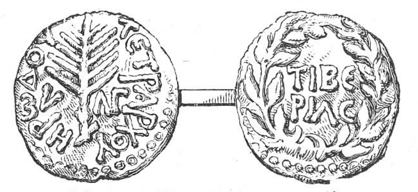
Многочисленные царьки, которые самымъ своимъ существованіемъ обязаны были римскому заступничеству, изъ-за политическихъ видовъ часто дѣлали церемоніальные визиты императору въ Римѣ. Въ одинъ изъ такихъ визитовъ, предпрянятый быть можетъ съ цѣлью выразить соболѣзнованіе Тиверію по случаю смерти его сына Друза или матери



Монета Ирода Антипы *).

Ливіи, Антипа во время пребыванія въ Римѣ гостилъ у своего брата Ироды Филиппа (не четвертовластника этого имени, а сына Ирода Великаго и Маріамны, дочери Симона Боетузимскаго), который, будучи лишенъ своимъ отцомъ наслѣдства, проживалъ въ Римѣ въ качествѣ частнаго человѣка [628]). Здѣсь онъ попалъ въ сѣти Иродіады, жены своего брата Филиппа, и за полученное гостепріимство отплатилъ тѣмъ, что увезъ ее съ собою. Тутъ было все, что только могло сдѣлать этотъ поступокъ не только неблагодарнымъ и преступнымъ, но и омерзительнымъ. Ироды довели взаимныя брачныя связи до крайности, какою только отличалась эта худшая и самая распущенная изъ восточ-

*) Эта бронзовая монета Ирода Антипы имѣетъ на лицевой сторонѣ пальмовую вѣтвь, окруженную словами ΗΡΩΔΟΥ ΤΕΤΡΑΡΧΟΥ (*Ирода Четвертовластника*). На оборотной сторонѣ лавровый вѣнокъ, окружающій надпись ΤΙΒΕΡΙΑΣ, названіе города *Тиверіады* (еще сохраняющееся въ новѣйшемъ *Тубарье*), гдѣ чеканилась его монета и который онъ построилъ и назвалъ въ честь своего покровителя Тиверія, царствующаго императора Рима. Титулъ «четвертовластникъ» (правитель четвертой части) въ его строгомъ смыслѣ данъ этому Ироду Антипѣ или Антипатру, такъ какъ отецъ его Иродъ отдалъ Идумею, Итурею и Самарію, половину своего царства, своему младшему сыну Архелаю съ титуломъ этнарха, и раздѣлилъ остальное между Антипой и Филиппомъ, давая каждому титулъ четвертовластника

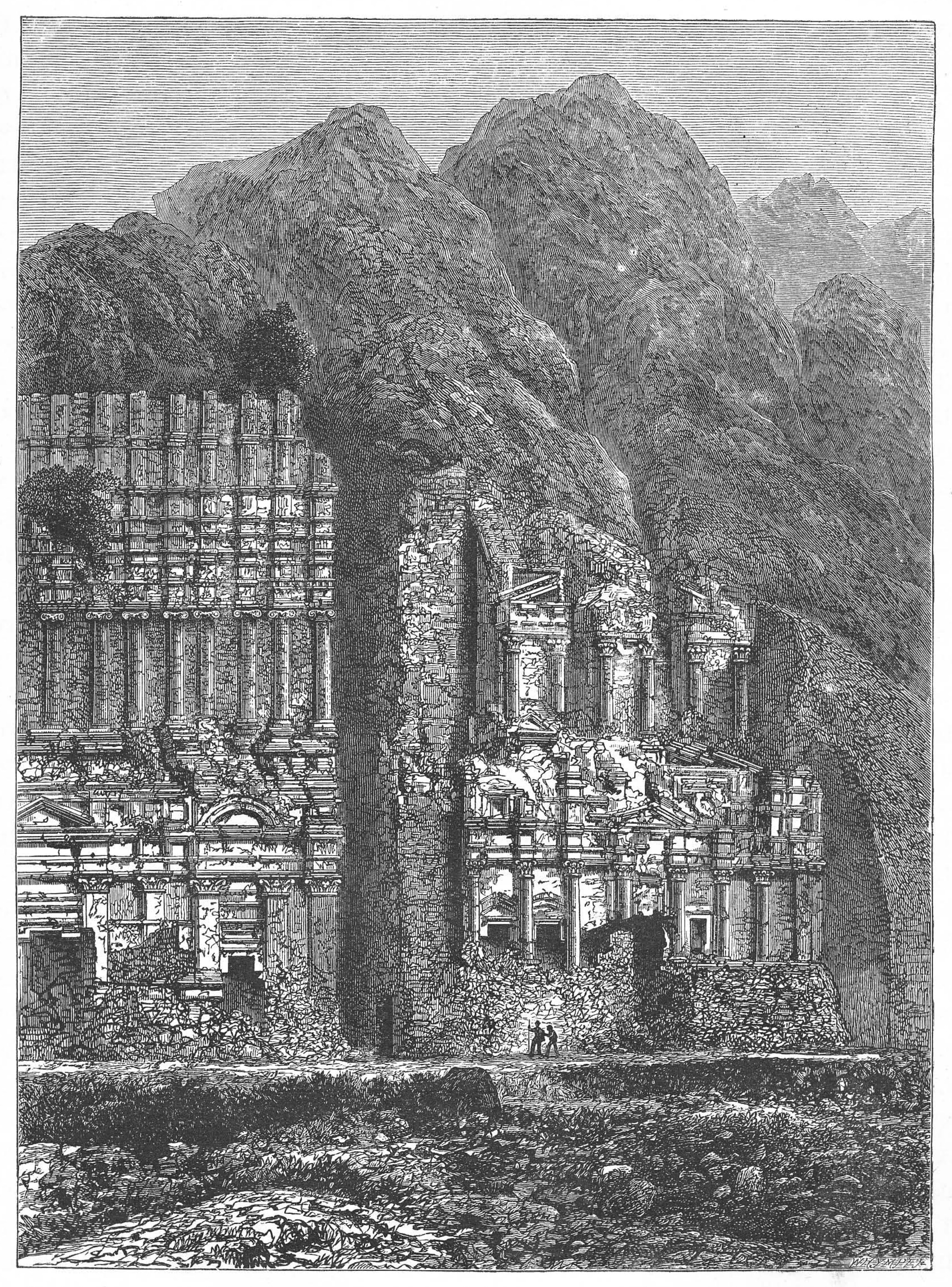


Монета Ирода Антипы *).

ныхъ послѣ-македонскихъ династій. Иродіада, будучи дочерью Аристовула, доводилась не только невѣсткой, но и племянницей Антипѣ [629]); у нея же была взрослая дочь, прижитая съ мужемъ. Самъ Антипа давно уже былъ женатъ на дочери Ареты или Хареѳа, эмира аравійскаго, и оба они не были уже настолько молоды, чтобы оправдывать свой поступокъ даже жалкой ссылкой на юношеское увлеченіе. Единственнымъ искушеніемъ съ его стороны была его животная чувственность; съ ея же стороны—необузданное честолюбіе. Она готова была скорѣе предпочесть вдвойнѣ преступное и вдвойнѣ кровосмѣсительное замужество, чѣмъ жить съ единственнымъ изъ Иродовъ, который не могъ похвалиться даже обломкомъ царскаго престола. Антипа обѣщался по возвращеніи изъ Рима сдѣлать ее своей женой и она взяла съ него слово, что онъ разведется съ своей ни въ чемъ неповинной супругой, дочерью аравійскаго князя.

Но порочныя удовольствія обыкновенно сами дѣлаются и орудіемъ нашего наказанія за нихъ. Именно съ этого времени для Ирода Антипы начался рядъ непріятностей и невзгодъ, которыя впослѣдствіи закончились для него лишеніемъ короны и смертью въ позорной ссылкѣ. Иродіада съ самаго начала сдѣлалась злымъ геніемъ его дома. Народъ былъ возмущенъ и оскорбленъ. Семейныя несогласія обострились. Аравійская княжна, не дожидаясь развода, съ негодованіемъ бѣжала сначала въ пограничный замокъ Махеръ, а затѣмъ въ скалистыя твердыни своего отца Ареты въ каменистой Аравіи. Послѣдній, въ справедливомъ негодованіи, порвалъ всѣ дружественныя отношенія съ своимъ бывшимъ зятемъ и впослѣдствіи объявилъ ему войну, въ которой отмстилъ за свою дочь нанесеніемъ ему жестокихъ и тяжкихъ пораженій.

Но и это было не все. Грѣхъ былъ наказанъ грѣхомъ и преступная связь должна была скрѣпиться кровью пророка. Въ веселыхъ и раззолоченныхъ залахъ одного изъ тѣхъ роскошныхъ дворцовъ, построеніемъ которыхъ услаждался Иродъ, развратному тирану быть можетъ и удалось бы укрыться отъ глухаго негодующаго ропота своихъ подданныхъ; но былъ одинъ голосъ, который находилъ его и тамъ, мучилъ его совѣсть и не хотѣлъ замолкнуть. Это былъ голосъ великаго Крестителя. Какимъ образомъ Иродъ впервые вошелъ въ соприкосновеніе съ нимъ, мы не знаемъ; но это было вѣроятно послѣ того, какъ онъ велѣлъ арестовать его въ тѣхъ политическихъ видахъ, будто его ученіе и стекавшіяся къ нему толпы народа угрожали общественной безопасности [630]). Между другими чертами въ характерѣ Ирода



Петра.

было извѣстное суевѣрное любопытство, заставлявшее его придерживаться истинъ религіи, которыя онъ каждый день такъ нагло попиралъ своею жизнью. Онъ потребовалъ Іоанна къ себѣ. Подобно новому Иліѣ передъ новымъ Ахавомъ, въ пустынномъ одѣяніи, въ волосяномъ плащѣ съ кожанымъ поясомъ, суровый и благородный отшельникъ безстрашно предсталъ предъ беззаконнымъ царемъ. Его слова, простыя слова истины и правды, спокойныя разсужденія о праведности, воздержаніи и грядущемъ судѣ—пали какъ горящія головни на грубую, ледяную совѣсть Ирода. Встревоженный быть можетъ исполненіемъ древняго проклятія Моисеева закона въ безплодности его связи [631]), онъ слушалъ его съ неясной и слабой надеждой на исправленіе въ будущемъ. Онъ даже съ радостью дѣлалъ многое ради Іоанна. Но было одно, чего онъ не *хотѣлъ* сдѣлать, быть можетъ сознавая, что не *можетъ* сдѣлать,—это именно отказаться отъ преступной, поработившей его любви, или оставить надменную женщину, которая вполнѣ овладѣла имъ, лишивъ его мира. «Не должно тебѣ имѣть жену брата твоего», прямо заявлялъ неустрашимый пророкъ. Его то и дѣло водили въ великолѣпныя зала дворца, блѣднаго и изможденнаго тюремнымъ заключеніемъ и сознаніемъ безвозвратности разбитыхъ надеждъ; но онъ, вполнѣ сознавая, что это только разжигало непримиримую вражду къ нему и обрекало его на безъисходное заключеніе въ мрачной тюрьмѣ, никогда не колебался высказывать свое суровое обличеніе прямо въ лицо багровѣвшему отъ гнѣва Ироду. Не щадилъ Онъ также своимъ строгимъ судомъ и всѣхъ другихъ пороковъ и безумствъ въ его жизни (Лук, III, 19). Другіе — даже великіе и славные въ другихъ отношеніяхъ люди—умѣютъ находить мягкія слова для грѣховъ царей; но въ огненной душѣ Іоанна, закаленной долгимъ аскетизмомъ до благороднѣйшаго самозабвенія въ пустынѣ, не было страха передъ человѣческою царственностью и снисхожденія къ пороку даже царя. И когда мужество, святость и чистота предстали такимъ образомъ для обличенія позорной низости, рабьей и развращенной души, то можно ли удивляться, что даже среди своихъ блистательныхъ царедворцевъ и храбрыхъ оруженосцевъ, терзаемый совѣстью, царь терялся и трепеталъ предъ скованнымъ пророкомъ [632]). Но Іоаннъ зналъ, какъ мало можно было полагаться на душу, разъѣдаемую ржавчиной застарѣлаго грѣха, и такъ какъ Тотъ, о комъ онъ свидѣтельствовалъ за Іорданомъ, не совершалъ никакого чуда для его освобожденія, то вѣроятно Іоаннъ

уже и не ждалъ другаго исхода изъ своей тюрьмы — въ Черной крѣпости [633]), кромѣ могилы и вратъ смерти.

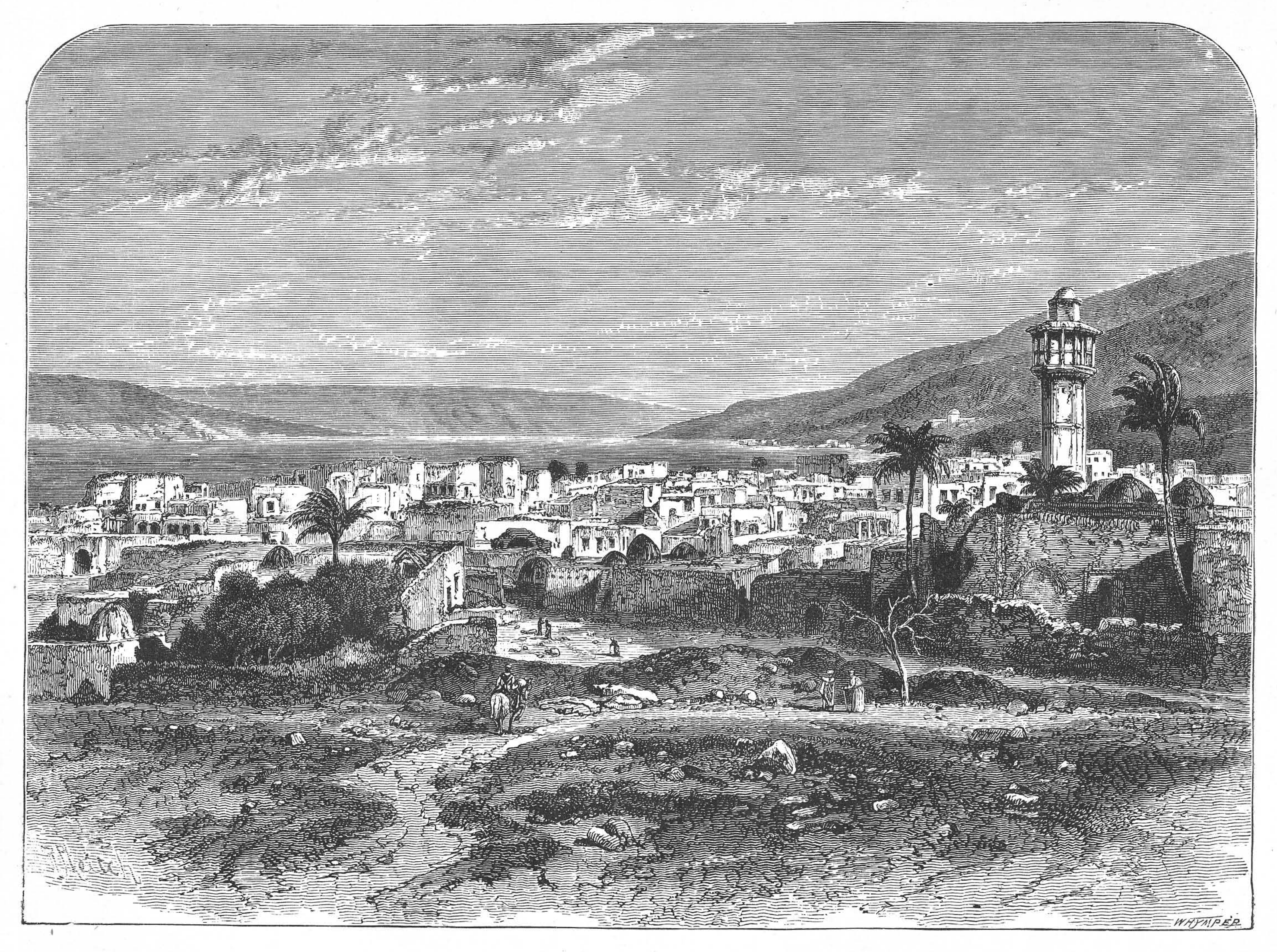
Правда, до сихъ поръ боязливость или нерѣшительность Ирода Антипы давали Іоанну — по крайней мѣрѣ его жизни—нѣкоторую защиту отъ злобно-ядовитой ненависти царственной блудницы [634]). Но наконецъ то, чего ей не удавалось достигнуть вліяніемъ страсти, удалось достигнуть при помощи тонкаго обмана. Она хорошо знала, что даже изъ тюрьмы голосъ Іоанна будетъ могущественнѣе всѣхъ чаръ ея блекнущей красоты и можетъ наконецъ сорвать съ ея чела эту преступную корону. Поэтому она ждала только удобнаго случая, и онъ не замедлилъ вскорѣ представиться ей [635]).

Иродіанскіе царьки, подражая пышному примѣру своихъ великихъ первообразовъ, римскихъ императоровъ, любили задавать великолѣпные пиры и справлять блестящія годовщины. Между прочимъ, они усвоили языческій обычай праздновать день рожденія [636]), и Антипа по случаю дня своего рожденія давалъ, — повидимому въ замкѣ Махеръ или въ сосѣднемъ дворцѣ, извѣстномъ подъ именемъ Юлія, — пиръ своимъ вельможамъ, генераламъ и всей знати галилейской. Богатство Иродовъ, роскошная архитектура ихъ многочисленныхъ дворцовъ, ихъ склонность къ необычайному блеску—все это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что пиръ былъ на славу, со всею роскошью богатства и царскою пышностью, и вообще очевидно былъ однимъ изъ тѣхъ пировъ, которые были подражаніемъ развращеннымъ обычаямъ временъ Римской Имперіи и соединяли въ себѣ римскую прожорливость съ іоническою чувственностью. Но Иродіада коварно доставила царю еще одно неожиданное и упоительное удовольствіе, зрѣлище котораго навѣрно могло привести гостей его въ восхищеніе. Въ то время были въ большой модѣ танцоры и танцовщицы [637]). Страсть къ этимъ, часто неприличнымъ и возмутительнымъ представленіямъ, естественно проникла въ саддукейскій и полуязыческій дворъ эдомитскихъ узурпаторовъ, и Иродъ Великій построилъ въ своемъ дворцѣ даже особый балетный театръ (Thymela) [638]). Роскошный пиръ этого времени не считался полнымъ, если онъ не заканчивался какимъ-нибудь грандіознымъ пантомимнымъ представленіемъ, и Иродъ несомнѣнно усвоилъ этотъ обычай своего времени. Но онъ и самъ не ожидалъ для своихъ гостей такого рѣдкаго удовольствія, какое доставила имъ княжна, его собственная племянница, внучка Ирода Великаго и Маріамны, слѣдовательно потомокъ Симона первосвященника и представительница великой линіи князей маккавейскихъ,—княжна,

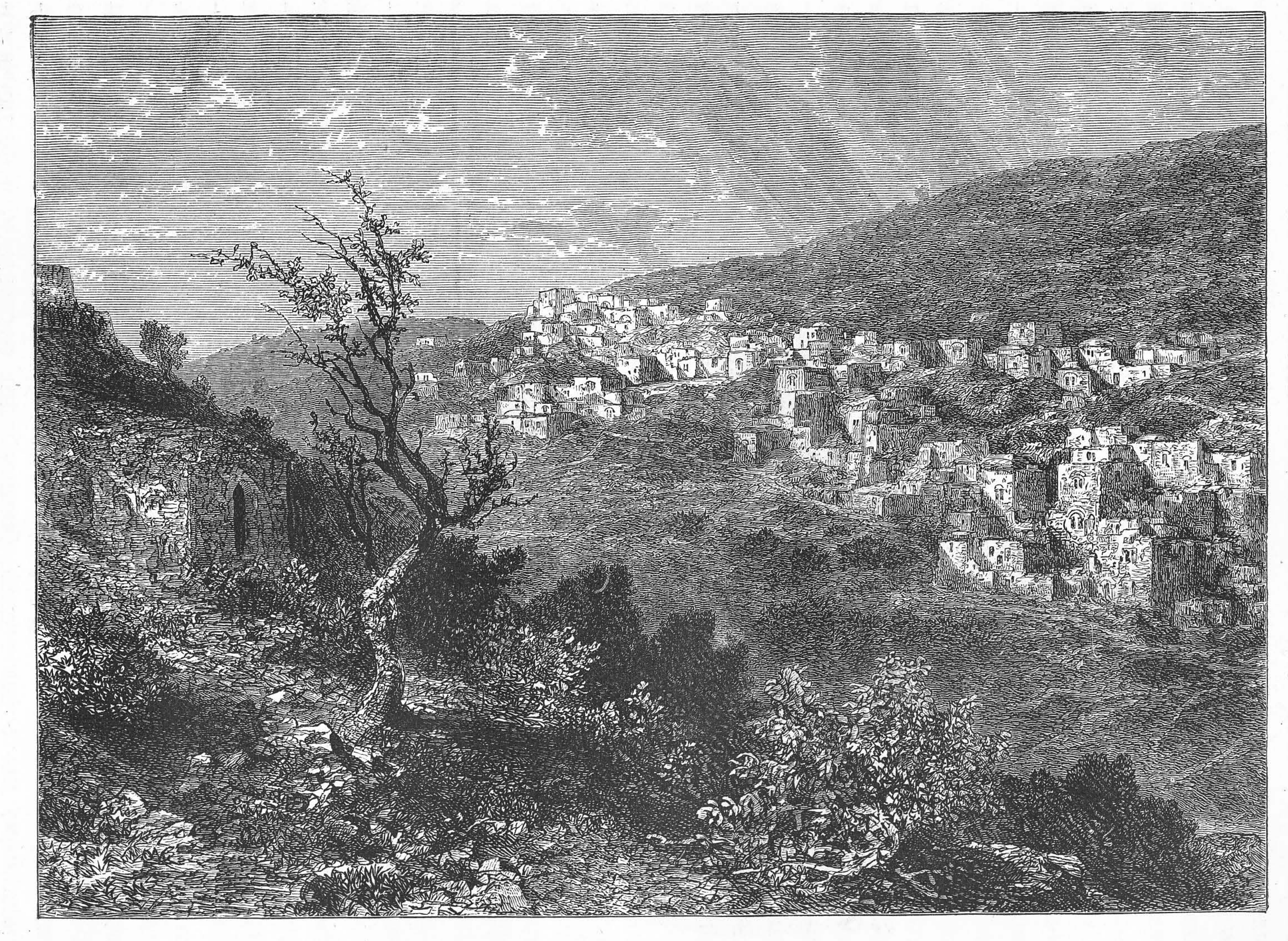
сдѣлавшаяся впослѣдствіи женой четвертовластника и матерью царя [639]): она оказала гостямъ особенную честь личнымъ появленіемъ въ роли сценической танцовщицы. Когда пиръ уже кончился и гости были уже пресыщены яствами и упоены виномъ, Саломія, дочь Иродіады, тогда еще въ полномъ расцвѣтѣ своей юной и блистательной красоты, исполнила, какъ сказали бы теперь, pas seul предъ собраніемъ [640]) этихъ распущенныхъ и полуопьяненныхъ гулякъ. Она «вышла, плясала, и угодила Ироду и возлежавшимъ съ нимъ». И онъ, какъ второй Ксерксъ [641]), въ восторгѣ своего пьянаго увлеченія, клялся очаровательной танцовщицѣ въ присутствіи своихъ гостей, что онъ дастъ ей все, чего бы она ни попросила, даже полцарства своего [642]).

Дѣвица побѣжала къ своей матери и спросила: «чего ей просить?» Этого только и ждала Иродіада. Конечно она могла бы просить платьевъ, драгоцѣнностей, дворцовъ или всего, что только можетъ любить женщина; но подобной личности месть была сладостнѣе и дороже богатства или роскоши, и можно вообразить, съ какою кровожадною злостью она прошипѣла бывшій у нея на-готовѣ отвѣтъ: «головы Іоанна Крестителя». И «тотчасъ, *съ поспѣшностью*» отправившись къ царю (какая характерная черта! и какую способную ученицу порочная мать нашла въ своей порочной дочери!), Саломія воскликнула: «Хочу, чтобы ты далъ *мнѣ теперь же* [643]) на блюдѣ голову Іоанна Крестителя». Эта неприличная поспѣшность, эта отвратительная просьба показывала, что въ жилахъ дѣвицы текла неистовая кровь ея рода. Неужели она думала, что въ то гнусное время и среди этихъ гнусныхъ гостей просьба ея будетъ принята взрывомъ веселаго смѣха? Неужели она надѣялась еще болѣе оживить ихъ веселость чувствомъ развязной порочности [644]), заключавшейся въ просьбѣ,—нѣтъ—въ повелительномъ требованіи молодой и красивой дѣвицы, чтобы теперь же, на одномъ изъ золотыхъ блюдъ, блиставшихъ на столѣ, дали ей въ собственныя руки окровавленную голову пророка, слова котораго заставляли трепетать тысячи смѣлыхъ сердецъ?

Если такъ, то она ошиблась. Четвертовластникъ во всякомъ случаѣ былъ опечаленъ ея просьбой [645]), которая болѣе чѣмъ отуманила удовольствіе, доставленное ея позорной пляской, — была горькимъ заключеніемъ празднества въ честь дня его рожденія. Страхъ, политика, угрызеніе совѣсти, суевѣріе, даже слабая искра лучшихъ чувствъ, уцѣлѣвшая въ его сердцѣ подъ пепломъ злыхъ страстей, — все это заставляло его съ отвращеніемъ отшатнуться отъ исполненія этой неожиданной просьбы.



Тиверіада и озеро Галилейское.



Деревня Силоамъ.

Онъ чувствовалъ, что былъ блистательно одураченъ и лишенъ воли коварнымъ замысломъ своей ни предъ чѣмъ не останавливающейся любовницы. Еслибы хоть одна искра мужества оставалась въ немъ, онъ могъ бы отклонить эту просьбу, которая ни по буквѣ, ни по смыслу не подходила подъ его клятву, потому что жизнь одного нельзя дѣлать подаркомъ другому; или могъ бы смѣло заявить, что если таковъ ея выборъ, то нарушеніемъ своей клятвы онъ сдѣлаетъ ей больше чести, чѣмъ исполненіемъ. Но презрѣнная гордость и страхъ человѣческій взяли въ немъ верхъ надъ лучшими побужденіями: болѣе боясь сужденій своихъ гостей, чѣмъ будущаго терзанія совѣсти, насколько у него оставалось ея, онъ немедленно послалъ палача въ темницу, которая по всей вѣроятности была неподалеку отъ покоевъ, гдѣ происходилъ пиръ; и такимъ образомъ, по повелѣнію развратнаго труса и въ угоду гнусной прихоти безстыдной дѣвицы, топоръ палъ на голову благороднѣйшаго изъ пророковъ и отсѣкъ ее прочь.

Это страшное дѣло совершилось тайно, въ сумракѣ темницы, а если кто и видѣлъ его, то побоялся бы разсказать; но палачъ самъ вышелъ изъ тюрьмы, неся за волосы эту благородную голову, и тутъ же, со всѣми ужасающими признаками только-что причиненной смерти, она положена была на блюдо съ царскаго стола. Молодая танцовщица приняла ее [646]) и—ужасная теперь какъ мегера—понесла къ своей матери эту страшную ношу. Будемъ надѣяться, что это ужасающее зрѣлище преслѣдовало ихъ обѣихъ до самой смерти.

Что сталось съ отсѣченною головой Іоанна, мы не знаемъ. Преданіе сообщаетъ, что Иродіада приказала выбросить обезглавленный трупъ [647]) за стѣны на съѣденіе собакамъ и коршунамъ. Ее во всякомъ случаѣ постигло за то быстрое мщеніе.

Ученики Іоанна, и между ними быть можетъ ессей Манаилъ [648]), совоспитанникъ Ирода Антипы, взяли тѣло Его и похоронили. Затѣмъ они съ преисполненнымъ горечью сердцемъ поспѣшили сообщить Іисусу, что друга Его и предтечи,—перваго, кто свидѣтельствовалъ о Немъ и которому Онъ самъ произнесъ столь великую похвалу,—уже не было въ живыхъ.

Около этого же времени возвратились и апостолы съ своей проповѣднической дѣятельности и разсказали Ему обо всемъ, что они дѣлали и чему учили. Они проповѣдывали покаяніе, изгоняли бѣсовъ и многихъ больныхъ мазали масломъ и исцѣляли (ср. Іак. v, 14). Но лѣтопись ихъ служенія была очень коротка и не особенно радостна. Не-

смотря на частные успѣхи, неиспытанная вѣра ихъ повидимому теперь еще оказывалась несоразмѣрною съ тѣмъ высокимъ порученіемъ, которое было возложено на нихъ.

Очень скоро затѣмъ дошла до Іисуса и другая вѣсть, именно, что кровожадный четвертовластникъ развѣдывалъ о Немъ, хотѣлъ Его видѣть и быть можетъ намѣревался потребовать Его къ себѣ по возвращеніи въ свой новый дворецъ, Золотой Домъ—въ его новой столицѣ Тиверіадѣ. Проповѣдь двѣнадцати апостоловъ чрезвычайно способствовала распространенію молвы о Спасителѣ среди народа (Марк. VI, 14), такъ что повсюду шли толки о Немъ. Всѣ допускали, что Онъ имѣлъ право на особенное вниманіе къ себѣ. Нѣкоторые думали, что это — Илія, другіе—Іеремія, иные—что одинъ изъ пророковъ; но Иродъ по своему рѣшалъ этотъ вопросъ. Говорятъ, что когда Теодорихъ при-

Монета Калигулы *).

казалъ умертвить Симмаха, онъ былъ преслѣдуемъ и наконецъ сведенъ съ ума призракомъ искаженныхъ чертъ этого старца, который постоянно глядѣлъ на него изъ блюда за столомъ; то же самое было и съ Иродомъ Антипой. На его пиршество принесена была голова того, котораго въ глубинѣ своей души онъ признавалъ святымъ и праведнымъ; и онъ видѣлъ, какъ эти строгія черты, на которыя онъ часто смотрѣлъ со страхомъ, еще подергивались ужасающей агоніей смерти. Не громче

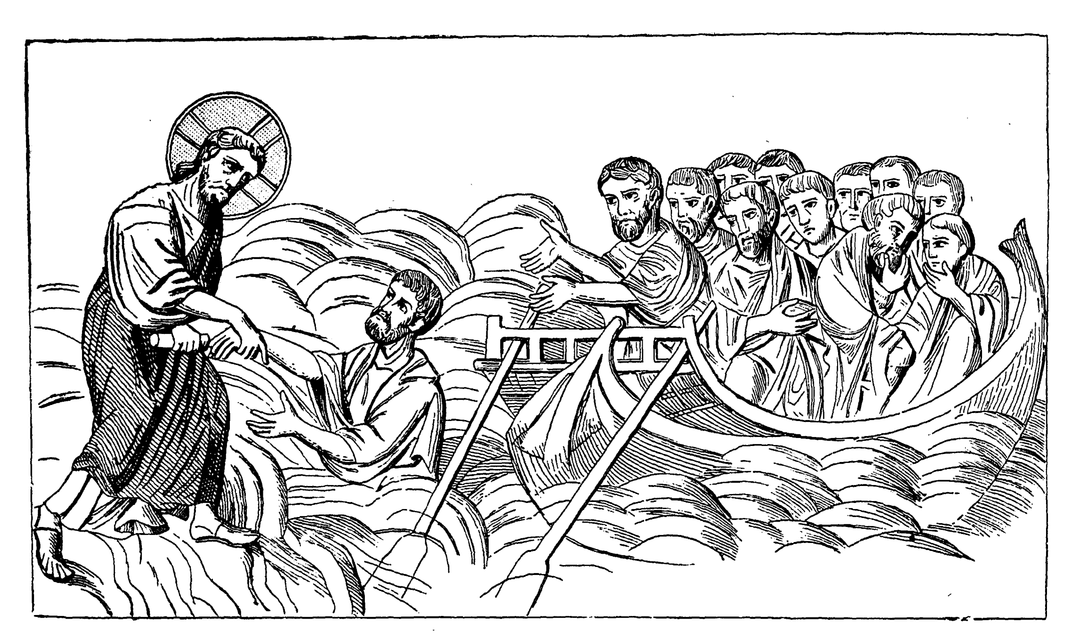
*) Эта бронзовая монета имѣетъ на лицевой сторонѣ увѣнчанную лавровымъ вѣнкомъ голову императора, съ надписью «C(aius) CAESAR AVG(ustus) GERMANICVS PON(tifex) M(aximus) TR(ibunitia) POT(estate)», и такимъ образомъ была отчеканена въ первый годъ его царствованія, въ 37 г. по Р. Хр. На оборотѣ во весь ростъ изображены три его сестры—Агриппина, Друзилла и Юлія,—представленныя съ аттрибутами Безопасности (опирающейся на колонну), Согласія (держащаго patera или чашу для куренія) и Счастія (держащаго руль); каждая изъ нихъ держитъ также рогъ изобилія Имя Caligula («сапожекъ») дано было этому младшему сыну Германика и Агриппины вслѣдствіе того, что онъ еще въ дѣтствѣ обувалъ военные сапоги, называвшіеся caliga.

Монета Калигулы *).

ли и не страшнѣе ли еще исходилъ изъ этихъ мертвыхъ устъ укоръ, который они высказывали при жизни? Развѣ замеръ тотъ голосъ, который говорилъ «не должно тебѣ имѣть жену брата своего», и не слышался ли онъ еще съ большею силою отъ нѣмаго призрака смерти? Если мы не ошибаемся, то отсѣченная голова рѣдко съ тѣхъ поръ оставляла изступленное воображеніе Ирода, преслѣдуя его вплоть до той поры, когда онъ лежалъ на своемъ смертномъ одрѣ. И вотъ, когда онъ вскорѣ затѣмъ услышалъ молву о новомъ пророкѣ, который былъ еще могущественнѣе и совершалъ чудеса, которыхъ *никогда* не совершалъ Іоаннъ, — его виновная совѣсть содрогнулась отъ суевѣрнаго страха, и онъ съ ужасомъ началъ говорить своимъ приближеннымъ [649]): «*это Іоаннъ, котораго я обезглавилъ; онъ воскресъ изъ мертвыхъ* и потому чудеса дѣлаются имъ» [650]). Неужели Іоаннъ опять такъ неожиданно возвратился къ жизни, чтобы начать свое мщеніе? Не подступитъ ли онъ къ сильнымъ башнямъ Махера во главѣ многочисленной толпы народа, готоваго возстать изъ за него въ отомщеніе убійцѣ? Или не будетъ ли въ полночь страшною поступью призрака бродить онъ по раззолоченнымъ покоямъ его роскошныхъ дворцовъ?...

Повелительный и буйный характеръ Иродіады былъ постояннымъ бичомъ для спокойствія ея мужа, а ея бѣшеное честолюбіе сдѣлалось впослѣдствіи прямою причиною его погибели. Когда императоръ Кай Калигула началъ осыпать милостями Ирода Агриппу I, Иродіада, мучимая завистью и недовольствомъ, понуждала Антипу ѣхать вмѣстѣ съ нею въ Римъ и добиться доли отличій, которыми надѣляемъ былъ ея братъ. Главнѣе всего ей хотѣлось, чтобы мужъ ея оффиціально получилъ титулъ царя [651]), вмѣсто того, чтобы довольствоваться скромнымъ титуломъ четвертовластника. Напрасно робкій и больше всего любившій комфортъ спокойной жизни Антипа указывалъ ей опасность, которую онъ могъ навлечь на себя такою просьбою. Своею неотвязчивостью она настолько отравляла ему жизнь, что онъ, вопреки своихъ болѣе вѣрныхъ соображеній, вынужденъ былъ уступить ей. Событія оправдали его самыя худшія предчувствія. Въ перепутанномъ родѣ Ирода не существовало любви между многочисленными дядями, племянниками и сводными братьями, и Агриппа, изъ политическихъ ли разсчетовъ, или изъ зависти, не только выступилъ противъ плана своей сестры и дяди (хотя они помогли ему во время его собственныхъ невзгодъ), но даже прямо послалъ своего отпущенника Фортуната въ Римъ съ обвиненіемъ Антипы въ измѣнническихъ замыслахъ. Четвертовластнику не удалось

очистить себя отъ обвиненія, и въ 39 году по Р. Х. онъ сосланъ былъ въ Лугдунумъ (Ліонъ) въ Галліи [652]). Иродіада, по собственной ли охотѣ, или по нуждѣ и отчаянію, сопровождала его въ ссылку, и здѣсь оба они умерли въ неизвѣстности и позорѣ. Саломія танцовщица—эта Лукреція Борджіа Иродова дома — отселѣ исчезаетъ изъ исторіи. Преданіе или легенда сообщаетъ о ней, что она скоро погибла насильственной смертью.



Хожденіе Христа по морю (съ манускрипта IX вѣка).

ГЛАВА XXIX.

НАСЫЩЕНІЕ ПЯТИ ТЫСЯЧЪ НАРОДА И ХОЖДЕНІЕ ПО МОРЮ.

Путь Твой на морѣ, и стезя Твоя въ водахъ великихъ, и слѣды Твои невѣдомы. Пс. LXXVI, 20.

ЧУДО насыщенія пяти тысячъ народа есть одно изъ немногихъ совершенныхъ Христомъ въ теченіе своего служенія чудесъ, о которыхъ повѣствуютъ всѣ четыре евангелиста [653]), и такъ какъ ев. Іоаннъ помѣщаетъ его послѣ безъименнаго праздника и какъ разъ передъ пасхой, а синоптики вслѣдъ за возвращеніемъ двѣнадцати апостоловъ и умерщвленіемъ Іоанна Крестителя, то мы едва ли ошибаемся, вводя его здѣсь въ наше повѣствованіе.

Недавнія путешествія апостоловъ, собственныя недавнія столкновенія Христа, ударъ отъ страшной только-что дошедшей вѣсти о судьбѣ Іоанна, постоянный наплывъ волнующейся толпы, поглощавшей у нихъ все время—еще разъ заставили священное общество искать отдыха и уединенія для возстановленія бодрости и силъ. «Пойдите вы одни, сказалъ Спаситель, въ пустынное мѣсто и отдохните немного».

У сѣверовосточнаго угла озера, немного подальше того мѣста, гдѣ впадаетъ въ него Іорданъ, была вторая Виѳсаида или «Рыбный домъ» [654]); подобно своей западной соименницѣ, она сначала была маленькимъ селеніемъ, но незадолго предъ тѣмъ Филиппъ, четвертовластникъ Итуреи, расширилъ и украсилъ ее, назвавъ для отличія Виѳсаидой Юліиной [655]). Прибавочное названіе было дано ей въ честь Юліи, прекрасной, но порочной дочери императора Августа. Эти полуязыческіе иродіанскіе города, съ своею подражательною греческой архитектурой и льстивыми римскими названіями, повидимому скорѣе отталкивали, чѣмъ привлекали Христа, и хотя большую часть своей дѣятельности Онъ совершалъ по сосѣдству съ большими городами, но мы не знаемъ ни объ одномъ городѣ, кромѣ Іерусалима, въ которомъ бы Онъ училъ когда-нибудь. Но къ югу отъ Виѳсаиды Юліиной находилась зеленая узкая равнина Эл-Батиха, которая вмѣстѣ съ тѣснящимися кругомъ нея горами была тогда такъ же необитаема, какъ и теперь. Туда-то направилось маленькое судно съ Христомъ и апостолами, утомленныя и отягченныя сердца которыхъ искали покоя. Но какъ ни тихъ былъ ихъ отъѣздъ, онъ не прошелъ незамѣченнымъ и скоро узнали о немъ [656]). Уединенный и пустынный берегъ, къ которому они направились, находился только въ десяти верстахъ по озеру отъ Капернаума. Лодка, задержанная очевидно неблагопріятнымъ вѣтромъ, медленно подвигалась впередъ неподалеку отъ берега, и когда она достигла своего назначенія, то оказалось, что цѣль, съ которой собственно они и направились сюда, была совершенно не достигнута. Нѣкоторые изъ народа опередили ихъ и толпились уже у пристани, когда лодка коснулась кремнистаго берега, а въ отдаленіи виднѣлась даже толпа пасхальныхъ паломниковъ, которые свернули съ своего прямаго пути, привлекаемые возрастающею славою невѣдомаго Пророка. Іисусъ тронутъ былъ состраданіемъ къ нимъ, потому что они были какъ овцы, не имѣющія пастыря. Изъ евангелія Іоанна можно заключать, что по выходѣ на берегъ Іисусъ и Его ученики взобрались на склонъ горы и тамъ поджидали, когда соберется весь народъ. Затѣмъ, сойдя къ народу, Онъ училъ его, проповѣдывалъ о царствіи небесномъ и исцѣлялъ больныхъ [657]).

День склонялся къ вечеру, и солнце уже начало укрываться за западными холмами [658]), а народъ все еще оставался здѣсь, очарованный этимъ исцѣляющимъ голосомъ и этимъ святымъ ученіемъ. Скоро долженъ былъ наступить вечеръ и послѣ короткихъ восточныхъ сумерокъ странствующая толпа народа, въ своей восторженности пренебрегавшая

даже существенными потребностями жизни, оказалась бы во мракѣ, голодная и вдали отъ всякаго человѣческаго обитанія. Ученики начали безпокоиться, чтобы день этотъ не закончился какой-нибудь печальной развязкой, которая дала бы новый поводъ къ нападкамъ со стороны уже ожесточенныхъ враговъ ихъ Учителя. Но Его собственное сострадание уже предупредило ихъ опасенія и Онъ самъ сообщилъ о затрудненіи Филиппу [659]). Произошло небольшое совѣщаніе. Для покупки даже по куску хлѣба для такой массы народа потребовалось бы по крайней мѣрѣ двѣсти динаріевъ (около пятидесяти рублей); но даже еслибы у нихъ и была такая сумма въ ихъ общей казнѣ, то всетаки теперь уже не было ни времени, ни возможности сдѣлать необходимыя закупки. Андрей упомянулъ при этомъ, что у одного мальчика тутъ было пять ячменныхъ хлѣбовъ и двѣ рыбки, но онъ сказалъ это тономъ отчаянія, показывавшимъ крайнюю безпомощность и той единственной мысли, которая пришла ему на умъ [660]).

Динарій Тиверія *).

«Велите имъ возлечь», спокойно отвѣтилъ Іисусъ.

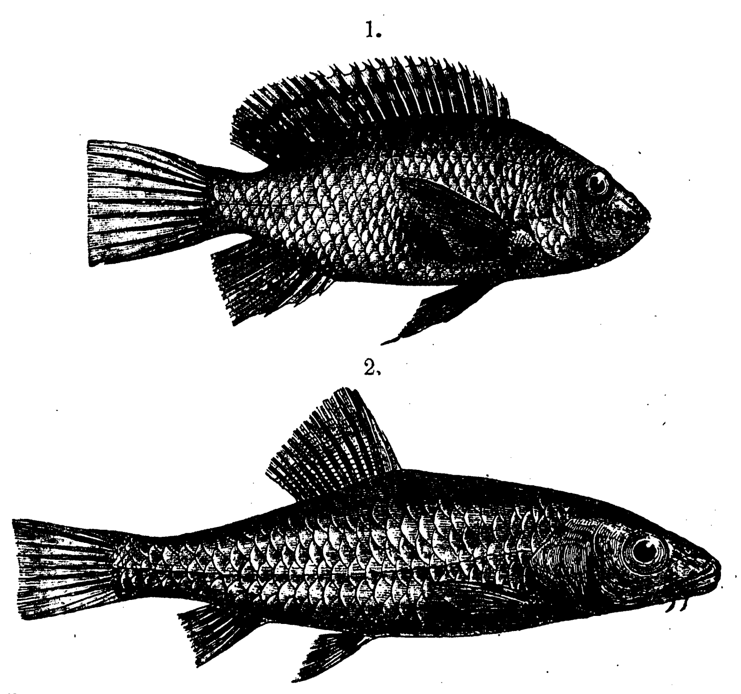
Удаляясь и ожидая чего-нибудь необычайнаго, апостолы велѣли народу расположиться какбы для ужина на богатой зелени, которая въ это пріятное весеннее время покрывала склоны холмовъ. Они разсадили

---

*) На динарій (по цѣнности соотвѣтствующій франку или русскому четвертаку), какъ самую ходячую *серебряную монету* римскихъ завоевателей и носящую изображеніе царствующаго государя, Спаситель указывалъ въ доказательство *гражданской* зависимости іудеевъ въ то время. Бюстъ на монетѣ изображаетъ Тиверія, голова котораго украшена діадемой и лавромъ. Въ чертахъ его можно уловить ту мрачную лукавую и подозрительную натуру, которая быть можетъ изображена Тацитомъ слишкомъ густыми красками. Надпись чрезвычайно выразительна и какъ разъ соотвѣтствуетъ тому нравоученію, которое Спаситель хотѣлъ внушить іудеямъ: TI CAESAR DIVI AVG F AVGVSTVS, т.-е. «Тиверій кесарь, сынъ покойнаго величества Августа (и самъ) Августъ». На оборотной сторонѣ PONTIF MAXIM, т.-е. Pontifex Maximus, одинъ изъ самыхъ любимыхъ титуловъ каждаго императора въ знакъ того, что онъ глава какъ государства, такъ и *религіи*. Величественная сидячая фигура, держащая въ своей поднятой правой рукѣ скипетръ, а въ лѣвой масличную вѣтвь, есть вѣроятно вдовствующая императрица Ливія, которая повидимому оказывала большое вліяніе въ ранніе годы царствованія своего сына. Такъ какъ Тиверій, вопреки обычаю своего предшественника и преемниковъ, выпускалъ динаріи только *одного* образца, то можно быть увѣреннымъ, что эта гравюра представляетъ совершенно такую же монету, которая принесена была при этомъ случаѣ Спасителю. Можно замѣтить, что итальянская *лира*, весьма близко по своей цѣнности соотвѣтствующая динарію, еще и теперь составляетъ поденную плату земледѣльцевъ-рабочихъ въ южной Италіи и Сициліи.

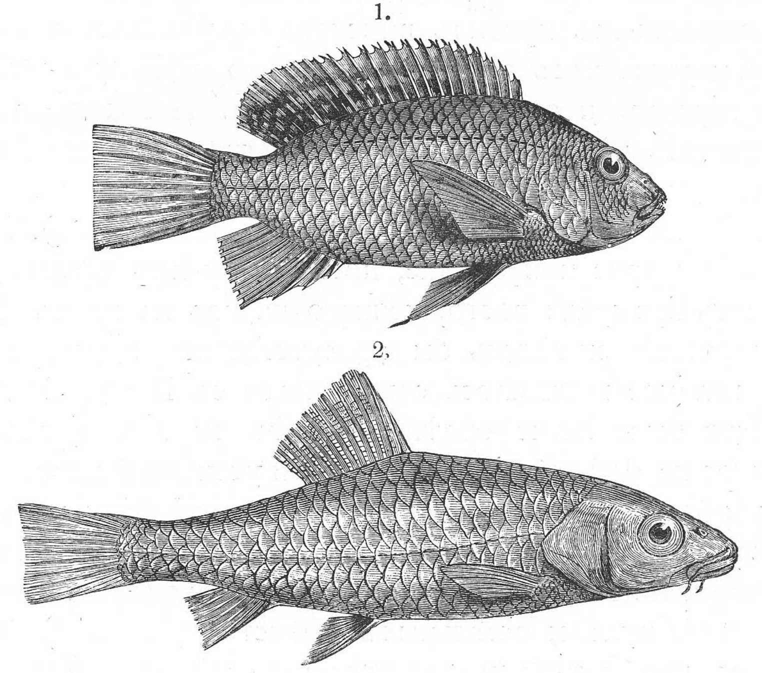
Динарій Тиверія *).

его рядами по сту и по пятидесяти, и когда народъ сидѣлъ правильными группами на травѣ, то яркіе красные, голубые и желтые цвѣта одеждъ, носимые даже послѣдними бѣднякам на востокѣ, напоминали въ воображеніи ап. Петра множество цвѣточныхъ грядъ въ какомъ-нибудь хорошо обработанномъ садѣ [661]). И затѣмъ, ставъ посреди своихъ гостей, радуясь дѣлу милосердія, совершить которое имѣлось въ виду, Іисусъ, поднявъ свои очи къ небу, возблагодарилъ [662]), благословилъ хлѣбы [663]), разломилъ ихъ на части и отдалъ ученикамъ своимъ, чтобы они роздали народу [664]); на всѣхъ также Онъ раздѣлилъ и двѣ рыбы.



Рыба въ озерѣ Галилейскомъ. 1. Chromis andrae. 2. Barbus beddomii.

Это былъ скромный, но достаточный, а для голодныхъ странниковъ даже восхитительный ужинъ. И когда всѣ насытились, то Іисусъ съ цѣлью не только показать своимъ ученикамъ, что̀ въ дѣйствительности совершилось, но и дать имъ также памятное наставленіе, что расточительность даже чудесной силы совершенно чужда божественному домостроительству, повелѣлъ имъ собрать оставшіеся куски, чтобы ничего не пропало. Благодаря правильному расположенію народа, видно было, что тутъ насыщено было около пяти тысячъ человѣкъ, не считая женъ и дѣтей [665]); и однако же послѣ всего этого было наполнено двѣнадцать корзинъ [666]) тѣмъ, что̀ осталось отъ нихъ несъѣденнымъ.



Рыба въ озерѣ Галилейскомъ. 1. Chromis andrae. 2. Barbus beddomii.

Чудо это произвело глубокое впечатлѣніе. Оно какъ разъ соотвѣтствовало ходячему ожиданію, и народъ началъ толковать между собой, что это несомнѣнно «тотъ пророкъ, которому должно прійти въ міръ»,—*Шилò* благословенія Іакова, звѣзда и скипетръ видѣнія Валаамова, пророкъ, подобный Моисею, которому должно повиноваться, можетъ быть Илія, обѣтованный предсмертнымъ завѣщаніемъ древняго пророчества [667]), можетъ быть Іеремія, который пришелъ открыть потаенное мѣсто нахожденія ковчега, Урима и священнаго огня... Іисусъ замѣтилъ эту нескрываемую восторженность, а также и опасность, что народный энтузіазмъ могъ перейти въ насиліе и ускорить Его смерть открытымъ возстаніемъ противъ римскаго правительства въ попыткѣ сдѣлать Его царемъ. Онъ видѣлъ также, что и Его ученики не чужды были этого мірскаго и опаснаго возбужденія. Необходимо было поэтому дѣйствовать рѣшительно. Пользуясь своею властью, Онъ заставилъ [668]) учениковъ сѣсть въ лодку и раньше Его отправиться за озеро по направленію къ Капернауму или западной Виѳсаидѣ [669]). Необходимо было даже нѣкоторое понужденіе, потому что имъ естественно не хотѣлось оставить Его среди восторженнаго народа на этомъ пустынномъ берегу и напротивъ хотѣлось бы присутствовать здѣсь, если только что-нибудь великое готовилось совершиться съ Нимъ. Съ другой стороны для Него было легче отдѣлаться отъ народа, когда послѣдній видѣлъ, что даже ближайшіе Его друзья и ученики были отосланы Имъ.

Такимъ образомъ при сгущающемся сумракѣ Ему удалось кротко и постепенно убѣдить народъ оставить Его [670]), и когда всѣ, кромѣ самыхъ восторженныхъ, разошлись по своимъ домамъ или караванамъ, Онъ вдругъ покинулъ и остальныхъ и быстро ушелъ [671]) отъ нихъ на вершину горы, чтобы тамъ помолиться наединѣ. Онъ чувствовалъ, что наступалъ страшный и торжественный переломъ въ Его жизни на землѣ и общеніемъ съ своимъ небеснымъ Отцомъ хотѣлъ укрѣпить свою душу для труднаго дѣла завтрашняго дня и тяжкихъ невзгодъ многихъ послѣдующихъ недѣль. И раньше Онъ провелъ въ горномъ безмолвіи ночь въ уединенной молитвѣ, но то было передъ избраніемъ своихъ возлюбленныхъ апостоловъ и передъ добрыми предзнаменованіями своего начальнаго и счастливаго служенія. Совершенно иными были чувства, съ которыми великій Первосвященникъ взбирался по скалистымъ уступамъ на этотъ величественный горный алтарь, который въ храмѣ ночи какбы ближе возносилъ Его къ звѣздамъ Божіимъ. Убіеніе Его возлюбленнаго предтечи больше приблизило Его къ сознанію мысль о

смерти; и Онъ нисколько не обманывался на счетъ короткаго блеска непрочной популярности, которая могла исчезнуть на слѣдующій же день. Буря, начинавшая завывать по горамъ, вѣтеръ, съ воемъ рвавшійся по ущельямъ, озеро, бушевавшее передъ Нимъ вспѣненными водами, лодка, которую, какъ видно было Ему при лунномъ свѣтѣ, пробивавшемся кое-гдѣ черезъ тучи, подбрасывало свирѣпыми волнами,—все это поразительно соотвѣтствовало измѣнявшимся надеждамъ Его жизни. Но тутъ, на пустынной вершинѣ горы, въ эту бурную ночь, Онъ могъ получить подкрѣпленіе, миръ и блаженство неизреченное, потому что тамъ Онъ былъ наединѣ съ Богомъ. И такимъ образомъ, надъ этой одиноко склонявшейся въ молитвѣ фигурой на горахъ и надъ тѣми, что боролись внизу съ разъяренной стихіей, спустилась ночная тьма и выли бурные вѣтры [672]).

Проходилъ часъ за часомъ. Наступала уже четвертая стража ночи [673]); лодка прошла еще только половину своего пути; было темно, противный вѣтеръ и бушующія волны затрудняли ученикамъ путь; они до изнеможенія работали на веслахъ [674]), а между тѣмъ теперь съ ними не было Того, кто могъ бы успокоить ихъ и спасти, потому что Іисусъ остался на берегу. Онъ былъ одинъ на сушѣ, а они колыхались на опасной стихіи; но Онъ все время видѣлъ и жалѣлъ ихъ. И вотъ наконецъ, находясь въ послѣдней крайности, они увидѣли какой-то блескъ во тьмѣ: какая-то страшная фигура съ развѣвающимися одеждами подвигалась къ нимъ, ступая по гребнямъ валовъ (Іов. IX, 8), но какъ будто намѣреваясь пройти мимо ихъ. При видѣ этого они въ ужасѣ вскрикнули, думая, что это призракъ [675]), блуждающій по волнамъ. Посреди бури и мрака имъ (все равно, какъ часто и намъ, когда среди бурь и невзгодъ жизни житейское море кажется такъ великимъ и наши ладьи такъ малыми) прозвучалъ божественный голосъ мира, который сказалъ: «Это Я — не бойтесь».

Голосъ этотъ успокоилъ ихъ страхи и они тотчасъ же хотѣли принять Его въ лодку [676]); но порывистая любовь Петра,—сильная пылкость того, который въ своемъ отчаявшемся самосознаніи кричалъ нѣкогда «отойди отъ меня»,—теперь не можетъ даже ждать Его приближенія и онъ одушевленно восклицаетъ: «Господи! если это Ты, повели мнѣ придти къ Тебѣ по водѣ».

«Иди!»

И Петръ бросился съ лодки въ кипящія волны. Когда взглядъ его былъ устремленъ на Господа, вѣтеръ могъ рвать его волосы и волны

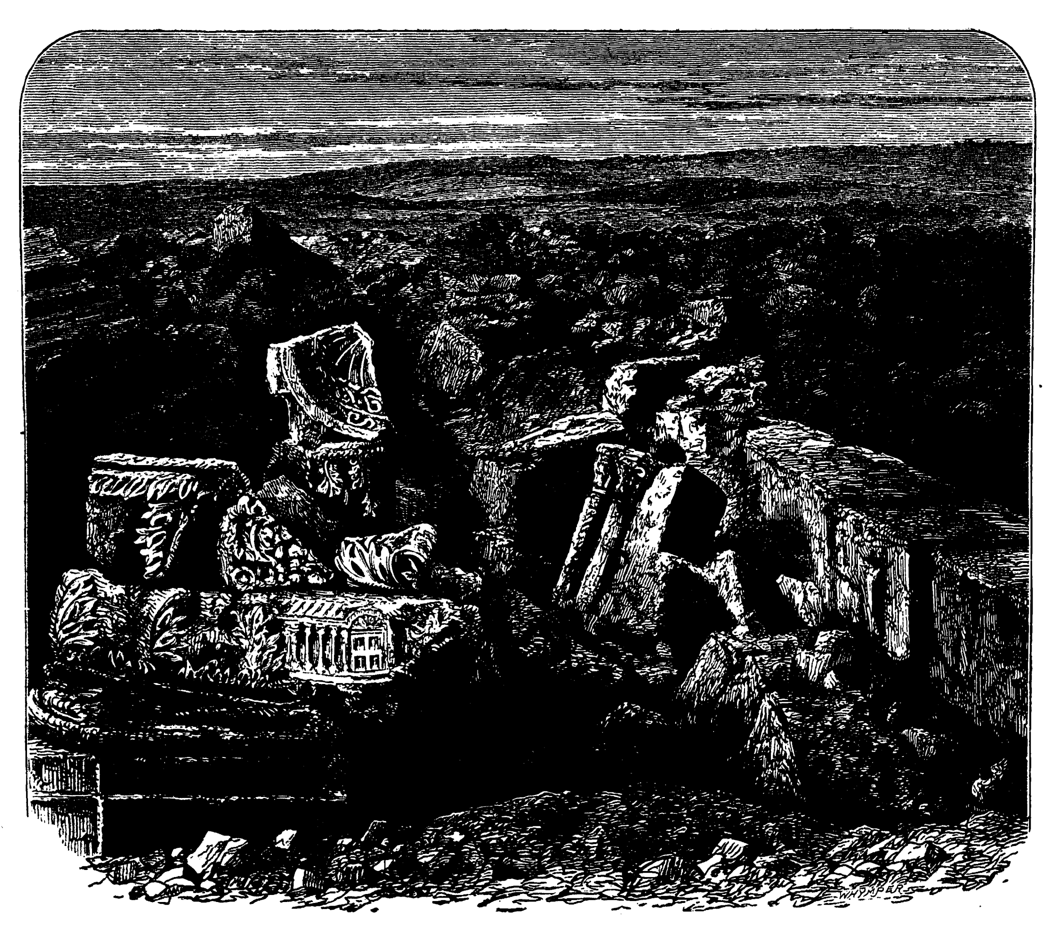
обрызгивать его одежды,—все было ни-почемъ: но когда, при заколебавшейся вѣрѣ, онъ глянулъ на яростныя волны и мрачную бездну подъ нимъ, то началъ тонуть [677]), и голосомъ отчаянія (уже совсѣмъ не похожимъ на его прежній увѣренный тонъ) онъ слабо вскрикнулъ: «Господи, спаси меня!» И Іисусъ не оставилъ его безъ помощи. Онъ тотчасъ же, съ улыбкой сожалѣнія, протянулъ ему руку и поддержалъ своего тонущаго ученика, съ кроткимъ упрекомъ: «Маловѣрный! зачѣмъ ты усумнился?» [678]). И затѣмъ, съ удовлетворенною любовью и наказанной самоувѣренностью, смущенный апостолъ вмѣстѣ съ своимъ Господомъ вошелъ въ лодку; вѣтеръ быстро затихъ и они скоро приблизились къ залитому луннымъ свѣтомъ берегу и прибыли въ пристань, гдѣ имъ слѣдовало быть; и всѣ — какъ ученики, такъ и лодочники — переполнялись все бо́льшимъ и большимъ удивленіемъ и нѣкоторые изъ нихъ, обращаясь къ Нему съ титуломъ, который раньше прилагалъ къ Нему только Наѳанаилъ, восклицали: «Истинно Ты Сынъ Божій!»

Остановимся нѣсколько подольше на этомъ чудесномъ повѣствованіи, быть можетъ между всѣми другими наиболѣе трудномъ для нашей слабой вѣры или нашего разумѣнія. Нѣкоторые пытались различными способами отнять у него чудесный характеръ и старались показать, что выраженіе Ἐπὶ τὴν θάλασσαν [679]) — «по морю», можетъ просто означать то, что Іисусъ шелъ вдоль берега параллельно съ лодкой, или даже—во тьмѣ апостолы думали сначала, что Онъ шелъ по морю. Но такія увертки праздны и излишни. Если кто находитъ себя неспособнымъ вѣрить въ чудеса и даже считаетъ ненужнымъ достигать самой вѣры, которая принимаетъ ихъ, то пусть онъ остается при своемъ собственномъ убѣжденіи и честно держится истины, какъ понимаетъ ее. Не намъ и не кому бы то ни было судить другаго: предъ самимъ Господомъ найдетъ Онъ судъ свой или оправданіе. Но пусть онъ и не пытается вносить такое невѣріе въ ясное повѣствованіе евангелистовъ. Что *они* имѣли въ *намѣреніи* описать изумительное чудо, это безспорно для всякаго, кто тщательно читаетъ ихъ слова; и если, какъ мы сказали уже раньше, вѣруя въ Бога, мы вѣруемъ въ божественное промышленіе о жизни людей, а вѣруя въ это божественное промышленіе, вѣримъ въ чудесное, принимаемъ за истину воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа, и вѣруя въ воскресеніе, вѣруемъ, что Онъ дѣйствительно есть Сынъ Божій—тогда, какбы ни глубоко мы сознавали красоту, непреоборимость и силу законовъ естественныхъ, мы еще глубже сознаемъ могущество того, Кто содержитъ эти законы и все, что создано ими,

въ длани руки своей; чудесное, при такомъ взглядѣ, станетъ для насъ никакъ не болѣе поразительнымъ, чѣмъ и естественное, и мы будемъ находить невозможною мысль, что Пославшій Сына своего на землю принять смерть ради насъ предоставилъ Ему и всякую власть на землѣ.

Поэтому если мы, подобно Петру, устремляемъ взоры наши на Спасителя, то также можемъ спокойно и торжественно ходить по вздымающимся волнамъ невѣрія и безстрашно среди бущующихъ вѣтровъ сомнѣнія; но если мы отвратимъ свои взоры отъ Того, въ котораго увѣровали, если мы (и это такъ бываетъ легко и мы такъ часто поддаемся искушенію къ тому) будемъ смотрѣть скорѣе на силу и ярость этихъ страшныхъ и разрушительныхъ стихій, чѣмъ на Того, который можетъ помочь и спасти, тогда конечно и мы неизбѣжно потонемъ. О, если мы все болѣе и болѣе чувствуемъ, что волны грозятъ потопить насъ, и бездна готова поглотить бросаемый корабль нашей церкви и вѣры, то да сподобимся и мы опять и опять слышать среди бури и мрака, среди зловѣщихъ голосовъ брани, эти два изъ благодатнѣйшихъ изреченій Спасителя:

«Не бойся, только вѣруй!»
«Это Я, не бойтесь!»



Развалины Телл-Хума.

ГЛАВА XXX.

БЕСѢДА ВЪ КАПЕРНАУМѢ.

Милость Его не ограничивается тѣлеснымъ
Бл. Августинъ.

ЗАРЯ этой ночи возвѣстила день, въ который совершилось одно изъ самыхъ печальныхъ событій въ жизни Спасителя. Въ этотъ именно день въ синагогѣ въ Капернаумѣ Онъ самъ намѣренно разсѣялъ мглу той летучей популярности, какая могла образоваться въ отношеніи Его личности и Его дѣла вслѣдствіе чудеснаго насыщенія толпы, и подвергъ не только своихъ праздныхъ слушателей, но даже и нѣкоторыхъ изъ своихъ ближайшихъ учениковъ испытанію, котораго не выдержала ихъ любовь къ Нему. Эта бесѣда въ синагогѣ составляетъ замѣтный поворотъ въ Его жизненномъ пути. Она сопровождалась выраженіями изумленнаго неудовольствія, бывшаго какбы первымъ роко-

Развалины Телл-Хума.

ГЛАВА XXX.

БЕСѢДА ВЪ КАПЕРНАУМѢ.

Милость Его не ограничивается тѣлеснымъ
Бл. Августинъ.

АРЯ этой ночи возвѣстила день, въ который совершилось одно изъ самыхъ печальныхъ событій въ жизни Спасителя. Въ этотъ именно день въ синагогѣ въ Капернаумѣ Онъ самъ намѣренно разсѣялъ мглу той летучей популярности, какая могла образоваться въ отношеніи Его личности и Его дѣла вслѣдствіе чудеснаго насыщенія толпы, и подвергъ не только своихъ праздныхъ слушателей, но даже и нѣкоторыхъ изъ своихъ ближайшихъ учениковъ испытанію, котораго не выдержала ихъ любовь къ Нему. Эта бесѣда въ синагогѣ составляетъ замѣтный поворотъ въ Его жизненномъ пути. Она сопровождалась выраже-

томъ той бури ненависти и гоненій, которая затѣмъ разразилась надъ Его головой.

Мы уже видѣли, что нѣкоторые изъ народа, побуждаемые пустою жаждою необычайности и ненасытнымъ любопытствомъ, оставались на равнинѣ у Виѳсаиды Юліиной, чтобы слѣдить за дѣйствіями Іисуса и принять непосредственное участіе въ томъ мессіанскомъ торжествѣ, наступленія котораго они немедленно ожидали. Они видѣли, какъ Онъ отпустилъ своихъ учениковъ, и быть можетъ слѣдили также за Нимъ, когда Онъ всходилъ на гору одинъ; они видѣли, что вѣтеръ былъ противный и что ни одна еще лодка, кромѣ лодки учениковъ, не отплывала отъ берега; поэтому они были увѣрены, что найдутъ Его одного гдѣ-нибудь на горахъ, высившихся надъ равниной. И однако же когда разсвѣтало, они не находили Его ни на равнинѣ, ни на холмахъ. Между тѣмъ нѣсколько лодокъ, быть можетъ пригнанныхъ черезъ озеро той же самой бурей, которая замедляла противоположное плаваніе учениковъ [680]), прибыло изъ Тиверіады. Они воспользовались ими, чтобы переправиться въ Капернаумъ; и тамъ, уже раннимъ утромъ, они нашли Его. Послѣ всѣхъ трудовъ и волненій вчерашняго дня, послѣ дня скорбныхъ извѣстій и непрестаннаго труда, послѣ ночи, проведенной въ бурномъ уединеніи и непрерывной молитвѣ, Онъ спокойно сидѣлъ и училъ въ синагогѣ [681]).

«Равви, когда Ты сюда пришелъ?»—съ естественнымъ удивленіемъ спрашивали они. Но на этотъ вопросъ не послѣдовало отвѣта. Чудо хожденія по водѣ было вызвано необходимостью и милосердіемъ; оно никоимъ образомъ не касалось и не предназначалось для нихъ; да и не совершеніемъ чудесъ только Христосъ хотѣлъ привязать ихъ къ себѣ или убѣждать ихъ къ вѣрѣ. Поэтому, ясно читая въ ихъ сердцахъ и зная, что они искали Его съ тою именно мыслью, которая была менѣе всего пріятна Ему, Онъ спокойно отдернулъ завѣсу быть можетъ полусознательнаго лицемѣрія, скрывавшую ихъ отъ самихъ себя, и упрекнулъ ихъ за то, что они искали Его тамъ съ цѣлью получить что-нибудь отъ Него,—«не потому, что видѣли чудеса, но потому, что ѣли хлѣбъ и насытились». Тотъ, кто никогда не отвергалъ вопля страдальца, никогда не отказывался отвѣчать на вопросы вѣрующаго, кто никогда бы не сломилъ трости колеблющейся и не потушилъ бы льна курящагося, - сразу отвергъ фальшивое словесное служеніе низкаго своекорыстія и грубаго любопытства. Но Онъ далъ имъ вѣчное наставленіе: «старайтесь не о пищѣ тлѣнной, но о пищѣ, пребывающей въ жизнь

вѣчную, которую дастъ вамъ Сынъ человѣческій; ибо на Немъ положилъ печать свою Отецъ Богъ».

Сначала они какъ будто были тронуты и устыдились. Онъ вѣрно прочиталъ помыслы ихъ сердецъ, и они спросили Его: «что намъ дѣлать, чтобы творить дѣла Божіи?»

«*Вотъ*, дѣло Божіе, чтобы вѣровали въ того, Кого Онъ послалъ». «Какое же Ты дашь *знаменіе*, чтобы мы увидѣли и повѣрили Тебѣ? Отцы наши ѣли манну въ пустынѣ, какъ написано: хлѣбъ съ неба далъ имъ ѣсть» (Пс. LXXVII, 24). Выводъ былъ очевиденъ. Моисей давалъ имъ манну съ неба. Іисусъ же доселѣ—намекали они—далъ имъ только ячменныхъ хлѣбовъ съ земли. Если же Онъ истинный Мессія, то не долженъ ли Онъ, согласно со всѣми сказаніями этого народа, надѣлить ихъ богатствомъ и славой, угощать ихъ гранатовыми яблоками изъ Едема и краснымъ виномъ изъ винограднаго точила, мясомъ бегемота и левіаѳана и великой птицы баръ-юхны [682])? Но не могъ ли самый псаломъ, приведенный ими, показать имъ, какъ было бы не только безполезно, но и хуже чѣмъ безполезно, еслибы Іисусъ далъ имъ манну, которую они по своему грубому буквоѣдству считали пищей ангеловъ? Не выразительно ли показываетъ Давидъ въ этомъ псалмѣ, что дать имъ такое благо значило бы заставить ихъ алчно просить еще, и что если Богъ давалъ ихъ отцамъ больше, то только потому, «что они не вѣровали въ Бога и не уповали на спасеніе Его», но когда еще «пища была въ устахъ ихъ, гнѣвъ Божій пришелъ на нихъ, убилъ тучныхъ изъ нихъ, и юношей израилевыхъ низложилъ». И не показываетъ ли Давидъ, что, несмотря на удовлетвореніе до полноты похотей сердецъ ихъ, они и раньше и послѣ этого не только не вѣровали и не смирялись, но грѣшили все больше и больше противъ Бога и раздражили Его опять и опять? Не доказывала ли рѣшительно вся прошлая исторія этого народа, что вѣра должна корениться въ болѣе глубокихъ основахъ, чѣмъ знаменія и чудеса, и что злое сердце невѣра должно быть тронуто болѣе благородными чувствованіями, чѣмъ удивленіемъ дѣламъ всемогущей руки?

Но Іисусъ сразу повелъ ихъ въ болѣе возвышенную область, чѣмъ убѣжденіе чрезъ исторію. Онъ говоритъ имъ, что манну давалъ имъ съ неба не Моисей, а Богъ, и что манна только въ иносказательномъ смыслѣ была хлѣбомъ съ небесъ, а Отецъ Его даетъ имъ теперь истинный хлѣбъ съ небесъ, именно хлѣбъ Божій, который сходитъ съ небесъ и даетъ жизнь міру [683]).

Умы ихъ все еще плѣнялись простыми матеріальными образами, надежды ихъ еще гнались за простыми матеріальными благами, и они просятъ этого хлѣба съ небесъ съ такимъ же рвеніемъ, съ какимъ самарянка просила воды, утоляющей всякую жажду. «Господи! подавай намъ всегда такой хлѣбъ!»

Іисусъ же сказалъ имъ: «Я есмь хлѣбъ жизни; приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать, и вѣрующій въ Меня не будетъ жаждать никогда»; и затѣмъ Онъ сталъ выяснять имъ, что Онъ пришелъ творить волю Отца, воля же Его есть та, чтобы всякій вѣрующій въ Его Сына имѣлъ жизнь вѣчную.

Тогда опять послышался гнѣвный ропотъ, на этотъ разъ уже не отъ невѣжественнаго народа, но отъ старыхъ Его противниковъ, вождей іудейскихъ [684]): «Какъ говоритъ Онъ: Я сшелъ съ небесъ? Какъ можетъ Онъ говорить: Я есмь хлѣбъ, сшедшій съ небесъ? Не Іисусъ ли это, сынъ Іосифовъ, котораго отца и мать мы знаемъ?»

Іисусъ никогда не отвѣчалъ на подобные негодующіе возгласы касательно своего происхожденія и не открывалъ грубымъ толпамъ великой тайны своего земнаго рожденія. Онъ не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ съ Богомъ. Онъ не спѣшилъ заявлять о своей божественности или требовать должнаго ей почтенія. Онъ только постепенно открывалъ людямъ свѣтъ своей божественной природы, не сразу во всемъ его полуденномъ блескѣ, но тихо какъ утренній свѣтъ, постепенно разгоравшійся въ Его ученіи и дѣлахъ. Въ полнѣйшемъ и глубочайшемъ смыслѣ «*Онъ уничижилъ Себя Самого*» [685]).

Но Онъ отвѣчалъ ропщущимъ, какъ и всегда, болѣе сильнымъ, болѣе полнымъ и яснымъ провозглашеніемъ той именно истины, которую они отвергали. Такъ Онъ поступилъ съ Никодимомъ, такъ же поучалъ женщину самарянку и такъ же отвѣчалъ старѣйшинамъ храма, привлекшимъ Его къ отвѣтственности за нарушеніе субботы. Но робкій раввинъ и заблуждающаяся женщина были достаточно вѣрующими и серьезными, чтобы глубже проникать въ Его слова и смиренно добиваться ихъ значенія, и такимъ образомъ подойти къ истинѣ. Иное дѣло эти слушатели. Богъ привлекъ ихъ ко Христу, а они отвергли это милостивое благодѣяніе, безъ котораго сами они не могли бы придти. Когда Іисусъ напомнилъ имъ, что манна не была жизненною пищей, такъ какъ отцы ихъ ѣли ее и умерли, но что Онъ самъ есть хлѣбъ жизни, ядущіе который будутъ жить во вѣкъ, и когда еще болѣе поразительнымъ языкомъ прибавилъ, что этотъ хлѣбъ есть *Его плоть*,

которую Онъ намѣревался отдать за жизнь міра, то вмѣсто того, чтобы искать истиннаго значенія этого иносказанія, они сдѣлали его предметомъ простаго буквальнаго критицизма и только спорили между собой [686]) изъ-за празднаго вопроса: «какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть плоть свою?»

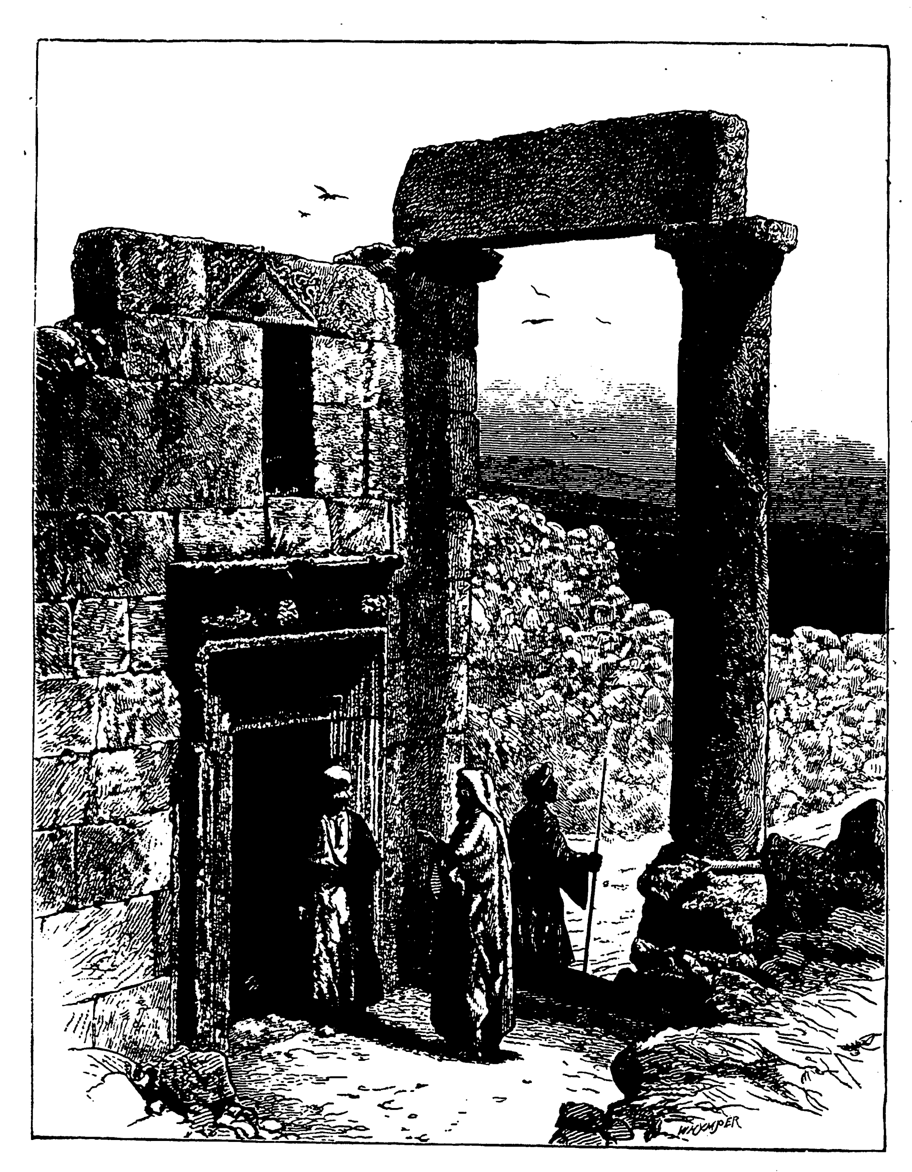
Настолько плотяны были ихъ души, а плотская душа — смертная. Они не искали истины, и она все болѣе и болѣе отнималась отъ нихъ. Они не имѣли ничего, и поэтому у нихъ отнималось даже и то, что имѣлось у нихъ. Языкомъ еще болѣе возвышеннымъ, въ образахъ еще болѣе поразительныхъ по своей необычайности, Іисусъ говорилъ имъ: «если не будете ѣсть плоти Сына человѣческаго, и пить крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни» [687]); и затѣмъ, еще болѣе усиливая и расширяя эти великія истины, Онъ сказалъ: «ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ».

Нѣтъ сомнѣнія, слова эти были трудны, и для тѣхъ, которые приходили съ упорнымъ и лживымъ духомъ, оскорбительны; нѣтъ сомнѣнія также, что страданіе и смерть Христа Спасителя и тайна того святаго таинства, въ которомъ мы духовно ѣдимъ Его плоть и пьемъ Его кровь дали намъ возможность яснѣе понимать ихъ смыслъ; однако же въ словахъ, которыя Онъ употреблялъ, заключалось достаточно и болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы оттѣнить всякому внимательному слушателю великую истину, уже извѣстную изъ закона, что «не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ», и дальнѣйшую истину, что вѣчная жизнь, жизнь души находится въ глубочайшемъ и тѣснѣйшемъ изъ всѣхъ возможныхъ общеній съ жизнью и ученіемъ Того, который говорилъ. Нужно помнить при этомъ, что если тайная-вечеря пролила для насъ болѣе ясный свѣтъ на смыслъ этой бесѣды, то съ другой стороны иносказанія, употребленныя Іисусомъ, не имѣли для образованнаго іудея и сотой доли той странности, какую они имѣютъ для насъ. Іудейская литература была вполнѣ знакома съ символизмомъ, который подъ «яденіемъ» представлялъ полное принятіе или воплощеніе истины и подъ «хлѣбомъ» — духовное ученіе. Даже простой картинный геній еврейскаго языка давалъ ключъ къ правильному толкованію этихъ оборотовъ. Тѣ, кто слушали Христа въ синагогѣ капернаумской, должны были почти невольно вспоминать подобныя же выраженія ихъ собственныхъ пророковъ; и такъ какъ бесѣда эта была завѣдомо иносказательною, такъ какъ Іисусъ выразительно отвергъ всѣ чувственныя бредни іудейства, то вполнѣ ясно, что непониманіе Его ученія зависѣло съ ихъ стороны главнымъ обра-

зомъ не отъ разума, а отъ воли. Изреченіе Его было трудно, какъ замѣчаетъ блаженный Августинъ, только для жестокихъ сердцемъ, и невѣроятно только для невѣрующихъ. Если хлѣбъ есть образъ всякаго *земнаго* питанія, то «хлѣбъ съ небесъ» можетъ вполнѣ выражать всякое *духовное* питаніе, все, что питаетъ и поддерживаетъ жизнь вѣчную. То же, чему Онъ хотѣлъ научить ихъ теперь, была истина, что жизнь вѣчная заключается въ Сынѣ Божіемъ. Поэтому тѣ, которые бы хотѣли имѣть жизнь вѣчную, должны пользоваться этимъ хлѣбомъ съ небесъ, или, употребляя другой и болѣе выразительный образъ, должны ѣсть плоть и пить кровь Сына человѣческаго [688]). Они должны *питаться Имъ по вѣрѣ въ сердцахъ своихъ*. Они могли принять или отвергнуть истину, которую Онъ открывалъ ихъ совѣсти, но тутъ не могло быть мѣста для какого бы то ни было извиненія мнимой неспособностью понять ея смыслъ.

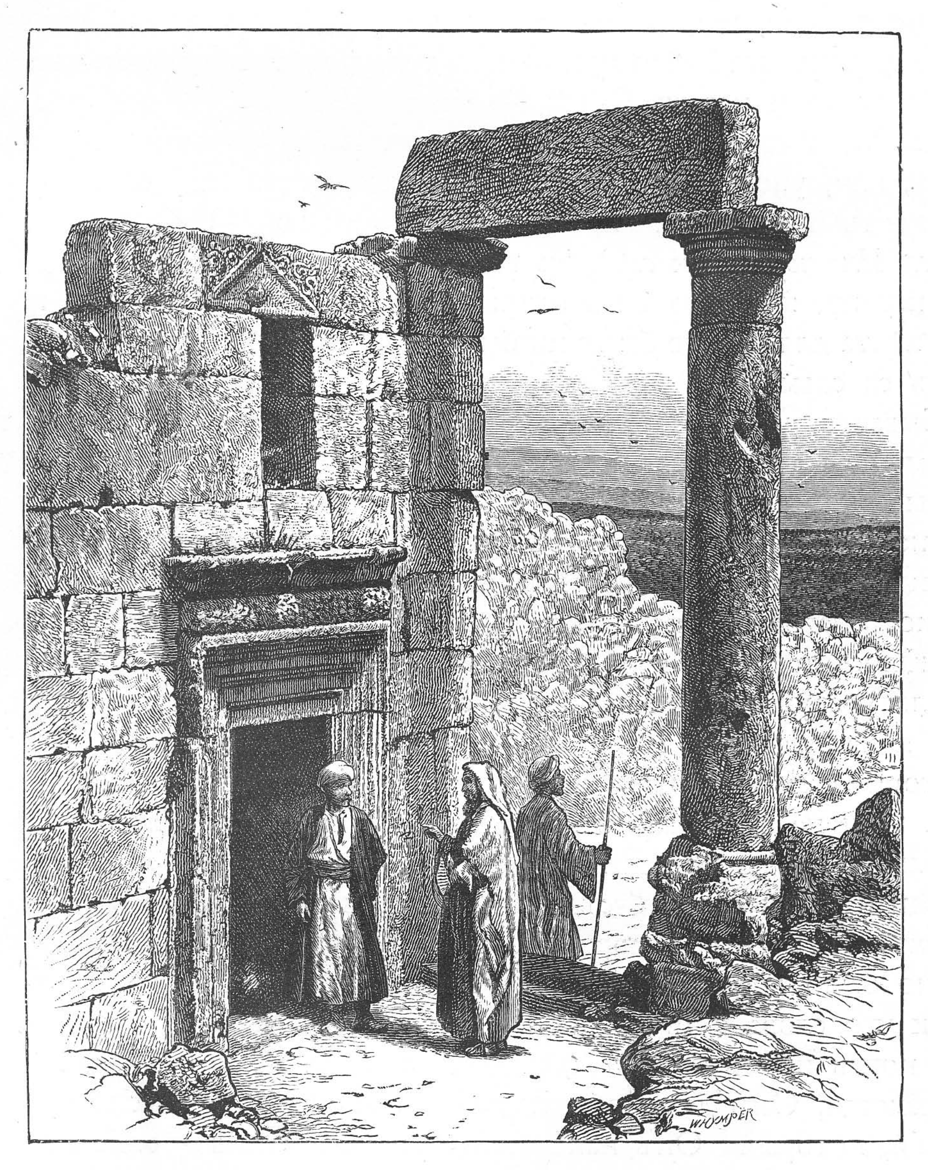
Бываетъ ученіе, ближайшею цѣлью котораго служитъ не только наставленіе, но и испытаніе. Такова же была цѣль и этой достопамятной бесѣды. Чтобы правильно понять ее, требовалось усиліе не только разума, но и воли. Ею имѣлось въ виду положить конецъ простымъ себялюбивымъ надеждамъ того «сборища навязчивыхъ хиліастовъ», кощунственное благочестіе которыхъ было лишь покровомъ суеты міра сего; ею имѣлось также въ виду предложить представителямъ іудейства ученіе, для уразумѣнія котораго они слишкомъ преисполнены были ненависти и матеріализма. Но ея испытующая сила шла еще глубже. Даже нѣкоторые изъ учениковъ нашли это ученіе отталкивающимъ и страннымъ. Они не высказали этого открыто, но Іисусъ замѣтилъ ихъ неудовольствіе и по оставленіи синагоги говорилъ имъ, въ третьей и послѣдней части своей бесѣды [689]), болѣе мягко и менѣе образно, чѣмъ другимъ. Имъ Онъ говорилъ о томъ будущемъ вознесеніи, которое должно было доказать имъ, что Онъ дѣйствительно пришелъ съ небесъ и что слова о Его плоти, которую Онъ возьметъ съ собою на небо, могли имѣть только образное значеніе. Изъ состраданія же къ ихъ немощи, Онъ даже объяснилъ имъ значеніе тѣхъ сильныхъ иносказаній, которыми Онъ намѣренно прикрывалъ свое ученіе отъ любопытныхъ взоровъ себялюбія и назрѣвшей злобы противниковъ. Въ одномъ изреченіи, несомнѣнно составляющемъ заключительную ноту всего предъидущаго и явно обнаруживающемъ вздорность тѣхъ лжетаинственныхъ и до невозможности натянутыхъ толкованій, которыми было затемняемо простое значеніе этой бесѣды, Онъ сказалъ:

«Духъ животворитъ, плоть не пользуетъ ни мало. *Слова, которыя говорю* [690]) *Я вамъ, суть духъ и жизнь*». Почему же они находили Его слова такъ трудными? Онъ говоритъ имъ: потому что нѣкоторые изъ



Развалины іудейской синагоги.

нихъ не вѣровали, потому что, какъ Онъ уже говорилъ іудеямъ, духъ вѣры есть даръ и особая благодать Божія, а этотъ-то даръ и отвергали ропщущіе, противъ этой-то благодати и боролись они теперь [691]).



Развалины іудейской синагоги.

И съ этого времени многіе изъ нихъ оставили Его, — многіе изъ тѣхъ, которые дотолѣ искали Его и были уже недалеко отъ царства небеснаго. Даже среди народной толпы съ этихъ поръ Онъ долженъ былъ чувствовать себя болѣе одинокимъ, потому что меньше становилось тѣхъ, которые признавали и любили Его. Съ глубокимъ сердечнымъ прискорбіемъ Онъ обратился и къ двѣнадцати апостоламъ съ

Призваніе апостоловъ *).

трогательнымъ вопросомъ: «не хотите ли и вы отойти?» Пылкое сердце Симона Петра быстро отвѣтило за всѣхъ. Онъ по крайней мѣрѣ пра-

*) Изображеніе это (нѣсколько уменьшенное въ объемѣ противъ оригинала) представляетъ собою иллюстрацію одного манускрипта (Парижская Національная Библіотека № 510), относящагося къ IX вѣку, твореній св. Григорія Назіанзина. На немъ видны три отдѣльныхъ группы: во-первыхъ, налѣво Спаситель стоитъ на берегу озера и благословляетъ ап. Петра, стоящаго на носу лодки; позади него его братъ ап. Андрей вытаскиваетъ сѣть; внизу апп. Іоаннъ и Іаковъ стремятся пристать и выйти изъ своей лодки на берегъ. Спаситель держитъ свитокъ въ знакъ того, что Онъ Богъ-слово и одѣтъ по обыкновенію въ фіолетовую одежду; одежда ап. Петра темнокраснаго, и ап. Андрея блѣднозеленаго цвѣта. Апп. Іаковъ и Іоаннъ въ сорочкахъ—первый въ зеленоватороэовой, а послѣдній въ желтой. Надъ головами ихъ всѣхъ значатся имена ихъ. Въ срединѣ картины Спаситель, сопровождаемый тремя апостолами, повелѣваетъ Закхею сойти съ дерева, на сучьяхъ котораго онъ сидѣлъ. Направо у полукругообразной стѣны сидитъ Матѳей и отчасти закрываетъ руками монеты, кучей лежащія на столѣ, обращаясь въ то же время съ испуганнымъ вниманіемъ къ Спасителю, который призываетъ его сзади на апостольство.

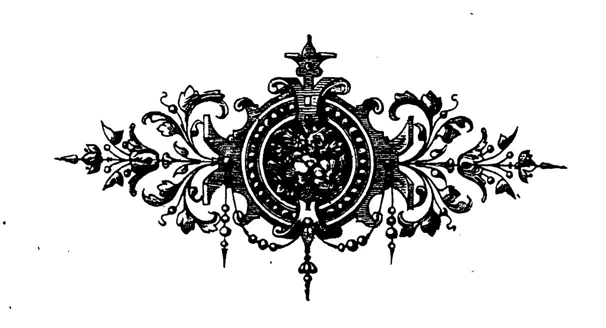
вильно понялъ эту необычайную бесѣду, которою столь многіе смущались. «Господи, воскликнулъ онъ, къ кому намъ идти? **Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни**. И мы увѣровали и познали, что Ты Святый Божій» [692]).

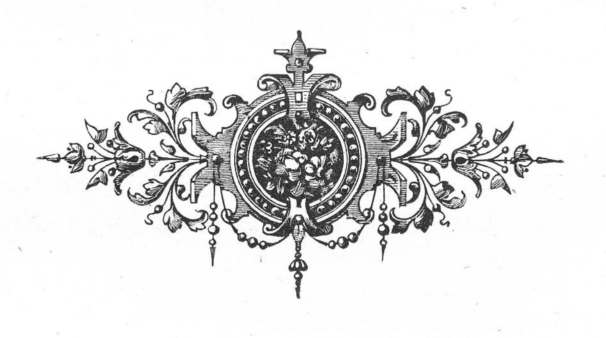
Это было возвышенное исповѣданіе, но въ этотъ горькій моментъ сердце Іисуса было подавлено скорбью, и Онъ отвѣтилъ только:

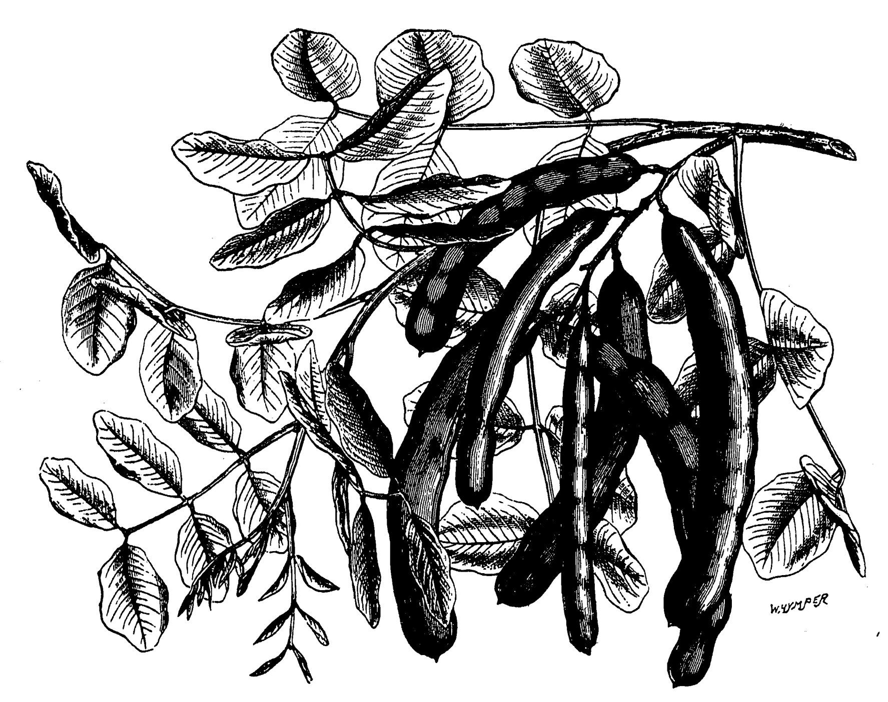
«Не двѣнадцать ли васъ избралъ Я? но одинъ изъ васъ діаволъ» [693]).

Изреченіе это было страшно сильнымъ и отсутствіе всякихъ параллельныхъ мѣстъ дѣлаетъ труднымъ для насъ понять его точный смыслъ. Хотя впослѣдствіи стало извѣстнымъ, что упрекъ этотъ относился къ Іудѣ, однако же сомнительно, чтобы въ моментъ его произнесенія кто-нибудь разумѣлъ это, кромѣ самого предателя.

Многіе ложные и полуискренніе послѣдователи оставили Его: не имѣлось ли въ виду этими словами доставить еще одинъ благопріятный случай жесткой и нечистой душѣ Искаріота, такъ чтобы, прежде чѣмъ еще глубже и безвозвратно погрузиться въ свой тяжкій грѣхъ, *онъ* могъ также оставить Его? Если такъ, то предостереженіе было отвергнуто. Дѣлая смертный грѣхъ противъ своей собственной совѣсти, Іуда остался — для того, чтобы приготовить себѣ самому гнѣвъ «ко дню гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія».





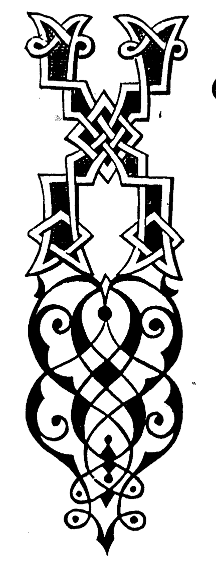


Рожки. Плоды рожковаго дерева.

ГЛАВА XXXI.

НАЧАЛО ПРОТИВОДѢЙСТВІЯ.

Праведныхъ любитъ и грѣшныхъ милуетъ.



ОТЯ только-что изложенная бесѣда составила замѣтный періодъ въ служеніи Спасителя и хотя съ этого времени гуще и гуще собираются тучи надъ Нимъ, однако же нельзя думать, что это былъ первый случай, даже въ Галилеѣ, когда открыто выразилась вражда противъ Его личности и ученія.

1. Первые слѣды сомнѣнія и неудовольствія стали замѣчаться, когда Онъ при различныхъ случаяхъ употреблялъ выраженіе «прощаются тебѣ грѣхи твои». Съ такими словами Онъ обращался къ грѣшницѣ и разслабленному. Въ обоихъ случаяхъ выраженіе это возбудило изумленіе и ропотъ, и въ домѣ Симона, гдѣ ропотъ не проявился открыто и гдѣ не было совершено чуда, Іисусъ кротко замѣнилъ его другимъ выраженіемъ (Лук. VII, 48—50). Не такъ было при исцѣленіи разслабленнаго; тутъ поднялся открытый ропотъ между

Рожки. Плоды рожковаго дерева.

ГЛАВА XXXI.

НАЧАЛО ПРОТИВОДѢЙСТВІЯ.

Праведныхъ любитъ и грѣшныхъ милуетъ

ОТЯ только-что изложенная бесѣда составила замѣ періодъ въ служеніи Спасителя и хотя съ этого вре гуще и гуще собираются тучи надъ Нимъ, однако же н думать, что это былъ первый случай, даже въ Гал когда открыто выразилась вражда противъ Его личн и ученія.

1. Первые слѣды сомнѣнія и неудовольствія стал мѣчаться, когда Онъ при различныхъ случаяхъ упо лялъ выраженіе «прощаются тебѣ грѣхи твои». Съ та словами Онъ обращался къ грѣшницѣ и разслаблен Въ обоихъ случаяхъ выраженіе это возбудило изум и ропотъ, и въ домѣ Симона, гдѣ ропотъ не проя открыто и гдѣ не было совершено чуда, Іисусъ кр

книжниками и фарисеями, и Іисусъ, отчасти открывая свое истинное величіе, своею силою совершать чудеса доказалъ и свое право прощать грѣхи [694]). Аргументація эта была неотразимая, потому что не только господствующее убѣжденіе всегда связывало болѣзнь съ дѣйствительнымъ грѣхомъ, но также и вообще признавалось, даже раввинами, «что никакой человѣкъ не можетъ быть исцѣленъ, пока не простятся ему всѣ грѣхи его» [695]). Поэтому было совершенно согласно съ ихъ собственнымъ понятіемъ, что Онъ, исцѣляя своею собственною властью болѣзни, могъ также своею собственною властью провозглашать прощеніе грѣховъ. Правда, они едва ли могли понять, чтобы исцѣленіе или прощеніе могло совершаться такимъ неправильнымъ путемъ, безъ обрядовыхъ жертвоприношеній и безъ всякаго участія священниковъ [696]). Но какъ ни непріятно все это было ихъ привыкшей къ обрядности душѣ, все-таки безспорнымъ оставался фактъ, что исцѣленія дѣйствительно могли быть засвидѣтельствованы сотнями живыхъ свидѣтелей. Ясно было потому, что на такой почвѣ врагамъ совсѣмъ нельзя было удержаться, и они молча оставили ее. Настаивать на томъ, что въ его выраженіяхъ заключалось «богохульство», значило бы только способствовать еще большему обнаруженію того, что въ Его дѣлахъ было чудо.

2. Не настаивали они также и на обвиненіи, дошедшемъ до насъ только въ намекѣ самого Спасителя, что Онъ «любитъ ѣсть и пить вино» (Матѳ. xi, 19). Обвиненіе это слишкомъ било своею лживостью и злобностью, чтобы могло возбудить какое-нибудь предубѣжденіе противъ Того, который хотя и не усвоилъ суроваго аскетизма Іоанна Крестителя, однако же велъ до крайности простую жизнь; принимая же приглашенія на пиршества, Онъ дѣлалъ лишь то, что дѣлалось и самыми строгими фарисеями, такъ какъ на нихъ онъ имѣлъ постоянно новые благопріятные случаи для ученія и добрыхъ дѣлъ. Клевета эта въ дѣйствительности пала, когда Онъ показалъ, что люди этого рода были подобны угрюмымъ и желчнымъ дѣтямъ, которыхъ ничѣмъ нельзя удовлетворить; обвиняя Іисуса въ неумѣренности за то, что Онъ не избѣгалъ невинныхъ празднествъ, они въ то же время обвиняли и Іоанна Крестителя въ бѣсовскомъ одержаніи за то, что Онъ сурово обличалъ пороки общества.

3. Не настаивали они также и на обвиненіи Его въ томъ, что Онъ не постился (Матѳ. xi, 16, 17). Высказывая это обвиненіе, они надѣялись на сильную поддержку со стороны учениковъ Іоанна; но когда послѣдніе убѣдились изъ словъ ихъ собственнаго пророка, какъ пуста и

неосновательна была ихъ жалоба, фарисеи увидѣли, что безполезно было основывать обвиненіе на пренебреженіи тѣмъ, что не только не признается въ Моисеевомъ законѣ [697]), но даже и не поощрялось нѣкоторыми изъ ихъ собственныхъ знаменитѣйшихъ и мудрѣйшихъ учителей [698]). Что Іисусъ не требовалъ пощенія отъ своихъ учениковъ, это нисколько не могло охлаждать народнаго сочувствія къ Нему и не могло быть поставлено Ему въ укоръ даже предъ синагогой и синедріономъ.

4. Болѣе глубокой и тяжкой обидой, возбудившей гораздо болѣе ожесточенную вражду, было то, что Христосъ избралъ апостоломъ Матѳея и вообще намѣренно терпѣлъ, почти можно сказать даже — предпочиталъ общество мытарей и грѣшниковъ (Матѳ. IX, 11; XI, 19; Лук. V, 30; VII, 34; XIX, 7). Между іудеями того времени различіе въ религіозной жизни было почти равносильно раздѣленію на касты. Даже такой великій авторитетъ, какъ Гиллель, говорилъ, что «никакой невѣжественный человѣкъ не можетъ спасти самого себя отъ грѣха и никакой *человѣкъ изъ народа* не можетъ быть благочестивымъ» [699]). Строгонабожный іудей чернь своего народа, «не знавшую закона», считалъ какбы проклятой, и подобно тому, какъ каждый іудей, считавшій себя членомъ царственнаго племени и избраннаго народа, смотрѣлъ на языческій міръ съ презрѣніемъ надменной исключительности, основывавшейся на тысячелѣтнихъ привычкахъ, такъ и наиболѣе строгій по отношенію къ закону классъ въ народѣ смотрѣлъ на своихъ болѣе безпечныхъ и погрѣшающихъ противъ закона братьевъ лишь немного лучше, чѣмъ на язычниковъ [700]). Но вотъ явился человѣкъ, который свободно и дружелюбно вращался, вращался безъ малѣйшей надменности или презрѣнія среди отвратительныхъ мытарей и вопіющихъ грѣшниковъ. Мало того, Онъ даже терпѣлъ, чтобы женщины въ родѣ той, изъ которой вышло семь бѣсовъ, сопровождали Его во время путешествій, и блудницы омывали Ему ноги слезами! Какъ это непохоже на взгляды фарисеевъ, видѣвшихъ оскверненіе даже въ простомъ прикосновеніи тѣхъ, которые сами только соприкасались съ простымъ народомъ, и постановившихъ строгое правило, чтобы никто не принималъ къ себѣ въ домъ гостя, если только въ немъ подозрѣвался грѣшникъ [701]).

Еще въ началѣ своего служенія Іисусъ съ божественною и кроткой ироніей отвѣтилъ на это обвиненіе ссылкою на свое любимое мѣсто въ писаніи, на глубокое изреченіе пророка Осіи: «милости хочу, а не жертвы», для уразумѣнія смысла котораго Онъ повелѣвалъ имъ «идти и учиться». Потомъ Онъ укорялъ ихъ въ безсердечіи и само-

довольствѣ пословицей: «не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные». Возраженія однако же не прекратились. Уже въ послѣдніе дни Его жизни, когда Онъ направлялся въ Іерусалимъ, эти неустанные враги опять подняли гнѣвный и презрительный ропотъ: «Онъ принимаетъ грѣшниковъ и ѣстъ съ ними» [702]), и тогда-то Онъ отвѣчалъ имъ и оправдывалъ свои поступки, яснѣе и блистательнѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, раскрылъ имъ цѣль любви Божіей къ кающимся грѣшникамъ — въ трехъ пространнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ притчахъ — о потерянной овцѣ, потерянной драхмѣ и главнымъ образомъ въ притчѣ о блудномъ сынѣ. Заимствованныя изъ простѣйшихъ опытовъ обыденной жизни, притчи эти, особенно послѣдняя, выяснили, и выяснили навсегда, съ возрастающею силою нѣжности, глубочайшія тайны божественнаго милосердія, по которому бываетъ радость на небѣ и объ одномъ грѣшникѣ кающемся [703]). Гдѣ, во всей области человѣческой литературы, духовной или свѣтской, можно найти что-нибудь, подобное столь изящной, блистательной и исполненной безконечной нѣжности, столь вѣрной картинѣ, изображающей слѣдствія грѣха и въ то же время столь милосердную надежду, подаваемую исправленію и покаянію, чѣмъ въ этомъ маленькомъ разсказѣ? Какъ ярко освѣщены въ немъ утѣшенія религіи и страданія жизни! Всякій грѣхъ и наказаніе, всякое покаяніе и прощеніе находятъ лучшее изображеніе въ этихъ немногихъ словахъ. Коренныя различія въ характерѣ и склонностяхъ, подѣляющія людей на различные классы; ложная независимость безпокойной свободной воли; предпочтеніе удовольствій настоящаго всѣмъ надеждамъ будущаго; удаленіе отъ той чистой и мирной области, которою несомнѣнно является нашъ родной домъ, чтобы вдали всецѣло отдаться низкимъ страстямъ безумныхъ наслажденій, истощающихъ и губящихъ лучшія радости жизни; кратковременность этихъ дикихъ порывовъ запретныхъ удовольствій; снѣдающій голодъ, палящая жажда, безпомощное рабство, несказанное униженіе, безутѣшная тоска, неизбѣжно слѣдующая за ними,—гдѣ эти постоянно повторяющіеся опыты грѣха и скорби нарисованы (хотя они здѣсь нарисованы только нѣсколькими чертами) болѣе нѣжной и правдивой кистью, чѣмъ въ картинѣ этого неразумнаго юноши, который преждевременно требуетъ своей доли изъ имѣнія отца, уѣзжаетъ въ отдаленную страну, истощаетъ свои средства мотовствомъ и распутствомъ, терпитъ нужду и голодъ, вынуждается подчиниться жалкой и грязной долѣ свинопаса и радъ бы уже наполнить желудокъ свой рожками, которыми питались свиньи, но

и ихъ никто не давалъ ему [724]). И затѣмъ, прійдя въ себя, онъ вспоминаетъ о довольствѣ даже послѣднихъ рабочихъ въ домѣ отца своего, возвращается домой, и его чистосердечное признаніе, смиренная, сокрушенная и отчаянная жалоба вмѣстѣ съ несравненною заключительною сценой у милліоновъ сердецъ вызывали покаяніе и слезы:

«Онъ всталъ и пошелъ къ отцу своему, и когда онъ былъ еще далеко, увидѣлъ его отецъ его, и сжалился; и побѣжалъ, палъ ему на шею, и цѣловалъ его. Сынъ же сказалъ ему: отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою, и уже недостоинъ называться сыномъ твоимъ. А отецъ сказалъ рабамъ своимъ: принесите лучшую одежду, и одѣньте его, и дайте перстень на руки его, и обувь на ноги. И приведите откормленнаго теленка, и заколите, станемъ ѣсть и веселиться! Ибо этотъ сынъ мой былъ мертвъ, и ожилъ, пропадалъ, и нашелся».

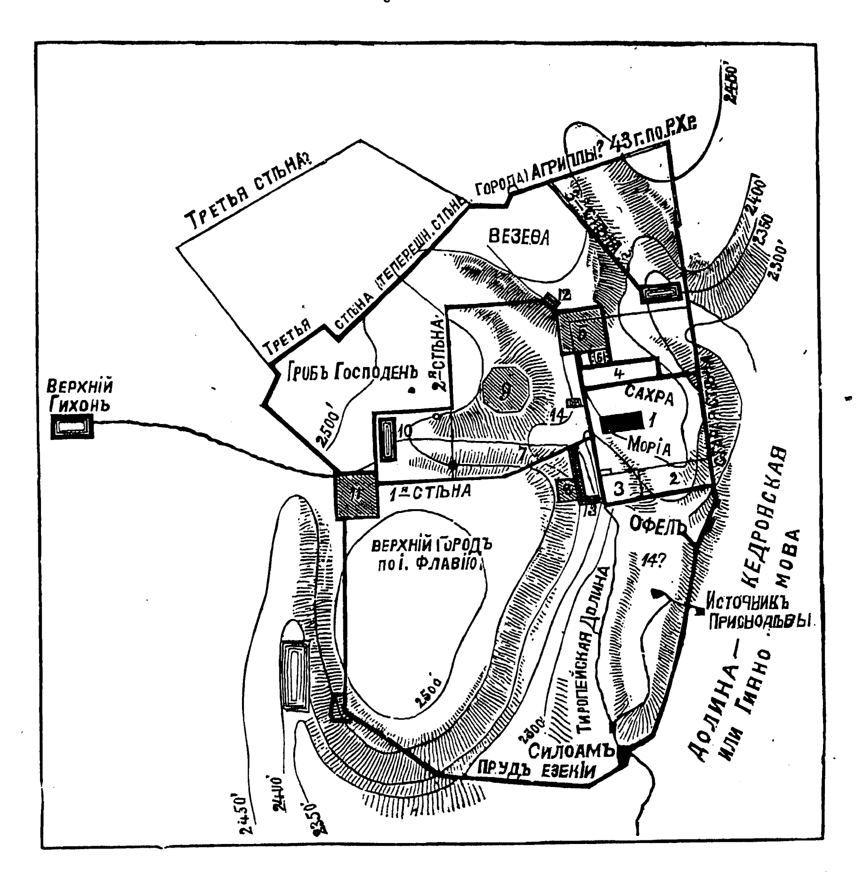
Такъ какъ нельзя уже подняться до еще болѣе сладостной и благородной нѣжности, такъ какъ сама смерть не могла бы уже дать болѣе поучительнаго и умиротворяющаго назиданія грѣшному человѣку, то можно бы думать, что здѣсь притча достигаетъ своей вершины и *здѣсь* она должна бы закончиться этой ангельской поэмой нѣжности и любви. И она окончилась бы здѣсь, еслибы тайна человѣческой злобы и испорченности была иною, чѣмъ какъ она есть. Но заключеніе притчи прямо относится къ тѣмъ самымъ обстоятельствамъ, которыя вызвали ее. Гнѣвный ропотъ книжниковъ и фарисеевъ показалъ, какъ мало они въ своемъ холодномъ очерствѣніи и надменности знали то, что въ очахъ Божіихъ слеза одного истинно кающагося грѣшника безконечно дороже безсердечнаго и безплоднаго формализма тысячи фарисеевъ. Они почти не подозрѣвали, что покаяніе можетъ даже блудницу и мытаря привести въ болѣе тѣсное общеніе съ Господомъ, чѣмъ вся изысканность тысячей формъ выдохшагося и благопристойнаго лицемѣрія. И потому-то Іисусъ прибавилъ, какъ пришелъ старшій сынъ, выразилъ неудовольствіе по поводу услышаннаго имъ пѣнія и ликованія, разгнѣвался на это скорое прощеніе, упрекалъ своего отца за нѣжное сердце и опять въ самомъ худшемъ видѣ выставилъ прощенные уже грѣхи своего брата, котораго онъ не хотѣлъ признавать, и выказалъ всю узкость злобнаго непрощающаго сердца, ошибочно принимающаго внѣшнюю праведность за святую любовь [705]). Такая самоправедная злость, такой безжалостный и отталкивающій недостатокъ любви есть болѣе закоренѣлое зло, недугъ, который труднѣе обнаружить и труднѣе излечить, чѣмъ открытое непослушаніе и страстный

грѣхъ. Поистинѣ, читая эту исторію и глубоко вникая во все, заключающееся въ ней, мы можемъ отъ всего сердца благодарить Бога, что Онъ, имѣя возможность изъ худшаго зла вывести доброе, медъ изъ убитаго льва и воду изъ кремнистой скалы, могъ также даже изъ свойствъ подобнаго характера извлечь матеріалъ для божественнѣйшаго произведенія во всемъ откровеніи — для притчи о блудномъ сынѣ [706]).

Въ этой притчѣ вполнѣ выяснено было отношеніе Іисуса къ мытарямъ и грѣшникамъ, а также и крайній антагонизмъ между духомъ Его ученія и тою дутою набожностью, которая составляетъ жалкую и пустую поддѣлку всякой *дѣйствительной* религіозности. Іудейство того времени истинную праведность замѣнило пустыми формами и безсмысленными обрядами; ошибочно принимало безсердечную исключительность за истинную чистоту; любило услаждаться несправедливостью воображаемой особенной въ себѣ благосклонности Бога, которой оно хотѣло бы лишить всѣхъ другихъ чадъ Божіихъ; оно было такъ глубоко лицемѣрно, что даже и не сознавало своего собственнаго лицемѣрія; оно никогда не думало о себѣ такъ высоко, какъ когда оно сокрушало сломленную трость и вытаптывало послѣднюю искру курящагося льна [707]); оно благодарило Бога за самые грѣхи другихъ и думало, что Ему пріятно будетъ служеніе, въ которомъ не было ни смиренія, ни правдивости, ни преданности, ни любви. Эти жалкіе формалисты, думавшіе, что они такъ богаты и обладаютъ несмѣтнымъ добромъ, должны были узнать, что они бѣдные, нищіе, жалкіе, слабые, обнаженные люди. Эти овцы, воображавшія себя не заблудшими, должны были понять, что жалкую *заблудшую* овцу Добрый Пастырь тѣмъ съ болѣе глубокою нѣжностью можетъ принести домой на плечахъ; эти старшіе сыновья должны были узнать, что духъ ихъ отца, какъ ни мало они способны были понять его въ своемъ холодномъ, безчувственномъ сердцѣ, быдъ *таковъ:* «о томъ надобно радоваться и веселиться, что братъ твой былъ мертвъ, и ожилъ, пропадалъ, и нашелся» [708]).

5. Но какъ ни ясно было, что духъ Христа и духъ фарисейства были непримиримо противоположны одинъ другому, доселѣ враги Іисуса не были способны подорвать Его вліяніе или воспрепятствовать Его дѣлу. Прощеніе грѣховъ, бывшихъ по общему вѣрованію причиной болѣзней, тѣмъ же самымъ словомъ, какимъ Онъ исцѣлялъ и болѣзни, участіе въ общественныхъ празднествахъ, общеніе съ мытарями и грѣшниками — всего этого нельзя было перетолковать въ смыслѣ на-

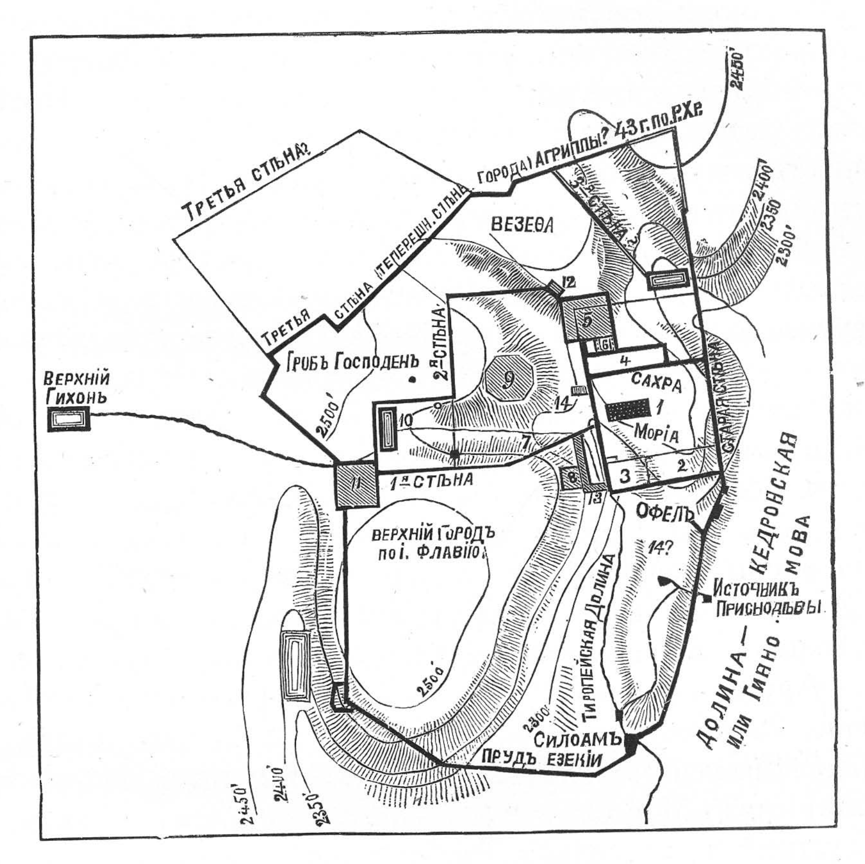
рушенія закона. Но оставалось еще одно болѣе тяжкое обвиненіе, болѣе настойчиво повторявшееся и болѣе близко принимавшееся ими къ сердцу,—обвиненіе въ явномъ нарушеніи выразительныхъ постановленій Моисеева закона о соблюденіи субботы. Это-то именно и было при-



Планъ Іерусалима временъ царя Ирода.

$\left.\begin{array}{l}\text{1) Храмъ Соломона.}\\ \text{2) Дворецъ Соломона.}\\ \text{3) Пристройка Ирода.}\end{array}\right\}$ Храмъ Ирода.
4) Открытая галлерея.
5) Башня Антонія.
6) Помѣщенія, соединяющія Антонію съ храмомъ.
7) Крытый портикъ.
8) Дворецъ Агриппы.
9) Сіонъ.
10) Нижній прудъ Гихонъ.
11) Дворецъ Ирода.
12) Виѳезда.
13) Мостъ, построенный Иродомъ.
14) Нижній городъ.

чиной негодованія, раздраженія, бѣшенства, жажды кроваваго мщенія со стороны фарисеевъ, преслѣдовавшихъ Его до самаго креста. Суббота была дѣйствительно Моисеевымъ, можно сказать даже первобытнымъ установленіемъ, и она сдѣлалась самымъ отличительнымъ и са-



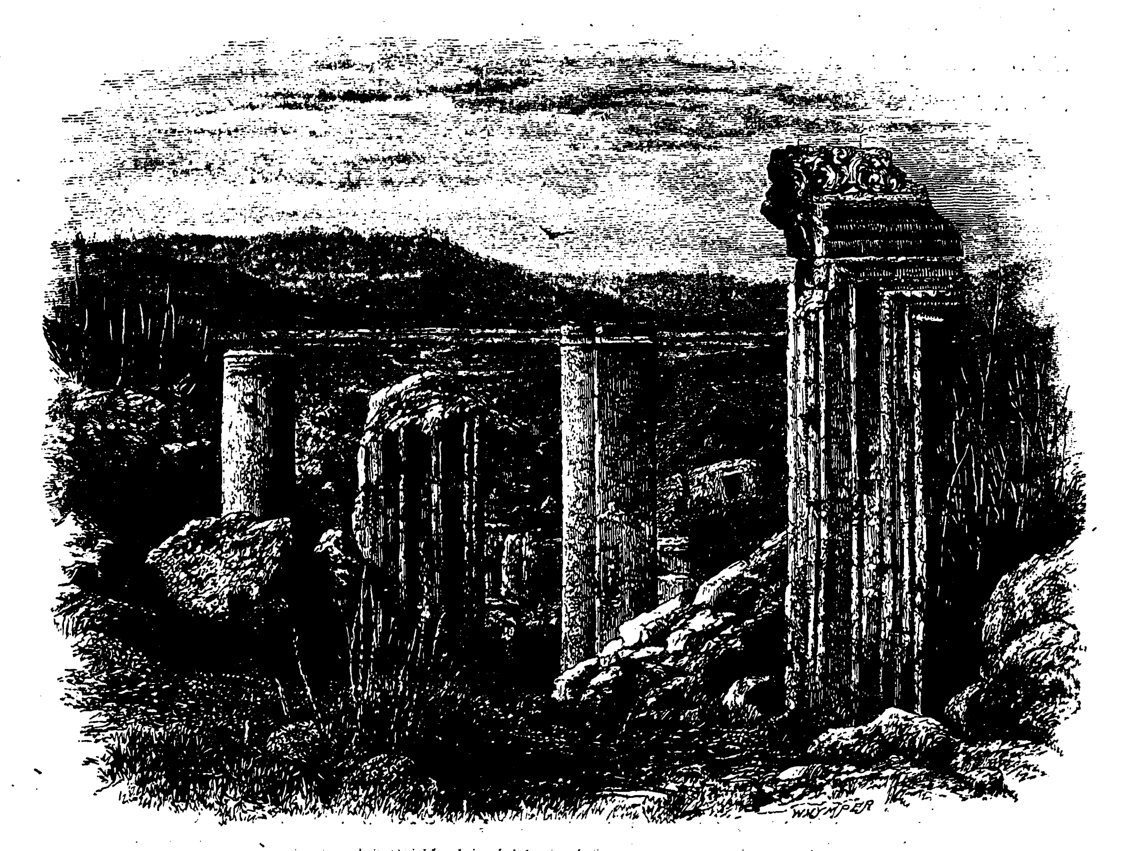
Планъ Іерусалима временъ царя Ирода.

1) Храмъ Соломона. } Храмъ Ирода.
2) Дворецъ Соломона. }
3) Пристройка Ирода. }
4) Открытая галлерея.
5) Башня Антонія.
6) Помѣщенія, соединяющія Антонію съ храмомъ.
7) Крытый портикъ.
8) Дворецъ Агриппы.
9) Сіонъ.
10) Нижній прудъ Гихонъ.
11) Дворецъ Ирода.
12) Виѳезда.
13) Мостъ, построенный Иродомъ.
14) Нижній городъ.

мымъ почитаемымъ изъ всѣхъ установленій, отдѣлявшихъ іудеевъ отъ язычниковъ, какъ особый народъ. Она была и знаменемъ ихъ исключительныхъ преимуществъ, и центромъ ихъ бездушнаго формализма. Ихъ преданія, ихъ патріотизмъ, даже ихъ упрямство—все это выразилось въ ея точномъ соблюденіи. По ихъ заявленію, она не только соблюдалась на небѣ до сотворенія человѣка, но и самый народъ израильскій былъ избранъ единственно для ея соблюденія [709]). Она чудесно соблюдалась даже субботствовавшей рѣкой священнаго города! Ихъ привязанность къ ней только усиливалась отъ всеобщихъ насмѣшекъ, неудобствъ и потерь, которыя она причиняла имъ въ языческомъ мірѣ. Они гордились, что готовы соблюдать ее съ тупымъ буквализмомъ и тогда, еслибъ въ этотъ день имъ приходилось даже терпѣть пораженія, быть изрубленными въ куски отъ своихъ непріятелей и видѣть самый Іерусалимъ подверженнымъ опасности завоеванія. Соблюденіе ея было обставлено самыми мелочными, до нелѣпости точными, до смѣшнаго ничтожными тонкостями. Пророкъ назвалъ ее «отрадой», и поэтому ставилось въ обязанность даже бѣдняку ѣсть три раза въ этотъ день. Весь этотъ день они должны пиршествовать, хотя нельзя ни огня зажигать, ни пищи варить. Согласно жестокому и узкому наставленію Шаммаи, въ субботу никто не могъ даже ободрить больнаго или утѣшить печальнаго. Даже сохраненіе жизни считалось нарушеніемъ субботы; и съ другой стороны убить муху значило совершить такое же преступленіе, какъ и убить верблюда [710]). Развѣ не торжественно и не рѣшительно выражена заповѣдь «не дѣлать никакого дѣла въ субботній день»? Развѣ самъ Моисей и все общество не побили камнями человѣка въ пустынѣ за то только, что онъ собиралъ дрова въ этотъ день? Развѣ самая великая синагога не начертала тридцать девять *абоеъ*, и безчисленное множество *толдоеъ*, т.-е. запрещеній работъ, нарушавшихъ субботу въ первой или второй степени? И однако же вотъ человѣкъ, считающій себя пророкомъ и даже болѣе чѣмъ пророкомъ, который нарочно, какъ казалось имъ, отвергалъ традиціонную святость этого дня дней! Всякій внимательный читатель евангельской исторіи не безъ удивленія замѣтитъ, что вражда и ненависть, которыя возбуждалъ Спаситель не только въ Іерусалимѣ, но даже и въ Галилеѣ и Converted Пиреѣ, главнымъ образомъ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ вращались на этомъ только предметѣ [711]).

Самое раннее обнаруженіе этихъ чувствъ въ Галилеѣ произошло вскорѣ послѣ событій, разсказанныхъ въ послѣдней главѣ. Насыщеніе

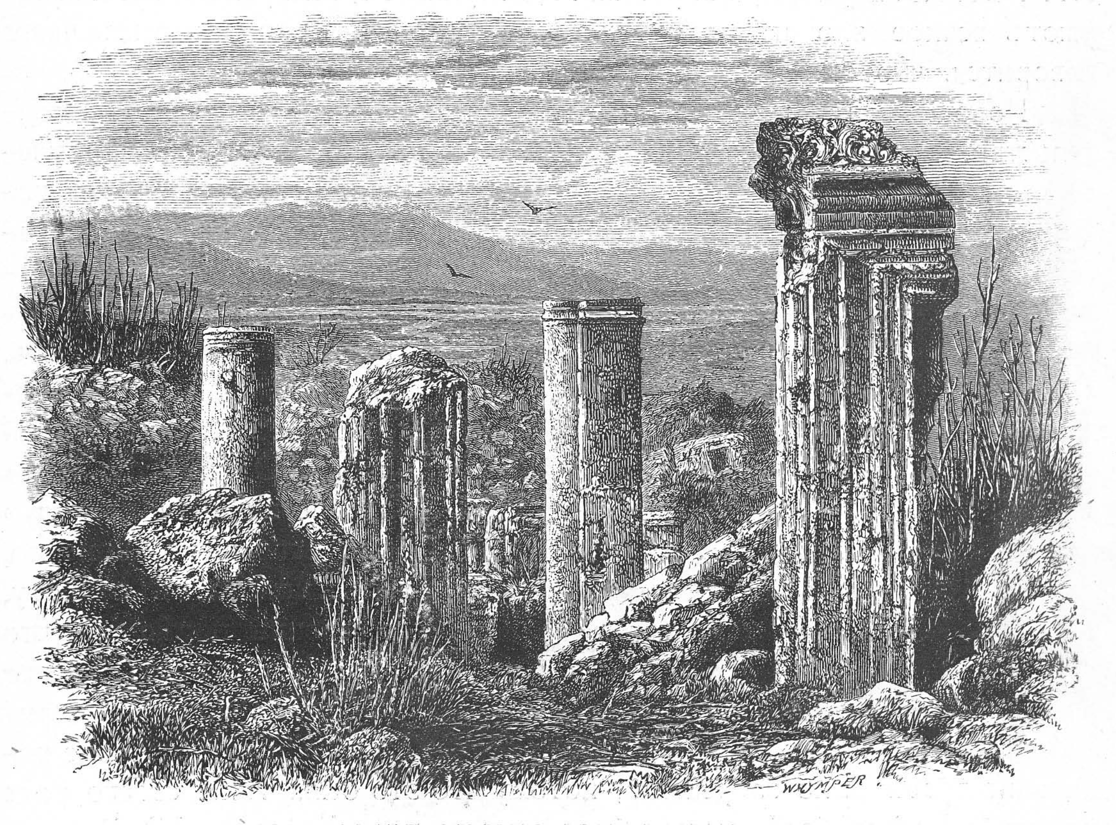
пяти тысячъ народа и бесѣда въ синагогѣ капернаумской были какъ разъ передъ пасхой. Ни одинъ изъ евангелистовъ не расказываетъ событій, непосредственно слѣдовавшихъ затѣмъ. Если Іисусъ былъ на этой пасхѣ, то Онъ провелъ ее въ строгомъ уединеніи и неизвѣстности, такъ что не сообщается ни объ одномъ событіи въ теченіе ея. Но болѣе вѣроятно, что опасность и враждебность, съ которыми Онъ встрѣтился въ Іерусалимѣ, были достаточнымъ побужденіемъ къ тому,



Развалины синагоги въ Ирбидѣ.

чтобы порѣшить совсѣмъ не быть на ней, «пока не минетъ тираннія эта» (Іоан. v, 16, 18).

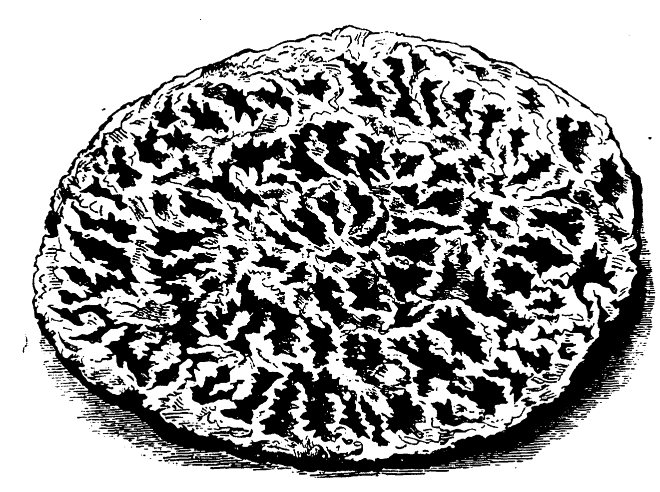
Не невозможно однако же, что если Онъ самъ не ходилъ лично, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ учениковъ Его исполнили этотъ національный долгъ; и можетъ быть именно наблюденіе за ихъ дѣйствіями, вмѣстѣ съ глубокою ненавистью, вызванною Его повелѣніемъ исцѣленному человѣку—взять свою постель въ субботній день, и тою почвою, на которую Онъ сталъ при защитѣ себя противъ взведеннаго



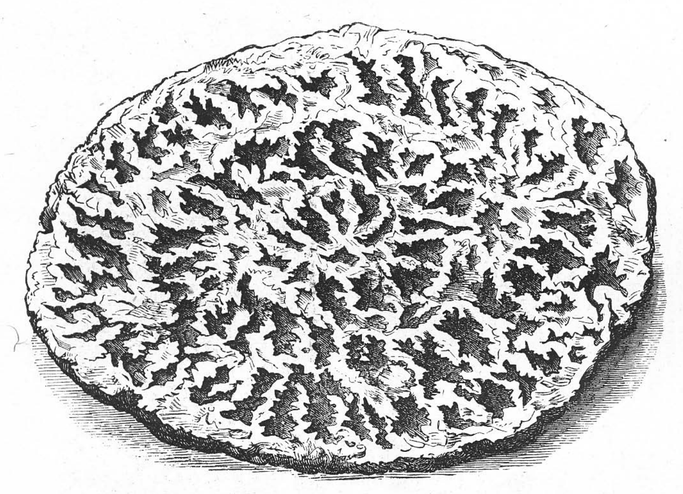
Развалины синагоги въ Ирбидѣ.

обвиненія, и побудило книжниковъ и фарисеевъ іерусалимскихъ послать нѣкоторыхъ изъ своей среды слѣдить за нимъ и тайно наблюдать за его дѣйствіями даже у береговъ любимаго Имъ роднаго озера. Извѣстно, что съ этого времени на каждомъ шагу въ Его жизни — въ хлѣбныхъ поляхъ, въ синагогахъ, на пирахъ, во время путешествій, въ Капернаумѣ, въ Магдалѣ, въ Ширеѣ, въ Виѳаніи—эти представители вождей народа гоняются и наблюдаютъ за Нимъ, ставятъ ему препятствія, дѣлаютъ укоры, вопрошаютъ, искушаютъ, оскорбляютъ и замышляютъ всякое зло противъ Него, — представители, о которыхъ часто говорится, что они не туземцы, а «пришедшіе изъ Іерусалима» [712]).

Поводомъ къ первому нападенію въ Галилеѣ было то обстоятельство, что, проходя хлѣбными полями въ субботній день [713]), ученики Его, страдая отъ голода, срывали колосья, растирали ихъ ладонями, сдували мякину и ѣли. Несомнѣнно это было великимъ, даже уголовнымъ преступленіемъ въ глазахъ законниковъ. Однимъ изъ *абоѳъ* или «первичныхъ правилъ» было запрещено, конечно, жать и молотить въ субботу, но раввины порѣшили, что срываніе колосьевъ можно принять за жатву, а растираніе за молотьбу; даже ходить по травѣ было запрещено, потому что это была тоже своего рода молотьба, и тѣмъ болѣе нельзя было срывать плода съ дерева [714]). Эти послѣднія три дѣйствія были нарушеніемъ *толдоѳъ* или «выводныхъ правилъ». Можетъ быть фарисейскіе шпіоны слѣдовали за Іисусомъ и въ этотъ субботній день, чтобы выслѣдить, не пройдетъ ли Онъ больше предписаннаго *техумъ гаш-шаббатъ*, т.-е. субботняго пути въ двѣ тысячи локтей [715]); но тутъ имъ посчастливилось напасть на еще болѣе гибельный и страшный поступокъ — дѣйствіе учениковъ, которое, строго и формально говоря, дѣлало ихъ подлежащими смерти чрезъ побіеніе камнями. Самъ Іисусъ, правда, не принималъ участія въ этомъ преступленіи. Какъ можно судить по своеобразному выраженію ев. Марка,



Пасхальный хлѣбъ.

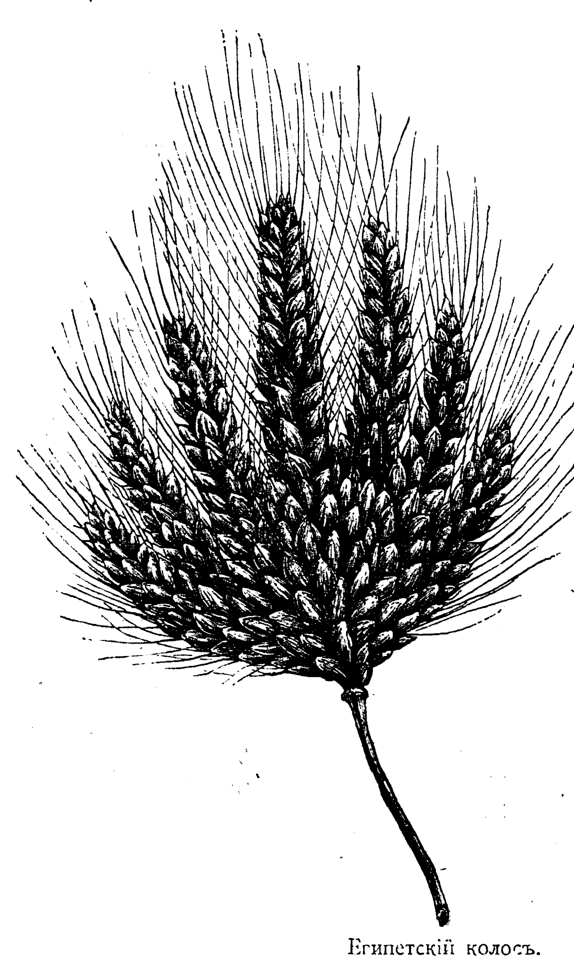


Пасхальный хлѣбъ.

Онъ шелъ хлѣбными полями по торной дорогѣ, снося и подавляя свой голодъ, между тѣмъ какъ ученики пробирались по самымъ полямъ, на ходу срывая колосья [716]). Въ самомъ срываніи колосьевъ не было ничего предосудительнаго; оно не только освящено было обычаемъ, но даже прямо позволялось закономъ Моисеевымъ [717]). Но страшнымъ дѣломъ было то, что оно совершалось въ *субботу!* Фарисеи тотчасъ же окружили Спасителя, съ злорадствомъ показывая на апостоловъ: «смотри, что *они* дѣлаютъ», съ презрительнымъ кивкомъ на учениковъ, «дѣлаютъ въ субботу, что не должно дѣлать!»

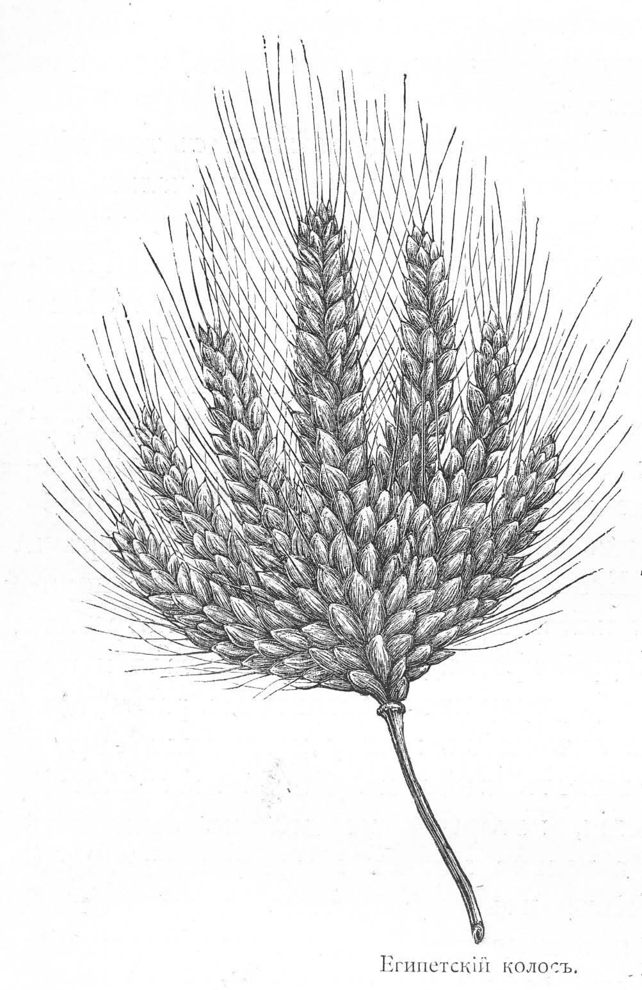
Съ тою божественною и мгновенною находчивостью, съ тою глубиной проницательности и широкаго знанія, какими отличались всѣ отвѣты Спасителя на самые неожиданные запросы, Онъ тотчасъ же защитилъ своихъ учениковъ личнымъ одобреніемъ и рѣшительной поддержкой. Такъ какъ обвиненіе на этотъ разъ направлялось не на Него самого, а на Его учениковъ, то и сама аргументація и защита совершенно отлична отъ той, къ которой, какъ мы видѣли, Онъ прибѣгъ въ Іерусалимѣ. *Тамъ* Онъ основывалъ предполагаемое нарушеніе закона на своемъ личномъ авторитетѣ; *здѣсь*, опять объявивъ себя господиномъ субботы, Онъ тотчасъ же сдѣлалъ ссылку сначала на ихъ собственные *кетувимы*, затѣмъ на ихъ собственный законъ, на примѣръ и правило, которые освобождали Его послѣдователей отъ всякаго порицанія. «Неужели вы не читали никогда», спросилъ Онъ, употребляя быть можетъ съ нѣкоторою тонкой ироніей, какъ это бывало и при другихъ случаяхъ, излюбленную формулу ихъ собственныхъ раввиновъ, «что сдѣлалъ Давидъ [718]), когда онъ имѣлъ нужду и взалкалъ самъ и бывшіе съ нимъ? Какъ онъ вошелъ въ домъ Божій въ субботній день [719]) и ѣлъ хлѣбы предложенія, которыхъ не должно было ѣсть ни ему, ни бывшимъ съ нимъ, а только однимъ священникамъ?» Если Давидъ, ихъ герой, ихъ любимецъ, ихъ святой, такъ открыто и вопіюще нарушалъ букву закона и однако же не подлежалъ порицанію единственно вслѣдствіе нужды, которая важнѣе всякаго простаго обрядоваго постановленія, то зачѣмъ же порицать учениковъ за невинный поступокъ съ цѣлью утоленія своего голода? И затѣмъ, если ихъ собственные раввины опредѣлили, что «нѣтъ субботства въ храмѣ» [720]), что священники могли въ субботу рубить дрова, зажигать огонь и ставить на столъ горячіе, только что испеченные хлѣбы предложенія, убивать двойныя жертвы, обрѣзывать дѣтей и такимъ образомъ всячески нарушать правила соферимовъ касательно субботы, не подлежа въ то же

время порицанію [721]); мало того, если, дѣйствуя такъ, они нарушали субботу по повелѣнію самого закона, установившаго субботу, — если храмъ оправдываетъ *ихъ*, то не должно ли нѣчто большее [722]) храма оправдать и этихъ? А тутъ былъ именно Тотъ, кто больше храма: и при этомъ Онъ еще разъ напоминаетъ имъ, что милость лучше жертвы. Суббота прямо предназначена была для милости, и поэтому не только можно было неповинно совершать въ нее всѣ дѣла милости, но такія дѣла были бы даже пріятнѣе Богу, чѣмъ всѣ безсмысленныя и самодовольныя тонкости, которыя великое благодѣяніе превратили въ бремя и западню. Суббота была создана для человѣка, а не человѣкъ для субботы, и потому Сынъ человѣческій есть господинъ и субботы [723]).



Египетскій колосъ.

Въ кодексѣ Безы, древней и цѣнной рукописи, хранящейся теперь въ библіотекѣ кембриджскаго университета, въ евангеліи Луки въ VI главѣ послѣ 5 стиха находится такое замѣчательное прибавленіе: «Въ тотъ же самый день, видя человѣка, работающаго въ субботу, Онъ сказалъ ему: *О человѣкъ, если ты знаешь, что дѣлаешь, то ты благословенъ; если же ты не знаешь, то ты проклятъ и нарушитель закона*». Случай этотъ любопытенъ; онъ дошелъ до насъ только въ этомъ манускриптѣ, и быть можетъ былъ устраненъ какъ апокрифическій или въ лучшемъ случаѣ какъ одинъ изъ тѣхъ ἄγραφα δόγματα или «незаписанныхъ изреченій», которыя приписываются Спасителю только преданіемъ, какъ напр. въ Дѣян. XX гл. 35 стихѣ. Но разсказъ этотъ слишкомъ поразителенъ, слишкомъ вѣроятенъ, чтобы сразу отвергать его какъ неподлинный. Ничто не могло бы яснѣе выразить духъ ученія Спаси-



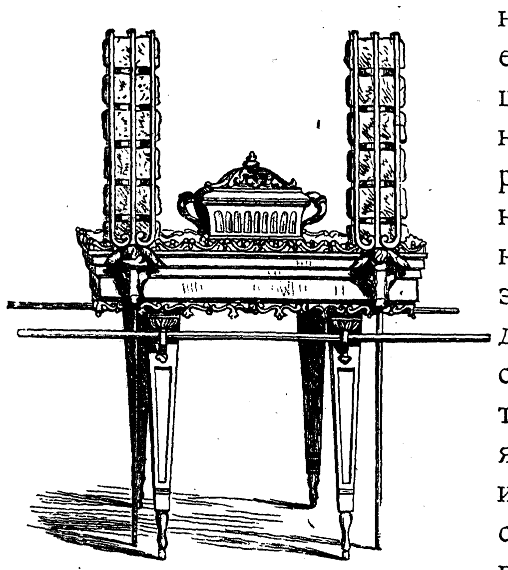
Египетскій колосъ.

теля, какъ оно понималось, напримѣръ, ап. Павломъ [724]). Смыслъ разсказа очевидно таковъ: если твое дѣло отъ вѣры, то ты поступаешь правильно; если же не отъ вѣры, то оно есть грѣхъ.

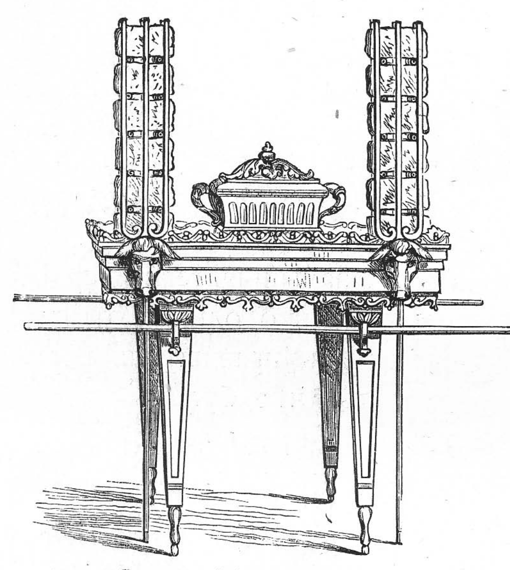
II. Повидимому, въ тотъ же день [725]), ознаменовавшійся этими злыми нападками, Спаситель опять, позднѣе по-полудни, вошелъ въ синагогу. Въ синагогѣ сидѣлъ человѣкъ [726]), по преданію каменьщикъ, отъ несчастнаго случая получившій увѣчье; онъ умолялъ Христа исцѣлить его, чтобы не быть вынужденнымъ просить милостыню. О присутствіи его, а также очевидно и о цѣли знали всѣ, и потому главныя мѣста занимали книжники, фарисеи и иродіане, завистливо злобные взоры которыхъ были устремлены на Христа въ ожиданіи, что̀ Онъ будетъ дѣлать, чтобы затѣмъ обвинить Его. Онъ не долго оставилъ ихъ въ недоумѣніи. Сначала Онъ велѣлъ человѣку съ изсохшей рукой выйти и стать по срединѣ. И затѣмъ Онъ предоставилъ рѣшенію ихъ собственной совѣсти вопросъ, который былъ уже у нихъ на умѣ, только ставя его такъ, чтобы показать имъ его истинное значеніе: «Должно ли, спросилъ Онъ, въ субботу добро дѣлать или зло дѣлать? душу спасти (какъ Я дѣлаю) или погубить (какъ вы замышляете въ сердцѣ своемъ)?» На этотъ вопросъ возможенъ былъ только одинъ отвѣтъ, но они находились тутъ не для того, чтобы искать правды или говорить ее. Единственною цѣлью ихъ было слѣдить, что будетъ дѣлать Онъ, чтобы основать на этомъ публичное обвиненіе предъ синедріономъ или по крайней мѣрѣ заклеймить Его позорнымъ пятномъ субботонарушителя. Поэтому они отвѣтили на этотъ вопросъ ненарушимымъ, уклончивымъ молчаніемъ. Но Онъ не хотѣлъ позволить имъ избѣгнуть приговора лучшей стороны ихъ собственной совѣсти, и поэтому въ оправданіе себя привелъ примѣръ изъ ихъ обычной практики, который совсѣмъ ставилъ ихъ въ невозможность отвѣтить на этотъ вопросъ. «Кто изъ васъ, спросилъ Онъ, имѣя одну овцу, если она въ субботу упадетъ въ яму, не возьметъ ея и не вытащитъ? Сколько же лучше человѣкъ овцы?» [727]) Аргументація была неотразимая и самый примѣръ не могъ быть отрицаемъ, и однако же ихъ злобное молчаніе оставалось ненарушимымъ. Онъ гнѣвно оглянулъ ихъ; святое негодованіе пылало въ Его сердцѣ, свѣтилось на лицѣ, оживляло Его движенія, звучало въ Его голосѣ, когда Онъ медленно проводилъ очами по всѣмъ этимъ вытянутымъ отъ злобнаго упрямства лицамъ, обличая ихъ въ злости и низости, невѣжествѣ и гордости; и затѣмъ, подавляя это горькое и сильное чувство, Онъ обратился къ совершенію дѣла милосердія и

сказалъ больному: «Протяни руку твою».—Вѣдь рука была сухая! Какъ же больной могъ протянуть ее? Но слово Христа уже дало ей силу исполнить Его повелѣніе; онъ протянулъ ее, и стала она здорова, какъ другая.

Такимъ образомъ враги Его были поражены на всѣхъ пунктахъ: поражены въ аргументаціи, приведшей ихъ къ постыдному молчанію, обезоружены даже въ попыткахъ найти какое-нибудь основаніе для обвиненія въ преступленіи закона. Даже исцѣленіемъ человѣка Христосъ не сдѣлалъ рѣшительно ничего такого, что можно бы было при злѣйшей враждебности истолковать въ смыслѣ нарушенія закона о субботѣ. Онъ не коснулся человѣка; Онъ не повелѣлъ ему употребить въ дѣло возстановившуюся силу; Онъ произнесъ только нѣсколько словъ, а даже завзятый фарисей не могъ сказать, чтобы произнесеніе нѣсколькихъ словъ могло быть нарушеніемъ субботы, даже если слова эти и сопровождались чудеснымъ и добрымъ дѣломъ! Они чувствовали свое полнѣйшее пораженіе, но это только еще больше разжигало въ нихъ ярость. Они пришли въ бѣшенство [728]) и совѣщались между собой, что бы сдѣлать съ Іисусомъ. Дотолѣ они были врагами иродіанъ. Они смотрѣли на нихъ какъ на полуотступниковъ, потому что тѣ въ принципѣ принимали римское владычество [729]), подражали языческимъ обычаямъ, усвоили саддукейскія воззрѣнія и такъ далеко заходили въ своей лести царствующему дому, что богохульственно пытались представлять Ирода Великаго обѣтованнымъ Мессіей! Но теперь ихъ старая вражда нашла побужденіе къ примиренію въ бѣшеной ярости противъ общаго врага. Быть можетъ страхъ Антипы, быть можетъ политическая подозрительность, быть можетъ просто естественная ненависть людей міра и вѣроотступниковъ противъ святыхъ и высшихъ ученій, обличающихъ жизнь ихъ,—но вообще что-то такое заставило въ послѣднее время и иродіанъ пристать къ гонителямъ Спасителя. Такъ какъ Галилея была центромъ дѣятельности Христа, то іерусалимскіе фарисеи рады были воспользоваться всякою поддержкой со стороны галилейскаго четверто-



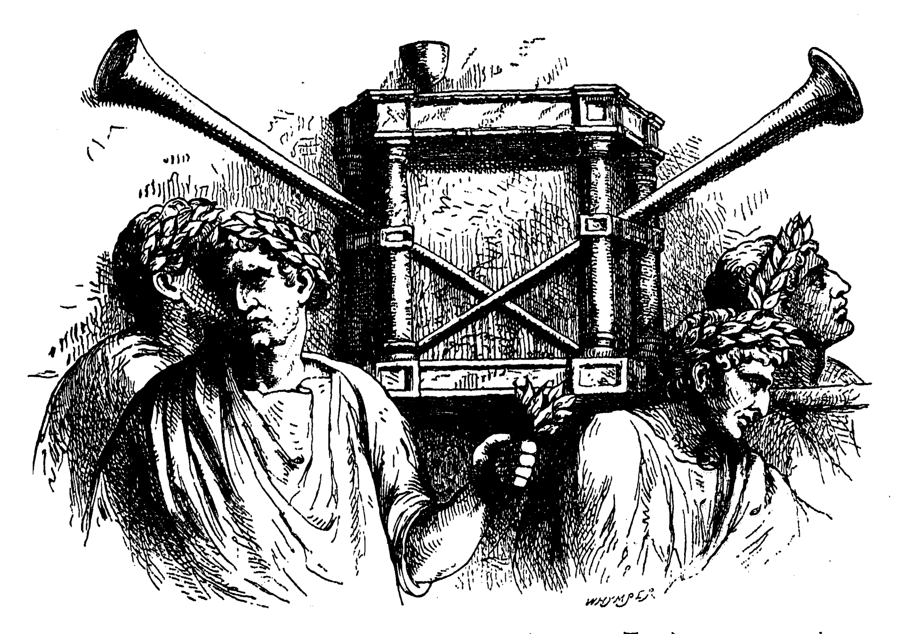
Столъ хлѣбовъ предложенія.



Столъ хлѣбовъ предложенія.

властника и его приверженцевъ. Они составили общее совѣщаніе, какъ бы насильственно погубить пророка, котораго они не въ силахъ были ни поразить доводами, ни опутать закономъ.

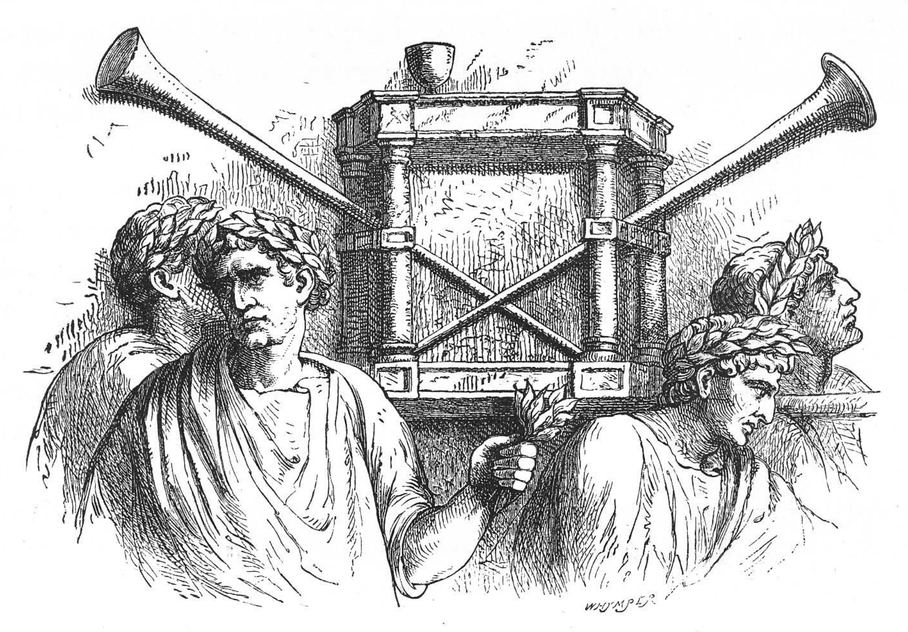
Эта вражда вождей еще не оттолкнула отъ Христа сердецъ народа. Но она сдѣлала однако же желательнымъ для Него удаленіе въ другое мѣсто [730]), потому что Онъ «не хотѣлъ ни прекословить, ни вопіять, и никто не долженъ былъ слышать на улицахъ голоса Его»; притомъ не насталъ еще часъ, когда Онъ долженъ былъ «доставить суду побѣду». Но прежде чѣмъ Онъ удалился, произошли событія, которыя были еще болѣе дикими и опасными проявленіями ярости противъ Него.



Столъ хлѣбовъ предложенія (съ арки Тита).

Каждый день становилось болѣе и болѣе необходимымъ показать, что разрывъ между Нимъ и религіозными вождями народа былъ полный и окончательный; каждый день становилось болѣе и болѣе необходимымъ обличить тотъ лицемѣрный формализмъ, который преобладалъ въ ихъ ученіи и былъ только обнаруженіемъ роковой и глубоко засѣвшей язвы.

6. Первымъ поводомъ къ открытому обличенію началъ, лежавшихъ въ самой основѣ фарисейства, послужила новая попытка іерусалимскихъ книжниковъ повредить положенію Его учениковъ (Матѳ. xv, 1—20; Марк. vii, 1—23). При одномъ случаѣ они замѣтили, что ученики предъ принятіемъ пищи не сдѣлали предварительныхъ омовеній. Омовенія же

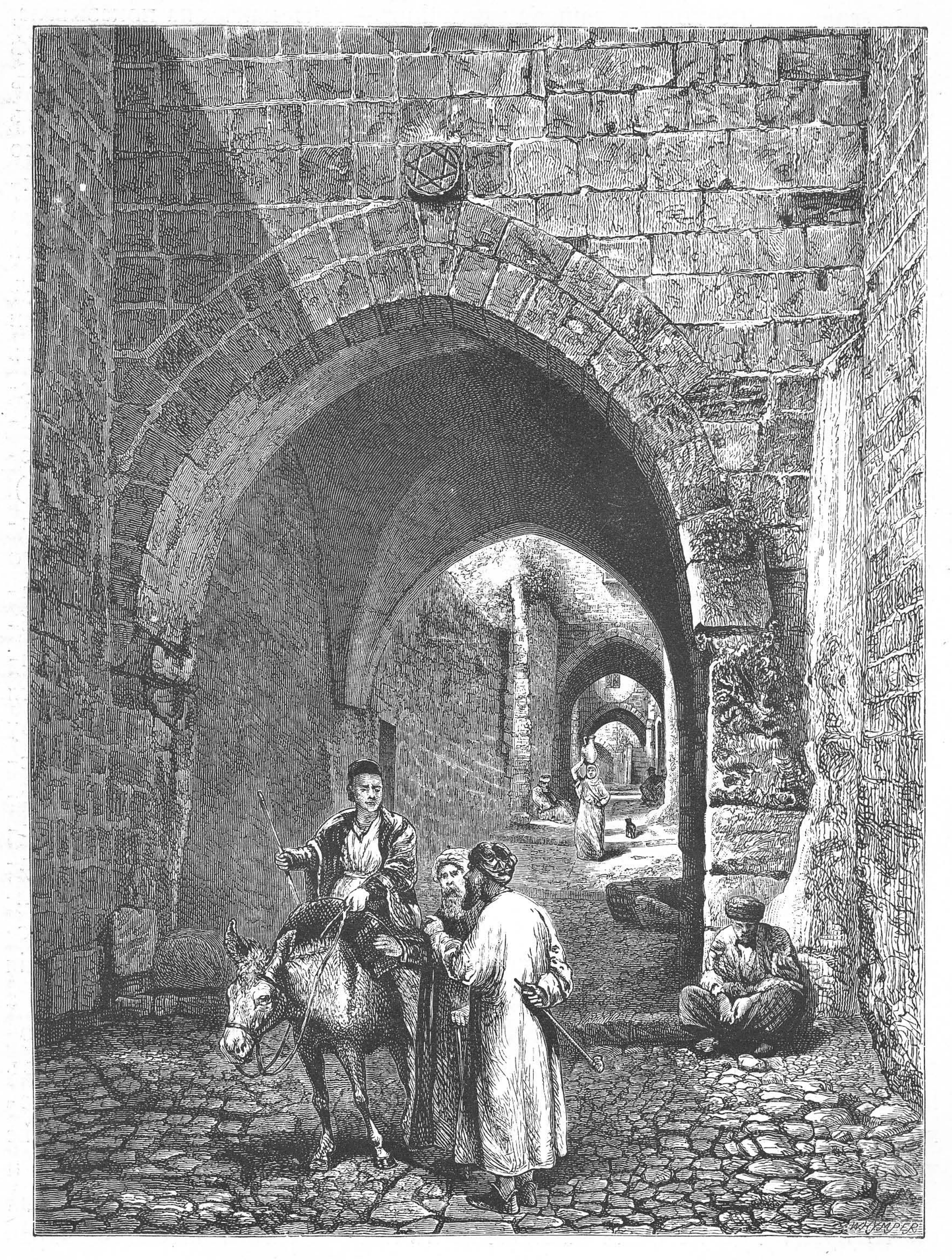


Столъ хлѣбовъ предложенія (съ арки Тита).

эти строго требовались устнымъ преданіемъ. Іудеи позднѣйшихъ временъ съ умиленіемъ разсказывали, какъ раввинъ Акиба, находясь въ темничномъ заключеніи и снабжаемый водою лишь въ такомъ количествѣ, чтобы поддерживать только жизнь, предпочелъ умереть отъ голода, чѣмъ ѣсть безъ надлежащихъ омовеній [731]). Поэтому фарисеи, по обыкновенію толпой подойдя къ Іисусу, спрашиваютъ Его, съ важнымъ сознаніемъ правоты своего укора: «Зачѣмъ ученики Твои не поступаютъ по преданію старцевъ, но неумытыми руками ѣдятъ хлѣбъ?»

Прежде чѣмъ передать отвѣтъ Спасителя, ев. Маркъ останавливается нѣсколько на объясненіи того, что омовенія, которыя фарисеи и всѣ вожди іудеевъ наблюдали вслѣдствіе преданія, были чрезвычайно многочисленны и точно опредѣлены. Всякій разъ передъ принятіемъ пищи и при всякомъ возвращеніи съ рынка [732]), они умывались «кулакомъ» [733]), и если не было воды подъ рукой, то всякій обязанъ былъ пройти по крайней мѣрѣ семь верстъ за нею. Кромѣ того, были точныя правила для омовенія чашъ и кружекъ [734]), пиршественныхъ скамеекъ (triclinii) и мѣдныхъ сосудовъ. Трактатъ *Шульханъ-арукъ*—«накрытый столъ», собраніе раввинскихъ правилъ, сдѣланное Іосифомъ Каро въ 1567 году, содержитъ цѣлыхъ двадцать шесть молитвъ, которыми сопровождались омовенія. Не исполнить ихъ значило то же, что совершить человѣкоубійство, и влекло за собою лишеніе вѣчной жизни. И тѣмъ не менѣе ученики осмѣлились ѣсть нечистыми (т.-е. немытыми) руками!

Спаситель по обыкновенію тотчасъ же сталъ на сторону своихъ учениковъ и не допустилъ до того, чтобы они по своей простотѣ и невѣденію были устрашены нападками этихъ набожныхъ обвинителей. Онъ отвѣтилъ на ихъ вопросъ еще болѣе важнымъ вопросомъ: «Зачѣмъ и вы, сказалъ Онъ, преступаете заповѣдь *Божію* ради *преданія*? Ибо Богъ заповѣдалъ: почитай отца и мать; а вы говорите, что если кто вмѣсто этого просто отдастъ сумму, назначавшуюся на ихъ содержаніе, въ священную сокровищницу и скажетъ «корванъ», т.-е. даръ Богу, тотъ можетъ уже ничего не дѣлать для отца своего, или матери своей [735]); и дѣлаете многое сему подобное. Лицемѣры!» (это въ первый разъ Спаситель такъ строго укорялъ ихъ). «Такимъ образомъ вы ловко [736]) устранили заповѣдь Божію *преданіемъ вашимъ*. Хорошо пророчествовалъ о васъ Исаія, говоря: приближаются ко Мнѣ люди сіи устами своими и чтутъ Меня языкомъ; сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня. Но тщетно чтутъ Меня, уча ученіямъ, заповѣдямъ человѣческимъ» [737]).



Улица въ Іерусалимѣ.

Это была не только защита учениковъ—такъ какъ она показывала, что они просто не исполняли рядъ правилъ [738]), которыя сами по себѣ были противны самой буквѣ священнаго закона и потому во многихъ случаяхъ ихъ лучше нарушать, чѣмъ соблюдать,—но открытый укоръ со стороны Того, который съ высшею и безбоязненною властью прямо порицалъ систему, руководившую всѣми дѣйствіями раввиновъ и почитавшуюся больше самого пятокнижія. Сущностью этой системы было принесеніе духа въ жертву буквѣ, которая безъ этого духа болѣе чѣмъ теряла всякую цѣну, и принесеніе самой буквы въ жертву простымъ выводамъ изъ нея, которые были положительно пагубны. Іудеи дѣлали различіе между писанымъ закономъ (*Тора шебекетебъ*) и закономъ преданія или «закономъ на устахъ» (*Тора шебеал-пе*). Относительно послѣдняго самые крайніе его приверженцы утверждали, что онъ устно сообщенъ былъ Богомъ Моисею и устно передавался послѣднимъ по преемству старѣйшинъ. На немъ основанъ талмудъ («ученіе»), состоящій изъ мишны — «повторенія» закона, игемары или «дополненія» къ нему. Почтеніе къ талмуду дошло до такой крайности, что отношеніе его къ закону уподоблялось отношенію вина къ водѣ; чтеніе писанія считалось дѣломъ безразличнымъ, чтеніе мишны ставилось въ заслугу, а чтеніе гемары сопровождалось обѣщаніями великой мзды [739]). Эту-то прославленную систему почитаемаго толкованія и благочестивыхъ обычаевъ Іисусъ теперь и ниспровергалъ вполнѣ; Онъ не только защищалъ пренебреженіе къ ней, но даже открыто осуждалъ и отвергалъ ея наиболѣе установившіяся начала. Онъ такимъ образомъ предавалъ забвенію и равнодушію всю сѣть *гагадовъ* (легендъ) и *галаховъ* (правилъ), которыя въ то время еще не были заключены въ письмена, но тщательно сохранялись въ памяти ученыхъ и составляли самую суть раввинской мудрости.

Омовеніе рукъ на востокѣ.

Омовеніе рукъ на востокѣ.

Но это еще было не все. Онъ не только разбилъ самыя основы ихъ внѣшней религіи, но даже и народу преподавалъ ученіе, которое могло подрывать весь ихъ авторитетъ, — ученіе, которое возбуждало полнѣйшее недовѣріе къ ихъ хвастливой мудрости. Могущество Его обличеній было равносильно безпредѣльности ихъ заносчиваго самохвальства; и отворачиваясь отъ нихъ, какбы совсѣмъ безнадежныхъ людей, Онъ призвалъ народъ, который они учили смотрѣть на себя какъ на божковъ, и сказалъ ему короткія, но сильныя слова:

Золотой свѣтильникъ (съ арки Тита).

«Слушайте Меня всѣ, и разумѣйте! Не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка, но то, что выходитъ изъ устъ, оскверняетъ человѣка» [740]).

Фарисеи, какъ и можно было ожидать, жестоко оскорбились этимъ изреченіемъ. Осуждая обычное пристрастіе священниковъ къ обрядности, это изреченіе Іисуса должно было сдѣлаться послѣднимъ похороннымъ звономъ для того избытка добровольнаго обрядолюбія, для котораго одинъ изъ отцовъ церкви изобрѣлъ неподражаемое слово ἐθελοπερισσοθρήσκεια. Ученики не замедлили сообщить Ему о томъ негодованіи, которое возбудили Его слова, такъ какъ сами ученики вѣроятно еще въ значительной степени проникнуты были почтеніемъ къ главен-

Золотой свѣтильникъ (съ арки Тита).

ствующей партіи въ народѣ. Но отвѣтъ Іисуса былъ выраженіемъ спокойнаго равнодушія къ земному сужденію, предоставленіемъ всего единственно на судъ Божій, какъ это показалъ медленный ходъ дальнѣйшихъ событій. «Всякое растеніе, сказалъ Онъ, которое не Отецъ Мой небесный насадилъ, искоренится. Оставьте ихъ: они слѣпые вожди слѣпыхъ; а если слѣпой ведетъ слѣпаго, то оба упадутъ въ яму».

Немного спустя, когда они уже вошли въ домъ и были одни, ап. Петръ осмѣлился попросить объясненія словъ, которыя Онъ съ такимъ удареніемъ сказалъ народу. Іисусъ кротко упрекнулъ апостоловъ за недостатокъ понятливости, но показалъ имъ, объясняя глубочайшій

Умывальная посуда на востокѣ

смыслъ своего ученія, что пища человѣка вліяетъ только на его тѣлесный организмъ, и не входитъ въ его сердце или не касается его духовнаго бытія; но что «изъ сердца исходятъ злые помыслы, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство».

Злыя мысли подобны маленькому мутному ручью, который при первой возможности превращается въ страшный, всеразрушающій потокъ.

«Это оскверняетъ человѣка, а ѣсть неумытыми руками не оскверняетъ человѣка» [741]).

Умывальная посуда на востокѣ

о ученія, что пища человѣка вліяетъ только
низмъ, и не входитъ въ его сердце или не
тія; но что «изъ сердца исходятъ злые помыс
ія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельства, хуле
коварство, непотребство, завистливое око, б
зумство».

сли подобны маленькому мутному ручью, к
жности превращается въ страшный, всеразрушаю
кверняетъ человѣка, а ѣсть неумытыми руками
ка» [741]).

Стѣны Іерусалима.

ГЛАВА XXXII.

УСИЛЕНІЕ ПРОТИВОДѢЙСТВІЯ.

Даже если безславный и обезчещенный, Онъ всетаки будетъ моимъ Христомъ. *Тертулліанъ.*

ПРОШЕЛЪ еще одинъ день, ознаменовавшійся еще болѣе ожесточеннымъ, опаснымъ, личнымъ и неумолимымъ противодѣйствіемъ со стороны враговъ, день открытаго и окончательнаго разрыва между Спасителемъ и фарисейскими шпіонами изъ Іерусалима, прежде чѣмъ Онъ уступилъ на время смертельной ненависти своихъ враговъ и удалился въ языческія страны, чтобы тамъ найти тотъ отдыхъ, котораго Онъ не могъ болѣе находить на богатыхъ поляхъ и зеленѣющихъ холмахъ Геннисарета. Въ Его земной жизни немного было дней, которые сопровождались бы рядомъ болѣе потрясающихъ событій, чѣмъ тотъ день, который мы будемъ описывать теперь [742]).

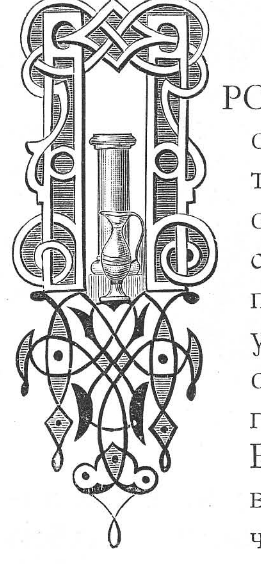
Находясь въ одномъ изъ городовъ, служившихъ главнымъ мѣстомъ Его галилейскаго служенія, Спаситель раннимъ утромъ по-

Стѣны Іерусалима.

ГЛАВА XXXII.

УСИЛЕНІЕ ПРОТИВОДѢЙСТВІЯ.

Даже если безславный и обезчещенный, Онъ всетаки будетъ *моимъ* Христомъ. *Тертулліанъ.*

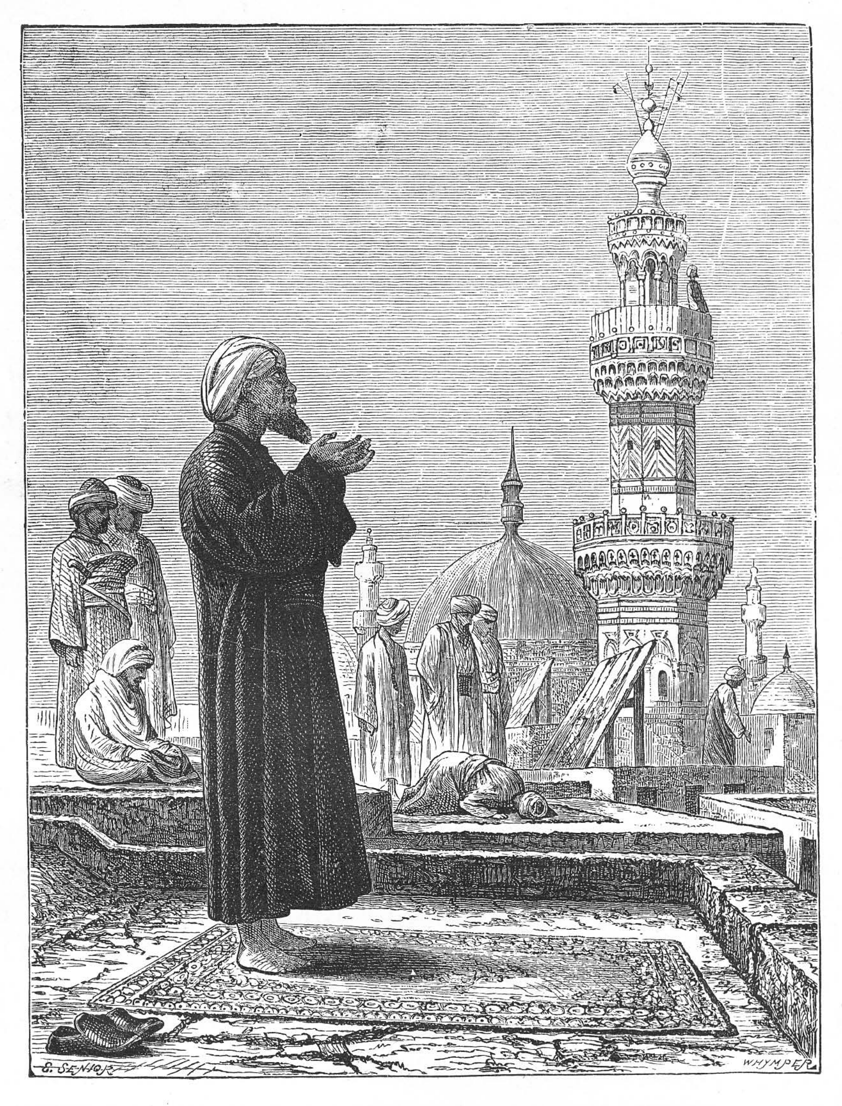


ПРОШЕЛЪ еще одинъ день, ознаменовавшійся еще болѣе ожесточеннымъ, опаснымъ, личнымъ и неумолимымъ противодѣйствіемъ со стороны враговъ, день открытаго и окончательнаго разрыва между Спасителемъ и фарисейскими шпіонами изъ Іерусалима, прежде чѣмъ Онъ уступилъ на время смертельной ненависти своихъ враговъ и удалился въ языческія страны, чтобы тамъ найти тотъ отдыхъ, котораго Онъ не могъ болѣе находить на богатыхъ поляхъ и зеленѣющихъ холмахъ Геннисарета. Въ Его земной жизни немного было дней, которые сопровождались бы рядомъ болѣе потрясающихъ событій, чѣмъ тотъ день, который мы будемъ описывать теперь [742]).

груженъ былъ въ уединенную молитву. Видя Его стоящимъ съ возведенными горѣ очами (такимъ было обыкновенно молитвенное положеніе на востокѣ, какъ оно отчасти сохраняется и теперь — въ обычаѣ молиться стоя, а не сидя или колѣнопреклоненно, какъ на за-

Восточные жители на молитвѣ.

падѣ), ученики оставались въ почтительномъ отдаленіи; но когда молитва Его кончилась, они подошли къ Нему съ естественною просьбою научить ихъ молиться, какъ и Іоаннъ училъ своихъ учениковъ. Онъ тотчасъ же исполнилъ ихъ просьбу, и научилъ ихъ той краткой, див-



Восточные жители на молитвѣ.

ной молитвѣ, которая отселѣ сдѣлалась лучшимъ наслѣдіемъ всякаго христіанскаго богослуженія и образцомъ, по которому составлены всѣ наши лучшія и употребительнѣйшія молитвы. Онъ уже произносилъ ее и во время нагорной проповѣди, но по просьбѣ своихъ учениковъ здѣсь Онъ повторилъ ее отдѣльно и съ большею выразительностью. Правда, нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ прошеній ея уже существовали, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, въ различныхъ молитвахъ іудейскихъ, такъ какъ напоминаютъ собой встрѣчающіяся въ талмудѣ выраженія, о которыхъ нѣтъ основаній предполагать, что они заимствованы у христіанъ [743]). Но никогда раньше все лучшее и чистѣйшее въ молитвахъ этого народа не было собираемо такъ въ одну божественную, несравненную молитву, которая заключаетъ въ себѣ все, что только сердце человѣческое, наученное Духомъ святымъ, находитъ наиболѣе нужнымъ для удовлетворенія своихъ лучшихъ желаній. По тому сочетанію любви и благоговѣнія, съ которыми она научаетъ насъ приближаться къ Отцу нашему небесному; по духовности, съ которою она заставляетъ насъ просить прежде всего царства Божія и правды Его; по духу всеобщей любви и прощенія, которыя внушаетъ она; по той множественной формѣ ея прошеній, которая имѣетъ въ виду показать намъ, что себялюбіе всецѣло и навсегда должно быть исключено изъ нашихъ прошеній и что никто не можетъ приходить къ Богу, какъ къ своему Отцу, безъ признанія и злѣйшихъ своихъ враговъ Его чадами также; по тому, что изъ ея семи прошеній одно и только одно относится къ земнымъ благамъ и даже это одно проситъ земныхъ благъ только въ ихъ простѣйшей формѣ; даже по той поразительной краткости, показывающей, что Богъ не хочетъ дѣлать изъ молитвы утомительнаго бремени,—по всему именно этому отцы церкви и назвали ее «сокращеннымъ евангеліемъ», жемчужиной среди молитвъ.

Не менѣе божественны были и слѣдовавшія за нею простыя и сердечныя слова, которыя показывали ученикамъ, что люди всегда должны молиться и не унывать, такъ какъ если докучливость побѣждаетъ себялюбіе человѣка, то усердіе будетъ всемогущимъ предъ правдою Бога. Спаситель внушалъ имъ, что если человѣческая любовь можетъ давать только полезные и добрые дары, то любовь Отца небеснаго, любящаго насъ всѣхъ, дастъ свой лучшій и высочайшій даръ, именно даръ Духа святаго — всѣмъ просящимъ у Него.

А съ какою высокою и теплою любовью внушены были эти великія наставленія! Еслибы они были преподаны въ скучномъ, сухомъ и

тяжеломъ стилѣ большинства нравоученій, то какъ могли бы они трогать сердца, согрѣвать воображеніе или неизгладимо запечатлѣваться въ памяти тѣхъ, кто слышалъ ихъ? Наставленія эти не были облечены въ формы схоластическаго педантизма, а преподаны въ краткомъ разсказѣ, основанномъ на самыхъ простыхъ случаяхъ изъ обыденной жизни, и притомъ жизни самой простой и бѣдной. Путешествуя ночью, во избѣжаніе дневнаго зноя, человѣкъ приходитъ въ домъ друга своего. Хозяинъ бѣденъ и не имѣетъ чѣмъ угостить его, но такъ какъ даже въ этотъ поздній часъ онъ не желаетъ пренебречь обязанностями гостепріимства, то встаетъ и идетъ въ домъ своего друга занять три хлѣба. Но этотъ послѣдній находится въ постелѣ съ своими малыми дѣтьми и домъ его запертъ. На вѣжливую и усиленную просьбу онъ грубо и сердито [744]) отвѣчаетъ изнутри: «не безпокой меня». Но другъ его, сознавая, что пришелъ за добрымъ дѣломъ, продолжаетъ стучать, пока наконецъ — не изъ добраго желанія, а вслѣдствіе назойливости [745]), тотъ встаетъ и даетъ ему все, чего онъ проситъ. «Точно такъ, прекрасно замѣчено въ одномъ мѣстѣ, когда сердце, бывшее въ дальнемъ странствованіи, вдругъ въ полночь (т.-е. во время величайшаго мрака и бѣдствія) возвращается домой къ намъ — т.-е. приходитъ въ себя и чувствуетъ голодъ, а мы не имѣемъ чѣмъ удовлетворить его, то Богъ требуетъ отъ насъ смѣлой, неотступной молитвы». Если такая настойчивость побѣждаетъ неохоту непривѣтливаго человѣка, то насколько больше получитъ она значенія у Того, кто любитъ насъ больше, чѣмъ мы сами, и кто даже съ большею охотою слушаетъ наши молитвы, чѣмъ съ какою молимся мы!

Справедливо было замѣчено, что повѣствованіе о жизни Христа на землѣ исполнено свѣта и тѣней: одинъ короткій періодъ или даже одинъ день иногда описывается со всѣми подробностями, между тѣмъ цѣлые періоды проходятся иногда въ ненарушимомъ безмолвіи. Но мы забываемъ (а если будетъ имѣть это въ виду, то ничего и не будетъ удивительнаго намъ въ этой особенности евангельскаго повѣствованія), забываемъ, какая значительная часть Его труда по необходимости должна была пойти на наставленіе и подготовку Его ближайшихъ апостоловъ для будущаго благовѣстія міру. Если мы сравнимъ, каковы были апостолы, когда призвалъ ихъ Іисусъ,—правда, простые и искренніе, но невѣжественные и робкіе, неотзывчивые къ вѣрѣ,—съ тѣмъ, какими они стали, когда Онъ удалился отъ нихъ и излилъ дары Святаго Духа въ сердца ихъ, то увидимъ, какъ мало досуговъ могло быть въ Его

благодѣтельной дѣятельности даже въ то время, когда наставленія свои Онъ преподавалъ только тѣмъ, которые жили въ самомъ свѣтѣ Его божественной личности. Блаженны они были болѣе царей и пророковъ, блаженны по богатству своихъ преимуществъ болѣе всѣхъ когда-либо жившихъ людей, такъ какъ они могли слышать Его самыя сокровенныя мысли и ежедневно видѣть эту безгрѣшную жизнь во всей ея ангельской прелести и простотѣ. Но если они сподобились этого особеннаго счастья, то не для себя только, но для того міра, который проповѣдь ихъ должна была вывесть изъ отчаянія и зла и возвесть на степень чистоты, здравомыслія и истины,—ради тѣхъ святыхъ душъ, которыя отселѣ должны были наслаждаться хотя духовнымъ, но болѣе близкимъ присутствіемъ Спасителя, чѣмъ даже апостолы, взбиравшіеся съ Нимъ на уединенные холмы или ходившіе съ Нимъ вечеромъ по берегамъ прозрачнаго озера.

Дню, начавшемуся обученіемъ такой дышащей любовью и упованіемъ молитвѣ, не суждено было пройти такъ же спокойно. Въ земной жизни Спасителя мало было дней, въ которые бы Онъ не встрѣчался съ печальными проявленіями человѣческаго грѣха и человѣческаго страданія; но въ этотъ день бѣдствіе предстало предъ Нимъ въ своей наиболѣе безотрадной и ужасающей формѣ. Къ Нему привели человѣка—бѣсноватаго, слѣпаго и нѣмаго, страдавшаго отъ той странной, необъяснимой причины, которую общее вѣрованіе приписывало бѣсовскому вліянію. Іисусъ не хотѣлъ оставить его безпомощной жертвой силъ зла. Своимъ взглядомъ и словомъ Онъ избавилъ несчастнаго страдальца отъ страшнаго недуга, успокоилъ и исцѣлилъ его, «такъ что слѣпой и нѣмой сталъ говорить и видѣть».

Изъ послѣдующихъ словъ самого Спасителя видно, что у іудеевъ были извѣстные способы заклинанія [746]), которые до нѣкоторой степени были дѣйствительны, хотя повидимому только тогда, когда примѣнялись въ болѣе слабыхъ и простыхъ случаяхъ. Исцѣленіе же такого страшнаго недуга, какимъ одержимъ былъ этотъ человѣкъ,—возстановленіе зрѣнія въ покрытыхъ бѣльмами глазахъ, дара слова въ сведенномъ языкѣ и разума въ обезумѣвшей душѣ,—было нѣчто такое, чего никогда не видывалъ народъ. Чудо поразило всѣхъ изумленіемъ и вызвало взрывъ нескрываемаго восторга. Въ первый разъ народъ открыто разсуждалъ, не есть ли тотъ, кто имѣетъ такую силу, именно ожидаемый имъ Избавитель? «Не это ли, спрашивали другъ друга въ народѣ, Христосъ, Сынъ Давидовъ» [747])?

Враги Его не могли отрицать того, что тутъ было совершено ве-

ликое чудо; но оно всетаки не убѣдило ихъ, а только еще болѣе ожесточило и привело въ бѣшенство. Но нельзя ли было изгладить и того глубокаго впечатлѣнія, которое оно произвело на умы изумленныхъ зрителей? Книжники, прибывшіе изъ Іерусалима, болѣе тонкіе и смѣтливые, чѣмъ ихъ простые галилейскіе собратья, сразу нашли выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. «Онъ имѣетъ въ себѣ веелзевула и изгоняетъ бѣсовъ не иначе, какъ силою князя бѣсовскаго» [748]). Только такое наглое рѣшеніе они и могли придумать для представившагося затрудненія! Странно, что эта клевета не встрѣтила опроверженія въ народѣ, какъ это, напр., было впослѣдствіи, когда на то же самое обвиненіе противъ Него въ Іерусалимѣ народъ говорилъ: «это слова не бѣсноватаго», не того, который имѣетъ діавола. Но народъ Галилеи былъ невѣжественъ и довѣрчивъ, а эти важные и сановитые соглядатаи изъ священнаго города обладали огромнымъ и такъ сказать наслѣдственнымъ вліяніемъ на его простой разумъ. Слова Іисуса не разъ глубоко возмущали и оскорбляли ихъ, но въ дикомъ душевномъ смятеніи они не знали, что имъ дѣлать. Неотразимость Его личнаго превосходства, невольно чувствуемое присутствіе даже въ самой любвеобильной снисходительности Его чего-то болѣе чѣмъ человѣческаго; способность Его угадывать мысли; непрестанная и неусыпная дѣятельность Его благотворенія; необычайный ужасъ, наводимый Имъ на несчастныхъ бѣсноватыхъ; рѣчь, поднимавшаяся иногда до пламенной энергіи обличенія, а иногда своею нѣжностью и красотой успокоивавшая слушателей, какъ дѣтей у груди матери; непріязнь ихъ невѣрующихъ сердецъ къ тому новому міру страховъ и надеждъ, который Онъ возвѣщалъ имъ какъ царство Божіе,—однимъ словомъ невольное потрясающее чувство, что нѣкоторымъ образомъ самый видъ Его и присутствіе приводили ихъ въ болѣе близкое отношеніе съ невидимымъ міромъ, чѣмъ въ какомъ они бывали когда-нибудь прежде—все это, не подготовляя ихъ къ принятію истины, съ самаго начала способствовало только къ тому, чтобы сдѣлать ихъ жертвами дерзкой, богохульственной и непреклонной лжи.

Поэтому Іисусъ въ немногихъ спокойныхъ словахъ опровергъ ихъ гнусный софизмъ. Онъ показалъ имъ грубую нелѣпость предположенія, чтобы сатана могъ быть врагомъ себѣ. Пользуясь неотразимымъ argumentum ad hominem, Онъ доказалъ имъ это ссылкою на тѣ заклинанія, которыя часто, хотя большею частью безуспѣшно, совершались ими и ихъ учениками. И доказавъ имъ такимъ образомъ, что сила, которою Онъ дѣйствуетъ, должна быть выше сатаны и противна ему,

а слѣдовательно должна быть духовною и божественною, Онъ предостерегалъ ихъ отъ страшной грѣховности и опасности этого ихъ богохульства противъ святаго Духа Божія, показывая, какъ близко такое богохульство къ тому грѣху, который одинъ изъ всѣхъ грѣховъ не будетъ прощенъ ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Затѣмъ, послѣ этихъ таинственныхъ предостереженій, говоря имъ еще болѣе яснымъ и знаменательнымъ языкомъ, Онъ озарилъ свѣтомъ правды ихъ собственныя злобныя и лицемѣрныя сердца и показалъ имъ, какъ этотъ убійственный плодъ лжи и клеветы могъ произойти только отъ дерева со скрытою горечью въ корняхъ и сердцевинѣ, какъ только изъ злыхъ сокровищъ, глубоко затаенныхъ во мракѣ, гдѣ погашенъ самый источникъ свѣта, могутъ происходить эти темныя порожденія ихъ злобы [749]). Наконецъ съ строгимъ предостереженіемъ, которое должно было навсегда напечатлѣться на ихъ сердцахъ, Онъ объяснилъ имъ, что *слова* человѣка обнаруживаютъ истинную сущность сердца и что за всѣ ложно и легкомысленно сказанныя слова празднаго лукавства они должны будутъ дать отвѣтъ въ страшный день суда [750]). Сила и величіе этихъ изреченій, страшная торжественность заключеннаго въ нихъ увѣщанія— повидимому на время заставили фарисеевъ умолкнуть и прекратить свое нелѣпое и дерзкое богохульство. И во время наступившей тишины одна женщина изъ толпы, увлеченная неудержимымъ порывомъ умиленія и восторга, привыкшая правда уважать этихъ длиннополыхъ фарисеевъ съ ихъ кисточками и филактеріями, но чувствовавшая до глубины своего сердца недосягаемое превосходство надъ ними стоявшаго здѣсь юнаго Пророка,—воскликнула Ему громкимъ [751]), для всѣхъ слышнымъ голосомъ:

«Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы [752]), Тебя питавшіе».

«Блаженны, отвѣчалъ Онъ тѣмъ же тономъ святаго восторга, слышащіе слово Божіе и соблюдающіе его».

Женщина эта, со всею глубиною и страстностью чувства любви своего пола, воскликнула, какъ счастлива должна быть мать такого Сына! И дѣйствительно блаженна была эта мать и блаженъ плодъ чрева ея, благословенна она была въ женахъ и блаженна, потому что вѣровала (Лук. 1, 42—45); но ея блаженство не исключительно; есть блаженство еще сильнѣе и выше — блаженство послушанія слову Божію. «Какъ многія женщины, говоритъ св. Златоустъ [753]), благословляли Пресвятую Дѣву и желали бы быть такою же матерью, какою была она! Что же препятствуетъ имъ? Христосъ проложилъ намъ торный

путь къ этому блаженству, и не только жены, но и мужи могутъ идти имъ—путь послушанія; вотъ это-то и дѣлаетъ матерей благословенными, а не роды».

Но фарисеи, смутившись на-время, не хотѣли долго оставлять Іисуса въ покоѣ. Онъ говорилъ имъ тономъ предостереженія, даже строгаго укора — *имъ,* вождямъ и религіознымъ учителямъ своего народа и страны! Что придаетъ такую смѣлость этому «пустому колодезю», простому ам-га-арецу, который только-что вынырнулъ изъ темной мастерской невѣжественнаго ремесленника? Какъ смѣлъ Онъ обращаться такъ съ ними? Пусть же Онъ по крайней мѣрѣ покажетъ какое-нибудь знаменіе — какое-нибудь знаменіе съ неба, не простое заклинаніе или исцѣленіе, а какое-нибудь безспорное, рѣшительное знаменіе своей власти. «Учитель! хотѣлось бы намъ видѣть отъ Тебя знаменіе».

Это былъ старый вопросъ, съ которымъ приставали къ нему въ самомъ еще началѣ Его служенія. «Какимъ знаменіемъ докажешь Ты намъ, что имѣешь власть такъ поступать» (Іоан. II, 18)?

Такіе запросы, дѣлавшіеся только съ цѣлью оскорбленія или искушенія, дѣлавшіеся людьми, которые не убѣдились и не удовлетворились только-что видѣннымъ ими великимъ знаменіемъ, сразу же безъ зазрѣнія совѣсти приписаннымъ ими бѣсовской силѣ, дѣлавшіеся не отъ полноты вѣрующаго сердца, а изъ любопытства, ненависти и невѣрія,— Іисусъ всегда оставлялъ безъ вниманія. Божество не нисходитъ до ограниченія проявленія своихъ силъ условіями конечныхъ запросовъ, и вообще несообразно съ совѣтомъ Божіимъ совершать обращеніе человѣческихъ душъ простымъ приведеніемъ ихъ въ изумленіе отъ внѣшнихъ знаменій. Еслибы Іисусъ далъ имъ знаменіе съ неба, то произвело ли бы оно какое-либо дѣйствіе на духовныхъ дѣтей тѣхъ предковъ, которые согласно ихъ собственной исторіи въ виду и даже подъ самыми утесами трепетавшей и дымившейся отъ страшнаго присутствія Божія горы ѣли, пили и плясали въ честь золотаго тельца? Могло ли бы это имѣть какое-нибудь значеніе для нравственныхъ потомковъ тѣхъ, которыхъ укоряли ихъ собственные пророки за то, что они поклонялись Молоху и звѣздѣ своего идола Ремфана, хотя они путеводимы были столпомъ огненнымъ и утоляли жажду водой, источенной изъ скалы? Они видѣли много знаменій и чудесъ и теперь видѣли высочайшее знаменіе безгрѣшной жизни, и несмотря на это только еще болѣе возставали и богохульствовали. Нечего поэтому было давать имъ

знаменія, кромѣ знаменій въ пророчествахъ, которыхъ они не разумѣли. Родъ лукавый и прелюбодѣйный, воскликнулъ Онъ, обращаясь къ тѣсно столпившемуся народу, ищетъ знаменія, и знаменіе не дастся ему, кромѣ знаменія Іоны пророка. Спасенный послѣ трехсуточнаго пребыванія въ мрачной утробѣ бурнаго моря, онъ былъ знаменіемъ для ниневитянъ; такъ и Сынъ человѣческій возстанетъ изъ нѣдръ земли [754]). И тѣ ниневитяне, которые покаялись вслѣдствіе проповѣди Іоны, и царица савская, которая приходила изъ отдаленныхъ предѣловъ земли послушать мудрости Соломоновой, возстанутъ также на судъ и осудятъ родъ сей, презрѣвшій и отвергнувшій Того, кто больше Соломона и Іоны. Родъ этотъ получилъ всякія блага. Вавилонское плѣненіе, маккавейское возрожденіе, мудрое и справедливое управленіе царей асмонейскихъ, недавняя проповѣдь Іоанна — изгнали изъ него злаго духа идолопоклонства и непокорности, возмущавшаго отцовъ ихъ; это старое жилище его было вычищено и убрано правилами фарисеевъ и законническими тонкостями книжниковъ; но увы, никакой добрый духъ не былъ призванъ для занятія пустаго мѣста, и вотъ теперь старый злой владѣтель возвратился въ свое прежнее обиталище съ семью другими духами, злѣйшими себя, и это послѣднее состояніе ихъ горше перваго.

Но бесѣда Его неожиданно была прервана тутъ [755]). До домашнихъ Его опять дошли свѣдѣнія, что Его окружала большая толпа народа и Онъ говорилъ болѣе странныя и страшныя вещи, чѣмъ когда-нибудь прежде, и сверхъ того съ явнымъ презрѣніемъ обличалъ и съ пылкимъ негодованіемъ поносилъ великихъ учителей, которые нарочито были присланы изъ Іерусалима наблюдать за Нимъ. Все это встревожило ихъ; быть можетъ имъ передали и ту страшную клевету, которая вызвала столь суровые укоры съ Его стороны. Изъ тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, которыя имѣются у насъ о Его братьяхъ, можно заключить, что это были евреи изъ евреевъ, и вѣроятно находились подъ сильнымъ вліяніемъ священниковъ и раввиновъ; къ тому же они доселѣ еще или совсѣмъ не вѣровали въ Него, или только смутно сознавали Его истинное достоинство. Не надо ли имъ теперь, думали они, вмѣшаться опять? Не могутъ ли они спасти Іисуса, котораго они считали *своимъ* Іисусомъ, отъ его собственнаго увлеченія? Нельзя ли имъ какъ-нибудь избавить Его отъ той опасности, которой Онъ подвергалъ себя такимъ своимъ ученіемъ? Нельзя ли уговорить Его хоть на время удалиться въ какое-нибудь болѣе уединенное и безопасное мѣсто? Сами они не могли про-

браться къ Нему черезъ толпу, но передали кому-то, чтобы тотъ сказалъ Ему о ихъ присутствіи здѣсь. Тотъ сразу заявилъ Ему: «вотъ матерь Твоя и братья Твои стоятъ внѣ, желая говорить съ Тобою». Увы! неужели они еще не понимаютъ, что если не хотятъ войти, то и настоящее мѣсто для нихъ стоять внѣ? что наступившій теперь часъ Его далеко уже вывелъ Его за кругъ простаго человѣческаго родства, за предѣлы вліянія человѣческихъ братьевъ? Неужели нужно еще разъ пресѣчь духъ ихъ назойливости? Да, нужно было, но только кротко и такъ, чтобы доставить этимъ безконечное утѣшеніе другимъ. «Кто матерь Моя?» сказалъ Онъ доложившему о нихъ, «и кто братья Мои?» И затѣмъ, показывая рукою на учениковъ, Онъ восторженно воскликнулъ: «вотъ матерь Моя и братья Мои. Ибо кто будетъ исполнять волю Отца Моего небеснаго, тотъ Мнѣ братъ, и сестра, и матерь».

Каменное украшеніе съ изображеніемъ исторіи пророка Іоны *).

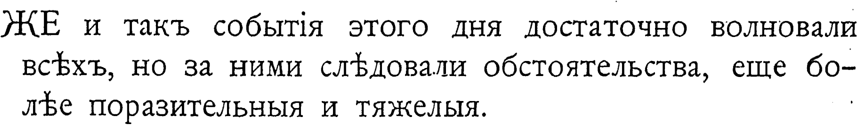
*) Исторія пророка Іоны здѣсь представлена въ трехъ отдѣльныхъ частяхъ. Въ центрѣ пророкъ съ распростертыми руками падаетъ за бортъ корабля прямо къ морскому чудовищу, которое съ открытой пастью и съ напряженіемъ въ туловищѣ готово схватить его. На высокой кормѣ корабля сидитъ капитанъ. Одной рукой онъ держитъ руль, а другую поднялъ для выраженія приказанія поднять главный парусъ, который при противномъ вѣтрѣ былъ скрученъ къ райнѣ. Сбоку корабля можно различить три длинныхъ весла, которыя быть можетъ служили съ цѣлью сдерживанія корабля во время бури. На лѣвой сторонѣ изображенія Іона спокойно сидитъ съ посохомъ въ рукѣ подъ своимъ любимымъ тыквенникомъ, на вершинѣ котораго сидитъ воронъ, птица пророчества. Справа пророкъ стоитъ, протянувъ свою правую руку (какбы въ позѣ *allocutio* первыхъ римскихъ императоровъ), въ знакъ того, что занятъ проповѣдью ниневитянамъ. Самое украшеніе сдѣлано изъ краснаго весьма яркаго сардоникса и принадлежитъ къ великолѣпной коллекціи Арчера Гублона (Mr. Archer Houblon, of Hallingbury Place, Essex). Грубая рѣзкость въ очертаніяхъ даетъ возможность заключать, что эта гравюра относится — самое позднѣе — къ четвертому вѣку. На нѣсколько лѣтъ позднѣе проповѣдь пророка Іоны была бы выражена попыткой изобразить слушающихъ ниневитянъ въ смѣшанной массѣ большихъ и малыхъ фигуръ, вмѣсто той серьезной и внушительной позы, какъ здѣсь. Такимъ образомъ это украшеніе, стоящее между древнеримскимъ и раннимъ средневѣковымъ стилемъ, какъ по идеѣ, такъ и по экспрессіи, поистинѣ составляетъ «эпоху въ исторіи искусства».

Гробницы въ долинѣ Іосафатовой.

ГЛАВА XXXIII.

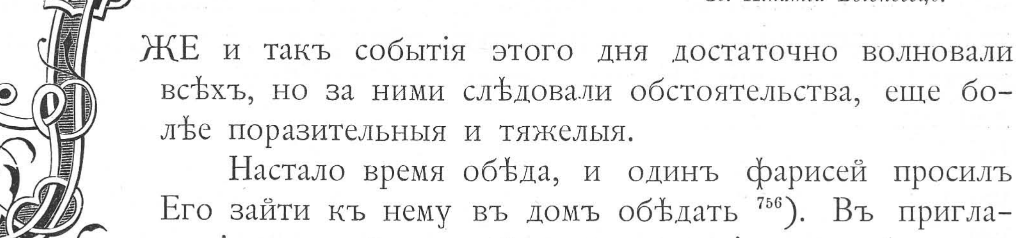
ДЕНЬ ОТКРЫТАГО РАЗРЫВА.

Близъ меча, близъ Бога.
Св. Игнатій Богоносецъ.



УЖЕ и такъ событія этого дня достаточно волновали всѣхъ, но за ними слѣдовали обстоятельства, еще болѣе поразительныя и тяжелыя.

Настало время обѣда, и одинъ фарисей просилъ Его зайти къ нему въ домъ обѣдать [756]. Въ приглашеніи этомъ было крайне мало радушія или любезности. Если оно и не прямо дѣлалось съ враждебностью и злымъ умысломъ, какъ это бывало при другихъ приглашеніяхъ со стороны фарисеевъ, то побужденіемъ къ нему во всякомъ случаѣ было не болѣе, какъ простое любопытство — поближе увидѣть новаго учителя, или даже тщеславіе принять у себя такого важнаго гостя. Войдя въ этотъ домъ, Іисусъ увидѣлъ себя не среди мытарей и грѣшниковъ, гдѣ бы онъ могъ утѣшать, поучать и благословлять, не среди бѣдняковъ, которымъ Онъ могъ бы проповѣдывать



Гробницы въ долинѣ Іосафатовой.

ГЛАВА XXXIII.

ДЕНЬ ОТКРЫТАГО РАЗРЫВА.

Близъ меча, близъ Бога.
Св. Игнатій Богоносецъ.

УЖЕ и такъ событія этого дня достаточно волновали всѣхъ, но за ними слѣдовали обстоятельства, еще болѣе поразительныя и тяжелыя.

Настало время обѣда, и одинъ фарисей просилъ Его зайти къ нему въ домъ обѣдать [756]). Въ приглашеніи этомъ было крайне мало радушія или любезности. Если оно и не прямо дѣлалось съ враждебностью и злымъ умысломъ, какъ это бывало при другихъ приглашеніяхъ со стороны фарисеевъ, то побужденіемъ къ нему во всякомъ случаѣ было не болѣе, какъ простое любопытство — поближе увидѣть новаго учителя, или даже тщеславіе принять у себя такого важнаго гостя. Войдя въ этотъ домъ, Іисусъ увидѣлъ себя не среди

царство небесное, не среди друзей и учениковъ, которые бы слушали Его слова съ глубокимъ и любящимъ благоговѣніемъ, а среди холодныхъ, жесткихъ и угрожающихъ лицъ, среди насмѣшливыхъ и злобныхъ взглядовъ своихъ надменныхъ соперниковъ и открытыхъ враговъ. Апостолы повидимому не были приглашены. Тутъ не было сочувствующаго Ѳомы для поддержанія Его, ласковаго Наѳанаила для ободренія, пылкаго Петра для защиты, возлюбленнаго Іоанна, который бы склонилъ свою голову къ Нему на грудь. Книжники, законники и фарисеи — всѣ эти гости съ важностью и на показъ совершили свои изысканныя омовенія и затѣмъ, каждый изъ нихъ съ крайнею заботливостью о своемъ собственномъ достоинствѣ, спѣшили занимать свои мѣста за столомъ. Безъ всякихъ такихъ выработанныхъ и изысканныхъ церемоній вошелъ Іисусъ и возлегъ за столомъ [757]). Это была короткая и простая закуска, а за дверьми дома толпилась густая масса народа, алкавшая еще и жаждавшая словъ жизни вѣчной. Поэтому Онъ не хотѣлъ тратить времени и исполнять безполезную обрядность омовеній, которыя на этотъ разъ были совершенно излишни, такъ какъ только неразуміе и ложное благочестіе придавали имъ важность.

Крайнее изумленіе мгновенно выразилось на лицѣ хозяина, а вздернутыя брови и брезгливые жесты недружелюбныхъ гостей несомнѣнно выказывали также неодобреніе и презрительность съ ихъ стороны. Они забывали, Кто Онъ и что Онъ дѣлалъ. Будучи сначала шпіонами и клеветниками, теперь они даже свое хваленое и снисходительное гостепріимство съ низостью обращали въ новые случаи для коварнаго заговора. Настало время для еще болѣе яснаго обличенія, для еще болѣе сильнаго выраженія негодованія, и Онъ не щадилъ ихъ. Не притчами, а простымъ, яснымъ языкомъ Онъ показывалъ имъ, до какой степени ихъ внѣшняя чистота была только легкой завѣсой, прикрывавшей ихъ внутреннюю негодность и алчность. Онъ изобличалъ ихъ презрѣнную тщательность въ расчищеніи десятины съ мяты, руты и всякихъ овощей и рядомъ съ нею вопіющее пренебреженіе самыми главными добродѣтелями; ихъ лицемѣріе, мелочное тщеславіе, страсть къ общественному почету, хвастливость своимъ внѣшнимъ правовѣріемъ, неисправимую испорченность ихъ сердецъ. Они подобны гробамъ скрытымъ, надъ которыми люди ходятъ и оскверняются, не зная того.

Тутъ одинъ изъ присутствовавшихъ законниковъ — какой-нибудь ученый профессоръ или правовѣрный мазоретъ [758]), осмѣлился прервать

величавый потокъ Его укоровъ. Онъ быть можетъ вообразилъ, что юный Пророкъ назаретскій (который былъ слишкомъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, поученія котораго народу доселѣ дышали духомъ такой безконечной нѣжности) вообще слишкомъ мягокъ, слишкомъ любвеобиленъ, чтобы взаправду гремѣть такими укорами. Онъ думалъ быть можетъ, что достаточно вставить одно слово, чтобы остановить бурю Его распылавшагося гнѣва. Онъ еще не зналъ, что никакой сильный или великій характеръ не можетъ обойтись безъ проявленій праведнаго гнѣва. И вотъ, не зная того, что происходило въ душѣ Спасителя, и удивляясь такому суровому обращенію съ столь почтенными и высокими людьми, онъ вполголоса заявилъ неодобрительнымъ тономъ: «Учитель, говоря это, Ты и насъ обижаешь».

Да, Онъ укорялъ и ихъ. Они такъ же сваливали на плечи другимъ тягости, которыхъ не хотѣли нести сами; они такъ же строили гробницы пророкамъ, которыхъ избивали отцы ихъ; они такъ же отвернулись отъ вратъ разумѣнія и захватили ключи, чтобы никто не могъ войти ими; съ нихъ такъ же, какъ и со всего этого преступнаго рода, должна была взыскаться кровь всѣхъ пророковъ, отъ крови Авеля до крови Захаріи, убитаго между жертвенникомъ и храмомъ [759]).

Та же самая бесѣда, но еще полнѣе и грознѣе, была впослѣдствіи произнесена Іисусомъ въ храмѣ Іерусалимскомъ въ послѣднюю великую недѣлю Его земной жизни; но при этомъ случаѣ Онъ впервые съ высоты своего нравственнаго превосходства разразился надъ ними потрясающими молніями своихъ грозныхъ предостереженій, въ которыхъ семь разъ произнесена имъ страшная угроза: «горе вамъ» [760]). Они быть можетъ думали, что Онъ обманется ихъ особенной мягкостью и лицемѣрнымъ гостепріимствомъ; но Онъ зналъ, что даже и тѣ сухія любезности, которыми они окружали Его, были не отъ истиннаго сердца. Находясь одинъ между ними и такъ сказать предавъ себя такому обществу, Онъ имѣлъ еще новыя основанія низводить на ихъ головы громы предостереженій и суда, которые впослѣдствіи, въ случаѣ ихъ нераскаянности, должны были повергнуть ихъ въ прахъ. Имъ не удалось ни на мгновеніе обмануть Его. Фальшивая любезность, злое подобіе дружбы не заслуживаютъ никакого уваженія. Она можетъ сойти въ области пустой моды и свѣтской любезности, гдѣ часто слова устъ мягче масла у людей брань имѣющихъ въ сердцѣ, и гдѣ льстятъ своимъ языкомъ, хотя гортань ихъ есть открытая могила; но она обращается

въ ничто передъ очищающимъ огнемъ божественнаго сужденія и ничего не оставляетъ по себѣ, кромѣ горькаго удушливаго смрада. Пришло время показать этимъ лицемѣрамъ, какъ хорошо извѣстна была Ему испорченность ихъ сердца, какъ глубоко ненавидѣлъ Онъ негодность ихъ жизни.

Всѣ чувствовали, что это былъ открытый разрывъ. Пиръ въ смятеніи прекратился [761]). Книжники и фарисеи сбросили свою маску. Изъ льстивыхъ друзей и любознательныхъ вопрошателей они сразу выступили въ своемъ настоящемъ видѣ, какъ смертельные противники. Они окружили Іисуса, бурно, настойчиво, почти съ угрозами наступали на Него; начали изливать на Него цѣлый потокъ вопросовъ, испытывать и экзаменовать, насильственно заставляя Его сказать что-нибудь такое, на что они, подобно охотникамъ изъ засады, бросились бы съ жадностью, обличая невѣжество или улавливая ошибку, и главнымъ образомъ стараясь напасть на какой-нибудь слѣдъ ереси, чтобы найти основаніе для законнаго обвиненія, при помощи котораго имъ давно уже хотѣлось низложить Его [762]).

Какъ Спаситель освободился отъ этого непристойнаго зрѣлища, какъ Онъ могъ удалиться изъ среды такихъ дерзкихъ враговъ — объ этомъ ничего не сообщается. Вѣроятно, Ему достаточно было одного мановенія руки, чтобы устранить своихъ враговъ и заставить ихъ дать Ему свободный выходъ. Между тѣмъ и народъ видимо заподозрилъ что-нибудь или узналъ о томъ, что̀ происходитъ въ домѣ. Мгновенно передъ домомъ собралась громадная толпа, въ поспѣшности толкая и тѣсня другъ друга [763]), и глухой, гнѣвный ропотъ совнѣ быть можетъ во-время далъ знать фарисеямъ, что было бы опасно заходить слишкомъ далеко. Іисусъ вышелъ къ народу, весь еще пылая праведнымъ и сильнымъ гнѣвомъ, наполнявшимъ Его душу. Тотчасъ же, обращаясь сначала къ своимъ ученикамъ, а чрезъ нихъ и ко всей многотысячной толпѣ, Онъ высказалъ торжественное предостереженіе: «Берегитесь закваски фарисейской, которая есть *лицемѣріе*». Онъ предостерегалъ ихъ, что есть всевидящее око, въ тысячи разъ свѣтлѣе солнца, и тайна для него невозможна. Онъ увѣщевалъ ихъ не бояться людей (къ чему могли склонять ихъ печальныя смятенія послѣднихъ дней), но бояться Того, который не только можетъ убить тѣло, но и душу можетъ ввергнуть въ геенну огненную [764]). Богъ, возлюбившій ихъ, будетъ пещись о нихъ, и Сынъ человѣческій исповѣдаетъ предъ ангелами Божіими тѣхъ, кто исповѣдаетъ Его предъ человѣками.

Когда Онъ такъ бесѣдовалъ съ народомъ, бесѣда Его въ высшей степени неблаговременно была прервана — на этотъ разъ не враждою, не несвоевременнымъ вмѣшательствомъ, не неудержимымъ восторгомъ, а просто разсчетомъ и своекорыстіемъ. Какой-то алчный, но малоразвитый человѣкъ изъ толпы, видя эти слушающія народныя массы, самъ слыша властныя могучія слова, узнавъ о недавнемъ обличеніи фарисеевъ и ожидая, быть можетъ, немедленнаго откровенія мессіанскаго могущества, порѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ для своихъ житейскихъ цѣлей. Онъ подумалъ, если можно такъ выразиться, что тутъ можно сдѣлать хорошій гешефтъ, и крайне неумѣстно и непристойно прервалъ Іисуса просьбой: «Учитель, скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство».

Почти суровый приговоръ послѣдовалъ со стороны Спасителя на эту просьбу человѣка, всецѣло поглощеннаго своими себялюбивыми разсчетами. Это повидимому былъ одинъ изъ тѣхъ нерѣдкихъ людей, для которыхъ вся вселенная пропитана ихъ личнымъ *я*, и онъ кажется думалъ, что и главною цѣлью самаго пришествія Мессіи будетъ только то, чтобы обезпечить ему надлежащій раздѣлъ доставшагося ему наслѣдства и принудить къ нему несогласнаго брата. Іисусъ сразу разсѣялъ его до жалости грубыя ожиданія и затѣмъ предостерегалъ его и всѣхъ слушателей, чтобы они остерегались заключать всѣ свои надежды въ узкій горизонтъ земныхъ удобствъ и выгодъ. Какъ при всей своей краткости богата значеніемъ разсказанная Имъ при этомъ маленькая притча о богатомъ глупцѣ, который въ своемъ жадномъ, до богозабвенія самонадѣянномъ своекорыстіи намѣревался дѣлать то и другое, и который, совсѣмъ забывая, что существуетъ смерть и что душа не можетъ питаться хлѣбомъ, думалъ, что душѣ его надолго хватитъ этихъ «плодовъ», «добра» и «житницъ» и что ей достаточно только «ѣсть, пить и веселиться», но которому, какъ страшное эхо, прогремѣлъ съ неба потрясающій и полный ироніи приговоръ: «*Безумный! въ сію ночь* душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ» [765])?

И затѣмъ Спаситель подробно развилъ свою мысль. Онъ говорилъ имъ, что душа больше пищи и тѣло больше одежды Опять напомнилъ имъ, какъ Богъ одѣваетъ лучше славы Соломоновой нетрудящіяся лилии и питаетъ беззаботныхъ вороновъ, не сѣющихъ и не жнущихъ. Пища, одежда и всякія имѣнія не составляютъ жизни; есть нѣчто лучше, чего и должно искать; пусть же они не мятутся на

этомъ волнующемся морѣ бездушной суеты [766]); пусть жизнь ихъ будетъ преисполнена безстрашной надеждой, искреннимъ человѣколюбіемъ, будетъ жизнью съ препоясанными чреслами и зажженными свѣтильниками — подобно жизни раба, каждое мгновеніе ожидающаго возвращенія господина своего.

Наставленія эти главнымъ образомъ были обращены къ ученикамъ, хотя и для народа, слышавшаго ихъ, они во всякомъ случаѣ не теряли своей важности. Но здѣсь любопытство превозмогло Петра, и онъ спросилъ: ученикамъ ли собственно говорилась эта притча, или и всѣмъ?

Спаситель не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, и Его молчаніе было лучшимъ отвѣтомъ. Пусть только каждый человѣкъ заботится, чтобы онъ именно былъ этимъ вѣрнымъ и мудрымъ рабомъ; блаженъ будетъ онъ тогда; но страшная, какъ разъ по мѣрѣ знанія и преимуществъ, кара постигнетъ прожорливаго, жестокаго, безпутнаго раба-пьяницу, котораго господинъ застанетъ среди его беззаконій.

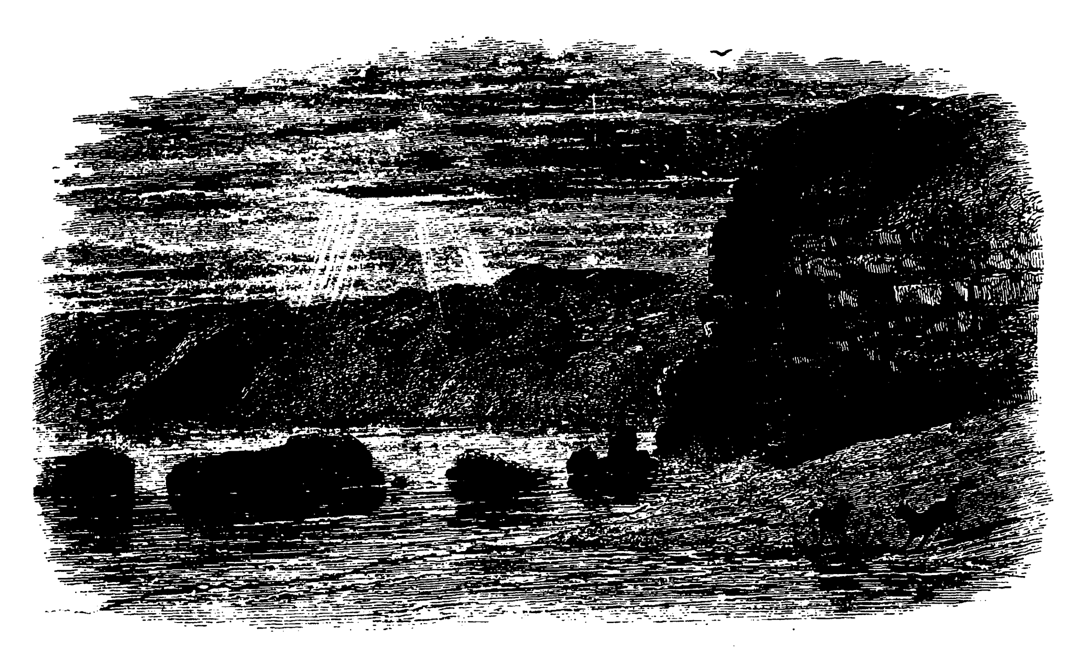
И тогда при мысли объ этомъ страшномъ судѣ взволновался духъ Христа. Онъ думалъ объ отвергнутомъ мірѣ, который долженъ былъ окончиться яростной бранью, о раздѣленіи домовъ и разлученіи друзей. Ему должно было креститься огнемъ и душа Его томилась желаніемъ, пока оно не совершилось. Онъ пришелъ низвесть огонь на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся! чтобы огонь былъ какбы духовнымъ крещеніемъ, тотъ очищающій огонь, который бы въ одно и то же время вдохновлялъ и ослѣплялъ, освѣщалъ и разрушалъ, въ одно и то же время закрѣплялъ бы глину и расплавлялъ золото [767]). При этомъ намъ вспоминается одно изъ тѣхъ замѣчательныхъ изреченій, хотя только преданіемъ приписываемыхъ Христу, которое могло имѣть связь съ выраженною здѣсь мыслью:

«Кто близъ Меня, тотъ близъ огня; и кто далеко отъ Меня, тотъ далеко отъ царства небеснаго» [768]).

Но отъ этихъ печальныхъ мыслей Онъ опять возвратился къ ближайшимъ потребностямъ народа. По краснотѣ неба, по поднятію облаковъ они могли предсказывать, что пойдетъ ливень или подуетъ знойный вѣтеръ, — какъ же они не могли различать знаменій временъ? Они всматривались въ отдаленныя области неба, ища признаковъ того, что совершается въ воздухѣ, которымъ дышатъ, и на землѣ, по которой ходятъ; но искали ли они какъ слѣдуетъ во внутреннемъ состояніи своихъ собственныхъ душъ? Если они хотятъ видѣть планету,

которая управляетъ ихъ жизнью и вліяетъ на ихъ судьбу, то они должны искать ее не во внѣшней измѣнчивости небесныхъ явленій, но каждый въ глубинѣ своего собственнаго сердца [769]). Пусть же воспользуются они настоящимъ благопріятнымъ случаемъ для примиренія съ Богомъ. И для людей, и для народовъ бываетъ иногда наконецъ уже «поздно».

На этомъ бесѣда повидимому и закончилась. Это въ послѣдній разъ народъ слышалъ Его ученіе, которое должно было прекратиться на нѣсколько времени. Окруженный врагами, не только могущественными, но и крайне ожесточенными теперь; непріятный ближайшимъ царедворцамъ того самаго царя, во владѣніи котораго Онъ жилъ; преслѣдуемый открытою ненавистью и тайными кознями шпіоновъ въ лицѣ людей, которыхъ привыкъ уважать народъ; чувствуя, что народъ не понимаетъ Его, а въ умахъ его вождей и наставниковъ уже готовъ для Него приговоръ осужденія и смерти,—Онъ на время оставилъ свою родную страну и отправился въ языческіе чужіе города, чтобы тамъ найти себѣ тотъ отдыхъ и миръ, въ которомъ Ему отказано было на родинѣ.

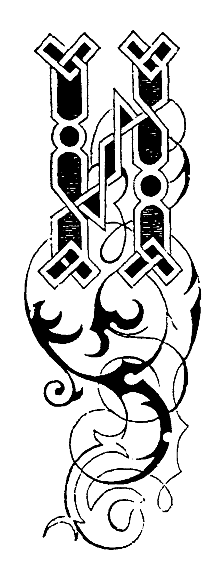


Развалины Тира.

ГЛАВА XXXIV.

СРЕДИ ЯЗЫЧНИКОВЪ.

Свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ.
Сvмеонъ Богопріимецъ.



И ВЫШЕДШИ оттуда, Іисусъ удалился въ страны Тирскія и Сидонскія (Матѳ. xv, 21—28; Марк. vii, 24—30).

Такая краткая замѣтка предпосылается немногимъ и скуднымъ извѣстіямъ о томъ періодѣ жизни и дѣятельности Спасителя, о которомъ, еслибы дано было намъ, мы съ глубочайшимъ интересомъ желали бы узнать нѣсколько побольше. Но изъ этого посѣщенія языческаго міра сообщается только единственный случай. Казалось бы, что въ этой отдаленной странѣ можно было вполнѣ разсчитывать не только на безопасность, но и на полный покой; но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Мы уже видѣли указанія на то, что слава о Его чудесахъ проникла даже до древнихъ финикійскихъ городовъ, и едва Онъ ступилъ въ ихъ окрестности, какъ оказалось, что Ему нельзя было скрыть себя и здѣсь.

Развалины Тира.

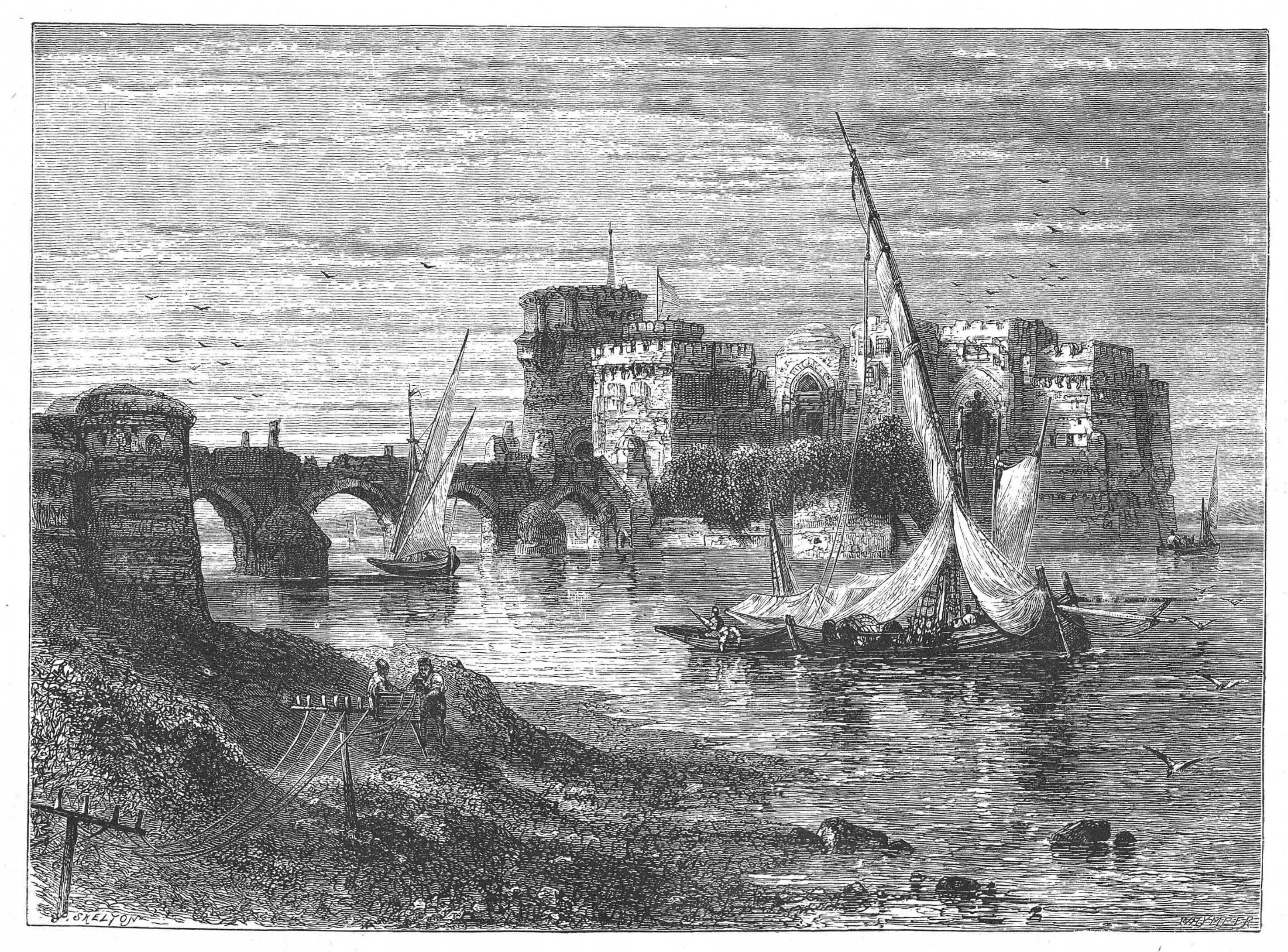
ГЛАВА XXXIV.

СРЕДИ ЯЗЫЧНИКОВЪ.

Свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ.
Сvмеонъ Богопріимецъ.

ВЫШЕДШИ оттуда, Іисусъ удалился въ страны Тирскія и Сидонскія (Матѳ. XV, 21—28; Марк. VII, 24—30).

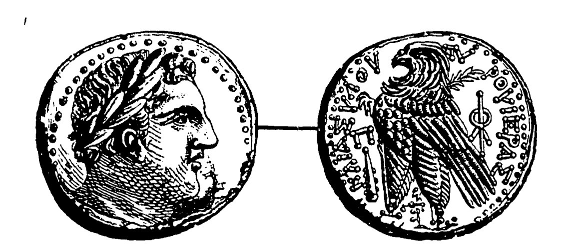
Такая краткая замѣтка предпосылается немногимъ и скуднымъ извѣстіямъ о томъ періодѣ жизни и дѣятельности Спасителя, о которомъ, еслибы дано было намъ, мы съ глубочайшимъ интересомъ желали бы узнать нѣсколько побольше. Но изъ этого посѣщенія языческаго міра сообщается только единственный случай. Казалось бы, что въ этой отдаленной странѣ можно было вполнѣ разсчитывать не только на безопасность, но и на полный покой; но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Мы уже видѣли указанія на то, что слава о Его чудесахъ проникла даже



Сидонъ.

Одна женщина уже искала Его и, слѣдуя за Его спутниками, усиленно просила: «помилуй меня, Господи, Сынъ Давидовъ! дочь моя жестоко бѣснуется».

Можно бы подумать, что Спаситель отвѣтитъ на такую мольбу немедленнымъ и охотнымъ исполненіемъ ея, тѣмъ болѣе, что, удовлетворяя ея просьбу, Онъ символически представилъ бы распространеніе своего царства на три величайшія вѣтви языческаго міра. Женщина эта была по происхожденію хананеянка и сиро-финикіянка [770]), по положенію римская подданная, по образованію и языку гречанка; и ея обращеніе къ милосердію Мессіи избраннаго народа могло казаться первымъ плодомъ той жатвы, на которой впослѣдствіи долженъ былъ произрости обильный плодъ въ Тирѣ и Сидонѣ, въ Кареагенѣ, Греціи и Римѣ. Но Іисусъ (не служитъ ли это однимъ изъ безчисленныхъ доказательствъ того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ шаткимъ и ложнымъ преданіемъ, а съ настоящимъ фактомъ?)—«не отвѣчалъ ей ни слова».



Монета города Тира *).

Ни при какомъ другомъ случаѣ не сообщается о подобной видимой холодности со стороны Христа; не указывается здѣсь и причинъ, заставившихъ Его дѣйствовать такъ. Двѣ только представляются возможными здѣсь: быть можетъ Онъ желалъ испытать чувства своихъ учениковъ, которые, при узкой исключительности іудейскаго духа, могли оказаться неподготовленными къ тому, чтобы видѣть Его оказывающимъ благодѣяніе не только язычницѣ, но хананеянкѣ, потомку проклятаго

*) Изображенная здѣсь тирская тетрадрахма на лицевой сторонѣ имѣетъ безбородую голову мѣстнаго финикійскаго божества *Мелкарта* («Царь города»), который отождествлялся съ римскимъ Геркулесомъ и въ греческой миѳологіи встрѣчается подъ немного измѣненнымъ именемъ Меликерта; на оборотѣ изображенъ прямо стоящій орелъ, впереди котораго дубина Геркулеса, а позади пальмовая вѣтвь—въ знакъ побѣды; вокругъ его надпись: ΤΥΡΟΥ ΙΕΡΑΣ ΚΑΙ ΑΣΥΛΟΥ—(монета) *Тира священнаго и ненарушимаго.* Буква П передъ орломъ означаетъ годъ 80, что, считая съ провозглашенія независимости Тира по смерти тамъ Димитія II въ 126 г. до Р. Хр., соотвѣтствуетъ 46 г. до Р. Хр. Монограмма справа вѣроятно означаетъ имя какого-нибудь мѣстнаго магистра, начинающееся съ буквъ ΦΙΛ (Фил —).

Монета города Тира *).

рода. Правда, Онъ исцѣлилъ слугу сотника, но тотъ былъ римлянинъ, очевидно благодѣтельствовавшій іудеямъ, и по всей вѣроятности прозелитъ вратъ. Но еще вѣроятнѣе, зная, что послѣдуетъ за этимъ, Онъ желалъ побольше испытать вѣру этой женщины, какъ для того, чтобы увѣнчать ее болѣе полной и славной наградой, такъ и для того, чтобы она узнала нѣчто гораздо большее относительно Его, чѣмъ простой іудейскій титулъ, быть можетъ случайно подхваченный ею [771]). И затѣмъ, такъ какъ всякое чудо исполнено также и нравственнаго значенія, Онъ быть можетъ желалъ на всѣ времена ободрить насъ въ нашихъ молитвахъ и упованіяхъ и научить не ослабѣвать, когда бы даже казалось намъ, что гнѣвно лицо Его къ намъ и слухъ Его отвращенъ отъ насъ.

Утомленные ея неотвязчивыми воплями, ученики стали просить Іисуса отпустить ее. Но какбы не придавая значенія даже *ихъ* просьбѣ, Онъ сказалъ имъ: «Я посланъ только къ погибшимъ овцамъ *дома Израилева*».

Тогда женщина подошла и, припавъ къ ногамъ Его, начала умолять Его, говоря: «Господи, помоги мнѣ». Неужели же Онъ могъ не тронуться горемъ ея? Могъ ли Онъ отвергнуть такую мольбу и заставить ее ни съ чѣмъ возвратиться домой, чтобы съ убитымъ сердцемъ вновь смотрѣть на припадки бѣсноватой дочери? Спокойно вышелъ изъ тѣхъ устъ, которыя никогда еще не отвѣчали на мольбу просящаго чѣмъ-нибудь инымъ кромѣ милосердія,—холодный отвѣтъ: «не хорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ».

Такой отвѣтъ могъ бы холодомъ охватить ея душу; и еслибы Спаситель не предвидѣлъ, что ея душа полна той рѣдкостной надежды, которая можетъ видѣть милосердіе и принятіе просьбы даже въ видимомъ отверженіи ея, то Онъ не отвѣтилъ бы ей такъ. Но и всѣ снѣга ея родныхъ Ливанскихъ горъ не могли бы затушить того огня любви, который пылалъ на алтарѣ ея сердца, и быстро, какъ эхо, послѣдовалъ отъ нея славный и безсмертный отвѣтъ: «Такъ, Господи! но и псы ѣдятъ крохи, которыя падаютъ со стола господъ ихъ!» [772]).

И она восторжествовала, и больше чѣмъ восторжествовала. Ни на минуту больше Спаситель не продлилъ мукъ ея ожиданія. «О женщина! воскликнулъ Онъ, велика вѣра твоя; да будетъ тебѣ по желанію твоему». Съ обычною красотою и живописностью евангелистъ Маркъ заканчиваетъ это повѣствованіе трогательными словами: «И пришедши въ свой домъ, она нашла, что бѣсъ вышелъ, и дочь лежитъ на постелѣ».

Долго ли Спаситель пробылъ въ этихъ странахъ, и въ какомъ мѣстѣ останавливался — мы не знаемъ. Удаленіе Его отсюда вѣроятно ускорено было тою гласностью, которою сопровождались Его движенія даже здѣсь и которая въ странѣ, гдѣ главною Его цѣлью было спокойно поучать своихъ ближайшихъ и возлюбленнѣйшихъ послѣдователей, а не проповѣдывать или совершать дѣла милосердія, могла только затруднять Его дѣло. Поэтому онъ оставилъ эту замѣчательную страну.

«Псы ѣдятъ крохи» *).

Несомнѣнно съ чувствомъ грусти и любопытства Онъ посмотрѣлъ бы на Тиръ, съ его торговымъ величіемъ, его древними преданіями, его пышнымъ и грязнымъ идолослуженіемъ, съ его отношеніемъ къ исторіи и пророчествамъ Его родной страны; на Сарепту, съ ея воспоминаніями о бѣгствѣ Иліи и чудесахъ Елисея; на Сидонъ, съ его ловлями пурпурныхъ раковинъ, его гробницами нѣкогда знаменитыхъ и давно

*) Изображенная здѣсь мраморная доска, найденная въ Айдинджикѣ (древнемъ Кирикѣ) около 1840 года, представляетъ полную иллюстрацію бесѣды Спасителя съ сирофиникійской женщиной. *Любимая собака* (что именно и разумѣется подъ κυνάριον у Матѳ. xv, 26 и Марк. vii, 27) съ настойчивостью и жадностью (что видно по всему положенію собаки и по поднятой лапѣ) выпрашиваетъ какихъ-ни-

«Псы ѣдятъ крохи» *).

забытыхъ царей; съ его башнями, поднимающимися изъ пальмовыхъ и лимонныхъ рощъ у берега синяго историческаго моря; на бѣлые паруса безчисленныхъ кораблей, плавающихъ къ островамъ язычниковъ и ко всѣмъ благодатнымъ и знаменитымъ странамъ Греціи, Италіи и Испаніи. Но Его дѣло было не здѣсь, и, опять оставивъ эти финикійскіе предѣлы Мелкарта и Ашеры, вааловъ и астартъ, Онъ направился къ востоку (вѣроятно, по глубокой горловинѣ быстраго и красиваго Леонта) и, достигнувъ такимъ образомъ истоковъ Іордана, отправился по его берегамъ на югъ въ страну Десятиградія [773]).

Десятиградіемъ называлась область къ востоку отъ Іордана, простиравшаяся на сѣверъ повидимому [774]) до Дамаска и на югъ до рѣки Іавока, составлявшей сѣверный предѣлъ Переи. Это былъ союзъ десяти вольныхъ городовъ въ той области, которую іудеи по возвращеніи изъ плѣна никогда уже не могли возвратить себѣ и которая поэтому занята было главнымъ образомъ язычниками, составлявшими отдѣльную часть этой римской провинціи. Пріемъ Іисуса въ этой полуязыческой области повидимому былъ благопріятный. Куда бы Онъ ни пошелъ, Ему всегда приходилось по необходимости употреблять свои чудодѣйственныя силы въ пользу страдальцевъ, просившихъ Его помощи; и въ одномъ изъ этихъ городовъ [775]) Его умоляли исцѣлить человѣка, который былъ глухъ и едва способенъ говорить (Марк. VII, 32 — 37). Онъ могъ бы исцѣлить его словомъ, но очевидно тутъ были обстоятельства, которыя дѣлали желательнымъ, чтобы это исцѣленіе совер-

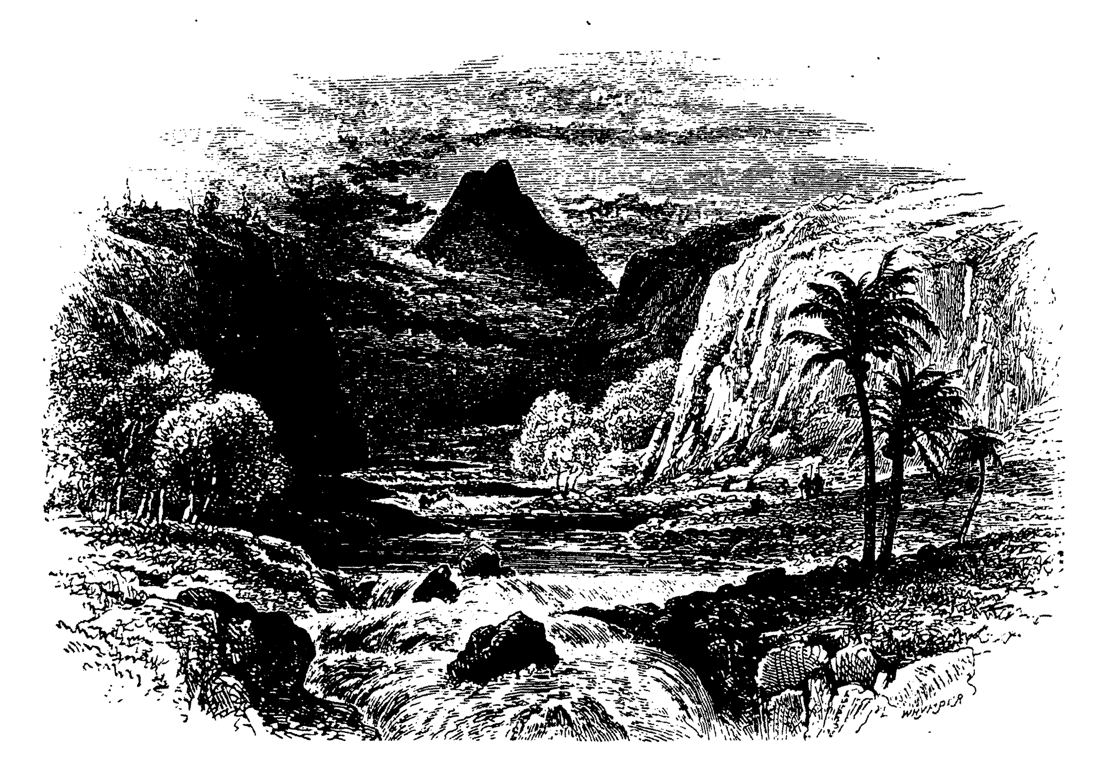
---

будь крохъ со стола, за которымъ возлежитъ господинъ ея Данай, обнимая своей правой рукой сына своего Асклипіада, а жена его Эорта сидитъ по лѣвую руку. Имена ихъ мы узнаемъ изъ подписи, которая гласитъ:

'Εόρτη ἡ γυνὴ αὐτοῦ καὶ Ασκλη-
πιάδης ὁ ὑιὸς αὐτοῦ Δανάῳ δευ-
τέρῳ πάλῳ Θρακῶν, μνείας
χάριν.
'Εννεάκις πυκτεύσας ὤχετο εἰς
''Αιδην.

т.-е. «Эорта, его жена, и Асклипіадъ, его сынъ, Данаю, втораго класса Ѳракійцевъ, въ благодарное воспоминаніе: будучи девять разъ побѣдителемъ въ кулачной борьбѣ, онъ отошелъ въ преисподнюю». Занятіе покойнаго обозначается *шлемомъ съ забраломъ* и длиннымъ *щитомъ* справа, а его побѣды *девятью вѣнками*, расположенными по четыре съ каждой стороны и одинъ внизу по срединѣ. Такія поминальныя плиты вѣроятно выражаютъ собою мысль, что настоящая жизнь есть пиршество, — мысль весьма естественная у тѣхъ, для которыхъ будущая жизнь казалась «прыжкомъ во мракъ». Для *іудея* собака была предметомъ крайняго отвращенія и презрѣнія, какъ и теперь для магометанъ; между тѣмъ у грековъ она, какъ теперь у европейцевъ, считалась домашней любимицей: отсюда различное отношеніе къ собакѣ, отражающееся въ отвѣтѣ Іисуса и возраженіи этой чужестранки.

шено было постепенно, при посредствѣ видимыхъ знаковъ. Онъ отвелъ больнаго въ сторону, вложилъ свои пальцы въ уши ему и, плюнувъ, коснулся его языка; ев. Маркъ передаетъ, что Онъ при этомъ вздохнулъ и взоръ свой поднялъ къ небу, произнеся единственное слово: «еффаѳа̀», то-есть отверзись [776]). Здѣсь опять не открывается намъ, что̀ такъ внезапно опечалило духъ Христа. Быть можетъ Онъ вздохнулъ изъ жалости къ страдальцу, быть можетъ изъ жалости ко всему этому народу, быть можетъ о всѣхъ грѣхахъ и страданіяхъ, унижаю-



Рѣка Іавокъ.

щихъ и удручающихъ человѣчество; но несомнѣнно Онъ вздохнулъ съ чувствомъ глубокой любви и состраданія, и вздохъ этотъ, какъ выраженіе безконечнаго ходатайства, донесся до слуха Господа силъ [777]).

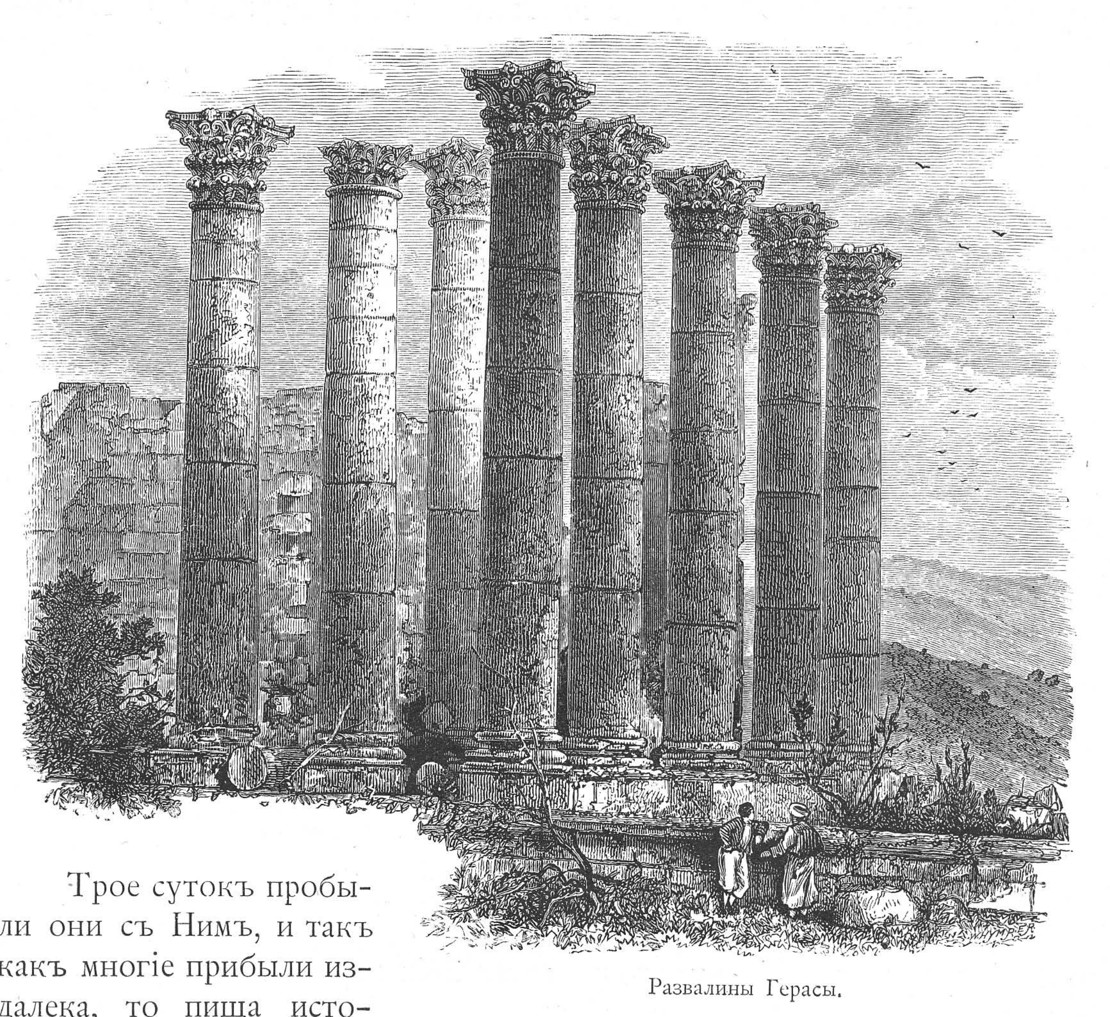
Народъ этой удаленной области, не знакомый съ Его чудесами, былъ чрезвычайно изумленъ. Внушеніе Спасителя о сохраненіи происшествія въ тайнѣ по обыкновенію не было исполнено, и вся надежда на возможность уединенія исчезла. Исцѣленіе это повидимому было совершено неподалеку отъ восточнаго берега озера Галилейскаго; огромная толпа послѣдовала за Іисусомъ на вершину горы, съ которой откры-

Рѣка Іавокъ.

вается видъ на озеро [778]), и, приводя туда съ собой хромыхъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ, увѣчныхъ, повергали ихъ къ ногамъ великаго Врача, и Онъ исцѣлялъ ихъ всѣхъ. Исполненный необычайнаго и радостнаго изумленія, народъ Десятиградія не могъ оторваться отъ Іисуса, и эти полуязычники «прославляли Бога Израилева» (Матѳ. xv, 29 — 39; Марк. viii, 1 — 9).

Развалины Герасы.

Трое сутокъ пробыли они съ Нимъ, и такъ какъ многіе прибыли издалека, то пища истощилась у нихъ. Іисусъ сжалился надъ ними и, видя ихъ вѣру и не желая допустить, чтобы они ослабѣли въ дорогѣ, еще разъ приготовилъ для народа трапезу въ пустынѣ. Нѣкоторые находятъ страннымъ, что въ отвѣтъ на выраженіе Его сожалѣнія ученики не сразу догадались, что̀ бы Онъ могъ сдѣлать для народа. Но въ этомъ видна особая черта деликатности и правды: они знали, что Ему не свой-



Развалины Герасы.

Трое сутокъ пробыли они съ Нимъ, и такъ какъ многіе прибыли издалека, то пиша исто-

ственна расточительность сверхъестественныхъ силъ, и Онъ не употреблялъ безъ нужды своего чудодѣйственнаго могущества. Много разъ бывали они и прежде съ народомъ, и однако же только при одномъ случаѣ Онъ напиталъ его. Кромѣ того послѣ совершенія этого чуда Онъ строго укорялъ тѣхъ, которые приходили къ Нему въ ожиданіи повторенія чуда, и произнесъ столь-строгое и сильное внушеніе, что оно оттолкнуло отъ Него даже многихъ изъ Его друзей [779]). Намек-

Благословеніе хлѣбовъ и рыбъ *).

нуть Ему о повтореніи чудеснаго насыщенія народа поэтому было бы съ ихъ стороны нескромностью, которой не допускало все усиливавшееся въ нихъ благоговѣніе къ Нему, тѣмъ болѣе, что они помнили, съ какою рѣшительностью Онъ отказался совершить подобное знаменіе по просьбѣ другихъ. Но какъ только Онъ далъ имъ знать о своемъ

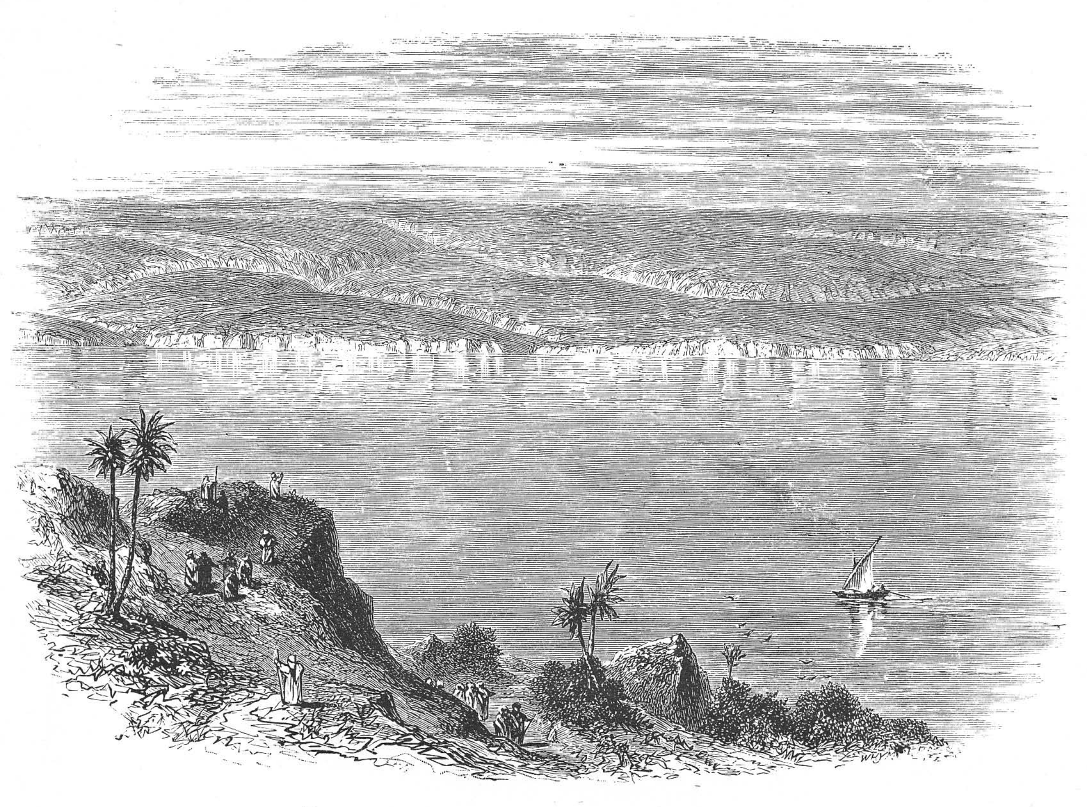
*) Это изображеніе снято съ иллюстраціи въ одномъ манускриптѣ IX вѣка. Оно изображаетъ Спасителя, который, протянувъ руки, благословляетъ ими хлѣбы и рыбы, представленные двумя апостолами. Изображеніе Христа исполнено достоинства. Гравюра лишь немного менѣе подлинника.

намѣреніи, они съ полною вѣрою стали служить Ему. Они разсадили народъ, и раздавали ему чудесно увеличивавшіеся семь хлѣбовъ и пять малыхъ рыбъ; и на этотъ разъ уже безъ приказанія собрали оставшіеся куски и наполнили ими семь большихъ корзинъ послѣ того, какъ

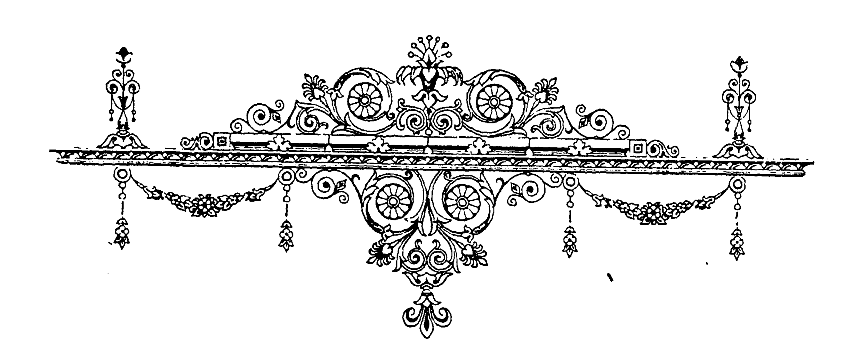
Горы и холмы надъ озеромъ Галилейскимъ.

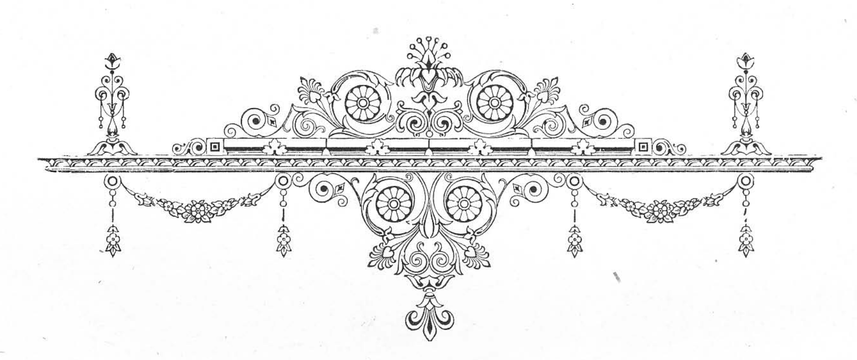
огромная толпа въ четыре тысячи человѣкъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, ѣла и насытилась [780]). Затѣмъ благодушно и мирно, безъ всякаго проявленія со стороны народа того ложнаго поддѣльнаго возбужденія, которымъ сопровождалось прежнее чудо, Спаситель вмѣстѣ со своими апостолами отпустилъ ликующій и благодарный народъ.

КОНЕЦЪ I-го ТОМА.



Горы и холмы надъ озеромъ Галилейскимъ.





ПРИЛОЖЕНІЯ И ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТЕКСТУ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ

УЧЕНЫХЪ ИЗЫСКАНІЙ ПО ОТДѢЛЬНЫМЪ ВОПРОСАМЪ ИЗЪ ЖИЗНИ

І. ХРИСТА.

ПРИЛОЖЕНІЕ I (стр. 20).

Годъ рожденія І. Христа.

Хотя годъ рожденія І. Христа и нельзя опредѣлить съ безусловною достовѣрностью, но есть однако же много данныхъ, на основаніи которыхъ можно по крайней мѣрѣ съ вѣроятностью заключать, что Онъ родился за четыре года до нашей эры. Теперь уже всѣми признается, что наша принятая хронологія, которая не старше Діонисія Малаго, жившаго въ VI столѣтіи, не вѣрна. Мы должны предварительно сказать, что не имѣемъ въ виду здѣсь изслѣдовать новую хронологическую теорію, предложенную Кеймомъ, не только потому, что недостаточно подготовлены для тонкихъ хронологическихъ изысканій, но и потому, что 1) они потребовали бы слишкомъ много мѣста и 2) основываются на такихъ воззрѣніяхъ на евангелія, которыя совершенно далеки отъ нашихъ.

I. Одно изъ самыхъ достовѣрныхъ числовыхъ данныхъ получается изъ того обстоятельства, что Христосъ родился до смерти Ирода Великаго. Годъ этого послѣдняго факта извѣстенъ съ безусловною точностью, потому что 1) І. Флавій говоритъ намъ [1]), что Иродъ умеръ тридцать семь лѣтъ спустя послѣ того, какъ провозглашенъ былъ царемъ со стороны римлянъ. А извѣстно, что царемъ онъ провозглашенъ былъ въ 714 году отъ основанія Рима, и поэтому, такъ какъ І. Флавій постоянно считаетъ его годы отъ нисана до нисана, то Иродъ очевидно умеръ между нисаномъ 750 и нисаномъ 751 г. отъ основанія Рима, т.-е. между 4 и 3 годами до нашей эры. 2) І. Флавій говоритъ, что въ ночь, въ которую Иродъ приказалъ сжечь Іуду и Матѳія съ ихъ послѣдователями, было затменіе луны [2]). Затменіе же это произошло въ ночь 12 марта 4 г. до Р. Хр., и Иродъ умеръ по крайней мѣрѣ за семь дней до Пасхи [3]), которая,

---

[1]) Antt. XVII, 8, § 1.

[2]) Тамъ же, XVII, 6, § 4; *Ideler*, Hadb. Chron. II, 391.

[3]) Тамъ же, XVII, 8, § 4.

если мы примемъ іудейское счисленіе, была въ томъ году 12 апрѣля. Но, согласно ясному указанію евангелій, Іисусъ родился по крайней мѣрѣ за сорокъ дней до смерти Ирода. Ясно поэтому, что Рождество ни въ какомъ случаѣ не могло совершиться *позже* февраля 4 г. до Р. Хр.

II. Другое достовѣрное числовое указаніе даетъ только ев. Лука, который относитъ начало проповѣди Іоанна Крестителя къ 15 году царствованія Тиверія, и говоритъ, что когда Іисусъ началъ служеніе, Онъ былъ лѣтъ тридцати (Лук. III, 23).

Если теперь 15 годъ Тиверія считать отъ смерти Августа (19 авг. 767 г. отъ осн. Рима), то выйдетъ, что Іисусъ крестился въ 782 г. отъ осн. Рима; но такъ какъ, какъ мы видѣли, Онъ не *могъ* родиться позже февраля 750 года отъ осн. Рима, то это составило бы для Него по меньшей мѣрѣ тридцать два года, что явно несообразно съ яснымъ выраженіемъ ев. Луки. Поэтому есть достаточное основаніе полагать, что ев. Лука считаетъ годъ царствованія Тиверія со времени его совмѣстнаго правленія съ Августомъ въ 765 г. отъ осн. Рима[1]), каковое счисленіе несомнѣнно было въ ходу и особенно могло быть распространеннымъ въ провинціяхъ. Въ такомъ случаѣ Іисусъ долженъ былъ начать свое общественное служеніе въ 780 г. отъ осн. Рима, что въ точности совпадаетъ съ единственно достовѣрнымъ числомъ касательно года его рожденія.

Всѣ попытки опредѣлить мѣсяцъ и день Рождества безполезны. Въ этомъ отношеніи рѣшительно нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы дали намъ возможность опредѣлить ихъ даже съ приблизительною точностью.

Перепись Квирина, порядокъ чреды священниковъ, кругъ чтеній въ іудейскомъ календарѣ, консульства и пр., упоминаемыя Тертулліаномъ, прибытіе волхвовъ и астрологическое сочетаніе, которое по предположенію было причиной ихъ путешествія, третье закрытіе Августомъ храма Януса и другія указанія, которыми всячески старались воспользоваться въ цѣляхъ хронологіи — всѣ эти данныя слишкомъ неопредѣленны, чтобы имѣть какое-нибудь дѣйствительное значеніе, и могутъ вести лишь къ крайне ненадежнымъ или вполнѣ ошибочнымъ заключеніямъ.

Общее подтвержденіе заключенія, къ которому мы пришли, можно выводить изъ Іоан. II, 20: «Сей храмъ строился сорокъ шесть лѣтъ». Перестройка этого храма со стороны Ирода началась въ восемнадцатый годъ его царствованія, вѣроятно въ мѣсяцѣ кисловѣ 734 г. отъ осн. Рима. Сорокъ шестой годъ этой работы падетъ такимъ образомъ на 780 г. отъ осн. Рима, который по приведенному выше основанію можно считать первымъ годомъ общественнаго служенія Христа и тридцатымъ отъ рожденія. Въ этомъ счисленіи однако же представляется возможность сомнѣнія—вслѣдствіе употребленія здѣсь ев. Іоанномъ аориста ᾠκοδομήθη, если только не считать это выраженіе лишь какъ неточную форму вмѣсто οἰκοδομεῖται (ср. Ездр. V, 16).

Единствнныя затрудненія, представляемыя данными ев. Луки III, 1 и 2, заключаются въ упоминаніи Анны въ качествѣ первосвященника и Лисанія—четвертовластника въ Авиленеѣ.

1) Что касается Анны, то нѣкоторые манускрипты, правда, читаютъ ἐπὶ ἀρχιερέων, но всѣ лучшіе манускрипты (ℵ, A, B, C, D, E и пр.) съ такимъ единогласіемъ сви-

---

[1]) *Тацитъ.* Ann. I, 3; *Светоній.* Aug. 97; Vell. Paterc. 103.

дѣтельствуютъ въ пользу чтенія ἐπὶ ἀρχιερέως, что едва ли можно сомнѣваться въ немъ. То же выраженіе встрѣчается въ Дѣян. IV, 6. Въ такомъ случаѣ невольно является вопросъ: почему ев. Лука называетъ *Анну* первосвященникомъ, когда должность эта въ дѣйствительности занята была Каіафой? Достаточный отвѣтъ на это данъ на стр. 258; но здѣсь можно замѣтить, что а) Анна, какъ низверженный просто волею Валерія Грата [1]), навѣрно продолжалъ считаться со стороны іудеевъ первосвященникомъ de jure, согласно Моисееву закону (Числ. XXXV, 25). б) Занималъ ли онъ должность *сагана* или *наси*, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ есть очевидныя данныя, показывающія, что онъ въ это время былъ самымъ вліятельнымъ и могущественнымъ вождемъ аристократической, священнической и саддукейской партіи въ Іерусалимѣ. в) Это вліятельное положеніе Анны ясно признается І. Флавіемъ (Antt. XX, 9, § 1), который, подобно евангелистамъ, неопредѣленно говоритъ, какъ о жалкихъ игрушкахъ [2]) свѣтской власти, о тѣхъ лицахъ, которыя въ быстрой послѣдовательности становились въ это время титулованными первосвященниками.

2) Не разъ утверждалось, что ев. Лука допустилъ нѣкоторую ошибку касательно Лисанія. Но въ дѣйствительности повидимому дѣло заключается въ слѣдующемъ: а) одинъ Лисаній былъ царемъ Халкиды у подошвы горы Ливана, а потому по всей вѣроятности и четвертовластникомъ въ Авиленеѣ во время Антонія и Клеопатры, за *шестьдесятъ лѣтъ* до времени, упоминаемаго ев. Лукою (І. Флав. B. Jud. I, 13, § 1), а *другой* въ царствованіе Калигулы и Клавдія—на *двадцать лѣтъ* послѣ числа ев. Луки (І. Флав. Antt. XV, 4, § 1). Мы ничего не знаемъ достовѣрнаго о существованіи промежуточныхъ Лисаніевъ, но нѣтъ никакой возможности доказать и того, что дѣйствительно не было еще Лисанія въ это время или даже, что тутъ не разумѣется второй упомянутый нами Лисаній. Даже Ренанъ допускаетъ, что, прочитавъ надпись Зенодора въ Баалбекѣ, онъ видитъ менѣе основаній предполагать здѣсь ошибку евангелиста («Изученіе этой надписи, говоритъ онъ, . . . заставило меня думать, что евангелистъ не могъ ошибиться такъ грубо, какъ предполагаютъ критики», Vie de Jesus, стр. XIII). Правленіе Лисанія могло быть принято за хронологическое указаніе, потому, что Авиленея нѣкоторое время была дѣйствительно частью іудейской земли, будучи предоставлена въ 36 году по Р. Х. Калигулой его любимцу Ироду Агриппѣ I.

Полное толкованіе на эти хронологическія данныя ев. Луки см. у Визелера. Chronol. Synops, англ. пер. стр. 157—175. Но достаточно уже сказано и нами, чтобы видѣть, что ев. Лука не только не впадаетъ здѣсь въ какую-нибудь ошибку, но очевидно—передаетъ здѣсь какой-нибудь темный историческій фактъ. Еслибы онъ не былъ вполнѣ знакомъ съ дѣйствительными обстоятельствами дѣла, то было бы совершенно непонятно, почему онъ сдѣлалъ такое мелочное и очевидно излишнее указаніе, рискуя безъ нужды впасть въ ошибку.

---

[1]) Анна былъ первосвященникомъ въ 7—14 гг. по Р. Хр., и затѣмъ слѣдовало еще три первосвященника (однимъ изъ нихъ былъ сынъ его Елеазаръ), прежде чѣмъ на эту должность назначенъ былъ зять его Каіафа въ 24 году (І. Флав. Antt. XVIII, 2, § 2).

[2]) Vit. 38; B. J. IV, 3, § 9.

ПРИЛОЖЕНІЕ II (стр. 54).

Христосъ и христіане по талмуду.

Имя Іисуса встрѣчается около двадцати разъ только въ неподчищенныхъ изданіяхъ талмуда, послѣднее изъ которыхъ вышло въ Амстердамѣ въ 1645 году [1]).

Указанія на Него отличаются крайнею ненавистью, прикрытой крайнимъ страхомъ. Они также отличаются всею грубою беззастѣнчивостью и небрежностью, отличающею этихъ совершенно лишенныхъ всякаго критико-историческаго смысла писателей.

Христіане обыкновенно называются—частью несомнѣнно съ цѣлью избѣгнуть самыхъ намековъ на нихъ—учениками Валаама, миним'ами (еретиками), язычниками, назарянами.

Въ трактатѣ Sanhedr. 43a говорится, что Іисусъ имѣлъ пять учениковъ: Матѳея, Ѳаддея, נצר (что ясно означаетъ «назарянинъ»), Буни—подъ которымъ очевидно разумѣется Никодимонъ Бенъ-Горіонъ (Никодимъ), или Банъ, и Ники—быть можетъ Николаитъ [2]).

Спаситель называется такими терминами:

«Тотъ человѣкъ» (сн. Дѣян. V, 28 и פְּלוֹנִי —«такой-то», ὁ δεῖνα).

«Тотъ, котораго нельзя назвать по имени».

«Га-Ноцри», т.-е. назарянинъ.

«Глупецъ».

«Повѣшенный» (תָּלוּי). Такъ Абнъ Эздра (въ толкованіи на Быт. XXVII, 39) говоритъ, что Константинъ на своемъ государственномъ знамени (lubarum) помѣстилъ «изображеніе повѣшеннаго», и въ толкованіи на Пс. LXXIX, 14, рав. Бехай говоритъ, что въ словѣ מָעַר буква ע приподнята въ знакъ того, что «поклонники повѣшеннаго», т.-е. христіане, опустошили вертоградъ Израилевъ.

«Авессаломъ».

«Бенъ Стада».

«Бенъ Пандера».

Перелагая греческую форму Его имени (יזוש) на еврейскія буквы, они каждую букву дѣлали началомъ еврейскаго слова, которыя всѣ вмѣстѣ означали: «Память (ז) Его да погибнетъ (י) и Его имя (ש) да изгладится (ו)».

Въ талмудѣ вообще мало говорится объ Іисусѣ, кромѣ того, что Онъ былъ ученикомъ Іошуа Бенъ Перахіа (который жилъ на столѣтіе раньше!), сопровождалъ его въ Египетъ, гдѣ научился магіи, былъ обольстителемъ (*месиѳъ*) народа, и былъ сначала побитъ камнями, а затѣмъ спустя сорокъ дней, въ теченіе которыхъ никто не явился съ свидѣтельствомъ въ Его пользу [3]), былъ повѣшенъ какъ богохульникъ.

Трактатъ *Толдоѳъ Іешу* есть позднѣйшее и безобразное сочиненіе, составленное изъ отрывочныхъ сказаній талмуда и считается крайне омерзительнымъ даже со сто-

[1]) *Jost*, Gesch. d. Judenthums, I, 405, 414.

[2]) *Graetz*, III, 243. Taanith. f. 19, 2; см. Эвальдъ, Gesch. Christ. 397.

[3]) *Lightfoot*, ad. Matt. XII, 24; Bab. Sanhedr. 67 a; Шаббатъ, 104 b; *Graetz*, III, 242.

роны самихъ іудеевъ [1]). Онъ напечатанъ вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ Вагенсейлемъ въ его Tela ignea satanae; но богохульства его слишкомъ грубы и дики, чтобы дольше останавливаться на немъ.

Нѣкоторые примѣры кощунственныхъ нелѣпостей, связанныхъ съ именами Бенъ Стада, Бенъ Пандера и пр., можно видѣть у Буксторфа, въ Lex. Talm. стр. 1458 и сл.

Орелъ или монета Антіоха *).

ПРИЛОЖЕНІЕ III (стр. 63).

Іисусъ и Гиллель.

По предположительнымъ даннымъ жизни Гиллеля онъ родился въ 75 г. до Р. Х., прибылъ въ Іерусалимъ въ 36, сдѣлался *наси* въ 30 и умеръ около 10 г. до Р. Х. Гейгеръ, ученый франкфуртскій раввинъ, авторъ сочиненій: Das Judenthum und seine Geschichte и Urschrift, говоритъ, что «Іисусъ былъ фарисей (!), слѣдовавшій по стопамъ Гиллеля, и что Онъ не высказалъ ни одной новой мысли. Гиллель напротивъ представляетъ намъ образъ дѣйствительнаго преобразователя». Этотъ Гиллель, продолжаетъ онъ съ скрытною цѣлью представить контрастъ, есть дѣйствительно историческая личность [2]); другіе же напротивъ окружены ореоломъ легенды и чудесъ, имѣющихъ въ виду затѣнить и скрыть ихъ дѣйствительную личность. Ренанъ нѣсколько поправляетъ эту мысль и, признавая превосходство за Іисусомъ, говоритъ,

---

[1]) «Жалкая стряпня»—«Ein elendes Machwerk» (Grätz, III, 243).

[2]) Интересно, придаетъ ли Гейгеръ совершенно историческое значеніе сказаніямъ, что Гиллель зналъ языкъ горъ, холмовъ, долинъ, деревьевъ, растеній, дикихъ и ручныхъ животныхъ и бѣсовъ (Sofrim, XVI, 9); что *Батъ колъ* рѣшалъ вопросы въ его пользу противъ Шаммаи (Bab. Erubhin, 13 b); что тридцать изъ его учениковъ удостоились озаренія отъ *Шехины* подобно Моисею и тридцать другихъ могли останавливать солнце подобно І. Навину (Babha Bathra, 134 a), и что ревность знаменитѣйшаго его ученика Іонаѳана Бенъ-Уззіила была такъ пламенна, что когда онъ изучалъ законъ, то птицы, летавшія надъ его головой, опалялись (B. Succa, 28 a)? См. *Otho,* Lex. Rab. 242; *Buxtorf,* Lex. Talm. стр. 617; *Gfrörer,* Jahrh. d. Heils, I, 37.

*) Оборотная сторона изображенной здѣсь серебряной монеты Антіоха показываетъ, какъ вѣроятно іудеи сначала познакомились съ *орломъ*, какъ знакомъ чужеземнаго владычества, находя его на монетахъ, чеканенныхъ въ сосѣднемъ городѣ Антіохіи, съ головой царствующаго императора на оборотѣ. Эта именно монета отчеканена была въ царствованіе Нерона, причемъ надпись ЕТОΥΣ ΔΙΡ указываетъ на 114 годъ отъ битвы Фарсалійской, т.-е. 66 годъ по Р. Хр., когда началась война, окончившаяся четыре года спустя разрушеніемъ Іерусалима. Въ своихъ когтяхъ царь птицъ держитъ перунъ, а рядомъ съ нимъ пальмовая вѣтвь — всѣ знаки всемогущества Юпитера, съ которымъ любилъ отождествлять себя этотъ римскій императоръ.

что Гиллель былъ Его дѣйствительнымъ учителемъ [1]). Мессія значитъ былъ только ученикомъ и подражателемъ раввина, который, менѣе заблуждаясь, чѣмъ другіе его соотечественники, говорятъ, заявлялъ, что «никогда такой Мессія не придетъ».

На это мы прежде всего скажемъ, что самый вопросъ о «самобытности» крайне праздный и безполезный вообще, а особенно, когда онъ ставится въ отношеніи ученія Спасителя. Самобытность Іисуса, даже для тѣхъ, которые смотрятъ на него какъ на простаго человѣка-учителя, состоитъ въ томъ, что ученіе его способно двигать сердца человѣческія и возродило нравственную жизнь міра. Кто кромѣ педанта въ искусствѣ станетъ подвергать сомнѣнію самобытность Микель Анджело потому, что его Піэта походитъ на статую Синьорелли, или самобытность Рафаэля на томъ основаніи, что раннія его произведенія выдаютъ вліяніе Перуджино? Кто кромѣ невѣжды станетъ умалять величіе Мильтона потому, что его «Потерянный Рай» въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходенъ съ «Адамомъ» Баттисты Андреини? Но если есть люди, которые не могутъ подняться выше такихъ сужденій, то они должны помнить, что, согласно самимъ іудейскимъ писателямъ, мы никогда не можемъ опредѣлить, какія положенія принадлежатъ собственно Гиллелю и какія его школѣ. Такъ какъ они были записаны только уже много спустя послѣ смерти Христа, то легко предположить, что они обязаны своимъ происхожденіемъ христіанскому ученію, которое конечно не осталось безъ вліянія на внука Гиллеля, раббана Гамаліила.

Стоитъ однако же лишь нѣсколько вникнуть въ фактическую сторону дѣла, и мы увидимъ, насколько пусты эти іудейскія мнѣнія. По отношенію къ раввинству своего народа и ко всему, чѣмъ занималось оно—къ его *гагадоѳамъ* или легендамъ, *галахоѳамъ* или традиціоннымъ обычаямъ, его ребяческимъ мелочамъ, его одуряющей обрядности, его напыщенной пустотѣ, его безрелигіозной заносчивости, его рабской подражательности, его извивчивости среди противоположныхъ мнѣній—Іисусъ стоялъ не въ положеніи почтительной покорности, а въ положеніи открытаго отрицанія. Гиллель былъ «кроткій и благородный» раввинъ; онъ представляетъ самую благородную личность, какую только произвело раввинство; онъ повидимому былъ на самомъ дѣлѣ ученый, кроткій, мирный и просвѣщенный человѣкъ; но разстояніе между нимъ и Іисусомъ всетаки положительно неизмѣримо, и его ученіе такъ же похоже на ученіе Іисуса, какъ свѣтящійся червякъ на солнце. Весь духъ и методъ ихъ совершенно различны. Гиллель основывался на предшественникахъ, Іисусъ говорилъ собственною властью. Гиллель говорилъ въ школахъ ученикамъ и избраннымъ слушателямъ, Іисусъ на улицахъ и при дорогахъ мытарямъ и грѣшникамъ. Гиллель ограничивалъ свое

---

[1]) «По своей бѣдности и скромному содержанію, по нѣжности своего характера, по противодѣйствію лицемѣрамъ и священникамъ, Гиллель былъ *учителемъ Іисуса,* если только можно говорить объ учителѣ въ отношеніи такой высокой самобытности» (Vie de Jesus, стр. 38). Далѣе онъ говоритъ совершенно вѣрно: «Гиллель однако же никогда не считался истиннымъ основателемъ христіанства. Въ нравственности, какъ и въ искусствѣ, слова—ничто, дѣло—все... Истина не имѣетъ силы, если не пройдетъ черезъ чувство, и не получаетъ цѣны, если не осуществляется въ дѣйствительности» (Тамъ же, стр. 96). Мнѣніе Гейгера, несмотря на его полную безосновательность, сдѣлалось довольно распространеннымъ. «Кротость и смиреніе Іисуса, говоритъ Грецъ, напоминаютъ о Гиллелѣ, котораго онъ вообще повидимому бралъ себѣ за образецъ» (Gesch. d. Juden, III). Но не будетъ преувеличеніемъ сказать, что едва ли есть такая страница въ евангеліяхъ, которая бы не доказывала безосновательности подобнаго мнѣнія.

ученіе Іерусалимомъ, Іисусъ исходилъ всю Палестину вдоль и поперекъ. Гиллель главнымъ образомъ занимался обрядовыми законами и видоизмѣнялъ его постановленія, чтобы сдѣлать ихъ удобнѣе и сообразнѣе съ временемъ; Іисусъ преподавалъ только нравственный законъ и распространялъ его приложеніе отъ внѣшнихъ дѣйствій на самыя помышленія сердецъ. Выражалъ ли когда-нибудь Христосъ такую напр. всецѣло проникнутую фарисействомъ мысль: «Ни одинъ необразованный человѣкъ не избѣгнетъ грѣха; никакой простецъ (*ам-га-арецъ*) не можетъ быть благочестивымъ» [1]). Не есть ли это отголосокъ надменно-исключительной заносчивости, которая говорила: «Развѣ кто изъ вождей или фарисеевъ увѣровалъ въ Него? Но эта чернь, не знающая закона, проклята». Не есть ли это тотъ самый духъ, который поборолъ Христосъ всею своею жизнью и дѣлами и который осуждался всѣмъ Его ученіемъ?

I. О Гиллелѣ разсказываются три выдающихся анекдота. По одному изъ нихъ, онъ, несмотря на свое происхожденіе отъ Давида, будучи сорока одного года отъ роду, около 36 до Р. Х. прибылъ въ Іерусалимъ, гдѣ онъ работалъ въ качествѣ простаго привратника, зарабатывая по *викторіату* (около 10 коп.) въ день, и изъ этой суммы половину отдавалъ привратнику школы Шемайи и Авталіона, чтобы тотъ допускалъ его на лекціи. Однажды въ началѣ мѣсяца тебеѳа (въ концѣ декабря) Шемайя сказалъ Авталіону: «Братъ, почему такъ темно въ школѣ? День должно быть сумрачный». Они выглянули и увидѣли, что подъ массой снѣга, заслоняя окно, лежалъ какой-то человѣкъ. Несмотря на субботу, они откопали его, натерли масломъ и помѣстили около огня. Это былъ Гиллель, который, не заработавъ въ этотъ день ничего и потому не будучи впущенъ привратникомъ, залѣзъ въ окно школы и тамъ его завалило снѣгомъ, подъ которымъ онъ совершенно оцѣпенѣлъ [2]). Для возвращенія его къ жизни посредствомъ растиранія, согрѣванія и омовенія, Шемайя и Авталіонъ не только нарушили субботу, но объявили даже, что онъ стоитъ того, чтобы изъ-за него нарушить обычныя субботнія постановленія.

2) Однажды къ Шаммаи пришелъ язычникъ, и сказалъ: «Сдѣлай меня прозелитомъ, но ты долженъ научить меня всему закону въ то время, какъ я буду стоять на одной ногѣ». Шаммаи прогналъ его отъ себя, надававъ ему ударовъ. Онъ пошелъ къ Гиллелю, который съ благодушіемъ отвѣтилъ ему: «что непріятно тебѣ, не дѣлай твоему ближнему. Вотъ весь законъ; все остальное—толкованія на него. Иди и учись *этому*» [3]).

---

[1]) Я уже приводилъ примѣры (стр. 62) презрительности по отношенію къ несчастнымъ ам-гаарецамъ, но можно привести и еще. Свидѣтельство ихъ не принималось; они не допускались въ общество; никто не долженъ былъ заботиться о вознагражденіи ихъ за потерянную собственность; къ нимъ, ихъ женамъ и дочерямъ прилагались термины—«животныя» и «черви», и наконецъ давалось позволеніе «разрывать ам-га-ареца, какъ рыбу» (עם הארץ מותר לקרעו כדג). См. *Mc. Caul*, Old Paths стр. 6, 458 и проч.

[2]) *Joma*, 35 b.

[3]) *Шаббатъ*, 31 a. Я имѣлъ уже много случаевъ замѣчать, какъ празденъ вопросъ о «самобытности» въ ученіи этого рода; то же самое мы находимъ задолго раньше, не только въ пятокнижіи, но даже въ книгѣ Товита IV, 15. «Что ненавистно тебѣ самому, того не дѣлай никому». Книга Товита по всей вѣроятности явилась за два столѣтія до Гиллеля. О еще болѣе раннихъ и даже языческихъ примѣрахъ, сходныхъ съ этимъ изреченіемъ, см. у Эвальда Gesch. Isr. VI, 270. Оно встрѣчается также у Конфуція (Doctrine of the Mean, XX, и Analects, XV, 23, гдѣ онъ говоритъ Тзе Кунгу, чтобы

3) «Теперь или никогда», сказалъ нѣкто своему другу; «400 зузимъ [1]) тому человѣку, который можетъ разсердить Гиллеля». «Ладно!» воскликнулъ тотъ. Дѣло было за полдень въ пятницу, и Гиллель мылъ и расчесывалъ свои волосы къ субботѣ. «Гиллель здѣсь?» грубо и дерзко спросилъ этотъ человѣкъ, стуча въ дверь. «Сынъ мой», восликнулъ послѣдній, поспѣшно накидывая на себя мантію: «что тебѣ нужно?»

— Мнѣ нужно спросить тебя объ одномъ.

— Спрашивай, сынъ мой.

— Почему у вавилонянъ такія круглыя головы?

— Важный вопросъ, сынъ мой, сказалъ Гиллель, смѣясь. Это потому, что они искусны съ своими женами.

Совопросникъ отвернулся отъ него и ушелъ, но черезъ часъ воротился опять. Повторивъ то же самое нарушеніе спокойствія Гиллеля, на этотъ разъ онъ спросилъ:

— Почему у «ѳермудіанъ» [2]) (пальмирянъ) такія узкіе прорѣзы глазъ?

— Важный вопросъ, сынъ мой, отвѣчалъ Гиллель. Это потому, что они живутъ среди песчаной пустыни.

Въ третій разъ воротился совопросникъ и назойливо спросилъ:

— Почему у африканцевъ такія широкія подошвы на ногахъ?

Гиллель спокойно отвѣтилъ, что это потому, что они живутъ на такой рыхлой почвѣ.

— Я спросилъ бы тебя еще о многихъ предметахъ, еслибы не боялся, что ты разсердишься.

Гиллель только плотнѣе запахнулъ мантію вокругъ себя и спокойно отвѣчалъ:

— Спрашивай, о чемъ только хочешь.

— Значитъ, сказалъ тотъ, совершенно обезоруженный, ты Гиллель, котораго называютъ *наси* израилевымъ?

— Да.

— Значитъ, я думаю, немного такихъ, какъ ты?

— Почему, сынъ мой?

— Потому что изъ-за тебя я потерялъ 400 зузимъ.

— Успокойся, сынъ мой: лучше тебѣ потерять 400 и даже еще другихъ 400 ради Гиллеля, чѣмъ Гиллелю потерять свое терпѣніе [3]).

Нѣтъ сомнѣнія, что анекдоты эти прекрасны, равно какъ и разсказъ о томъ, какъ онъ однажды нанялъ для одного богатаго человѣка, потерявшаго свое состояніе, лошадь и слугу, и когда послѣдній не явился, самъ пошелъ съ нимъ около пяти верстъ въ качествѣ слуги [4]). Иногда однако же мы видимъ даже въ немногихъ извѣстіяхъ о немъ факты и тенденціи, которые, какъ ни благонамѣренны они,—не могутъ быть хвалимы. Такъ въ противность Шаммаи, онъ постановилъ, что въ брачной пѣсни

слово «взаимность», т.-е. альтруизмъ, служило для него правиломъ жизни) и у Будды (см. Bart. St. Hilaire, Le Buddha et sa religion, стр. 92; см. также *Hesiod*, Opp. et Dies, 1, 284, 312, 330).

[1]) Монета цѣнностью вѣроятно въ динарій, съ изображеніемъ головы Зевса на ней.

[2]) Это неправильное чтеніе для названія *Тадморъ* или Пальмира (*Buxtorf.* Lex подъ этимъ словомъ; Эвальдъ, Jahrbüch. x, 69).

[3]) Шаббатъ, 30, 31.

[4]) Другіе анекдоты см. у Эвальда Gesch. Chr. 31—33.

нужно восхвалять красоту невѣсты, какъ бы безобразна она ни была, и однажды, чтобы избѣжать вопроса или спора со школой Шаммаи, онъ сбылъ вола, котораго нужно было принести въ жертву за него, за корову [1]). Раввины хвалятъ эти дѣла, но мы невольно чувствуемъ, какъ гибельны были бы они для нравственности человѣчества и какое непріятное чувство вызывали бы въ насъ, еслибы встрѣчались въ жизни Христа. Онъ одинъ изъ всѣхъ когда-либо жившихъ на землѣ могъ сказать: «кто изъ васъ можетъ обвинить Меня во грѣхѣ?» Какъ ни мало сравнительно мы знаемъ о Сократѣ, Конфуціѣ, Буддѣ, Гиллелѣ, Магометѣ, и какъ ни *много* мы знаемъ объ Іисусѣ, однако же въ скудныхъ свѣденіяхъ объ ихъ жизни мы находимъ много неодобрительнаго; но нѣтъ ничего такого, что не было бы божественнымъ и безгрѣшнымъ въ четверичномъ повѣствованіи о жизни Христа.

II. Обращаясь отъ жизни Гиллеля къ его ученію, мы видимъ, какъ мнѣніе, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ былъ учителемъ Христа, разлетается въ прахъ. Даже его благороднѣйшій отвѣтъ, приведенный выше, страдаетъ важнымъ недостаткомъ. Онъ хорошъ въ смыслѣ обобщенія второй скрижали закона, но въ сравненіи съ безконечно болѣе глубокою мудростью Іисуса страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что совершенно не указываетъ на первую скрижаль, на которой только и основывается вторая и въ связи съ которой она только и мыслима. Почему Гиллель въ своемъ знаменитомъ отвѣтѣ забылъ Шему (Втор. VI, 4 и 5) и помнитъ только Лев. XIX, 18? Такъ не дѣлалъ Іисусъ (Матѳ. VII, 12; Лук. VI, 31).

Говорятъ, правда, что Іисусъ иногда пользуется знаменитыми *миддоѳами* (מדות), изложенными Гиллелемъ для толкованія св. писанія. Но въ дѣйствительности эти *миддоѳы* составляютъ обобщеніе ходячихъ и совершенно очевидныхъ методовъ (заключеніе отъ большаго къ меньшему или наоборотъ, Матѳ. VII, 11; X, 29; аналогія, связь и пр. Матѳ. XII, 5), и затѣмъ это были подпорки для поддержанія кредита и авторитета устнаго закона, который отвергалъ Іисусъ и даже, безъ преувеличенія можно сказать—почти презиралъ. Примѣры, въ которыхъ рѣшенія Христа совпадаютъ съ рѣшеніями Шаммаи, по крайней мѣрѣ такъ же многочисленны, и относятся къ предметамъ большой важности (напр. Матѳ. V, 32; XIX, 9; XVIII, 17); однако думалъ ли когда кто-нибудь, что Онъ былъ ученикомъ Шаммаи?

Напр., однимъ изъ знаменитѣйшихъ и тщательно-выработанныхъ рѣшеній Гиллеля было рѣшеніе по цѣлому ряду вопросовъ касательно того, можно или нѣтъ ѣсть яйцо, снесенное курицей въ праздничный день, когда этотъ праздникъ приходился въ субботу. Это глубокомысленное изысканіе даетъ свое названіе *Беца* (яйцо) цѣлому трактату талмуда. Можно ли думать, что Іисусъ взглянулъ бы на этотъ вопросъ иначе, какъ съ тонкой, но кроткой ироніей? Однако же въ этомъ своемъ рѣшеніи Гиллель былъ болѣе строгъ и болѣе шаммаистъ, чѣмъ самъ Шаммаи [2]).

---

[1]) Kethuboth, 67 b, 16 b; *Jost*, Gesch. d. Jud. I, 267; *Delitsch*, Jes. u. Hillel. 35: „Er bewegte wedelnd den Schweif des Thieres, um dessen Geschlecht zu verbergen".

[2]) Всѣ подавленныя обрядностью и мелочностью религіи склонны къ подобной казуистикѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ магометане въ Капѣ заняты были подобными же преніями. Султанъ прислалъ имъ нѣкоего человѣка для попеченія объ ихъ духовной жизни. Этотъ человѣкъ нашелъ, что они привыкли ѣсть особаго рода раковъ, которые, по его мнѣнію, были нечисты. Возражая противъ этого рѣшенія, народъ выставлялъ на видъ, что въ коранѣ ничего не говорится о ракахъ. Однако же онъ нашелъ тамъ указаніе на запрещеніе ѣсть пауковъ, и на основаніи этого утверждалъ, что въ обрядо-

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ ученіе Гиллеля было даже по меньшей мѣрѣ сомнительно. Онъ постановлялъ напр., основываясь на неопредѣленномъ выраженіи Второз. xxiv, 1, что человѣкъ могъ развестись съ своей женой, «если даже она плохо приготовитъ ему обѣдъ» (Git. 90). Правда, Іостъ (Gesch. d. Judenth. 1, 264) и позднѣйшіе писатели истолковываютъ это въ смыслѣ «нанесенія безчестія его дому», но выраженіе «даже если» (אפילו) очевидно указываетъ на minimum. Его способъ избѣгнуть Моисеевыхъ постановленій касательно субботняго года (о чемъ говорится въ приложеніи ix) можно также считать только жалкой казуистикой. Лучшими образцами ученія Гиллеля можно считать слѣдующія изреченія:

«Не отдѣляйся отъ прихода и не надѣйся на самого себя до дня твоей смерти».

«Если я не забочусь о своей душѣ, то кто позаботится обо мнѣ? Если я забочусь только о своей душѣ, то что я такое? Если не теперь, то когда же? (Abhoth 1, 14).

«Не суди своего ближняго, пока не находишься въ его положеніи».

«Не говори: я раскаюсь, когда будетъ время,—иначе тебѣ никогда не будетъ времени».

«Сердитый человѣкъ никогда не будетъ учителемъ».

«Тамъ, гдѣ нѣтъ человѣка, будь ты человѣкомъ».

«Будь однимъ изъ учениковъ Аарона, который любилъ миръ».

«Всякій, честолюбиво стремящійся къ возвеличенію своего имени, унизитъ его» [1]).

Гиллель несомнѣнно былъ великій и добрый человѣкъ и заслужилъ того плача, который раздавался надъ его могилой: «О благородный, святой ученикъ Ездры»; но сравнивать его ученіе съ ученіемъ Спасителя нелѣпо. Оно было законническое, казуистичное и узкое, между тѣмъ какъ ученіе Іисуса—религіозное, нравственное, человѣчное. Если Іисусъ не высказалъ ничего самобытнаго, какъ любятъ утверждать новѣйшіе раввины, то почему же, въ то время какъ самое имя Гиллеля никому неизвѣстно, кромѣ ученыхъ, ученіе Іисуса произвело величайшій переворотъ, какой когда-либо былъ видѣнъ міромъ? Еслибы человѣчество не имѣло для питанія ничего лучшаго, чѣмъ ученіе Гиллеля, то оно поистинѣ измельчало бы и умерло съ голоду. Самая краткая и малая изъ притчъ Спасителя стоитъ всего, что говорилъ Гиллель. Нѣтъ, даже меньшій изъ пророковъ ветхаго завѣта безконечно выше этого «величайшаго и лучшаго изъ фарисеевъ». Онъ съ своей школой и Шаммаи съ *своей* потратили цѣлое столѣтіе на безплодныя пренія по объясненію двухъ только словъ закона (*эрватъ дабаръ* Второз. xxiv, 1), не выработавъ ни одного здраваго начала, которое бы порѣшило ихъ споры; но Іисусъ далъ это начало, и сразу, какъ только предложенъ былъ Ему этотъ вопросъ, рѣшилъ его навѣки (Матѳ. xix, 3—9). Пусть всякій откровенный читатель обратится къ переводу талмудическаго трактата *Берахотъ*, сдѣланному Швабомъ, и посмотритъ (стр. 264, 266, 314, 375, 440 и пр.), какими мелкими и безко-

---

вомъ отношеніи ракъ то же, что и паукъ. Обращаясь съ этимъ вопросомъ къ завѣдующему музеемъ города, они естественно узнали, что ракъ не составляетъ вида паука. Болѣе строгіе однако же возражали противъ этого рѣшенія, и насколько мнѣ извѣстно—этотъ великій споръ быть можетъ продолжается еще и теперь.

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ изреченій (напр. послѣднее) не ясны въ подлинникѣ и допускаютъ различное толкованіе (Эвальдъ, тамъ же). Эти изреченія находятся въ трактатѣ *Пирке-Абоѳъ*. *Etheridge*, Hebr. Lit. стр. 36). Но не нужно забывать, что даже этотъ трактатъ не древнѣе втораго столѣтія по Р. Хр.

нечно пустыми и формальными вопросами занятъ былъ умъ Гиллеля [1]), и спокойно обсудитъ, съ какимъ презрѣніемъ и жалостью Іисусъ отнесся бы къ мнѣнію, что такіе вопросы имѣютъ глубокую важность. Тогда онъ самъ будетъ имѣть возможность судить, какъ нелѣпо и несостоятельно положеніе, что Гиллель былъ учителемъ Іисуса [2]).

ПРИЛОЖЕНІЕ IV (стр. 65).

Греческая ученость.

Въ талмудѣ есть нѣсколько разъ повторяемый разсказъ, что, во время осады Іерусалима въ междоусобную войну между Гирканомъ II и Аристовуломъ, приверженцами послѣдняго ежедневно со стѣны спускался ящикъ, наполненный деньгами, взамѣнъ которыхъ онъ наполнялся жертвами, необходимыми для дневнаго жертвоприношенія. Но одинъ «древній», который зналъ «греческую мудрость» (*хохматъ яванитъ*), далъ знать осаждающимъ, что храмъ не сдатся до тѣхъ поръ, пока будутъ доставляться средства для принесенія ежедневной жертвы. Вслѣдствіе этого на слѣдующій день въ ящикъ была положена свинья, которая, будучи наполовину поднята на стѣну, коснулась стѣны своими ногами. Послѣдовало землетрясеніе. По этому случаю ученые произнесли проклятіе на всѣхъ, кто водятъ свиней, и на всѣхъ, кто училъ ихъ дѣтей греческой мудрости (Sota 49 b; Menachoth 64 b) [3]).

Но, какъ показываютъ Грецъ (III, 502) и Деренбургъ (Hist. Pal. 114), подъ греческой мудростью въ другихъ мѣстахъ вѣроятно разумѣется родъ магіи, а въ данномъ примѣрѣ—искусство тайно сноситься съ непріятелемъ, какъ это дѣлали измѣнники въ древности, посредствомъ стрѣлъ съ привязанными къ нимъ письмами. Подъ «древнимъ», по предположенію, разумѣется Антипатръ.

Несомнѣнно однако же, что хотя раввины какъ по этому, такъ и по другимъ предметамъ часто противорѣчатъ между собою, многіе изъ нихъ презирали и не одобряли греческую ученость. Іосифъ Флавій въ концѣ своихъ «Древностей» ясно говоритъ, что хорошее знаніе языковъ іудеи считали рабскимъ дѣломъ и, несмотря на

---

[1]) Напр., когда человѣкъ несетъ миртъ и масло, то что нужно прежде благословить—миртъ или масло; нужно или нѣтъ снимать филактеріи, когда человѣкъ идетъ въ извѣстное мѣсто естественной потребности; нужно или нѣтъ принимать особенное положеніе въ то или другое время при изученіи закона; нужно ли сначала умыть руки и затѣмъ наливать стаканы, или наоборотъ; на столъ или на сидѣніе нужно класть салфетку и пр., пр. Самое исчисленіе хоть десятой доли этихъ тонкихъ вопросовъ, бывшихъ предметомъ серьезныхъ преній между школами Гиллеля и Шаммаи, утомительно до отвращенія; однако же такимъ мертвящимъ содержаніемъ—только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще болѣе омерзительнымъ—наполненъ весь талмудъ. Конечно нельзя порицать Гиллеля, что онъ стоялъ не выше своего вѣка; но сравнивать раввинство съ христіанствомъ, Гиллеля съ Христомъ, значитъ или безстыдно лгать, или совершенно не имѣть критическаго смысла.

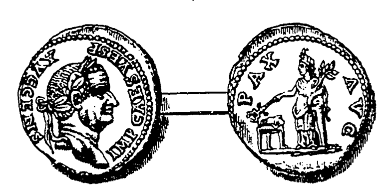
[2]) См. затѣмъ превосходную статью *Ф. Делича* Jesus und Hillel (Erlangen 1867); *Ewald*, Gesch.. Christ. стр. 12—48. *Budaeus*, Pihilos. Hebr. 108 seqq.; *Geiger*, De Hillel et Shammai; *Ugolini* XXI; *Grätz*, Gesch. d. Judenth. III, 172—179; *Jost*, Gesch. der Jud. 254 и слѣд. *Helzfeld*, Gesch. d. Volkes Israel I, 257—261.

[3]) См. *Gfrörer*. Jahrh. d. Heils I, 114, и Philo und die Alex. Theol. II, 350.

то, что греческій языкъ былъ необходимъ для торговыхъ дѣлъ, очень немногіе знали его вполнѣ.

О томъ же свидѣтельствуетъ Оригенъ, говоря, что іудеи мало обращали вниманія на греческій языкъ и литературу [1]).

Раввинъ Акиба говоритъ, что ни одинъ израильтянинъ не будетъ причастенъ жизни вѣчной, если онъ читаетъ книги язычниковъ [2]). Гамаліилъ былъ единственный знаменитый раввинъ, который позволялъ своимъ ученикамъ читать ихъ,—обстоятельство, которому мы, быть можетъ, обязаны ссылками апостола Павла на классическихъ писателей Арата, Менандра и Эпименида (Дѣян. XVII, 28; 1 Кор. XV, 33; Тит. I, 12).



Монета Веспасіана *).

ПРИЛОЖЕНІЕ V (стр. 188—189).

Талмудъ и устный законъ.

По вѣрованію іудеевъ законъ распадается на два отдѣла—писанный законъ (*тора шебекетебъ*) и устный законъ или «законъ на устахъ» (*тора шебеал-пи*) и изъ нихъ послѣдній считался не менѣе важнымъ, чѣмъ и первый, или даже важнѣе его.

Талмудъ собственно состоитъ изъ *мишны* и *гемары*.

Устный законъ оставался незаписаннымъ по крайней мѣрѣ до позднѣйшихъ танаимовъ (около 30—80 по Р. Х.), которые считали грѣхомъ заключать его въ письмена. Древнѣйшій *мегиллатъ таанитъ* - собраніе *гагадовъ* (легендъ или сказаній) и *галаховъ* (правилъ) касательно временъ и празднествъ, составленъ, какъ предполагаютъ, Ананіей Бенъ Хискіей во время Спасителя. Но первымъ, заключившимъ мишну въ письмена, былъ знаменитый раввинъ Іегуда Гаккодешъ, который умеръ въ 190 г. по Р. Хр. Основаніемъ для этого повидимому служило опасеніе за окончательное истребленіе народа послѣ страшнаго избіенія, послѣдовавшаго за пораженіемъ Баркохбы и взятіемъ Веѳира; но хотя запись устнаго преданія и не одобрялась, тайные свитки его

[1]) C. Cels. II, 34.

[2]) Bab. Sanhedr. 90 a.

*) Изображенная выше монета есть aureus (монета въ двадцать динаріевъ) Веспасіана съ бюстомъ императора на лицевой сторонѣ и съ надписью IMP(erator) CAES(ar) VESP(asianus) AVG(ustus) CENS(or); на оборотѣ стоитъ, опираясь на колонну, фигура Мира, держащая въ лѣвой рукѣ масличную вѣтвь, между тѣмъ какъ правой рукой она махаетъ Меркуріевымъ вѣщательнымъ жезломъ (caduceus) надъ треножнымъ столомъ денежнаго мѣняльщика, на которомъ лежитъ полный мѣшокъ съ деньгами. Вокругъ надпись PAX AVG(usta)—т.-е. Державный Миръ. Эта монета повидимому отчеканена въ 72 г. по Р. Х., годъ спустя по возвращеніи Тита съ востока и его тріумфа по случаю покоренія Іудеи. Оживленіе торговли по окончаніи войны символизируется рѣдкимъ девизомъ на оборотѣ.

(мегиллотъ сетаримъ) будто бы существовали и раньше. Вообще законы часто считаются «неписанными» въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, въ то время какъ ихъ можно читать уже въ печати.

Слово *мишна* означаетъ «повтореніе» и по-гречески обыкновенно передается словомъ δευτέρωσις. Маймонидъ раздѣляетъ устный законъ на пять классовъ, именно: 1) *перушимъ*, объясненія, будто бы ведущія свое происхожденіе отъ Моисея; 2) *динеримъ* или «постановленія» касательно «образа поведенія» *(галахоѳъ)*, данныя будто бы Моисеемъ; 3) вообще принятые обычаи; 4) рѣшенія мудрыхъ мужей, считаемыя какбы «оградой закона» סיג לתורה; 5) практическія внушенія.

Іегуда раздѣлялъ этотъ обширный матеріалъ на шесть *седаримъ* или «порядковъ», содержащихъ шестьдесятъ три *массиктотъ* или трактатовъ, и 525 *феракимъ* или главъ, именно:

1) *Седеръ зераимъ* или «Сѣмена», содержащій трактаты *Берахотъ*—о богопочитаніи; *Пеа* («уголъ»)—о поземельныхъ правахъ; *Терумотъ*—«о возношеніяхъ» и пр.

2) *Седеръ моэдъ*—«празднество», содержитъ трактаты *Шаббатъ, Эрубинъ* или «смѣшенія» (см. ниже, приложеніе IX); *Песахимъ*—«пасха»; *Йома*—«день очищенія»; *Сукка*—«праздникъ кущей»; *Беца*—«яйцо»; *Рошъ гашшана*—«новый годъ»; *Таанитъ*—«посты»; *Хагига*—«жертва благодаренія» и пр.

3) *Седеръ нашимъ*—о женщинахъ, содержащій *Гиттинъ*—разводъ; *Кетуботъ*—«брачныя условія» и пр.

4) *Седеръ незикинъ* объ «обидахъ»; содержитъ трактаты *Баба кама* «первыя врата»; *Меціа* «среднія» и *Батра* «послѣднія врата»; *Сангедринъ; Абода зара* «странныя услуги»; *Аботъ* «отцы» и пр.

5) *Седеръ кадашимъ* о «посвященіяхъ».

6) *Седеръ тагаротъ*—«очищенія», содержитъ трактаты *Йадаимъ* или очищеніе рукъ и пр. [1]).

Толкованія на мишну, составляющія необъятную массу, называются *гемара* «восполненіе», а мишна и гемара вмѣстѣ составляютъ *талмудъ*, т.-е. то, «что должно изучать». Іерусалимскій талмудъ ведетъ свое начало отъ 390, а вавилонскій—отъ 420 г. по Р. Хр.

Приложенія къ мишнѣ называются *тосифтотъ*; экзегетическія прибавленія къ гемарѣ называются *тосафотъ*. Дополненія къ мишнѣ состоятъ изъ комментаріевъ (напр. *сифра*, мидрашъ или толкованіе на книгу Левитъ, *сифри* на книги Числъ, и Второзаконіе и *мехилта* на Исходъ) и называются *барайтами*.

Языкъ талмуда не обработанъ, испорченъ и часто неудобопонятенъ. Въ немъ содержится нѣсколько прекрасныхъ и благородныхъ изреченій, но гораздо меньше, чѣмъ во всякой другой одинаковой по объему массѣ человѣческаго письма, и трудно представить что-нибудь скучнѣе и безплоднѣе этой безсвязной и пестрой путаницы противорѣчій и ошибокъ. Изъ трактатовъ талмуда переведено уже достаточно для

---

[1]) Главное изданіе и переводъ мишны сдѣланы Суренгузіемъ, Амстерд. 1668 1703. Она переведена на нѣмецкій языкъ Рабе (1763) и Іостомъ (1883); восемнадцать трактатовъ переведены раввинами де-Сола Рафалль (второе изданіе, London 1845 г.); *Gfrörer*, Jahrh. d. Heils I, 10. Въ своемъ отчетѣ я пользовался сочиненіемъ Этельриджа, Hebr. Liter. стр. 117 и сл. См. также Davidson подъ словомъ Talmud въ *Kitto*, Bibl. Cyclop.

того, чтобы дать самому читателю возможность судить объ немъ. Ляйтфутъ, самый авторитетный ученый въ этомъ отношеніи, говоритъ, что «почти непреодолимая трудность слога, ужасная грубость языка и изумительная пустота и лжемудрствованіе по разсматриваемымъ вопросамъ,—мучатъ, раздражаютъ и терзаютъ того, кто читаетъ эти трактаты».

Дальше объ этомъ предметѣ смотри приложеніе XII: «Замѣчанія о талмудѣ».

ПРИЛОЖЕНІЕ VI (стр. 106—107).

Внѣшность Спасителя по описаніямъ преданія.

Самыя раннія описанія внѣшности Іисуса относятся уже къ очень позднему времени, но очень возможно, что они заключаютъ въ себѣ хотя слабый отголосокъ преданія, сохранившагося отъ временъ Иринея, Папія и апостола Іоанна. Никифоръ, приводя описанія, данныя Іоанномъ Дамаскинымъ въ восьмомъ столѣтіи, говоритъ, что Іисусъ похожъ былъ на Дѣву Марію; что Онъ былъ красивъ и поразительно высокъ ростомъ, съ свѣтлыми и нѣсколько вьющимися волосами, которыхъ никогда не касалась рука Его Матери, имѣлъ темныя брови, овальное лицо съ блѣднымъ и смугловатымъ оттѣнкомъ, свѣтлые глаза, нѣсколько сутуловатый станъ, и взглядъ, въ которомъ выражались терпѣніе, благородство и мудрость [1]). Знаменитое письмо, адресованное будто бы Лентуломъ, «предсѣдателемъ народа іерусалимскаго римскому сенату» [2]), хотя не древнѣе XII столѣтія, настолько однако же интересно для исторіи христіанскаго искусства, какъ очевидно заимствованное изъ давно-ходячихъ преданій, что мы можемъ привести его здѣсь сполна.

«Въ наши времена, говорится въ этомъ письмѣ, явился великой добродѣтели человѣкъ, по имени Христосъ Іисусъ... Онъ высокаго роста, прекрасенъ, имѣетъ благородное лицо, такъ что тѣ, кто смотрятъ на Него, любятъ и боятся Его. Онъ имѣетъ волнистые волосы, скорѣе даже кудрявые, виннаго цвѣта, которые лоснятся при спаденіи на плечи и раздѣляются по срединѣ головы по обычаю назореевъ [3]). Чело Его чисто и ровно, а лицо Его безъ всякихъ пятенъ или морщинъ, но рдѣетъ нѣжнымъ румянцемъ. Его носъ и ротъ безукоризненной красоты; Онъ имѣетъ окладистую бороду того же самаго орѣховаго цвѣта, какъ и волосы, не длинную, но раздвоенную. Глаза у Него голубые и очень свѣтлые [4]). Онъ страшенъ при укорѣ и любвеобиленъ

---

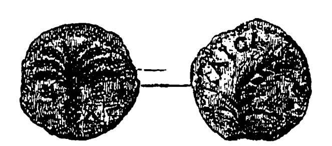
[1]) См. *Winer*, Realw. подъ слов. Jesus; Никифоръ, Церк. Ист. I, 40. Это описаніе вмѣстѣ съ описаніемъ псевдо-Лентула и Іоанна Дамаскина было издано Карпцовымъ, Helmstadt 1777 г. Подробнѣйшее изслѣдованіе этого предмета см. у L. *Glückselig*, Studien über J. Christ und sein wahres Ebenbild. Prag. 1863. См. Quart. Rev. 1867. Самыя раннія изображенія Христа въ катакомбахъ—имѣютъ чисто символическій характеръ (ягненокъ, рыба, Орфей и пр.).

[2]) Такой должности никогда не было и никто съ такимъ именемъ не занималъ никакого аналогичнаго положенія.

[3]) Онъ очевидно разумѣетъ назарянъ.

[4]) Нѣкоторыя черты въ этомъ описаніи напоминаютъ описаніе Давида въ юности (1Цар. XVI, 12): «Онъ былъ бѣлокуръ съ красивыми глазами и пріятнымъ лицемъ». Сн. XVII, 42; и Пѣсн. Пѣсн. V, 10: «Возлюбленный мой былъ румянъ, лучше десяти тысячъ другихъ... Кудри его волнистыя, черныя какъ воронъ, глаза его какъ голуби» и пр.

при увѣщаніи, веселъ, но съ сохраненіемъ достоинства. Его никогда не видѣли смѣющимся, но часто плачущимъ. Станъ Его прямой, а руки и члены Его прекрасны на видъ. Въ разговорѣ Онъ важенъ, скроменъ и умѣренъ; и Онъ прекрасенъ среди сыновъ человѣческихъ» [1]).



Монета «Кесаря» *).

ПРИЛОЖЕНІЕ VII (стр. 239).

ІУДЕЙСКОЕ УЧЕНІЕ ОБЪ АНГЕЛАХЪ И ДЕМОНАХЪ.

Отличительною особенностью восточнаго и особенно семитскаго ума является то, что онъ въ каждомъ событіи, даже самомъ заурядномъ, видитъ прямое вмѣшательство сверхъестественной силы—безчисленныхъ невидимыхъ слугъ божественной воли,—какъ добрыхъ, такъ злыхъ. Окончательная форма, въ которую облеклось это вѣрованіе, по признанію самихъ іудеевъ, была заимствована ими въ Вавилонѣ [2]).

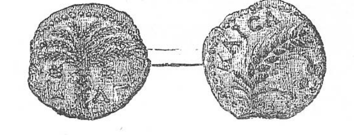
Даже на самыя обыкновенныя силы природы и явленія духа Іудеи смотрѣли какъ на ангеловъ. Такъ, въ Іер. Таргумѣ на Второз. IX, 19 сказано, что для наказанія израильтянъ за поклоненіе золотому тельцу Богъ послалъ пять ангеловъ—негодованіе, гнѣвъ, ярость, разрушеніе и истребленіе. Они также буквально истолковывали стихъ псалма: «Ты творишь ангелами Твоими духовъ, служителями Твоими огонь пылающій (Пс. CIII, 4).

---

[1]) *B. H. Cowper*, The Apocr. Gospels, стр. 221; *Hofmann*, стр. 291—294; *Hase*, стр. 80. Изображенія Христа впервые возникли на украшеніяхъ и пр. гностиковъ, напр. василидіанъ, карпократіанъ и пр.; но символическія изображенія были въ ходу въ катакомбахъ (Ирин. c. Haer. I, 24; Иппол. Philosoph. VII, 32). Статуя Христа будто проникла даже въ домашній lararium императора Александра Севера (*Lamprid.* Vit. Alex. Sever. c. 29). Но наибольшею извѣстностью пользовалось изображеніе, находившееся въ Кесаріи Филипповой (Паніѣ), представлявшее исцѣленіе кровоточивой женщины, какъ о немъ разсказывается въ апокрифическомъ сказаніи о Вероникѣ (*Cowper*, ст. 233; *Hofmann*, 293, 354, 357). Евсевій видѣлъ его, но относится съ пренебреженіемъ (Церк. Ист. VII, 18) и Юліанъ, какъ говорятъ, уничтожилъ его (Созоменъ, Церк. Ист. V, 20; Филост. Ц. И. VII, 3). О другихъ сказаніяхъ въ родѣ чудеснаго отображенія на платкѣ Вероники, саванѣ Никодима и пр. достаточно только упомянуть здѣсь.

[2]) *Рошъ Гашшанна*, 56; *Gfrörer*, Jahrh. d. Heils I, 124. Свѣдѣнія этого приложенія заимствованы главнымъ образомъ изъ Гфрёрера и Франкля Jews in the East. Демонологія Гёте въ «Фаустѣ» имѣетъ по преимуществу талмудическій характеръ и заимствована у Эйзенменгера.

*) Эта бронзовая монета единственными на ней словами KAICA-POC («кесаря») на оборотѣ иллюстрируетъ отвѣтъ, который фарисеи дали на вопросъ Спасителя. Въ срединѣ видѣнъ колосъ пушистой пшеницы, а на другой сторонѣ, вмѣсто ненавистнаго лица царствующаго императора, плодоносная пальма—въ память тѣхъ знаменитыхъ рощъ, которыми Иродъ славился даже въ Римѣ, какъ мы знаемъ изъ Горація («Herodis palmetis pinguibus». Epist. II, 2, 184). Буквы L—AГ означаютъ годъ 33 съ того времени, когда Октавіанъ получилъ титулъ Augustus, т.-е. въ 6 г. по Р. Хр., въ годъ изгнанія Архелая.



Монета «Кесаря» *).

Число ангеловъ—*цеба гашааимъ*—было безконечно. Р. Еліезеръ говоритъ, что на Синай сходило 600,000 ангеловъ, по числу 600,000 израильтянъ [1]), а въ трактатѣ *Баб. берахотъ* (32 b) мы находимъ слѣдующую исторію: «Согласно рав. Ришъ Лакишъ, Ис. XLIX, 14 нужно понимать такъ. Церковь израилева жалуется Богу: «Господь міра, даже человѣкъ, беря другую жену, помнитъ о первой; Ты же забылъ меня. Но Богъ отвѣчалъ: Дочь, у меня 12 *мазалотъ* (знаковъ зодіака) и на каждый *массалъ* 30 *хелъ* (начальниковъ), у каждаго *хела* 30 легіоновъ (генераловъ), у каждаго легіона 30 *рабатонъ* (офицеровъ), у каждаго *рабатона* 30 *картонъ* (капитановъ), у каждаго *картона* 30 *кистра* (лагерей) и каждому *кистрону* принадлежитъ 3,650,000,000 *звѣздъ*. Все это Я сотворилъ для тебя, а ты говоришь, что Я забылъ тебя».

Все это очевидно составитъ число *цебаотъ* (небесныхъ силъ) 12×30×30×30×30×30×3,650,000, что будетъ 1,064,340,000,000,000, т.-е. одинъ триллiонъ, шестьдесятъ четыре билліона, триста сорокъ тысячъ милліоновъ; или по французскому обозначенію (рекомендованному, какъ говоритъ Литтре, Локкомъ) одинъ квинтилліонъ и пр. Множители очевидно составляютъ смѣсь дней, мѣсяцевъ и пр.; причемъ тѣ же множители случайно повторяются для того, чтобы не быть замѣченными. Военные термины (castra и пр.) интересно сопоставить съ Λεγεών у Марк. V, 9; потому что бѣсы, какъ предполагалось, имѣли подобную же военную организацію. Виръ, въ своемъ сочиненіи «De Praestigiis Daemonum», насчитываетъ, что всѣхъ бѣсовъ 7,405,926.

Ангелы раздѣлялись на чины и классы, «престолы, господства, силы, начальства, власти», на что повидимому, намекается въ посланіи къ Ефес. I гл. 21 стихъ.

Злые духи—потомки, согласно различнымъ раввинскимъ легендамъ, Адама и Лилиѳы, или Саммаила и Евы, или «сыновъ Божіихъ и дочерей человѣческихъ»—были также многочисленны. Имъ приписывались многія изъ такихъ явленій, которыя мы несомнѣнно объяснили бы естественными причинами, особенно явленія припадковъ, какъ это ясно описывается въ книгѣ Еноха (XV, 8).

Обиталищемъ ихъ была область воздушная (Іоан. XII, 31; XIV, 30; 2 Кор. IV, 4, и особенно Ефес. II, 2; VI, 12) и они считались полными распорядителями существующаго порядка вещей. Преувеличеніе этого взгляда повело къ извѣстной евіонитской ереси и въ книгѣ *Зогаръ* сатана называется даже «вторымъ Богомъ» (*Элъ ахеръ*, ср. 2 Кор. IV, 4) Рав. Іошуа Бенъ Леви говоритъ, что онъ имѣетъ семь именъ—похоть, нечистота, ненавистникъ и пр. и «сынъ полночи» (Іоиль II, 20 *евр.* текстъ).

Въ трактатѣ *Баб. берахотъ* (6 а) говорится, что еслибы мы могли видѣть бѣсовъ, то не выдержали бы потрясенія. Каждый человѣкъ имѣетъ ихъ 10,000 въ правой и 1,000 въ лѣвой рукѣ. Они особенно могущественны ночью; поэтому не должно ночью привѣтствовать никого, изъ опасенія, чтобы не привѣтствовать дьявола (*Сангедр*. 44 а). Они живутъ по преимуществу въ развалинахъ, пустыняхъ и кладбищахъ, подъ деревьями (особенно подъ «служебнымъ древомъ») и въ грязныхъ мѣстахъ.

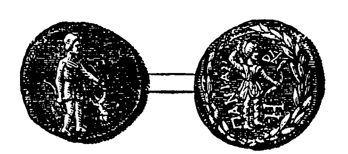
Головную боль причинялъ бѣсъ по имени *Кардаикусъ*. Въ ночь на субботу всѣ бѣсы скрываются кромѣ Асимана, который рождающихся дѣтей дѣлаетъ припадочными.

Вѣрованіе въ этихъ *шедимъ* или злыхъ духовъ остается во всей силѣ до настоящаго времени. «Въ Іерусалимѣ есть дома, въ которыхъ мужчины не могутъ жить вмѣстѣ съ женщинами; злые духи не позволяютъ этого; и поэтому въ нихъ живутъ

---

[1]) Pirke Eliezer, 41.

только женщины». Знаменитый каббалистъ Іегуда Бива изъ Корфу заявлялъ, что они не имѣютъ власти на западѣ. *Халеби*, древнее головное покрывало іудейскихъ женщинъ, специально изобрѣтено было для отогнанія *шедимовъ*, которые сидятъ на волосахъ у женщинъ съ непокрытыми головами (см. 1 Кор. xi, 10). «Безобразіе его развѣ равняется только трудности описать его»: это нѣчто въ родѣ шиньона, но только все дѣлается изъ полотна и закрываетъ всѣ волоса тѣхъ, кто его носитъ [1]).



Монета Панеи *).

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII (стр. 259).

Безъименный праздникъ Іоан. V, 1, и продолжительность служенія.

«Послѣ сего (исцѣленія сына царедворца), говоритъ ев. Іоаннъ, былъ праздникъ іудейскій, и пришелъ Іисусъ въ Іерусалимъ».

Что это былъ за праздникъ—это вопросъ, который какъ ни интересенъ самъ по себѣ и ни важенъ для опредѣленія продолжительности служенія Спасителя, по всей вѣроятности никогда не получитъ окончательнаго отвѣта. Цѣлые томы написаны о немъ, но входить въ разсмотрѣніе всѣхъ данныхъ и мнѣній, представляемыхъ ими, было бы излишне и притомъ не привело бы ни къ какому концу или рѣшительному убѣжденію. Несмотря на терпѣливыя изысканія и ученые труды, потраченные на его разсмотрѣніе, данныя всетаки видимо недостаточны для того, чтобы съ убѣдительностью рѣшить, какъ долго Христосъ училъ на землѣ, и кажется нѣтъ никакой возможности достигнуть болѣе или менѣе достовѣрнаго рѣшенія этого глубокоинтереснаго вопроса. Мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣчаній, по возможности краткихъ и ясныхъ:

1) Ев. Іоаннъ все свое повѣствованіе сосредоточиваетъ около іудейскихъ праздниковъ [2]) и упоминаетъ:

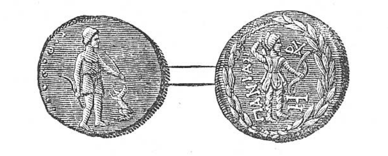
I. «Пасху іудейскую» (ii, 13) τὸ πάσχα τῶν Ἰουδαίων

---

[1]) См. *Francl*, Jews in the East, англ. перев. ii, 160 и сл.; i, 227, и пр.

[2]) См. *Browne*, Ordo saeclorum, стр. 91.

*) Бронзовая монета города Панеи своимъ рисункомъ на обѣихъ сторонахъ показываетъ, что этотъ городъ всецѣло посвященъ былъ культу греческихъ боговъ. На лицевой сторонѣ стоящая фигура Аполлона, съ лукомъ въ правой и стрѣлой въ лѣвой рукѣ; у ногъ его кроликъ. На оборотѣ фигура Діаны съ поддернутымъ вверхъ платьемъ, такъ что обнажены колѣна; въ лѣвой рукѣ она держитъ лукъ, а правой вынимаетъ стрѣлу изъ колчана, висящаго за плечами. Позади ея слова ΠΑΝΙΑΣ ΚΑΙΣ—т.-е. «Панія—городъ кесаря», и кромѣ того монограмма и единичная буква, которыя вѣроятно означаютъ имена какого-нибудь неизвѣстнаго художника или гравера. Все это заключено въ масличномъ вѣнкѣ.



Монета Панеи *).

II. «Праздникъ iудейскiй» (v, 1) ἑορτὴ или ἡ ἑορτὴ τῶν Ἰουδαίων [1]).

III. «Пасху праздникъ iудейскiй» (vi, 4) τὸ πάσχα ἡ ἑορτὴ τῶν Ἰουδαίων.

IV. «Праздникъ iудейскiй: поставленiе кущей» (vii, 2) ἡ ἑορτὴ τῶν Ἰουδαίων ἡ σκηνοπηγία.

V. «Праздникъ обновленiя» (x, 22) τὰ ἐγκαίνια.

VI. «Пасху iудейскую» (xi, 55) τὸ πάσχα τῶν Ἰουδαίων.

2) Праздники iудейскiе шли въ извѣстномъ порядкѣ, и если взять одинъ извѣстный годъ, то можно (хотя конечно и не съ абсолютною и безспорною достовѣрностью) опредѣлить даже день мѣсяца и недѣли, когда они случались. Напр., возьмемъ 28 г. по Р. Хр. и тогда будетъ:

Нисанъ	1	вторн. марта	16	Iудейскiй день новаго года.
»	14	понед. »	29	Пасха, дни опрѣсноковъ, продолжавшихся въ теченiе семи дней.
Сиванъ	6	среда мая	19	Пятидесятница.
Тисри	10	субб. сент.	18	День очищенiя.
»	15—21	» »	23—29	Праздникъ кущей.
Кислевъ	25	среда дек.	1	Праздникъ обновленiя.
Веадаръ	14	субб. марта	19	Пуримъ [2]).

Этотъ послѣднiй праздникъ былъ бы такимъ образомъ почти за мѣсяцъ до пасхи *слѣдующаго* года, 29 по Р. Хр., въ которомъ пасха выпала на *17 апрѣля*.

3) Упомянутый здѣсь праздникъ едва ли могъ быть пасхой или праздникомъ кущей, потому что, какъ мы видѣли, ев. Iоаннъ, говоря объ этихъ праздникахъ, упоминаетъ ихъ поименно; въ дѣйствительности оба эти праздника носили греческiя названiя (πάσχα и σκηνοπηγία), хорошо извѣстныя греческимъ читателямъ, и поэтому не было основанiй для опущенiя здѣсь названiя какого-нибудь изъ нихъ. Предполагать же, что это опущенiе произвольно и случайно, конечно, невозможно. Но есть еще болѣе вѣскiя основанiя противъ предположенiя, что здѣсь разумѣется одинъ изъ этихъ двухъ великихъ праздниковъ. а) Еслибы это была пасха, то ев. Iоаннъ опустилъ бы *цѣлый годъ* служенiя Спасителя (vi, 4), не упомянувъ о немъ ни единымъ словомъ; но онъ не могъ быть б) и праздникомъ кущей, непосредственно слѣдующимъ за первой пасхой, упомянутой ев. Iоанномъ, потому что шести мѣсяцевъ было бы слишкомъ недостаточно для всѣхъ событiй, совершившихся со времени путешествiя черезъ Самарiю (Iоан. ii, 13); в) не могъ онъ быть и праздникомъ кущей послѣдующаго года, потому что тогда прошло бы цѣлыхъ полтора года безъ всякаго посѣщенiя Iерусалима. Однимъ словомъ, если мы допустимъ, что послѣ своей пасхи Спаситель провелъ нѣсколько времени въ Iудеѣ и затѣмъ, быть можетъ *за четыре мѣсяца до жатвы* (Iоан. iv, 35), прошелъ Самарiей на своемъ пути въ Галилею, и затѣмъ, если предположимъ, на что есть основанiе, что упоминаемая у Iоанна vi, 4 пасха была уже *второй*, на ко-

---

1) Чтенiе крайне сомнительное. Манускрипты Александрiйскiй и Ватиканскiй, а также кодексъ Безы не имѣютъ члена; съ другой стороны кодексъ Ефрема и Синайскiй имѣютъ его. Вѣроятнѣе, что онъ былъ *вставленъ*, чѣмъ *опущенъ*, и еслибы мы могли быть увѣрены въ томъ, что его не было въ первоначальномъ текстѣ, то это было бы почти рѣшительнымъ доказательствомъ того, что это не была пасха или праздникъ кущей.

2) *Wieseler*, Chron. Syn., англ. пер. 434.

торой присутствовалъ Онъ, тогда мы должны искать этого непоименованнаго праздника гдѣ-нибудь между концомъ зимы и жатвой, то-есть между мѣсяцами кислевомъ или декабремъ и нисаномъ 16, когда приносились въ жертву плоды пшеницы и формально начиналась жатва.

Если эти основанія и не имѣютъ безусловно-рѣшающаго характера, они всетаки по крайней мѣрѣ очень вѣски и съ принятіемъ ихъ исключается предположеніе здѣсь *великихъ* іудейскихъ праздниковъ.

4) Обращаясь поэтому къ меньшимъ праздникамъ, мы находимъ только одинъ, въ отношеніи котораго мы можемъ видѣть *основаніе* для опущенія его названія, именно праздникъ *пуримъ*. Одно то обстоятельство, что это меньшій праздникъ, не было бы достаточнымъ основаніемъ для опущенія названія, такъ какъ евангелистъ Іоаннъ, какъ мы видѣли, называетъ по имени сравнительно незначительный и человѣческой волей установленный праздникъ обновленія.

Но названіе этого праздника выражалось общеизвѣстнымъ греческимъ словомъ (ἐγκαινία) и объяснялось само собою; между тѣмъ праздникъ пуримъ былъ чисто іудейскій и упоминаніе его названія безъ объясненія было бы непонятнымъ. Пуримъ означаетъ «жребіи», и еслибы евангелистъ Іоаннъ просто перевелъ это названіе по-гречески, то это могло бы повести къ очень ошибочнымъ мнѣніямъ. Единственно равносильныя съ нимъ греческія слова Φρουραὶ или ἡ Μορδοχαϊκὴ ἡμέρα, и ни одно изъ нихъ не было общеизвѣстнымъ или общепонятнымъ въ языческомъ мірѣ [1]). Затѣмъ то обстоятельство, что это былъ совсѣмъ не важный, не религіозный и меньше всего соблюдавшійся изъ праздниковъ іудейскихъ, могло служить новымъ основаніемъ для оставленія его названія неупомянутымъ.

Браунъ въ своемъ весьма ученомъ и тщательномъ, но не убѣдительномъ сочиненіи «Ordo saeclorum» приводитъ сильный рядъ доводовъ въ доказательство того, что служеніе Спасителя продолжалось только въ теченіе одного года и нѣсколькихъ недѣль (стр. 342—391). Онъ много полагается на различные астрономическіе аргументы, которые держатся на сомнительныхъ данныхъ, и на преданія, которыя не только противорѣчивы, но и могутъ быть легко объяснимы.

Оригенъ (De principiis, IV, 5) говоритъ: ἐνιαυτὸν καί που καὶ ὀλίγους μῆνας ἐδίδαζεν, и доказываетъ божественность Спасителя тѣмъ, что короткаго года ученія было достаточно—такъ «полны благодати были уста его»—для того, чтобы обновить міръ [2]). Таково было самое древнее мнѣніе, и однако же, какъ откровенно заявляетъ Браунъ, Мелитонъ, Ириней и др. держатся совсѣмъ другаго взгляда; Ириней говоритъ какъ о достовѣрномъ фактѣ, заимствованномъ преданіемъ отъ евангелиста Іоанна, что Спаситель во время своей смерти былъ между сорока и пятидесятью годами отъ роду (c. Haeres. II, 22, 5).

Преданіе о томъ, что служеніе Спасителя продолжалось только одинъ годъ, находитъ достаточное объясненіе у Лук. IV, 19, гдѣ выраженіе «лѣто Господне» св.

[1]) Пуримъ есть испорченное персидское слово *баре* «жребіи» (ср. pars), которое I. Флавій и LXX передѣлали въ φρουραὶ и φρουραῖοι. Эвальдъ давно уже указалъ на то (Morgenl. Zeitschr. III, 415), что праздникъ этотъ считался «*предварительнымъ празднованіемъ пасхи*».

[2]) Даже Оригенъ не чуждъ противорѣчія съ самимъ собой. См. c. Cels. II, стр. 397 и на Матѳ. XXIV, 15 (*Gieseler*, Церк. Ист. англ. перев. I, 55).

Климентъ Александрійскій прямо приводитъ въ подтвержденіе этого взгляда (καὶ ὅτι ἐνιαυτὸν μόνον ἔδει αὐτὸν κηρῦξαι καὶ τοῦτο γέγραπται οὕτως. ἐνιαυτὸν δεκτὸν κυρίου κηρῦξαι ἀπέστειλέν με, Strom. I, XXI, § 145). Преданіе касательно лѣтъ Спасителя заимствовано изъ изумленнаго замѣчанія іудеевъ въ Іоан. VIII, 57 [1]). Мы уже видѣли, что ни одно изъ этихъ мѣстъ не даетъ права на тѣ заключенія, которыя дѣлаются на основаніи ихъ. Это уже давно было замѣчено, и даже Ипполитъ, ученикъ Иринея, говоритъ, что Спаситель умеръ тридцати-трехъ лѣтъ отъ роду [2]). Евсевій (Ц. И. I, 10), Өеодоритъ (на Дан. IX, 27), Іеронимъ (тамъ же) и другіе свидѣтельствуютъ согласно съ нимъ.

Браунъ далѣе остроумно доказываетъ, что если предположить продолжительность служенія въ одинъ годъ, и *если исключить изъ* Іоан. VI, 4 τὸ πάσχα, то можно предполагать, что ев. Іоаннъ даетъ праздники одного года въ правильномъ хронологическомъ порядкѣ, именно:

1) Пасха (II, 13)	Мартъ
2) Пятидесятница (V, 1)	Май
3) Праздникъ кущей (VI, 4; VII, 2)	Сентябрь
4) Праздникъ обновленія (X, 22)	Декабрь
5) Пасха распятія	Мартъ.

Но этотъ взглядъ находитъ роковое для себя обстоятельство въ томъ, что, несмотря на нѣкоторыя ссылки и выраженія отцовъ, въ *лучшихъ манускриптахъ нѣтъ ни малѣйшаго* основанія въ пользу опущенія τὸ πάσχα, упоминаемой въ Іоан. VI, 4 [3]). Въ такомъ случаѣ, ев. Іоаннъ очевидно и несомнѣнно упоминаетъ три пасхи. Если, какъ можно съ вѣроятностью предполагать на основаніи другихъ данныхъ, во время своего служенія Спаситель на одной пасхѣ *не былъ* въ Іерусалимѣ, то служеніе Христа, какъ теперь признаетъ большинство изслѣдователей, продолжалось три года и нѣсколько недѣль или быть можетъ мѣсяцевъ. Этимъ можетъ объясняться замѣчательное указаніе на три года и на отсрочку еще на одинъ годъ въ притчѣ о неплодномъ деревѣ у Лук. XIII, 7, 8.

ПРИЛОЖЕНІЕ IX (стр. 312).

Лицемѣріе фарисеевъ.

Главная задача фарисеевъ состояла въ томъ, чтобы составлять «ограду» устнаго преданія вокругъ закона. Епифаній, подъискивая слово для возможно сильной характеристики ихъ, говоритъ, что они получили свое названіе отъ своей ἐθελοπερισσοθρησκεία [4]) добровольнаго, усерднаго, внѣшняго служенія; и однако же, несмотря на такое нео-

---

[1]) Чтеніе τεσσάρακοντα, принятое Златоустомъ, Евөиміемъ и проч., вѣроятно составляетъ простую поправку и не подтверждается лучшими манускриптами. Іудеи дали Христу пятьдесятъ лѣтъ круглымъ числомъ, имѣя въ виду только указать на Его полную возмужалость.

[2]) На Дан. IV. Вордсвортъ ad loc.

[3]) Браунъ самъ основывается на предположеніи, что эта вставка неизвѣстна Иринею, Оригену, Клименту, Тертулліану и др.

[4]) Haeres. XVI, 34.

бычайное заявленіе, они готовы были прибѣгать ко всякимъ уловкамъ, чтобы обойти законъ, когда онъ не согласовался съ ихъ интересами и намѣреніями [1]). Быть можетъ самымъ поразительнымъ примѣромъ этого служитъ способъ, посредствомъ котораго они ухитрялись освобождать себя отъ постановленнаго ими самими обязательства не проходить въ субботній день болѣе 2000 локтей [2]).

У фарисеевъ былъ обычай собираться на *сисситіи* или общія ежедневныя пирушки, которыя они обставляли самыми строгими условіями и во всѣхъ отношеніяхъ уподобляли ихъ священническимъ вечерямъ. Но такъ какъ дома ихъ часто находились болѣе чѣмъ на 2000 локтей отъ мѣста собранія и такъ какъ носить бремя въ субботу было строго запрещено (Неем. XIII, 15; Іерем. XVII, 21; Исх. XVI, 29), то имъ, безъ помощи уловки, пришлось бы отказаться отъ общихъ пиршествъ въ тотъ самый день, въ который они больше всего любили ихъ. Небольшая уловка однако же освобождала ихъ отъ этого затрудненія.

Вечеромъ передъ субботой они клали нѣсколько пищи на разстояніи 2000 локтей отъ своего дома, дѣлая такимъ образомъ мнимый домъ: отъ этого мнимаго дома затѣмъ можно было пройти еще 2000 локтей до мѣста собранія, позволяя себѣ такимъ образомъ двойное разстояніе противъ узаконеннаго. Такая лицемѣрная продѣлка мягко называлась «сочетаніемъ мѣстъ» или *эрубъ* («смѣшеніе»—עירוב), названіе, подъ которымъ она извѣстна и теперь [3]). Чтобы побороть дальнѣйшія затрудненія, прибѣгали еще къ болѣе жалкой уловкѣ: по улицамъ разставляли косяки и притолки дверей, такъ что все пространство между ними можно было считать какбы однимъ огромнымъ домомъ [4]).

Могли ли быть слишкомъ строги поэтому пылающія слова обличенія въ отношеніи такой игры съ постановленіями, которыя считались божественными и священными и за нарушеніе которыхъ фарисеи готовы были мстить нарушителю смертью? Они должно быть думали, что легко обмануть какъ Божество, такъ и совѣсть [5]).

Саддукеи также обходили эти затрудненія, но болѣе смѣлыми и не столь жалкими способами, спокойно утверждая, что ихъ обѣды составляли продолженіе храмоваго служенія и поэтому къ нимъ относится положеніе, что «нѣтъ субботства въ храмѣ».

Такихъ примѣровъ можно привести множество. Напр., если у іудея умираетъ

---

[1]) «Одною изъ важныхъ задачъ фарисеевъ было обходить постановленія закона въ интересѣ новыхъ потребностей» (*Derenbourg*, Hist. Pal. 144). «Дѣланіе ограды вокругъ закона было однимъ изъ наставленій Симона праведнаго» (Pirk. Abhoth I, 1; *Jost*, I, 95). Нѣсколько дальнѣйшихъ замѣчаній см. ниже въ приложеніи XIV.

[2]) Постановленіе это основано на вычурныхъ выводахъ изъ Исх. XXI, 13; XVI, 29. Въ послѣднемъ мѣстѣ выраженіе «болѣе 2000 локтей» вставлено іер. Таргумомъ. См. великолѣпныя и обстоятельныя статьи Гинсбурга «Sabbath day's Journey» и «Pharisees» въ *Kitto*, Bible Cyclopedia.

[3]) У палестинскихъ евреевъ (особенно въ Сафедѣ) много такихъ жалкихъ продѣлокъ.

[4]) Эти *эрубинъ* или «сочетанія», т.-е. соотношеніе мѣстъ и предметовъ въ отношеніи соблюденія субботы, занимаютъ десять главъ въ *Седеръ-моэдъ*. Изобрѣтеніе ихъ приписывается Соломону (*Шабб.* 14, 2. *Reland*, Antt. Hebr. 524).

[5]) Нѣчто подобное встрѣчается въ Индостанѣ, гдѣ кастовое раздѣленіе оберегается съ самою мелочною и тщательною заботливостью—кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ это стоитъ въ *противорѣчіи съ обыденными интересами*, какъ напр. при путешествіи по желѣзнымъ дорогамъ.

волъ, то онъ можетъ убить его и въ *святой день*, если только съѣстъ кусокъ мяса величиною съ плодъ маслины, чтобы показать, что волъ былъ убитъ для необходимаго питанія. Если іудею нужно купить что-нибудь такое, что продается вѣсомъ или мѣрой, то онъ можетъ купить и въ святой день, если только расплатится на слѣдующій день и при покупкѣ не упомянетъ названія вѣса или мѣры покупаемой вещи. Если іудею нужно купить скота, птицъ и пр. въ святой день, то онъ можетъ купить, только не долженъ упоминать о деньгахъ или о требующемся ему количествѣ. Онъ можетъ покупать у мясника въ святой день, только не долженъ говорить: «дай мнѣ мяса на столько-то денегъ», а только—«дай мнѣ порцію или полпорціи», и притомъ заплатить на слѣдующій день [1]). Можно ли при самой великодушной снисходительности не назвать все это законничествомъ, измышленнымъ съ цѣлью обмануть Бога исполненіемъ буквы, а не духа? Слишкомъ ли сурово слово «лицемѣры» для тѣхъ, кто такія уловки возвели въ священную систему?

Другой примѣръ того же рода интересенъ по тому способу, какъ они относились къ субботнему году. «До Христа и во время Его они обходили законъ о прощеніи долговъ тѣмъ, что считали доблестнымъ дѣломъ со стороны должника, если онъ самъ не пользовался Моисеевымъ постановленіемъ, а уплачивалъ свои долги, несмотря на субботній годъ. Но, чтобы не стать въ вопіющее противорѣчіе съ закономъ, эти мудрецы постановили, что кредиторъ долженъ сказать: «согласно съ субботнимъ годомъ я прощаю тебѣ долгъ», на что должникъ долженъ отвѣтить: «я всетаки хочу заплитить его», и затѣмъ кредиторъ получалъ деньги» [2]). Дѣйствительно остроумная уловка, но едва ли терпимая въ людяхъ, которые заявляли сильное усердіе и безграничную преданность ко всякому положенію, слову и даже ко всякой буквѣ Моисеева законодательства. Можно бы подумать, что всѣ эти законническія уловки вызваны ложнымъ положеніемъ. Но гораздо болѣе постыдное доказательство систематическаго лицемѣрія представляетъ совѣтъ, данный раввиномъ Ила тѣмъ, кто страдалъ отъ искушеній чувственности. Онъ встрѣчается въ двухъ мѣстахъ талмуда [3]). Мы не можемъ привесть этихъ мѣстъ, но сущность ихъ заключается въ томъ, что грѣхъ прелюбодѣянія позволителенъ, если онъ умѣло скрытъ. Другое раввинское правило касательно развода представляетъ собой такое же тонкое лицемѣріе, такую же циническую поблажку. «Человѣкъ не долженъ жениться на женщинѣ *съ намѣреніемъ* развестись съ ней; но если онъ заранѣе заявитъ ей, что женится на ней только на время, то разводъ позволителенъ» [4]).

Затѣмъ, несмотря на заявленія безграничнаго благоговѣнія къ св. писанію, многія схемы толкованія—*Гематрія*, *Нотариконъ* и пр.—направлены были къ обхожденію фактовъ и смысла, когда они были непріятны имъ. Примѣровъ этого много у LXX, и

---

[1]) См. подлинныя мѣста, цитируемыя въ *McCaul*, Old Paths, стр. 108 и сл.

[2]) *Ginsburg*, «Sabbatical Year», въ Kitto, III, 722. Наиболѣе благопріятный взглядъ для этихъ законническихъ фикцій см. *Astruc*, Studies on the Pentateuch и *Judah Ben Halévy*, The Khosari, III, §§ 46, 47, привед. въ *Cohen*, Les Deicides, XI, 3.

[3]) *Баб. Киддушимъ*, 40 а; *Хагига*, 16 а. См. натянутыя замѣчанія Гфрёрера. «Лицемѣріе есть *порокъ*, къ которому люди весьма склонны по самой своей природѣ, и если оно находитъ одобреніе въ священныхъ авторитетахъ, какъ здѣсь, то оно распространяется на всѣ слои» (Jahrh. d. Heils, I, 167).

[4]) *McCaul*, Old Paths, стр. 376.